

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

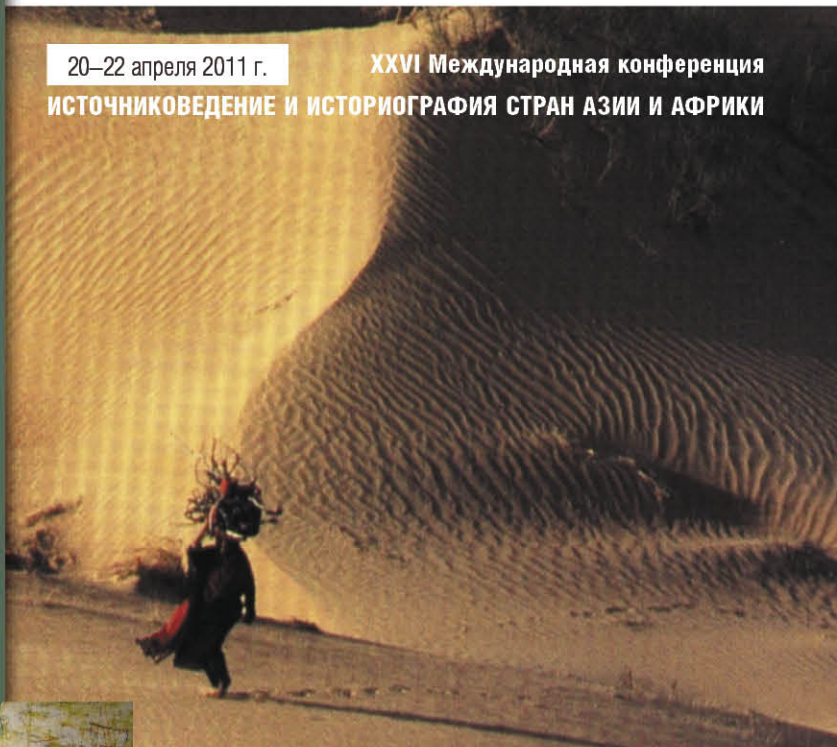
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИИ

20–22 апреля 2011 г.

XXVI Международная конференция
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

MODERNIZATION AND TRADITIONS

XXVI International Conference

April 20–22, 2011

ON SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF ASIA AND AFRICA

XXVI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

2011

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES**

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXVI INTERNATIONAL CONFERENCE
ON SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY
OF ASIA AND AFRICA

«MODERNIZATION AND TRADITIONS»

APRIL 20-22, 2011

ABSTRACTS

St.Petersburg
2011

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXVI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

«МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИИ»

20-22 апреля 2011

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2011**

**ББК 63.3(5)+ 63.3(6)
М74**

**Издание материалов конференции осуществлено
при финансовой поддержке**

Благотворительного фонда «УРАЛ»

Института Конфуция в СПбГУ

РФФИ, проект №11-06-06806-моб_г

***Центра тюркских исследований
имени Ахмет-Заки Валидова СПбГУ***

Академии Корееведения, Республика Корея

*Печатается по постановлению
Ученого совета Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

**М74 «Модернизация и традиции»: XXVI международная
конференция по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки, 20-22 апреля 2011 г.: Тезисы докладов/
Отв.ред. Н.Н.Дьяков и А.С.Матвеев. – СПб., 2011. – 480 с.**

ББК 63.3(5)+ 63.3(6)

ISBN 978-5-88812-468-0

© Восточный
факультет СПбГУ, 2011
© Издательство РХГА, 2011

СЕКЦИЯ 1.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
АРАБСКИХ СТРАН
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF ARAB COUNTRIES

А.И. Абалян
(Ф-т политологии СПбГУ)

Пограничный диспут как источник ирако-кувейтских противоречий

Проблема определения ирако-кувейтской границы впервые возникла после провозглашения независимости Ирака и вступления его в Лигу Наций в 1932 г. В результате длительных переговоров было достигнуто соглашение о делимитации границ, но вопреки ожиданиям кувейтской стороны за делимитацией границы не последовала ее демаркация, что послужило источником многолетнего конфликта между Ираком и Кувейтом.

Начиная с 1937 г., когда посол Германии в Багдаде поставил вопрос о присоединении Кувейта к Ираку в рамках проекта союза стран Персидского залива под эгидой Хашимитского трона, эта идея стала одним из политических приоритетов иракских лидеров. Следующая попытка объединения с Кувейтом была предпринята Н. Саидом в конце 1950-х гг. при создании Арабского Федеративного Союза, включавшего Ирак и Иорданию, однако революция 1958 г. в Ираке разрушила и эти планы.

В 1961 г. во время очередного политического кризиса глава нового революционного режима генерал Касем возобновил уже традиционные притязания на территорию Кувейта, воспользовавшись тем, что Кувейт вышел из-под английского протектората. Однако резко негативная реакция стран мирового сообщества вынудила Касема в 1963 г. официально признать независимый статус Кувейта. В 1973 г. иракское баасистское правительство предложило урегулировать давний пограничный диспут, претендуя, однако, на часть территории Кувейта, в частности, острова Варба и Бубиян, и на окончательность нефтяного месторождения ар-Румейла. И наконец в 1990 г. правительство С. Хусейна, объявив Кувейт своей «19-й провинцией», аннексировало его территорию, превратив тривиальный пограничный диспут в крупный международный конфликт, который завершился сокрушительным поражением Ирака.

Формальным основанием, для того чтобы претендовать на территорию Кувейта, служили заявления лидеров Ирака о том, что Кувейт как часть бывшего османского пашалыка Басра принадлежит Ираку по праву наследования. В данном случае в отличие от большинства пограничных конфликтов, в особенности на Ближнем Востоке, представляет-

ся возможным доказать беспочвенность подобных притязаний Ирака при помощи кувейтских, турецких и европейских источников, в том числе географических карт XVIII и XIX вв.

И.Л. Алексеев

(РГГУ; Фонд Марджани, Москва)

**Возвращение истории: концепция Ибн Халдуна
в трудах Азиза ал-Азме и Роберта Шимона**

В последние три десятилетия почти двухсотлетняя традиция изучения теоретического наследия Ибн Халдуна (1332–1406) находится под влиянием «историографического разворота», повлекшего существенные изменения в подходах к интерпретации ибн-халдуновской концепции исторического развития, изложенной в его знаменитом трактате *Мукаддима*. Одним из первых представителей этого «историографического разворота» был Азиз ал-Азме¹, на рубеже XX–XXI вв. одной из наиболее значимых работ этого направления явилась фундаментальная монография Р. Шимона².

Работа ал-Азме представляет собой радикальную постмодернистскую критику халдуноведения XIX–XX вв., изучающего, по мнению автора, не реального мыслителя в контексте его эпохи, а «ориенталистский образ» Ибн Халдуна, созданный европейской наукой и «открытый» ею же арабским ученым. В этой критике, очевидно, не оставшейся без влияния известной работы Э. Саида³, которая, правда, ни разу не упоминается у ал-Азме, автор рассматриваемой работы не был пионером, однако он одним из первых достиг с ее помощью существенных позитивных результатов.

Исходной посылкой ал-Азме является тезис о неоправданной модернизации взглядов Ибн Халдуна, содержания и самого предмета его теории в европейской и арабской научной литературе XIX–XX вв. В этой литературе Ибн Халдун не только преподносится как «отец-основатель» и предшественник разнообразных современных социально-политических наук, но и – что гораздо хуже – его взгляды вольно или невольно рассматриваются через призму этих современных дисциплин.

¹ Al-Azmeh, Aziz (1981). *Ibn Khaldūn in Modern Scholarship: A Study of Orientalism*. London: Third World Center for Research and Publishing; Al-Azmeh, Aziz (2003). *Ibn Khaldūn: An Essay in Reinterpretation*. Budapest: Central European University Press. (First published in London: Cass, 1982).

² Simon, Robert (2002). *Ibn Khaldūn. History as a Science and the Patrimonial Empire*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002 (Hungarian edition: 1999).

³ Said, Edward W. (1978). *Orientalism*. N.Y.: Random House.

Подобная модернизация Ибн Халдуна не только некорректна с исторической точки зрения, но и закрывает путь к подлинному пониманию самого предмета его теоретической мысли. Преодоление этой неоправданной модернизации автор рассматриваемой работы осуществляет на пути деконструкции не только «ориенталистского дискурса», но и самого текста Ибн Халдуна, привлекая методики постструктуралистского дискурсивного анализа и текстологической герменевтики [Al-Azmeḥ, 2003: xiv–xv].

В результате автор приходит к основному тезису, раскрытию которого и посвящена его работа: труд Ибн Халдуна с точки зрения его предмета не имеет отношения к социологии, политологии или чему-либо подобному. Предметом рассмотрения мыслителя является именно *история* в абсолютно классическом средневековом смысле слова – история сменяющих друг друга правящих династий, определяющих характер исторической эпохи.

Шимон [1997 (2002)], критикуя постмодернизм ал-Азме, совпадает с двумя его основными выводами, которые он делает своими исходными посылками: необходимость рассмотрения идей Ибн Халдуна в контексте его эпохи (а также самой эпохи через призму идей Ибн Халдуна), а его методологии – в свете интеллектуального бэкграунда мыслителя, каковым является традиция исламской правовой мысли (*фикх*).

На этом пути Шимон, с одной стороны, обосновывает идею о том, что Ибн Халдун разрабатывал и разработал не философию истории вообще, а теорию конкретного известного ему исторического феномена – доиндустриальной автократической («патримониальной») империи, каковые возникают в мусульманском мире после распада Аббасидского халифата. С другой стороны, анализ внутренней логики *Мукаддимы* и *Китаб ал-'ибар* с точки зрения методологических принципов, разработанных в теории *фикха*, дает возможность интерпретировать историко-социологическую концепцию Ибн Халдуна не как теорию социальных типов, а как многофакторную модель, выявляющую базовые принципы исторической динамики доиндустриальных мусульманских государств Ближнего Востока и Магриба.

Несрин Алескерова
(Филиал МГУ в Баку, Азербайджан)

Описание рукописей представителей средневекового суфийского братства халватийа

Основатели и ранние представители братства *халватийа* не оставили каких-нибудь значительных суфийских сочинений, не разработали особых мировоззренческих доктрин. Мы можем предположить, что Ка-

рим-ад-дин Мухаммад ал-Хваразми, его племянник ‘Умар ал-Халвати, Ахи Мириим ал-Халвати, шейх ‘Изз-ад-дин ал-Халвати и, наконец, шейх Садр-ад-дин Хиййави ал-Халвати являются авторами сочинений, посвященных теоретическим, практическим и этическим проблемам суфизма, но, к сожалению, списки рукописей или литографических сборников этих трудов не сохранились до наших дней¹.

Систематическая литературная традиция братства *халватийа* зародилась во второй половине XV в. в связи с деятельностью второго основного *пир* и реформатора братства – *саййида* Йахьи ал-Бакуви. Сочинения Йахьи ал-Бакуви написаны в наиболее важном жанре, в котором писались суфийские сочинения, а именно, в жанре научно-богословских посланий – *раса’ул* (см. рукописный сборник десяти научно-богословских посланий, хранящихся в фонде Института рукописей НАНА под шифром 6960). Этот шейх сумел систематизировать все то, что было написано до него суфийскими авторами, опираясь, прежде всего, на великое сочинение основоположника дербентской школы суфизма Абу Бакра ад-Дарбанди «*Райхан ал-хака’ик ва бустан ад-дака’ик*» («*Базилик истин и сад тонкостей*»), написанное примерно в конце XI – начале XII вв. Таким образом, Йахья Бакуви продолжил и дополнил традицию интеллектуально-мистического гностицизма – ирфанского суфизма, который распространился в Азербайджане благодаря деятельности Ал-Хусейна ал-Гада’ири, происходившего из известного дербентского шиитского рода ал-Гада’ири. К тому же мистическое мировоззрение Йахьи ал-Бакуви является уникальным. Самым значительным вкладом этого шейха в развитие *халватийской* традиции стал сборник ритуальных молитв «*Вирд ас-самтар*».

Традиция успешно развивалась в XVI–XVII вв. В течение этого времени появились суфийские доктринальные и, конечно же, агиографические сочинения, посвященные жизни и деятельности отдельных представителей *халватийи*, энциклопедические биографии, написанные представителями братства *халватийа*, а также очень полезные и важные практические руководства по суфизму, стихотворные сочинения отдельных шейхов *халвати*, написанные в жанре суфийской поэзии.

Юсуф ал-Мускури аш-Ширвани – один из лучших учеников *саййида* Йахьи ал-Бакуви, возглавивший ширванскую ветвь братства, создал доктринальные мистические трактаты, имеющие глубокий философский смысл и четкое научное построение. Это хранящиеся в фонде

¹ Махмуд Джамал-ад-дин ал-Хульви Ламазат-и Хульвийе аз Ламазат-и Ульвийе (Биографии Великих святых). Стамбул, 1993. С. 345–350; 357–360; 387–389; 381–385.

Института рукописей НАНА трактаты на арабском языке: «*Байан ал-асрар ли-т-талибин фи-т-тасаввуф*» («*Изъяснение тайн желающим пройти путь суфизма*») (Б-733; Б-5447; Б-6080; Б-1746; Б-2246; Б-2342; Б-830) и «*Силсилат ал-'уйун*» («*Иерархия творений*»), хранящийся под шифром Б-5447.

Интересными являются мировоззренческий и теософский аспекты стихотворных сочинений двух самых выдающихся последователей *сайида* Йахьи ал-Бакуви – шейха Деде 'Умара Рушани и шейха Ибрахима Гюлшани. В известных библиотеках и рукописных хранилищах мира хранится в общей сложности 45 экземпляров рукописей Деде 'Умара Рушани. Известными его сочинениями являются «*Мискин-наме*» («*Книга о духовном богатстве и материальной бедности*») и «*Ней-наме*» («*Книга о свирели*»), написанные в подражание *Маснави-йи Ма'нави* Джалал ад-Дина Руми. Рукопись хранится в фонде института Рукописей НАНА под шифром В-778. По традиции, шейху Ибрахиму Гюлшани приписывают более двадцати сочинений.

А.А. Арутюнян
(ИВ НАН Армении)

О китайско-египетских отношениях

Египет (АРЕ) является первой арабской и африканской страной, который в 1956 г. заявил об установлении дипломатических отношений с Китаем (КНР), а в 1999 г. первым вступил в стратегические сотруднические отношения с Китаем. В 2006 г. две страны подписали договор об «углублении двусторонних стратегических и сотруднических отношений», и АРЕ признал полный рыночный статус экономики Китая. АРЕ поддерживает принцип «одного Китая». КНР поддерживает усилия Египта играть более важную роль в международных и региональных делах, в частности в попытках последнего взять на себя роль представителя Африки и Ближнего Востока (БВ) в ряду с постоянными членами Совета Безопасности. Китайско-египетские связи стали моделью китайско-арабских, китайско-африканских отношений и сотрудничества «Юг–Юг». В лице Каира как влиятельного арабско-мусульманского государства Пекин видит стратегическую подворотню к расширению связей с арабско-мусульманским миром. Китайско-египетское стратегическое сотрудничество также служит для интенсификации контактов между Китаем, ЕС и Африкой через использование географических преимуществ АРЕ и торгово-экономических контрактов, подписанных Египтом с этими странами. «Форум китайско-африканского сотрудничества» и «Форум китайско-арабского сотрудничества» являются важ-

ным компонентом двусторонних отношений стратегического сотрудничества. КНР придает особое значение взаимному сотрудничеству с Египтом, который считается крупнейшим торговым партнером КНР на БВ. АРЕ стремится стать неотъемлемой частью торговой стратегии КНР и надеется на установление «специальных» экономических и торговых отношений с Китаем. Каир считает, что АРЕ должен заимствовать опыт Китая в области модернизации и экономического развития. Две страны координируют свои позиции в международных торгово-экономических делах и организациях, защищая интересы развивающихся стран в процессе экономической глобализации и либерализации торговли.

Стороны сотрудничают также в области реализации совместных программ производства оружия. Пекин является альтернативным источником для вооруженных сил Египта. Пекин и Каир ведут переговоры с целью создания в регионе зоны без ядерного оружия и договорились о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии. Стороны намерены укреплять сотрудничество в области обмена информацией в области борьбы против терроризма, контрабанды, незаконного оборота наркотиков и транснациональных экономических преступлений. Каир видит расширение военно-политических и торгово-экономических связей с Китаем как способ повышения его роли в регионе и снижения зависимости от США. КНР не против утвердить себя в качестве потенциальной альтернативы США на БВ, в частности в противовес расширению присутствия США в странах Центральной и Юго-Восточной Азии, которые КНР считает сферой своего влияния.

В.В. Беляков
(ИБ РАН)

Русская эмиграция в Египте: источники и историография

Русская эмигрантская община в Египте была немногочисленна (в межвоенные годы – около 1500 человек), однако, несомненно, заслуживает изучения. Во-первых, потому, что в ее составе были такие выдающиеся деятели русской культуры, как художник И.Я. Билибин, скульптор Б.О. Фредман-Клюзель, египтологи В.С. Голенищев, В.М. Викентьев, А.Н. Пьянков, врач-физиолог профессор Г.В. фон Анреп. Во-вторых, поскольку благодаря высокому образовательному уровню многих ее членов она оставила непропорционально большой по сравнению со своей численностью след в культуре Египта.

Основным источником по истории русской эмиграции в Египте являются материалы Архива внешней политики Российской империи (фонд 317, дипломатическое агентство и генеральное консульство в Египте, опись 820/3) и Архива внешней политики Российской Федера-

ции (фонд 87, референтура по Египту). К сожалению, пока не удалось познакомиться с египетскими архивами, которые могли бы дать дополнительные материалы.

Ценные источники по изучению первых лет эмиграции – публикации самих эмигрантов. Это дошедшие до нас два номера журнала «На чужбине» (Александрия, 1921–1922 гг.), четыре номера журнала «Донец на чужбине» (Исмаилия, 1921–1922 гг.), брошюра Д. Фламбуриани (Александрия, 1936 г., на французском языке). Краткий обзор русской общины дан в очерке В.В. Беллина (он опубликован в книге П.Е. Ковалевского «Зарубежная Россия», Париж, 1971 г.). Данные источники дополняют как опубликованные, так и хранящиеся в архивах мемуары В.Е. Чириковой, Ф.П. Рерберга, С.М. Беляева, А.Л. Маркова, отца Алексея Дехтерева. Полезную информацию можно почерпнуть из бесед с потомками русских эмигрантов.

Что касается историографии, то это прежде всего труды самого автора доклада (их список см. на сайте www.belyakovv.com) и Г.В. Горячкина, а также статья В.Ю. Луконина в сборнике «Российская диаспора в Африке» (М., 2001).

Н.А. Беркович
(СПбГУ сервиса и экономики)
Палестино-израильский конфликт:
востребованность новой историографии

Фактологическим основанием историографии палестино-израильского конфликта, начиная с его возникновения, была и продолжает оставаться совокупность глубоко значимых событий, обобщенных в трех неразрешимых до настоящего времени хронических проблемах: территории, беженцы, Иерусалим. Этногеополитические и этноконфессиональные парадигмы их разрешения сформировались под воздействием стратегий: «территории в обмен на мир» и Норвежских соглашений, «Дорожная карта», «Арабская инициатива» и других, предопределивших современную историографию палестино-израильского конфликта.

Заслуживает безусловного внимания все более увеличивающаяся по численности и носящая дискуссионный характер историография возникновения и реализации принципа «Два народа – два государства».

Начало второго десятилетия XXI в. ознаменовалось, казалось бы, неожиданными, но в действительности обусловленными многолетним социально-экономическим неравенством политическими трансформациями в Египте, Тунисе, Ливии, свидетельствующими о мобилизации арабского национального самосознания и оказывающими неоднозначное влияние на арабо-израильские отношения. Тем не менее в палести-

но-израильском противостоянии сложился чрезвычайно опасный вакуум, связанный с прекращением переговорного процесса и с тревожной непредсказуемостью этнополитической ситуации в регионе Большого Ближнего Востока. Не исключается возможная трагическая развязка: очередная, третья *интифада* или межгосударственные военные столкновения.

Формируется новая парадигма, отражающая реалии сегодняшнего палестино-израильского конфликта, включая приоритетную роль народной дипломатии и завершение этнополитической трансформации палестинского народа. Глубоких исследований по народной дипломатии и палестинскому этносу фактически нет, однако они востребованы, так же как и новое изучение палестино-израильского конфликта.

С.Н. Бизюков

(Санкт-Петербург)

Концепция абrogации (*насах*):

содержание, формы и значение в исламском праве

Концепция абrogации – *насах* – является самобытной чертой исламского права, недостаточно, по нашему мнению, исследованной в научной исламоведческой литературе на русском языке.

В буквальном смысле *насах* означает облитерацию (от лат. *obliteratio* – забвение), «вычеркивание, стирание, удаление». Кроме того, это слово в арабском языке также означает «переписывание, копирование», и в этом смысле оно употреблено в суре 45 «Коленопреклоненная»: «*инна кунна настансиху ма кунтум та'малуна*» («Мы записывали то, что вы совершали») (45:28/29). Некоторые знаменитые ученые-экзегеты прошлого, включая ал-Газали, считали, что слово *насах* является омонимом и может применяться в обоих смыслах. В исламской экзегетике, однако, большинством ученых основным признается значение этого слова «отмена, устранение» (*раф' ва изала*). Как юридический термин в исламском фикхе *насах* означает абrogацию, то есть отмену или аннулирование правовой нормы, в том числе и с заменой ее на другую норму, и именно в таком значении термин *насах* применяется в исламоведческой литературе на европейских языках. В науке *усул ал-фикх* как методологии исламской юриспруденции даже сложился отдельный жанр литературы «ан-насах ва-л-мансух» («отменяющее и отменяемое»).

Метод *насах*, первоначально как практика, а затем в качестве детально разработанной концепции, берет начало в первые столетия исламской цивилизации. По мнению аш-Шатыби, *насах* стал явлением, появившимся в Медине в результате изменений, с которыми столкнулась мусульманская община после хиджры Пророка Мухаммада из

Мекки в Медину (в то время – Йасриб). Изменению подлежал ряд установлений, введенных на ранней стадии формирования ислама с целью привлечения новых верующих. Поэтому изменения были внесены в содержание соответствующих *аятов* (*нусус*) в период, когда мусульманская *умма* стала обладать достаточным суверенитетом и нуждалась в обновлении законодательных установлений для регулирования своей жизнедеятельности в новых условиях.

Концепция *насх* применяется только в сфере исламского права, но не в областях теологии (*калам*) или культа (*'ибадат*). Условиями его применения являются: 1) наличие двух формулировок одинаковой правовой силы, 2) нахождение их в двух различных текстах, 3) наличие неустранимого очевидного противоречия между ними и 4) хронологическая принадлежность каждого из двух текстов к разным временным периодам.

В качестве технического термина *насх* появился на ранней стадии формирования исламской экзегетики *тафсир*. *Насх* упоминается в трудах Мукавила ибн Сулаймана (ум. в 767 г.), Малика ибн Анаса «Ал-Муватта» и др. Систематизация материала и разработка теории абrogации (*насх*) была осуществлена М. ибн Идрисом аш-Шафи'и (ум. в 820 г.), написавшим знаменитый трактат «Ар-Рисала» и позднее труд «Ихтилаф ал-хадис» («Противоречия в хадисах») и предложившим свое решение серьезной проблемы очевидных разночтений между отдельными аятами Корана, а также между определенными хадисами.

Согласно мнению большинства мусульманских правоведов, концепция *насх* применима только к Корану и Сунне как основным источникам исламского права. Абrogация может быть явной (*сарих*) или подразумеваемой (*димми*), полной (*кулли*) или частичной (*джуз'и*). По мнению большинства мусульманских ученых, существуют следующие виды *насха*, из которых аш-Шафии, рьяно отрицавший возможность наличия абrogации между Кораном и Сунной, признавал только два первых): 1) абrogация Корана Кораном, 2) абrogация Сунны Сунной, 3) абrogация Сунны Кораном, и 4) абrogация Корана Сунной. Классической исламской экзегетикой признаются следующие способы абrogации:

1. *Насх ал-хукм дуна ат-тилава*: абrogация правила, но не его формулировки. Правовая норма, будь то в Коране или Сунне, заменяется, но текст остается прежним в *мусхафе*.

2. *Насх ал-хукм ва-т-тилава*: абrogация правила и его формулировки, т. е. их полное удаление из текста. Применялось только к Корану. Правило утрачивало силу, а формулировка удалялась из *мусхафа*.

Свидетельство того, что удаленный аят когда-то существовал, сохраняется в традиции.

3. *Насх ат-тилава дуна ал-хукм*: аброгация формулировки с сохранением действия правила. Также применялась только к Корану. Текст еще действующего правила удалялся из *мусхафа*, но доказательство существования соответствующего аята сохранялось в традиции (через посредство соответствующего хадиса), а также в *фикхе*.

Первые два способа аброгации являются признанными большинством мусульманских правоведов и были наиболее распространенными. Третий способ признавался меньшинством ученых-правоведов. Мусульманские ученые-правоведы постоянно обращались к концепции аброгации для разрешения явных противоречий между правовой практикой, бытовавшей в различных регионах мусульманского мира, и предполагаемыми источниками в откровениях, оперируя смысловым значением термина *насах* как «замещение», выведенным из смысла аятов 16:103 (101) и 2:100 (106) (Коран, пер. И.Ю. Крачковского).

Известно, что *улемы* прошлого не были единодушны по поводу существования *насах* в Коране. Ряд современных исламских ученых не согласны с мнением большинства своих предшественников о том, что аброгация каких-либо аятов Корана могла иметь место, ссылаясь на то, что *айаты* 2:106 и 16:106 на самом деле означают аброгацию других священных писаний (Торы и Библии), ниспосланных Всевышним ранее. Таким образом, этот вопрос остается предметом оживленных богословских дискуссий вплоть до настоящего времени.

Юлия Болдина

(ВФ СПбГУ; Université Paris IV-Sorbonne)

Андалусское наследие Туниса:

Этнокультурная идентичность потомков морисков

Выбранная нами тема посвящена потомкам морисков¹ Туниса – населению, прибывшему в Магриб из Испании в XVII веке после победы Реконкисты и начала гонений со стороны Инквизиции.

¹ История массовой иммиграции морисков начинается в 1610 г. Оставшись в Испании после триумфа Реконкисты и падения Гранады в 1492 г., они преследовались королем Филиппом II. В середине XVI в. Гранада стала центром мощного восстания морисков, направленного против требований инквизиции (запрет на использование арабского языка, точнее, арабской письменности, поскольку большинство морисков не знало язык Корана, используя в повседневной жизни язык *aljamia*, своеобразную смесь арабского языка и испанских диалектов; запрет на проведение религиозных церемоний, мусульманских молитв,

На протяжении столетий мориски сумели сохранить свою особую идентичность с помощью коллективной и семейной памяти, через культурные традиции, музыку, язык и другие составляющие культурной идентичности. В наши дни люди, принадлежащие к этому старинному иммигрантскому меньшинству, все еще считают себя потомками тех самых морисков и продолжают позиционировать свою особую этнокультурную идентичность как наследников ал-Андалуса.

Для изучения культуры потомков морисков мы пользуемся такими методами социологии, как включенное наблюдение и глубинное интервью. Что касается первого метода, сюда можно отнести участие в традиционных празднествах и церемониях, а также использование материалов фестивалей и конференций, организованных в 2009–2010 гг. и приуроченных к празднованию 400-летия изгнания морисков из Испании и их появления в Тунисе. Многие города Туниса и Марокко вспоминают о своем андалусском наследии. Особенно в последние годы наблюдается повышенный интерес к проблемам изгнания, иммиграции и социально-культурной ассимиляции морисков в странах Магриба и не только. Главным образом затрагиваются такие аспекты, как трагические обстоятельства изгнания морисков, их образ жизни в Магрибе, их вклад в развитие культуры и экономики принимающих стран. Обычно подчеркивается, что «то, что Испания потеряла, Тунис приобрел». Кроме того, нам представляется возможным вести наблюдения за современными проявлениями культуры морисков, а также проводить интервью в семьях потомков андалусцев.

Что касается литературы, посвященной потомкам морисков, в целом ее можно охарактеризовать как носящую описательный характер, прежде всего, описание традиций и обычаев потомков морисков в местах их сегодняшнего расселения, что, несомненно, является ценным источником информации для оценки эволюции культурно-исторической памяти и этнической идентичности диаспоры.

одежды и много другого, включая последовавшую альтернативу: принять христианство или покинуть страну). Жестокое подавление этого восстания испанскими властями вызвало значительный отток мусульман из Гранады, главным образом в крупные города Туниса и Марокко. В Магрибе их принимали как братьев и сестер по вере, однако обычаи и традиции, заимствованные в Испании и прочно укоренившиеся у морисков, были более либеральными, чем бытовавшие в Магрибе. Гонимые Испанией за приверженность исламу, мориски получили в Магрибе название «*христиане Кастилии*».

*Р.М. Валеев
(ИБ КФУ, Казань)*

Российское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – начала XX вв.)

Российское востоковедение, в том числе казанский центр востоковедения, сыграли выдающуюся роль в истории, науке и культуре народов России и в изучении духовного и материального наследия народов зарубежного Востока. Для дальнейшего изучения истории отечественного востоковедения XIX – начала XX веков требуется наиболее полное привлечение разнообразных оригинальных источников, их научное исследование и публикация архивных материалов. Назрела проблема комплексного изучения и публикации документов, которые еще не попали в поле зрения исследователей.

В истории отечественного востоковедения особый интерес имеет эпистолярное наследие ученых и просветителей. Например, эпистолярное наследие Ибрагима Хальфина (1778–1829) и Х.Д. Френа (1782–1851) раскрывает научные и просто их человеческие взаимоотношения.

Огромную роль в развитии российского востоковедения сыграли Петербургская академия наук и университеты. На протяжении всего XIX в. в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего, это арабист и нумизмат Х.Д. Френ и его ученик А.О. Ярцов, тюрколог и иранист А.К. Казем-Бек, монголовед и буддолог О.М. Ковалевский, китаевед и буддолог В.П. Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист и иранист И.Ф. Готвальд, тюрколог и миссионер Н.И. Ильминский, тюрколог, языковед и этнограф В.В. Радлов.

Несомненный интерес в истории российской ориенталистики имеют письма основоположника Петербургской школы востоковедов арабиста В.Р. Розена и письмо неперменного секретаря Академии наук экономиста К.С. Веселовского казанскому тюркологу Н.И. Ильминскому, а также письмо востоковеда, археолога и нумизмата В.Г. Тизенгаузена инспектору татарских, башкирских и казахских школ Казанского учебного округа В.В. Радлову. Послания датируются 1881–1884 гг.

Также большой интерес представляет следующий пласт оригинальных архивных материалов, посвященных неизвестным страницам отечественной тюркологии и судьбам выдающихся ученых-тюркологов. Важное значение для истории российской тюркологии представляют письма Н.Ф. Катанова Э.К. Пекарскому, написанные в первые десятилетия XX в. Эти оригинальные материалы станут вкладом в комплексную

историко-научную и источниковедческую работу по введению в научный оборот эпистолярного наследия Н.Ф. Катанова.

Хочу обратить внимание также на перспективное направление поиска и анализа архивных материалов, посвященных истории российской ориенталистики XIX – XX вв.

В разнообразных исследованиях по истории российского дореволюционного востоковедения упоминались проекты создания в России по инициативе Коллегии иностранных дел училищ восточных языков (в том числе в Казани). Так, в ноябре 1806 г. С.Я. Румовский предложил учредить при Казанской гимназии «главное для восточных языков училище». А.М. Куликова, изучающая российское востоковедение, обращает внимание на проект создания в 40-х гг. XIX в. «Азиатского института» в Казани.

Во второй половине XIX – начале XX веков появились и были осуществлены новые проекты в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Ташкенте и Казани. В целом перспективным представляются дальнейшие комплексные архивоведческие и историографические исследования по истории российского востоковедения.

О.В. Васильева
(РНБ, СПб)

***Восточные манускрипты собрания генерала П. К. Сухтелена
в Петербургском университете***

Петр Корнильевич Сухтелен (1751–1836), голландец на русской службе, граф, генерал от инфантерии, герой войны 1812 г., посол России в Швеции, был страстным коллекционером и библиофилом. После его смерти российское правительство купило его собрание произведений искусства и огромную библиотеку, которая по указу Николая I была распределена между несколькими хранилищами, при этом восточные рукописи надлежало передать в Азиатский музей АН¹. Однако в Азиатский музей поступили только 35 восточных рукописей, а 95 – в Учебное отделение Восточных языков МИД (в 1819 г. они также поступят в Азиатский музей, ныне Институт восточных рукописей РАН – ИВР). Кроме того, и в Императорской Публичной (ныне Российской национальной) библиотеке кое-что оказалось: 35 рукописных книг, ксилографов, архивных документов и альбом рисунков (из этого числа одна грузинская рукопись в 1923 г. была передана в Грузию и должна находиться в Ин-

¹См.: Сапожников А.И. Граф П.К. Сухтелен и судьба его библиотеки // Сухтеленские чтения: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2002. С. 16–18.

ституте рукописей в Тбилиси). Таким образом, *Orientalia* Петра Сухтелена насчитывала не менее 165-ти единиц рукописных материалов.

В 1837 г. 23 манускрипта Азиатского музея были отосланы в Казанский университет, откуда в 1855 г. вместе с со всем восточным собранием должны были быть перевезены в Петербург для создаваемого Восточного факультета. Однако только 20 книг Сухтелена выслали из Казани – одна была списана после пожара 1842 г., а две до сих пор там хранятся¹. Из этих 20 книг в настоящее время в библиотеке Востфака СПбГУ находятся только 18, причем одна отсутствующая книга, как представляется, не была отражена в документах. Между тем в казанском инвентаре она фигурирует под странным описанием: «15434. Цимрахи-Мин-Давид; рукопись на новом коптском языке, в 8 д.л. в коже». Инвентарный номер и экслибрис Сухтелена позволили нам установить, что это – Псалмы Давида в переводе на идиш из собрания акад. И.Ю. Крачковского, который вложил в книгу записку: «Подарено Б. А. Вальской (из Геогр<афического> общ<ества>), которая извлекла у какого-то своего знакомого. 4.III.1942». (Хранится в Российской национальной библиотеке под шифром Кр. 77.)

Проверкой 1992 г. зафиксировано отсутствие арабского молитвенника (шифр: СПбГУ 106), который был описан в каталоге Готвальда как «Молитва Сиди Мохаммеда б. Иса. Список кончен 12-го Ребиа второго 1202 г. (в декабре 1787 г.). 39 л. ... (поступила от ученого Акерблада к Сухтелену...)»². Имя шведского дипломата и ориенталиста Йохана Давида Акерблада (1763–1819) имеется на четырех кодексах, хранящихся в ИВР, однако ему принадлежали и многие другие манускрипты. В трех хранилищах Петербурга нам удалось отождествить большинство из 85-ти рукописей, вошедших в опись собрания Акерблада, купленного Сухтеленом³. Четыре из них находятся в библиотеке Востфака (№ 109, 116, 118, 123), причем одна – арабо-христианский трактат (№ 116) – находилась в собственности абиссинского монастыря св. Стефана в Ватикане.

П.К. Сухтелену принадлежал дневник профессора М. Норберга, который он вел в Константинополе на турецком и шведском языках (№ 1238). Остальные 16 рукописей – мусульманские: 10 на арабском языке (№ 108–110, 112–115, 117, 121–122), 3 на турецком (№ 107, 119, 120), 1 на персидском (№ 111) и 2 персидско-турецких словаря (№ 118, 123).

¹ Автор приносит глубокую благодарность Э.И. Амирхановой за предоставленную информацию.

² Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета / Сост. И.Ф. Готвальд. Казань, 1855. С. 100–101.

³ См.: Thomasson F., Vsilyeva O.V. Swedish Orientalist, Russian Ambassador and Middle Eastern manuscripts // *Studia Orientalia*. Forthcoming.

И.В. Герасимов
(ВФ СПбГУ)
Напитки для увеселения в Судане
(по материалам книги суданского автора
Ибн Дайфаллаха «Табакат»)

История появления напитков для увеселения в Египте и Судане восходит к глубокой древности. Сложно доподлинно сказать о том, каким целям служило их употребление и на каких рецептах основывалось их производство, однако, можно допустить, что существует определенная преемственность и современный суданский напиток «мариса» основан на традиции изготовления прошлых столетий. Примерно то же можно сказать и о его египетском аналоге, который называется «буза». Известен даже средневековый словарь терминов названий вина, о котором упоминается в статье О.Б. Фроловой «Книга о вине. Словарь названий вина, составленный арабским ученым XIII в.»¹.

Несмотря на запреты употребления подобных напитков, заложенные в исламской доктрине, до сих пор существуют традиции, которые складывались веками, и люди не склонны быстро отказаться от них. Отражение этого можно найти в произведениях современных суданских прозаиков, в частности ат-Тайиба Салиха.

Среди одного из наиболее древних народов Судана – нубийцев существовал целый ряд видов легких алкогольных напитков, среди которых можно назвать «ад-дакаи», «ал-мариса», «ан-набит». Они изготавливаются из фиников и потребляются мужчинами, собирающимися, в основном, в своеобразные клубные собрания. Такие заседания, сопровождаемые чтением поэзии, обсуждением важных политических и бытовых проблем, называются «маджалис аш-шурб».

Упоминание об употреблении алкогольных напитков содержится в произведении позднего суданского средневековья «Табакат» Ибн Дайфаллаха. В биографии Халила ибн ар-Руми сообщается о потреблении «марисы» выходцами из Донголы. В сюжете совмещается фантастическая и реальная линии. В биографии Халила ибн Али ас-Сарди ал-Хамиси можно узнать о том, как человек, долго и систематически употреблявший «марису», поборол свой недуг и превратился в праведного и набожного человека, близкого к суфийским кругам. Салман ат-Тували аз-Заграт был поставщиком воды, предназначенной для изготовления «марисы». Он, как и другие люди из его окружения, приобщился к винопитию и процессу его изготовления.

¹ Фролова О.Б. С перелетными птицами в Африку. Избранные статьи. Отечественные исследования. СПб, 2008. С. 194–197.

Легкие алкогольные напитки являлись составляющей частью народной культуры, их потребление происходило в ряде районов Судана в соответствии со сложившимся регламентом и по определенным поводам. С учетом того, что близкие к суфизму люди стремились достичь определенных экстатических состояний, вполне возможно допустить, что вино являлось одним из инструментов для этого. Излишнее пристрастие к напиткам не приветствовалось автором «Табакат», и, как видно из текста, те, кто под влиянием суфийских учителей смогли отказаться от излишнего пристрастия к винопитию, в глазах окружающих становились праведниками.

Н.Н. Дьяков
(ВФ СПбГУ)

Шазилийя в Александрии

Александрия Египетская с момента ее основания в IV в до н.э. – важный перекресток культур и верований народов Восточного Средиземноморья. Духовное наследие античности, мультикультурность способствовали расцвету здесь суфизма – «христианизированного ислама», по выражению М. Асина Паласиоса¹.

Придерживаясь «древней традиции путешествия в поисках знаний», ученые и студенты со всех концов мира ислама прибывали в Александрию, Танту, Дамаск и другие города Египта и Сирии, нередко задерживаясь там, в ожидании сезона *хаджа*². В Александрии пересекались пути паломников из Испании и Северной Африки, Передней и Малой Азии и т. д. В городе возникали школы и постоянные дворы многих суфийских орденов, адепты которых совместно участвовали в дискуссиях и радениях.

Александрийская школа *Шазилийи* – тысячелетний очаг мистического знания «интеллектуальной столицы» Египта. Родившаяся в XIII в., в эпоху реконкисты и крестовых походов, *Шазилийя* стала одной из базовых *тарикатских* линий не только арабского Запада – Магриба и ал-Андалуса, но и Востока: Египта, Сирии, Аравии и др.

Своим основанием *шазилитская* школа Александрии обязана родоначальнику братства – уроженцу Марокко Абу-л-Хасану аш-Шазили (ок. 1196–1258). В 1218–1219 гг. аш-Шазили отбыл на восток. Вернувшись в Марокко, он с благословения фесского шейха Ибн М/а/шиша

¹ Asin Palacios M. El Islam cristianizado. Estudio del «Sufismo» a través de las obras de Abenarabi de Murcia. 1ª edición, Madrid, 1931; 1981.

² Кириллина С.А. Исламские институты османского Египта в XVIII – первой трети XIX в. New York-Ontario: The Edwin Mellen Press, 2000. С. 105, 159.

(ум. ок. 1228 г.) ушел проповедовать в Ифрикию¹. Проживая близ селения Шазила, он приобрел там известность, а также свою *нисбу* – аш-Шазили². Преследуемый местными *факихами*, аш-Шазили переехал из Туниса в Александрию, где в районе Кум ад-Дака открыл новую *завию* – религиозно-мистическую школу.

Александрийский период жизни аш-Шазили пришелся на годы правления «благого султана» династии Айубидов – ал-Малика ас-Салиха Наджм ад-Дина Аййуба (1240–1249). «Пишу вам из Александрии, да хранит ее Господь, – обращался аш-Шазили к ученикам, – где мы чувствуем себя в надежной броне милости Божией...»³.

Слава об аш-Шазили быстро разошлась по Египту. Его учениками в Александрии были видные мистики, в том числе андалусец Абу-л-‘Аббас ал-Мурси (ум. ок. 1307 г.) – земляк и последователь Ибн ‘Араби⁴. Именно благодаря ал-Мурси суфизм в его *шазилитской* оболочке, выйдя из Магриба, окрепнув в Александрии и преодолев затем Пролив далеко на западе, определил, по мнению ряда исследователей, духовное развитие средневековой арабской Испании⁵.

Аш-Шазили не ограничивал свою проповедь пределами Александрии. Не раз он отправлялся в путь, посещая Каир, Даманхур, Дамьетту и др. Возвращаясь из очередного хаджа в 1258 г., аш-Шазили скончался на берегу Красного моря, на юге Египта, близ селения Хумайтра, где в XVI–XVII вв. османскими властями на его могиле был возведен мемориал⁶, и сегодня привлекающий тысячи паломников.

¹ Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. Перев. с англ. О.Ф. Акимовской. М., 1989. С. 48.

² Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. Средние века, Новое время. СПб., 2008. С. 154–155.

³ Ахмад Шауки Ибрагим. Шазилитская школа в Александрии и ее роль в культурной истории города // Материалы конференции «Александрия и культура ислама». 28–29 июня 2008 г. Изд. Александрийского университета, 2008. С. 1–2.

⁴ Ибн ‘Араби, Мухйи-д-Дин Мухаммад (1165–1240) – уроженец Мурсии, выдающийся философ, мистик – покинул Испанию в 1201 г., отправившись в хадж на Восток, где выступал с лекциями в городах и университетах Аравии, Сирии, Египта, в т. ч. Александрии.

⁵ Miguel Cruz Hernandez. El Islam de al-Andalus: historia y estructura de su realidad social. Madrid, 1996, и др.

⁶ Кныш А.Д. Аш-Шазилия // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 287.

Н.А. Жерлицына
(Институт Африки РАН, Москва)

Русские научные экспедиции по Тунису в конце XIX – начале XX вв.

В последнее десятилетие XIX в. в России появляется большое количество географической литературы и периодики, энциклопедий и путевых очерков, посвященных Магрибу и Тунису. Российские журналы «Естествознание и география», «Вокруг света» публиковали многочисленные очерки о различных областях жизни страны.

Продолжалось этнографическое и географическое изучение менее исследованных южных районов Туниса. Поездки отдельных энтузиастов-путешественников сменились целенаправленным научным поиском. Русские экспедиции в Африку в начале XX в. организовывались большей частью различными научными учреждениями – университетами, музеями, ботаническими садами, почвенными комиссиями и т.д. Предметом их исследования были почвы, полезные ископаемые, растительность, животный мир. Все материалы, собранные русскими учеными и путешественниками, способствовали выяснению и решению ряда важных научных проблем. Зачастую лейтмотивом таких экспедиций был практический интерес: Российская империя, осваивавшая новые земли и рынки на Кавказе и в Средней Азии, нуждалась в практическом опыте ведения дел в новых для себя условиях. Экспедиции в Северную Африку ставили целью сравнить североафриканские реалии со среднеазиатскими.

В этом отношении чрезвычайно интересными представляются такие работы, как книга российского исследователя Средней Азии А.Ф. Губаревича-Радобильского «Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората», очерк М.И. Венюкова «Современная Тунисия», работа Х.В. Гельмана «Отчет по поездке инженера путей сообщения Х.В. Гельмана в 1891–1892 гг. в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию», отчет по командировке С. Синельникова «Лесокультурные работы на неудобных землях во Франции, Бельгии, Швейцарии, Тунисе и Алжире», работа известного ботаника-систематика В.И. Липского «Ботанические учреждения и сады Южной Европы и Северной Африки», книга известного российского минеролога и геолога Я.В. Самойлова «Месторождения фосфоритов Алжира и Туниса», наблюдения специалиста-почвоведца Д.А. Драницына, работа зоолога и паразитолога Е.Н. Павловского «Заметка о поездке в Алжирию и Тунисию летом 1914 г.», дневник знаменитого историка античности, археолога М.И. Ростовцева.

Анализ взаимного влияния, оказанного странами в научном плане и в культурной сфере, позволяет сделать вывод о том, что гуманитарные

связи способствовали поддержанию положительного отношения двух народов друг к другу.

Е.И. Зеленец

(ВФ СПбГУ)

*Арабская политическая культура:
смута как форма политической борьбы*

Массовые политические волнения первых месяцев 2011 г. вызвали падение режимов авторитарного правления «несменяемых президентов» Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте. Сходные формы общественного протеста угрожают существованию режимов единоличной власти в Йемене, Иордании, Алжире, Сирии, Бахрейне, возможно, некоторых других странах. Пристальное внимание историков и политологов эти события привлекли не только сущностью происходящего, но и своей формой.

По существу, во всех названных странах события развивались и продолжают развиваться по сходному сценарию. Массовые скопления протестующих людей различной социальной принадлежности и политических убеждений собираются в определенных местах, организуют импровизированные митинги, выдвигают разнообразные политические лозунги, которые в конце концов сводятся к одному – свержению существующего политического строя.

Полиция и силы безопасности, призванные поддерживать порядок, оказываются неспособны справиться с массовым выражением протеста и либо бездействуют, либо переходят на сторону протестующих масс. Наступает коллапс власти, которым незамедлительно пытаются воспользоваться силы оппозиции, борющиеся за политическое влияние в стране. Особую роль наблюдателя и арбитра, до поры до времени не вмешивающегося в политическую борьбу, играет армия.

Хаос и видимое безвластие едва ли могут обмануть внимательного политического наблюдателя: практически все события с первого дня актов «гражданского неповиновения» и до момента свержения «ненавистного» политического лидера проходят по незримому сценарию, руководимые в той или иной мере опытной рукой политических манипуляторов. Жертвы, которые несут митингующие, оказываются «горючим материалом», питающим разрастающееся протестное движение. Похоронные процессии собирают в свои ряды все новых и новых участников волнений, превращаясь в массовые шествия, которые, как правило, завершаются столкновениями со сторонниками действующей власти, рождая новые жертвы, еще больше усиливая напряженность.

Между тем в арабской политической культуре события подобного рода именуются термином *ал-фитна* («смута»), весьма широко встречаются в истории практически всех стран региона и представляют собой устойчивую форму политической борьбы.

Начнем с того, что термин *ал-фитна* и его производные встречаются в Коране свыше 35 раз, и всегда с отрицательной моральной оценкой. Строго говоря, понятие *ал-фитна* охватывает весьма широкий круг явлений и деяний. Его можно перевести на русский язык как «искушение, соблазн, мятеж, смута, восстание, безумие, заблуждение» и даже «неверие». Однако в основе смысла этого понятия лежит значение глагольной основы *фа-та-на* – «очаровывать, околдовывать, соблазнять». Это накладывает на все производные от этой основы слова оттенок «неосознанного» и «невольного» поступка, но это не может служить оправданием перед Всевышним. В Коране сказано, что *ал-фитна* (в значении «соблазн, неверие, смута») больший грех, чем даже убийство (Коран. 2:191). «И сражайтесь с ними, пока не будет больше *фитны* (искушения, смуты)» (Коран. 2:193). «Убивайте их, пока не прекратится *фитна* (искушение, смута)» (Коран. 8:39). В сходном значении используется термин «*фауда*» («анархия»). Соотношение этих терминов можно пояснить следующим образом: крупномасштабная *фитна* обычно перерастает в *фауду*, то есть разросшаяся смута, как правило, ввергает общество в состояние анархии. Термин *фитна* характеризует особое состояние сознания участников выступления, тогда как *фауда* скорее определяет состояние общества, пораженного смутой.

Несмотря на моральное осуждение *ал-фитны* в Коране, попытки использовать стихийное недовольство в политических целях, придать, казалось бы, спонтанному протесту управляемый характер имели место в различные периоды арабо-исламской истории. Впервые в арабской политической лексике термин *ал-фитна* был применен к широко известным событиям 656–661 гг., связанным с борьбой за халифскую власть между Али и Муавией. Волнения привели к крупному расколу внутри ислама – возникновению сектантского движения хариджитов, а в более далекой перспективе – утверждению правящей династии Омейядов (661 г.) и началу религиозно-политического движения – шиизма.

События, аналогичные тем, которые уничтожили режим Мубарака в Египте, имели место в этой стране и прежде. Так, автор этих строк лично был свидетелем «смуты» 1991–1992 гг., эпицентром которой также была площадь Ат-Тахрир в центре египетской столицы Каира. Смуты, переросшие в вооруженные восстания, происходили в Египте в 1919 и 1882 гг. Даже события, связанные с приходом к власти Мухам-

мада Али (1803–1805), по форме напоминали классическую «смуту» – *ал-фитну*.

И все же, в чем специфика современной *фитны* по сравнению с предшествующими периодами? Специфика, по нашему мнению, состоит в том, что с появлением электоральной демократии *фитна* («смута») заняла заметное место в арсенале методов предвыборной борьбы.

Один из первых примеров такого рода связан с событиями в Дамаске в 1908 г., когда предвыборная агитационная поездка известного религиозно-политического деятеля Рашида Риды (1865–1935) в Дамаск, где он призывал голосовать на выборах за кандидатов младотурецкой партии «Единение и прогресс», спровоцировала многотысячные демонстрации протеста. Дело едва не дошло до вооруженных столкновений на межпартийной основе, но неблагоприятное развитие событий удалось остановить с помощью вмешательства лояльных младотурецким властям представителей сирийской религиозной элиты. Именно религиозная элита в лице Джамаль ад-Дина ал-Касими, Абд ар-Раззака ал-Битара и других выступила посредником между населением и властями.

Поиск социальной и экономической подоплеки происшедшего едва ли в данном случае ведет к адекватному пониманию событий, которые вошли в историческую литературу под названием «смуты в месяц рамадан». Более продуктивным представляется их рассмотрение через призму традиционного политического поведения, в частности – такой устойчивой формы политического протеста и предвыборной борьбы, как *ал-фитна*.

М.Ю. Илюшина
(ВФ СПбГУ)

Тибак каирской цитадели в описании аль-Макризи

Слово *тибак* (طباق) в хрониках мамлюкского периода используется для обозначения расположенных в каирской цитадели казарм и специальных школ для мамлюков.

Мамлюкские султаны уделяли большое внимание воспитанию молодых рабов, попавших в *тибак* каирской цитадели. Султан мог вызвать любого из мальчиков, чтобы лично проконтролировать уровень его знаний, или внезапно явиться в *тибак* с проверкой. В «*Хутат*» аль-Макризи сообщает, что султан Калаун нередко присутствовал при доставке пищи для мамлюков и проверял ее качество. Мамлюки не имели права покидать *тибак*, и лишь в правление султана аль-Ашрафа Халиля (1290–1294) им было разрешено выходить за пределы цитадели. Виновые в нарушении дисциплины строго наказывались.

Положение изменилось в конце XIV в. Аль-Макризи отмечает вопиющие случаи беспорядка. В период второго правления Баркука (1382–1389) мамлюкам было разрешено жить в городе и жениться. При сыне Баркука, султана Фарадже (1399–1405), значительно сократились расходы на содержание мамлюков. Ко двору султана доставляли взрослых рабов, бывших у себя на родине моряками, кочегарами или даже водоносами. Фарадж считал, что обучение у *факиха* только портит их, и не интересовался воспитанием будущих воинов. В результате, как пишет аль-Макризи, мамлюки султана стали самыми низкими и порочными из людей, слабыми, невежественными и скупыми душой.

Таким образом, в истории *тибака*, представленной аль-Макризи, выделяются два периода. Первый, в общем, совпадает с правлением бахритских султанов, – в казармах царят порядок и дисциплина, а в воспитании и обучении мальчиков – «прекрасные обычаи» (عادات جميلة). Второй начинается с приходом к власти бурджитов и характеризуется падением нравов, плохими условиями содержания в *тибаке* и бесчинством мамлюков.

В *тибаке* будущие воины усваивали систему ценностей, на которой зиждилась стабильность власти мамлюкских правителей. Если же султан был далек от интересов *тибака*, не мог обеспечить своим рабам все необходимое или не считал нужным обучать их чему-либо, кроме военного ремесла, из защитников мамлюки превращались в обидчиков, разбой и смуты расшатывали основы государства.

В.И. Кункова
(ВФ СПбГУ)

Торговые отношения Аббасидов со странами Индийского океана

Внешняя торговля Арабского халифата в бассейне Индийского океана при Аббасидах играла важную роль в обеспечении его экономического, политического и культурного влияния в Индии, Китае, Индонезии, Восточной Африке.

Особое значение для Арабского халифата в Индийском океане имели торговые отношения с Индией, они носили регулярный характер и давали огромную прибыль. Стоит отметить значение терминов Хинд и Синд, употреблявшихся в арабских источниках. Хинд включал в себя территории к востоку от реки Инд, то есть не только собственно Индию, но и такие страны, как Индонезия, полуостров Малакка, Филиппины и др. Под Синдом подразумевались провинции Синд, Макран, Белуджистан, часть Пенджаба.

Морской путь в Индию через Индийский океан пролегал через «семь морей», которые называют арабские источники: 1) Персидский

залив, 2) часть Аравийского моря между Оманом и Лаккадивскими островами, Ларийское море (Лар – древнее название Гуджарата), 3) Бенгальский залив, 4) Малаккский пролив, 5) море Карданж, 6) Южно-Китайское море, 7) Восточно-Китайское и Желтое море. Арабские мореплаватели и купцы знали систему муссонов Индийского океана. Существуют сомнения по поводу того, могли ли арабские корабли пройти путь до Китая за один сезон муссонов. Находки на Мальдивских островах, Шри Ланке и в Южной Индии дают основание предположить, что арабские корабли вынуждены были оставаться там в период между двумя муссонами. В то же время вполне вероятным является предположение, что при точном определении времени, когда необходимо выйти из Малакки, арабские корабли могли достичь берегов Ближнего Востока за один сезон муссонов.

Индийский Дибаль (современный Карачи в Пакистане) на Аравийском море был главным портом для арабских кораблей. Коромандельское побережье Индии арабы называли ал-Ма'бар (место перехода, переправа), что подчеркивало его торговое значение как места, откуда арабские корабли отправлялись далее на восток, в Китай и Юго-Восточную Азию. Путь из Инда в Евфрат по Персидскому заливу считается древнейшим в торговле Индии с Западной Азией. Важными статьями индийского экспорта были специи, шелковые и другие ткани, сандал, кожи, изделия из металлов, хлопок-сырец, жемчуг, драгоценные камни и металлы, амбра. В Индии находился главный международный рынок по продаже индиго. Индонезия являлась основным поставщиком камфары. Китай, связанный с мусульманскими странами сухопутными и морскими путями, поставлял свои традиционные товары – шелк, фарфор, бумагу. Восточно-африканское побережье традиционно находилось под арабским экономическим и культурным влиянием.

Торговля в Индийском океане принесла Аббасидскому халифату не только большую экономическую прибыль, но и способствовала распространению его влияния в дальневосточном регионе и в Африке.

А.В. Моисеева
(ЦНБ СТД РФ, Москва)

К вопросу об истории кино- и фотодокументов из Йемена

У каждого исследователя в ходе научной работы образуется некий дополнительный материал, дающий более полную картину исследования. Фотографии Йемена чаще всего становятся именно таким материалом. В учебниках, научных монографиях, сборниках статей они выступают как добавление, а иногда как своеобразное украшение и «оживление» материала.

Однако значение кино- и фотодокументирования как отдельного источника в изучении архитектуры, быта, костюма и т. д. неоспоримо. Тем более для такой некогда закрытой страны, как мусульманский Йемен, где отсутствовала живописная традиция и не всегда есть возможность постоянно проводить полевые исследования.

Первые фотографии Йемена датируются 1860-ми гг. и были сделаны англичанами в Адене. В начале XX в. для османского султана были изготовлены фотографии народов его империи. В одном из альбомов присутствуют несколько постановочных фотографий, где представлена традиционная одежда разных районов Йемена. Интересна также серия «турецких» фотографий Саны 1910-х гг. Особую ценность представляют фотографии ученых, но не меньшую пользу несут и красочные фотографии нескольких выпусков журнала «National Geographic» или серия фоторабот Ганса Хейфрица (1930-е гг.), Ричарда Герлаха (конец 1950-х гг.) и др.

В отличие от фотографий кинофильмов о Йемене не так много. К представляющим историко-этнографический интерес можно отнести первый фильм о Йемене «Эль Йемен» (1930 г.) В.А. Шнейдерова и два фильма великого итальянского режиссера Пьера Паоло Пазолини – «Стены Саны» (1964 г.) и «Цветок 1001 ночи» (1975 г.).

Однако данные, полученные при работе с фото- и киноматериалами, могут содержать неточную информацию, т.к. не всегда есть полная атрибуция (дата, место и объект съемки), или атрибуция вовсе отсутствует. В таком случае фотография или киноматериал становятся отдельным объектом для изучения и анализа.

Всеволод Попов
(ВФ СПбГУ)

Новые молодежные арабские бунты

Успех молодежных бунтов в Тунисе и Египте породил цепную волну беспорядков во всех странах арабского Магриба, а также в Иордании, Йемене и даже во внешне благополучном Бахрейне, где основным мотивом стал конфликт между шиитским большинством и правящей суннитской верхушкой. В Ливии «народные» волнения приняли форму вооруженного мятежа с явными сепаратистскими тенденциями.

Попытки трактовать разворачивающиеся события лишь как социальный взрыв, вызванный резким ухудшением экономической ситуации, совершенно несостоятельны. И в Тунисе, и в Египте действительно чрезвычайно высок уровень безработицы среди молодежи. В Египте миллионы людей живут в ужасающей нищете, но ливийцам и уж тем более бахрейнцам на экономические сложности грех жаловаться, к тому

же революцию в том же Тунисе и Египте, в основном, делала образованная молодежь, в неделю тратящая на мобильный телефон больше, чем иной феллах на еду в месяц.

Портрет «среднего» революционера и в Тунисе, и в Египте, и в Иордании, и в Ливии, и в Алжире на удивление схож: это молодой человек 16–30 лет, со средним или даже высшим образованием, безработный, бессемейный, без четких политических взглядов, активный интернет-пользователь, состоящий во множестве радикальных политических сообществ, которыми изобилует арабский сегмент Facebook и Twitter. Такая гомогенность и «просчитываемость» революционного материала порождает схожесть технологий по его управлению и мобилизации. И в Тунисе, и в Египте начальным толчком к молодежным выступлениям стал вовсе не рост цен, а классическая для оранжевого сценария знаковая гибель «своего»¹. Далее вступает в силу отработанная «оранжевая» тактика «роения»²: молодые люди, координируемые сетью «старшин» через Интернет и SMS, устраивают флэш-мобы одновременно в разных частях города, нападая на полицейских и административные здания.

Всяческие легальные и нелегальные оппозиционеры с более или менее четкими политическими требованиями всякий раз подтягивались лишь через день-два. Здесь следует отметить некоторую арабскую специфику: в силу сравнительной авторитарности и патерналистского характера нынешней арабской государственности обычно легальные оппозиционные силы чрезвычайно разношерстны, немногочисленны и невлиятельны; единственной реальной оппозиционной силой всегда является зачастую запрещенное народное исламистское движение; однако любые волнения всегда приводят к тактическому союзу всех антирежимных сил под единственным объединяющим их лозунгом смены правителя. Еще одним фактором неизменного появления лозунга «Долой!», безусловно, является его простота и бесхитрость, очень понятная и близкая подросткам и молодежи, значительная доля которых быстро присоединяется к протестующим вовсе не под воздействием призывов в Интернете, а просто в силу любопытства и желания поучаствовать в драке, а заодно и пограбить. Призывы к полному свержению режима, сопровождаемые временным альянсом политических антаго-

¹ В Тунисе это было протестное самоожжение несчастного неудачливого торговца по имени محمد بوعزيزي. Акт самоожжения оказался записан на видео и выложен в сеть. В Египте толчком стали «полицейские зверства», приведшие к гибели молодого человека по имени خالد سعيد. Сразу после этого было организовано facebook-сообщество «كلنا خالد سعيد» и начались выступления в Александрии.

² Swarming – термин, используемый кураторами из National Endowment for Democracy.

стов в сочетании с грабежами и насилием, вполне естественны для арабских бунтов именно в силу сохраняющегося патерналистского менталитета.

Еще одним общим для всех произошедших событий фактором (помимо прямого предательства со стороны руководства МВД и генералитета) является жесткое давление западных СМИ в поддержку протестующих. Это вполне укладывается в классическую «оранжевую» схему внешней медийной поддержки с целью лишить власти любого пространства для маневра. В подобных ситуациях ни BBC, ни CNN никогда не чурались откровенной пропаганды и подстрекательства. Однако в нынешних событиях главным застрельщиком революции впервые выступил региональный внешний «демократизатор» в лице катарской сети «ал-Джазира».

«Ал-Джазира» шла к своему нынешнему статусу безоговорочного кумира арабской улицы достаточно долго. Тема борьбы с угнетателями и предателями в лице нынешних арабских режимов долгое время не была в числе явно педалируемых, хотя публикации об очередных «зверствах» тунисского, алжирского или йеменского режима появлялись регулярно; причем именно материалы, размещаемые на одноименном электронном сайте, всегда отличались безоговорочной поддержкой любой региональной оппозиции и полным пренебрежением мнением официальных структур. Новый этап в работе компании начался после оглушительного успеха проекта Wikileaks. На веб-портале канала появился постоянный раздел с выжимками «сенсационных» утечек. Наиболее резонансные материалы выносились на передовицы. В начале января, после массивной рекламной кампании там же началась публикация так называемых протоколов двух раундов прямых палестино-израильских переговоров. Материалы произвели эффект разорвавшейся бомбы: лидеры Автономии оказались предателями, продавшими национальные интересы, не получившими от Израиля ничего взамен, да еще и заранее знавшими об израильском нападении на Газу¹. Освещение «ал-Джазирой» событий в Тунисе, Египте и Ливии носило откровенно подстрекательский характер.

Каков же хотя бы промежуточный итог? И в Тунисе, и в Египте произошло резкое изменение соотношения политических сил. В Тунисе правящая партия разгромлена, в Египте ожидается похожее развитие событий. Круг влиятельных политических игроков вдруг одновременно расширился, включив в себя как легализованные, так и ранее запрещенные движения и партии, в первую очередь исламистские. В случае про-

¹ Речь идет об операции «Литой свинец» (дек. 2008 – янв. 2009 гг.).

ведения действительно открытых и «честных» выборов с большой долей вероятности победу одержат именно исламисты (особенно в Египте, где недовольство населения проамериканской и прозападной политикой руководства было одной из основных причин общественной поддержки нынешней «революции»).

Г.З. Пумпян
(БАН, СПб)

Повседневная жизнь Сирии и Палестины в изданиях ИППО, 1881–1917 гг.

Среди публикаций ИППО (Императорское православное палестинское общество) имеются материалы этнографического плана об особенностях повседневной жизни Сирии и Палестины рубежа XIX–XX вв. (происшествия, обычаи, уклад жизни этноконфессиональных групп, их взаимоотношения). Это корреспонденции и обзоры, заметки мемуарного характера, порой – перепечатки из зарубежной периодики. Среди авторов – сотрудники изданий и служащие ИППО в Палестине, местные православные арабы. Так, известный литератор и преподаватель школы ИППО Салим Кобейн оставил записки о поездке в Заиорданье в 1896 г. Описаны важнейшие для арабского кодекса чести обычаи гостеприимства, склонность к усложненным церемониям (*таклифāt*), традиция выступлений в собраниях певца и стихотворца, искусство приготовления кофе. Приводятся интересные для диалектолога и фольклориста пословицы, бытовая лексика (СИППО, 1898 г.).

Попытки различить в повседневной жизни Востока черты библейского времени содержатся в статье «Библейские черты в современной жизни на Востоке» (СИППО, 1898 г.). Отмечены преемственность и общность не только бытовых черт, но даже и моральных правил у народов разных религий и племен, населявших Палестину. Для характеристики положения православных арабов в Иерусалимском Патриархате важна публикация в СИППО (1885 г.) «Писем Иерусалимского старожилы...»

П. Левитова («грабительские» отношения греков-фанариотов к арабам, небескорыстная позиция латинских монахов). Описаны межнациональные отношения в Османской империи (неравноправие в суде и злоупотребления, толкавшие к беспорядкам; но есть и материалы о спокойных и дружелюбных отношениях между конфессиями). Показательны статьи об отношении мусульман к христианским святым и святыням, к пророкам, почитаемым и в исламе. Отмечено, что почитание Божией Матери и святых широко распространено между сирийскими му-

сультанами. Публикации подобного рода проливают дополнительный свет на новую историю Сирии и Палестины.

Д.А. Радивилов
(ИВ НАН Украины, Киев)
Государство ибадитов в Омане (793/794–893)
по сведениям Халида б. Кахтана

Государство ибадитов Омана, существовавшее в период с 793/794 по 893 г., принято называть «первым *имаматом*». Среди источников, обычно привлекаемых в этом случае, помимо всеобщих историй (ат-Табари, Ибн Мискавайх, Ибн ал-Асир, Ибн Халдун), дающих крайне неполное освещение событий в регионе, а также хроник оманских авторов – Сирхана б. Са‘ида ал-‘Абри (вторая половина XVII – начало XVIII в.), Хумайида б. Мухаммада б. Рузайка (ум. в 1873 г.), ‘Абдаллаха б. Хумайида ас-Салими (1866–1913), – имеющих гораздо более позднее происхождение, ведущее место принадлежит *сирам* – произведениям особого жанра, получившим широкое распространение в литературе ибадитов Омана. В отличие от сочинений историко-биографического характера, оманские *сиры*, в своем исконном виде, представляют собой доктринальные послания, в которых знатоки ибадитской традиции, обращаясь к единоверцам, разъясняют им положения вероучения и права, заявляют о собственном мнении по тому или иному вопросу.

Одной из важнейших для нас является *Сира* выдающегося факиха Абу Кахтана Халида б. Кахтана (ум. в начале X в.) – аздита из бану харус, ставшего свидетелем отставки имама ас-Салта б. Малика ал-Харуси (851–886) – судьбоносной для первого государства ибадитов в Омане, и принимавшего активное участие в дискуссии по этому поводу на стороне соплеменника. По мнению Халида б. Кахтана, ас-Салт б. Малик был низложен без достаточных правовых оснований в результате происков ‘алима Мусы б. Мусы – низарита из бану сама б. лу’айй б. галиб, а следующий имам, Рашид б. ан-Надр (886–890), ставленник Мусы, возглавил общину оманских ибадитов незаконно. Занимая крайне непримиримую позицию, Абу Кахтан призывает отречься от Мусы б. Мусы и Рашида б. ан-Надра, предьявляет доказательства неправомерности устранения имама ас-Салта б. Малика и опровергает аргументы оппонентов, чему, собственно, и посвящена значительная часть сочинения.

Т.М. Сипенкова
(ВФ СПбГУ)

Несколько набросков к курсу «Россия и Восток»

1. Конфликтогенность в поликонфессиональном обществе.
2. Именование Бога у разных народов. Наблюдения инока Зосимы («Хождение», 1419–1422). Миссионерское направление в исламоведении XIX в. (еп. Александр (Светлаков)); перевод Корана Г.С. Саблукова. И.П.Петрушевский о Боге авраамических религий.
3. Проект научной программы «Ислам в пограничной ситуации: Россия, Европа, Африка и Ближний Восток» и конференция «Мусульманско-христианский культурный диалог» (СПб, дек. 1991 г.). Доклад Б. Сидикова о переводе Корана академика И.Ю.Крачковского.
4. Культурно-политическое и нравственное значение передачи понятия Бога Единого в наше время. Главный раввин России А. Шаевич об авраамических религиях.
5. «Письма о магометанстве» (1848 г.) А.Н. Муравьева и тема заклания в религиозно-политической полемике с исламом.
6. Современный религиозный диспут и его деструктивная роль для гармонизации общественных отношений. Тезис о делении человечества на *homo sapiens* и *homo christianus*.
7. Место проблемы в отечественном востоковедении и преподавании курса «Россия и Восток».

С.С. Фаязова
(ВФ СПбГУ)

Религия как фактор духовной деколонизации

Ислам исторически является главным столпом национальной самобытности стран Северной Африки, как особая цивилизация и культура, в рамках которой сложилось богатое идейное наследие, охватывающее также политико-правовые концепции. Ислам имеет влияние на духовную, мировоззренческую и политико-правовую культуру большинства населения Северной Африки. Несмотря на светский характер республиканского Египта и Королевства Марокко, исламские представления о власти, праве, политике играют важную роль в жизни общества. Коран и законы шариата входят в состав конституционных актов и положений современных стран Северной Африки.

Сегодня мы являемся очевидцами исламизации политики и политики самого ислама. Многие авторы подчеркивают, что исламский фундаментализм и исламский экстремизм – разные вещи. Также нельзя ставить знак равенства между исламским экстремизмом и терроризмом,

прикрывающимся исламской риторикой. Начиная с исламской революции в Иране 1979 г., в современном мусульманском мире ислаимзм, выступающий под лозунгами создания исламского государства и всемирного халифата, играет все возрастающую роль. Вслед за шиитским Ираном огромное количество исламистов появилось и в суннитских странах – от Египта и Марокко до Афганистана, Пакистана, Турции, которая придерживается принципов светского государства.

Религия является неотъемлемой частью духовной жизни общества, влияет на политику, проводимую главами государств, а также на формирование политической культуры правящей элиты. Лидеры и руководители арабских стран стремились воздействовать на сознание широких слоев населения с помощью ислама для выполнения поставленных задач, стараясь подкреплять свою внутреннюю и внешнюю политику религиозными догмами. В странах Северной Африки религия неотделима от политики, например: король Марокко – верховный правитель и с политической, и с религиозной точек зрения, что предоставляло ему ряд преимуществ. Все президенты АРЕ подчеркивают верность принципам ислама, что является неотъемлемым фактором законности правящего режима.

Проблема места и роли ислама в истории и культуре стран Северной Африки имеет большое значение для понимания современной религиозной ситуации в регионе для осмысления причин усиления «исламского фактора» в идейно-политической борьбе, о чем ярко свидетельствуют события 2010–2011 гг. в Египте, Тунисе. Ислам является государственной религией Египта и Марокко, занимает прочные позиции в обществе, оказывает устойчивое воздействие на сферу политики и идеологии, на сознание и быт населения.

О.Б. Фролова
(ВФ СПбГУ)

Арабский ученый ‘Абд ар-Рахим ал-‘Атáви об И.Ю. Крачковском

Главу российской арабистики И.Ю. Крачковского высоко ценили и почитали в арабском мире. Если обратиться к такому арабскому государству, как Марокко, то складывается впечатление, что труды И.Ю. Крачковского были известны там в достаточной мере. Среди множества работ востоковедов и переводов их трудов трудно обойти вниманием книгу на арабском языке, на обложке которой значится «Игнатий Крачковский: исторический роман в новой арабской литературе и другие исследования» (Рабат, 1989). Перевод на арабский язык со вводной частью и комментариями выполнен Абд ар-Рахимом ал-‘Атáви.

Только при чтении книги становится ясно, что ученый, представляя книгу, называет себя переводчиком. В действительности же он не только детально излагает содержание исследований И.Ю. Крачковского, но и дает им свою оценку, восхваляя великий труд российского ученого. Он обращает внимание на самое ценное и важное в них и добавляет свои соображения. Например, он указывает на огромную роль А.П. Чехова для арабской литературы, а также подчеркивает в целом влияние русской литературы на арабскую.

О.Б. Фролова
(ВФ СПбГУ)

***Новые взгляды арабского ученого Лутфи Мансура
на факты истории арабов***

Труды арабского ученого, писателя, публициста Лутфи Мансура – палестинца, живущего в Израиле, казалось бы, далеки от связи с русской литературой и русской действительностью. Однако, если обратиться к их содержанию, станет ясно, что направление мыслей этого автора близко к идеям и представлениям как российских ученых, так и европейских. Например, в своей книге «Эмиграция в Эфиопию и христианско-мусульманские связи на заре ислама» (Кафр-Кара, 1998) Лутфи Мансур приходит к выводу, что бегство мусульман в Эфиопию совершалось не по причине их преследований язычниками, но главной целью было оживление торговли и защита от рабства людей с черной кожей. В другом своем труде – издании арабской рукописи с исследованием словаря названий вина, запретного для мусульман, и описанием свободного поведения женщин у христиан, Лутфи Мансур по своим взглядам и по своему настроению предстает близким и к европейцам, и к россиянам.

Е.Н. Фурсова
(Триполи, Ливия)

О проблемах историографии национальной истории Ливии

Знакомство с историографией истории Ливии выявляет следующую тенденцию: при значительном числе европейских исследований доля работ арабских авторов по истории Северной Африки в целом, и Ливии в частности, не так внушительна. Имеется более шести тысяч публикаций на итальянском, английском, французском, немецком и на шведском языках. В то же время среди современных работ на арабском языке можно назвать лишь несколько крупных исследований. В числе современных историков Ливии можно упомянуть Мухаммада Бен

Мас'уда, Мустафу Абдаллаха Ба'ю и Фуада Шукри. Работы Мустафы Абдаллаха Ба'ю¹ считаются лучшими с точки зрения освещения политической истории Ливии до 1953 г. Труд Фуада Шукри², посвященный событиям в Ливии в период с начала Итальянской оккупации (1911 г.) и до 1952 г., считается работой в самых подробных деталях освещающей ливийские реалии того времени.

Отдельно следует выделить труды Мухаммада Абделькарима ал-Вафи³, который подробно исследовал отдельные периоды Ливийской истории, используя богатую европейскую историографию XVIII–XX вв.

Можно также упомянуть работы трех более ранних ливийских историков, чьи труды широко известны как европейским, так и арабским авторам:

1. Ибн Гальбун Ат-Тараблуси. Воспоминание о тех, кто правил в Триполи, и о том, что там происходило (с момента исламского завоевания до эпохи правления Ахмада ал-Караманли 1743 г.). Триполи, 1967.

2. Мухаммад Осман ал-Хашаиши. Рукопись об уходе горестипечали из «Западного Триполи»⁴. Бейрут, 1965.

3. Ахмад Ан-Наиб ал-Ансари. Пресный источник (исследование по истории «Западного Триполи»). Триполи, 1961.

Интересной представляется одна из последних работ по истории Ливии современного ливийского исследователя Абдельбари Халиля ал-Гумати. В книге «Чтения по истории Ливии от исламского завоевания 643 г. до 2000 г.»⁵, по словам самого автора, он попытался объединить сведения ученых, путешественников и современников событий далеко и близкого прошлого Ливии.

Проблемы национальной истории Ливии тесно связаны со сложностью освещения исторических событий. Источники зачастую расходятся в своих повествованиях и сообщениях. Нередко возникает путаница с

¹ Мустафа Абдаллах Ба'ю. Исследования по истории Ливии, Очерк по истории Ливии. Триполи, 1967.

² Д-р. Фуад Шукри. Рождение нового Ливийского государства. Каир, 1957 г.

³ Д-р. Мухаммад Абделькарим ал-Вафи. Ливийские анналы от арабского завоевания до итальянского вторжения (Charles Feraud (1829–1888), перевод с французского языка с комментариями). Бенгази, 1998, 4-е издание. Путь в Лозанну: военно-дипломатические тайны итальянского вторжения в Ливию. Триполи, 1977, и др.

⁴ «Западное Триполи» в арабской или «Триполитания» в европейской традиции. Оба названия получили распространение во времена Османской Империи. Прим. Фурсовой Е.Н.

⁵ Абдалбари Халиль ал-Гумати. Чтения по истории Ливии от исламского завоевания 643 г. до 2000 г. Триполи, 2008, 1-е изд.

датированием тех или иных событий. Следует отметить, что источниковая база по Ливии, охватывающая средневековье, невелика. Исторические книги того периода в основном посвящены Магрибу в целом, причем Ливии в них уделено меньше всего внимания. Например, сравнительно мало сведений приводится о Ливии в короткий, но важный период ее истории с момента появления Фатимидов в Ифрикии и до завоевания ими Египта (X в.). Так, в контексте национальной истории актуальным представляется вопрос о роли Ливии в событиях, разворачивавшихся в соседних странах.

Важным этапом национальной истории Ливии в османскую эпоху является правление династии Караманли (XVIII–XIX вв.). В этот период Ливия практически стала независимым государством. Были предприняты усилия по развитию экономики, строительству современного флота. На официальном уровне турецкий османский язык был заменен арабским. Итальянская оккупация Ливии (1911–1942) стала периодом подъема национального движения.

В целом изучение освободительных движений в арабском мире и их влияния на Ливию занимает сегодня главное место в разработке проблем Новой истории Ливии, в частности в период с 1835 по 1945 гг. В свою очередь, в новейшей историографии национальной истории основное внимание, безусловно, уделяется истории антимонархической революции 1 сентября 1969 г. – Великой Революции «Аль-Фатих» под руководством Муаммара Каддафи.

О.М. Ястребова
(РНБ, СПб)

***О датировке рукописей из коллекции
шейха Мухаммада ‘Айяда ат-Тантави¹***

Коллекция арабских рукописей шейха Мухаммада ‘Айяда ат-Тантави (1810–1861) хранится в Восточном отделе Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета и насчитывает около 160 единиц хранения. В рамках проекта по электронной публикации коллекции составляются археографические описания рукописей этого собрания. Особое внимание уделяется кодикологическим характеристикам рукописей, которые помогают определить примерное время создания тех рукописных книг, которые не имеют датированных колофонов. Наиболее полезными для датировки материалов собрания оказались данные, полученные при описании бумаги, а также владельческие приписки.

¹ Данный проект осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00540, 2010г.

Большая часть книг собрания написана на бумаге европейского производства с филигранями. Однако среди наиболее старых из них встречается восточная бумага без филиграней. Из уже описанных книг собрания датированные на восточной бумаге относятся к XVI в. Это рукопись № 689, список сочинения «Маназил ал-хаджж» Мухаммада б. ‘Абд ал-Кадира ал-Ханафи, датированный 978/1570 г., а также законченная перепиской в 920/1514–15 г. рукопись № 694 – прижизненный список глосс Абу Йахьи Закарийи ал-Ансари (ум. в 1520 г.) к комментарий Ибн ал-Вирди на «ал-Хави ас-сагир» ‘Абд ал-Гаффара ал-Казвини¹. Бумагу этих рукописей, а также ряда недатированных списков из коллекции ат-Тантави, характеризует наличие иногда хорошо различимых, иногда плохо видных на просвет, расположенных на значительном расстоянии друг от друга групп по два или по три понтюзо. Франсуа Дерош упоминает, что такой рисунок бумаги характерен для Египта и Сирии в XII–XV вв.², но в коллекции ат-Тантави есть и датированные списки XVI в. Таким образом, следующие манускрипты на бумаге подобного типа также можно датировать временем не позднее XVI в.:

№ 688, список «Матали‘ ал-анзар фи шарх тавали‘ ал-анвар ли-л-Байдави» Абу-с-Сана Шамс ад-дина Мухаммада ал-Исфахани (ум. в 1316 г.)³;

еще два списка глосс ал-Ансари к комментарий Ибн ал-Вирди на «ал-Хави ас-сагир» – № 692 (основная часть рукописи на восточной бумаге, утраченные части восполнены позднее на европейской бумаге с филигранями) и № 693⁴;

№ 698, рукопись сочинения «Китаб ал-азкар» Абу Закарийи Йахьи б. Шарифа ан-Навави (1233–1278)⁵.

Последняя рукопись (№ 698) в каталоге ошибочно датирована 1144/1731–1732 г. На самом деле эта дата указана в приписке на последнем листе, которая явно выполнена иным почерком, чем основной текст книги. Упомянувший себя в этой приписке Мухаммад ал-хаджж ‘Абд ад-Халик аш-Ширахти называет свое имя также и во владельческой помете на первом листе этой же рукописи.

¹ Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки СПбГУ: Краткий каталог / Сост. О.Б. Фролова, Т.П. Дерягина, ред. О.Б. Фролова. СПб, 1996. № 947 и 615.

² Deroche F. Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe. Bibliothèque nationale de France, 2000. P. 61–63.

³ Арабские рукописи, № 895.

⁴ Арабские рукописи, № 613 и 614.

⁵ Арабские рукописи, № 763.

При датировке списков № 692 и 693 следует также учитывать тот факт, что автор содержащегося в них сочинения умер в 1520 г., и, следовательно, они никак не могли быть переписаны ранее второй половины XV в.

Упомянутая рукопись № 688 «Матали‘ ал-анзар» Абу-с-Сана ал-Исфахани имеет на первом листе две чрезвычайно интересные владельческие приписки. В одной из них имя затерто, но заканчивается она словами «ал-кафил би-Димашк» – «поверенный в Дамаске». Запись, таким образом, свидетельствует о том, что книга некогда находилась в этом городе; вероятно, это было на раннем этапе ее существования, о чем говорят особенности почерка приписки. Вторая приписка сообщает о переходе рукописи во владение некоего Шамс ад-дина б. ‘Аррака, мударриса в медресе ал-Хатуниййа. Хотя эта приписка и не датирована, но вполне возможно, что она сообщает о принадлежности книги суфию Шамс ад-дину Мухаммаду б. ‘Али б. ‘Абд ар-Рахману б. ‘Арраку ал-Димашки, известному как Ибн ‘Аррак. Он родился в семье богатого черкесского мамлюкского эмира в Дамаске в 1473 г., провел большую часть жизни в Дамаске, Бейруте и Мекке, где и умер в 1526 г.¹ Медресе под названием ал-Хатуниййа была основана в Дамаске ‘Исмаат ад-дин Хатун в 579/1183 г.² Известно, что ок. 1500 г. Ибн ‘Аррак посетил Каир, и можно предположить, что книга прибыла в Египет вместе с ним.

Европейская бумага с филигранями начинает проникать на Ближний Восток в XIV в., а к середине XVI в. почти полностью вытесняет в Османской империи бумагу без филиграней³. Пока что наиболее ранняя из рукописей коллекции ат-Тантави, в которой были обнаружены филигранные, это № 709 – список сочинения ас-Суйути (1445–1505) «Лубб ал-албаб фи тахрир ал-ансаб»⁴. До л. 42 в этой рукописи встречаются филигранные следующих сюжетов: шесть холмов (ср. Piccard, № 2642–2644⁵, даты 1491 и 1494 гг.), мальтийский крест в круге (ср. Briquet⁶, № 5576,

¹ Обзор его биографии, а также рассказ о недавнем обнаружении в Бейруте во время работ по реконструкции центра города *завийи*, построенной Ибн ‘Арраком для своих последователей, см.: al-Harithy H. Weaving historical narratives: Beyrut’s last Mamluk monument // Muqarnas. Vol. 25. P. 218–219.

² Humphreys S.R. Women as patrons of religious architecture // Muqarnas. Vol. 11. P. 49.

³ Deroche F. Manuel de codicologie. P. 64–65.

⁴ Арабские рукописи, № 824.

⁵ См. интернет-версию справочника Пиккарда: Digitale Publikation der Wasserzeichensammlung Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart, <http://www.piccard-online.de>, № 153228–154230.

⁶ Briquet, Charles M. Les Filigranes. Paris, 1907.

дата 1468/1471 г.), мальтийский крест в круге с маленькой зубчатой короной над ним (л. 20 и далее – ср. Briquet, № 11946, дата 1516 г., однако приведенная в справочнике филигрань расположена на оси понтюзо, в то время как филигрань в рукописи расположена между понтюзо и в два раза меньше по размеру). Филигрani позволяют датировать рукопись второй половиной или концом XV в. Датировку подтверждает также сохранившийся оригинальный переплет, оформление которого характерно для XIV–XV вв.¹ Таким образом, перед нами, вероятнее всего, список сочинения, исполненный при жизни его автора.

Приведем также примеры более поздних рукописей, датируемых на основе филиграней: № 684. Анонимное сочинение, критикующее веру христиан и иудеев². Филигрani: якорь в круге, над ним звезда; литеры ER(?) (ср. Piccard, интернет-версия, № 118993 – 1506 г., 119002 – 1538 г., 119025 – 1516 г.). Датировка по филиграням – 1-я половина XVI в.

№ 699. Сочинение о запрещенных и разрешенных животных, автор Абу-л-‘Аббас ал-Акфахси³. В этой рукописи можно увидеть целый набор различных филиграней: якорь в круге с трилистником сверху, литеры VE и FG, разделенные увенчанной трилистником вертикальной чертой, три полумесяца. Как минимум еще одна рукопись в коллекции ат-Тантави состоит из бумаги со сходным набором филиграней – это № 839, сборник, переписанный в Дар аш-Шифа в Каире известным врачом Мадйаном б. ‘Абд ар-Рахманом ал-Каусуни между 1594 и 1620 гг.⁴ (филигрani – якорь в круге с трилистником над ним, литеры FG с трилистником). Подобное совпадение позволяет также датировать и рукопись № 699 концом XVI – началом XVII вв.

Таким образом, уточнение времени изготовления недатированных рукописей на основании кодикологических признаков позволяет полнее раскрыть научное значение коллекции ат-Тантави.

Isabella Camera d’Afflitto
(*Sapienza, University of Rome*)

Translating Arabic Literature in Italy: Thirty Years of Editorial Battles

Famous Italian orientalists have been making big efforts since the beginning of the 20th century in order to have classical, modern and contempo-

¹ Ср., например: Haldane D. Islamic bookbindings in the Victoria and Albert Museum. London, 1983. № 32.

² Арабские рукописи, № 148.

³ Арабские рукописи, № 163.

⁴ Арабские рукописи, № 317, 400, 765, 785.

rary Arabic literature widespread as other world literatures are. Despite that, most of the times, it has been confined within the limits of specialized studies. However, after Nagib Mahfuz won the Nobel Prize, the situation has completely changed. As far as Italy is concerned, for instance, it was thanks to that very event that publishing houses discovered contemporary Arabic literature and gave way to an intense translation movement which is still ongoing. In my paper I will try to give an overview as complete as possible of what has been, and is being, done in my country in this field, pinpointing the fundamental role played by publishers, even small sized ones. In many cases, and because of the lack of any public cultural projects, they have undertaken an important task: the diffusion of Arabic culture within the Italian borders, thus putting into practice the authentic intercultural dialogue between the two shores of the Mediterranean, one of the most discussed topics nowadays.

Roswitha Badry

(University of Freiburg, Germany)

Iraqi historiography in the 20th century: Remarks on the contribution of ‘Abbās al-‘Azzāwī (d. 1971)

This paper will shed some light on the life and work of one of the most important Iraqi historians of the past century. Although a lawyer by profession, a so-called 'amateur historian', and a rather traditional one who followed earlier patterns of Islamic historiography, not new critical methodologies of 'Western' type, ‘Abbās al-‘Azzāwī has to be recognized as a crucial figure in paving the way for the emergence of modern, professional (academic) Iraqi historiography. In my contribution I will outline to what extent the scholar combined old and new forms of historical writing, and to what degree he has inspired further research on political, social, cultural, and religious aspects of Iraqi history – not only in the 'East' but also in the 'West'.

Born circa 1307/1891 in the Diyāla district in a rural Sunnite Bedouin milieu, he received all his education in Baghdad, first at Koran schools (*kut-tāb*), then at the Ottoman *rüşdiyye* and various *madrasas* (especially Maḥmūd Shukrī al-Alūsī, died 1924, seems to have awakened ‘Azzāwī's interest in historical subjects), finally at the Law Faculty. Till his retirement (1961/62) he worked as a lawyer.

At the same time this indefatigable scholar was preoccupied with collecting material on the history and culture of the Arab Middle East, Iraq in particular, as well as with writing, editing, translating. As a result he left not only an impressive number of published and unpublished studies, but also a huge private library with about 15,000 volumes, among them more than 6,000 manuscripts, some of them rare copies, as well as several material documents.

‘Azzāwī’s writings cover a wide range of topics, including political, social, cultural (religious, literary, scientific) and financial, economic aspects of history. Most of his works are devoted to Iraqi history between the 13th century and the beginning of the 20th century and use both written (texts in Arabic, Persian, Ottoman) and material (e.g. coins, inscriptions, archaeological artifacts, photos) historical documents. His fame as a great historian is first and foremost based on two monumental works which contain lots of informative and valuable details: *Tārīkh al-‘Irāq bayna iḥtilālāyn* («History of Iraq between the two Occupations», i.e. between the Mongol invasion in 1258 and the British occupation in 1917, in 8 vols., Baghdad, 1935–1956) and *‘Ashā’ir al-‘Irāq* («The Tribes of Iraq», in 4 vols., Baghdad, 1937–1956).

Victor V. Kurlyandskiy
(Moscow University of Government Management)
Earth’s surface as a historical source

The Earth’s surface with objects of material culture and a calendar of astronomical events are the only identically true sources for recording historical events over very long periods. The paper is the presentation of a variant of the 3-D computer simulating application for development of simultaneous historical and astronomical events investigations. We simulated geographical and astronomical conditions of historical events. Results have an interdisciplinary research interest.

In particular, we tested a hypothesis that the geographical location of some ancient cities could be chosen after astronomical observations and geometric constructions completed in moments of their foundation or rebuilding. And we may argue in favor of the hypothesis on the basis of computer-simulation derived data.

The ecliptic latitude of a zenith above Alexandria founded by Alexander the Great becomes equal $1/2 \times 109^{\circ}28'$ and the ecliptic latitude of a zenith above the historic Beijing rebuilt during the Ming Dynasty becomes exactly equal $63^{\circ}26'$ if the moment of astronomical observations is noon of a day of winter solstice and an angle between earth equator and ecliptic planes becomes equal to $1/3 \times 70^{\circ}32'$. Angles $109^{\circ}28'$, $63^{\circ}26'$, $70^{\circ}32'$ are angles of polyhedrons tetrahedron, icosahedron, hexahedron.

Khalidia Madhoui
(Mascara university, Algeria)
The reign of the Numidian King Massinissa (238-148 BC)
through the literary sources and archeology: A critical view

Massinissa (238 – early January 148 BC), a Massylii leader who became the first king of unified Numidia (now Algeria), is the first Libyan entered fully into light of history. Thanks to his strong personality, Numidia began to play a role in the Mediterranean. On the other hand, because he was well known and powerful and his reign was exceptionally long, Massinissa was considered to be the author of all that had slowly developed during the prehistoric times in the region.

It is easy, I know, to debunk statues and one can have a bad conscience to do so, but it is more difficult to do that with a person who was praised by the Greek historian Polybius. I wanted to analyze impartially living conditions in the lands of Massinissa in time of his reign. He was traditionally reported as an inventor of the agriculture, which in fact existed among the Numidian tribes long before Massinissa; the invention of Libyan writing, the cult of Ceres Graecae and the King's cult were also groundlessly ascribed to him. If Massinissa was neither agricultural nor language or religious reformer that some historians wanted to see him, he was at least the person who unified and created the Numidian kingdom extended from Mulucha to Sirte. His role in the defeat of Carthage was also prominent. A relative order that Massinissa had established in the country resulted in considerable economic growth, development of urban centers and agriculture. He organized a powerful army and established tight relations with the Mediterranean world (Iberian Peninsula, Rome, Athens, Rhodes, Delos).

Alexander Matveev
(Faculty of Asian and African Studies, SPbSU)
Electronic publication of Mss. collection of Sheikh al-Tantawi (1810-1861)
in the Library of FAAS in St.Petersburg¹: Main aspects and objectives

The year 2010 in the Faculty of Asian and African Studies of St.Petersburg State University was dedicated to the 200th anniversary of Sheikh Muhammad Ayyadh al-Tantawi (1810-1861), Professor of both al-Azhar University and St.Petersburg University. This prominent Arab scholar was very famous in XIX C. both in Arabic World and in Europe, though he is rather neglected now outside Russia. In relation to his anniversary and in

¹ Данный проект осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00540, 2010г.

order to promote his name, our Faculty organized in November 2010 a large International Conference «Russia and the Arab World» dedicated to 200th anniversary of Sheikh al-Tantawi and published conference materials.¹

Besides the conference, we have started a major project of electronic publication of the collection of Arabic Mss. of al-Tantawi. The importance of this project is twofold. First, the owner of the collection was a prominent scholar who had both traditional Arabic Muslim education and taught himself in al-Azhar, and he also had experience of European-style academic research and teaching. As a result, his collection is an excellent selection of Medieval and contemporary Mss. in different fields of Arabic and Islamic studies available in Egypt in the 1st half of the XIX C. Thus, studying and publishing of such a scholarly collection is very important on its own.

Secondly, the technical aspects of this electronic publication would also be important, as the problems of publishing Arabic Mss. and standardization of their description is important for Arabic studies in general. Arabic (and Arabic script in general) manuscripts heritage encompasses several millions of volumes. They are of unequal importance, but at least some dozens thousands of these Mss. are worth to be published. Such a huge task was impossible to accomplish in traditional paper form, but now, with new computer technologies invention, it became possible to publish unlimited number of Mss. in electronic form. A number of Mss. are already published in Arabic countries and Europe on CD-ROMs or Internet, as scanned images of Ms. papers with some general description. However, no system of their description or electronic organizing of large collections has been invented yet. Thus, the purpose of our project is to invent a *standard system* of both bibliographical and historical description of Arabic Mss., their authors and works². We do hope that the results of our project will be eventually used as a starting point for elaboration of some International standard of description and publishing of Arabic manuscripts heritage.

¹ Конференция была организована при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-14020г.

² For more details regarding the system of Mss. description see the article (computer description tables are given there in English): Матвеев А.С., Чернов А.В., Ястребова О.М. Проект электронной публикации коллекции арабских рукописей Шейха ат-Тантави в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ // Abstracts and Papers of International Conference Dedicated to the 200th Anniversary of Shaikh Muhammad Ayyadh Al-Tantawi (1810-1861). St.Petersburg, 2010. P. 77-87.

Ahmed Renima
(University of Oran, Algeria)
The pre-colonial Maghreb in the French historiography

The France of the 18th century might be one of the most prosper states in the world, with a new culture, and new life, arts and sciences held an advanced position. The books of liturgy and devotion let the place to agriculture, economy, politics and Metallurgies... several hundred works of the religious or medical literature, the grammar and the music got the privilege to be printed. Geography and ethnography is, at least, a secondary science, and still more indigent. At the end the «l' Ancien Régime», the taste for exoticism appears, but North Africa was not enough «wild» to deserve the attentions.

First quantitative indication, the registers of the granted authors and editors of the second half of the 18th century provides an eloquent answer.

There were some big historical and geographical collections, in sufficient publications. But what materiel could we find there concerning the Maghreb? *In the Big historical Dictionary* written by Moreri (*le Grand Dictionnaire historique*) the articles on Morocco, Algiers or Tunis were a compilation of the old works of Marmol, Leo the African, Mouëtte or Laugier of Tassy, without any information provided by the author, or any critics or updating. For example the population of the cities was fixed therefore invariable, from century to century, and from edition to edition. *The Big geographical and critical Dictionary* written by Bruzen de la Martinière, (*Le Grand Dictionnaire géographique et critique*), reissued several times during the 18th century. The author also belonged to the same literature: a brief description of the important cities and governments is everything that could be conveyed by these compilations. The encyclopedia of travels written by Grasset de Saint-Savior, (*L'Encyclopédie des voyages*) was more belated, and less dry. There we don't miss the judgments of values. These documents draw the typical picture of the inhabitants of North Africa in the end of the 18th century, first, the vice, and the luxury life. The second shortcoming, the laziness: «*The nature fertilizes in vain the earths of its dependance; the lazy citizens make the deaf ear to the invitations of the nature*». All shortcomings that justify the author's conclusion: «*When will the maritime nations, jealous of the liberty meet therefore themselves for a political crusade, against those Africans rowers? Or that only our patience emboldens them to robbery*»?

Thus, an ethnologic literature, rather than ethnographic that, attempt to describe the morals and customs of the others, affects every human group of a number of signs, mostly negative and completely inadequate, and it propagates an ignoramus era of the reality.

Paola Viviani
(Seconda Università degli Studi di Napoli, Italy)
Convergences and/or divergences between the European Grand Tour
and the Arabic riḥlah

Travel literature is imposing both in Western and Arabic literature, in which, as it is widely known, it flourished also in the pre-*Nahḍah* and *Nahḍah* period, with the fundamental works of the Egyptian Rifā ‘ah Rāfi‘ al-Ṭaḥṭawī and the Syro-lebanese Aḥmad Fāris al-Šidyāq, just to name but two of the celebrated intellectuals who gave an impressive impulse to this literary genre. In her book *Arab Travellers & Western Civilization*, published in 1996, the Lebanese researcher and novelist Nazik Saba Yared analyzed some travelogues written between 1826 and 1938 by men of letters who conceived works of great importance for the understanding of the cultural atmosphere of those years.

In my paper, I would like to rethink some features characterizing Arab *riḥlāt* appeared between 19th and 20th centuries, in the attempt to evaluate to what extent the critic may find in them some specific peculiarities of the European Grand Tour travelogues.

СЕКЦИЯ 2.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
АФГАНИСТАНА И ИРАНА
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF
IRAN AND AFGHANISTAN

*Шахла Абдуллаева,
Мохсун Нагисойлу*

(Институт рукописей НАНА, Баку)

«Сафват ас-сафа» как источник о жизни и деятельности Шейха Сафи ад-дина Ардабили, основателя ордена Сефевийе

О жизни и деятельности Шейха Сафи ад-дина Ардабили (1252–1334), основателя суфийско-дервишского ордена Сефевийе, в источниках очень мало сведений. Единственным источником по данному вопросу является труд «Сафват ас-сафа», представляющий не только литературную, но и историческую ценность как источник по изучению происхождения великой Сефевидской династии.

Автором этого ценного произведения, написанного на персидском языке, является Ибн Баззас Ардабили (XIV в). Об авторе известно только то, что он был мюридом Садр ад-дина Мусы (1334–1392), сына и преемника Шейха Сафи. Написал он это произведение по совету Шейха Садр ад-дина и завершил в 1357 г.

Текст «Сафват ас-сафа» несколько раз подвергался изменениям, которые должны были доказать происхождение рода Шейха Сафи от седьмого шиитского имама Мусы Кязима, и через него от первого шиитского имама Али. В основном эти изменения были сделаны во время правления шаха Тахмаспа I (1524–1586), который приказал перевести «Сафват ас-сафа» на азербайджанский язык. Книга была переведена в 1542 г. под названием «Тазкире-и Шейх Сафи» Мухаммедом Нишати (XVI в). Известно о пяти сохранившихся списках «Тазкире-и Шейх Сафи» Нишати, два из которых являются авторскими списками. Первый список переписан в 949/1543 г. и хранится в Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Второй список переписан в 950/1549 г. и хранится в Табризской Национальной Библиотеке.

«Сафват ас-сафа» был переведен также на азербайджанский язык под названием «Манакиб-и Шейх Сафи». Автор перевода неизвестен. В Институте рукописей НАН Азербайджана хранится рукописный список этого произведения, датированный 1019/1611 г.

***Н.В. Алферова
(ВФ СПбГУ)***

Проявление личностных и коллективных динамических стереотипов в иранской портретной живописи второй половины XIX в.

В развитии иранской живописи в эпоху Каджаров произошли значительные изменения, которые привели к усилению реализма в искусстве. Одним из важных факторов влияния европейского искусства на традиционную иранскую живопись во второй половине XIX в. стало открытие фотографии (первые дагерротипы в Иране были сделаны в начале 1840-х гг.) и ее развитие. Следующим фактором, повлиявшим на систему традиционной иранской живописи, было назначение в 1861 г. Абуль Хасана Гаффари главой персидского ведомства печати и официальной правительственной прессы, и издание им серии литографий с портретами принцев и государственных деятелей. Однако деятельность художников этого периода, например принадлежащих к известному и влиятельному кашанскому клану Гаффари, поездки мастеров в Европу, преподавание ими западных стилей изобразительного искусства и копирование работ старых европейских мастеров не смогли изменить логико-смысловую структуры произведений живописи, созданных мусульманскими мастерами.

В силу того, что ранний фотопортрет (студийный) отображал т. н. «лицевое поведение» индивида, являясь статической фиксацией лица, его можно назвать «копией действительности». Однако в литографированном портрете гравер должен был передать не всю полноту мимики, а характерные антропологические особенности и броские признаки «лицевого поведения» личности. Именно эти особенности наряду с демонстрацией поведенческих навыков через костюм, характеризующие в большей степени не индивидуума, а представителя времени (эпохи), традиционно изображали мастера мусульманского Востока в миниатюре начиная с XVI в.

Рассматривая портреты Фетх Али-Шаха, Мохаммед-шаха, Насер ад-Дин Шаха, Мирза Юсефа Мостофи-оль-Мамалека и других государственных деятелей Ирана XIX в., можно выделить традиционные для восприятия мусульманским зрителем элементы, ускользающие от взора европейца: дробление композиции на два плана, усиливающиеся орнаментальной ролью выписанных деталей с последующим сменяющимся переходом между ними, осуществляется посредством цветового контраста (традиционная для миниатюры стратегия создания изображения); цветовые контрасты разноплановых орнаментов «мрамора прерывающихся цветов» с фиксацией внимания на самом прерывании для понимания их соотношения друг к другу; трехмерное переплетение орнамен-

тов фона для создания объемов пространства соседствует с плоскостным изображением фигур моделей; сохранение понимания фигуративного изображения исключительно в мусульманской традиции, – рисунок не является материализацией формы (материя не должна мешать созерцанию формы).

В появлении литографированных и живописных парадных портретах иранского искусства второй половины XIX в. нашел отражение главный тезис теорий идеологической причинности моды «дух времени управляет модой» (Ж. Тард, «Законы подражания», 1890 г.). Однако в формировании образной структуры этих произведений сохранилась логико-смысловая основа мусульманского искусства – неповторимость и уникальность перехода между явной и скрытой сторонами образа.

И.В. Базиленко

*(ВФ СПбГУ; СПбГУ сервиса и экономики; Прав. Духовная Академия)
Шиитская концепция верховной власти в труде Ж.Шардена
(1643–1713) «Путешествия в Персию и другие страны Востока»*

Духовенство и рядовые шииты в Иране XVII в. согласно полагали, что правом верховной власти в стране обладают в отсутствие пророка и его наместника только прямые потомки Али и 11 имамов. Расхождения во взглядах сводились только к требованиям, которые необходимо было предъявить к индивидуальному качеству той личности, которая должна была управлять Ираном и хранить место пророка или его законного наследника. При первых шахах из династии Сафавидов духовенство и набожные шииты считали, что до прихода имама Махди трон должен занимать «*муджтахид-и ма'сум*», под которым понимали праведного человека из рода Али с выдающимися познаниями в науках, способного незамедлительно дать ответ на любой насущный религиозно-политический вопрос. При бесцветных преемниках самого блистательного из Сафавидов Аббаса I (1587–1629) возобладало мнение, что верховная власть должна принадлежать лишь прямому потомку имамов, который необязательно должен быть добродетелен и высокоучен, так как от отсутствия этих качеств он не становился менее истинным представителем Бога, наместником пророка и имамов. Даже в период наивысшего расцвета империи иранцы считали Сафавидов временными правителями. Если светские власти явно тяготели к тому, чтобы религиозную условность шахской власти обратить в пустую формальность, то шиитская общественность всегда придерживалась иного мнения¹.

¹ Chardin J. Op. cit. V. 9. P. 157–160

Ожидание прихода имама Махди было чрезвычайно реальным для духовной культуры иранских шиитов при Сафавидах. Состоятельные люди, не исключая шахов, завещали либо дарили на имя имама Махди движимое и недвижимое имущество (*вакф*), платили духовенству плату за право пользоваться им при жизни. На случай неожиданного прихода «Владыки времен» (*сахиб аз-заман*) в столице и в двух других крупных городах страны существовали конюшни для коней Махди, в которых дено и ношно держали несколько оседланных лошадей, а сам монарх был в готовности стать стремянным имама (*джелоудар*). Характерно, что все три больших шахских печати начинались со слов «Раб владыки страны имярек...»¹.

Светская власть часто воспринималась иранцами как неизбежное зло, но в эпоху Сафавидов шах оставался почти незыблемым авторитетом, к которому могли прибегнуть в поисках справедливости не только вельможи, но и простолюдины. Иранские шииты твердо полагали, что воля шаха выше человеческого права, но ниже божественного закона; что приказы шаха надлежит неукоснительно исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат религии или совести². В тех случаях, когда сафавидский шах явно нарушал заповеди, изложенные в Коране, любой мусульманин (тем более представитель шиитского духовенства) имел право и был обязан открыто заявить об этом и проявить неповиновение, усмотрев в поведении правителя лишь свидетельство его личной человеческой слабости³.

Таким образом, по мнению Ж. Шардена, в глазах подавляющего большинства шиитов Ирана верховная власть в стране до прихода Махди могла принадлежать на законном основании лишь одному из Алидов, наиболее вероятно – из рода Сафавидов; при этом ни старшинство, ни личные достоинства не имели решающего значения.

П.В. Башарин
(РГУ, Москва)

Пиктографические изображения в традиции мусульманского мистицизма на материале «Китаб ат-тавасин» ал-Халладжа: проблема истолкования

Практика «кодирования» текста с помощью символов является типологической особенностью, присущей любой культуре эзотерического характера. С раннего периода мусульманские мистики повсеместно

¹ Ibidem. V. 10. P. 151.

² Ibid. V. 9. P. 181–183.

³ Ibid. V. 9. P. 167.

пользовались пиктографическими изображениями наравне с письменными текстами. Эта практика преследовала ряд важных целей. Процесс перекодирования пиктограмм в ключевые слова и выражения, являясь распространенной мнемонической техникой, позволял оптимально усваивать максимальный объем информации, в т. ч. адептами, не владевшими навыками чтения. Смысл подобного текста, понятного только для подготовленного восприятия, становился доступным лишь кругу избранных. Вместе с тем, «закодированный» текст часто создает непреодолимые трудности перед прочтением и интерпретацией конкретного источника. Настоящий доклад ставит своей главной задачей разбор пиктографических изображений отдельно взятого источника с демонстрацией аналитического метода.

По степени насыщенности графическими символами в ранней суйфийской традиции выделяется трактат ал-Халладжа «Китаб ат-тавасин». Он содержит девять пиктограмм. Элементами, составляющими их, являются геометрические объекты (окружности, прямоугольники, точки, линии) в комбинации с буквами. О трактовке и функции этих изображений существует ряд гипотез (L. Massignon, M. Casanova, Sh. Laibi). Несмотря на то что все изображения содержат пояснения, последние, видимо, носят поздний характер. Это касается персидской версии текста сочинения, переданного Рузбиханом Бакли, и, особенно, его пояснений. Однако архитектура текста и использование характерной для мусульманской мистической традиции топики позволяет адекватно интерпретировать их.

В.С. Бойко

(Алтайская ГПА, Барнаул)

Пионеры американской афганистики: Ричард Фрай

В ряду выдающихся востоковедов новейшего времени видное место занимает Ричард Нельсон Фрай, ныне почетный профессор Гарвардского университета. Р. Фрай родился 10 января 1920 г. в США в семье шведских эмигрантов. К двадцати с небольшим годам он получил фундаментальное востоковедческое образование: первой ступенькой на этом пути стал университет Иллинойса – здесь Р.Фрай изучал еврейский и греческий языки. В 1938 г. он перевелся в Принстонский университет, бывший в то время единственным в США местом преподавания персидского и турецкого языков, открывших молодому востоковеду мир Центральной Азии. В 1939 г. Фрай, ставший студентом Гарварда, по совету директора института изучения Восточной Азии Сергея Елисеева и при его денежной помощи принимается за классический китайский. С этого момента началась его гарвардская эпопея, продолжающаяся, с переры-

вами, уже более 70 лет: здесь в 1946 г. он защитил докторскую диссертацию по средневековой истории Бухары, а с 1958 г. занимал должность профессора иранистики, учрежденную фондом Ага-хана.

В декабре 1941 г. Р. Фрай был командирован в Вашингтон, где в структуре управления стратегического планирования американской армии создавался афганский сектор («стол»). С лета 1942 по 1944 гг. он в Афганистане совмещает службу с преподаванием в лицее «Хабибия». Недолгое, но профессионально насыщенное пребывание в этой стране позволило ему, востоковеду классического профиля, стать одним из первых американских экспертов по Афганистану: Р. Фрай побывал во многих уголках этой страны, хотя особый интерес проявлял к северу, где сохранились уникальные памятники культуры Центральной Азии.

Характерным эпизодом в биографии Р. Фрая стали афганские события конца 1970-х – 1980-х гг. – он оказался в их эпицентре. Р. Фрай полагал, что афганский кризис спровоцировали как леворадикальные эксперименты на Востоке, так и давние проблемы мусульманского мира. Он предпринял настойчивые усилия по налаживанию диалога внутриафганских сил под эгидой региональных держав – Индии, Пакистана, Ирана. Одновременно Р. Фрай обратился к своим друзьям и коллегам в СССР с предложением провести международную конференцию по афганскому конфликту. Пример Р. Фрая демонстрирует высокие рубежи мировой востоковедной науки и в то же время ее пределы как интеллектуального инструмента преобразования мира во второй половине XX – начале XXI веков.

Н.Е.Васильева

(ВФ СПбГУ)

***Из истории изучения древнеиранских памятников
архитектуры и скульптуры***

Руины Персеполя и Пасаргад, клинописная надпись и рельеф на скале Бехистун, сасанидские скальные рельефы в Накш-и Рустам, Накш-и Раджаб, Так-и Бостан и других местах Ирана были известны европейским ученым начала XIX в. по публикациям XVIII в.: Шардена (1711 г.), Ла Брьюна (1718 г.) и К. Нибура (1776–1780). В начале XIX в. зарисовки изображений на скалах опубликовал Дж. Мориер (1812 г.). Во всех сочинениях древнеиранские памятники представлены в виде гравюр. По таким рисункам невозможно было представить истинный характер оригиналов, поскольку рисунки разных авторов значительно отличались. На эти публикации особое внимание обратил А.Н. Оленин. В 1817 г. А.Н. Оленин заказал копии гравюр из изданий, чтобы при-

влечь внимание ученых. Он видел необходимость сопоставления рисунков с оригиналами.

В это время в Санкт-Петербурге по частному приглашению персидского принца Аббаса Мирзы английский художник Р. Кер Портер готовился к путешествию по Персии, надеясь найти там много интересного и любопытного для английского общества.

Научные же интересы А.Н. Оленина всегда были сосредоточены на древней истории и древних памятниках. Он считал необходимым зафиксировать уцелевшие памятники древней архитектуры, скульптуры, монументальной живописи и этнографии в виде абсолютно точных рисунков. Для этого он разработал жесткие требования к художникам и методику выполнения таких рисунков. А.Н.Оленин требовал такой же безупречной точности и от граверов. Постепенно А.Н.Оленин вовлекал художников в научные исследования.

Когда А.Н.Оленин узнал о планах Кер Портера, он показал ему свои наблюдения на рисунках знаменитых путешественников и попросил сопоставить эти рисунки на месте с оригиналами. А также предложил Кер Портеру самому сделать точные рисунки ахеменидских и сасанидских скальных рельефов, руин Персеполя и надписей, руководствуясь его правилами, поясняя, какую неопределимую услугу науке Кер Портер мог бы оказать. Предложение А.Н.Оленина было принято с восторгом и благодарностью. В процессе работы он неукоснительно следовал инструкциям А.Н. Оленина.

А.Н. Оленин был глубоко удовлетворен результатами экспедиции Кер Портера и постарался сделать все возможное, чтобы бесценные оригиналы остались в Петербурге. Он первый высоко оценил научную значимость точных рисунков Кер Портера, выполненных в трудных условиях.

Н.Р.Гезалова

(Институт Истории НАНА, Баку)

Современная англоязычная историография по истории Азербайджана и Ирана XVIII – начала XIX вв.

История Азербайджана и Ирана XVIII – начала XIX вв. – сложный и одновременно богатый политическими событиями период. Этот период принято рассматривать как поворотный пункт в истории Ирана и Азербайджана, внешнеполитическое положение которого обострилось из-за продолжавшейся борьбы соседних держав (Иран, Турция, Россия) за обладание Южным Кавказом.

В последние годы наблюдается усиление внимания к истории региона в западной историографии, о чем свидетельствует публикация

целой серии новых исследований. Отличительной особенностью англоязычной историографии является тот факт, что монографического комплексного исследования проблем истории Азербайджана данного периода нет. Материалы по истории Азербайджана XVIII – начала XIX вв., мы находим в многочисленных трудах по истории Ирана, поскольку Азербайджан рассматривается западными исследователями как часть Ирана. Особый интерес представляет наметившаяся тенденция в западной историографии к активному переводу на английский язык и публикации как иранских, так и азербайджанских источников.

Новый всплеск интереса к истории эпохи Надир-шаха наблюдается после публикации VII тома Кембриджской Истории Ирана, где события эпохи Надир-шаха Афшара были рассмотрены П. Авери. В настоящее время появилось множество новых публикаций, наиболее значимые из которых – исследования Э. Такера и М. Аксуорти.

Наиболее авторитетным исследователем социально-экономической истории Ирана и региона в целом в англоязычной литературе в настоящее время является В. Флур. В своих многочисленных трудах (около 20) он рассматривает самые разные стороны социально-экономической истории региона, в том числе и развитие ремесла, торговли, сельского хозяйства, административное положение; кроме того, он является автором многочисленных переводов нидерландских и русских источников. Также следует отметить труды Ричарда Таппера, посвященные исследованию вопроса о политической и социальной истории *шахсеевенов*.

К сожалению, англоязычная историография не избавлена от стереотипов. Тем не менее критическое изучение сочинений англоязычных авторов необходимо как для правильного освещения истории региона в целом, так и для выявления истинной роли Азербайджана и Ирана в политических процессах того времени.

С.Е. Григорьев
(ВФ СПбГУ)

Святые Ислама в Афганистане: афганские исторические сочинения о хирке (плаще) пророка Мухаммада

Кандагар – первая столица Дурранийской империи, существовавшей в Афганистане с 1747 по 1818 гг. Среди его святых мест особое место занимает мечеть «Джама-йи хирка-йи шарифа», где хранится хирка (плащ) пророка Мохаммада. Ее вынимают лишь в особых случаях. В XX в. их было три. В 30-е гг. – чтобы остановить эпидемию холеры. В 60-х гг. ее достали, чтобы показать королю Мохаммад Захиршаху. В 1996 г. глава талибов – Мохаммад Омар надевал хирку на себя, после чего часть афганцев признала власть талибов, а его стала назы-

вать «Амир уль-муминин». Имеется описание хирки, приводимое афганским ученым Азиз ад-Дином Вакилем Пупалзай¹.

По афганским преданиям, хирку шил пророк и его семья. Во время болезни и смерти она была на нем. Перед смертью Мохаммад завещал ее Омару б. ал-Хаттабу ал-Фаруку – будущему второму халифу, а также зятю, будущему четвертому халифу Али ибн Аби Талибу. После смерти последнего в 661 г. хирка была передана сейиду Омару бен ал-Амру ал-Курани. Затем хирку вывезли в Йемен, далее – в Багдад, а оттуда в центральную Азию – в Бухару. Везде для ее хранения строили особое здание, превращавшееся в место поклонения.

О появлении плаща пророка в Афганистане в местных исторических трудах имеются интересные сведения. Главный из них – первый том «Сирадж ат-Таварих» – «Светильника истории» – летописной официальной истории Афганистана. Ее автор – Файз Мохаммад-хан Катгб, придворный историограф эмира Хабибуллы-хана, правившего в начале XX в. Этот трехтомный труд описывает историю Афганистана с 1747 по 1896 г., он был издан в Кабуле в 1913–1915 гг. Появление хирки пророка Мохаммада в Афганистане в 1758 г. – в годы правления основателя Дурранийской империи Ахмад-шаха описывается в первом томе «Сирадж ат-Таварих»².

Вторая по значимости сведений, касающихся появления хирки в Афганистане, историческая рукопись – «Тарих-и Бадахшан» – «История Бадахшана». Она создана бадахшанскими авторами Санг Мухаммадом Бадахши и мирзой Фазл Али-беком Сурхафсаром в конце XIX – начале XX вв. и хранится в Институте восточных рукописей (шифр В-2311). Репродукция ее рукописного текста, являющегося региональным историческим афганским сочинением, повествующем об истории Бадахшана – района на северо-востоке Афганистана, была опубликована в 1959 г. А.Н. Болдыревым. В 1997 г. факсимиле рукописи с переводом с персидского языка, введением, примечаниями и приложениями было издано А.Н. Болдыревым и С.Е. Григорьевым.

Описание появления хирки в Бадахшане и дальнейшая ее перевозка в Афганистан, приводимая авторами «Истории Бадахшана», совпадая в целом с версией «Сирадж ат-Таварих» отличается от нее в деталях³,

¹ Азиз ад-Дин Вакил Пупалзай. Тарих-и хирка-йи шарифа-йи Кандахар. Кабул, 1367 г. х. (1988 г.). С. 12.

² Сирадж ат-Таварих. Кабул, 1913–1915. Т.1. С. 27.

³ Тарих-и Бадахшан («История Бадахшана»). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского А.Н. Болдырева при участии С.Е. Григорьева, введение А.Н. Болдырева и С.Е. Григорьева. Примечания и приложения С.Е. Григорьева. Москва, 1997. С. 29.

что естественно, т. к. история появления в Афганистане многих святых исламских реликвий окружена пеленой легенд и неточностей.

Можно предположить, что подлинность кандагарской хирки пророка Мохаммада преувеличена, поскольку общепринято, что она наряду с другими святынями ислама (знаменем, мечом, следом пророка и др.) хранится во дворце Османских султанов Топкапы в Стамбуле¹.

Георгий Даушвили
(ВФ СПбГУ)

К реконструкции средневековой доисламской культуры долины Кабула

В отличие от других современных ираноязычных ареалов в долине Кабула ислам сменил индуистскую культуру, доминировавшую среди коренного населения севера западной Гандхары еще с ведийских времен. Воинствующий индошиваизм последних домусульманских правителей Кабулистана (VIII–X вв.), происходивших из рода брахманов Нанграхара, способствовал подъему индуизма накануне наступления эпохи ислама.

Мусульманская традиция, окончательно утвердившаяся здесь только в первой половине XI в. вместе с языком фарси кабули и новым населением, вычеркнула двухтысячелетнее индуистское прошлое из официальной истории, сделал коренное дардоязычное население бассейна реки Кабул ассимилированным новообращенным меньшинством без собственной истории и письменности. Персоязычные мусульманские летописцы толковали местные индо-дардские топонимы ущелий северного берега р. Кабулдарьи по созвучию с фарси или на основе традиционных мусульманских представлений о жизни библейских пророков, что, таким образом, адаптировало оторванную от индуистского мира и расколотую на анклавную дардоязычную культурную среду к мусульманской традиции. Ранние европейские путешественники попали в зависимость от мусульманской традиции, которую им неизменно транслировали местные информаторы-мусульмане. Современные европейские этнологи отказались от попыток изучения индуистского субстрата

¹ Shorter Encyclopedia of Islam. Ed. H.A.R. Gibb and J.H. Kramers. Leiden: E.J. Brill, 1953. P. 254. Святыням Ислама, хранящимся во дворце Топкапы, посвящен обширный, хорошо иллюстрированный и опирающийся на достоверную историческую информацию труд турецкого исследователя Хильми Айдына, изданный в США в 2004 г. (Hilmi Aydin. The Sacred Trusts. Somerset, New Jersey, 2004. Necipoglu Gulru. Architecture, ceremonial and power: The Topkapı Palace in the fifteenth and sixteenth centuries. Cambridge, Massachusetts, 1991).

в культуре мусульман пашаи¹, сосредоточившись на изучении мифологии кафиров Гидукуша². В отечественном востоковедении проблема средневековой доисламской культуры долины Кабула также осталась неразработанной.

Сопоставление информации о «трех идолах», зафиксированной в географии Худуд-аль-Алам (X в.) с привязкой к Нанграхару, и имен «трех кафирских идолов», обнаруженных в соседнем Лагмане 6-ю веками позже, позволили нам идентифицировать локальную индуистскую триаду – «тримурти». С учетом ее локализации Лагманская «тримурти» образца XV–XVI вв. должна была оставаться ключевым элементом самой северо-западной в мире поздней формы индуизма. Обнаруженная форма ассоциируется с последним очагом региональной индуистской культуры западногандхарского типа, распространенной на всей территории восточного Афганистана и в сопредельных районах Пакистана до их исламизации. Основным источником для нашего исследования послужила итальянская копия текста³ местной военной хроники, составленной в 990/1582 г. в Лагмане на архаичном диалекте фарси кабули. Дардоязычная топонимика и имена кафирских предводителей, переданные местным мусульманским летописцем, позволили откорректировать представление о тогдашнем положении племен, границах и этническом составе последнего индуистского «кафиристана» накануне его падения.

Исследование Лагманской военной хроники показало, что индоязычная топонимика является важнейшим источником по географии, этнической истории и истории культуры регионов Афганистана накануне их перехода в ислам. Дальнейшее выявление и всесторонний анализ индоязычной топонимики Афганистана в привязке к известным историческим фактам, династийным именам и данным археологии позволит продолжить реконструкцию самой северо-западной в мире индуистской

¹ Пашаи – самоназвание коренной дардоязычной народности горных районов северной части бассейна р. Кабул в Восточном Афганистане. По мнению Г. Моргенштерне, мусульмане пашаи – прямые потомки создателей развитой индубуддийской цивилизации, существовавшей в верхней части долины Кабула в доисламский период. На языке самих пашаи их самоназвание означает «долинник», т. е. «выходец из долины Кабула».

² Кафиры Гиндукуша – племена кати, прасун, ашкун, вайгали и калаши Читрала, населяющие высокогорные долины и ущелья южных склонов Гиндукуша к северу от ареала пашаи.

³ Диалектный персидский текст военной хроники *Sifat Nama-e Darvish Mohammad Khan-e Ghazi*, составленной в 990/1582 г. в Лагмане имамом Мохаммадом Салимом и опубликованной в 1965 г. в Риме иранистом Джанроберто Скарчия, считается первым литературным памятником на языке дари.

цивилизации, возвращая ее современному Афганистану, общему культурному наследию дардоязычных индоарийских этносов, мировой истории индуизма и всей человеческой цивилизации.

Феруза Джуманиязова
(ИВАН РУз, Ташкент)

Заметки о времени возникновения династии Тегин-шахов Кабула

Кабулистан в эпоху Тюркского каганата являлся самой крайней юго-западной территорией Каганата и включал в себя Кабульскую долину, Гандхару, Капису и Забулистан. В этот период здесь правила династия, связанная с Западно-Тюркским каганатом и известная как династия Тегин-шахов, или Кабул-шахов.

Итак, когда же возникла династия Тегин-шахов Кабула и в связи с какими политическими событиями? Как известно, Кабулистан, Забулистан и другие прилежащие к Тохаристану территории, по свидетельству китайских хроник, вошли в состав Каганата благодаря деятельности Тун-ябгу кагана в 620-х гг., хотя попытки присоединить эти территории к Каганату предпринимались ранее. Я. Харматта пишет о столкновении между Тюркским каганатом и арабами в 569–570 гг., приводя в доказательство фразу *‘Turkun wa Kābulu’* (тюрки и [народ] Кабула) из поэмы арабского поэта ал-Аша, относящейся к 575–580 гг., и считает, что тюркское войско действовало в 570-х гг. в районе Кабула и Гандхары. Если эти сведения верны, то они скорее всего отражают первые попытки Каганата присоединить данные территории. Китайские хроники позволяют сказать, что окончательное присоединение данных территорий смог осуществить только Тун ябгу-каган. В это время была образована династия ябгу Тохаристана, которой подчинялись местные династии Бамиана и Каписы, что отмечено Сюань Цзяном. Именно в 630–640 гг. в Кабуле власть перешла в руки тюркских правителей, выходцев из рода Ашина, основавших династию т. н. Тегин-шахов Кабула, ведущих свое происхождение от династии ябгу Тохаристана. На начальном этапе им подчинялись только Кабул и Забулистан.

Вместе с тем в Каписе, лежащей в северной части долины р. Кабул, в то же время продолжала существовать своя местная династия. Хотя в Тан-шу и отмечается включение Каписы в состав Западно-Тюркского каганата во время правления Тун ябгу-кагана (618–628), но посетивший в то время эти территории Сюан Цзян отмечал, что в Каписе правил правитель, происходящий из рода Су-ли, а в Кабуле имелся правитель из *тукюе* (тюрок). В дальнейшем благодаря активным действиям представителей этой тюркской династии, Забулистан, а затем Каписа и Гандхара были присоединены к Кабулу. Исходя из сведений арабских

источников, описывающих столкновения арабов с тюрками в Забулистане и соседних с ним территориях в 650-х гг. можно предположить, что данные территории были завоеваны тюрками при Тун ябгу-кагане или в 640-х гг., а Каписа и Гадхара, должно быть, несколько позже. Итак, можно сказать, что династия Кабульских Тегин-шахов возникла не ранее 630–640-х гг.

Н.В. Казурова

(МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

Новый иранский кинематограф как источник для изучения этнокультурной традиции и общественно-политической мысли

Новый иранский кинематограф сложился после свержения шахского режима и провозглашения Исламской республики в 1979 г. Документальное кино первых лет было ориентировано на формирование общественно-политической мысли и рассматривалось как часть исламской нравственной культуры. В годы ирано-иракской войны акценты были смещены на производство военных хроник, которые в дальнейшем во многом определили стилистику иранского художественного кинематографа.

Сегодня для иранской документалистики одной из центральных является религиозная тематика, в фильмах подобного рода находит отражение внешняя сторона религии, с этнографической щепетильностью демонстрирующая обряды и ритуалы («Священная свадьба» Ф. Варахрама), а также наблюдается раскрытие внутренней ее сущности («Сороковина» Н. Тагваи).

Авторский иранский кинематограф насыщен богатым этнографическим материалом, который должен быть исследован в рамках визуальной антропологии с привлечением методик и достижений смежных дисциплин.

Изучать игровое кино Ирана как этнографический источник можно по трем компонентам – визуальный (жилищные постройки, публичное и приватное, традиционный костюм и т. д.) и аудиальный (народная музыка, речь людей) ряды. Третий элемент – сюжетная линия, в основе которой лежит бытописание по принципу переноса повседневной жизни человека как зеркального отражения реальности на экране. Анализировать же материал можно двумя способами – перевод и интерпретация в зависимости от целей и задач исследования.

Особого внимания заслуживает жанр фольклорного кино («Габбе» М.Махмальбафа). Эти фильмы – сокровищница образцов народного творчества, в которых происходит переосмысление автором-носителем той или иной культурной традиции обычаев своей страны посредством

киноязыка. В фильмах подобного типа ярко выраженная замкнутость в своей самобытности трансформируется в общедоступный текст, который можно читать через интернациональные кинематографические структуры при знании соответствующего семиотического кода культуры.

Рена Мамедова
(Институт рукописей НАН Азербайджана)
«Шахнаме-и Надири» как источник по военной истории
Надир-шаха Афшара

Автор «Шахнаме-и Надири» Мирза Мухаммед Али, по прозвищу Фирдоуси-и Сани Хорасани Туси, вел свой род от Фирдоуси, автора «Шахнаме». Известно, что он, сопровождая Надир-шаха Афшара (пр. 1736–1747) во всех походах, писал стихотворную хронику «Шахнаме-и Надири», в которой излагаются события в Иране, начиная с вторжения афганцев в Иран (1719 г.) и кончая убийством Надир-шаха (1747 г.). Несмотря на панегирический характер, рассматриваемый труд представляет ценность не только как литературное, но и историческое сочинение постсефевидского периода.

Сведения об авторе можно встретить в «Газкире» Татеви, а также в хрониках «Наме-и алам арай-и Надири» Мухаммеда Казима и «Маджма' ат-таварих» Голестане. Они отмечали, что Фирдоуси-и Сани, входивший в свиту Надир-шаха, получил заказ от шаха составить хронику в стихах.

Известно, что традиция создания «Шахнаме» в стихах в персидской литературе существовала с давних времен и продолжает жить до сих пор. Впервые «Шахнаме» в стихотворной форме написал Мас'уди Марвази (~3 в. х.), но от его труда сохранилось лишь несколько бейтов, а великий Фирдоуси (4–5 в. х.) поднял стихотворную хронику «Шахнаме» на недосягаемую высоту.

Известно о нескольких сохранившихся списках «Шахнаме-и Надири» Фирдоуси-и Сани в книгохранилищах мира. В Институте рукописей НАН Азербайджана хранится рукописный список данного сочинения под ш. Б-2242 (переписан в XVIII в.). Труд «Шахнаме-и Надири», в коую линию переписанный на полях рукописи почерком шекастенаста'лик, входит в уникальный сборник, содержащий еще два сочинения о Надир-шахе: «Тарих-е джахангуша-е Надири» и «Мунша'ат» Мирза Мехди хана Астрабади. Ценность списка состоит и в том, что, согласно оттискам печатей, его владельцами были Фатхали шах Каджар (1771–1834) и азербайджанский ученый и историк Аббаскули ага Бакиханов (1794–1847), а позднее поэт Самед Мансур (1879–1927).

Ф.И. Мелвилл
(Кембриджский университет, Англия)
Странствующая иконография странствующих сюжетов:
классическая *femme fatale*, злокозненная мачеха
или мистическая возлюбленная?

История неудачной попытки соблазнения прекрасного юноши замужней женщиной, обычно мачехой, нашла свое отражение почти во всех древних и средневековых литературных традициях¹. В отличие от бытовавшего ранее мнения об индийской фольклорной традиции, ставшей отправной точкой развития сюжета, древнеегипетские корни этой вселенской сказки теперь уже почти доказаны². Древнеегипетский текст, датируемый 1185 г. до н. э.³, похоже, представляет ее самую раннюю версию.

Политические и культурные связи между ахеменидским Ираном и Грецией обусловили обмен эпическим и фольклорным материалом, который послужил основой для авторских литературных композиций⁴. Например, в обработке парфянской версии романа *Вис и Рамин* Гургани в XI в. довольно ясно прослеживаются черты греческого влияния.

Трагическая любовь Федры, полюбившей своего пасынка Ипполита, дошла до нас в нескольких версиях: от *Ипполита* Эврипида и *Федры* Сенеки до Расиновской *Федры*, которая уже близка к библейской истории о жене Потифара, равно как и *Федра* Рексрота. Безымянная в библейской и добиблейской традиции, в мусульманской литературе жена Потифара обретает не только имя, но и другую индивидуальность. Зулейха теряет злокозненность отверженной влюбленной, приобретая черты идеальной возлюбленной. Она странствует сквозь века и границы и покоряет даже свою главную соперницу на иранской почве – Судабу.

Цель доклада – объяснить почему иранская литературная традиция смогла пожертвовать историей о Судабе и Сийавуше, согдийском герое, культ которого во многом сходен с Осирисом⁵, и отдала предпочтение ее суфийской интерпретации Джами (1414–92), основанной на «самой

¹ J. D. Yohannan, Joseph and Potiphar's wife in the world literature. An anthology of the story of the chaste youth and the lustful stepmother. Transl. by various hands and ed. with commentary. New York, 1968.

² M. Lichtheim, *Ancient Egyptian literature*: vol. I, Berkely-London, 1973.

³ Известный как «папирус д'Обиней», сейчас хранится в Британском музее.

⁴ D.Davis, *Panthea's children: Hellenistic novels and medieval Persian romances*. New York, 2002.

⁵ J. Ray, Osiris in Mediaeval Egypt, in: *The Unbroken Reed. Studies of the Culture and Heritage of Ancient Egypt in honour of A.F. Shore*, ed. C.J. Eyre et al., London: EES, 1994.

прекрасной» коранической истории¹. Интересно, что специально написанная поэма о *Йусуфе и Зулейхе* была приписана Фирдоуси, уже включившему рассказ о Судабе и Сийавуше в свое *Шахнаме* (1010 г.). Изображение же сюжетов из обеих историй в рукописях, создаваемых на протяжении веков, свидетельствует о том, что оба сюжета были хорошо знакомы художникам-иллюстраторам.

Намик Мусалы
(Институт рукописей НАНА, Баку)
О малоизвестной рукописи по истории шаха Исмаила I
«Мюршид-наме»

В прошлом году, узнав о наших намерениях подготовить к изданию монографию про военно-политическую деятельность шаха Исмаила I, преподаватель Тегеранского Университета доктор Э.Шейхол-Хокамайи любезно ознакомил нас с одной рукописной книгой под названием «Мюршид-наме» на персидском языке, которая хранится в библиотеке Маджлис-и Шура-йи Ислами под шифром 9421.

«Мюршид-наме» переписана почерком насталик. Переписчик неизвестен. Заголовки выделены красными чернилами. В некоторых местах заголовки пропущены. По палеографическим данным, список можно отнести к XVIII веку (XII в. х.). Размер рукописной книги – 26 x 18 см. и она состоит из 177 листов. На каждой странице 18 строк. В некоторых местах (например, между лл. 3б и 4а) текст обрывается, и имеются дефекты. В начале и в конце списка некоторые листы отсутствуют.

Начало:

«...صاحبقران بمراد خدای افتاد دید که از جانب قبله سیاه پوشی رسید...»

Конец: «...امیر خان از واهمه در ده منزلی هرات رسید بخان...»

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что «Мюршид-наме» не является самостоятельным сочинением. Она является до сих пор не известным списком известного эпического сочинения под названием «Тарих-и алам-ара-йи Сефевии», или «Тарих-и алам-ара-йи Шах Исмаил», написанным анонимным автором в 1086/ 1675–1676 г. Данное сочинение, имеющее и ряд других списков, дважды было издано в Тегеране (имеются и переиздания). Мы полностью сопоставили текст этого сочинения, изданного Я. Шюкри, с текстом «Мюршид-наме» и выявили, что они являются списками одного и того же сочинения. Несмотря на то что оба текста в основном совпадают, между ними наблюдаются и некоторые отличия. Например, европейская политика Осман-

¹ Ссылки на тафсиры см.: G. Merguerian & A. Najmabadi, *Zulaykha and Yusuf: whose 'best story'?*, in: *IJMES* 29 (1997). P. 485–508.

ской империи в начале XVI в. нашла более подробное отражение в рукописи, чем в опубликованной книге. По сравнению с изданием Я. Шюкри у «Мюршид-наме» имеются определенные преимущества. В дальнейшем этот список может играть весьма полезную роль в подготовке критического текста «Тарих-и алам-ара-йи Сефеви».

А.К. Нефедкин

(Военно-исторический журнал «Para bellum», СПб)

Битва при Гавгамелах (331 г. до н. э.) в историографии XIX-XX вв.

1 октября 331 г. до н. э. произошла решающая битва при Гавгамелах (Северный Ирак) между войском персидского царя Дария III и армией Александра Македонского, в результате которого азиатская армия была наголову разгромлена, организованное сопротивление Персидской империи прекратилось, путь в Азию был открыт.

Битве посвящены несколько специальных книг – как научных, так и научно-популярных и обзорных. В 1902 г. немецкий ученый Ф. Хакман посвятил свою диссертацию разбору хода сражения и развитию представления о битве в источниках. Английский историк Э. Марсден (1964 г.) в отдельной монографии рассмотрел стратегию, тактику, боевые порядки сторон и сам ход битвы. Польский антиковед Э. Дамброва (1988 г.) описал гавгамельскую кампанию в отдельной научно-популярной книжке, а А. и П. Георгакисы (1989 г.) – в чисто популярной работе.

Специально битве посвящен ряд статей. Отдельной проблемой являлось определение дня битвы. Обычно датой сражения считается 1 октября. Немецкий филолог А. Краузе (1888 г.) считал, что битва началась утром 30 сентября, тогда как Э. Берн (1952 г.) датировал битву, согласно затмению, 27-м сентября. Однако французский археолог-востоковед П. Бернар (1990 г.) на основании вавилонской таблички № 330 еще раз показал, что битва была именно 1 октября.

Поскольку битва происходила на равнине, то для объяснения ее хода топографические особенности местности не столь важны, как для двух предыдущих сражений при Гранике и Иссе. Английский естествоиспытатель О. Стейн (1942 г.) предположил, что битва была на равнине близ Керамлаиса, а Тель-Гомель – это древние Гавгамелы.

Военное искусство македонского царя особенно рельефно видно на примере Гавгамел. Английский историк Г. Гриффит (1947 г.) выделил три фазы битвы, первые две из которых были оборонительные, а третья – наступательной. Британский антиковед А. Дивайн посвятил разбору хода битвы серию из трех статей (1975, 1986, 1989). В первой статье автор рассмотрел македонскую диспозицию и ход битвы, которую

Александр выиграл за счет тактического мастерства; в двух других статьях автор проанализировал источники и представил более детальную картину сражения. Антиковед из Рурского университета К.-В. Вельвай (1979 г.) разобрал отдельный эпизод сражения – прорыв персидской конницы к лагерю македонян. Российский историк М. В. Нечитайлов (2002 г.) попытался подсчитать количество персидских войск, которое, по его мнению, составило до 15.000–20.000 пехоты и 36.000–38.000 конницы.

В общем, можно констатировать, что проблемы, связанные с битвой, достаточно хорошо изучены в историографии, что, в свою очередь, базируется на относительно добротной источниковой базе и интересе исследователей к данному сражению, приведшему к крушению Ахеменидской державы.

М.С. Пелевин
(ВФ СПбГУ)

***Новый иранский закон «О защите семьи»:
премственность и новизна в шиитском праве***

Среди иранских законопроектов последнего времени едва ли не самым дискуссионным оказался проект закона «О защите семьи» (*хемâйат-е хâневâде*). Обнародованный летом 2007 г. текст этого закона получил настолько сильный общественный резонанс, что в сентябре 2008 г. иранский Меджлис снял обсуждение законопроекта со своей повестки в целях «устранения беспокойства, существующего в обществе». Проект закона был отправлен на доработку в правовую комиссию; осень 2010 г. парламентские дебаты по поводу закона вызвали очередную волну публичных обсуждений.

Главная полемика развернулась вокруг статей 23 и 25, которые с нарушением конституционных норм были добавлены в текст проекта кабинетом министров. Ст. 23 предусматривала в качестве оснований заключения последующего брака (*эздевâдж-е муджаддад*) решение суда о «материальной обеспеченности мужчины» и наличие обязательства мужа об «осуществлении справедливости между женами», а ст. 25 устанавливала правило о взимании налога с брачного выкупа (*мах-риййе*), «превышающего обычный предел и противоречащий здравому смыслу». В результате протестов со стороны общественности и значительной части депутатов Меджлиса ст. 25 была вообще изъята из законопроекта, а ст. 23 кардинально изменена: ее новый текст включил перечень из десяти условий, которые могут быть основаниями для регистрации последующего брака (главным является согласие первой супруги).

Необходимость отдельного закона, регулирующего брачно-семейные отношения, диктуется естественными лакунами в действующем гражданском законодательстве Ирана. ГК ИРИ содержит преимущественно материальные нормы права, которые согласно Конституции не могут противоречить исламским принципам, т. е. шиитской правовой доктрине. Закон «О защите семьи» в основном решает процедурные вопросы, не отраженные в доктрине. Таким образом, иранский законодатель пользуется здесь общим методом мусульманских реформаторов права, когда не подлежащие изменению материальные нормы доктрины дополняются и даже корректируются процессуальными нормами, устанавливаемыми административной властью. При этом административные возможности воздействия на правовую доктрину с целью ее адаптации к современности у иранского законодателя расширены благодаря особенностям шиитской политико-правовой идеологии, выраженной в конституционном принципе *велāyat-e faqīh*.

Закон «О защите семьи» и общими задачами, и названием продолжает соответствующий «шахский» закон 1967 г. (измененный и дополненный в 1975 г.). Кроме того, и некоторые нормы нового закона повторяют положения старого, в частности, упомянутый перечень условий заключения последующего брака в ст. 23. Хотя по политическим соображениям это обстоятельство не акцентируется, появление нового закона говорит о преемственности правовой традиции и определенной стабильности правовой политики страны.

Е.П. Писчурникова
(ВФ, СПбГУ)

***Образы неписанного афганского кодекса чести «паштунвали»
в классической и современной афганской поэзии на пашто***

На принципах афганского неписанного кодекса чести «паштунвали» веками основывалось социальное регулирование внутри паштунских племен Афганистана. Многие из этих принципов вошли в поэтическую лексику афганских поэтов-классиков: Хушхал-хана Хаттака, Рахмана Баба и ‘Абд ал-Ҳамида Моманда. Интересно, что в произведениях этих авторов они получили необычную поэтическую трактовку: законам неписанного кодекса чести в их поэзии противостоит сила любовного чувства. При сравнении многочисленных поэтических аллюзий на кодекс выявляется общая для поэтов-классиков тенденция. Афганские поэты могли публично противостоять многовековым принципам кодекса и консервативной морали, поэтому пытались сбежать от них в мир собственных поэтических произведений. Для афганской просвещенной элиты того времени поэзия выступает своего рода способом ухода от

реальности или эскапизма. Что касается современных афганских поэтов, таких как Пир Мухаммад Карван, Сулейман Лаек и Хамза Баба, то в их произведениях принципы «паштунвали» воспринимаются в качестве основополагающих для национального самоопределения паштунов и не имеют отрицательной коннотации.

Ю.Н. Тихонов
(ЛГПУ, Липецк)

*Документы «Индийской референтуры» АВП РФ¹ о
первых шагах советской дипломатии в Афганистане в 1919–1921 гг.*

Одной из главных целей Советской России при установлении дипломатических отношений с Афганистаном в 1919 г. было обеспечить «афганский коридор» к границам Индии, чтобы организовать в этой британской колонии «революцию». В 1919–1920 гг. эта задача была доминирующей в дипломатических отношениях между Москвой и Кабулом. В связи с тем, что «индийское направление» было сферой повышенного внимания советских и афганских дипломатов, в «Индийской референтуре» (090) АВП РФ хранится значительное количество ценных первоисточников о деятельности первых советских полпредов Н.З. Бравина, Я.З. Сурица и Ф.Ф. Раскольникова в Афганистане. Переписка полпредства РСФСР и НКВД позволяет определить ключевые моменты в советско-афганских переговорах о военном союзе против Великобритании и совместной помощи мятежным пуштунским племенам на индо-афганской границе.

Индийские националисты сделали все возможное, чтобы ускорить доставку в Афганистан советского вооружения и создания «революционной базы» в Ташкенте. Тем не менее, свою роль в провале организации «афганского коридора» сыграла яростная склока среди индийских националистов. Противоречия по вопросам тактики антибританской борьбы быстро переросли в личную неприязнь и соперничество за контроль над материальными средствами, которые выделялись НКВД и Коминтерном для поддержки вооруженной борьбы пуштунов и распространения коммунистических идей в Индостане.

Архивные документы свидетельствуют, что в Афганистане действовало три наиболее влиятельных группировки индийских эмигрантов, которые в контакте с афганскими властями разрабатывали планы организации вооруженного восстания в Индии.

Введение в научный оборот материалов «Индийской референтуры» АВП РФ позволяет более объективно оценить сложности становления

¹ Архив внешней политики МИД Российской Федерации.

советско-афганских отношений и осветить малоисследованные страницы деятельности Коминтерна в Центральной Азии.

Н.А. Филин
(РГГУ, Москва)

***Отечественная историография исламской революции в Иране
1978–1979 гг.***

В отечественной историографии можно выделить два периода изучения причин и хода исламской революции в Иране 1978–1979 гг. Первый: 1979 г. – начало 1990-х гг., второй: начало 1990-х гг. – настоящее время. Для первого периода характерно большое количество исследований по развитию Ирана. В это время сложилось два основных взгляда на течение исламской революции в Иране 1978–1979 гг., а также на последующее развитие страны.

Один из них, наиболее представленный в отечественной иранистике и совпадающий с официальной идеологией СССР, предполагал, что главная причина революции заключалась в ее социальном характере, то есть в нежелании широких масс мириться с авторитарным характером монархической власти в Иране, который она приобрела с начала 1960-х гг. В этом ключе были написаны монографии и статьи С.Л. Агаева, С.М. Алиева, А.З. Арабаджяна, М.И. Крутихина, Н.А. Кузнецовой, А.М. Мустафабейли, У.З. Шарипова, А.П. Шестакова, К.В. Шувалова, Е.А. Дорошенко и др. В работах Е.А. Дорошенко уделяется особое внимание роли шиитского духовенства в революционных событиях. В 1989 г. была издана коллективная монография «Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки», где причины, ход революции, а также последующее развитие страны анализировались с этой же точки зрения.

Другого, менее распространенного взгляда придерживались такие авторы, как З.А. Арабаджян, А.Б. Резников, Л.Е. Скларов, считавшие, что революция 1978–1979 гг. носила скорее идеологический, чем социальный характер. Второй период изучения причин и хода исламской революции в Иране 1978–1979 гг. в отечественной историографии представляется менее насыщенным исследовательскими работами. Среди авторов необходимо выделить исследования А.К. Лукоянова, а также диссертации Ф.С. Надирова, Л.М. Раванди-Фадаи, И.В. Добровицкого.

В последнее время большое распространение получили опубликованные воспоминания очевидцев Г.П. Ежова, Е.Л. Калинина, Л.В. Шебаршина. В целом можно отметить, что период исламской революции в Иране 1978–1979 гг. изучен достаточно подробно, что дает возможность исследователям с разных точек зрения интерпретировать произошедшее событие.

Алибейли Шафак
(ИБ НАНА, Баку)
Тюркско-персидско-русский стихотворный словарь (1847 г.)
«Таджриду-л-лугат» Али Бадкуби

Стихотворные словари сыграли немаловажную роль в распределении таких двуязычий, как персидско-арабское, персидско-тюркское и персидско-русское. Обращаясь, к какому-либо двуязычию, можно проследить развитие общественных, политических, культурных отношений, тесных этнических и лингвистических контактов между народами на том или ином отрезке времени. Вплоть до XX в. стихотворные словари как учебное пособие пользовались большой популярностью. Например, «Таджриду-л-лугат» (Словарь изысканных слов), автор Мирза Али ибн Хаджи Мустафа Бадкуби.

Этот словарь составлен в Казвине в 1849 г. в честь Насреддин шаха. Автор пишет: «Я составил этот словарь по просьбе некоторых уважаемых лиц из Гилана. Я постарался приятным образом и в приятной форме дать перевод тюркских слов и словосочетаний... чтобы сладкоязычные персы и искусные тюрки могли бы говорить с ее помощью».

Примеры из словаря:

Тюркско-персидский

Чох фысгырыг – пор галгале
Йер титреди – шод залзале
Чохлу сойуг – бесйар сард
Баш агрыды – сар карде дард

Тюркско-русский

Огон – атеш, турубке – галяна
Отдавай ти мна – бедеш то бе мана
Патдесат урублн – панджах тумана
Я е сегазал – бе у гофтама

Составление русско-персидского раздела обусловлено историческими условиями. В годы правления Насреддин шаха были установлены основные политические границы Ирана с Россией. В памятниках стихотворной лексикографии учтены некоторые проблемы психологического барьера перехода от единиц одного языка к другому. Обращаясь к стихотворности, как бы вырабатывается общее правило этого перехода, создается оптимальный механизм запоминания слов предлагаемого языка, что приводит к методической четкости.

Zohreh Baseri
(Coins Department, National Museum of Iran, Tehran)
The Qur'anic inscriptions on the Arab-Sassanian coins

Before Islam the Arabs used Byzantine gold *dinars* and Sassanian silver *dirhams* in bargains and trade affairs. They called gold dinar «al-‘ain» (العین)

and silver dirhams «al-warak» (الورق). Early Islamic coins which are known as the Arab-Sassanian coins differ in portraits of Sassanian kings who were minted on the coin: Khosrow II, Yazdgerd III, or Hormoz IV (few coins). During the early years of Islam the coins in Iran were minted similarly to the Sassanian coins, with insignificant changes in the way the letters were minted and with Islamic sentences added («In the name of God», «Mohammad is the messenger of God», «there is no deity but God» etc.).

After Mu‘awiya seized the power in Caliphate in 41 AH, changes were made in the coinage as well. The name of Khosrow was obliterated and the name and the title of Mu‘awiya was written in Pahlavi script. Some of the governors appointed by the caliph minted their coins. They minted there own names instead of the Caliph name in Pahlavi script.

The mints. Provinces and cities where the Arab-Sassanian coins were minted: Azarbayjan, Arrajan, Arminya, Iran, Kufa, Zandjan, Nahavand, Hamadan, Basra, Khuzistan, Marw, Balkh, Herat, Gurgan, Sistan, Kerman, Ray.

Qur’anic inscriptions depicted on the Arab-Sassanian coins are as follows:

1. محمد رسول الله: a part of verse 28, Surah 48 (al-Fath). It means: «Muhammad is the Messenger of God».
2. الله: a part of verse 2, Surah 1 (Fatiha), meaning: «To God».
3. بسم الله: the beginning of any Surah: «In the name of God».
4. الله ربي: a part of verse 72, Surah 5 (al-Ma’ida): «God is my lord».
5. ربي الله: a part of verse 29 (28), Surah 40 (al-Mu‘min (Ghafir)): «My lord is God».
6. بركه: a part of verse 96, Surah 7 (al-A‘raf), meaning: «Blessing».
7. لا اله الا الله: verse 35, Surah 37 (al-Safat): «There is no deity but God».
8. الله الحمد: a part of verse 36, Surah 45 (al-Djathiya): «Thanks to God».
9. وحده: a part of verse 70, Surah 7 (al-A‘raf): «He is the One».
10. ولي الامر: a part of verse 59, Surah 4 (al-Nisa’): «Power owner».
11. نصر الله: a part of verse 1, Surah 110 (al-Nasr): «God’s help».
12. خليفه الله: a part of verse 26, Surah 38 (al-Sad): «God’s Caliph».

Most typical and some of the most beautiful Arab-Sassanian coins of the above types will be presented and described in course of my paper presentation.

Mohsen Qaeimmaqamy
(University of Beheshty, Tehran)
On Discovery of an Achaemenian Inscription

An inscription of Xerxes (B.C 486–465), king of Achaemenian dynasty, was found in 2010 in course of my historical researches in Ahwaz city (Quzestan province). This inscription which has been engraved on tablet of the black stone, contains 16 sentences, and was obviously written by three kinds of languages and three systems of cuneiform types: Achaemenian, Elamite and Babylonian. Unfortunately, only Achaemenian (old Persian language) text and few words in Elamite were preserved.

«1 : A great god is Ahuramazda , the greatest gods 2 : who created this earth 3 : who created yonder sky, who created man 4 : who created happiness for man 5 : who made Xerxes king 6 : one king over many 7 : one lord over many 8 : saith Xerxes the king 9 : when thou see people of my country are happy 10 : then shall it become known to thee 11 : that I have satisfied them very well 12 : previous to me, my father Darius the king 13 : by the favor of Ahuramazda , he 14 : satisfied people very well 15 : Ahuramazda with the gods protect me 16 : and my kingdom and what was built by me».

Xerxes (486–465 BC) in this inscription tells over «greatness of God (Ahuramazda) and his creatures, he names numerous countries that are under his kingdom and power, but the most important message in this inscription is his declaration about «satisfying people» in course of his and his father's time». At the end he asks Ahuramazda to bless his actions and his kingdom.

СЕКЦИЯ 3.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE OTTOMAN
EMPIRE AND THE REPUBLIC OF TURKEY

ПРОВОДИТСЯ СОВМЕСТНО С ЦЕНТРОМ ТЮРКСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДОВА СПбГУ

Ю.А. Аверьянов
(ИБ РАН, Москва)

Жизнеописания суфиев-бекташи (менақыб-наме)
как источник по истории княжеств-бейликов Малой Азии

Жизнеописания суфиев-бекташи складывались в период феодальной раздробленности, когда на территории Малой Азии шла непрерывная борьба за гегемонию между рядом мелких властителей, в основном тюркского происхождения. Этот период получил далеко не полное отражение в летописных источниках, поскольку местное летописание указанных мелких государств (бейликов) почти не сохранилось, не дошли до нас и архивы их правителей. В этих условиях жизнеописания святых бекташи могут считаться весьма ценным свидетельством о жизни той эпохи и во многом дополняют и корректируют сведения, полученные из официальных хроник и османских описей вакфов.

Текст большинства житийных памятников традиции бекташи сохранился в более поздних рукописях (XVI – XVII вв.), но можно сделать предположение, что в силу сакральности самих этих памятников их содержание не подвергалось каким-либо существенным изменениям и доносит до нас колорит более раннего времени. Некоторые из жизнеописаний бекташи явно можно связать с территорией бейликов, где они были записаны и история которых находит в них хотя бы косвенное отражение. Так, в «Вилайет-наме-и Султан Абдал Муса» и «Менақыб-наме-и Баба Кайгусуз» повествуется о событиях, происходивших в княжестве Теке (Хамид) и частично в эмиратах Караман и Айдын. В «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» рассказывается о деяниях святого Хаджима в княжестве Гермиян, в окрестных мелких владениях (Карахисар, Сандыклы, Шейхли) и в бейлике Ментеше. «Вилайет-наме-и Султан Шуджа» повествует о странствиях шейха Шуджа эд-Дина в пограничных землях между Османами, Гермияном и Караманом и о взаимоотношениях с некоторыми феодалами (Али Челеби, Лачин-паша-заде) и даже с самим Тимуром. Суфийские источники дают представление о мировоззрении населения бейликов и о взаимоотношениях различных социальных слоев населения.

Л.А. Герд

(ФФ СПбГУ; Института истории РАН, СПб)

Правовой статус русских монахов на Афоне в XIX – начале XX вв.

Св. Гора Афон, до 1912 г. входившая в состав Османской империи, являлась важнейшим форпостом русской церковной политики в Восточном Средиземноморье. Стремительно растущее русское население Афона (в 1913 г. около 5000 человек) сосредотачивалось в трех крупнейших монастырях – Св. Пантелеимона, Андреевском и Ильинском скитах, а также многочисленных келиях, принадлежавших греческим и славянским монастырям. Согласно 62 статье Берлинского трактата 1878 г., все монахи-иностранцы имели право пользоваться покровительством соответствующих дипломатических представительств – консульства в Фессалонике и посольства в Константинополе. Благодаря дипломатической поддержке со стороны русских представителей, а также щедрым пожертвованиям, получаемым ими из России, русские святогорские монахи имели возможность строить грандиозные храмы и корпуса своих обителей, содержать подворья в Константинополе, Одессе и других городах, а также школы и больницы в Константинополе и Фессалонике. Деятельность русских афонцев за пределами России распространялась также на Палестину, Ливан, Старую Сербию и Малую Азию. Духовный авторитет, которым пользовался Афон в среде русского крестьянства, низших чинов армии и купечества, обеспечивал постоянный приток людей, желавших принять там монашество, а также финансовую поддержку.

Между тем рост русского населения Афона вызывал противодействие греков, опасавшихся полного обрусения Св. Горы и вытеснения оттуда монахов других национальностей. Согласно уставам Афона численность насельников келий не должна была превышать 3–6 человек; на практике в русских келиях жило зачастую более ста человек. Неотъемлемой собственностью русских могли считаться только три главные обители. На владение келией оформлялся договор аренды, поэтому вложение больших средств в эти учреждения представлялось русскому правительству нецелесообразным. Что касается метохов (поместий), принадлежавших афонским монастырям за пределами Афона, то они оформлялись на имя конкретного лица – чаще всего афонского монаха.

Правовой статус русских монахов на Афоне был неопределенным. С одной стороны, по афонскому уставу 1876 г., включенному в свод турецких законов, они объявлялись подданными Османской империи; при поселении на Афоне они получали нуфузы. С другой стороны, они не теряли своего русского подданства и сохраняли русские паспорта. Эта двойственность их статуса позволяла русским властям защищать их

в спорных ситуациях, применять к ним полицейские меры (пример имяславцев в 1913 г.) или же в некоторых случаях отказывать им в поддержке как турецким подданным и не нести ответственность за их поступки.

Неопределенным был и их духовный статус. Афон входил в юрисдикцию Константинопольского патриархата. При этом по указу Александра I от 1816 г. лица, получившие постриг за границей, могли быть признаны в монашеском чине на территории России только после прохождения ими послушнического срока в каком-нибудь монастыре. Следовательно, по букве закона афонские монахи на территории России монахами не считались. Это давало возможность некоторым из них, переодевшись в мирское платье, приезжать на родину и заниматься там коммерческими операциями, с чем активно боролись Российский Св. Синод и полиция.

После освобождения Афона в 1912 г. его международный статус был неопределенным. На Лондонской конференции по итогам Балканской войны Россия подняла вопрос об интернационализации Св. Горы и объявлении ее нейтральной территорией—кондоминиумом шести православных государств во главе с Россией. Несогласие Греции затянуло решение вопроса, который так и остался не решенным до конца Первой мировой войны. Окончательным официальным включением Афона в состав Греческого королевства можно считать лишь 1926 г., когда вышло постановление об обязательном греческом подданстве всех афонских монахов.

А.В. Жевелева
(ВФ СПбГУ)

***Роман Митхата Джемаль Кунтая «Три Стамбула»:
новый источник в отечественной туркологии***

Турецкий правовед, писатель и поэт Митхат Джемаль Кунтай (1885–1956) родился в Стамбуле в семье переселенцев из Скутари (Ус-кюдар). Он получил образование в таких известных учебных заведениях османского периода, как французский Лицей Св. Иосифа, Гражданский лицей Вефа (*Вефа идадису*) и Юридическая школа (*Хужук Мектеби*). Потеряв отца в студенческие годы, М.Дж. Кунтай был вынужден взять заботу о семье на себя. Он давал частные уроки, занимался журналистикой, по завершении обучения читал лекции по административному праву в Юридической школе, в 1908 г. поступил в докторантуру и стал учеником Ибрагима Хаккы-паши – политического деятеля и великого везира при султанах Мехмеде V Решаде. Получив степень доктора правоведения, М. Дж. Кунтай работал в различных учреждениях, относя-

щихся к Министерству юстиции. Начав службу простым секретарем, он сумел сделать хорошую карьеру в министерстве и стать членом Верховного суда.

М.Дж. Кунтай является автором множества стихов, пьес, биографических произведений, посвященных своим современникам: Мехмету Акифу Эрсою, Намыку Кемалю, Али Суави. Большинство художественных произведений М.Дж. Кунтая проникнуто любовью к родине, стремлением к героизму и пониманием гражданского долга.

Доклад посвящен единственному опубликованному роману М.Дж. Кунтая «Три Стамбула». Впервые он был издан в Стамбуле в 1938 г. и с тех пор переиздавался 6 раз. Факты из биографии главного героя романа – писателя и адвоката Аднана – позволяют говорить о том, что произведение М. Дж. Кунтая автобиографическое. Повествование исторического романа охватывает важные периоды истории Османской империи конца XIX – начала XX вв.: эпоху «зулюм», первый и второй конституционные периоды вплоть до образования Турецкой Республики. Перед читателями в мельчайших подробностях предстают быт и нравы высшего сословия Османской империи на пороге ее гибели.

Неугасающий интерес турецкой исторической науки к роману «Три Стамбула» на протяжении всего XX в., а также популярность этого произведения в народе привели к его экранизации в 1984 г. К сожалению, роман М.Дж. Кунтая пока не так широко известен в отечественном востоковедении.

***К.А. Жуков (ВФ СПбГУ), О.Л. Фетисенко (ИРЛИ РАН, СПб)
«Записки русского путешественника в Малой Азии»: архивные материалы М.П. Вронченко в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН***

Михаил Павлович Вронченко (1801–1855), военный геодезист и картограф, разведчик Генерального штаба, автор «Обозрения Малой Азии в нынешнем ее состоянии...» (СПб., 1839)¹, первый переводчик шекспировского «Гамлета» с английского оригинала на русский язык (СПб., 1828) – явление незаурядное даже для столь щедрого на талантливые натуры русского девятнадцатого века.

После смерти Вронченко его бумаги и письма были переданы родственниками и друзьями покойного академику А.В. Никитенко, который на их основе составил замечательный биографический очерк². В

¹ Характеристику этой работы Вронченко см. в: Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973. С. 170–176.

² Никитенко А.В. Михаил Павлович Вронченко (Биогр. очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Окт. С. 1–58.

настоящее время переданные документы хранятся в Рукописном Отделе ИРЛИ РАН (см., в частности: Отчет о путешествии по Малой Азии // Фонд А.В. Никитенко. <Сигн.> 19 591. 131 л.).

Среди них находится путевой дневник Вронченко, озаглавленный «Записки русского путешественника в Малой Азии» (Л. 43–80а), который состоит из описания пути в Константинополь (Л. 45–52), сведений о пути из Константинополя в Смирну (Л. 52а–75а) и рассказа о пребывании в Смирне (Л. 76–80а) весной 1834 г.

А.В. Никитенко, обративший внимание на ценность этого документа, поместил из него пространные выдержки в уже упомянутом нами очерке.¹ «Записки русского путешественника...», или, как их именует сам А.В. Никитенко, «дневник», по своему стилю разительно отличаются от справочно-аналитического «Обозрения Малой Азии в нынешнем ее состоянии...». Обладая чертами как научного, так и художественного произведения, дневник Вронченко является выдающимся памятником русского ориентализма, а его описание Смирны 1834 г. позволяет провести линию от первых русских зарисовок жизни этого важного торгового центра Османской империи, которые мы находим в письмах И.И. Хемницера, адресованных Н.А. Львову², к очерку В.В. Крестовского, посетившего этот город в июле 1880 г.³

Помимо «Записок...» под указанным выше шифром хранится еще ряд материалов, вышедших из-под пера Вронченко, а именно: «Отчет о путешествии по Малой Азии в 1834 году» (Л. 1–7а), завершенный в Смирне 30 октября (11 ноября) 1834 г.; «Взгляд на нынешнее состояние Малой Азии» (Л. 8–15), датированный тем же числом; записка «О первом путешествии по Малой Азии в 1835 году» (Л. 15а–20), датированная 15 (27) июля 1835 г.; с той же датой записка «О заведении коммерческих сношений между Россией и Анатолией» (Л. 20а–23) с Приложением 1: «Прейскурант на некоторые местные товары...» (Л. 23а).

Эти материалы вошли в сводное «Обозрение путешествия по Малой Азии и собранных в ней сведений в 1834 и 1835» (Л. 25–42а). По всей видимости, это вариант отчета, который в настоящее время хранится в Москве в РГВИА⁴. Помимо всего прочего, в этих материалах

¹ Там же. С. 13, 45–55.

² См.: Жуков К.А. И.И. Хемницер – первый русский генеральный консул в Смирне (1782–1784) – о Турции и турках // Востковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. XXV междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апр. 2009 г.: Тез. докл. СПб., 2009. С. 305.

³ Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М., 1997. Кн. 1. С. 41–55.

⁴ Этот отчет кратко рассмотрен в работе: Клейнман Г.А. Из истории изучения Турции в России // Проблемы истории Турции: Сб. ст. М., 1978. С. 93–101. О

Вронченко называет некоторых своих информантов, которым он был обязан, например, частью статистических и коммерческих данных – первый драгоман российского консульства в Смирне г. Абро (Л. 15а, 30), либо тех людей, к которым он был готов обратиться с соответствующим запросом в будущем – третий драгоман константинопольской миссии ориенталист г. Богданов, располагавший на тот момент необходимыми сведениями по политическому и административному устройству Османской империи (Л. 31а–32).

Особо выделим черновую копию «Военного описания Малой Азии» (Л. 81–131). Эта записка состоит из вступления (Л. 83), отделения первого («Военно-топографическое описание», Л. 83а–116), отделения второго («Стратегические соображения», Л. 116а–123а) и «Прибавления» (Л. 124–130а). Во вступлении Вронченко пишет: «В «Обозрении Малой Азии в нынешнем ее состоянии» помещены все, какие можно было собрать лично и расспросами, сведения об этой стране в разных отношениях, кроме военного. Там умышленно ничего не говорено ни о дорогах, ни о [важнейших] обстоятельствах, определяющих степень стратегической важности разных участков края – гор и равнин, рек и портов, городов и их окрестностей, ни, наконец, о всякого рода пособиях, каких может ожидать войско, в крае действующее» (Л. 83). В новом описании данная лакуна была восполнена, и Малая Азия была описана как возможный театр военных действий. В частности, был учтен опыт продвижения по Малой Азии египетских войск в 1833 г. (Л. 118–119).

К.А. Жуков
(ВФ СПбГУ)

**Идентификация Терентьева:
рассуждения о судьбах славянства и Турции в 1867 и 1876 гг.**

И «князь» орет: «Халат, халат!»
А. Блок. «Возмездие»

«15-го мая в понедельник, к двум часам пополудни гостиница «Belle-Vue» (Большая Морская, 3. – К. Ж.) наполнилась посетителями: в этот час был назначен последний обед Славян перед отъездом в Москву. Опять пошли тосты и речи. Из Славян говорили: Палацкий, Ригер, Браунер, Ценова. В своих речах славянские ораторы горячо благодарили «Петроград» за сделанный им прием. <...> Палацкий прибавил к этому, что хотя Петербург и носит иностранное имя, но, очевидно, это

других материалах М.П. Вронченко, имеющихся в московских архивохранилищах, см.: *Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа (вторая треть XIX в.). М., 1986. С. 270; примеч. 6.

город вполне русский и предложил тост за петербургское общество в лице его представителей – членов комитета для приема Славян. В ответ на их речи говорили лица, вовсе не принадлежавшие к комитету, пришедшие, так сказать, со стороны приветствовать отъезжавших в Москву славянских гостей. Первым говорил генерал Иваницкий. <...> Затем г. Терентьев сказал следующую горячую речь: <...>¹. К некоторым содержательным моментам этой речи мы обратимся ниже, а пока отметим, что многими из числа современников это выступление было признано весьма удачным; его текст был полностью помещен в петербургском «Голосе» (16/28 мая, № 134. С. 2), а затем воспроизведен в вышеуказанном памятном издании.

Одним из таких современников был К.А. Губастов, с апреля 1867 г. занимавший пост секретаря и драгомана российского консульства в Адрианополе/Эдирне. Именно благодаря Губастову мы можем установить личность выступавшего. В своих неопубликованных мемуарах² бывший студент Учебного отделения восточных языков МИД (учился с 1863 по 1865 г.) не только цитирует по памятного издания «удачную» речь своего однокашника, но и дает собственную характеристику самому автору этого выступления: «На лекции, в качестве вольнослушателей, к нам ходили два офицера: гусарский штаб-ротмистр Сахновский и ротмистр л. гв. Уланского Его Величества полка Терентьев. Оба милые, умные и веселые товарищи. Сахновского я тотчас же по выходе из отделения потерял из виду, а с Терентьевым встречался иногда впоследствии. Он имел страсть к учению. Окончив Академию Генерального штаба, поступил к нам и настолько хорошо занимался, что составил маленький разговорный русско-татарский словарь для офицеров, служащих в Средней Азии»³.

Таким образом, перед нами Михаил Африканович Терентьев (1837–1909), будущий генерал-лейтенант, историк и лингвист⁴. Научное

¹ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 236–237.

² О Губастове и его воспоминаниях см.: Жуков К.А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К.А. Губастова) / Россия и арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861), 2–3 ноября 2010 г.: Материалы конференции. СПб., 2010. С. 92–93.

³ Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 9а–10.

⁴ О Терентьеве см., в частности: Кононов А.Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1989. 2-е изд. С. 227–

и публицистическое наследие М.А. Терентьева очень значительно. Хотя самым знаменитым его произведением, безусловно, является трехтомная «История завоевания Средней Азии» (СПб., 1906), книги Терентьева приобрели широкую популярность уже в середине 1870-х гг. Его «Россия и Англия в борьбе за рынки» и «Россия и Англия в Средней Азии» (СПб., 1875) сразу же были переведены и напечатаны в Лондоне¹.

Появление этих книг, а также ряда других публикаций Терентьева в российской периодической печати по времени совпало с Восточным кризисом (русские добровольцы в Сербии, «Болгарские ужасы» и др.), когда в российской интеллектуальной жизни произошла очередная актуализация тем, затронутых в его речи 1867 г., а именно: единение славян («Взгляните на нашу Русь: пока она была раздроблена на уделы, пока ее князья усобились, она изнывала под татарами... Но вот Москва собрала русскую землю, и те же татары ходят с халатами»), крест над Святой Софией и т. п. В этой связи, на наш взгляд, определенный интерес представляют некоторые совпадения между содержанием речи Терентьева и текстом Ф.М. Достоевского «Халаты и мыло» из сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. В частности, проводя мысленные параллели между покорением Казани и возможным русским завоеванием Османской империи, Достоевский употребляет схожую с терентьевской риторическую фигуру. Достоевский пишет: «Немного спустя – и казанцы начали нам продавать халаты, <...>». И продолжает: «Тем дело и кончилось. Точь-в-точь и точно так же дело кончилось бы и в Турции, <...>. Прошло бы немного – и турки тотчас же принялись бы нам продавать халаты...»². Вряд ли можно говорить о каком-то влиянии речи Терентьева на Достоевского (хотя гипотетически такую возможность все же полностью исключать нельзя); скорее в данном случае мы имеем дело с проявлением российского имперского дискурса, а именно – с одним из стереотипов русского ориентализма, усвоенного из опыта реальной жизни и к тому времени уже основательно закрепленного в русской классической литературе (см., например, хрестоматийный «Тарантас» В.А. Соллогуба³).

228. (Здесь надо сделать одно уточнение: поступивший в 1864 г. в Учебное отделение штабс-капитан Терентьев был произведен в ротмистры лишь в 1869 г.)

¹ Перевод последнего сочинения (Mikhail Afrikanovich Terentev. *Russia and England in Central Asia*. Tr. by F. C. Daukes. London, 1876) в прошлом году был переведен в США (Nabu Press, USA, 2010).

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 23. Л., 1981. С. 120.

³ Соллогуб В.А. Повести и рассказы. М., 1988. С. 262–265.

И.В. Зайцев
(ИВ РАН, Москва)

Османские документы по истории Аджарии во Владикавказе

В Отделе рукописных фондов Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева хранится дело под заголовком «Материалы времен Шамиля на арабском языке (по справке Агнаева)». В действительности это собрание 19 документов из архива директора вакуфов (*эваф мухасебеджи*) в Трабзоне Мехмеда Тевфика, касающихся деревень Буглат и Горджум (совр. Беглети и Горджомеладзеби Хулойского муниципалитета) *казы* «Верхняя Аджария», *ливы* Лазистан за 1289–1290 гг. х. (1872–74).

Аджарское ущелье было завоевано турками с последующим учреждением там османских административных органов в 60-е гг. XVI в. Аджарский *санджак* поначалу был частью Эрзерумского бейлербейства, в 1609 г. он значится уже в составе Чилдырского вилайета. По административному реестру империи 1631–32 гг. *ливы* Верхняя и Нижняя Аджария значатся в качестве *оджаклыка*, подчиненного Карсу¹. Чуть позже Верхняя Аджария (Ачара), или Земо, – самостоятельная *лива* (*санджак*) в Ахалцихском (Чилдырском) *пашалыке*².

Область Лазистан включала в себя *санджаки* Гонию и Батум (официально с 1851 по 1867 гг. – *санджак* Батум). Однако, после того как в 1878 г. Батум отошел России, в 1879 г. указом был учрежден новый *санджак* Лазистан с тремя *казами* (Хопа и Атина, а также Ризе, которая была изъята из санджака Трабзон)³. К концу XIX в. Лазистан был разделен между этими *казами*, включавшими 6 сельских округов (*нахие*), в которых насчитывалось 364 деревни с населением 138 427 человек⁴.

Документы из Владикавказа разделяются следующим образом: первые два документа (л.1–2) – *вакф темессюю* – подтверждение права хозяйственного использования вакуфного имущества. Такие свидетельства выпускались столичным управлением *вакфов*⁵. Следующие 10

¹ *Шашикадзе З.* Два важных документа по истории Юго-Западной Грузии XVI в. // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2008, № 1 (январь–март). С. 55.

² См. Джаба Дефтер Чилдырского эялета 1694–1732 гг. Турецкий текст с грузинским переводом подготовила к изданию Ц.А. Абуладзе, исследованием снабдил М.Х. Сванидзе). Тбилиси, 1979.

³ *Birken A.* Die Provinzen des Osmanischen Reiches. Wiesbaden, 1976. С. 152.

⁴ Dictionnaire Universel d'Histoire et de Géographie par Samy-Bey Frascbery. T. 5. Constantinople, 1896. С. 3967.

⁵ *Велков А.* Видове османотурски документи. Принос към османотурската дипломатика. София, 1986. С. 41, 480.

(л. 3–12) так называемые «временные документы на владение недвижимостью» – *ильмухабер*; 7 оставшихся (л. 13–19) такие же документы *ильмухабер*, но на использование имущества в собственности вакфа¹. Владикавказские документы ценны тем, что уточняют и дополняют другие источники по истории османского землевладения в регионе (нп., *дефтеры ат-тахрир* и *ат-тану* из Архива премьер-министра в Стамбуле²; *салнаме* Трабзонского вилайета за 1289–1290/1872–74 гг.³ и др).

Д.В. Калманович
(ВФ СПбГУ)

Фетвы Абу Су‘уда-эфенди
как источник семейного права в Османской империи XVI в.

В истории права Османской империи Абу Су‘уд-эфенди (1490–1574) занимает особое место. Он считается тем, кто привел в соответствие ханафитское мусульманское право и османское светское законодательство (*канун*), посвятив более 40 лет своей жизни юридической практике, 29 из них на посту *шайх ал-ислама*.

В Османской империи законодательство развивалось по двум самостоятельным линиям, в связи с чем существовало и два вида правовых памятников. Первая линия османского законодательства связана с принципами мусульманского права и соответствовала официально принятому в империи толкованию ханафитской правовой школы. Наряду с шари‘атской развивалось также султанское (светское) законодательство, которое выросло из местного обычного права. Нормотворческая практика султанов получила название «правовой политики»⁴. Специалистом в сфере «правовой политики» был, по мнению Колина Имбера, Абу Су‘уд-эфенди.

Изучение и анализ *фетв* Абу Су‘уда, как основного источника исследования правовой ситуации в Османской империи, позволил заключить, что семейные и брачные отношения в Османской империи в XVI в. в большей степени регулировались правом шари‘ата. Вместе с тем светская власть часто вмешивалась в эти отношения и пыталась их контролировать и регулировать. В рассматриваемый период в сознании

¹ Об *ильмухаберах* см. также: *Kütükoğlu M.S. Osmanlı Belgelerinin Dili (Diplomatik)*. İstanbul, 1994. С. 295.

² Ottoman Archives. Başbakanlık Arşivi. Prepared by N. Aktaş, İ. Binark. Amman, 1986. P. 336. Текст на арабском.

³ Osmanlı Yıllıkları (Salnameler ve nevsaller) / Ottoman yearbooks (Salname and Nevsal). Compiled by H. Duman. İstanbul, 1982. С. 69, 85.

⁴ Григорьева Т.В. Правовая система, стр. 232–235.

османского народа были довольно сильны тюркские традиции (например традиция *кальма*). Все это усложняло задачу османским юристам, в частности Абу Су'уду, который пытался привести к единому знаменателю светское законодательство, традиции и шари'ат. Умело сплетая эти три ветви воедино, он пытался рассматривать традицию в рамках шари'ата и привести в соответствие светское и исламское законодательство. Абу Су'уд объяснял также, применительно к его современности, правовые вопросы, слабо освещенные ханафитской доктриной или не затронутые ею вообще.

Фетвы Абу Су'уда-эфенди – ценнейший источник информации о жизни, деятельности, переживаниях, заботах, нуждах, надеждах людей изучаемого периода.

Д.А. Коркмасова
(ИБ РАН)

**Газета «Стамбульские новости»
как источник по истории Турции начала XX в.**

Первое источниковедческое исследование еженедельной газеты «Стамбульские новости», издававшейся близкими к младотурецким кругам российскими социал-демократами и турецкой интеллигенцией в 1909–1910 гг., было предпринято А.Д. Желтяковым в 1976 г. В процессе исследования всех номеров коллекции были рассмотрены материалы, связанные с политикой младотурок в области законодательства, национальной политики, экономики, культурной жизни и т. д. При этом отмечалась важность дальнейшего изучения первой российской газеты, издаваемой в Турции на русском языке, знакомившей российских читателей с политическими и культурными событиями страны в переломный период ее истории.

Тематику публикаций в газете можно объединить в несколько основных разделов, освещающих политическую, экономическую и социальную ситуацию в Турции того периода. Одним из важнейших направлений издатели считали налаживание взаимовыгодного развития культурных и экономических связей между Россией и Турцией.

Учредителем и главным редактором газеты являлся русский подданный Джелал-эд-дин Коркмасов, чье имя широко известно в истории России начала XX в. Следует отметить ту активную роль, которую он играл в сфере политического и партийного строительства Турции того периода. В том числе имеется информация о создании Османской социалистической партии, одним из основателей которой был Дж. Коркмасов. Газетные материалы свидетельствуют также о его тесном сотрудничестве со многими известными турецкими журналистами,

писателями, поэтами, которые являлись очевидцами и участниками тех событий и внесли свой вклад в установление связей российских социал-демократов с турецкой прогрессивной интеллигенцией. Печатались в газете и российские корреспонденты, чьи публикации в связи с ростом революционных настроений в Турции вызывали у читателей особый интерес.

В настоящее время коллекция всех номеров газеты хранится в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Еженедельное издание «Стамбульские новости» остается до настоящего времени малоизученным источником, содержащим уникальные сведения по истории младотурецкой революции и политической обстановке в стране.

О.М. Курникова
(ИБ РАН, Москва)

***Первые географические описания Крымского полуострова
после присоединения Крыма к России в 1783 г.:
Судовой журнал капитана 2-го ранга И.М. Берсенева
(материалы РГА ВМФ)***

8 апреля 1783 г. был издан манифест Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, Тамани и Кубани к России. 28 июня 1783 г. указом Екатерины II все население Крыма стало российскими подданными. Одной из первых задач, после присоединения Крыма к России, было подробное описание и детальное изучение новых земель. Необходима была информация как статистического, так и географического характера. Для получения достоверной информации в Крым отправлялись различные экспедиции, как научные гражданские, так и военные.

В 1785 г. императрицей Екатериной II был издан указ Черноморскому адмиралтейскому правлению о проведении работ по составлению береговой описи Крымского полуострова. Главнокомандующий Черноморским флотом вице-адмирал Сухотин Я.Ф. и контр-адмирал Макензи Ф.Ф. выполнение этой задачи поручили капитану 2 ранга И.М. Берсеневу. Была отправлена военная научная экспедиция к берегам Черного моря с целью географического описания западного и южного побережья Черного моря, промеров глубин моря и рек и составления карт. Результатами экспедиции стали подробные дневники-описания береговой линии западного и южного побережья Черного моря.

В Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) в Санкт-Петербурге сохранились документы о военной экспедиции капитана 2-го ранга И.М. Берсенева к берегам Крымского по-

луострова¹. В фондах архива автором обнаружены и опубликованы один из судовых дневников военного мореплавателя и путешественника XVIII в. Ивана Михайловича Берсенева с описанием его экспедиции по Крыму, а также его переписка с Черноморским адмиралтейским управлением, касающаяся этой экспедиции².

Шаин Мустафеев

(МИ Центральноазиатских исследований, ЮНЕСКО)

Османские архивные документы по истории центральноазиатских ханств XVIII–XIX вв.

История взаимоотношений между Османским государством и странами Центральной Азии имеет глубокие корни. Эти отношения развивались непрерывно с XIV до начала XX вв. и охватывали политические, дипломатические, культурные, научные, религиозные сферы.

Будучи одним из могущественных государств средневековья, Османская империя в эпоху наивысшего расцвета включала в свой состав обширные территории на трех континентах – Азии, Европе и Африке. Интересы ее простирались далеко за пределы империи и охватывали многие регионы, включая и страны Центральной Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники.

Военно-политические и дипломатические отношения Османской империи и государств Центральной Азии в XV–XVI столетиях довольно хорошо известны благодаря историческим хроникам и документам той эпохи. Однако слабоизученными до сих пор остаются взаимоотношения последующего периода, особенно XVIII – начала XX вв.

Это связано с несколькими важными историческими обстоятельствами. Прежде всего, образование в начале XVI столетия Сефевидского государства, которое приняло в качестве официального вероисповедания шиитское направление ислама и тем самым противопоставило себя своим суннитским соседям – Османской империи на западе и государству Шейбанидов на востоке – в значительной степени затруднило контакты и способствовало ослаблению активных связей между Малой и Центральной Азией.

Кроме того, в XVII–XIX вв. происходит дальнейший упадок мусульманской цивилизации, активная экспансия европейского колониализма.

¹ РГА ВМФ, Ф.197. Оп. 1. Д. 87.

² Игнатова О.М. Первые научные описания Крымского полуострова российскими мореплавателями XVIII в.: неизвестные страницы//Бюллетень общества востоковедов. Архивные материалы по истории взаимоотношений России и Турции XVIII–XIX вв. М., 2004. С.7–34.

лизма во всем мире, проникновение западного и русского оружия на восток. В это время многие страны мусульманского мира, включая ханства Центральной Азии, попадают в колониальную зависимость от Европы и России. Естественно, в этих обстоятельствах сложно говорить об активных политико-дипломатических и иных отношениях между Османской империей и Центральной Азией.

Тем не менее, как свидетельствуют архивные материалы, связи не были прерваны окончательно, и имеется значительный пласт османских документов, публикация которых позволит историкам по-новому взглянуть и более объективно оценить историю отношений между Османской империей и странами Центральной Азии. Одну из первых попыток в этом направлении предприняла Дирекция Государственных Архивов при Кабинете Министров Турецкой Республики, которая в 2004 г. издала 76 документов XVI – начала XX вв. из Османского архива в Стамбуле. В то же время архивы Турции содержат богатейшую коллекцию источников по данной теме, которые ждут своих исследователей.

Именно с этой целью Международный Институт Центральноазиатских исследований (Институт ЮНЕСКО) и Турецкое Общество Архивистов инициировали совместный проект по вводу в научный оборот около 300 новых османских документов, касающихся отношений Османской империи и Центральной Азии в XVIII–XX вв. Предполагается осуществление издания в трех томах. Первый том будет освещать политические и дипломатические отношения, второй том будет посвящен вопросам хаджа и религиозных связей, в третьем томе намечается публикация документов разного характера, не вошедших в первые два тома. Публикации будут содержать факсимиле и транслитерацию документов, а также их краткое резюме на русском, английском и современном турецком языках.

В докладе речь будет идти о характере и содержании документов, касающихся политических и дипломатических отношений между Османской империей и центральноазиатскими ханствами в XVIII–XIX вв.

С. Ф. Орешкова
(ИБ РАН, Москва)

П. А. Толстой о государственном перевороте 1703 г. в Османской империи и некоторые рассуждения о значении этого события

1. П. А. Толстой – первый постоянный посол России в Османской империи (1702–1714). Его донесения и «Статейный список» как интереснейший источник сведений об Османской империи того времени.

2. Нахождение П.А. Толстого в Эдирне при дворе султана Мустафы II. Его источники информации и характеристики, даваемые послом, тогдашним османским государственным деятелям. Предвидение бунта.

3. «Статейный список» посла как источник по истории государственного переворота. Взгляд на событие из Эдирне (иные источники исходят от стамбульских очевидцев). Свобода, которую получил в это время П.А. Толстой в самостоятельном получении информации о происходящем. Его оценки развития событий и причастных к ним лиц.

4. Последствия переворота и разгрома восставших. Новый султан и отличие времени его правления от предшествующего периода.

5. Уход с исторической арены поколения османских государственных деятелей, пытавшихся сверху самостоятельно реформировать страну, сохраняя особенности ее общественного и государственного строя, эволюционным путем приспособить ее к новым условиям.

6. Шейх уль-ислам Фейхуллах эфенди. Оценка его личности П.А. Толстым. Сословие улемов и реформенные потенции страны.

А.О. Победоносцева
(ВФ СПбГУ)

***Русско-курдские отношения в документах Османского архива
при Кабинете премьер-министра (Стамбул)***

Многочисленные русско-турецкие и русско-персидские войны значительно расширили территорию Российской империи и, как результат, разнообразили этнический состав. Первые зафиксированные контакты представителей Российской империи с курдскими старшинами относятся к началу XIX в., когда были предприняты первые попытки привлечь курдов на сторону России с целью обеспечения их нейтралитета.

В фондах российских архивов содержится значительная подборка документов, освещающих различные социально-политические процессы русско-курдского взаимодействия. Совсем иначе обстоит ситуация с османскими архивными документами, что напрямую связано со спецификой архивного дела в Турции, историей русско-турецких отношений и курдским вопросом.

Р.Ю. Почекаев
(Юрфак СПбФ ГУ-ВШЭ)

***Русские посольские книги как источник по праву внешних сношений
Крымского ханства***

Русские посольские книги XVI–XVII вв. по связям Московского царства и Крымского ханства уже давно являются одним из главных

источников по политической истории русско-крымских отношений и активно исследуются специалистами в этом качестве. Однако они представляют собой также и важнейший источник по праву внешних сношений Крымского ханства, хотя в этом аспекте, насколько нам известно, они еще подробно не изучались.

Ценность посольских книг как источника по истории крымско-ханского права тем выше, что они, в отличие от нарративных источников (летописей, хроник и пр.), являются официальными дипломатическими отчетами и поэтому в меньшей степени отражают авторскую субъективность составителей: в их задачу входило представить пославшим их московским монархам факты, а не собственные суждения. В связи с этим, на наш взгляд, можно вполне доверять сведениям русских послов о правовых аспектах внешнеполитической деятельности Гиреев: крымские власти доводили до сведения русских дипломатов именно то, что считали нужным довести, т. е. формально-юридические аспекты своей внешнеполитической деятельности, а не какую-то скрытую «дипломатическую кухню».

Таким образом, посольские книги содержат весьма ценную и объемную информацию по таким вопросам, как организация взаимодействия властей Крыма с иностранными дипломатами, статус и компетенция во внешних сношениях ханов, беев и мурз, высшего духовенства, документы, с помощью которых в Крыму оформлялись решения в сфере внешней политики и другие вопросы.

Сведения посольских книг позволяют перепроверить и уточнить данные нарративных источников по указанной тематике, а также и результаты их исследования специалистами. В свою очередь, выявление правовых аспектов внешнеполитической деятельности Крымского ханства позволит лучше понять и общеполитические механизмы взаимодействия этого государства с другими странами – в первую очередь, с Московским царством, объяснить причины и последствия тех или иных конкретных действий ханов из рода Гиреев и их окружения.

*Г.А. Серкина
(Государственный Эрмитаж, СПб)*

Изникская керамика как образец дворцового изобразительного искусства Османской империи

XVI–XVII вв. для истории османского искусства являются временем расцвета османского искусства. Именно с этого времени дворцовый стиль становится доминирующим в турецком искусстве. Точкой отсчета этого культурного феномена можно считать правление султана Селима I (1512–1520). Именно султан Селим Явуз привел из Ирана после победы

над персами мастеров гончарного дела, которые и основали керамическое производство в Изнике, найдя здесь залежи подходящей глины. Насколько востребованной оказалась изникская продукция, можно судить по свидетельству Эвлия Челеби – к тому времени там было открыто уже 340 гончарных мастерских. Значительная часть изникских изделий предназначалась для обслуживания строительно-архитектурных потребностей государства, интенсивность которых совпадает с новыми территориальными приобретениями.

Декор керамических изделий Изника безусловно следует считать уникальным художественным явлением в турецком декоративно-прикладном искусстве. Яркая индивидуальность декора керамики Изника оказала огромное влияние на декор изделий других видов декоративно-прикладного искусства. Как известно, к характерным признакам орнамента изникских изделий относятся яркая, праздничная, но ограниченная цветовая гамма, натуралистично изображенные цветы и определенный, устоявшийся набор цветочных видов.

Эти признаки и определили сложение так называемого дворцового стиля в османском искусстве – художественного стиля, который возник и существовал параллельно со стилем, характерным для народно-традиционного искусства. Дворцовое направление в изобразительном искусстве, как известно, отличается тем, что над созданием декора трудятся профессиональные художники, в результате чего орнамент приобретает некоторую унифицированность и имеет абстрагированный характер, что не характерно для традиционных изделий.

Н.И. Черниченкина
(ИБ РАН, Москва)

Принципы европейской кадровой политики в Османской империи в конце XIX в. (на примере ежегодных отчетов АОПД)

В историографии Османской империи Администрация оттоманского публичного долга (далее – АОПД) описана весьма подробно. Она представляла собой уникальный институт по внедрению финансовых принципов европейской экономики в хозяйственный механизм Порты.

Успешность деятельности Администрации подтверждается данными ее ежегодных отчетов, составлявшихся для учета доходов и расходов компании. К сожалению, эти уникальные источники по социально-экономической истории Османской империи пока еще мало изучены. Это связано с тем, что востоковеды долгое время не могли найти архив АОПД. Исследователь оттоманского долга И.Х. Ениай писал, что с переносом главного отделения АОПД в Париж архив был вывезен из Турции, а уже после того как турецкое правительство внесло последние

платежи в счет долга, вся документация АОПД была уничтожена. Тем не менее часть источников все же уцелела, в том числе и ежегодные отчеты, охватывающие период с 1891 г. до 1914 г. Кроме того, за период 1879–1885 гг. сохранился т. н. свод внутренних правил для персонала Администрации. В этих источниках содержатся достоверные сведения о мерах, принимаемых АОПД для развития находившихся в ее ведении соляной, табачной, шелковой монополий, а также о рыболовстве и рудниках, налоговыми сборами с которых АОПД распоряжалась в целях погашения оттоманского долга.

Настоящий доклад посвящен кадровой политике АОПД. Она определяла основные принципы работы Администрации, ее структуру, функциональные обязанности и служебные полномочия сотрудников, а также порядок назначения и увольнения с должности, условия работы, возможности обучения и премирования, размер жалования и пр. Применяя организационный, мотивационный и информатизационный подход, Администрация разработала такую модель управления, которая приводила к повышению эффективности использования кадрового потенциала и, соответственно, к эффективности деятельности компании. Приняв во внимание успехи, которых добилась АОПД за время своего существования, лидеры Турецкой Республики использовали ее опыт для организации системы сбора налогов в 20-х гг. XX в.

Георгий Чочиев
(Северо-Осетинский ИГСИ ВНИЦ РАН, Владикавказ)
Черкесская газета в Стамбуле: «Гуазэ» (1911–1914)

После младотурецкой революции 1908 г. достаточно заметным явлением в общественной жизни Османской империи стало черкесское движение, ставившее своей целью решение широкого спектра проблем этнонационального развития проживающей в стране северокавказской диаспоры. Основной организационной структурой данного движения выступало «Черкесское общество единения и взаимопомощи» (ЧОЕВ), существовавшее в различных формах с 1908 по 1923 г., но наиболее активно действовавшее в период до I мировой войны.

Важнейшим источником, отразившим взгляды объединившейся в ЧОЕВ этнической интеллигенции, является печатный орган общества – восьмиполосная газета «Гуазэ». С апреля 1911 по сентябрь 1914 г. увидело свет 60 ее выпусков (последний под новым названием «Кафкас»). Газета издавалась в Стамбуле и распространялась во всех районах компактного проживания этнических северокавказцев на Ближнем Востоке, периодически доставлялась также на Кавказ. Языком подавляющего большинства публикаций был турецкий, однако часть материалов, пре-

имушественно фольклорного характера, печаталась по-адыгски арабским шрифтом.

«Гуазэ» выступала важным инструментом просвещения черкесского населения империи, стимулирования его национальной идентичности и консолидации вокруг программных целей ЧОЕВ. Несмотря на сравнительно непродолжительный период издания, она представляет собой весьма значимый факт печатного наследия северокавказской (прежде всего адыго-абхазской) диаспоры и неотъемлемый элемент культурного достояния народов Северного Кавказа.

В данной работе предполагается осуществить анализ содержания доступной нам большей части номеров газеты (несколько выпусков в настоящее время не обнаружены) с целью оценки основных идеологических принципов черкесского движения в Османской империи и его подходов к решению конкретных задач этнонационального развития своих соотечественников в диаспоре и на исторической родине.

В.И. Шеремет
(ИБ РАН, Москва)

Особые совещания по Восточному вопросу как источник по истории русско-турецких отношений в конце XVIII – начале XX вв.

Внесистемное чрезвычайное присутствие при Высочайшей особе по вопросам, связанным с Турцией, появилось при Екатерине II для выработки инструкций посольству М.И. Кутузова в Турцию. Документы: в камер-фурьерских записях (РГИА), в фондах РГВИА. Основная идея – переход к «возможно более долговому миру с турками». Основания для суждений – реляции войны 1787–1791 гг., материалы Ясского мира.

«Присутствия» 1798 и 1799 гг.: выработка позиций по «спасению насколько возможно султанского трона и военного союза». Документы отныне в фондах «Зимний дворец» (РГИА) и «Государственный Совет» (РГАДА). Впервые рассматривались сведения из агентурных источников в Турции и торговых кругах Юга России. Союз с Турцией выделялся в тесной связи с наполеоновской политикой. Доминанта – выгоды от «сохранения Турецкой империи много больше, чем от ее падения».

Особые совещания по Восточному вопросу обрели название и периодичность («по случаю») после 1801 г. Наиболее значимыми стали совещания по Бухарестскому миру 1812 г., «Венским соглашениям» 1815 г., «турецкому вопросу и греческой революции» 1821–1822 и 1827 гг. Особой обстоятельностью отличались Совещания по итогам войны 1828–1829 гг. В период наибольшего влияния России в Турции в 1833–1841 гг., равно как и падения такового в 1848–1856 гг., сколько-

нибудь существенного влияния на турецкую политику Петербурга Особые совещания не имели; просчеты не анализировались.

В 1850-х – начале 1880-х гг. прошли Совещания по Восточному вопросу, где центральное место занимали Кавказ, война 1877–1878 гг., присоединение Средней Азии. Документы шли из МИДа и в МИД (АВ-ПРИ), частично – в Военное министерство (РГВИА, ф. ВУА, 2000 и др.). Совещания 1890–1916 гг. отмечены ориентацией на силовые решения по Проливам, отказ от военного союза с Турцией. Документы – сведения военной разведки, политической полиции, военно-морских агентов, реже – от МИДа. Материалы в РГВА, РГВИА, РГИА, РГА ВМФ, АВПРИ.

П.В. Шлыков
(ИСАА МГУ, Москва)

***Ваффы в Турции во второй половине XX – начале XXI вв.:
в поисках компромисса между традицией и новацией***

Политическая оттепель 1950-х и 1960-х гг. (переход к многопартийности, принятие либеральной Конституции 1961 г.) вместе с серьезными сдвигами в экономике страны (появление крупного национального капитала, постепенное превращение этатистской экономики в «смешанную», государственно-частную) стали прологом нового этапа в истории ваффов в Турции.

К концу 1960-х гг. в турецком обществе, уже не испытывавшем жестких ограничений на любую публичную деятельность времен авторитарного однопартийного режима, создалась условия для возрождения ваффов, но последнюю роль в котором сыграло и стремление новых политических элит поощрять и поддерживать социальные проекты крупного бизнеса по примеру благотворительных организаций и фондов в Европе и США.

Поправки к Гражданскому кодексу, принятые в 1967 г., вернули в общественно-правовой лексикон само понятие «ваффа», создали относительно благоприятные условия для развития филантропической активности, но вместе с тем внесли и серьезные изменения в саму сущность института. Задача инкорпорирования ваффов в светский Гражданский кодекс решалась путем синтеза многовекового опыта османских ваффов и правовых норм, регулирующих деятельность филантропических фондов в США.

Философия «новых ваффов» была уже совершенно иной: перенести в светский Гражданский кодекс присущую исламскому праву полисемантическую определенность ваффа оказалось невозможно. Исчезла и религиозная составляющая ваффа (угодность Аллаху – *Kurbet kasti*), которая ранее была его неотъемлемой частью, а его учреждение в итоге лишилось дополнительных «моральных» смыслов. Результатом этих сущностных трансформаций стало появление «общественных» и «государственных» ваффов. Культура же ин-

дивидуальных небольших вакфов уходила в прошлое, чему немало способствовали нормы вакуфного законодательства, в которых появилось положение о минимальном размере первичного капитала «нового» вакфа.

Активность вакфов в сфере экономики стала причиной их использования для решения определенных политических задач, далеко выходящих за рамки «оживления традиции в современной форме», о которой говорили архитекторы реформы 1967 г. Так, для исламистов вакфы вошли в число одного из основных инструментов социального действия.

В целом, многомерность и неоднозначность современного вакфа в Турции в определенной степени отражает как «разделенность» общества по политико-идеологическим линиям, так и концептуальный «синтез» внешних ориентиров страны: одновременное желание интегрироваться в ЕС и стремление играть все более значительную роль в общемусульманских международных организациях вместе с претензиями на региональное лидерство.

Refik Korkusuz
(Dicle University, Diyarbakır, Turkey)
The Significance of New Constitution Changing in Turkey

The Constitution is a contract which is made between the citizens and the rulers and reflects the common will of the people who live within the borders of a state. However, in Turkey, as in many countries, the constitutions have been made by the army in the ending of military coups periods since 1876, first constitution was accepted. In other words, the nation's governing, commanding and constitution determining authorizations have been annihilated. The power and capability of civil authority of the country have always been questioned because of constitution which has been made by the putschists. The people have also encountered with choosing problem of incapable authority. In these countries, constitutional amendment is one of the basic political issues.

The last constitution of our country was accepted in 1982 after the coup in 1980. From this date, various parts of society have started to become discontented with this constitution which was made by the army. Indeed, with the latest constitutional amendment, we live with a constitution, which has changed 16 times in 28 years. Following the announcement of the results of referendum, the constitution came into force on November 9, 1982. During 28 years, constitutional amendment or making a new constitution has been discussed and this problem has been one of the fundamental issues in the agenda of Turkey during certain periods. In this process, a total of 80 articles of the 1982 Constitution which has a total of 194 articles, together with temporary articles was changed, 2 of 3 temporary articles which were added were removed later from the text. The first amendment was held on May

17,1987, only 5 five years later. The last amendment of Constitution was held on September 12, 2010. At this point, a new constitution need which is proper to values and demands of the nation has been expressed by the majority of the society. However, Ak Pary government is behind with their a new constitution schedule, this can be resulted from negligence of the government or thinking of incapable themselves and at the last moment, the government put on the agenda a package of improvements in the constitution. Naturally, with this limited changing package, religious and ethnic liberties problems could not be solved. Therefore, the expectations of millions who have been addressees and victims of these two problems have not been met, at least for now but the government has noticed the significance of a new constitution.

Approving of this package including limited reforms can enable to a new constitution, in the near future. Otherwise, the coup constitution will be still in force for a while more and it will result with the strengthening of arbitrariness and unlawfulness. This limited reform package is very important in term of leading a real constitution changing. Because it leads to enable making amendments of constitution by the people and come up free and democratic life style demands of Turkish people. Now, the people of Turkey will determine his/her area of freedom and he can respond to imposed governance forms against him because he can change his constitution what he wants.

СЕКЦИЯ 4. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗА SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CAUCASUS

Эльнур Агаев

(Европейский Университет Лефке, Северный Кипр)

Общий взгляд на талышские первоисточники и историографию

Северная часть населяющего Южный Кавказ ираноязычного народа талышей в результате Гюлистанского мирного договора, подписанного между Россией и Ираном в 1813 г., отошла к Российской империи. Южная же часть талышей оказалась в составе иранского государства. Оставшиеся подчиненными Российской империи вплоть до 1917 г. талыши и Талышская область, за исключением краткого периода 1918–1920 гг. (Азербайджанская Демократическая Республика), находились в составе Азербайджанской ССР (с 1920 г.), а значит, и в составе Советского Союза. Ныне они проживают на территории Азербайджанской Республики. В этой работе пойдет речь об источниках и работах XIX в., связанных с указанной выше географической областью.

В связи с тем, что область входила в состав Российской империи, источники и работы первого периода в основном публиковались в журналах и ежегодниках действовавших в регионе обществ Императорской Академии наук. С этой точки зрения важны следующие издания: акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), Кавказский календарь (КК), Труды Кавказского общества сельского хозяйства (Труды КОСХ) и др. Политики, ученые, посещавшие Талыш и Иран в разное время в связи с политической и экономической деятельностью, оставили в своих отчетах и дневниковых записях сведения об области (например работы Березина И.Н., Легкобытова В., Кистенева Д.А. и др.). Также не стоит забывать и о работах историков-интеллигентов Талышской области Мирза Ахмеда Мирза Худаверди оглу, Саида Али Казым бей оглу, Теймурбека Байрамалибекова о талышах, области и Талышском ханстве.

Как можно заметить, источники и работы XIX в. оставили важные материалы для последующих поколений, интересующихся талышской историей. Но с сожалением приходится отмечать, что несмотря на богатство источников еще не сформировалась талышская историография – талышеведение, способное проводить исследования хотя бы по истории Талыша XIX в.

Д.С. Бугаев
(МАЭ РАН (Кунсткамера))

***Материалы рукописного отдела Института восточных рукописей
к истории грузинской идентичности***

Собрание грузиноязычных рукописей Института восточных рукописей хранит различные исторические документы по истории научной мысли грузин первых лет после присоединения Грузии к Российской империи. Ряд этих документов способен представлять собой интерес для исследователей истории грузинской идентичности.

В рукописи сочинения Давита XII Багратиони (1767–1819) «Краткая “Жизнь Грузии”, или Георгии, что есть вся Иверия»¹ акцент делается на описание и осмысление того, из каких частей состоит Грузия (Гиоргия – в предлагаемой грузиноязычной терминологии) как вписывающееся в историческое развитие целое. Осмыслению роли и значения в истории ранее независимого Картли-Кахетинского царства посвящены представленные в собрании Института восточных рукописей «История Грузии»² и «Новая история»³, продолженная Баграмом Багратиони (1776–1841). Тема историко-культурной и пространственной идентификации грузин продолжается в рукописях Омана Херхеулидзе «Правление царя Ираклия II, сына царя Теймураза»⁴ и Платона Иоселиани «Историческое и географическое описание Древней Грузии»⁵.

Исходя из анализа приведенных выше документов, мы заключаем, что данные документы можно рассматривать в качестве корпуса текстов, поскольку они описывают перцепцию грузинами первой половины XIX в. произошедшего присоединения Грузии к России и переосмысливают его в русле общих для грузин истории и идентичности.

Нагиф Гамзаев
(ВФ СПбГУ)

Интересы Российской империи в Азербайджане в XVIII в.

В конце XVII – начале XVIII вв. Азербайджан оказался в центре внимания Российского государства. Значительно усилившаяся в период

¹ ИВР. Н 28. Д. Багратиони. Краткая «Жизнь Грузии» или Георгии, что есть вся Иверия. 1811.

² ИВР. М 25. Д. Багратиони. История Грузии. СПб., 1817 (?).

³ ИВР. Е 67. Д. и Б. Багратиони. Новая история. СПб., 1842. (На груз. яз.).

⁴ ИВР. (2 ед. хр.). Е 30 и 66. 1) Малая история Картли, 2) О. Херхеулидзе. Правление царя Ираклия II, сына царя Теймураза. СПб., 1838 (На груз. яз.).

⁵ ИВР. Н 17. П. Иоселиани. Историческое и географическое описание Древней Грузии. 1836–1838. (На груз. яз.).

царствования Петра I, она нуждалась в источниках сырья, имевшихся в изобилии в южных областях Кавказа и особенно в Азербайджане. По этой причине овладение Каспийским побережьем как важнейшим шагом на пути к продвижению на Кавказ, а затем и в Среднюю Азию, стало главной стратегической задачей российского императора.

Весной 1722 г. Петр I с большим войском двинулся к Астрахани, а в июле 1722 г., русская флотилия под его же командованием взяла курс на юг. В начале лета 1723 г. без всякого сопротивления русские войска заняли Дербент, а 17 июля того же года русские военные корабли вошли в Бакинскую бухту. Несколько месяцев спустя войска Петра I заняли Сальян. До 1724 г. почти все западное и юго-западное побережье Каспийского моря было занято русскими войсками.

Обеспокоенная успехами Российского государства в прикаспийских областях Османская империя весной 1723 г. направила свои войска в Закавказье. Однако в дело вмешалась дипломатия, и в 1724 г. в Стамбуле был заключен договор между этими государствами, по условиям которого Закавказье фактически было разделено между Турцией и Россией. Турция признала за Российским государством право на прикаспийские провинции. Россия обязалась, в свою очередь, не противодействовать влиянию Турции в остальной части Закавказья. Исключение составляла лишь центральная часть Ширвана с городом Шемахой. Стамбульский договор предоставлял Ширвану определенную автономию во внутренних делах. Турция не имела права держать в пределах Ширвана войска.

К началу 30-х гг. XVIII в. обстановка в Азербайджане резко изменилась: его территория превратилась в арену военных действий между Турцией и Ираном, где к власти пришел энергичный Надир-шах (Тамасп-кули-хан) Афшар (правил 1736–1747). В Иране Надир-шах вел войны за восстановление Ирана в границах Сафавидского государства.

Д.М. Маламагомедов

(Отдел востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

О формировании арабографической письменной культуры народов Дагестана: авторы XVIII – начала XX вв. и их сочинения

Для средневекового Дагестана был характерен тип писателя, хорошо знакомого с литературой Ближнего и Среднего Востока. Книжники владели несколькими языками и читали произведения соответствующих литератур в подлиннике. Поскольку такой просветитель являлся одновременно богословом, ученым и поэтом, его произведения представляют собой достаточно сложный комплекс исторических сведений

и философско-теологических воззрений – сочетание трезвой оценки и художественного вымысла, продукт разума и чувств.

Неоценимый вклад в изучение арабской культуры и становление местных литературных традиций сделан выдающимся дагестанским востоковедом М.-С. Дж. Саидовым (1902–1985). После его доклада на Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960 г.)¹ дагестанская арабоязычная литература XVIII–XIX столетий «впервые предстала перед ученым миром во всей ее полноте, масштабности, тематическом разнообразии»². Ученый назвал более ста авторов, творческое наследие которых предстояло выявить, систематизировать и изучить. Шабан ал-Убуди, Мухаммад ал-Кудуки, Дамадан ал-Муги, Дибир-кади ал-Хунзахи, Исмаил аш-Шинази, Мухаммад ал-Убра, Дауд ал-Усиши, Мухаммадтахир ал-Карахи, Абдаррахман ал-Газикумухи, Хасан ал-Алкадари и другие дагестанские писатели, которых помнили лишь в среде местных алимов и знатоков арабского языка, получили мировую известность. Дагестанская литература в докладе М.-С. Саидова предстала перед образованным миром как реальность – богатейшее наследие народов республики, глубокое изучение которого обещало открыть российскому и зарубежному востоковедению не известные ранее яркие имена.

Одним из первых значительных авторов, труды которого дошли до наших дней, был Али ал-Газикумухи (ум. в 1448 г.). Его произведение «Ал-Мухтасар» («Сокращенное») неоднократно комментировалось богословами Дагестана и Египта, например, видным шейхом ал-Азхара Абдаллахом аш-Шаркави (ум. в 1812 г.). Также перу Али ал-Газикумухи принадлежит известная книга «Дурар ал-азкар» («Жемчужины зикра»).

Разумеется, у шейха Али ал-Газикумухи были и предшественники – местные алимы: сохранились тексты арабских авторов, переписанные дагестанскими учеными еще в XIV в.

В Дагестан довольно рано проник суфизм. В XI столетии Абу Бакр Мухаммад ибн Муса ибн ал-Фарадж ад-Дарбанди написал книгу о суфизме и суфиях «Райхан-ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истиин и сад тонкостей»). Это сочинение является одним из наиболее ранних памятников письменной культуры Дагестана. На основе анализа

¹ Саидов М.-С. Дж. Дагестанская литература XVIII–XIX на арабском языке // Труды XXV Международного конгресса востоковедов (в 2-х томах). М., 1963. Т. 2. С. 118–123.

² Шихсаидов А. Р., Гамзатов Г. Г. Магомед-Саид продолжается // Вестник ДНЦ. Махачкала, 2000. № 6. С. 147.

этой рукописи сотрудником Института востоковедения А. Аликберовым издана монография «Эпоха классического ислама на Кавказе»¹.

Развитие арабоязычной литературы в Дагестане прекратилось в связи с распространением письменности на родных языках, когда исчезла нужда в арабском языке как средстве межнационального письменного общения. Угасанию арабоязычной литературной традиции способствовал революционный вихрь, решительно изменивший культуру народов бывшей Российской империи.

М.-С.Дж. Саидову принадлежит следующая характеристика арабоязычного книжного наследия Дагестана: «Развиваясь как литература провинциальная, она имеет большое значение – как исторический источник и интересный литературоведческий материал для общей арабистики, так как дает возможность представить ясную картину развития одной из боковых ветвей арабской литературы»².

Изучение жизни и творчества дагестанских ученых, писавших на арабском языке, немислимо без длительной трудоемкой работы по созданию источниковедческой и историографической базы будущих исследований.

Г.М. Мирзамагомедов, Н.И. Стоянова
(ДГУ, Махачкала)

Письменные памятники Дагестана XVIII в. как исторический источник для изучения социальной иерархии дагестанского общества

Объектом данного исследования являются деловая и частная переписка на арабском языке (рукописный фонд ИАЭ ДНЦ) между отдельными владельцами и обществами, т. е. документы эпистолярного жанра. Надо отметить, что изучение подобных письменных документов требует от исследователя хорошее знание языка, в нашем случае арабского, необходимо разбираться в особенностях (часто диалектологических) языка района, где документ был составлен, ведь Дагестан – многоязычный регион; надо уметь читать тексты, написанные различными почерками: *насх* или северокавказский *насх* с элементами *рука*, *таалик*, *насталик*, *шикаста* в зависимости от школ письма (южная и северная), т. е. знать палеографические особенности, а также систему орфографии этих почерков; знать стилистические и фразеологические тонкости составителя письменного документа; знать местную историческую топо-

¹ Эпоха классического ислама на Кавказе (Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» XI–XII вв.). М., 2003.

² Саидов М.-С.Дж. Арабоязычная литература Дагестана XIII–XIX вв. Багдад, 1964. С. 11.

нимику, бытовые реалии, специальную, социально-экономическую, теолого-богословскую, религиозную терминологию.

Из исследованного материала (около 100 документов) можно с определенной уверенностью отразить иерархическую лестницу властных структур, сложившуюся в дагестанском обществе. Здесь мы обращаемся к первой части условного формуляра письменного документа и акцентируем внимание на двух статьях, а именно, адресанте и адресате (мы используем приемы, разработанные еще в средневековой западноевропейской дипломатике, естественно, при этом учитывается специфика восточного текста).

Титулатуру владетельных сановников можно поделить на условную и потомственную, причем ряд терминов-титолов носит характер условной и потомственной власти одновременно, например: *амир* (امير), *султан* (سلطان), *раис* (رئيس), *хаким* (حاكم). Потомственная титулатура представлена в виде: *шамхал* (ар. شمخال), *ма'сум* (معصوم), *усми* (اوسمی или اسومی), *хан* (خان), *кади* (قاض). Условная титулатура включает в себя термины: *хаким* (حاكم), *азим* (عظيم), *кабир* (كبير) все в значении правитель; *каид* (قائد); (*раис* (رئيس) глава, старшина; *шейх* (شيخ) старейшина; *салих* (صالح, мн.ч. صلحاء) праведник; *факих* (فقيه) законовед; *алим* (عالم) ученый; *ариф* (عارف, мн. ч. عرفاء) знаток; *ариф* (عريف) староста села и т. д.

Письмоводителями – *катибами*, как правило, являлись представители из сословия *факихов* и *алимов*, блестяще владевшими арабским языком и навыками письма, многие из них известны как переписчики многочисленных арабских сочинений по грамматике, логике, медицине, астрономии, законоведению, комментариям к Корану и т. д. Письма составлялись в строгом соответствии с правилами делопроизводства восточной канцелярии.

Если адресантом или адресатом является целое общество (*джама'ат* – ар. جماعة), то следует перечисление имеющихся общественных категорий, обладающих реальной властью или влиянием, в строгом соответствии с их общественным положением. При составлении письма к одному из небольших обществ от лица «высокого положением» (ар. عال بالشأن) персонафикация адресата почти всегда отсутствует, что говорит о неравноправности контрагентов. Все эти примеры свидетельствуют о классовом расслоении дагестанского общества в рассматриваемый период.

Арабская письменная традиция оказала значительное влияние на соседние культуры, в том числе и на дагестанскую культуру, где особое развитие получили многие типы средневековых ближневосточных документов сложившиеся на арабской почве и получившие столь яркое, самобытное развитие.

*Д.М. Тимохин
(ИВ РАН, Москва)*

Арабо-персидские и армяно-грузинские источники о деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на Кавказе (1225–1231 гг.)

В докладе рассматривается проблема отображения деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на территории Кавказа в составе исторических памятников двух разных историографических традиций – арабо-персидской и армяно-грузинской. Уделяется внимание не только выявлению противоречий в описании деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, но и делается попытка выделить сформировавшийся в ходе этих исторических описаний «образ» хорезмшаха, возможную разницу в деталях такого «образа» в двух историографических школах и причину столь разного отношения к Джалал ад-Дину Манкбурны. В докладе указывается на тот факт, что историки двух указанных историографических традиций обладали разной по объему и качеству информацией относительно деятельности Джалал ад-Дина на территории Центральной Азии и Ирана, а также о монгольском завоевании указанных регионов. Данный факт объясняется тем, что армянских и грузинских историков мало интересовала деятельность этого правителя вне пределов их собственного государства.

Завоевание и политическое доминирование Джалал ад-Дина на Кавказе описываются в обеих группах памятников одинаково подробно. Однако армянские и грузинские историки дают негативную характеристику этому правителю и его деятельности на Кавказе, что вполне объяснимо теми фактами жестокости, которыми отмечено завоевание хорезмшахом этого региона. Арабские и персидские историки, за исключением Ибн ал-Асира¹, дают качественно иные оценки как самого Джалал ад-Дина, так и его деятельности в указанном регионе. В обеих группах памятников одинаково подробно описывается гибель хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, но при этом полнота описания и оценочные характеристики категорически разные как между группами памятников, так и внутри указанных групп.

¹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi-t-tarikh // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. Т. 13–15; Ибн ал-Асир. Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1940. 183 с.

Г.С. Харатишвили
(ВФ СПбГУ)
Грузины-студенты СПбГУ (из рода Церетели)

В ЦГИА СПб хранятся дела грузинских студентов, в разные годы обучавшихся в Петербургском университете. В основном это были дети знатных княжеских и дворянских родов, а также религиозных деятелей Грузии. Здесь приводим перечень студентов из рода Церетели. Представители этого рода прославились во многих областях интеллектуальной жизни грузинского народа: литературе, искусстве, науке.

Церетели Георгий Эвктимович (1842–1900) – видный грузинский писатель, драматург и публицист, родился в 1842 г. в деревне Гориса, Кутаисской губернии. В 1861 г. Г.Э. Церетели окончил Кутаисскую губернскую гимназию и поступил на Физико-Математический ф-т СПбУ. Однако из-за студенческих волнений в которых Г.Е. Церетели принял участие, его арестовали и заключили в Петропавловской крепости. Затем его перевезли в Кронштадтскую тюрьму, где он провел несколько месяцев, а из университета был исключен. В августе 1862 г. Г.Э. Церетели восстанавливается в университет, но остается без стипендии. В 1863 г. был отчислен с III к. из-за неуплаты «за слушание лекции». Он возвращается в Грузию и ведет литературную деятельность.¹

Церетели Акакий Ростомович (1840–1915) – выдающийся поэт, беллетрист, литературный критик, один из основоположников критического реализма в грузинской литературе и создателей нового грузинского литературного языка, родился 9 июня 1840 г. в с. Схвители, Кутаисской губернии в семье знатного княжеского рода. В 1859 г. А.Р. Церетели, за четыре месяца до окончания гимназии в Кутаиси оставляет ее, уезжает в Петербург и поступает вольнослушателем на факультет Восточных языков (ФВЯ) СПбУ. В 1862 г. он выполнил всю программу обучения ФВЯ, сдал все экзамены, а в 1864 г. представил и кандидатскую работу. Однако документ об окончании факультета ему не был выдан, поскольку он не имел аттестата об окончании гимназии. Он возвращается в Грузию и занимается литературной деятельностью. Скончался поэт 26 января 1915 г. Погребен в пантеоне выдающихся деятелей науки и культуры Грузии в Тбилиси на горе Мтацминда. Вся Грузия хоронила любимого поэта.

Церетели Григорий Филимонович (1870–1939) – выдающийся эллинист и папиролог, ученый с мировым именем, внесший огромный вклад в филологическую науку, доктор греческой словесности, чл.-корр. РАН (1917 г.), автор многочисленных научных трудов, опубликованных

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2247. Лл. 1–39.

на русском, немецком, грузинском и других языках, получивших высокую оценку русских и зарубежных ученых, родился 12 (24) марта 1870 г. в Петербурге. В 1880 г. Г.Ф. Церетели окончил гимназию в Петербурге и поступил на классическое отделение Историко-Филологического факультета СПбУ. В 1893 г. окончив университет с дипломом первой степени и получив золотую медаль за работу «Из истории греческой стенографии», он был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию¹. В 1902/03 уч. г. Г.Ф. Церетели уже приват-доцент университета. В 1904 г. он защитил диссертацию на степень магистра древне-классической филологии. С 7 января 1905 г. он – экстраординарный, а с 1914 г. ординарный профессор Юрьевского университета. В 1914 г. Г.Ф. Церетели защитил докторскую диссертацию на тему: «Новые комедии Менандра». В 1914–1919 гг. он ординарный профессор и зав. Кафедрой Классической филологии Петроградского университета², а в 1919–1938 гг. – профессор Тбилисского университета. Точная дата и места гибели профессора Г.Ф. Церетели неизвестны (возможно, осень 1939 г.).

Кроме вышеперечисленных известных ученых и государственных деятелей в СПбУ в разное время училось еще около десяти представителей рода Церетели. Как показывают архивные документы, не все из них окончили СПбУ, однако известно, что многие из них завершили свое обучение и получили высшее образование в других российских университетах, и использовали свои знания на благо своей Родины.

Ш.Ш. Шихалиев **(ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)**

Арабоязычная суфийская литература Дагестана XIX – нач. XX вв.

История суфийской литературы в Дагестане берет свое начало с рубежа XI – XII вв. После XII в., вплоть до XIX в., дагестанская суфийская литература не представлена ни одним сочинением из числа местных авторов.

Вторая половина XIX в., а особенно первая треть XX в. дает нам большое количество суфийских произведений дагестанских авторов. Жанровая и тематическая характеристика этих сочинений показывает существенную разницу между ними и сочинениями ближневосточных мусульманских суфиев средневековья, сочинения которых были распространены в Дагестане. Отличительной чертой этих сочинений является то, что если сочинения средневековых авторов посвящены кодифи-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26370. Лл. 1–63.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9412. Лл. 1–111.

кации суфийских терминов, анализу основных суфийских понятий и этических норм и негласных канонов, то в некоторых рассмотренных нами сочинениях дагестанских авторов XIX–XX вв. подробно рассматриваются вопросы ритуальной практики в рамках *накибандийского* и *шазилийского тарикатов*

Археографическая работа в Дагестане выявила более тридцати оригинальных сочинений, принадлежащих перу дагестанских *шейхов* XIX – первой половины XX вв. как рукописных, так и изданных в исламских типографиях Дагестана и Сирии.

Анализ некоторых произведений суфийской литературы Дагестана XIX–XX вв. позволяет говорить о том, что если ранние суфийские произведения были посвящены общим вопросам этики и морали, вопросам, связанным больше с подробным разъяснением морально-нравственных основ тариката, то более поздние работы уже демонстрируют четкость и выдержанность ступеней постижения *тариката*. То есть последующие работы в некотором роде представляют собой «практический» суфизм, морально-этическое учение, очищенное от экстатических и теософско-спекулятивных элементов. Вероятно, это было связано с тем, что эзотерическая сторона суфизма была доступна для понимания лишь для мусульманской духовной элиты. В то же время, в Дагестане новые суфийские *вирды* XIX–XX вв. испытывали острую потребность в «практических» рекомендациях и правилах выполнения той или иной ритуальной практики суфийских братств, что обусловило создание в этот период «практических» пособий по ритуальной практике *тариката*, в которых сложные философско-спекулятивные элементы были сведены к минимуму.

К.В. Юматов

(Кемеровский государственный университет)

Советская периодическая печать как источник по истории армяно-азербайджанского конфликта в период Перестройки

Перестроечная периодическая печать как исторический источник в общем контексте советской эпохи имеет серьезную специфику. Еще продолжало существовать Главное управление по делам литературы и издательств, которое осуществляло цензуру. Но контроль существенно ослаб и не имел уже тотального характера. Дифференциация политического пространства привела к тому, что средства массовой информации отражали не только идеологию КПСС и партийной элиты (как в доперестроечный период) или коммерческих групп (как после перестройки). Уникальность периодической печати 1985–1991 гг. состоит в том, что она уже не являлась в полной мере официальной, но в то же время не

стала еще коммерческой. И вот это состояние позволяет, с нашей точки зрения, поставить вопрос о необходимости комплексного источниковедческого анализа периодической печати и публицистики периода перестройки по тематике этноконфессиональных конфликтов в СССР.

В качестве полигона для анализа взят нагорно-карабахский конфликт, получивший широкий резонанс в советской прессе. Конечно, объективность прессы (особенно центральной) историками ставится под сомнение в связи с общими претензиями ко всей официальной печати СССР. Как армянские, так и азербайджанские историки обвиняли и обвиняют ее в необъективности и пристрастности. В то же время, как первыми, так и вторыми для обоснования собственной точки зрения используются именно материалы официальной советской прессы. Таким образом, возникает вопрос о действительной роли и ценности советской периодики для изучения проблематики кавказских конфликтов. Представляется, что использование прессы в историографии нагорно-карабахского конфликта сегодня имеет политизированный и необъективный характер.

С нашей точки зрения, объективный источниковедческий анализ материалов официальной советской прессы требует:

- обязательного комплексного изучения союзной и республиканской прессы;
- тщательного анализа и сравнения того, как представлялись одни и те же ключевые события в союзных, армянских и азербайджанских СМИ;
- обязательного применения семиотического метода исследования, что позволит выявить не только открытые факты и сюжеты, но проблемы и противоречия, явно не отраженные в текстах.

Tork Dalalyan
(École Pratique des Hautes Études, Paris)
The Scythians and the Land of Iški(g)ulu

First the land of *Iški(g)ulu* is mentioned in the Marmashen inscription of Urartian king Argišti I (786–784). Here Argišti communicates that he has conquered the land of the tribe *E-ri-a-Éi* (*[H]eria-khi* / *[H]eria-ni*) and the town *Irdaniu[ni]*, up to the land ^{KUR}*iš-qi-gu-lu-ú*. Eriakhi is actually identified with Akhurian district of the Shirak region of present-day Armenia, while Irdaniuni is identified with Gyumri-Leninakan, the center of this region. It is evident from the Marmashen inscription that the territory occupied by the tribe Iški(g)ulu was found on the north of Eria-khi. We think that the

name of Eria-khi has been preserved in medieval toponym *Hereweal* / *Ereweal* field (*[H]ere-v-eal).

The second time *iš-qi-gu-lu-ú* is mentioned in the annals of Argishti I carved on the occidental side of the Van rock. It consists of 8 large columns, in the 5th of which there is probably more detailed description of the events mentioned in Marmashen inscription. Argišti tells that he has invaded towards the confederation *Etiuni* and has conquered the lands of *Katarza* and *Eriakhi*, reaching ^{KUR}*iš-qi-gu-lu-ú*. The name of the land *Katarza* has been identified by the specialists with *Καταρζ-ηνή* / *Kalarz-ene* of Greek authors, *Klar~eti* of Georgian and *K[a]lar~k'* of Armenian medieval sources, but in Urartian epoch the land occupied by this tribe should be found on the south-east from further *K[a]lar~k'eti*. Thus the land *Iški(g)ulu* was found on the north from [H]eriakhi and *Katarza*.

Its name must be pronounced in Urartian as *iš-qi-yu-lu*, since intervowel /g/ in Urartian cuneiform was very faint consonant and could be absolutely absent in many cases.

The tribal name *Ishki(y)ulu* can be etymologized by PIE. **sk^o»o-lo-* which is a variant of PIE **sk^oāi-* «shine, sparkle, flash». It is worth-mentioning that the personal names of some Scythian kings such as *Σκόλης*, *Σκίλορος* and *Skolopitus* show different variations of the reconstructed tribal name **sk(i)ulu-* / **sk(i)olo-*. According to Herodotus, the ancient name of Scythians has been *Σκολοτ-οι* [IV, 6]. The ending -t in this ethnic name is the plural marker in the East Iranian languages (Ossetic -t[æ]). In the paper we discuss possible historical and linguistic connections of the Scythians to the mentioned Urartian place-name.

Helen Giunashvili
(Practical School of High Studies at the Sorbonne, Paris)
Sassanian Iran and Georgia: Aspects of Historical Relations

Emergence of the Sasanian Empire in 3rd C. AD was of great importance for the historical development of the neighbouring Caucasian countries, and particularly, for the Iberian kingdom (East Georgia), known later as the state of Kartli. Sassanian influence on Georgia was deep and strong from the beginning, covering all the spheres of political, social-economic and cultural life of the country, affecting therefore different sides of Georgian civilization throughout the whole period of the dominance (III–VII CC. AD).

The designation of Georgia, as one of subjected country is already mentioned in 3rd century Sassanian epigraphic monuments – Shapur I's trilingual inscription and in the inscriptions of the high priest Kardir. Archaeological evidences, epigraphic materials, historical records and mostly linguistic data,

testify to the Iranian-Georgian intensive multilateral interrelations of that period.

Sasanian expansion in South Caucasian region was followed by wide-spreading of Middle Persian, the official, religious and literary language of the Empire. Already Old Georgian hagiographical monuments of V–VI CC. AD. –»*The Martyrdom of St. Shushanik*» and «*The Passion of St. Eustace the Cobbler*» attest the presence of Iranians and the use of Middle Persian in Ancient Georgia. Many other Old Georgian literary sources, such as translations and commentaries of the Scripture, homilies, apocrypha, exegetic writings reveal a large number of Middle Persian lexis ranging over various semantic fields, rendering, correspondingly, different cultural designations, being penetrated as a result of these close contacts.

Sassanian onomastics was also widespread in Georgian and in this respect Middle Persian historical-geographic terminology presents a particular interest. Sassanian geographical terms are mostly frequent in Georgian medieval chronicles (X–XI CC. AD) «*The Life of Kartli*», «*The Conversion of Kartli*» and «*The Life of the Georgian Kings*», reflecting different aspects of multifarious historical interrelations between the State of Kartli and the Sasanians. Recent publications and critical studies of these sources make it possible to examine Iranian-Georgian historical contacts on the modern level and reappraise many events of the cultural past.

The paper presents a distributive analysis of some important Sassanian geographical terms, such as *Arshaket*, *Gurgen* (later *Jorjan*, *Gorgan*), *Daruband* (later *Darband*), *Darialan* (later *Darial*), *Ialbuz* (*Alburz*), etc., attested in the Georgian chronicles, showing the historical and cultural context of their penetration, as well as processes of their phonetic transformations, and ways of authentic transmissions.

СЕКЦИЯ 5.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA

ПРОВОДИТСЯ СОВМЕСТНО С ЦЕНТРОМ ТЮРКСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ АХМЕТ-ЗАКИ ВАЛИДОВА СПБГУ

А.К. Алексеев
(ВФ СПбГУ)

Тазкира-йи шуйух-и Бухара как источник по народному исламу в
Средней Азии

В Средней Азии ислам подвергся значительному влиянию местных традиций, выразившихся в локальных религиозных практиках. Одним из важнейших элементов среднеазиатского ислама является традиция посещения так называемых «святых мест» (*мазар, кадамджай, устан*), связанных как с культом «святых» (*авлия*), так и с доисламскими религиозными представлениями. В среде мусульманских богословов (*'улама*) вопросы о дозволенности посещения *мазаров*, почитания *авлия* и традиции посреднической молитвы (*салат би-т-тавассул*) до настоящего времени не утратил своей актуальности, вследствие чего в мусульманской духовной литературе имеется целый пласт сочинений по данному вопросу. К таким сочинениям относится труд Ахмада б. Махмуда по прозвищу *Му'ин ал-фукара* (XV в.). Сочинение дошло в большом числе списков (только в собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького хранится пять из них) под разными названиями. Помимо *Та'рих-и шуйух-и Бухара* его именовали *Та'рих-и Муллазада*, *Рисала-йи Муллазада*, *Та'рих-и бузурган-и Бухара*¹.

В этом небольшом по объему сочинении после краткого описания завоевания мусульманами Бухары и объяснения происхождения названия этого города и местности (что само по себе представляет интерес, так как впервые мусульманским ученым наряду с широко распространенной народной легендой приводится указание на то, что топоним Бухара имеет буддийское происхождение) следует раздел о дозволенности посещения могил (*зийарата*) мужчинами и женщинами, подкрепленный рядом *хадисов*². Весьма подробно описан *мазар-кадамджай* пророка

¹ Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. 1. История, биографии, география / Ред. А.Н. Болдырев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 388–390.

² *Хадисы* имеют явно поздний и подложный характер.

Аййуба, его приметы, обрядовая практика и легенды этого *мазара*, по которым можно проследить целый ряд местных религиозных традиций: почитание священного дерева, источника с целебной водой и т.д.¹

Труд Ахмада б. Махмуда дополняет сведения таких важных историко-географических сочинений, как *Та'рих-и Бухара-йи Наршахи*, *Китаб ал-канд фи та'рих-и Самарканд* и др.

О.А. Воднева
(ИВР РАН, СПб)

А.Л. Кун (1840–1888) как историограф и этнограф (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН)

Выпускник Факультета восточных языков С.-Петербургского университета по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду Александр Людвигович Кун (1840–1888) согласно личному прошению был определен столоначальником канцелярии Оренбургского генерал-губернатора в 1866 г., спустя год он был переведен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (1818–1882) и по его приказу проводил в Заравшанском округе этнографические, статистические и исторические исследования. А.Л. Кун был участником Искандеркульской ученой экспедиции (1871 г.), Шахрисябского и Хивинского походов (1873 г.). За отличие он был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. (1871 г.), орденом Св. Анны 3 ст. (1872 г.), медалью «За Хивинский поход» на Георгиевско-Владимирской ленте (1873 г.), орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами (1874 г.).

С 1874 г. надворный советник А.Л. Кун – чиновник особых поручений по учебной части при Туркестанском генерал-губернаторе, в 1876–1882 гг. – главный инспектор училищ Туркестанского края. А.Л. Кун активно занимался востоковедными исследованиями, дважды участвовал в работе международных съездов ориенталистов: в Лондоне (1874 г.) и в С.-Петербурге (1876 г.). С 1882 г. он исполнял обязанности помощника попечителя Виленского учебного округа.

В фонде А.Л. Куна (Ф. 33) АВ ИВР РАН находится более 300 документов (опись I включает 273 ед. хранения, опись II – 30 ед. хр.).

Огромный интерес представляют собранные А.Л. Куном материалы по истории, географии и этнографии Средней Азии: переписка дипломатического характера на восточных языках, описание городов и населения, сведения о ремесленниках и купцах, перечень импортных и

¹ Ахмад б. Махмуд, Муин ал-Фукара. *Тазкира-йи шуйух-и Бухара*. Рук. 593с из собрания ВО НБ им. М. Горького, лл. 109а – 113б и далее; Рук. 604 из собрания ВО НБ им. М. Горького. Л. 3б и далее.

экспортных товаров, доходов и порядок взимания податей, организация школьного образования; образцы фольклора, материалы к узбекскому и таджикскому словарям, эпиграфика (Ф. 33, оп. 1, №№ 52–216).

Светлана Горшенина
(*Réseau Asie – Imasie, CNRS-FMSH, Paris*)

Как Кульджа стала русской: политические и военные элиты России и теория «естественных границ»

Основываясь главным образом на неопубликованных документах, хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (сборник документов А.Г. Серебренникова), настоящее сообщение посвящено начальным этапам «Илийского кризиса», который в 1871–1881 гг. разразился между Россией и Китаем. Анализ переписки между представителями местной военной элиты, представленной главным образом первым генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом и начальником Семиреченской области Г.А. Колпаковским, и военной, политической и финансовой элитами Санкт-Петербурга показывает сложную и противоречивую динамику выработки политики завоевания Средней Азии, в которой центральная власть часто была вынуждена подчиняться личным инициативам местных колониальных администраторов. Изучаемая переписка интересна и тем, что дает возможность проследить, как теория «естественных границ» и вытекающие из нее выводы могли видоизменяться в зависимости от исторического момента и политического лагеря, апеллирующего к ней.

С. В. Дмитриев
(*ИВ РАН*)

Долина Сухого трупa – очерк предварительных археологических и этнологических исследований¹

Долина *Ганьши-гоу* 干尸溝 (Долина Сухого трупа)² расположена на северо-западе Восточного Туркестана, в южной части китайского Семиречья (Жетысу). В августе–сентябре 2006 г. нами был осуществлен осмотр и предварительное картографирование археологических памятников долины, а также опрос информантов. Возможностей проведения

¹ Краткий вариант данного доклада был опубликован во Франции: *Dmitriev S., Holotova-Szinek J.* La vallée de Ganshigou : note sur une enquête archéologique et ethnographique // *Arts Asiatiques* ; Tome 62, 2007. P. 146–151.

² Географические координаты долины: 44°46' 183" северной широты, 81°01' 871" западной долготы.

даже выборочной археологической разведки, к сожалению, не было. Судя по всему, долина никогда не привлекала интереса ученых, несмотря на то что в ее пределах на небольшой территории находится большое число весьма разнообразных археологических памятников.

Основываясь на наших наблюдениях, мы постарались разработать предварительную классификацию памятников. Ее основным принципом стало разделение памятников на несколько типов по их внешнему виду: форме, размерам и материалам, использованным при их сооружении. Разумеется, точная датировка захоронений невозможна без проведения хотя бы выборочного археологического изучения памятников, но даже анализ их внешнего вида может, как нам кажется, привести исследователя к ряду интересных выводов. Судя по анализу археологических памятников, можно предположить, что долина входила в ареал обитания многих культур, которые, используя отдельные районы живописной долины в качестве некрополя, сменяли друг друга на протяжении столетий, если не тысячелетий. Конечно, для подтверждения этой гипотезы нужны более тщательные археологические исследования, предложенная классификация ни в коей мере не может претендовать на роль окончательной. Изучение *Долины Сухого трупа* могло бы многое добавить к нашим знаниям об истории региона, начиная с бронзового века и кончая эпохой господства еще не исламизированных тюрок.

Помимо захоронений, в долине находится и интересный этнографический памятник – почитаемая мумия; причем каждая из этнических групп региона (коренное население этих мест представлено чахарами, торгоутами, казахами и уйгурами) имеет свою версию относительно происхождения этой святыни. Мумия служит объектом синкретического буддийско-исламского культа, без сомнения, представляющего большой интерес для исследователей.

Т.С. Жумаганбетов
(Актюбинский ГУ)

К вопросу о характере источников по истории Золотой Орды

Несмотря на огромный вклад ученых-историков, занимающихся государственным строем Золотой Орды, большинство из них придерживаются гипотез о «рыхлости» государственной власти Золотой Орды. Например, теория Т.Д. Скрынниковой, которая сделала вывод, что Бату поначалу был наделен лишь сакральными функциями (вроде хазарского кагана или японского императора эпохи сегуната), тогда как реальная власть и командование войсками принадлежали другим – в частности его братьям. Такая точка зрения появилась вследствие не критичного подхода к источникам.

Большинство источников, по которым мы изучаем государственный строй Золотой Орды, принадлежит к враждебной ханам Золотой Орды среде – илхнама-хулагидам и чагатаидам. Другая группа источников (Утемиш-хаджи, Абулгази) – это сочинения, составленные в Средней Азии шейбанидскими историками. Несмотря на то что они принадлежат к джучидам, они воспитаны на чагатайской литературе, на ее традициях. Восхищаясь достижениями чагатайской исторической литературы, ее литературными образами, они вольно или невольно позиционируют себя с точки зрения среднеазиатских политических традиций, что тоже искажает интерпретацию реальной исторической картины.

Проблема усугубляется тем, что большинство исследователей не различают по форме и содержанию титулы «великий каган (каан)» и «хан». И самое главное, до сих пор происходит элементарная путаница в применении монгольского термина «урус», которая означает как государство, так и внутренний удел этого государства. Например, «Еки монгол улус» это «Великое монгольское государство» и «улус Джучи» это один из административных уделов «Еки монгол улуса».

Титул «султан», привнесенный из арабских стран, и принятый со времени хана Узбека для региональных правителей Золотой Орды, также вносит свою долю путаницы в вопрос о государственном строе Золотой Орды. Для некоторых исследователей это дополнительный повод интерпретировать ситуацию таким образом, будто отдельные части этого государства не подчинялись центру. Однако, очевидным является замысел чингизидов, которые ставят над титулом «султан» свой титул «хан». В условиях завоевания Среднего и части Ближнего Востока и существования престола Великого кагана, наместники Великого кагана – ханы, стремились определить ранжированное место новых исламских титулов в системе уже существующих титулов в «Еки монгол улусе».

Большинство источников о Золотой Орде написаны во времена «великой зямятины» (или большой смуты) или после нее. Авторы этих работ судят об этом государстве по ситуации своего времени. По нашему мнению, политическая ситуация в Золотой Орде до 1367 г. и после 1395 г. совершенно различна. Во время «зямятины» и в период после свержения хана Тохтамыша государство переживает максимальный процесс дезинтеграции. В период с 1242 по 1367 г. Золотая Орда, при всех внутрдинастийных конфликтах, это единое, централизованное, с новыми эффективными политическими традициями наследников Бату, имеющее инфраструктуру для централизованного управления (почтовые и караванные дороги, местами имеющие каменное покрытие, эко-

номические и политические связи между различными регионами) государство.

А.А. Ковалев
(НИИКСИ СПбГУ)

Погребения останков солдат в Баян булаг (ханьский Шоусянчэн) как свидетельство жестокой расправы хуннов с пленными китайцами

В августе-сентябре 2009 г. Международная Центрально-Азиатская экспедиция Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов, Алтайского государственного университета и Улан-Баторского университета под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара провела раскопки укрепленного поселения Баян булаг в Номгон сомоне Южнोगобийского аймака Монголии. Результаты раскопок 2009 г. подтверждают выводы А.А. Ковалева¹ о том, что Баян булаг является ханьской крепостью Шоусянчэн. Согласно «Хань шу», эта крепость была построена с внешней стороны укрепленной линии по приказу императора У-ди в первом году эры правления Тай-чу (104 г. до н. э.). В частности, были получены шесть радиоуглеродных дат по древесному углю, суммирование которых после калибровки дает отрезок 40 г. до н. э. – 30 г. н. э. (с вероятностью 84,5 %). На памятнике были найдены многочисленные артефакты среднего-позднего периодов Западной Хань, в том числе черепица, бронзовые арбалетные замки, бронзовая гарда от меча, бронзовая портупейная пряжка, бронзово-железные наконечники арбалетных стрел, железные лопаты и мотыги, втулки от тачек и повозок, железная алебарда «цзи», монеты «у-чжу», бронзовые личные печати, отпечаток официальной печати с частично сохранившимся названием «Сюань[лэй]» – укрепления на границе округа Сихэ, на западе Ордоса.

В 400 метрах от центральной части поселения, на берегу ручья, была раскопана яма округлой формы диаметром около 7 м и глубиной около 1,5 м, на которой были зачищены закиданные глиной фрагментированные скелеты взрослых людей, которые были условно обозначены как 20 «скелетов» (S) и 33 «фрагмента тел» (F). Уложенный с ними погребальный инвентарь: железная алебарда «цзи», бронзовая портупейная пряжка и железный псалий – показывает, что эта могила была устроена ханьцами, проживавшими на поселении. Более-менее целые тела

¹ Кэвалёфу А.А., Ээрдэнебатаэр Д. Мэнгу го Наньгэби шэн Сися чанчэн ю Хань Шоусянчэн югуань вэньти дэ цзай таньтао (Вновь предпринятое исследование вопросов, относящихся к длинным стенам государства Си Ся и ханьской крепости Шоусянчэн на территории Южнोगобийского аймака Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2008. № 2. С. 101–110.

были навалены грудой (в 4–5 слоев) в центре ямы, сохранив разнообразные позы. Вокруг центральной груды тел были разложены группами отсеченные фрагменты человеческих тел, сохранившие анатомический порядок: F2, F3, F4, F5, F10, S14, F24, F29, S15, F28, F21. По окружности также были разложены отсеченные фрагменты костей (возможно, тел): F19, F1, F6, F7, F8, F27.

Большинство тел и фрагментов тел имеют признаки намеренного разрубания: следы разруба зафиксированы на скелетных останках S1, S2, F4, F6, F7, F8, F9, S3, F10, S4, S5, F15, S7, S8, S10, S11, S12, S13, F20, F21, F22, S14, F30, S15, S18, позвоночник покойного S19 был переломан (под прямым углом) в поясничном отделе, а еще ниже разрублен. В большинстве случаев находки неполных скелетов или отдельных частей тела даже без следов разрубов невозможно объяснить тем, что тела погребенных сгнили и развалились сами до погребения. Так, фрагмент F2 представляет собой правую ногу, у которой сохранилась ступня. Если бы эта нога отвалилась сама от гниения, то в первую очередь отпали бы кости ступни. Поэтому очевидно, что нога была намеренно отрезана до того, как тело сгнило. Такие же наблюдения можно сделать по другим фрагментам: S14 (сохранилась в анатомическом порядке кисть правой руки, хотя нет левой ноги), F31 (вместе с предплечьем сохранилась кисть руки), F34 (вместе с рукой сохранилась кисть).

Таким образом, можно утверждать, что мы имеем дело не с расчленением трупов, а со зверским массовым убийством. То, что рубили живых людей, показывает нам ситуация со скелетом S18. Помимо того что у него были отрублены ноги в верхней части бедер, этот скелет, лежащий на спине, сохранил руки, поднятые вверх для защиты лица. Эти руки были в предплечье отрублены, видимо, одним ударом. Однако мышцы покойного были сведены настолько сильно, что зафиксировали положение рук и после смерти. Этого не могло случиться, если бы рубили уже мертвое тело. Сохранить такое положение поднятых рук после смерти человека можно только при сильном морозе, если, конечно, он не был сразу же закидан глиной. Двое (S5, S7) лежат с ногами, подведенными стопами к тазу. Это может означать, что в момент смерти они стояли на коленях, то есть убивали людей, уже сдавшихся в плен. Наиболее вероятно, что похороненные люди были убиты зимой, недалеко от крепости, а затем их закованные тела и отрубленные куски тел были собраны и похоронены в тех позах, в которых они застыли на морозе.

Зверски убитые китайские солдаты, могила которых была обнаружена нами в раскопе 1, очевидно, пали жертвой войны с хунну. Мрачная картина жестокого убийства плененных воинов показывает методы военных действий хунну, наводившие ужас на ханьцев.

С.И. Ковальская
(Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева)
Функционирование исторического знания среди казахов:
эволюция форм и этапы развития

Историческое знание среди казахов функционировало в различных форматах и прошло несколько этапов в своем развитии. Важнейшей отличительной особенностью данного знания является его изустное существование. Степное знание не оторвано от своего носителя, передается из поколения в поколение по вертикальному информационному каналу, трансформируется в зависимости от передатчиков и встречающихся на пути явлений, а также катастрофически фрагментарно. Известный востоковед Юдин В.П. назвал данное специфическое явление «степной устной историологией», включив в ареал его распространения весь ирано-тюрко-монгольский мир. При этом письменные источники по истории древнего и средневекового Казахстана – продукт соседних оседло-земледельческих народов – греков, персов, тюрков, китайцев, арабов, русских и др.

Собственно казахская историографическая традиция возникла в XVI в. и связана с именами Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата и Кадьрали-бека Хошум Джалаири. Затем последовал почти трехсотлетний перерыв и только в середине XIX в. национальное историописание находит продолжение. При этом исторические труды создавались в двух форматах: в соответствии с восточной/мусульманской традицией передачи исторической памяти посредством генеалогий-*шежире* (*шаджара*) и в основном в изустной форме, а также в соответствии с традициями европейского исторического письма. Первые письменные *шежире* рубежа XIX–XX вв. составлены Шакаримом Кудайбердыевым и Мухамеджаном Тынышпаевым. Появление исторических трудов такого жанра связано с активизацией процесса нациестроительства.

В советское время собственно казахская историография на 90 % создавалась на русском языке. В конце XX – начале XXI вв. она активно развивается на казахском и русском языках. Постепенно образовался некоторый разрыв между исследованиями в их проблематике и трактовке, чему немало способствует и появление казахской англоязычной историографии. Нельзя также забывать и об историографических традициях казахов-оралманов, активно осваивающихся в научном мире Казахстана.

Институализация и коренизация исторической науки в Казахстане началась в середине XX в. Разрыв между официальной и национальной историографией постепенно усиливался. Что, в свою очередь, еще больше укрепляло казахское общество в мысли о том, что история Ка-

захстана еще не написана и остро нуждается в новых методологических подходах и новых авторах, которые не заставили себя ждать.

С.С. Окилов

(Ташкентский исламский университет)

Рукописи сочинения Абу-л-Муина Насафи «Бахр ал-калам», хранящиеся в фондах Ташкента

Произведение «Бахр ал-калам» считается первым и наиболее значимым среди прочих сочинений Абу-л-Муина Насафи. Это произведение было напечатано впервые в 1886 г. в Багдаде. В 1911 г. было переиздано в Египте, а позже в 2005 г. в Бейруте.

В фонде рукописей Института Востоковедения АН РУз хранится три редких рукописи. Интересно то, что все три рукописи по неизвестным причинам имеют различные названия, среди которых «Бахр ал-калам» не упоминается. Первая рукопись хранится под названием «Му'такадат» (4008/II), вторая рукопись под названием «ар-Рисала ат-тайсир» (№ 10370/I), третья рукопись под названием «Табсират адилла» (№4146/V).

Рукопись «Му'такадат» переписана в 1752 г. неизвестным переписчиком почерком *наسخ*. На л. 1 этой рукописи в верхней части страницы приводятся поучительные высказывания Абу Мансура Матуриды по поводу науки и познания. При сравнительном анализе этого произведения с работой Насафи «Бахр ал-калам» было установлено, что оба сочинения имеют одинаковое начало, но окончание этих списков – абсолютно разное.

Рукопись «Ар-Рисала ат-тайсир», хранящаяся в Институте Востоковедения АН РУз, была переписана почерком *насталик* в Бухаре в 1813 г. переписчиком (*хаттам*) Мухаммадом ал-Бухари. При ее сравнении с текстом «Бахр ал-калам» стало ясно, что это два списка одного и того же сочинения. Рукопись «Табсират ал-адилла» была переписана в 1816 г. в пятницу в девятом дне месяца Рамадан переписчиком (*хаттам*) Мухаммадом Низамиддином Мирзой Азизханом.

Надо отметить, что еще одна рукопись произведения «Бахр ал-калам» хранится в фонде Института Востоковедения Академии наук России под названием «ал-Бахр фи илм ал-калам» под номером В 3734. Рукопись переписана также в 1813 г.¹ Эта рукопись своим названием сходна с «Бахр ал-калам». Удивление вызывает то обстоятельство, что все три списка называются по-разному. Можно предполагать, что в силу

¹ Арабские рукописи Института Востоковедения Академии наук СССР. Краткий каталог. Ч. I. Москва: Наука, 1986. С. 92.

краткости этого трактата ан-Насафи, среди ученых того времени к нему стало применяться обиходное название ар-Рисала ат-тайсир (букв. Облегченный трактат). Он написан также более простым и легким языком, чем другие произведения нашего автора.

Мы считаем, что «Бахр ал-калам» – первое произведение Насафи. Позднее им был написан труд «Тамхид ли каваид ат-таухид», как дополнение к «Бахр ал-калам». Уже под конец своей жизни Насафи написал свое самое совершенное сочинение Табсират ал-адилла, посвященное матуридскому учению, которое датируется 1106 г. х. Умер наш автор в 1114 г. х.

Е.Е. Озмитель
(КРСУ, Киргизия)

***«Туркестанские епархиальные ведомости» –
недооцененный источник по истории культуры русского Туркестана***

Хотелось бы привлечь внимание исследователей истории Туркестана к одному очень ценному источнику по истории русской дореволюционной культуры. «Туркестанские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ) – первое и единственное дореволюционное периодическое издание, посвященное проблемам православной религии и культуры в Туркестане. На это издание историками вниманием обращалось только дважды – в церковной публицистике¹. В светских научных трудах оно не рассматривалось как источник, его не упоминали даже в самых обстоятельных историографических обзорах².

ТЕВ выходили два раза в месяц с 1906 по 1919 г., последние два г. как «Туркестанский церковный вестник» – реже. По правилам, утвержденным в 1861 г. для всех епархиальных изданий, ТЕВ разделялись на официальную и неофициальную части. Тематика публикаций была очень широкой. В соответствии с названием и назначением освещались все церковные события и проблемы (ревизии епархии, строительство

¹ Владимир, митр. Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002; Проскурин В. Туркестанские епархиальные ведомости // Веди, 2006. № 9–10. С. 4–7. В этой статье есть ценные сведения о наличии номеров ТЕВ в разных библиотеках.

² См., например: Амитин-Шапиро З.Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750–1917). Фрунзе, 1958; Алексеенко В.Н. Вопросы истории Средней Азии и Казахстана в освещении русских дореволюционных журналов (вт. пол. XIX – н. XX вв.). Автореферат дисс... к.и.н. М., 1989; Хелимский Е.И. Массовые источники по истории крестьян-переселенцев в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. Бишкек, 1996.

храмов, перемещения и назначения духовенства, миссионерская и благотворительная деятельность, проблемы образования духовенства, его взаимоотношений с паствой, с архиереями и консисторией). Кроме этого, многочисленные дневники и рассуждения, мемуары и путевые заметки, регулярные отчеты местных религиозно-общественных организаций, статьи, посвященные юбилярам, некрологи дают богатый материал о степени вовлеченности в епархиальные мероприятия и о духовно-нравственном состоянии разных сословий Туркестана, об их повседневном обиходе, об уровне интеллектуального развития, о взаимоотношениях с местным населением и разных сословий друг с другом. Пожалуй, существует лишь одна область русской дореволюционной культуры, которая последовательно (очевидно из-за сложных взаимоотношений с военным духовенством) игнорировалась ТЕВ – это религиозная жизнь русского войска.

Опубликованные в ТЕВ исторические и краеведческие статьи, сведения об археологических находках, рекомендации по созданию музеев, библиографические обзоры, литературное творчество православных жителей Туркестана, как и вообще сама эта издательская деятельность – феномен русской православной культуры, свидетельство ее большого творческого потенциала и стремления к консолидации и развитию, своего рода самоосмысление православной культуры. Эти публикации дают богатый материал биографического характера – и не только для историков церкви, потому что среди авторов ТЕВ были знаменитые деятели культуры среднеазиатского Туркестана (Остроумов, Пантусов, Зенков, Поливанов и др.).

Аналитическое отношение к публикациям ТЕВ, как к любым нарративным источникам, обязательно предполагает выявление в каждом случае авторской позиции и намерений. В целом они и не скрывались. Свобода суждений авторов и редактора неофициального отдела дошла до того, что к концу синодального периода они вступили в прямой конфликт с секретарем консистории, редактирующим официальную часть – редакторы под одной обложкой резко спорили друг с другом. Нередки были случаи, когда авторы, настроенные критически, могли свободно высказывать независимое, в том числе и отрицательное, отношение к государственным и епархиальным мероприятиям, отмечали как положительные, так и отрицательные черты в культуре Туркестана, не занимаясь ее идеализацией. Полагаем, что публикации ТЕВ заслуживают внимания и доверия ученых, они помогут дополнить и скорректировать историю русского Туркестана.

Неъмат Полванов
(*Национальный университет Узбекистана, Ташкент*)
Женщины в Хорезмском оазисе: количественный анализ на основе переписи населения 1897 и 1910 гг.

1897 г. в Российской империи была осуществлена перепись населения. В этот период правобережье реки Амударьи относилось к территории Российской империи. На левобережье данной реки располагалось Хивинское ханство (1804–1920), которое с 1873 г. являлось протекторатом Российской империи. Правобережье Амударьи в административном делении называлось Амударинский отдел Сырдаринской области Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917). В переписи населения 1897 г. было определено количество женского населения Амударинского отдела по возрастам. Однако в документах из самой канцелярии Хивинского ханства конца XIX в. не имеется никаких сведений о женской части населения ханства.

В 1910 г. Российской империей была осуществлена новая перепись населения Хивинского ханства. В документах переписи имеются частичные сведения и о женском составе общества (женщины в них названы «начар» – буквально «человек в безвыходном положении»). Их численность указана в составе семьи как женская часть. Это жена или несколько жен и дочери. Для замкнутого, традиционного мусульманского общества, каким являлось Хивинское ханство, это немаловажный фактор. В статистических данных от 1910 г. приводятся имена мужчин в семье – главы семьи, его сыновей, братьев. В отличие от мужчин для женщин приводится только численность членов семьи женского пола, без указания их имен.

В нашем докладе на основе сведений указанных переписей будет проанализировано количество женщин Хорезмского оазиса конца XIX – начала XX вв.

Можно заключить, что в источниках по истории Средней Азии, в том числе по Хивинскому ханству, приводится очень мало сведений о женской части населения. После завоевания Хивинского ханства Российской империей стали появляться некоторые данные и о количестве женского населения данного региона. На основе имеющегося у нас в распоряжении архивного материала можно утверждать, что в конце XIX – начале XX вв. численность женщин была меньше, чем мужчин. По предварительным подсчетам женщины составляли 45–46 % от общего количества населения. Общая численность населения Хивинского ханства в начале XX в. может быть оценена примерно в один миллион человек.

М.В. Семенова
(ИАЭ СО РАН; НГУ, Новосибирск)

Коллекция Отани: источники по истории Восточного Туркестана

Отани Кодзуи (1876–1948) известен в Японии как настоятель одного из крупнейших монастырей Ниси Хогандзи, руководитель буддистской школы Дзедо-синсю, политик, а также исследователь, путешественник, организовавший три экспедиции в Центральную Азию. Лично Отани смог участвовать только в первой экспедиции (1902–1904), после смерти отца в 1903 г. ему пришлось срочно выехать в Японию. Первая экспедиция проводила комплексные географические, этнографические и биологические исследования Синьцзяна, в том числе археологические раскопки в Хотане, Аксу, Турфане, Куче, Субаши.

Отани организовал и финансировал еще две экспедиции в Синьцзян. Вторая экспедиция (1908–1909) исследовала Яр-хото, Муртук, Лоулань, а также буддистские пещеры Кумтуры. Участники экспедиции обнаружили большое количество древних китайских рукописей, датированных вплоть до IV в. Третья экспедиция (1910–1914) включала в себя осмотр Урумчи, Турфана, Кучи, района Лоб-Нора, Кашгара, раскопки в Хотане. В Дуньхуане участники экспедиции провели исследование пещер Могао, а также купили более 300 ценных рукописей.

Результатом экспедиций стало формирование крупной «коллекции Отани», включающей в себя ботанические коллекции, китайские рукописи IV–VII вв., буддийские сутры на санскрите, тибетском, согдийском, тангутском и уйгурском языках, разнообразные артефакты (например 9 мумий и шелковые погребальные покрывала из гробниц около Турфана). Сама коллекция разошлась между многочисленными музеями и частными коллекциями, наиболее значительные части хранятся в Музее г. Люйшунь (бывший Порт-Артур), Национальной библиотеке КНР, Историческом музее Китая (Пекин), Национальном музее Республики Корея (Сеул), Национальном музее Токио и Национальном музее Киото, Национальном этнографическом музее (Осака). Часть коллекции, путевые дневники и фотографии, сделанные участниками экспедиций, хранятся в библиотеке Университета Рюкоку, частично материалы доступны в Музее памяти Отани при Университете Рюкоку.

Л.Р. Скреминская
(Киргизско-Российский Славянский Университет, Бишкек)
Центральная Азия в современных польских исследованиях

Польские историки, политологи, антропологи, научные интересы которых связаны с востоком, ведут активную исследовательскую работу

в республиках Центральной Азии. И если в прежние времена основное внимание было сосредоточено на особенностях традиционного быта народов этого региона, их религии, материальной и духовной культуры¹, то сейчас внимание привлекают трансформационные процессы, происходящие в политической, экономической и общественной жизни после обретения республиками суверенитета. Результатом этих исследований являются коллективные сборники и монографии, содержание которых открывает перед польским читателем не только наиболее значимые стороны современной жизни «независимых» государств, но и позволяет сделать экскурс в историю, на фоне которой трансформационные процессы прослеживаются особенно ярко. Для нас эти работы тоже представляют интерес, т. к. позволяют увидеть нашу действительность «другими» глазами.

Так, назовем цикл работ под общим названием «Современная Центральная Азия» (*Współczesna Azja Centralna*), представляющих коллективный проект польских ученых Варшавского Университета и представителей научного мира стран ЦА. Каждый том посвящен одной из республик ЦА². Книги изданы на польском языке с аннотациями на языке страны, которой посвящена работа, и на языках английском, немецком и частично (Киргизстан и Казахстан) на русском.

Как отмечено руководителем проекта, Профессором Варшавского университета Тадеушем Бодио, «одним из исследовательских достижений программы является дискредитация традиционных исследовательских стереотипов, прежде всего, европоцентризма и центроазитизма, вместе с тем открытость на аргументы и поиск новых парадигм, в основе которых находятся историко-культурные, политико-экономические и психологические особенности региона». Структура каждой книги такова, что материалы глав позволяют отобразить все стороны жизни госу-

¹ Zbigniew Jaśiewicz. *Kultura i życie społeczne Azji środkowej*. Poznań, UAM, 1968; Kijas Artur. *Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny*. Instytut Wydawniczy Pax, Wydawnictwo Poznańskie. Warszawa, Poznań, 2000; *Kultura i życie społeczne Azji środkowej. Z polskich badań dawnych i współczesnych / Praca zbiorowa pod redakcją Zbigniewa Jasiewicza.*- Poznań, 1983; Moszyński Kazimierz. *Ludy Pasterskie. Ich kultura materialna oraz podstawowe wiadomości o formach współżycia zbiorowego. O wiedzy. Życiu religijnym i sztuce*. Cieszyn, 1996.

² Kazachstan. *Historia–społeczeństwo–polityka / pod red. naukową Tadeusza Bodio*. Warszawa, 2000; Uzbekistan. *Historia–społeczeństwo–polityka*. Warszawa, 2001; Tadżykistan. *Historia–społeczeństwo–polityka*. Warszawa, 2002; Kirgistan. *Historia–społeczeństwo–polityka*. Warszawa, 2004; Turkmenistan. *Historia–społeczeństwo–polityka* Warszawa, 2000.

дарства, начиная от самих его истоков и заканчивая современными трансформационными процессами во всех областях жизни.

Работа варшавского политолога Радзиславы Гортат «Киргизстан. Природа изменений в системе»¹ дает объективный анализ изменения системы политических и общественных отношений в республике, начиная с 1991 г., с того момента, как республика стала суверенным государством. В работе А. Вежицкого и П. Заленского «Трайбализм и власть в Центральной Азии»² предметом исследования является анализ различных вариантов общественных отношений в государствах Центральной Азии и их влияния на политику.

Международный сборник статей «Трансформация общества и власти в постсоветской Центральной Азии»³ дает материал, отражающий все стороны общественных изменений, наблюдаемых во всех областях жизнедеятельности центральноазиатских республик в последние десятилетия.

Т.И. Султанов
(ВФ СПбГУ)

***Известия «Тарих-и Рашиди»
о буднях арестантов в средневековой Кашгарии***

Средневековая мусульманская историография – историография падишахов, и в целом доставляет наибольший материал, прежде всего по военной и политической истории. Современные автору события будничной жизни населения страны, конечно, освещались, но удаивались описания исключительно через судьбу государей, их военачальников и сановников, да и то лишь вскользь, мимоходом. Ввиду этого обстоятельства мне показалось нелишним сообщить здесь рассказы ираноязычного историка первой половины XVI в. Мирзы Хайдара Дуглата о буднях арестантов в средневековой Кашгарии.

О положении арестантов в Кашгарии рассказывается в источнике в связи с жизненными обстоятельствами Мирзы Аба Бахра, который приходился дядей автору «Тарих-и Рашиди» Мирзе Хайдару Дуглату (годы жизни: 1500–1550).

Около 1480 г. Аба Бахр из племени дуглат захватил западную часть Кашгарии и фактически основал там собственное независимое княжество со столицей в Яркенде. Только в 1514 г. его власти был положен ко-

¹ Gortat R. Kirgistan. Natura zmiany systemowej. Warszawa, 2009.

² Wierzbicki A., Załęski. Trajbalizm a władza w Azji Centralnej. Pułtusk, 2008.

³ Transformacja społeczeństwa i władzy w postradzieckiej Azji Centralnej. Studia i rozprawy / Red.: T. Bodio, W. Jakubowski, A. Wierzbicki. Pułtusk, 2008.

нец Чагатаидом Султаном Саид-ханом (правил в 1514–1533 гг.). Мирза Аба Бакр был по природе своей чрезвычайно сильным и храбрым человеком. По словам автора «Тарих-и Рашиди», в юности Аба Бакр отличался редкостной щедростью и люди тянулись к нему. Но став мужем и достигнув власти, он вдруг круто переменялся и в дальнейшем совершил немало злонамеренных деяний и гнусных поступков. Вот что рассказывается по этому поводу в «Тарих-и Рашиди». Передаю длинные рассказы Мирзы Хайдара Дуглата в кратком изложении.

Мирза Аба Бакр, говорится в источнике, правил в Западной Кашгарии несколько десятилетий. Одним из его злостных деяний было создание им тяжелейших для исполнения законов, правил и постановлений. За малейшие нарушения этих законов и правил он подвергал каждого, будь он знатный и богатый сановник, рядовой кочевник или простой горожанин, близкий родственник или заклятый родовой враг, какому-нибудь наказанию, начиная от кастрации до отсечения руки и ноги или выкалыванию глаз. Выжившие после тяжелых физических истязаний пополняли ряды арестантов, число которых в крае было значительно.

Аресту и наказанию люди подвергались по личному указанию Мирзы, без суда и следствия. Для заключенных в тюрьму Аба Бакр сам придумывал работы, одна тяжелее другой, и лично назначал на эти работы людей соответственно тяжести совершенного ими преступления. Его работы подразделялись на две категории: одна – для мужчин, другая – для женщин.

По утверждению автора «Тарих-и Рашиди», именно он, Аба Бакр, придумал для арестантов работу под названием *казик* – «раскопки». Суть ее заключалась в следующем. Он приказывал арестантам раскапывать древние городища и промывать землю. Крупные предметы обнаруживались сразу, а мелкие – при промывке земли. Таким вот образом он накопил несметное количество жемчуга, золота и серебра. После обнаружения богатого клада в старой крепости Хотан, по словам автора «Тарих-и Рашиди», Мирза Аба Бакр еще энергичнее занялся делами *казика* и нашел другие клады в старых крепостях Кашгара, Яркенда и Хотана.

О положении арестантов, работавших на раскопках, приводятся такие известия. Человек 10–20 были скованы одной цепью; к их спинам прикреплялась корзина, на шеях – цепь, в руках была кирка. Они работали зимой и летом. На один месяц им полагалось для еды одно решето проса; днем они работали, а ночью их заключали в темницу. Если вина человека была тягостной, то никто из его близких и посторонних не смел разговаривать с ним и передавать ему что-нибудь. Даже находившиеся с ним в одной цепи люди не могли говорить с ним.

На каждую цепь людей ставили одного надзирателя, а над десятью надзирателями стоял еще один. Всеми работами руководил один человек. Делом каждого из этих старших и младших надзирателей было бить, погонять людей, бросать в темницу и следить за их работой. Если надзиратель допускал малейшее послабление в отношении кого-либо из числа арестантов, то его самого заключали в ту же самую цепь. От страха ни один надзиратель не мог ни к кому проявить сострадание и, кроме понуканий, не произносил лишнего слова. Того человека, чья вина была меньше, раз в неделю мог навестить один из родственников. Таким образом, соответственно степени вины каждому Аба Бакр установил свои пределы поведения, которые человек не мог преступить без разрешения.

Было еще много других арестантских работ, говорится в «Тарих-и Рашиди», изложение которых вызовет негодование у читателей и, возможно, разум откажется их принять. «Рассказывать еще о жестокостях Аба Бакра, – заключает Мирза Хайдар Дуглат, – значило бы утомить читателя»¹.

У.А. Султонов
(ИБ АН РУз, Ташкент)

Коллекция вакуфных документов по истории Ташкента
XIX – начала XX вв.²

Особую роль при изучении истории Центральной Азии наряду с нарративными источниками играют исторические документы, в частности вакуфные грамоты. Значительное число документов, связанных с теми или иными аспектами деятельности вакфов, были исследованы в работах российских, советских и узбекистанских востоковедов. Однако следует отметить, что вакуфные документы пост-тимуридской эпохи, относящиеся к истории некоторых городов центрально-азиатских государственных образований, остаются малоизученными. К таковым, в частности, относятся и вакуфные документы по истории социально-экономической жизни Ташкента.

В настоящее время эти документы хранятся в фондах Центрального Государственного архива РУз (Фонд И-17) и их можно назвать «Ташкентской коллекцией вакуфных грамот». Данная коллекция включает в себя около 200 вакуфных документов, касающихся вакуфного

¹ Мирза Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди, рук. Института восточных рукописей РАН: В 648, л. 1456-1476 и сл.; С 394, л. 124а-125б и сл.; С 395, л. 1926-1956 и сл.; Д 71, с. 232–235 и сл.

² Исследование вакуфных документов Ташкентской коллекции проводится при поддержке Фонда Герда Хенкеля (Gerda Henkel Stiftung), грант: AZ 15/ZA/09.

хозяйства и деятельности *медресе, мечетей, мазаров и карихана* XIX – нач. XX вв. В географическом отношении материалы документов охватывают г. Ташкент и его оазис.

В процессе изучения вышеупомянутых грамот были выявлены следующие аспекты вакфной собственности в городе Ташкенте:

1. Вакуфные документы, к настоящему времени изученные нами, составляют 169 единиц. Из них 50 документов по времени относятся к периоду Кокандского ханства, 116 документов – к колониальному периоду, 3 документа – к административной системе Туркестанской АССР. В исследуемый период наметились некоторые изменения и в структуре вакуфных документов. Так, взамен длинных свитков стали составляться документы сравнительно небольшого размера.

2. Учреждения и мастерские, составлявшие вакуфную собственность, были включены в активную экономическую деятельность Ташкентского оазиса, связанную с производством ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Такое положение существовало вплоть до 1867 г. В 1887–1888 гг. под предлогом установления достоверности документов на право обладания вакфами осуществлялись всевозможные проверки, в результате которых по тем или иным причинам отдельные виды вакфов были конфискованы в пользу государства.

3. К тому времени в обществе значительно изменилось отношение к сущности понимания вакуфной собственности, а также к самому термину «вакф», под которым понималась неприкосновенная собственность.

4. В XIX – нач. XX вв. вакфы стали экономической основой жизни своих управителей (мутавалли).

Нет сомнений в том, что последующие исследования документов вакфов Ташкента предоставят новые интересные сведения по экономической истории региона.

Г.И. Халлиева

(Ургенчский филиал ТУИТ)

А.Н. Самойлович и среднеазиатско-тюркская литература XIX в.

В истории среднеазиатской тюркской классической литературы XIX в. считается эпохой Ренессанса – именно в этот период происходит развитие лирических жанров, создается и переписывается множество исторических, прозаических, поэтических и переводческих трудов. «Эпоха возрождения чагатайской литературы XIX в. особенно богато расцвела в Хивинском ханстве, т. е. в Хорезме; выявляется выдающееся

значение этой страны в истории культуры турецких народов вообще и в истории среднеазиатско-турецкого литературного языка в частности»¹. Эта эпоха в истории литературы Хорезма известна такими поэтами, как Мунис (1778–1844), Агахи (1809–1874), Камил Хорезми (1825–1899), Мирзо (1840–1923), Ахмед Табиби (1869–1910), Баяни (1840–1923), произведения которых по изяществу стиля, богатству языка и образов являются шедеврами чагатайской классической литературы.

Научно-художественный расцвет Хорезма в XIX в. вызвал интерес не только среднеазиатских, но и российских ученых, например, А.Н. Самойловича (1880–1938). Это разносторонний ученый, тюрколог, один из исследователей хорезмской литературы XIX в. Однако его труды в этой области до настоящего времени почти не изучены, и назрела необходимость оценить его вклад в изучение литературы Хорезма.

Сеид Мухаммед Рахим II (1844–1910) – хан Хивы, просвещенный покровитель хивинской науки и искусства, – высказал готовность содействовать научному изучению его страны и открыл Самойловичу доступ к своим личным книжным сокровищам. «...Краткий обзор хивинских придворных книгохранилищ показал сколь плодотворными оказались семена, брошенные на хивинскую почву первыми литераторами XIX в.»². В архивных документах указывается количество и виды рукописей, хранящихся в библиотеках (персидские, арабские, тюркские), и вкратце характеризуется их содержание, история изучения в России и Европе.

Работая в Хорезме, А.Н.Самойлович собрал редкие материалы по хивинскому диалекту, дворцово-литературному языку, устному народному творчеству. На основе этих данных он опубликовал ряд статей (1908–1910) по этнографии, литературе, устному народному творчеству. Объем статей говорит о том, что поездка ученого в Хорезм была весьма продуктивной с научной точки зрения.

В Санкт-Петербурге (2008, 2009 гг.), знакомясь с трудами и архивными материалами А.Н. Самойловича, мы стали свидетелями высокой одаренности ученого-востоковеда, знатока тюркологии, глубокого аналитика. Неизданные научные исследования, связанные с литературной средой Хорезма XIX в., хранятся в рукописном отделе РНБ им. Салтыкова-Щедрина. Архивные данные помогают шире представить картину литературной жизни Хорезма, а также выявить новые факты научной

¹ А.Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка //Сборник Мир Али Шир. Л., 1928. С. 23

² А.Н. Самойлович. Библиотека и литография его светлости Хана хивинского // РНБ Ф. 671, ед. хр. № 145, л. 348.

деятельности А.Н. Самойловича, что позволит в полном объеме оценить выдающуюся роль российского тюрколога в изучении Средней Азии.

Афтандил Эркинов
(ТашГИВ, Ташкент)

Поэтическая антология на службе политического авторитаризма
Мухаммад Рахим-хана II (1864–1910)
(«Маджма'-йи шу'ара-йи Фируз-шахи»)

В 1873 г. Россия захватила Хивинское ханство, и оно стало протекторатом Российской империи. Хивинский хан из династии Кунгратов (1804–1920) Мухаммад Рахим-хан II (1864–1910) признал вассальную зависимость от Российской империи. В течение 36 лет (1873–1910) до самой своей смерти он был лишен значительной части прерогатив суверенного государя.

В этих условиях он стал уделять особое внимание культурной политике, постоянно устраивал вечера музыки и поэзии, по его приказу были переписаны сотни рукописей. В 1906 г. по его приказу была составлена поэтическая антология «Маджма'-йи шу'ара-йи Фируз-шахи» «Сборник [стихов] поэтов [из окружения] шаха Фируза». В рамках этой антологии на 101 стихотворение Мухаммад Рахим-хана II 32 поэтами были написаны 3231 ответ-имитация. Всего было написано 3332 *газал* сборник имеет всего 6664 стихов. Объем сборника 1417 страниц.

Поэты, принимавшие участие в составлении антологии, служили при дворе Мухаммад Рахим-хан II. Он также заставлял чиновников своего двора писать стихи, в противном случае карьерный рост для них был закрыт. Подобная деятельность Мухаммад Рахим-хана II была обусловлена тем, что он намеревался противостоять российскому влиянию путем развития местной культуры, через свои культурные достижения. Сборник «Маджма'-йи шу'ара-йи Фируз-шахи» является частью масштабной культурной деятельности при его дворе, и своеобразным воплощением поэтического и политического авторитаризма Мухаммад Рахим-хан II.

Stefanos Kordosis
(University of Western Greece, Agrinio)
The Hephthalite kingdom in Central Asia:
Society, state and relations with the Byzantine empire

The Byzantines knew from very early the Hephthalites due to the balancing role they played in the wider context of Byzantino-Persian relations.

They established relations with them in order to tackle Persia in the difficult strategic situation they faced throughout the 5th century. But this political usage of the Hephthalites on the Byzantine part was not very successful (at least as the Turco-Byzantine alliance of the 6th and 7th century was), not only due to the fact that the Hephthalites were, at times, collaborating with the Persians (especially during Kavade's reign), but also because of the geographic distance separating Byzantium from the Hephthalite kingdom. After all, the Hephthalite kingdom had never reached the level of influence in the West that the Turkic khanate had in the late 6th century.

Nevertheless, the Byzantines never lost interest in the Hephthalites, even after their fall under the Turkic rule. As Hephthalite principalities continued to exist, even as vassal to the Turks states, opposing Arab advance in Central Asia, it is very likely that they remained in contact with Byzantium which was also struggling against the same enemy in the West.

Paolo Sartori

(Institute of Oriental Studies, Martin Luther University, Halle/Saale)
The Birth of a Custom: Nomads, Sharia Courts and Established Practices
in the Tashkent Province (1868–1919)

In colonial Central Asia *qadis* played a key role in establishing customary legal practices. The present study shows that in adjudicating claims of horse theft, *qadis* operating in the Tashkent province under Russian rule had recourse to a *lex loci* known in the local Kazakh communities. When the *qadi* ascertained that an animal was not stolen, but had been acquired from a third party by a bona fide purchaser, they routinely used a probative procedure unheard of in the Central Asian judicial manuals of the 19th and early 20th century. Based on an examination of *sharī'a* court registers from the Tashkent province, Bukharan *shurūt* works and unpublished archival material, this essay argues that the establishment of Russian rule in the region and the introduction of triennial elections for choosing judges made it necessary for each *qadi* to meet the demands of the community that had elected him, thereby encouraging him to confer *shar'i* legitimacy on local legal practices.

СЕКЦИЯ 6.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND
SOUTH-EAST ASIA

ПРОВОДИТСЯ СОВМЕСТНО С
ИНСТИТУТОМ ХО ШИ МИНА ПРИ ВФ СПБГУ

В.Р. Атнашев
(Северо-западная академия государственной службы)
Проблема преследования «красных кхмеров»
за международные преступления

Данное сообщение посвящено актуальной проблеме как для современной Камбоджи, так и для международного права. По прошествии более чем 30 лет после свержения «красных кхмеров» их лидеры до сих пор не осуждены за геноцид и преступления против человечности, совершенные в Демократической Кампучии.

Пока только Каинг Гуэк Еав (Дач), бывший начальник тюрьмы и лагеря пыток S-21, признавший свою вину за убийство 14 тысяч человек, является единственным из «красных кхмеров», кому в июле 2010 г. был вынесен приговор смешанным трибуналом (Чрезвычайными палатами в судах Камбоджи).

Правовой основой преследования «красных кхмеров» являются Соглашение между ООН и Королевским правительством Камбоджи о преследовании в соответствии с камбоджийским правом за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии (2003 г.), Закон о ратификации указанного соглашения (2004 г.), Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 57/228 (2002 г.); Закон об учреждении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии (2001 г.). В сообщении дается характеристика особенностей юрисдикции Чрезвычайных палат: предметной, персональной, временной и территориальной.

Как известно, летом 1979 г. в Пномпене специально созданный трибунал приговорил (заочно) Пол Пота и Иенг Сари к смертной казни за преступления против своего народа. Тогда правосудие могло бы возторжествовать, если бы не покровительство «красным кхмерам» со стороны ряда государств. В течение восьмидесятих годов «красные кхмеры» продолжали вести партизанскую войну против правительства, пользуясь щедрой финансовой и военной поддержкой как Китая, так и США. Так, в 1980-е гг. КНР ежегодно выделяла «красным кхмерам» 100

млн. долларов США, а американская военная помощь им достигала 17–32 млн. долларов ежегодно.

В сообщении приводятся примеры преступлений «красных кхмеров» против чамов, одного из наиболее пострадавших меньшинств Камбоджи. В завершение автор показывает несостоятельность точки зрения ряда американских специалистов, отрицающих факт существования геноцида в Демократической Кампучии.

К.М. Воздиган

(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Историография мадхубани: рождение легенды

История изучения мадхубани (регион Митхила, штат Бихар) началась в 1934 г., когда британский колониальный служащий У. Арчер, направленный в Бихар для помощи в ликвидации последствий землетрясения, обнаружил, что стены домов местных жителей покрыты затейливыми расписными узорами, не виденными им ранее. Статья, опубликованная им в 1949 г. в журнале «Марг», вызвала огромный интерес у исследователей разного профиля и «открыла» миру так называемое народное искусство мадхубани, ранее неизвестное за пределами Митхилы. Между тем в регионе традиция создания таких настенных росписей как части свадебного ритуала насчитывает как минимум несколько столетий. Росписи мадхубани оставались анонимными и бытовали исключительно как культовые. Именно Арчер первым стал рассматривать народные росписи Митхилы как произведения искусства, а с его подачи ими заинтересовались как специалисты, так и представители государственной власти. Росписи мадхубани стали объектом направленной поддержки. Предлагая художницам всестороннюю помощь, специалисты часто прямым образом форсировали трансформацию сакрального искусства в народное: обеспечивали мастериц материалами и идеями, советовали им, как следует изменить стиль и сюжетную направленность росписей для того, чтобы они имели большую востребованность на западном рынке.

С момента выхода исследования Арчера в 50-е гг. началась продолжающаяся до сих пор мифологизация, романтизация и коммерциализация мадхубани как визуального выражения духа древней культуры Индии, а Митхила была провозглашена регионом, где в чистоте сохраняются ведийские традиции и культура легендарных ариев. Со временем появилось качественно иное направление интерпретации мадхубани как современного искусства, восходящего к древней самобытной доарийской традиции (П. Джаякар, И. Веко, Дж. Джайн и др.). Под влиянием этих работ произошла смена традиционных сюжетов и персо-

нажей росписей, началось размывание их ритуальной функции, расширился круг мастеров. Таким образом, создатели историографии мадхубани оказались одновременно и авторами его новой истории.

Н.В. Григорьева
(ВФ СПбГУ)

К вопросу изучения ранней этнической истории вьетнамцев

В изучении ранней этнической истории вьетнамцев, несмотря на имеющуюся обширную литературу, до сих пор остается много нерешенных вопросов. Среди основных существующих теорий этногенеза вьетнамцев могут быть названы следующие:

1. Вьетнамцы пришли на нынешнюю территорию Северного Вьетнама из Китая (была преобладающей до середины XX в.).

2. Предки вьетнамцев, лаквьеты, – автохтонное население Северного Вьетнама. Именно лаквьеты, издревле проживающие на своих землях, были создателями замечательных бронзовых предметов Донгшонской культуры (позиция исследователей ДРВ-СРВ, которая нашла свое отражение в работе А.И. Мухлинова «Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа»).

3. Современные вьетнамцы являются потомками древних австронезийцев, в далеком прошлом населявших обширные пространства континентальной части Юго-Восточной Азии (теория Нгуен-бинь Лока, сформулированная в работе «Малайское происхождение вьетнамского народа»). Предположения о древних связях австронезийцев и создателей культуры Донгшона также высказывали В.В. Голубев и О. Янсе, анализируя особенности бронзовых предметов, обнаруженных в 30–40 гг. XX в. в Северном Вьетнаме.

Межэтнические контакты, имевшие место на территории Северного Вьетнама до начала нашей эры и в первом тысячелетии нашей эры, безусловно, оказали существенное влияние на культуру и язык протовьетов, однако говорить об этнических процессах того времени применительно к собственно вьетнамцам представляется не вполне оправданным.

Очевидно, что сложение этнической идентичности вьетнамцев, основного населения современного вьетнамского государства (эндоэтнонимы – кинь, вьет), относится к значительно более позднему периоду – IX–XIII вв. н. э. Именно в это время в результате процессов китаизации происходило обособление жителей равнинных и прибрежных районов Северного Вьетнама (вьетов или киней) от культурно близких им мыонгов, которые, наряду с другими народами, в I тысячелетии н. э. входили в этническую общность, условно называемую зяоти (кит. цзяочжи). К

этому же периоду относится начало расхождения вьетнамского и мыонгского языков.

Научные достижения последних десятилетий (установление генетических связей вьет-мыонгских языков с мон-кхмерскими; гипотеза о древнем австро-тайском языковом единстве; теория С. Оппенгеймера о древних миграциях населения в Юго-Восточной Азии), как ни парадоксально, позволяют признать обоснованность всех трех теорий, связанных с протовьетами, если применительно к эпохе древности речь будет идти не о вьетнамцах, как таковых, а о тех общностях, в состав которых протовьеты могли входить наряду с другими этническими компонентами. Именно такой подход представляется продуктивным для реконструкции этнической предыстории вьетов Вьетнама.

К.А. Демичев

(УРАО, Нижний Новгород)

Этапы формирования сикхской государственности в советской историографии

Проблема формирования сикхского государства, последнего государства Индии, завоеванного английской Ост-Индской Компанией в 1849 г., не была обойдена вниманием советских исследователей. В изучении данной проблемы в советские годы вполне обоснованно можно выделить два этапа: 1) 1920–40 гг. (Рейснер И.М., Гольдберг Н.М.); 2) 1950–60 гг. (Семенова Н.И., Кочнев В.И. и др.). Для выделенных историографических этапов были характерны последовательность и преемственность, обусловленные наличием единой методологической базы, в основе которой было учение об общественно-экономических формациях.

Предпосылки формирования сикхского государства связывались с антифеодальной борьбой сикхского крестьянства, которая, в свою очередь, рассматривалась как один из центральных факторов кризиса Могольской империи. Подчеркивалось, что борьба шла как против могольских, так и афганских феодалов, вторгшихся в Индию в середине XVIII в. Возникновение и начало первого этапа в становлении сикхского государства связывают с 1763 г., когда сикхская община – Хальса провозгласила о своей независимости. На данном этапе сикхское государство рассматривалось как демократический военный союз (конфедерация) 12 мисалей, т. е. военно-административных объединений сикхов Панджаба.

Советские исследователи отмечали, что характерной особенностью сикхских мисалей было постепенное превращение в феодальные княжества. В связи с этим второй этап формирования сикхской государствен-

ности был связан с феодальной раздробленностью и обособлением сикхских княжеств во второй половине XVIII в.

Третий этап закономерно связывался с объединением сикхских миссий махараджей Ранджитом Сингхом в единое феодальное государство в начале XIX в. в форме абсолютной монархии. При этом Н.И. Семёнова подчеркивала деспотический характер власти Ранджита Сингха и относительно неразвитый характер феодального землевладения Панджаба вследствие политики централизации.

Тривисессорн Джираторн
(Уральский государственный университет)
Российско-тайландские отношения на пути развития
двустороннего сотрудничества в XXI в.

В данном докладе представлена попытка проследить ход развития отношений между Россией и Королевством Таиланд в XXI в. Стоит отметить, что основа двусторонних контактов была заложена в 1897 г., когда в России с официальным визитом побывал король Сиам Рама V Чулалонгкорн. Приезд сиамского монарха в Россию и его встреча с императором Николаем II явились ключевым моментом в истории российско-тайландских отношений, придавшим импульс дальнейшему развитию двусторонних связей.

Говоря о современных отношениях России и Королевства Таиланд, важно помнить, что, несмотря на постоянно меняющийся характер международной обстановки, а также внутривнутриполитические изменения в каждой из стран, двусторонние отношения успешно развивались в течение более 110 лет, сохраняя определенные традиционные черты. Официальный визит в Россию премьер-министра Таиланда Таксина Чинавата и официальный визит в Таиланд президента Российской Федерации В.В. Путина (2003 г.) положили начало новому этапу развития российско-тайландских связей. Кроме того, важной вехой в ходе развития современных двусторонних контактов стал официальный визит в Россию Ее Величества королевы Таиланда Сирикит (2007 г.) в качестве представителя Его Величества короля Таиланда Пумипона Адульядета. Хотелось бы особо отметить, что обоюдные официальные визиты глав обоих государств – это знаковые исторические события, открывшие новую страницу в отношениях России и Таиланда и способствующие дальнейшему укреплению двусторонних связей.

В будущем Таиланд планирует развивать и расширять сотрудничество с Россией в торгово-экономической, военно-технической, энергетической, научно-технической и гуманитарной сферах, а также по линии совместных мероприятий по борьбе с терроризмом, незаконным

оборотом наркотиков и др. Нарастающая динамика российско-тайландских отношений должна способствовать ускоренному развитию взаимовыгодного сотрудничества, отвечающего интересам обеих держав. Юго-Восточная Азия предстает зоной пристального внимания современной России, а Таиланд является одной из самых перспективных стран данного региона.

Подход Королевства Таиланд к развитию контактов с Россией можно охарактеризовать как прагматический и дружественный., во многом из-за общего исторического прошлого и близких отношений российской и сиамской монархических династий. В Таиланде помнят о том, какую неоценимую дипломатическую помощь оказала Россия Сиаму в конце XIX в., фактически явившись гарантом сохранения Сиамом своей независимости. Для того чтобы и в дальнейшем отношения между Россией и Таиландом сохраняли подобный дружественный характер, мы должны всеми силами стремиться к укреплению двустороннего сотрудничества во всех областях, уважать общее историческое наследие и думать о будущем.

И.А. Дорохова
(Петрозаводский ГУ)

История Индии в научной работе кафедры всеобщей истории Петрозаводского госуниверситета в первое десятилетие XXI в.

Речь идет о научно-исследовательской работе студентов и преподавателей кафедры по истории и историографии Индии, осуществляемой в рамках спецкурсов кафедры, курсовых и дипломных сочинений студентов, выступлений на научных конференциях и семинарах. За данный период было написано 39 курсовых работ и прошла защита 11 дипломных сочинений. Определелись несколько научных направлений исследований студентов по истории Индии: политическая история, развитие русско-индийских связей, изучение духовной культуры и истории общественной мысли, анализ положения индийской общины в Южной Африке, преимущественно во второй половине XIX – начале XX вв., и, наконец, общественно-политическая деятельность М.К. Ганди в разные годы его жизни. Сюжеты, связанные с индийской диаспорой в Южной Африке, а также деятельность Махатмы Ганди изучаются и в историографическом плане.

На кафедре читаются три спецкурса: «Повседневная жизнь населения Древней Индии (классический период)», «Русские путешественники, посланники, деятели науки и культуры в Индии (XV – начало XX вв.)» и «Общественно-политическая деятельность и мировоззрение

М.К. Ганди». Данные спецкурсы относятся к курсам, читаемым по выбору студентов и они, неизменно, находят свою аудиторию.

В связи с тем, что на кафедре осуществляется углубленная подготовка по английскому языку, для практического перевода преподавателями кафедры рекомендуются и монографии, связанные с историей Индии¹. Полученные материалы затем используются студентами при подготовке докладов на студенческие научные конференции и при написании курсовых и дипломных работ. Таким образом, яркая, драматичная и долгая история Индии достойно представлена не только в лекционных курсах кафедры, но и составляет важный аспект научной деятельности преподавателей и студентов кафедры всеобщей истории Петрозаводского государственного университета.

А.О. Захаров
(ИБ РАН, Москва)

Коллективное действие на древней Яве по данным эпиграфики

В докладе анализируется применимость теории коллективного действия к политиям Явы VIII–X вв. Теория коллективного действия предполагает активную роль социальных низов, в том числе налогоплательщиков, в формировании государственности. Доказывается, что основной источник сведений об этих обществах – надписи на санскрите и древнеяванском языке – содержат сведения о действиях иных, нежели элита, социальных групп. Коллективное действие на Яве было, тем не менее встроено в местную модель монархии – *кратона*. Общинники, участвуя подчас в столкновении элит, не имели возможности контроля над ними (или это не отражено в известных данных). Они имели возможность влиять на налогообложение и пользовались правовой защитой (С.В. Кулланда). Ирригация, необходимая для высокопродуктивного земледелия, находилась частично в ведении самих общин (Дж. Виссеман Кристи), частично в распоряжении царской власти. Общественная безопасность поддерживалась, вероятно, самими общинами, хотя от VIII в. дошли сведения о поддержании царем Санджайей безопасности на дорогах. В церемониях основания *симы* (земельного владения, освобожденного от уплаты налогов) принимали участие все общинники безотносительно их социального статуса. Взаимодействие общин друг с другом, насколько оно известно по надписям, выражалось в свидетель-

¹ Например: *Indian Critiques of Gandhi*, edited by Harold Coward. SUNY Series in Religious Studies. Albany, State University of New York Press, 2003; Judd Denis. *The Lion and the Tiger. The Rise and Fall of the British Raj, 1600–1947*. Oxford and New York, Oxford University Press, 2004.

ствовании соседями основания симы и в поддержании одними общинами безопасности на территории других (иерархия общин).

Значительную роль в устойчивости кратаона как модели политического устройства играли заимствованные из Индии религиозные системы: индуизм и буддизм. Они закрепляли общественное неравенство и обеспечивали социальные низы верой в более удачное рождение в следующей жизни. Строительство культовых объектов (Боробудура, Прамбанана) предполагало участие развитой администрации и рабочей силы и большие капиталовложения (на Яве началась чеканка монеты).

Е.М. Карлова
(Государственный музей Востока, Москва)
К вопросу о судьбах индийских ремесел

Возрождение многих индийских ремесел в XX в. часто означало их фактическое перерождение. Ремесла теряли традиционное назначение, материалы, стали выполняться не родовыми общинами, как это было всегда в Индии, а профессиональными ремесленниками, прошедшими обучение в государственных школах. К началу XX в. ситуация с традиционным ритуальным искусством в Индии была без преувеличения катастрофической. В то время как кустарное и ремесленное производство возрождалось силами британских и индийских энтузиастов, организовывались ремесленные училища и художественные студии, связанные с храмами художественные центры находились на грани вымирания. Параллельно рождению художественной жизни нового, европейского типа, где главную роль играет профессиональное обучение и индивидуальное творческое начало, многие виды традиционных ремесел, в том числе народная живопись, переживают упадок, некоторые из них и вовсе угасают.

Показательна история возрождения традиционной орисской живописи *пата-читра*, связанной с храмом Джаганнатха в Пури. К началу 1950-х гг. в связи с обеднением храма и общей социально-экономической ситуацией из сотен художников, некогда обслуживавших культ, работали не больше десятка. Дети отказывались учиться у своих родителей ремеслу, которое не приносило прибыли. Первые усилия по возрождению ремесел, предпринятые государством, совпали с приездом в Пури пары американских миссионеров – супружеской четы Зили. Проникшись «туземным» искусством, Зили приняли активное участие не только в формировании новых рынков сбыта и привлечении внимания общественности к *пата-читра*, они руководили непосредственно художественным процессом. В их письмах, статьях и дневниках подробно описан весь процесс взаимодействия с художниками и слож-

ности, с которыми Зили столкнулись при попытках внушить им свое, европейское видение проблемы. Результат этой кропотливой работы бросается в глаза – в настоящее время *ната-читра* есть в собраниях крупнейших мировых музеев, община художников насчитывает несколько сотен человек, многие из которых обрели признание и имеют государственные награды. Однако произошедшее не могло не отразиться на сути ремесла, изменилось все – от технологического процесса до иконографии. Вопрос, насколько оправданы эти изменения, остается открытым.

Е.Ю. Кнорозова
(БАН, СПб)

***Вьетнамские исторические сочинения
и китайская традиционная историография***

Значительное влияние на вьетнамские хроники оказали основные анналы (кит. бэнь цзи) китайских династийных историй, классическое произведение сунского историка Сыма Гуана «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» (Цзы чжи тун цзянь) и написанный Чжу Си на основе материалов этого сочинения труд «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее, в сжатом виде и с комментариями» (Цзы чжи тун цзянь ган му).

Одним из заметных жанров китайской историографии были историко-географические описания «фан чжи». Существовали они и во Вьетнаме (вьет. фьонг ти), составлялись как на государственном уровне, так и в частном порядке. Помимо сочинений, посвященных отдельным местностям, во Вьетнаме были сводные историко-географические описания государства, составленные по образцу цинских фундаментальных сочинений (и тун чжи, вьет. нят тхонг ти), например «Сводное описание Великого Юга» (Дай Нам нят тхонг ти).

Термин традиционной китайской историографии (и тун чжи, вьет. нят тхонг ти – сводное описание) использовался в названии одного из первых вьетнамских романов «Хоанг Ле нят тхонг ти». Употребляющийся русский перевод «Император Ле – объединитель страны» представляется проблематичным, возможен вариант «Сводное описание династии Ле». Другие названия этого сочинения «Ан нам нят тхонг ти» («Сводное описание Аннама»), «Нят тхонг ти» («Сводное описание»).

Ю.Г. Кокова
(ВФ СПбГУ)
Два автора – две Индии

Столкновение с чужой культурой, ее осмысление и попытки познакомить с ней соотечественников – все эти аспекты межкультурного взаимодействия находят свое отражение в истории востоковедения.

Пионером российской индологии принято считать Г.С. Лебедева, который впервые представил читающей России свое видение индийской культуры в книге «Беспристрастное созерцание систем восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев», опубликованной в 1805 г. Г.С. Лебедев провел в Индии 12 лет – с 1785 по 1797 гг. Приблизительно в то же самое время, в Индии проповедовал французский миссионер аббат Ж.А. Дюбуа, автор широко известного сочинения «Образ жизни, обычаи и обряды индусов», неоднократно переиздававшегося как на французском, так и в английском переводе. Первый рукописный вариант был передан представителю английской администрации в 1806 г. После долгих согласований, исправлений и добавлений, в 1816 г. увидел свет английский перевод.

Читая и сравнивая книги Лебедева и Дюбуа, близкие по тематике, времени создания и объекту описания (культура и быт Индии конца XVIII в.), нельзя не заметить существенное различие в подходе авторов к осмыслению индийской культуры.

Г.С. Лебедев позиционирует свое сочинение как лишенное малейшей субъективности описание индуистских обычаев и нравов («Беспристрастное созерцание»), избегая изложения от первого лица. У Ж.-А. Дюбуа, напротив, многие главы построены как проповеди, в которых он эмоционально поучает, осуждает, полемизирует. Отношение аббата к Индии и индийцам колеблется от заинтересованности и сочувствия до полного неприятия и осуждения. В «Беспристрастном созерцании» нет ни единого критического замечания в адрес коренного населения. Г.С. Лебедев представляет индийцев как народ, наделенный теми качествами, которые хотел бы видеть в своих подданных российский государь: это глубоко верующие, преданные семейным и социально-иерархическим ценностям трудолюбивые и честные люди. Русский путешественник не просто стремится найти точки соприкосновения двух культур, он предлагает читателю образ чужой страны, оперируя смыслами русской культуры. Это наиболее очевидно в главах, посвященных изложению религиозных воззрений индусов. Например, в главе «О Святой единосущной и нераздельной Троице» в качестве таковой рассматриваются Брахма, Кришна и Шива. Трудно сказать, является ли подобный способ трансляции чужой культуры следствием личного мировос-

приятия автора или выражением верноподданнических чувств (книга открывается посвящением Александру I. Очевидно, однако, что сочинение Лебедева пробуждало в читателе интерес и уважение к Индии и ее народу, хотя и мало способствовало проникновению в индийское мирозерцание.

Сочинение Ж.-А. Дюбуа безусловно лежит в русле «колониального востоковедения». Однако, аббат, честный и прозорливый наблюдатель, приходит к выводам, не потерявшим свое значение и сегодня. Так, описывая ужасающую нищету, в которой прозябают миллионы индийцев, он указывает в качестве ее причин и неконтролируемый прирост населения, и оскуденит почв (что отмечают и современные авторы, пишущие об экономике Индии), и разорение индийских ремесленников в результате экспорта английских товаров. Дюбуа нисколько не сомневается в том, что миссия европейцев состоит в улучшении и исправлении индийской действительности и ментальности, но предупреждает об опасности «цивилизаторского» подхода к традиционному обществу. Рассуждая об английской колониальной политике, он пишет, что попытка сломать систему традиционных ценностей может привести к самым негативным последствиям как для самого общества, так и для тех, кто стремится таким образом навязать другому народу, пусть даже с самыми благородными целями, европейский образ мыслей и поведения. Предостережение французского аббата не потеряло, по всей видимости, своей актуальности и в современном мире.

В.Н.Колотов
(ВФ СПбГУ)

Воспоминания российского офицера К.М.Станюковича о командировке в Кохинхину в 1863 г. как источник по французской стратегии колонизации Южного Вьетнама

В отечественной историографии имеется достаточно много интересных и качественных работ по французской колонизации Вьетнама. Достаточно вспомнить труды таких востоковедов, как А.А. Губер, О.В. Новакова, С.А. Мхитарян, П.Ю. Цветов и др., в которых освещается этот важный период истории Вьетнама. При этом хорошее впечатление оставляет внушительный список источников и литературы на французском и вьетнамском языках, использованных при подготовке этих исследований. Также следует отметить такую особенность, как отсутствие собственных российских источников, где затрагивалась бы указанная выше проблематика. Причины такого положения очевидны. В те времена у нашей страны не было значимых военно-политических интересов в данном регионе.

Однако это не значит, что таких источников не существует вообще. В этой связи особое место занимает изданный в 2007 г. сборник «Русские во Вьетнаме. Очерки и путевые заметки (XIX – начало XX вв.)», материалы для которого собрал и обработал известный отечественный востоковед А.А. Соколов.

По нашему мнению, в этом сборнике особого внимания заслуживает очерк К.М. Станюковича «Французы в Кохинхине» (с. 12–65), который провел в Кохинхине около месяца в январе–феврале 1863 г. и имел возможность непосредственно наблюдать с французской стороны как столичную жизнь в Сайгоне, так и проведение операций по умиротворению на региональном уровне. Образование, полученное автором в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, позволило ему многое понять в увиденном и сделать из этого правильные выводы о грядущем противостоянии между французами и вьетнамцами. Это особенно очевидно при сравнении его путевых заметок с воспоминаниями о Вьетнаме придворных представителей «высшего общества», которые после приемов и обедов с французами совершенно не замечали многих особенностей нового порядка и опасностей, которые из этого следуют.

В то время уже был подписан Сайгонский договор, по которому Франции отходили 3 из 6 провинций Кохинхины, где французские войска и проводили жесткие зачистки. Организованное сопротивление в целом было подавлено и, казалось, ничто не предвещало проблем с местным национально-освободительным движением, которое не имело современных технологий противостояния европейскому колониализму. Однако уже тогда, в 1863 г., русский офицер пророчески заметил: «Прекратится ли окончательно война и колония насладится миром и разовьется торговлей или снова аннамиты, ожесточенные притеснениями мэров-католиков и солдатизмом французских военачальников, произведут снова революцию» и дальше «много еще прольется и французской, и аннамской крови»¹.

Читая заметки морского офицера в наши дни и зная, как и чем закончилась колонизация Вьетнама, можно удивляться, как много удалось постигнуть К.М. Станюковичу за месяц нахождения в Кохинхине. В своем очерке он описывает и геополитическую подоплеку французского завоевания Кохинхины, отмечая, что это очень выгодная позиция в отношении влияния на британские владения в Китае, а также иронизирует над явно надуманными французскими предложениями вроде вынужденного вмешательства ради спасения притесняемых католических миссионе-

¹ Станюкович К.М. Французы в Кохинхине // Русские во Вьетнаме. Очерки и путевые заметки (XIX – начало XX вв.). / Сост. А.А. Соколов. М., 2007. С. 65.

ров. В своих записках К.М.Станюкович трезво и критически анализирует практику французской колониальной администрации, предвидя проблемы, к которым в недалеком будущем это может привести, в особенности в сфере развития «возмущения» «аннамитов», «которые умеют умирать», против иноземного господства. Особое внимание автор уделяет использованию религиозного фактора во французской стратегии умиротворения, когда пишет о «мэрах-католиках», религиозной дискриминации и жестокости завоевателей.

И.Ю.Котин
(МЭ РАН, ВФ СПбГУ)

Мео Мевата. История и историография

Меват – это историческая область, ныне входящая в состав дистрикта Гургаон (тахсили Нух, Ферозпур Джхирка) штата Хариана, дистриктов Альвар (тахсили Тиджара, Кишангарх, Альвар, Лаччхмангарх) и Бхаратпур (тахсили Диг, Каман, Нагар) штата Раджастан в Индии. Значительные группы, относящиеся к этно-кастовой группе мео проживают и в Центральной Индии (Гвалиор, Датия, Мальва), Уттар Прадеш (Барейли) и Пакистане. Но и они сохраняют связь со своей исторической родиной, которая по названию доминирующей группы населения известна как Меват – «страна мео». В то же время возможна этимология слова «Меват» от тюркско-персидского *«меват»* – «мертвые, необлагаемые налогом земли», что также соответствует действительности.

Мео – мусульмане-сунниты, однако они претендуют на раджпутское происхождение. Сами мео утверждают, что они – потомки героев древнеиндийского эпоса «Махабхарата» Курукшетра – предполагаемое место описанного в этой огромной поэме, нередко трактуемой как историко-мифологическое повествование, – *«итихаса»*, сражения Кауравов и Пандавов находится в штате Хариана недалеко от Мевата. Меват – один из древнейших освоенных человеком районов Северо-Западной Индии. Выдающийся исследователь истории Раджастана Дж. Тод помещает мео в число «аборигенных рас» в разделе «История раджпутских племен» своего капитального труда «Анналы и древности Раджастана». Англичане относили мео к числу «преступных племен» (Criminal tribes) и разместили в Мевате многочисленные полицейские участки. Не вызывает возражений у исследователей утверждение, что мео совершали в прошлом набеги на торговые караваны. Однако последние несколько столетий основным занятием мео является земледелие.

Мео сохранили сознание своей этнической, религиозной, сословной особенности. В 1947 г. они даже предприняли попытку создания неза-

висимого государства Меват. Последовавшие за этим столкновения с индусами привели к массовому бегству мео в Пакистан. Значительные миграции мео в Мальву (Мадхья Прадеш) и другие районы Индии отмечались и раньше. Тем не менее Меват признается исторической родиной всех мео. В связи с разделом Индии в 1947 г. и «нелояльностью» мео индусскими коммуналистами были предприняты кампании по обращению («возвращению») мео в индуизм («шуддхи»). Естественной реакцией мусульманских коммуналистов стала кампания по исламизации («таблиг») мео и отказу их от обычаев, связанных с индусской традицией.

***С.А. Маретина, Н.Г. Краснодембская
(МАЭ РАН (Кунсткамера))***

О значении трудов М.К. Кудрявцева в российской индологии

Михаил Константинович Кудрявцев (1911–1992) начал свой путь в индологии еще во время обучения на историческом факультете Ленинградского государственного университета, слушая лекции В.Е. Краснодембского (1907–1942) по географии и истории Индии, занимаясь с ним языком хиндустани. Почти с самого начала М.К. Кудрявцев определил свои главные интересы в области истории и этнографии региона и поступил в аспирантуру Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (на базе которого был создан Институт этнографии АН СССР). Здесь его научным руководителем (а впоследствии товарищем и другом) стал Д.А. Ольдерогге (1903–1987). Великая отечественная война вызвала перерыв в профессиональном труде М.К. Кудрявцева: он был призван в действующую армию и служил с первых дней войны и до победы, имел награды, в том числе орден «Красного Знамени».

После демобилизации он поступил на работу в Институт этнографии АН СССР, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, руководил индологическим направлением исследований в институте, сам вел большую научную и музейную работу. Совершил несколько поездок для полевой работы в Индию. Взрастил учеников. Осознанно служил сохранению лучших традиций отечественной индологии.

Главным направлением его индологической деятельности стало изучение традиционных социальных структур индийского общества. Объектами его исследований были род, племя, каста, община (религиозная и социальная), из этнических образований более всего – кашмирцы, пенджабцы, раджастханцы, жители собственно Хиндустана.

В течение нескольких послевоенных десятилетий М.К. Кудрявцев фактически был главным индологом-этнографом нашей страны, являлся не только авторитетом, но и своего рода «камертоном» в сфере индоло-

гических этнографических изысканий. Не увлекаясь новомодными течениями и теориями, в целом следуя в основном сравнительно-историческому и системному методам, более всего он исходил из факта, из реалий народного бытия.

К самым большим достижениям в его трудах можно отнести то, что он вернул в нашу науку само понятие общины, разрабатывая проблемы касты, кастовой системы, кастовой организации, деревенской общины. Ему удалось по-настоящему адекватно описать главные основы традиционной индийской социальной организации, наглядно объяснить взаимодействие общины и касты через механизм джаджмани (межкастовый обмен услугами). Он также способствовал развитию направления монографических этнических исследований в нашей науке и некоторым другим ее достижениям.

Б.Н. Мельниченко
(ВФ СПбГУ)

Почему удались реформы в Таиланде в конце XIX – начале XX вв. и почему они «буксуют» в иных условиях

При изучении истории Таиланда (Сиам) конца XIX – начала XX вв. основное внимание, как правило, уделяется вопросу о причинах сохранения Сиамом независимости. Одной из причин, несомненно, являлась внутренняя политика модернизации страны, проводимая последовательно в течение более шестидесяти лет (начиная с середины XIX в. и до второго десятилетия XX в.). Мы попытаемся указать некоторые условия, которые позволили королевскому правительству Сиам проводить модернизацию, внутренние реформы.

1. Сохранение (при всех ограничениях суверенитета в отдельных вопросах) независимости – окончательные решения по важнейшим вопросам принимались сиамцами в Бангкоке, а не в Лондоне, Париже, либо где-то еще.

2. Создание централизованного государства, появление абсолютной монархии в Сиаме.

3. В конкретных условиях того времени интересы подавляющего большинства сиамской элиты находились «внутри» Сиам, а не «вне» его.

4. Сиамские реформаторы, как правило, имели ясное понимание того, что нужно делать, какую внутреннюю (и внешнюю) политику проводить.

При отсутствии каких-либо из перечисленных выше условий реформы «буксуют».

О.Н. Меренкова
(МАЭ РАН (Кунсткамера))
История бангладешской общины в Великобритании

«Британскими бангладешцами» (British Bangladeshi) в Великобритании называют тех, кто сам иммигрировал в эту страну, или их потомков¹. Специфика ситуации, однако, такова, что восточные бенгальцы, приехавшие в Англию из единого государства Пакистан, идентифицировали себя позднее как «бангладешцы». История миграции из Бенгалии в Великобританию насчитывает не менее двух веков, в то время как история независимого государства Бангладеш не превышает 45 лет. История иммиграции из Бангладеш в Англию может быть условно поделена на несколько периодов. Известно, что бенгальцы, и силхетцы в частности, служили в британском торговом флоте еще в XIX в. В начале XX в. их насчитывалось уже несколько десятков тысяч. В начале XX в. в Англии проживали уже более 50 тыс. жителей «южно-азиатского происхождения», большинство которых составляли бенгальцы.

Первые бенгальцы, поселившиеся в Великобритании, происходили из сельских семей со средним достатком. К миграции их привлекла, прежде всего, возможность заработать и отослать эти деньги домой. Эти деньги первые иммигранты вкладывали в покупку земли на родине².

В 1940-е гг. в восточной части Лондона проживало уже примерно 400 выходцев из Восточной Бенгалии (позднее – Бангладеш). Переселение рабочих, студентов, предпринимателей из Южной Азии в Великобританию и формирование там новых этнических и конфессиональных меньшинств явилось значимым событием послевоенной истории.

Период с 1948 г. по 1961 г. характеризуется оформлением цепей миграции из Индии и Пакистана в Великобританию. Эта волна миграции в тот период еще не регулировалась британскими властями, ибо она осуществлялась в рамках старых колониальных связей между странами Британского Содружества и бывшей метрополией. В 1950–60-е гг. среди прочих бангладешских иммигрантов в Великобританию прибывали многие тысячи силхетцев. По примеру первых переселенцев их близкие, родственники и знакомые прибывали в Англию в поисках работы, на учебу или к своим родным (жены, сыновья и дочери прибывали к отцам).

¹ British Bangladeshi – общее название иммигрантов восточно-бенгальского, а позднее бангладешского происхождения, который указывается в большинстве работ западных авторов. Существует также термин «британские бенгальцы» (British Bengali), который чаще используется авторами-индусами.

² Ibid. P. 147.

Огромное количество переселенцев иммигрировало из Силхета в Великобританию в 1971 г. Восточная Бенгалия (после 1971 г. – Бангладеш) была охвачена войной за независимость, в целом ситуация в регионе была крайне нестабильная и люди искали альтернативные возможности для мирного существования.

В 1970-х гг. в Великобританию прибыла новая волна иммигрантов из Бангладеш, несмотря на то что в Англии был принят ряд ограниченный относительно трудовой деятельности для иммигрантов. К середине 1980-х гг. в Англии насчитывалось уже 100.000 «британских бангладешцев»¹.

С конца 1980-х гг. южноазиатская община Великобритании растет преимущественно за счет тех, кто был рожден в этой стране от родителей индийцев, пакистанцев и бангладешцев. По данным британской переписи 2001 г. всего в Англии проживало около 283 тыс. бангладешцев. На 2006 г. уже известно, что в Великобритании только по предварительным оценкам проживает более 500 тыс. бангладешцев.

С.Э. Овчинникова
(ВФ СПбГУ)

***Экономические предпосылки создания проекта
«Великой Восточно-Азиатской сферы процветания»:
интересы Японии в странах Юго-Восточной Азии***

«ВВАСС» – проект, избранный на роль основной внешнеполитической концепции Японии в период конца 1930-х – 1940 гг., направленный на создание регионального объединения в Восточной Азии при активном участии и под руководством Японской империи. Началом реализации данного проекта можно считать объявление в 1938 г. «нового порядка» в Восточной Азии.

Именно соображения экономики играли наиболее значительную роль при формировании проекта «ВВАСС». Первой и главной предпосылкой стоит считать крайнюю зависимость японской промышленности от импорта сырья. С ростом тяжелой промышленности, необходимой для наращивания военного потенциала страны, импорт таких жизненно важных продуктов, как уголь, нефть и железная руда, также значительно. При этом страны Восточной и Юго-Восточной Азии являлись важными источниками сырья. Однако поскольку значительная их часть находилась в той или иной мере в зависимости от стран Европы или США,

¹Gardner K., Shukur A. I'm Bengali, I'm Asian, and I'm living here. The changing identity of British Bengalis // R. Ballard (ed.), *Desh Pradesh. The South Asian Presence in Britain*, London: Hurst and Company, 1995. P.150

в условиях надвигающегося мирового конфликта Япония не могла позволить себе не обезопасить свои интересы в регионе.

Помимо этого, Япония в значительной мере зависела и от экспорта промышленной продукции, и поскольку ее основными партнерами были, в том числе, США и Британская империя, являвшиеся потенциальными противниками в войне, назрела необходимость в поиске альтернативных рынков сбыта, помимо Китая и Манчжоу-го, которые, к тому же, были бы подконтрольны японской стороне.

Кроме этого, определенную роль сыграл и тот факт, что на территории некоторых из стран ЮВА (например Филиппин) существовала японская диаспора, сохранившая тесные связи с метрополией. Более того, в отличие от японских общин в США или на Гавайях, в состав, в частности, японской диаспоры на Филиппинах входили не столько наемные работники, сколько предприниматели и мелкие и средние землевладельцы, что придавало этой группе определенный экономический вес и значимость.

Таким образом, создание концепции, подобной проекту «ВВАСС», было предопределено объективными экономическими факторами, рассмотреть которые небезынтересно и в сравнении с нынешней экономической и внешнеполитической ситуации в АТР.

Е.С. Орно

(Администрация СПб; ВФ СПбГУ)

Рама IV Монгкут: Четыре этапа на пути к трону

На протяжении XIX столетия большинство стран Южной и Юго-Восточной Азии постепенно переходят под управление крупнейших западных индустриальных держав. Британская империя, Франция, Голландия, Германия проводят активную колониальную политику. В середине XIX в. Сиам был поставлен перед вынужденным выбором: либо стать объектом агрессии европейских держав и быть втянутым в ожесточенную борьбу за сохранение суверенитета, либо искать новые пути, которые смогли бы спасти страну и вывести ее на новый уровень.

3 апреля 1851 г. на трон Сиама взошел Монгкут, Рама IV (18.10.1804–15.10.1868), которому было суждено сыграть особую роль в истории своей страны. Именно Монгкуту больше чем кому-либо другому Сиам обязан сохранением своей независимости. Монгкут был сыном Рамы II и королевы Сурийендры. После смерти отца он ушел в монастырь на 27 лет. Странствующий принц-монах обошел много городов и поселений Сиама, что позволило ему увидеть подлинную картину жизни, совершенно отличную от той, которая протекала в стенах Королевского дворца. В монастыре Монгкут в совершенстве овладел пали, сан-

скритом, лаосским, вьетнамским, монским, бирманским, малайским и хинди, осваивал науки, астрономию, астрологию, географию, математику. С помощью европейских миссионеров изучил латынь и английский, черпал от них информацию о экономическом и политическом устройстве зарубежных стран, технических новшествах Запада. В 1833 г. основал элитарную буддийскую секту «Тхаммаютика никайя».

Исторические реалии времени правления Монгкута позволили ему сделать лишь первые шаги на пути к модернизации Сиам. Он вззошел на трон, когда страна особенно нуждалась именно в таком монархе, просвещенном, мудром, познавшим изнутри жизнь своего народа. Он наметил основные этапы преобразований в социальной, духовной и политической жизни, подготовил почву для реформ, которые с успехом провел в жизнь уже его сын Рама V Чулалонкорн.

А.И. Пылева
(ВФ СПбГУ)

***К истории французско-сиамских отношений:
Королевство Сиам (Таиланд) глазами французских миссионеров,
ученых и путешественников первой половины XIX в.***

В первой половине XIX в. во Франции возрождается интерес к Сиаму. С 1816 по 1868 гг. в Сиаме побывало немало французских миссионеров и путешественников. Они передавали свои впечатления о стране в деловой и личной переписке, в путевых заметках и публицистических эссе для периодических изданий, а также в отдельных трудах. Следует особо отметить письма епископа Капского (Bruguière); «Описание Сиамского Королевства» епископа Jean-Baptiste Pallegoix; исследование Léon de Rosny «О сиамском языке и сиамской письменности», а также его описание Сиам в «Nouvelles Annales des Voyages»; заметки Alexandre-Henri Mouhot о путешествии по Сиаму и другим странам Индокитая. С течением времени образ Сиам у французских авторов менялся, но манера отображения реалий страны сохраняла ряд общих черт.

Во французских описаниях того времени Сиам предстал многоликим. Символом экзотики и всего необычного в глазах французов был Бангкок. Bruguière называл столицу Сиам «Индийской Венецией», а Pallegoix восхищался золочеными крышами храмов и пагод, утверждая, что в Сиаме золото примерно в той же цене, что железо или олово во Франции.

Описывая внешний облик тайцев, объясняя происхождение нации, французские исследователи дают весьма подробные, хотя и самые разнообразные сведения. В описаниях национального характера тайцев

можно найти противоречивые эпитеты – «лицемерный» и «доброжелательный», «одухотворенный» и «сибарит»; многие авторы отмечают их природную склонность к изящному, врожденный эстетический вкус, нашедший свое отражение в тайском народном творчестве.

Французские авторы описывали устройство сиамского общества, семейные традиции, вопрос о рабовладении (Pallegoix, Lavollée, Gréhan подчеркивают, что к рабам сиамцы относятся гораздо лучше, чем многие европейцы к домашней прислуге); нравы и манеры тайцев, их традиционные занятия и повседневный быт, ремесла и тайскую кухню.

Французские миссионеры вели споры о сущности тайских верований, о влиянии на них брахманизма; давали оценки тайским священнослужителям. Веротерпимость, культы (похоронный обряд и др.) и образ жизни тайцев в контексте буддийского мировоззрения также занимали французских авторов.

Политические перемены в стране в преддверии масштабных реформ, постепенная европеизация двора и армии, развитие морских путей и связей с европейскими и азиатскими странами – все эти явления становились сюжетами новых описаний. «К середине столетия в Сиаме решительно все пришло в движение» (Pallegoix).

Предпринимая попытки охарактеризовать перспективы развития сиамского общества, французские авторы основывались на мнении о спокойствии тайцев и их природной склонности к простоте; при этом они не отрицали, что развитию Сиама мешают нищета и общая неграмотность населения.

Анализируя образ Сиама, созданный французскими авторами первой половины XIX в., важно учитывать разнообразие их мнений, смешение попыток отразить объективную реальность с личным взглядом на вещи, ориентацию авторов на ту или иную аудиторию, профессиональные мотивации, род и специфику занятий французских писавших о Сиаме.

Е.С. Соболева
(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Новые материалы для изучения индуистской культуры Гоа

Памятники португальского периода в Гоа, образцы военной, светской и религиозной архитектуры неплохо изучены и музеефицированы. Богатство и роскошь католических церквей породили эпитет «Гоа – второй Рим». Гораздо меньше известно о собственно индийских памятниках. По заказу Департамента информации и вещания Правительства Индии проведено исследование индуистских храмов в штате Гоа. Книга

Камлы Манкекар «Культура и религиозные традиции в храмах Гоа» вышла в свет в 2004 г. на английском языке¹.

Ранние постройки были разрушены мусульманскими и португальскими завоевателями. В Гоа имеется более тридцати важных индуистских святилищ, расположенных в горах, на берегах рек и искусственных водоемов, в окружении зеленых лесов и рощ. Они являются центрами паломничества, общественной и художественной жизни. Главные индуистские храмовые комплексы в Гоа возведены в XVI–XVIII вв. Туда бежавшие от португальской Инквизиции гоанцы переместили наиболее почитаемые фигуры божеств. Постройки и декор помещений демонстрируют влияние мусульманской (конструкция купола, деревянные колонны) и христианской (членение внутреннего пространства, форма окон, крытый вход, арки, особое освещение, настенные изображения в технике сграффито) архитектуры.

Автор разъясняет особенности этнокастовой и религиозной ситуации в Гоа, подчеркивает роль брахманов по руководству местными племенными культами, указывает на высокую духовность святилищ, дает описание процедуры пуджи, раскрывает роль классической музыки в гоанских храмах. Так, место для храма Шантадурга было найдено в Кавале в землях махаров; они освободили участок и за это получили право входить в храм в праздники. Признавая широкое распространение католической веры, К. Манкекар отмечает, что брахманы, чтобы не лишиться собственности, формально обращали одного из сыновей в католичество, так что через семью те не теряли связи с индуизмом.

Подробно описаны храмы, посвященные Шри Шантадурге в Кавалеме (год основания – 1713), Дэви Махалсе в Мардоле (1567), Шри Мангешу в Прийоле (XVIII в.), Шри Махадеву в Сурла (XIII в.), Деваки-Кришне в Брахмапури, Калика Дэви в Кансарпале, Саптакотешвару в Нае Нароа, Малликарджуне в Канаконе (XVIII в.), Веталу в Амона. Главными божествами в Гоа, по мнению К. Манкекар, являются Дэви и Шанкар, а их храмы – символы величия, очарования, мира, многих веков духовных практик.

*А.А. Соколов
(ИБ РАН, Москва)*

Русская колония в Кохинхине, 1920–1940-е гг.

В первые десятилетия XX в. в Кохинхине, южной части Вьетнама, начала формироваться русская колония, которая состояла из военных и гражданских лиц. Сюда они приезжали, главным образом, из Китая и

¹ Mankekar K. Culture and Religious Traditions in Temples of Goa. New Delhi, 2004.

Франции – основных центров русской эмиграции. В различных французских компаниях и на предприятиях трудились русские инженеры, бывшие морские офицеры, солдаты, казаки. Это – В. Кандауров, А. Остроумов, С. Всевожский, Ф. Григорьев, И. Буланин и др.

Ответственные посты в известных научно-исследовательских центрах, таких как Институт Пастера (Сайгон) и Океанографический институт (Нячанг), занимали русские ученые и врачи К. Туманов, В. Юревич, К. Давыдов и др. Результаты их практической работы были признаны мировым научным сообществом.

А.В. Филочкина
(ВФ СПбГУ)

Типология древнеиндийского эпоса: основные «женские» мотивы

В результате анализа основных эпических мотивов можно обнаружить общие типологические черты разнородных по своему содержанию и форме эпических памятников. По В.М. Жирмунскому, многие темы, мотивы и сюжеты имеют международный характер не в генетическом, а типологическом смысле. Представляется эффективным использование мотивного анализа древнеиндийского эпоса («Махабхарата» и «Рамаяна») и эпосов мира («Эдда», «Песнь о Нибелунгах», «Калевала», «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде», «Одиссея», «Манас», «Книга моего деда Коркута», «Алпамыш», южнославянский народный эпос, русские былины и др.). Он демонстрирует сходство мировых эпосов с точки зрения раскрытия основных «женских» мотивов – чудесного или божественного рождения героини, вступления ее в брак и похищения или оскорбления жены героя.

Мотив чудесного рождения героини не имеет настолько важного мифологического и религиозного значения нигде, как в индийском эпосе. Он связан с религиозными представлениями древней Индии или с архаическим земледельческим культом.

Тема брачных состязаний женихов или жениха с невестой-богатыркой (в рамках мотива героического сватовства) отсутствует в индийском эпосе. Это связано с представлением о роли женщины в обществе и семье. Эпосы мира обнаруживают как сходные формы брака (похищение, выкуп невесты), так и совершенно уникальные, свойственные той или иной народности. Главные героини древнеиндийского эпоса вступают в брак на *сваямваре* (состязании женихов), что говорит об их особой роли в повествовании.

Мотив похищения героини – ведущий мотив архаической эпики, как считает П.А. Гринцер. Похищение жены героя является «отправным пунктом» его подвигов: поиска жены, борьбы с похитителем (чаще –

змеем) и возвращения домой. Именно в индийском эпосе как вариант мотива похищения выступает оскорбление жены героя его противником. В индийском эпосе отсутствует ярко выраженный мотив жены-изменницы.

Сопоставление художественных средств эпосов обнаруживает ряд постоянных эпитетов, являющихся базовыми для создания женского образа в любом эпосе, а также широкую их синонимию. Особое место занимают оценочные эпитеты: *идеальная, мудрая, добродетельная и преданная супругу*. Индийский эпос, в котором сильно влияние религиозных воззрений индуизма, содержит уникальные эпитеты: *верная дхарме, знающая дхарму, благочестивая, праведная, наделенная подвигами пылом, великой долей*.

Так, сравнительно-типологический анализ эпических памятников мира выявляет сходные черты у эпосов различных народов, что говорит об определенной закономерности формирования эпоса в целом. Уникальность индийского народа и его истории обусловила особенности эпоса Древней Индии, который демонстрирует тесную связь с мифом и ритуалом.

Л.А. Черешнева
(Липецкий ГПУ)

«Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power 1942–1947» как источник по истории раздела колониальной Индии

Проблема независимости и раздела колониальной Индии является одной из актуальных в новейшей истории. Официальное 12-томное издание «Конституционные отношения Британии и Индии. Передача власти» (под общей редакцией профессора Н. Мэнсерга)¹ позволяет пролить свет на малоизученные ее стороны. Публикация рассекреченных документов стала итогом совместных усилий бывшего Министерства по делам Индии и Бирмы в Лондоне и Кэмбриджского университета.

В 1–2 томах содержатся документы о политике колониальных властей в Индии в 1942 г. и развитии освободительного движения, в том числе: переписка вице-короля лорда Линлитгоу с министром по делам Индии и Бирмы Л.С. Эмери, протоколы заседаний военного кабинета, доклады губернаторов провинций. Интерес представляют материалы об «Августовской революции» 1942 г.: разработка властями плана удара по

¹ Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power (1942–7) [Text]. In 12 vols. / Ed by N. Mansergh. London, Oxford: His Majesty's Stationery Office, 1970–1983.

Индийскому национальному конгрессу, начало репрессий в связи с развернувшимся антибританским движением, подавление «революции». Тома 3–5 содержат материалы о колониальной политике империи в Индии в 1943–1945 гг., в том числе переписку Ганди с вице-королями Линлитгоу и Уэйвеллом, информацию об усилиях либерала Тедж Бахадур Сапру и конгрессиста Чакраварти Раджагопалачарии по выработке новой конституции. Во всех вышеназванных томах есть разделы, посвященные взаимоотношениям Великобритании с союзниками – США и Китаем. Переписка американского и китайского президентов с У. Черчиллем и Линлитгоу, телеграммы послов и другие материалы подводят нас к выводу, что позиция невмешательства великих держав послужила залогом успеха англичан при подавлении народного движения в сентябре 1942 г. и настроила многих широко мыслящих индийских политиков на мысль о необходимости соотносить общечеловеческие задачи и националистические интересы на крутых поворотах всемирной истории.

Тома 6–8 посвящены «индийским» инициативам лейбористского кабинета К. Эттли. Межпартийная 1945 г. конференция в Симле, «Миссия кабинета» 1946 г. и обострение индусско-мусульманских противоречий нашли отражение в этих томах. 9–12 тома содержат документы о вице-королевстве Маунтбэттена, о его переговорах с политическими акторами страны. 11 и 12 тома включают в себя тексты «Закона о независимости Индии» с приложениями, «Решений» Демаркационной комиссии С. Рэдклиффа, описание демаркации границ в Панджабе и Бенгалии. Указанное документальное издание – наряду с прочими британскими, индийскими и пакистанскими источниками – позволяет переосмыслить мифологемы, существующие вокруг истории раздела Индии, наиболее точно реконструировать и проанализировать причины, ход и последствия «1947 г».

B.N. Melnichenko
(FAAS SPbSU)

Studies of History and Ethnography of Thailand in St.Petersburg (Leningrad) in the middle of the 20th – early 21st CC.

In 1961 the sub-faculty of Chinese philology of the Oriental Faculty of St.Petersburg (The Leningrad) University opened the Department of Thai philology for the first time. The next year the sub-faculty of History of Countries of the Far East enlisted four students to the Department of Thai History. Within the past 50 years the Oriental Faculty has enrolled students for the studies of Thailand in 12 groups. Most of them after graduating from the University turned to doing diplomatic work, teaching or research.

E. V. Ivanova, a leading researcher of the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS named after Peter the Great (Kunstkamera), due to her successful researches in Thai studies of over half a century has become a major specialist on the ethnography of Thailand. Her merits as a scientist have been recognized in the scientific circles of both Thailand proper and the whole world. She is the author of more than 90 publications on material and spiritual culture, community traditions, Thai mentality, Thai etiquette, as well as some other important issues of Thai ethnography. In 1970 her book «The Thais of Siam» was published. In 1996 came out the fundamental monograph by E.V. Ivanova «Essays on the Cultures of Thais in Thailand». The letter of the Ambassador of Thailand to Russia Ms. Suchitra Hiranpruesk is published which expressing complete satisfaction with the quality of the research. E.V. Ivanova is also the author of the monographs «Clothes and Ornaments of the Peoples of South-East Asia», «Etiquette of the Peoples of South-East Asia», «Calendar Customs and Rites of the Peoples of South-East Asia» and some others (in co-authorship). Due to the works of E.V. Ivanova the richest collections of the Museum of Anthropology and Ethnography have been opened to the reader.

Y.M.Osipov (1931–2003), professor of the Oriental Faculty has rightfully taken his place in the studies of the Orient of our country as a talented, many-sided scholar in languages, literature and culture of Thailand, Laos and Burma. The first in Russia «Concise Thai-Russian Dictionary» by Y.M.Osipov came out in 1964. Y.M.Osipov published four chapters about Thai literature in volumes 4–7 of «The History of the World Literature». Thai fairy-tales and stories by modern Thai writers were translated and published by him. Osipov's monograph «Literatures of Indo-China (Burma, Campuchea, Laos, Thailand). Problems of Zone Community» was published in 1980. All in all Y.M.Osipov published about 150 works, 6 of them are monographs and 10 – foreign publications.

B.N.Melnichenko, professor of the Oriental Faculty, had graduated from this Faculty and the History Faculty of Peking University. He gives the courses of study in the history, geography, ethnography of Thailand, the state system and political structure of that country, on historiography of Thailand, gives some special courses. In 1976 his book «Socio-economic and Administrative Reforms in Thailand (Siam) at the End of the 19th – Early 20th cc.» came out. B.N.Melnichenko published some chapters on Thai history in the text-books «The History of Foreign Countries of Asia and Africa in the Middle Ages» and «Modern History of Foreign Countries of Asia and Africa». In 1996 his monograph «Buddhism and the Royal Power (Buddhism in the History of the State of Siam of the 13th – early 20th cc.)» was published. Mention should be made of the small book «King Chulalongkorn in Russia. 1897» (in

co-authorship with S.E.Trifonov) and the chapter «Russia and Thailand» in the monograph written by a group of authors «Russia and the East» (2000; 2nd edition, 2002). B.N.Melnichenko's article about Buddhism in Thailand was published in the USA.

V.I.Gokhman was researcher of the history of Thai languages. In his book «Historical Phonetics of Thai Languages» published in 1992 he undertook the reconstruction of old Thai and presented his own classification of Thai languages. In 1993 the work was successfully defended as a thesis for a Doctor's degree.

In 1997 O.P.Deshpande published her fundamental innovatory work «Siamese art in the 14th – 19th cc.», based mainly on the research of a great collection of the art of Thailand in the State Hermitage.

S.E.Trifonov worked for a long time in Laos as an interpreter of the Embassy of the USSR. Since 1986 he has been working as senior lecturer at the Oriental Faculty. S.E.Trifonov has been conducting lessons in the Thai languages at all levels. S.E.Trifonov's book «King Chulalongkorn in Russia» (in co-authorship with B.N.Melnichenko) was published in 2010 as a second edition. S.E.Trifonov's article about documents and materials of the archives of Russia and Thailand (in co-authorship with B.N.Melnichenko) was published in Japan.

Scientific works about Thai speaking peoples outside Thailand were published by the notable scholars-ethnographers A.M.Reshetow and A.I.Mukhlinov. Reshetow published some works about bui, dong, shui, mu-lao and maonan and on clothing and dwellings of the Thai speaking peoples. The research «The Social Organization of the Thai Peoples of Vietnam» belongs to A.M.Mukhlinov.

Thus, by the present time, the study of Thailand had a semi-centennial tradition of the scientific research and teaching of the Thai language, history, ethnography, literature, culture, art, economy, modern political life and other aspects of the life of the Thai society and state. The State Hermitage and the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS possess great collections of exhibits of culture and mode of life of the peoples of Thailand, in particular, they keep the presents which were received by Nicolas II during his visit to Siam in 1891. Abundant materials connected with Russian-Siamese relations are kept in the archives of St.Petersburg.

Patit Paban Mishra
(Sambalpur University, Orissa, India)
***A discourse on historiography of India and Southeast Asian Relations:
Past and Present***

Beginning from prehistoric times, Indian culture flowed to Southeast Asia in gush and sometimes in tickles until the western hegemony was established in both the regions. India's relations with Southeast Asian countries passed through many vicissitudes. A region of ethnic, cultural, linguistic, historical and physical mosaic; external influences like Indian, Chinese, Islamic and European civilizations have left deep imprints on the indigenous culture of Southeast Asian countries. Although it has received transfusion of these cultures adding nuances and shades of meaning through centuries, the region has not lost its idiom. The data from India and Southeast Asia is inseparably linked and a comprehensive study of one is meaningless without a thorough knowledge of the other.

The material and cultural base of autochthonous societies of Southeast Asia was already developed at the time of contact with external forces. On this base was raised a superstructure, the materials of which was largely contributed by the Indians. An interaction between local and external cultures went on. A rapport was established and as acculturation proceeded, elements of Indian culture were absorbed. In course of time, its origin was forgotten. Some of the indigenous beliefs were in harmony with Indian traditions like worship of mountains, rivers and serpents. In fact, the pre-Aryan India and Southeast Asia shared many cultural traits that were similar. Many facets of life in India and Southeast Asia looked alike. They are intertwined to such a degree that sometimes it becomes difficult to differentiate between them.

Along with the western scholars, the Indian historians have done commendable work on Indian cultural influence upon distant regions of Southeast Asia. The present article makes an endeavour to analyze the trends in writings of Indian historians in twentieth century. Glorification of India's past dominated the Indian historical writing of nationalist historians and they saw Southeast Asian culture as the gift of India. This trend even spilled over in post independence phase for quite a sometime. Even now days, one finds in vernacular literature, folklores, and political and cultural meetings India establishing colonies in Southeast Asia. Only in the last two/three decades, Indian historians have taken a fresh approach to the subject and a subtle change is visible in their approach. This has helped in postulating the historiography of India and Southeast Asian Relations in proper perspective.

СЕКЦИЯ 7.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CHINA

Е.С. Баженова
(ИДВ РАН, Москва)

Источники данных о населении Китая: взгляд через столетия

Расчеты численности населения мира в целом и отдельных его регионов и стран с древних времен и до второй половины XIX в. являются ориентировочными. Они основаны на косвенных источниках, сопоставлениях и демографическом моделировании. Как правило, прямых сведений о населении оказывается чрезвычайно мало. Они преимущественно черпались из трудов историков, летописцев, из литературных памятников и носили иногда отрывочный, противоречивый характер. Чаще всего это были оценки, отражавшие уровень знаний той эпохи в целом. Причем многие показатели, например численность населения, определялись косвенным путем. Учет населения, проводившийся в древности в отдельных странах, был неполным, так как охватывал не все категории населения.

Однако данное положение нельзя полностью применить к Китаю, где в отдельные исторические периоды, в частности в эпоху династий Хань и Тан, проводились переписи населения в масштабах всей страны. Наличие такого механизма учета населения, как перепись, было необходимо китайским императорам для определения размера и порядка налогообложения, отбывания трудовой и воинской повинности и оценки произведенного в стране продукта. На наш взгляд, можно вполне согласиться с мнением Н. Бичурина¹ и Х. Биленштейна² о том, что уже в древнем Китае постоянно проводились поголовные переписи населения, результаты которых должны были подтвердить или в какой-то степени скорректировать результаты постоянного учета и регистрации населения страны. Однако следует отметить, что для их проведения не было отведено определенного времени и они проходили только в спокойные годы в стране, когда не было внешних войн и внутренних беспорядков.

¹ Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М., 2002. С. 77–78.

² Bielenstein Hans. The Census of China during the Period of 2–742 A.D. // The Museum of Far Eastern Antiquities (Ostasiatiska Samplugarna). Bulletin № 19. Stockholm, 1947. P. 125–163.

*Р.М. Валеев, Р.Г.Федорченко
(ИБ КФУ, Казань)*

*Китаеведение в Казанском университете в первой половине XIX в.:
истоки и развитие*

Востоковедение составляет особую главу истории науки в Казанском университете первой половины XIX в. В отличие от первых двух десятилетий существования университета, вторая четверть XIX столетия стала временем взлета казанской ориенталистики. Это была пора организации новых кафедр, расцвета деятельности ярких, неповторимых ученых, сбора во время далеких экспедиций экспонатов, книг и рукописей, ставших основой уникальных музейных собраний и библиотек. Преподавание восточных языков, изучение культуры и истории восточных народов в Казанском университете увенчались замечательными результатами.

Уставом университета 1835 г. был организован структурно-самостоятельный Восточный разряд словесного отделения, который входил в состав Философского факультета. Создание в университете первой в России кафедры китайского языка – стало событием, которое, безусловно, имело огромное значение для развития российского университетского китаеведения.

В Казанском университете в первой половине XIX в. существовал Восточный разряд, состоящий из шести кафедр: арабо-персидской, турецко-татарской, монгольской, китайской (после 1844 г. переименована в китайско-маньчжурскую), санскритской и армянской. На Восточном разряде была подготовлена целая плеяда выдающихся отечественных востоковедов. Профессора Казанского университета положили начало научному монголоведению и явились достойными преемниками отца русской китаистики Н.Я. Бичурина. В Казанском университете сформировались и развивались монголоведение, калмыковедение, синология, маньчжуроведение и санскритология. Ученые университета – О.М.Ковалевский (1800–1878), А.В.Попов (1808–1865), Даниил Сивиллов (1798–1871), И.П.Войцеховский (1793–1850), В.П.Боллензен (родился ок. 1813 г.) и др. внесли существенный вклад в развитие российского востоковедения.

Основные направления исследований по истории, этнографии, языку, литературе, географии Китая определялись практическими интересами России и научными целями и интересами казанских востоковедов. Формирование университетского китаеведения, маньчжуроведения и тибетологии в Казани до 1855 г. тесно связано с членами Российской духовной миссии в Пекине – Даниилом Сивилловым (Пекин, 1821–1830), И.П. Войцеховским (Пекин, 1819–1831) и воспитанником вос-

точного разряда, также участником миссии в 1839–1850 гг. В.П. Васильевым.

1 мая 1837 г. в Казанском университете была открыта специальная кафедра китайского языка и словесности.¹ Этим было положено начало систематическому изучению китайского языка, культуры и истории Китая. Архимандрит Даниил (Сивиллов) стал первым в России профессором китайской словесности. В Казанском университете Сивиллов преподавал историю Китая по собственным запискам и китайским книгам, китайский язык и литературу. Сивиллов помимо преподавания также перевел с китайского языка ряд китайских исторических, философских и религиозных сочинений, составил несколько пособий.

Главной заслугой преемника Сивиллова Войцеховского является введение преподавания в Казанском университете маньчжурского языка. Он был первым в России профессором-маньчжуристом. История Китая и китайская литература Войцеховским излагались в основном «по собственному конспекту», утвержденному в 1844 г. Советом факультета². Кроме этого в Казани Войцеховский закончил составление первого в России «Китайско-маньчжурско-русского словаря», который представлял огромную ценность для русской маньчжуристики³. Далее развитие китаеведения в Казанском университете тесно связано с именем выдающегося ученого-синолога В.П. Васильева, который вернулся из Китая в декабре 1850 г., пробыв там десять лет.

Одновременно с открытием в 1837 г. в Казанском университете кафедры китайского языка Советом университета было принято решение о создании кафедры тибетского языка. Тибетология как наука еще фактически отсутствовала в России и в Европе. Поэтому В.П. Васильев – воспитанник Казанского университета – в 1840 г. был отправлен в Китай в составе XII духовной миссии для изучения тибетского языка. За время проведенное в Пекине В.П. Васильев сумел в совершенстве овладеть монгольским, тибетским, китайским и маньчжурским языками и их диалектами, а также приобрести глубокие познания в санскрите. Он был единственным ученым в мире знавшим почти все языки народов Центральной Азии, Китая и Тибета. Кроме этого, Васильев собрал огромный материал по географии, истории, литературе, религии, и языкознанию Китая и других стран Азии. Для библиотеки Казанского универ-

¹ См.: НАРТ ф. 977, арх. 8112, л. 1.

² См.: НАРТ ф. 9 2, арх. 5570, л. 10.

³ См.: К. Фойгт. Обзорная хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 г. Казань, 1852. С. 24.

ситета Васильевым было приобретено в Пекине ценное собрание восточных книг, рукописей и ксилографов.

Научная и педагогическая деятельность Васильева в Казанском университете продолжалась недолго – четыре с половиной года (1851–1855). Однако за этот короткий отрезок времени он успел опубликовать несколько оригинальных работ и сообщений по Китаю, а главное создать ряд учебных пособий по китайскому и маньчжурскому языкам, разработать курсы лекций по истории Китая и китайско-маньчжурской литературе и подготовить к печати часть материала о буддизме.

Указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском Императорском университете» (октябрь 1854 г.) ознаменовали собой новую правительственную политику по созданию ведущего центра востоковедения в Петербурге. В 1855 г. восточный разряд был закрыт и переведен со всем личным профессорско-преподавательским составом и некоторыми студентами, библиотекой и частью нумизматического кабинета в Петербург.

Кафедра китайской словесности Казанского университета просуществовала всего 18 лет. Тем не менее открытие первой кафедры китайского языка было большим событием для всей русской науки. Оно ознаменовало перенесение центра по изучению Китая из отдельных школ в университетские условия, что сыграло огромную роль для формирования университетского китаеведения в России в XIX в.

Т.И. Виноградова
(БАН, СПб)

Тип книжного переплета и книжная иллюстрация в Китае

Основные типы китайской книжной иллюстрации сложились в то время, когда книга имела форму свитка. Фронтисписы (*фэй хуа*) встречаются в изданиях сутр, найденных в Дуньхуане. Более распространены полностью иллюстрированные книги *цюань сян*. Вставка (*ча ту*) встречается во всех типах текстов. На одной странице помещался и текст, и картинка. *Ча ту*, характерные для книг-кодексов, позднее стали основным типом картинки в книге, в современном языке так называют любую иллюстрацию.

Идея замены книги-свитка связана с поисками более удобной в обращении книги, в которой можно быстро найти нужное место. Так появились «складные книги» *чжэ (цзы)бэнь*, они же *сюаньфэньэ* (вихревые страницы), книги-гармоники. На первом этапе гармоника готовилась так же, как свиток: листы бумаги склеивались по горизонтали в длин-

ную полосу, которая не сворачивалась в трубочку, а складывалась в стопку узких листочков, которая гармошкой раскрывалась вертикально вверх.

К концу I тысячелетия, когда печатная книга все увереннее замещала рукописную, книгу-свиток вытеснил кодекс. Продолжались эксперименты с формой переплетов. Вместо того чтобы изобретать способ сложить длинную полосу склеенных листов, стали искать варианты скрепления отдельных листов. На листе китайской бумаги отпечаток делался на одной стороне листа. Это предопределило некоторые сложности переплета. Основной вид сунской брошюровки – «книга-бабочка» (*худэ чжуан*). Лист бумаги с отпечатанным на нем с одной стороны текстом сгибался пополам, листы склеивались по сгибу. То, что в «бабочке» были видны чистые оборотные страницы, привело к появлению при Юань типа брошюровки, при котором листы склеивались не по сгибу, а по противоположной, внешней стороне, чистые страницы «запечатывались» в середине двойного листа: *баобэй чжуан* (связанный сзади) – прямая противоположность «бабочке». В результате позднейшей переброшюровки первоначальный замысел оказался нарушен: рядом в разворот оказались страницы с картинками, которые при «бабочке» были на противоположных сторонах листа.

***Е.Э. Войтишек
(НГУ, Новосибирск)***

Интеллектуальные развлечения в культуре «винных приказов» этносов Восточной Азии

В исследовании проводится сравнительный анализ особенностей традиционных интеллектуальных развлечений в Китае, Корее и Японии, основу которых составляли литературные игры, сопровождающиеся ритуальным употреблением вина.

Игры и ритуалы «винного приказа», существующего более двух тысяч лет в Восточной Азии, подразумевали культурный досуг как весьма демократичного характера (игры на ловкость с использованием костей, кубиков, биров, фишек, различного инструментария типа стрел и кувшина), так и сугубо элитарного, требующего знания классического философского и литературного наследия, а также умения и навыка им быстро и остроумно оперировать.

В работе развлечения «винного/застольного приказа» анализируются в рамках идеологической концепции «человека культуры» *文人* *вэньжэнь*, первоначально сформировавшейся в недрах средневековой китайской культуры, а затем естественным образом укоренившейся в странах всего региона. Сфера деятельности «человека культуры» *вэнь-*

жэнь (кор. *мунъин*, яп. *бундзин*) подразумевала свободное владение различными формами досуга, что обусловило формирование термина *琴棋書画* (кит. *цин-ци-шу-хуа*; кор. *кым-ки-сэ-хва*; яп. *кин-ки-се-га*), означающего комплексное понятие «цитра-шашки-каллиграфия-живопись». Созданные сообществом интеллектуалов игровые практики в этих областях (зачастую сопровождающиеся винопитием) являлись необходимым условием социализации культурного человека на Дальнем Востоке.

Трансформация игр и ритуалов китайского происхождения при их рецепции в Корее и Японии показана на примере одного из древнейших ритуалов «винного приказа» под названием «пир у изогнутой воды», где участники соревнуются в сочинении литературных экспромтов, пока чарка со священным вином плывет по извилистому каналу. Анализ особенностей национальных вариантов этого ритуала позволяет лучше понять закономерности межкультурного взаимодействия.

В.Ц. Головачев
(ИБ РАН, Москва)

Вклад востоковедов России в изучение этнической истории Тайваня

История острова занимает периферийное место в российском востоковедении, а этническая история Тайваня (ЭИТ) представлена в нем еще скромнее. Но изучение ЭИТ в России ведется почти 200 лет, известно своими достижениями и заслуживает особого историографического экскурса.

Труды российских ученых по ЭИТ делятся на 2 категории: полевые изыскания посещавших остров авторов и заочные штудии на основе ранее изданных материалов. Первая категория включает лишь несколько работ: «мемуары» графа М. Бюнкковского (XVIII в.), статьи морского офицера П. Ибиса «Экскурсия на Формозу» (1876–77), отчеты о полевых экспедициях нач. XX в. А.К. Мольтрехта, И.С. Левитова, С.Г. Елисеева и Н.А. Невского. Свои личные наблюдения россияне дополняли данными письменных источников (литература, документы и карты на западных, китайском и японском языках), что умножает научную ценность их трудов. Важным источником были устные опросы формозцев, чиновников, миссионеров и прочих иностранных резидентов.

К заочным исследованиям относятся статьи Г.Ю. Клапрота (1822, 1823, 1826 гг.), переводы и публикации начала 1930-х, 1950–80-х и начала 1990-х гг. В отличие от очевидцев эти авторы не бывали на Тайване, и их работы основаны на уже изданных научных трудах и источниках.

Возрождение российско-тайваньских связей после 1991 г. открыло новую эру в изучении россиянами ЭИТ. После перерыва в 60 с лишним лет они вновь смогли работать на Тайване, используя весь круг источников и литературы. Это заметно повысило число и качество российских публикаций по ЭИТ, хотя освещенность темы в РФ по-прежнему невысока. Признаком выхода россиян на новый международный уровень становятся историографические работы, обобщающие изучение ЭИТ в мировой науке.

Острота темы ЭИТ, в силу сложности этнической ситуации и специфики связей двух сторон Тайваньского пролива, неизбежно вызывает повышенное внимание к ней в мировой науке. Для востоковедов в России ЭИТ тоже остается важной научной проблемой.

*С.А. Горбунова
(ИДВ РАН, Москва)*

*Государственная политика в сфере религий
в современной историографии КНР*

Главная цель данных тезисов – выявить основные тенденции в современной китайской историографии, посвященной государственной вероисповедной политике КНР периода открытости и реформ, которая в настоящее время находится в центре внимания как ученых-религиоведов, так и политологов и социологов. Данная проблематика выходит за рамки чисто научной, поскольку в ней слиты воедино три субъекта: государство, общество и религия, что обуславливает ее политическое и идеологическое содержание.

Более объективному освещению в начале III тысячелетия темы становления политики в сфере религий в условиях их возрождения в конце 1970 – начале 1980-х гг. способствовал тот факт, что ученые КНР получили доступ к ряду архивных партийных документов тех лет. Это дало толчок к появлению большого числа публикаций в таких журналах, как «Изучение мировых религий» (Шицзе цзунцзяо яньцзю), «Мировая религиозная культура» (Шицзе цзунцзяо вэньхуа), «Религии Китая» (Чжунго цзунцзяо), «Изучение современных религий» (Дандай цзунцзяо яньцзю), а также целого ряда монографических исследований. Причем о качественном сдвиге в изучении этой проблемы свидетельствовало то, что в научный оборот начали вводиться недоступные ранее исследователям источники начального этапа реформ.

В последние десятилетия сложились серьезные научные коллективы в академических институтах религий, научно-исследовательских подразделениях высших учебных заведений, исследовательских структурах при управлениях по делам религий, а также при религиозных объ-

единениях и религиозных учебных заведениях. Это привело к тому, что к настоящему времени в китайской историографии сформировались новые критерии анализа общественной роли религии, причин устойчивости религиозных традиций и их существования в социалистическом обществе, связи религиозного и социалистического духовного и культурного строительства и других вопросов. Вместе с тем нельзя не учитывать, что эта область общественных наук КНР остается одной из наиболее идеологизированных.

Б.Г. Доронин
(ВФ СПбГУ)

Китай: историческое прошлое и его интерпретация
(некоторые проблемы источниковедения)

Самая древняя в современном мире китайская цивилизация хранит память о всем пройденном ею пути протяженностью в 5000 лет. Наиболее важный вклад в сохранение исторической памяти народа внесло китайское историописание, которое к настоящему времени насчитывает почти 40 веков своего непрерывного существования. Большая часть этого пути описана историками древнего и средневекового Китая, создавшими небывалый по своему объему фонд трудов, где аккумулирован огромный фактический материал и содержатся сведения о нескольких десятках тысяч исторических персонажей. Подобной истории не имеет ни один другой народ.

Классическое китайское историописание самобытно, его отличает набор присущих только ему особенностей. Наделенное важными функциями, оно уже с первых своих шагов рассматривалось как дело особой значимости, имело официальный характер, а со становлением империи (III в. до н. э.) превратилось в один из главных ее институтов. Столь высокий статус обеспечил историописанию необычайную стабильность (оно в Китае не прерывалось даже на самых крутых поворотах его истории) и авторитет; труды придворных историков корректировке не подлежали и практически никогда не переписывались. Концептуальной базой историописания императорского Китая стала основанная на конфуцианстве государственная доктрина, общие принципы которой оставались неизменными более 20 веков. Это определило не только интерпретацию исторического процесса, но и методику работы придворных историков с историческим материалом.

Сквозь призму этико-политического учения Конфуция весь пройденный Китаем путь виделся им как непрерывная череда сменяющих друг друга на китайском престоле легитимных – тех, что обрели его по воле Неба – династий. Именно это определяет в официальном историо-

писании динамику исторического процесса и его доминанту. Центральным событием на этом пути являлась смена династий. Причину, заставившую династию уйти с исторической арены, историки видели не в сложном комплексе проблем, с которыми она столкнулась, а в реакции Неба на несоблюдение ею норм, по которым должна была жить «конфуцианская» монархия. Разрешался династийный кризис обретением престола новым избранником Неба, способным вернуть дела правления в традиционное русло. По этой схеме описаны смены всех легитимных династий, зафиксированных официальным историописанием. Специфика ситуации, в которой каждая из них обрела или утрачивала престол, придворными не учитывалась. В их трудах это процесс безальтернативный, проходящий под строгим контролем Неба, и поэтому имеющий законосообразный и практически бесконфликтный характер: легитимные династии не свергались – их устраняло Небо. Путь, который согласно официальной версии проходила каждая легитимная династия, представлял собой замкнутый цикл – от торжества конфуцианских принципов дел правления до их деградации, за которыми следовало их возрождение при новой династии.

Внешне официальная версия истории Китая, основанная на этико-политическом учении Конфуция, весьма убедительна. Однако отмеченные выше некоторые особенности (а их у нее очень много) позволяют констатировать, что адекватного представления о прошлом Китая она дать не может: придворные историки видели его по-своему и прежде всего решали проблемы, от которых зависело благополучие империи. Одна из них – убедить современников и потомков в абсолютной ценности основных постулатов конфуцианства.

Между тем и поныне многие труды современных ученых, посвященные прошлому Китая и созданные в мощном силовом поле официального историописания, несут на себе его следы. Это представление о якобы органически присущих Китаю цикличности развития, его «недвижности», чрезмерной традиционности и многое другое. Все это, как правило, имеет своей причиной не критическое восприятие данных китайских источников, стремление найти в них то, о чем придворные историки никогда не писали. Но специфика китайского историописания, помимо всего прочего, придает квалифицированному и обстоятельному изучению созданных в его русле трудов и критическому анализу содержащихся в них сведений принципиальное значение. Без этого мобилизовать огромный созидательный потенциал официального историописания императорского Китая и поставить его на службу современной науке невозможно.

*Г.Б. Дудченко
(ИФ СПбГУ)*

*Российские исследования в Академии общественных наук
провинции Цзилинь (КНР)*

В конце 70-х гг. XX в. на Северо-Востоке КНР под влиянием ряда факторов возникали новые центры изучения зарубежных стран, их отношений с Китаем. Особое внимание уделялось СССР. Многие из центров были организованы в системе провинциальных академий общественных наук.

В АОН пров. Цзилинь, расположенной в городе Чанчунь, в это время создан НИИ по изучению стран Восточной Европы и Советского Союза. К основным направлениям работы института были отнесены исследование экономики восточных районов СССР, внешнеэкономических связей Советского Союза, а также этнография СССР. В 1987 г. институт установил контакты с Институтом Дальнего Востока АН СССР, МГИМО МИД СССР (Москва), Институтом этнографии АН СССР (Ленинград), Президиумом и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР (Владивосток). В конце 80-х – начале 90-х гг. Институт Советского Союза АОН пров. Цзилинь активно занимался изучением экономики и внутренней политики СССР в региональном аспекте, анализом перспектив торгово-экономических связей с Советским Союзом в районах, прилегающих к оз. Хасан, включая проект «Туманган». В 1989 г. вышла в свет монография под. ред. зам. директора института Сюй Вэйсиня «Сулянь цюйюй цзинци» (региональная экономика СССР).

В дальнейшем исследования, связанные с российской тематикой, расширялись и проводились не только Институтом России, но и другими подразделениями Академии, состоящей из 10 институтов и ряда центров. В 1988 г. был учрежден Центр изучения Северо-Восточной Азии. Он объединил около 500 ученых и практиков, сочетал различные виды деятельности: научно-исследовательскую, консультативную, коммерческую. Были открыты отделения центра в Яньцзи, Хуньчуне, а также в других провинциях. Аналогичный центр в Чанчуне создан при университете пров. Цзилинь. В 1980 г. основано провинциальное Общество по изучению СССР, являвшееся коллективным членом Китайского общества по изучению СССР и Всекитайского общества историков-советологов.

На примере 9 стран в АОН пров. Цзилинь было проведено фундаментальное исследование под общим заглавием «Сравнительное изучение перехода стран Азии и Европы от средневековья к Новому времени». Работы ученых Академии, среди которых Го Яньшунь, Ван Шицай,

Чжу Юнчжэн, Ян Вэйлин и др., также охватывают такие темы, как взаимоотношения Цинского Китая и Российской империи, история русской эмиграции в Китае, участие СССР во Второй мировой войне. Их публикации сделаны в журналах, издаваемых АОН пров. Цзилинь – «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь» (фронт общественных наук), Сяньдай цзяоци (современное общение), «Дунбэй Я яньцзю» (исследование Северо-Восточной Азии), а также других научных изданиях.

О.В. Залеская
(Благовещенский ГПУ)

***Исследования по истории китайских мигрантов в России
в китайской исторической науке (конец XX – начало XXI вв.)***

В конце XX – начале XXI вв. изучение истории китайских мигрантов в России становится одним из направлений в исследованиях истории взаимоотношений двух стран – России и Китая. Труды китайской историографии по истории китайских мигрантов в России, опубликованные в 1980–1990-е гг., можно разделить на несколько групп:

1. Работы об участии китайских трудящихся в революционных преобразованиях и гражданской войне на территории России. Этому вопросу китайские исследователи, в соответствии с развитием китайской исторической науки, традиционно уделяли пристальное внимание (Ли Сяньжун, Юй Хунцзюнь)¹.

2. Труды по истории китайских рабочих в России в конце XIX – начале XX вв. Весомый вклад в разработку данного направления был внесен работами китайских историков Ли Юнчана, Ли Сянжуна².

3. Исследования деятельности Союза китайских рабочих в России, Центрального организационного бюро китайских коммунистов и др. революционных организаций, объединявших китайских мигрантов.

¹ Ли Сяньжун. Люй Э хуагун юй шиюэ гэмин (Китайские рабочие в России и Октябрьская революция) // Лиши цзяосюэ. 1979. № 11. С. 42–44; Юй Хунцзюнь. Люй Э хуагун дэ гэмин доучжэн – Чжунго хэ шицзе гуньюнь ши шан чжюяо дэ ие (Революционная борьба китайских рабочих в России – важная страница в истории рабочего движения в Китае и в мире) // Чжунго лаодун гуаньши сюэюань сюэбао. 1989. № 2. С. 35–37.

² Ли Юнчан. Чжунго цзиньдай фу Э хуагун шулунь (О китайских рабочих в России в период новой истории Китая) // Цзиньдай ши яньцзю. 1987. № 2. С. 212–233; Он же. Люй Э хуагун юй шиюэ гэмин (Китайские рабочие в России и Октябрьская революция). Шицзячжуан, 1988; Ли Сяньжун. Люй Э хуагун юй шиюэ гэмин (Китайские рабочие в России и Октябрьская революция) // Лиши цзяосюэ. 1979. № 11. С. 42–44.

Изучению данного направления посвящены одноплановые работы Ли Юйчжэня, Линь Цзюня, Ли Шупина, Хэ Вэй¹.

4. Работы, характеризующие хозяйственную деятельность китайских мигрантов. Среди работ данного направления можно выделить труды Кун Цзинвэй, Мэн Сяньчжана².

В 1990-е гг. наметились новые концептуальные подходы к анализу вопросов истории китайских мигрантов в России. Существенным вкладом в историографию проблемы стал коллективный труд хэйлуңцзянских историков³, в котором анализируются проблемы межкультурного взаимодействия и взаимовлияния народов двух стран – России и Китая.

Сегодня исследование истории китайской диаспоры привлекает все большее внимание китайских ученых. С учетом новых методологических подходов и спецификой исследования хуацяо в глобализирующемся мире, работы по истории китайских мигрантов в России можно разделить на два направления:

Изучение участия китайцев в революционном движении на российской территории. Китайские историки подчеркивают, что деятельность Союза сыграла значительную роль в распространении в среде китайских мигрантов марксистско-ленинских идей (Жэнь Гуйсян, Гао Цзиншань, Хуан Ли, Го Юань)⁴.

¹ Ли Юйчжэнь. Шиюэ гэмин цянъхоу дэ лой Э хуажэнь цзучжи цзи ци ходун (Организации китайских мигрантов в России до и после Октябрьской революции и их деятельность) // Цилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао. 1981, № 5. С. 22–30; Линь Цзюнь. Цюань Э хуацяо цзучжи – лой Э хуагун лянхэхуэй яньцзю (Изучение организаций китайских мигрантов в России – Союз китайских рабочих) // Бэйфан луңдун. 1994. № 1. С. 99–104; Ли Шупин, Хэ Вэй. Ленин санцы цзецзянь лой э хуацяо Лю Шаочжоу (В.И. Ленин трижды встречается с китайским мигрантом в России Лю Шаочжоу) // Гуандун дан ши. 1995. № 2. С.3–5 и др.

² Кун Цзинвэй. Чжунго Дунбэй дицой цзинци ши (История экономики Северо-Восточного Китая) / Изд-е 2-е, испр. и доп. Чанчунь, 1994; Чжун Су маои ши цзыляо (Материалы по истории китайско-советской торговли) / Гл. ред. Мэн Сяньчжан. Пекин, 1991.

³ Люй Э хуацяо ши ляо сюань. Хэйхэ вэнь ши цзыляо дига цзи (Сборник материалов по истории китайских мигрантов в России. Вып. 8: Материалы по истории и культуре г. Хэйхэ). Хэйхэ, 1991.

⁴ Жэнь Гуйсян. Люй Э хуагун лянхэхуэй (Союз китайских рабочих в России) // Данши яньцзю цзыляо. 2003. № 5. С. 12–21; Гао Цзиншань. Люй Э хуагун цзай макэсычжуи чуаньбо чжун дэ тэшу цзоюн (Особая роль Союза китайских рабочих в России в распространении марксизма) // Данши боцай. 2004. № 11. С. 47–50; Хуан Ли. Цун Чжунхуа лой Э лянхэхуэй дао Эго гунчандан хуаюаньцзюй – лой Э хуажэнь гунчандан цзучжи дэ цзяньли цзи ци лиши цзоюн (От Союза

Исследования аспектов хозяйственной деятельности и количественного состава китайских мигрантов. Данный круг вопросов рассматривается в основном в работах по истории китайско-российских (советских) отношений – в монографиях и статьях Ло Сяохуэя, Го Юньшэня, Хуан Динтяня, Шэнь Чжихуа, Сюэ Сяньтяня и др., посвященных истории взаимодействия двух стран – России и Китая¹.

В китайской историографии конца XX – начала XXI вв. вопросы жизни и деятельности китайского этноса вне страны происхождения рассматривались с учетом различных концептуальных подходов. Ряд работ был посвящен анализу некоторых аспектов пребывания китайских мигрантов в России, обобщен и проанализирован солидный фактический материал. В то же время в отдельную область исследования не выделено изучение истории китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке.

А.Т. Качан

***(СПб медицинская академия последипломного образования)
Современная история китайской традиционной медицины (чжун-и)***

Занимаясь изучением и использованием методов медицины Китая, а также преподавательской деятельностью, автор вынужден был коснуться и истории этой системы лечения заболеваний. С сожалением вынужден констатировать, что историография медицины Среднего государства оставляет желать лучшего. Настоящая работа посвящена более близкому нам отрезку времени, событиям которого отчасти был непосредственным свидетелем и автор этих строк.

китайских мигрантов в России до Центрального организационного бюро китайских коммунистов – создание и историческая роль коммунистических организаций китайцев в России) // Хубэй синчжэн сюэюань сюэбао. 2006. № 6. С. 64–69.

¹ Ло Сяохуэй. Цзиньдай Чжун Су гуаньси ши шулунь (Об истории китайско-советских отношений в новое время). Яньцзи, 2001; Го Юньшэнь. 1840–1920 нянь цзянь дэ Чжун Э гуаньси (Российско-китайские отношения в 1840–1920-е гг.) // Сиболля яньцзю. 2003. № 4. С. 50–54; Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений) / Гл. ред. И Цзинхэ. Кайфэн, 2004; Ян Чуан, Гао Фэй, Фэн Юйцзюнь. Байнянь Чжун Э гуаньси (Российско-китайские отношения за 100 лет). Пекин, 2006; Хуан Динтянь. Чжун Э гуаньси тунши (Общая история отношений между Россией и Китаем). Харбин, 2007; Шэнь Чжихуа. Чжун Су гуаньси ши ган (Историческая основа китайско-советских отношений): 1917–1991. Пекин, 2007; Сюэ Сяньтянь, Цзинь Дунци. Миньго шици Чжун Су гуаньси (Китайско-советские отношения в период Китайской Республики): 1917–1949. Пекин, 2009 и др.

В качестве сравнения следует отметить то обстоятельство, что в эпоху правления династий Цин (Маньчжурской, 1644–1911 гг.) общий упадок национальной китайской науки и культуры коснулся и традиционной медицины. И хотя она не была запрещена законодательно, использование ее не одобрялось и развитие остановилось. На этом неблагоприятном фоне правительство Сунь Ятсена законодательно попыталось запретить национальную медицину, насчитывающую более чем двухтысячелетний опыт врачевания. Здравоохранение Гоминдана ориентировалось на западную медицину. Последняя же в Китае того времени находилась в зачаточном состоянии и существовала лишь в крупнейших городах – Пекине, Тяньцзине, Харбине, Нанкине, Шанхае, Гуаньчжоу и др. Основная масса населения мелких городов, не говоря уже о сельской местности, испокон веков могла пользоваться для лечения болезней только услугами врачей традиционной медицины. Таким образом, правительство, возглавляемое Сунь Ятсеном, проявив политическую близорукость, лишало основное население Поднебесной реальной медицинской помощи.

С момента образования Китайской Народной Республики (1949 г.) правительством якобы по велению Мао Цзэдуна (все тогда делалось от его имени) был провозглашен лозунг: «Внимательно изучать наследие прошлого» и «Единение традиционной и европейской медицины», то есть взаимное их проникновение, сосуществование и обогащение. Такое благосклонное отношение к отечественной медицине сложилось еще во время Великого похода (1934–1935) в силу того, что врачи традиционной медицины оказывали существенную помощь в лечении участников исхода: солдат и офицеров. Широко использовались лекарственные средства, а также иглоукалывание и прижигание.

В 1954 г. в рамках Министерства здравоохранения КНР был создан отдел (департамент) национальной медицины. На сегодняшний день в Минздраве Китая так и сосуществуют два департамента: китайской традиционной медицины и европейской медицины. 1955 г. был знаменателен образованием Пекинского научно-исследовательского института традиционной китайской медицины (Бэйцзин чжунцию янь; ныне – Академия). Институт первоначально мыслился как академия, поскольку включал в свой состав научно-исследовательские институты: иглоукалывания и прижигания (чжэнь-цзю терапии); лекарственной медицины; физкультуры и оздоровительных методик; истории медицины и ряда других.

Первым директором НИИ чжэнь-цзю терапии была назначена доктор медицины профессор Чжу Лянь. Она была весьма незаурядной личностью. По наследству получила глубокие знания и профессиональные

навыки в китайской традиционной медицине (преимущественно иглоукалывании), получила европейское медицинское образование в Оксфордском и Токийском университетах со специализацией по неврологии. Под ее руководством выполнено большое количество научных исследований на высоком нейрофизиологическом уровне с целью изучения лечебного действия чжэнь-цзю терапии.

Профессор Чжу Лянь сыграла огромную роль в становлении игло-рефлексотерапии в нашей стране: у нее учились наши профессора, доценты, а также студенты-медики, направленные в долгосрочную командировку для изучения медицины Китая. Кроме того, она написала авторизованный перевод на русский язык своей книги «Руководство по современной чжэнь-цзю терапии» (1959 г.).

Академия китайской традиционной медицины широким фронтом инициировала изучение различных разделов народного врачевания. На кафедрах фармакологии, неврологии, физиологии, анатомии, многих линейных медицинских ВУЗов страны были организованы научно-исследовательские группы для создания научной базы, объективизации результатов лечения современными методами. Уже в 1959 г. был создан Всекитайский съезд по традиционной медицине, опубликован солидный сборник научных статей, ряд из которых до сегодняшнего дня представляют серьезный интерес.

Одновременно была реорганизована и упорядочена государственная система подготовки врачей китайской традиционной медицины. Преобразованы существовавшие и практически во всех столицах провинций созданы заново институты китайской традиционной медицины с 4-летним, а позже – с 5-летним образованием. Разработана программа обучения, куда наряду со всеми разделами народной медицины включены такие разделы, как анатомия, основы физиологии и патологической физиологии, основы европейской фармакологии. В линейных медицинских ВУЗах в программу обучения были введены основы чжуни, а для уже практикующих врачей европейской школы организованы специальные курсы по ознакомлению с отечественной медициной. Начиная с 1960 г. в Китайской академии традиционной медицины проводится подготовка иностранных врачей в области этого уникального искусства врачевания.

В современном Китае плодотворно бок о бок работают две ветви мировой медицины: европейская и китайская. Имеются больницы китайской и европейской медицины. В последних работают кабинеты иглотерапии, массажа, мануальной терапии; достаточно широко используются народные лекарства. Возможности обеих медицинских систем дополняют, обогащают друг друга, расширяют возможности лечения людей. По

инициативе врачей и ученых Китая в 2000 г. создана «Всемирная ассоциация единения европейской и китайской традиционной медицины», в деятельности которой принимают активное участие врачи многих стран мира, в том числе и России.

И.Б. Кейдун

(Амурский ГУ, Благовещенск)

Четыре установления по ношению траура (по материалам конфуцианского трактата «Ли цзи»)

«Ли цзи» – важнейший текст китайской культуры, посвященный описанию *ли* – одной из центральных категорий конфуцианской философии. Составленный в I в. до н. э., этот письменный памятник вобрал в себя разнообразные сведения, касающиеся описания конкретных обрядов и правил поведения в различных жизненных ситуациях, а также более отвлеченные текстологические сюжеты, связанные с философским осмыслением *ли*.

Значительную часть объема текста занимают главы, связанные с описанием траурных обрядов и церемоний: «Сан фу сяо цзи», «Да чжуань», «Цза цзи», «Сан да цзи», «Вэнь сан», «Фу вэнь», «Цзянь чжуань», «Сань нянь вэнь» и др. Важным разделом в этом ряду является глава «Сан фу сы чжи» – «Четыре установления по ношению траура».

Судя по названию, глава содержит описание основных установлений в части ношения траура. При ближайшем изучении это предположение отчасти оказывается справедливым, поскольку важнейшая для составителей текста информация подается через призму описания поведения при трауре. Однако составить полное описание траурных церемоний по этой главе совершенно невозможно, поскольку такового в этом разделе «Ли цзи» не содержится (значит, подобная задача составителями и не ставилась). Четыре установления по ношению траура – это четыре философские и культурологические категории – *жэнь, и, ли, чжи*. Именно эти четыре установления и являются стержнем повествования в данной главе. *Жэнь, и, ли, чжи* – высшие человеческие добродетели, говорится в «Ли цзи», поэтому они и определяют поведение, в том числе и при трауре.

Траурные регламентации могут соотноситься с конкретными обстоятельствами, меняться в зависимости, например, от времени года, степени близости с умершим, но при этом основополагающими моментами являются сострадание *энь*, справедливость *ли*, умеренность *цзе*, податливость *цюань*: «Одолевает отчаяние – не перестают жить, стараясь не навредить смертью живущим. Время траура не превышает три года, грубые одежды не чинят, могильный холм не подсыпают... До-

машние умершего, занимаясь делами, сострадание ставят превыше долга. Посторонние, занимаясь делами, долгом определяют сострадание». Представляется важным и тот факт, что в тексте главы «Сан фу сы чжи» установлена взаимосвязь между отдельными регламентациями в ряду важнейших траурных установлений: «Сострадание *энь* – есть гуманность *жэнь*, справедливость *ли* – есть долг *и*, умеренность *цзе* – есть ритуал *ли*, податливость *цюань* – есть мудрость *чжи*».

Таким образом, изучение содержания главы «Сан фу сы чжи» из текста канонического трактата подтверждает идею о том, что составители сборника «Ли цзи» ставили перед собой задачу не столько отобразить описание в тексте конкретных ритуальных уложений (подобного рода обрядники и ритуальные сборники ко времени составления «Ли цзи» давно существовали), сколько составить текст, призванный быть идеологической основой государства.

С.А. Комиссаров
(ИАЭ СО РАН; НГУ, Новосибирск)
Сыма Цянь и археология

В китайской историографии, посвященной развитию археологии в стране, явно выражена тенденция к удревнению этого раздела исторической науки. Любое обращение к памятникам старины трактуется как начало археологического поиска, и в результате среди его «отцов-основателей» оказывается, например, Конфуций¹, который, как известно, преклонялся перед древностью. По нашему мнению, такой подход неправомерен. Термин «каогу» (и даже «каогусюэ»), который в современном языке и означает «археология», действительно, появился в Китае относительно рано, не позднее династии Сун. Однако вплоть до конца XIX – начала XX вв. его следует трактовать (и переводить) по отдельным составляющим словам как «исследование древности» (или «учение об исследовании древности»). Археология как наука, опирающаяся на собственную методологию получения и анализа вещественных источников и неразрывно связанная с методикой полевых исследований, появляется в Китае благодаря деятельности зарубежных ученых (Тории Рюдзо, П.К. Козлова и Д.А. Клеменца, П. Пельо и др.), а формирование собственно китайской национальной школы в археологии относится к середине 1920-х гг.

В то же время в работах выдающихся ученых императорского Китая постепенно отрабатывались методы фиксации и интерпретации

¹ См., напр.: Янь Вэньжу. Чжунго каогусюэ ши [История китайской археологии]. Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 7–8.

древних артефактов, складывалось направление, получившее название «цзинь ши сюэ» («наука о камне и металле»). Особая роль в этом движении, как и в становлении китайской историографии в целом, принадлежит Сыма Цяню. При создании «Исторических записок» он не только осматривал древнюю утварь (например в храме Конфуция в Лу¹), но и посещал развалины памятников древности. Так, он «побывал на развалинах древнего Даляна»²; видел «бывшее укрепленное поселение Чуньшэнь-цзюня» в Чу³; «видел башни Великой стены, построенной Мэн Тянем для Цинь» на северной границе⁴. Во многих разделах его сочинения тщательно фиксируется местоположение элитных могил, относящихся к династии Чжоу или Цинь; возможно, некоторые из них он также осмотрел лично. Тем самым великий историк делал первые шаги в направлении полевых исследований.

Благодаря высокому авторитету Сыма Цяня такой подход получает дальнейшее распространение и закрепляется в средневековых сводах антикварных коллекций, таких как «Цзи гул у», «Као гу ту» и т. п. Это помогло зафиксировать накопленные уникальные материалы с максимально возможной для той эпохи полнотой. Уже в новейшее время благодаря работам Го Можо, Го Баоцзюня, Жун Гэна, Хаяси Минао и др. они становятся важной составляющей источниковой базы современной археологии.

В.А. Корсун
(МГИМО, Москва)

Когнитивный прорыв или китаизация знания?

Доктрина усвоения так называемых «варварских дел» (и у) или «заморских дел» (янь у), т. е. концепция «модернизации по-китайски», осознающая необходимость срочного заимствования военнотехнических достижений государств Запада, охранительной идеологией которой явился разработанный такими мыслителями, как Вэй Юань (1794–1856) и Фэн Гуйфэнь (1809–1875) постулат: «китайское учение – основное; западное учение – прикладное» (чжун сюе вэй бэнь, си сюе

¹ Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1992. Т. 6. С. 151.

² Там же. Т. 6. С. 97.

³ Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. Р.В. Вяткина, коммент. Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 1996. Т. 7. С. 215

⁴ Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетянца, коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетянца. М.: Вост. лит., 2002. Т. 8. С. 77.

вэй юн), выработанный в рамках традиционной китайской формулы «ти – юн», где «ти» – исконно китайское, базовое и неизменное, а «юн» – преходящее, вынужденно-утилитарное, не ставила под сомнение превосходство морально-этических принципов конфуцианства. Данная формула неизменно сопровождалась призывами сохранить ценности «истинного» конфуцианства, отбросить «эгоизм», «личное» (сы) и отдать все силы «общественному» (гун), а также уверенностью, что в будущем объединение мира произойдет под гегемонией той страны, которая «лучше претворит в жизнь учение Чжоули и Конфуция»¹.

Яркой иллюстрацией данной логики явился первый опыт направления за счет казны китайских учащихся за рубеж для приобретения необходимых для «самоусиления» Китая знаний, прежде всего в области машиностроения, судостроения и создания современного вооружения, связанный с именами лидеров региональной хунаньской клики Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана, Дин Жичана и др., а также с первым китайским выпускником 1854 г. Йельского университета Жун Хуном (1828–1921) – непосредственным автором Меморандума «Решение об отборе детей и внуков для посылки за океан для обучения ремеслам»². В 1872–1875 гг. несколько групп отобранных в прибрежных провинциях китайских «люсюэшэн», по 30 человек в год, общей численностью 120 мальчиков и юношей, были посланы в США для обучения в течение 15 лет в американских средних, а затем и высших учебных заведениях.

Однако уже робкая просьба китайских подростков, принимаемых американцами за девочек, перейти на американский стиль одежды привела к тому, что в 1881 г. в результате регулярных доносов на «распутившихся» учащихся и на их куратора Жун Хуна, «потакающего развращению учеников», со стороны миссии китайского посланника в Вашингтоне они все были внезапно отозваны в Китай из-за опасений, что они подпадут под влияние иностранной культуры. Позднее китайских учащихся стали регулярно отправлять в Японию, как страну схожей конфуцианской культуры, где юные китайцы могли приобщаться к достижениям современности, менее испытывая на себе «культурный шок», а в США и Европу за счет казны командировали главным образом маньчжурских сановников и их взрослых родственников.

История Китая XIX в., таким образом, свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а скорее об

¹ Новая история Китая. М., 1972. С.261–263.

² «Чжунхуа чжэнчжиця цзюэцэ лацзянь» (Большой словарь судьбоносных решений китайских политиков). Пекин, 1997. С. 1125–1126.

их трансформации и послойном «нанизывании» на некий китаецентристский стержень.

А. Лукин
(ИМИ МГИМО, Москва)

Интервью как источник по истории «культурной революции» в КНР

«Люди – единственный подлинный объект истории», – писал выдающийся французский историк Л. Февр. Не абстрактный человек, а конкретный, живущий в определенных социальных, культурных, временных обстоятельствах¹. А если это так, то кто может дать больше информации об этих обстоятельствах, чем сам человек? Изучая недавнюю историю, мы имеем огромное преимущество – возможность говорить с участниками событий.

Естественно, научное исследование – не должно быть основано на отрывочных высказываниях. Использование интервью как источника возможно лишь на основе четкой методологии, которая довольно хорошо разработана в социологии и политологии. В рамках этой методологии необходимо следовать следующим принципам:

1. Определить четкие рамки объекта исследования. В данном случае речь идет о годах «культурной революции» (1966–1976).

2. Определить географический ареал исследования. В данном случае ареалом является территория КНР.

3. По возможности обеспечить территориальную репрезентативность (были приложены усилия, чтобы интервьюируемые представляли различные регионы КНР).

4. В связи с невозможностью составить выборку, репрезентативную с точки зрения социального, полового, возрастного и т. п. состава групп, а также исходя из целей исследования по изучению системы представлений членов групп, использовать неструктурированные интервью (называемые также нестандартизированными, фокусированными или глубинными)².

5. Использовать иные виды источников как дополнительные (литература описательного характера, статьи и выступления, результаты количественных исследований, материалы мемуарного характера, официальные документы).

¹ Люсьен Февр. Бой за историю. М.: Наука, 1991. С. 25–26.

² Nigel Fielding, 'Qualitative Interviewing', in Nigel Gilbert (ed.), *Researching Social Life* (London: SAGE, 1993).

6. Использование метода дискурс-анализа¹.

Результаты.

В результате использования данных интервью было подвергнуто сомнению утвердившееся в советском китаеведении фактическое отождествление «культурной революции» с репрессиями в СССР. Многие китайские диссиденты с одобрением и даже некоторой ностальгией отмечали атмосферу свободной критики, внезапно возникшей после начала «культурной революции» и возможность обратить эту критику против реальных недостатков. Это связано с принципиально иными идеологическими воззрениями И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, и различными механизмами репрессий в СССР и КНР.

В.М. Майоров

(National Cheng Kung University, Чэнгун, Тайвань)

Петербургские ксилографы «Мин синь бао цзянь».

В Учебном фонде В.П. Васильева (1818–1900) Библиотеки Восточного факультета СПбГУ под номерами ВУ67 и ВУ68 хранятся два разных ксилографа китайской книги «Мин синь бао цзянь» («Драгоценное зеркало для просветления сердца», далее сокращенно МСБЦ), которая является важным источником для исследования традиционной идеологии Восточной и Юго-Восточной Азии, а также истории культурных контактов Китая и Европы. Петербургские ксилографы МСБЦ представляют значительную культурную и научную ценность, так как не имеют дублетов среди весьма небольшого числа сохранившихся по всему миру старинных изданий этой книги.

МСБЦ – собрание цитат из китайских мудрецов. Традиционная китайская книжная классификация относит МСБЦ к «просветительским книгам», «наставлениям в добре» и «энциклопедиям». Сборник был составлен Фань Либэнем из Улиня (Ханчжоу) в 1393 г. Цитаты в МСБЦ заимствовались из популярных вторичных сборников периода VII – нач. XIV вв., частью уже утерянных. В свое время МСБЦ распространялась в пространной версии, имевшей около 900 высказываний, и в двух кратких версиях (соотв. 600 и 300). Оба петербургских ксилографа являются изданиями пространной версии в одном цюане без предисловия с разбивкой текста на предложения. ВУ68 был отпечатан в первый день 11-го месяца 1802 г. пекинской печатней «Вэнь цуй тан». Гравировка текста на досках была выполнена столичной печатней «Вэнь цзинь тан». ВУ68 хронологически стоит между известными изданиями кон. XVIII и

¹ Гилберт Дж.Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987. С. 27.

сер. XIX в. ВУ67 не имеет выходных данных, однако по размеру рамки, расположению текста на странице, сокращенному названию «мин синь» на колонтигуле он оказывается весьма близким, хотя и не идентичным двум гуандунским изданиям середины XIX в. Одно из них было выполнено в 1848 г. печатней «Би цзин тан» в Янчэне (Гуанчжоу), а второе (идентичное с ВУ67 также по числу страниц и размеру листа) – печатней «Цзинь вэнь тан» в г. Фошань предположительно около 1850 г.

Ю.С. Мыльникова
(ВФ СПбГУ)

Некоторые особенности главы «Жизнеописания знаменитых женщин» в династийных историях Китая

Исторические сочинения различных жанров составляют львиную долю непрерывной письменной традиции Китая. Отец китайского историописания Сыма Цянь превратил «биографии» (ле чжуань) в исторический жанр в своем монументальном произведении «Шицзи» («Исторические записки»).

Произведение «Ленюй чжуань» («Жизнеописания знаменитых женщин»), составленное из биографий добродетельных и порочных женщин придворным библиографом и конфуцианским ученым Лю Сяном, стало очень знаковым событием в литературной жизни ханьского Китая. Во-первых, данное сочинение явилось первым произведением, посвященным деяниям женщин, во-вторых, наряду с более поздним произведением Бань Чжао «Нюйцзе» («Наставления для женщин») стало настольной книгой всех образованных женщин Поднебесной. Но самое главное, «Ленюй чжуань» положило начало традиции включения особой главы с таким же названием в династийные истории.

Впервые специальная глава «Жизнеописания знаменитых женщин» появилась в «Хоу Ханьшу» («Истории Поздней Хань»). С содержательной стороны Фань Е исключил «Жизнеописания грешных и развратных женщин», которые изначально содержались в произведении Лю Сяна в качестве предостережения и наставления. Историк предпринял отделение биографий императриц от биографий всех остальных женщин. Отныне во все последующие династийные истории неизменно включались две главы с женскими биографиями: традиционно биографический раздел «открывался» жизнеописаниями императриц и фрейлин («Хоуфэй чжуань»), а глава «Ленюй чжуань» была удостоена периферийного положения в конце раздела, после нее следовали лишь описания иноземных племен. Если произведение Лю Сяна создало прецедент в китайском историописании, то Фань Е закрепил эту тенденцию, привил новой

традиции официального историописания определенные черты и стандарты.

Традиция «ленюй чжуань» представляет собой наиболее выдающееся и постоянное изображение женщин в истории императорского Китая. Хотя эти жизнеописания не могут отразить реальную жизнь женщин, они дают исследователю четкое представление о том, какие именно добродетели и качества ценились в женщине превыше всего; помогают понять, как формировался идеальный женский облик и что ожидалось от женщины с точки зрения придворных историков-мужчин. Небезынтересным остается и вопрос о том, каковы были критерии отбора материала для главы «Ленюй чжуань» и как эти критерии менялись на протяжении веков.

Саяна Намсараева

**(Институт социальной антропологии, Галле, Германия; ИВ РАН, Москва)
О стратегии Цзюньцзичу (Военного Совета цинского периода) по
освоению Хулунбуира: история одного «неудачного» проекта**

Современный этнический состав многих национальных районов КНР в немалой степени является результатом цинской политики по «расширению границ и освоению территорий» (*kaijiangtoutu*). К примеру, мало кто задумывается, что этническое разнообразие современного Хулунбуира, признанного в КНР одним из самых этно-колоритных районов страны¹, фактически было заложено политикой цинского Военного Совета (*Цзюньцзичу*)² в XVIII в.

В докладе речь пойдет о событиях, происходивших в Хулунбуире в середине XVIII в. и спорах между членами Военного Совета по выбору стратегии освоения этого района, находящегося на стыке Восточной Монголии, Маньчжурии и России. Недавние публикации части переписки между Хулунбуирским *фудутуном*, Хэйлуанцзянским *цзянцзюнем* и *Цзюньцзичу*, переведенные с маньчжурского на китайский язык, открыли новые малоизвестные факты об одном проекте Военного Совета по перемещению в Хулунбуир группы илийских уйгуров, которых монголы называли *тарячин*. Однако по прошествии трех лет Военный Со-

¹ На территории Хулунбуира (имевшего статус аймака до 2004 г. в составе АРВМ) проживает тридцать семь этнических групп, три из семи сомонов (*qi*) обладают статусом моноэтнических автономий (*zizhiqi*).

² Военный Совет (*Цзюньцзичу*) – особый коллегиальный орган из приближенных маньчжурскому императору, играл роль высшего правительственного органа в Цинской империи в период правления под девизами Юнчжэн (1722–1735) и Цяньлун (1736–1795).

вет признает, что это было «не дальнзоркое решение» и высылает *тарячинов* прочь из Хулунбуира. В частности, я подробнее остановлюсь на доводах, почему присутствие *тарячинов* вдруг было признано «вредным» и предпочтение было дано перемещению в этот район других этнических групп как более «полезных» для Хулунбуира в основном из состава знаменных войск.

Этот эпизод с *тарячинами* примечателен тем, что позволяет поставить ряд более общих вопросов о критериях использования этничности, применяемых в цинской практике. Какого рода был состав групп перемещаемых в Хулунбуир, насколько это зависело от профессиональных и этнических характеристик, местной специфики, если речь, например, шла о приграничных регионах, где предпочтение отдавалось политике *иминь шибянь* (переселять людей, [с их помощью] охранять границы).

Павел Николаев
(ВФ СПбГУ)

Личность и политика Джавахарлала Неру в оценках руководства КНР (1949–1962)

Изучение оценок личности и политического курса Дж. Неру китайским руководством может помочь в определении причин ухудшения китайско-индийских отношений во второй половине 1950-х гг. Данные оценки содержатся в высказываниях представителей руководящих кругов КНР, публикациях информагентства «Синьхуа» и статьях «Жэньминь жибао».

В первые месяцы после образования КНР Пекин развернул критическую кампанию против индийского премьер-министра. Во многом это объясняется негативным отношением сталинского руководства СССР к политике Дж. Неру, особенно сильно проявившем себя после визита индийского лидера в США в октябре 1949 г. Так как китайская внешняя политика в то время следовала в русле внешней политики СССР, руководство КНР разделяло сходные с Москвой оценки. Кроме того, Пекин не устраивали некоторые высказывания индийского премьер-министра о Тибете, являвшемся, по мнению Китая, неотъемлемой частью КНР. В октябре-ноябре 1949 г. китайская пресса именовала Дж. Неру не иначе, как «предатель движения за национальную независимость» и «преданный слуга империализма».

Однако, после официального признания индийским лидером принадлежности Тибета Китаю в результате подписания Соглашения 1954 г., а также с приходом к власти в СССР Н.С. Хрущева, опасавшегося перехода нейтральной Индии в западный блок, Дж. Неру стал оце-

ниваться руководством КНР, как «друг» Китая и «борец с империализмом».

После событий в Тибете в марте 1959 г. и речи Дж. Неру в парламенте о «тибетской трагедии» (27.04.1959.) китайские руководители стали сомневаться в дружественных намерениях Дж. Неру и расценили антикитайскую кампанию в индийских СМИ, как «происки» индийского премьер-министра. Кульминацией критики Дж. Неру в начале мая 1959 г. стала редакционная статья в газете «Жэньминь жибао» «Революция в Тибете и философия Неру» (06.05.1959.). В сентябре того же года китайская сторона выразила недовольство относительно позиции Дж. Неру по пограничному вопросу. В связи с этим Чжоу Эньлай сформулировал линию поведения КНР в отношении индийского лидера, которая была названа «политикой сближения и противостояния». Практическая реализация этой политики заключалась в чередовании критических кампаний против Дж. Неру с периодами, когда Пекин воздерживался от публичных оценок в его адрес.

Вплоть до конца 1961 г. китайское руководство стремилось склонить Дж. Неру к прекращению «наступательного курса» на границе. Однако ни критические кампании конца 1961 г. и октября-ноября 1962 г. в китайской прессе, ни смягчение риторики в адрес индийского лидера весной 1962 г. не помогли китайской стороне изменить характер китайско-индийских отношений. Таким образом, напрашивается вывод о том, что одной из причин пограничной войны 1962 г. могли стать произошедшие ранее изменения в оценках Дж. Неру руководством КНР.

Б.М. Новиков
(ВФ СПбГУ)

***Из истории предпринимательства в Китае:
традиционные залоговые конторы (китайские ломбарды)***

Китайские залоговые конторы (*дяньдан, дяньпу, дянья, данпу, ядан* и др.) представляли собой кредитные учреждения старого типа, выдававшие ссуды в рост под залог имущества. Подобные заведения существовали с XV в. и в Европе, где их стали называть «ломбарды» (от названия северо-итальянской области Ломбардии). В Китае ломбарды возникли на тысячелетие раньше, в VI–IV вв. Их колыбелью были буддийские монастыри. Под предлогом материального обеспечения монахов при их обителях были созданы залоговые лавки (*сыку*), приносявшие большие доходы. Из монастырских стен закладные заведения распространились на всю страну и достигли наибольшего развития в период династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911).

В зависимости от типа их владельцев китайские ломбарды делились на четыре категории: монастырские (*сыку*), императорские (*хуандан*), казенные (*гуаньдан*) и частные или народные (*миньдан*). Залоговые конторы различались также по трем классам, что определялось в основном размерами их капитала. К услугам ломбардов прибегали самые разные слои общества – от крестьян до аристократов, но преобладающая масса заемщиков была из сельских и городских низов.

Залоги делились на две категории: недвижимость и движимое имущество. Операциями с недвижимостью (поля, сады, дома и др.) занимались лишь самые крупные ломбарды, большинство же контор давало ссуды под залог движимого имущества. Важнейшим видом залога была одежда, которая менялась по сезонам. Традиционная практика кредитно-залоговых операций включала оценку залога, определение размера и срока кредита, процентов по ссуде и порядка их выплаты. Существовали и особые правила ссудных операций, рассчитанные на различные форс-мажорные обстоятельства.

На протяжении полутора тысячелетий традиционные залоговые конторы являлись важнейшим плацдармом ростовщической деятельности в старом Китае. Как и в других странах, исторически китайские ломбарды играли двоякую социально-экономическую роль: с одной стороны, ростовщическая кабала выступала как социально-разрушительный фактор, а с другой – ссудно-залоговая деятельность активизировала товарно-денежное обращение в условиях натурального и полунатурального хозяйства, господствовавшего в старом Китае.

А.В. Островский
(ИДВ РАН, Москва)

К вопросу об основных источниках исследования проблемы рынка рабочей силы в КНР

На протяжении весьма длительного времени – с конца 50-х и до начала 80-х гг. – мировая общественность имела весьма отдаленное представление о состоянии китайской экономики и особенно о динамике численности, составе и структуре населения и трудовых ресурсах КНР. С конца 50-х гг. после публикации статистического сборника «Вэйдады шинянь» («Великое десятилетие»), где были помещены обзорные данные социально-экономического развития КНР за 10 лет – с 1949 по 1959 гг.¹, в Китае вообще перестали публиковать статистические данные для всеобщего ознакомления.

¹ См.: Вэйдады шинянь (Великое десятилетие), Пекин, ГСУ КНР, 1959.

Не был даже известен точно и самый главный статистический показатель – общая численность населения страны, хотя на тот момент было проведено две переписи населения – в 1953 и 1964 гг. Но если материалы переписи населения 1953 г., в организации которой принимали участие и специалисты из ГСУ СССР, были известны широкой публике, то материалы переписи 1964 г. были официально обнародованы впервые лишь при публикации материалов 3-й Всекитайской переписи населения 1982 г.¹

Особое внимание было уделено переписям населения страны, поскольку руководство КНР при планировании основных социально-экономических показателей особое внимание обращает на показатель численности населения страны, являющийся решающим фактором для достижения намеченных задач учетверения валовой продукции промышленности и сельского хозяйства с 1980 до 2000 г. и учетверения валового внутреннего продукта с 2000 до 2020 г. За годы китайских реформ было проведено еще четыре переписи населения – 3-я Всекитайская перепись в 1982 г., 4-я – в 1990 г., 5-я – в 2000 г. и 6-я – в 2010 г. Помимо регулярно проводимой переписи населения также проводятся и 1%-ные выборки населения, результаты которых регулярно публикуются в ежегодных статистических сборниках².

В материалах 5-й Всекитайской переписи населения, которые были опубликованы только осенью 2002 г., помимо обычных данных о численности населения, рождаемости, смертности, уровне грамотности и образования, плотности населения по провинциям, национальном составе, возрастно-половой структуры были также опубликованы ранее неизвестные данные о миграции населения по территории КНР и состоянии жилищного фонда страны, включая данные об обеспеченности жильем китайских семей³.

Как видно из анализа материалов 5-й Всекитайской переписи населения, регулярный мониторинг разнообразных статистических данных по КНР позволяет получить данные о состоянии социально-экономического развития страны с достаточно высокой степенью достоверности. В 2010 г. прошла 6-я Всекитайская перепись населения КНР, и представляется, что материалы этой переписи позволят нам с

¹ См.: Чжунго 1982-нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 1982 года), Пекин, 1985.

² См. например: 1995-нянь Чжунго 1% жэнькоу чоуян дяоча чжуяо шущэюй (Главные показатели 1% выборочного обследования населения Китая в 1995 г.), Пекин, 1995.

³ См.: Чжунго 2000-нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения Китая 2000 года), Пекин, ГСУ КНР, 2002. Т. 1–3.

еще более высокой точностью оценивать ситуацию не только в области народонаселения и рынка рабочей силы, но и в экономике Китая в целом.

Т.А. Пан
(ИВР РАН, СПб)

Правила проведения шаманских церемоний при императорском дворе династии Цин

С утверждением маньчжурской династии в Пекине в 1644 г. Запретный город стал местом проживания императорской семьи Айсинь Гиоро. Некоторые внутренние дворцы были приспособлены и перестроены под нужды нового маньчжурского двора: здание третьего по центральной оси во внутренней части дворца, Куньнин-гун, было превращено в зал основных дворцовых шаманских церемоний, место пребывания шаманских духов-хранителей семьи Гиоро, а западная его часть была оборудована как спальня для первой брачной ночи императорской четы. Вторым местом проведения шаманских жертвоприношений был Тансэ – храмовый комплекс, построенный к югу от Запретного города для молений духу Неба, духам предков, за здоровье младенцев семьи Гиоро, жертвоприношений духу лошадей.

Большие шаманские жертвоприношения Небу и духам предков совершались в обоих храмовых комплексах дважды в году – весной и осенью в дни солнцестояния (на них всегда присутствовал император), в начале каждого сезона, во второй день каждого месяца. Малые жертвоприношения совершались ежедневно по два раза, при этом утренние службы были обращены к духам предков и духам-хранителям семьи, вечерние службы – духам темноты и созвездий.

Правила и порядок проведения шаманских церемоний во дворце Куньнин-гун и храме Тансэ определены «Утвержденным императором Уставом шаманской службы маньчжуров», составленном на маньчжурском языке в 1747 г., а затем переведенном на китайский язык. Из них следует, что проведение жертвоприношений во дворце поручалось шаманам-женщинам, выбираемым из жен императора, жен сановников или жен дворцовых офицеров. Только при отсутствии соответствующей на эту роль женщины камлание мог проводить выбранный для этого шаман-мужчина.

После переезда императорского дома из Маньчжурии в Пекин, который был значительно отдален от охотничьих угодий, жертвенная дичь была заменена специально выращиваемыми свиньями, домашней птицей и рыбой. Определенным образом готовились жертвенные хлебцы (жаренные и на пару), при этом в «Уставе» оговаривается, какие хлебцы

и из какой муки следует предлагать духам в зависимости от месяца и времени года. В больших деревянных чанах перегонялось жертвенное вино из мелкого красноватого клейкого проса, пшеница или риса. Вся утварь хранилась в специальных помещениях-кухнях при дворце Куньнин-гун и храме Тансэ. Все жертвоприношения должны были совершаться, повернувшись лицом к югу. При молитве Небу жертвенный шест устанавливался в южной части двора. После завершения церемонии жертвенное мясо должно было быть съедено.

Существовали определенные запреты во время проведения жертвоприношений, особенно это касалось совпадения по времени с трауром. В «Уставе» подробно расписывается проведение больших жертвоприношений Небу и духам предков, при этом указываются роль и действия каждого из участников службы. Сами церемонии настолько формализованы и регламентированы, что в значительной мере напоминают проведение дворцовых мероприятий по строго конфуцианским правилам. Описание каждой церемонии заканчивается текстом читаемых во время нее молитв, в которые шаман должен был подставлять имена тех, за кого он молился.

Составленный по указу Цяньлуна «Устав шаманской службы маньчжуров» определял порядок церемоний не только во дворце, но и во всех семьях клана Айсинь Гиоро и домах знаменитых маньчжуров по всему Китаю. Это дает нам основание считать, что в период цинской династии в Китае были официально признаны не только три традиционные религии (сань цзяо – конфуцианство, буддизм и даосизм), но и четвертая – шаманизм.

Л.С. Переломов
(ИДВ РАН, Москва)

Конфуцианство в историографии КНР (текст и время)

Принципиальное отличие второй общегосударственной антиконфуцианской кампании (1972–76 гг.) от первой (213 г. до н.э.) заключается в том, что текст «Лунь юй» (Бесед и суждений Конфуция) не сжигался, а был подвергнут масштабной антитрадиционной интерпретации. Государственные СМИ призывали народ «бить Конфуция как крысу перебегающую улицу», однако деревня не поддержала город.

В последующие годы вплоть до сегодняшнего дня происходит все возрастающее внедрение текста всеми средствами (включая телевидение) в массовое сознание, чему во многом содействовала инициатива Дэн Сяопина, связавшего свои реформы с *сяокан*, первой социальной утопией Конфуция, но придавший ей свое толкование. Благодаря творческим достижениям руководства КПК, включивших модернизирован-

ные концепции текста канона в структуру управления государством (*и фа чжи го, и дя чжи го* – управлять государством на основании закона, управлять государством на основании Дя; *хэ эр бу тун* – достижение Единства через разномыслие), конфуцианство стало идейной основой «социализма с китайской спецификой», а Конфуций фактически символом КНР.

Экономические успехи Китая способствовали включению конфуцианских текстов во всемирное источниковедение и историографию. Наглядным подтверждением этого процесса может служить 4-я международная конференция по изучению конфуцианства, посвященная 2560 годовщине со дня рождения Конфуция (Пекин, 2009 г., сентябрь), на которой было заслушано свыше 300 научных докладов ученых Азии, Европы, Латинской Америки, России, США и Канады, подтвердивших полнокровное соучастие конфуцианства в диалоге цивилизаций.

Ю.Ю. Погудина
(ВФ СПбГУ)

Формы и методы получения информации о населении в Китае до 1949 г.

До второй половины XIX в. расчеты численности населения в мире и отдельных его регионах являются ориентировочными. Они основаны на косвенных источниках, сопоставлениях; прямые же сведения о населении черпались из трудов историков, летописцев. Однако отличительной особенностью историографии о населении Китая является то, что в отдельные исторические периоды, в частности в эпоху династий Хань и Тан, проводились переписи населения в масштабах всей страны. Известный историк-демограф Х. Биленштейн еще в конце 40-х гг. XX в. отмечал, что китайские императоры использовали перепись для определения размера и порядка налогообложения, отбывания трудовой и воинской повинности и оценки произведенного в стране продукта. Сведения, полученные в ходе регистраций и переписей, проводившихся в Китае в течение многих столетий, дают информацию о численности населения, его распределении. Однако сбор подобных материалов не носил систематического характера в связи с ведением внешних войн и внутренними беспорядками в стране. Формы получения информации о численности населения видоизменялись во время правления разных династий, при этом, как показано в работах зарубежных сиологов Х. Биленштейна и Э. Балаша, главным для властей было не общее число членов семьи, а число налогоплательщиков.

При императоре Цяньлуне произошла очередная реформа системы налогообложения страны, которая была связана с переходом от выплаты

подушевого налога к выплате поземельного налога, что привело к изменению системы учета населения страны. Местные власти уже не уделяли такого внимания учету и регистрации собственно населения, поскольку в новых условиях основным объектом регистрации стала земля. В этих условиях качество китайской демографической статистики стало снижаться.

Обращаясь к оценкам численности населения Китая из разных источников до 1949 г., нельзя забывать о нерегулярности и неточности учета. Данные из разных источников корреспондируются между собой, однако цифры китайских переписей оказываются ниже, чем оценки различных исследователей, поскольку материалы переписей часто не охватывали окраинные территории. Анализ многочисленных исторических источников и материалов переписей населения показывает, что огромная численность населения Китая формировалась в течение многих тысяч лет в процессе очень медленного демографического роста под влиянием особенностей географической среды, социально-экономического развития, культуры, религий и традиций.

В.Я. Портяков
(ИДВ РАН, Москва)

Внешняя торговля Китайской Народной Республики: основные особенности на современном этапе и вопросы источниковедения

Внешняя торговля остается основным каналом взаимосвязи экономики КНР с мировым хозяйством. Главными характеристиками внешней торговли КНР после вступления в ВТО 12 декабря 2001 г. стали беспрецедентный рост объема внешнеторгового товарооборота и крупные подвижки в структуре экспорта и импорта. В 2010 г. объем внешней торговли Китая достиг 2,9 трлн. долл. – в 5,7 раза больше, чем в 2001 г. (около 510 млн. долл.). Доля КНР в мировой торговле товарами за этот период удвоилась, превысив 9 %. Страна вышла на первое место в мире по экспорту и на второе – по импорту. В структуре экспорта при сохранении крупных объемов вывоза готовой одежды и текстиля неуклонно росла доля машин и оборудования, представленных, в частности, бытовой электроникой и мобильными телефонами. В структуре импорта резко выросла доля сырья и топлива, что отражает как наращивание объемов ввоза нефти (с 69,4 млн. т в 2002 г. до 203,8 млн. т в 2009 г.) и железной руды (соответственно, со 111,5 до 627,8 млн. т), так и заметный рост мировых цен на них.

Динамичное развитие и значительные стоимостные масштабы внешней торговли Китая подчас порождают гипертрофированное представление о ее роли в экономике страны. Как правило, к ошибочным

выводам ведет прямое сопоставление объема внешней торговли страны с ее ВВП за аналогичный год (в 2009 г., например, это соотношение составило около 73 %), при этом иногда даже используется неправомерный термин «доля внешней торговли в ВВП». ВВП, как известно, представляет собой стоимость, добавленную в течение года, тогда как объем внешней торговли является валовым показателем.

В случае с Китаем необходимо принимать во внимание огромную долю в его экспорте и импорте операций, связанных с поручительской переработкой (изготовление изделий из сырья, по образцам и из компонентов заказчика). Такая ситуация, прямо связанная со стратегией внешней торговли, получившей образное определение «оба конца – во вне», наглядно видна на примере торговли электронными изделиями. В 2009 г. первой по стоимости экспортной позицией Китая была статья «оборудование для вычислительной и контрольно-измерительной аппаратуры» – 122,4 млрд. долл., на 4-м месте находились телефоны – 41,5 млрд. долл. Одновременно в импорте первое место по стоимости пришлось на интегральные схемы (около 120 млрд. долл.) и 4-е – на жидкокристаллические основы для мониторов и дисплеев (35 млрд. долл.). То есть реально Китай экспортировал труд, затраченный на сборку и монтаж «в железо» ввезенных компонентов. По оценкам журнала «Economist» несколько лет назад доля добавленной стоимости внешней торговли в ВВП страны составляла около 10 %. Сейчас, возможно, она несколько выше, но не принципиально.

В изучении внешней торговли Китая принципиально важна опора на первоисточники, в первую очередь – «Таможенную статистику КНР» («Хайгуань танци»). Она представлена ежемесячными журналами и более детальными годовыми сборниками (в трех томах). Материалы по внешней торговле публикуются также в ежегодниках внешнеэкономических связей и статистических ежегодниках Китая.

Советская и российская школы изучения внешней торговли Китая представлены работами М.И. Сладковского, Ю.Н. Капелинского, А.А. Нетрусова, М.А. Потапова, А.И. Салицкого, П.М. Мозиаса. Все они сохраняют высокую ценность для понимания эволюции и истории развития внешней торговли КНР.

В. М. Рыбаков
(ИВР РАН, СПб)

***Взаимозависимость субъекта и объекта преступления
по уголовным законам династии Тан***

При анализе уголовного кодекса династии Тан порой наталкиваясь на кажущиеся нелогичности. Скажем, вору, совершившему мно-

гократные хищения у одной и той же семьи, наказание следовало уменьшать вдвое по сравнению с тем, как если бы он украл у той же семьи имущество аналогичной стоимости за раз.

Эти и аналогичные им предписания, необъяснимые на первый взгляд, заставляют по-новому взглянуть на представления танских мыслителей о субъекте и объекте преступления, о их взаимосвязях.

Например, ситуация уменьшения наказания вдвое, когда хищение было совершено из одного и того же хозяйства не одновременно, а в результате серии повторяющихся мелких хищений, похоже, не может быть объяснена иначе, как тем, что право косвенным образом возлагало часть вины на самих потерпевших. В самом деле – если к тебе в дом повадился вор, который раз за разом уносит твое добро, а ты не можешь толком обеспечить неприкосновенность своего имущества – вор не так уж и виноват.

Китайская мысль не могла воспринимать отдельное человеческое существо как изолированный от окружающего социума объект. Не было и не могло быть отдельных человеческих существ. Человек всегда включен в какие-то единства: старший–младший, начальник–подчиненный, мужчина–женщина, учитель–ученик. Это были динамические единства, исполненные взаимозависимости.

Акт преступления на какой-то момент создавал единство «преступник–жертва». Танское право стремилось к филигранно отградуированной справедливости и поэтому в принципе не могло рассматривать преступника в отрыве от жертвы.

Надо признать, что архаичная идея отрицания индивидуальной самодостаточности, гуманистического самостояния отдельного человека еще много веков назад вывела китайское право на более чем современные идеи, сходные с нынешней идеей виктимности. Более того, слово там не расходилось с делом, так что идея эта была учтена в конкретных уголовных законах с целью сделать уголовные законы по возможности более милосердными – чего, насколько мне известно, не произошло еще и в нынешних процветающих демократиях.

*Н.А. Самойлов
(ВФ СПбГУ)*

***КНР и ЕС: социокультурные аспекты взаимоотношений и
взаимовосприятия в оценках европейских исследователей¹***

Отношения Китайской Народной Республики со странами Европейского Союза в настоящее время расширяются и приобретают все более активный характер. В 2003 г. Китай и ЕС установили отношения стратегического партнерства. Естественно, что изучение истории, современного состояния и перспектив развития китайско-европейских отношений становится одной из важнейших и актуальнейших тем как для европейских, так и для китайских ученых.

В самое последнее время предметом исследований европейских китаеведов становятся социокультурные аспекты взаимоотношений Китая и ЕС. Это достаточно новая тема, но ее актуальность предопределяет активность ученых, работающих в данном направлении.

Большой интерес представляют работы, основанные на сопоставлении мировосприятия китайцев и европейцев в исторической перспективе и анализирующие возможности использования традиционных китайских понятий и категорий в условиях современного политического дискурса. Подобные исследования вносят как в историческую, так и в политологическую науку принципиально новый подход, базирующийся на понимании того, что социокультурный фактор всегда оказывал и оказывает принципиально важное влияние на характер взаимоотношений европейских государств с Китаем и другими странами Азии.

Второе направление исследований, которое набирает силу сегодня – это изучение вопросов взаимовосприятия Китая и ЕС как на международной арене в целом, так и в контексте социокультурного диалога. Методика подобных исследований включает в себя использование количественных и качественных показателей, а предметом анализа становятся публикации в китайской прессе, информация о Европейском Союзе в теле- и радиопередачах, высказывания китайских респондентов при проведении социологических опросов. Часто выводы, завершающие такого рода исследования, сопровождаются конкретными практическими рекомендациями соответствующим органам Европейского Союза в целях углубления отношений с КНР и развития взаимопонимания.

Следует отметить, что более убедительными выглядят выводы тех западных авторов, которые основывают свои исследования на большом

¹ Доклад основан на материалах, собранных во время научно-исследовательской работы во Франции в апреле–мае 2010 г. по гранту Foundation Maison des Sciences de l'Homme (FMSH).

количестве китайских источников и применяют методики, характерные для востоковедов.

С.А. Серова
(ИВ РАН, Москва)

Дифан чжи (Местные хроники)
как источник новой культурной парадигмы Китая

До начала – середины 80-х гг. XX в. китайская историография базировалась на концепции формирования общенациональной культурной парадигмы, очерченной центральным регионом бассейнов рек Янцзы – Хуанхэ. Национальная глубинка с ее местными особенностями локальной народной культуры оставалась вне поля зрения генеральной линии историографических исследований. Снятие «запретных зон» открыло новые подходы и новые возможности в исследовательских проектах.

В их числе обширная программа изучения религиозных представлений (*но-си*), которая привлекла к участию многочисленных представителей мирового научного сообщества. Полевые исследования, итоговые конференции, публикации сборников статей, в основе которых лежали *дифан чжи*, дающие богатый фактический материал, позволили прийти к пониманию значительной роли местных театральных форм в создании национального традиционного театра – одного из важнейших явлений китайской культуры.

Это позволило современной китайской историографии выдвинуть концепцию 7 культурных зон, имеющих общенациональное значение в становлении и развитии культурных смыслов и художественных традиций Китая.

Э.А. Синецкая
(ИВ РАН, Москва)

Некоторые последствия «культурной революции»

«Культурная революция» уходит в историю. Шрамы преимущественно зарубцевались. И в нынешних китайских произведениях уже в основном говорят не об ужасах этой массовой кампании, а о тех сдвигах в миропонимании, мировоззрении, которыми, в общем-то, всегда сопровождаются процессы миграции. В данном случае я говорю о романе Цзян Жуна «Тотем волка». Герой романа, пекинский студент в 1967 г. в возрасте 21 года с несколькими товарищами по собственному выбору уехал во Внутреннюю Монголию. Этот выбор, как говорит автор, кроме прочего, – результат влияния американской и русской классики, так волнующе описывающей поэзию степей.

Герой попадает не просто в иную культурную среду, в иные условия жизни. Существование в степи тяжело, а порой и опасно, но так живут и работают все вокруг – и это не дискриминационно, не связано с унижением. Человек оказывается в иной цивилизации – степных монголов-скотоводов, чтящих свою традиционную культуру, соблюдающих свои вековые устои. Прожив в степи 11 лет, герой проникся рациональностью соблюдения принятого там образа жизни (отражением которого является тотем волка), он стал поборником соблюдения экологических законов (последствия варварского обращения с экосистемой он видел в процессе организованного заселения степи выходцами из областей с дефицитом обрабатываемых земель). Кроме того, он отчасти пересмотрел историю Китая в свете понимания степняками победного шествия по миру монголов, военные успехи которых являлись результатом усвоения тактики нападения на противника, перенятой у волков. На примере поведения волчьей стаи и овечьей отары герой приходит к выводу, что неспособность Китая эффективно реформироваться находится в тесной связи с национальным характером китайцев (и делает вывод об абсурдности лозунга учиться у беднейшего крестьянства).

Книга была напечатана в 2004 г. под псевдонимом, поскольку политическое прошлое автора вряд ли бы позволило ей увидеть свет. Роман стал бестселлером (ибо, по признанию автора, он «разделяет людей и заставляет их говорить и думать»), имеет беспрецедентные тиражи (в том числе пиратские). В 2007 г. «Тотем волка» стал первым лауреатом The Man Asian Literary Prize (уже проданы права на экранизацию романа в Америке).

Н.В. Смирнова

(ИФ Петрозаводского ГУ)

Внешняя политика династии Сун в XII в. в университетском курсе «История стран Азии и Африки в Средние века»

История династии Сун (960–1279) изучается студентами исторического факультета в курсе лекций по «Истории стран Азии и Африки в Средние века». Внешняя политика императоров династии Сун исследуется на основе монографии С.Н. Гончарова Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142). М., 1986. В период вторжения чжурчжэней в Китай довольно ярко выявились особенности китайской дипломатии, основные черты китайской государственной идеологии.

Сергей Николаевич изучил отношения между Цзинь и Сун в 1127–1142 гг. Основными источниками монографии явились хроника Сюй Мэнсиня (1126–1207) «Сборник о союзе с Севером на протяжении трех

царствований» и летопись Ли Синьчуаня (1166–1203). Ученый использовал и другие источники: сочинения, авторы которых в разное время занимали посты первых министров Южной Сун и непосредственно участвовали в разработке внешнеполитического курса империи; «Собрания произведений» непосредственных участников рассматриваемых событий; воспоминания очевидцев; «Заметки» (или «Записки») сунских авторов. Сергей Николаевич основывается также и на цзиньских источниках. Основным из них является «История Цзинь». Монография С.Н. Гончарова содержит переводы договоров между двумя империями, это договоры 1141–1142 гг., 1164 г. и 1208 г. Анализ значения договоров помогает студентам понять, какое место они занимали в общей истории китайской дипломатии, каким образом повлияли на развитие внешнеполитических концепций Срединной империи.

Сопоставление сунских и цзиньских источников, изучение договоров между Цзинь и Сун позволяет восстановить факты внешней политики династии Сун в XII в. Студенты должны понять, как формировалось начало дипломатии и значение договоров в международных отношениях; влияние договоров на расстановку сил и их роль в международных контактах.

Е.О. Старовойтова
(ВФ СПбГУ)

Современные китайские авторы о российско-китайских отношениях конца XIX – начала XX вв.

Несмотря на кажущуюся всестороннюю изученность, российско-китайские отношения конца XIX – начала XX вв. и на сегодняшний день представляют интерес для исследователей, как в России, так и в КНР.

Данный период в отношениях между Россией и Китаем характеризуется наличием области соприкосновения стратегических и геополитических интересов обеих сторон, которой стал российский Дальний Восток. Известно, что после подписания договора 1881 г. фактически завершилось пограничное размежевание между двумя государствами. Однако это не привело к разрешению противоречий на приграничных территориях. К этому времени правительство Российской Империи перешло к активной внешней политике на Дальнем Востоке, преследуя собственные внешнеполитические интересы. В свою очередь, пытаясь справиться с последствиями поражения в «Опиумных» войнах и стремясь ограничить влияние Запада, Китай к концу XIX в. меняет свой внешнеполитический курс на более прагматичный и обдуманный.

Как отмечает академик В.С. Мясников, к периоду с конца XIX в. до революции 1917 г. относится становление модели равносторонних отношений между Российской и Цинской империями. Однако многие современные китайские исследователи отношений между Россией и Китаем говорят об охлаждении в отношениях между сторонами на данном этапе.

В этой связи интерес представляют новейшие работы китайских исследователей, посвященные упомянутому выше этапу в отношениях России и Китая. В частности, диссертация аспиранта Хэнаньского университета Чжан Гоина «Антироссийские идеи поздней Цин и зарождение национального самосознания (1840–1900)», в которой автор называет Царскую Россию «врагом» Китая. А также диссертационное исследование Лю Лэй (Хунаньский педагогический университет) «Исследование эволюции политики правительства Цин в отношении России 1896–1905 гг.: от близости к отдалению», которое посвящено охлаждению в отношениях между сторонами, вызванному «усилением агрессии со стороны России по отношению к Китаю».

В.Н. Усов

(ИДВ РАН, Москва)

***Пересмотр китайскими историками взглядов
на этапы истории КНР***

1. История КНР насчитывает уже 62 года. Одним из первых исторический факультет Хэбэйского педагогического института в 1958 г. в Пекине издал «Очерки по истории КНР», где давались этапы развития страны. Однако, как признают сами историки, серьезных исследований по истории КНР не велось, и они начались только с 80-х гг. XX в. Заметный итог работы специалистов по истории произошел в год 40-летия КНР, когда появились первые книги по ее истории. К 2010 г. их вышло 60–70 наименований. На основании этого можно проследить пересмотр этапов истории КНР, осуществляемом китайскими историками.

2. В Китае имеется несколько точек зрения на этапы истории КНР, которые можно свести к шести:

1) имеется всего два этапа – до 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва (1978 г.) и после него, когда начался этап реформ и открытости;

2) три этапа – до «культурной революции» (далее «КР»), кампания 1966–1976 гг., и период после «КР»;

3) четыре этапа – основанные на «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени основания КНР» 1981 г.: первый – «семь лет, за которые в основном завершены социалистические преобразования», второй – 10 лет с 1957 г. по 1966 г. «начало (всестороннего) развернуто-

го строительства социализма», третий – 10 лет «КР», четвертый – после «великого исторического перелома» (включавший два года, после ареста «четверки»);

4) пять этапов – основывается на базе четырех указанных выше этапов, но первые семь лет, за которые «в основном завершены социалистические преобразования», делятся на три года «восстановления народного хозяйства» или «общества новой демократии» и четыре года «социалистических преобразований», и того – вместо одного первого – два этапа;

5) шесть этапов – основываются на предыдущих пяти этапах, но последний этап после «великого исторического перелома» делится на два: два года – «движение в период колебаний и нерешительности» (после разгрома «четверки») и «новый исторический период социалистического строительства»;

6) восемь этапов – основываются на шести вышеуказанных этапах, однако последний этап делится на три отрезка: разделом которых являются «выступления Дэн Сяопина на юге» в 1992 г. и созыв 14-го съезда КПК. Таким образом, восемь этапов это: 3 года восстановления, 4 года преобразований, 10 лет поиска, 10 лет «КР», 2 года колебаний, 13 лет начала реформ и открытости, 11 лет создания рыночной экономики, вступление в «научный период» развития.

3. Новые взгляды директора Института современного Китая АОН, вице-президента АОН Китая Чжу Цзяму на этапы истории КНР и их обоснование.

А.Н. Хохлов
(ИБ РАН, Москва)

Коммерсант А.А. Хомзе – организатор библиотеки в Кяхте и активный деятель Общества востоковедения в С.-Петербурге

В истории русско-китайской торговли, которую в течение двух столетий вели российские купцы через Кяхту (на границе с Монголией), можно найти немало лиц, чья профессиональная деятельность была тесно связана с общественной. Об этом свидетельствуют, в частности, публикации о кяхтинских коммерсантах Алексее Старцеве и Михаиле Шевелеве, занимавшихся в Китае торговыми операциями¹.

¹ См. наши публикации: Алексей Старцев – коммерсант, дипломат и просветитель // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1988, ч. 2, с. 234–249; Китаист Михаил Шевелев – коммерсант и предприниматель (Из истории российского предпринимательства до 1917 г.) // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2003, с. 93–106; Миха-

Менее известна жизнь и судьба Альберта Александровича Хомзе, чья служба в качестве директора-распорядителя в российской фирме «Цзиньлун» тесно переплеталась с деятельностью Общества востоковедения, учрежденного в С.-Петербурге 29 февраля 1900 г.

Будучи членом Общества содействия учащимся в Петербурге сибирякам, А.А. Хомзе при поддержке Г.Н. Потанина, прочитавшего 15 октября 1886 г. в г. Троицкосавске (в 5 верстах от Кяхты) лекцию о своем путешествии в Китай, сумел добиться того, что 12 декабря 1887 г. в этом приграничном городе состоялось открытие общественной библиотеки. Интересную оценку этому событию дает ссыльный Н.А. Чарушин в письме к Г.Н. Потанину из Троицкосавска: «О нашей новорожденной библиотеке Вы уже кое-что знаете из [газетной] корреспонденции. Скажу со своей стороны, что для начала она обставлена очень хорошо. Большая коллекция книг... и обилие [добровольных] денежных сборов, по сие время все еще продолжающих поступать из разных мест, ставят ее в довольно исключительное положение... Хомзе – здешний купец, кяхтинец, молодой, неглупый и энергичный...»¹.

Об успешной деятельности А.А. Хомзе в качестве руководителя фирмы «Цзиньлун» («Золотой дракон»), занимавшейся продажей, помимо чая, китайских шелковых тканей, может свидетельствовать такой факт: в 1899 г. этой фирмой по случаю ее десятилетнего юбилея было получено до 150 поздравительных телеграмм из разных городов России, а также из Франции, Германии, Сербии и Болгарии². Как сообщала 1/14 апреля 1905 г. газета «С.-Петербургские ведомости», товарищество кяхтинских торговцев под фирмою «Цзиньлун» к 1 июля 1904 г. имело активный ежегодный баланс благодаря доходу в сумме 1 343 382 руб. 44 коп. при убытке в 26 424 руб. 47 коп.

С учреждением в С.-Петербурге Общества востоковедения в целях распространения среди народов Востока правильных сведений о России и ознакомления русского общества с их материальными нуждами и духовной культурой (для большего сближения между соседними народами как в Российской империи, так и вне ее пределов) А.А. Хомзе как преуспевающему коммерсанту, имеющему опыт делового сотрудничества с соседним Китаем, был предложен ответственный пост казначея этой общественно-научной организации. Помимо сбора членских взносов, ему предстояло в качестве равноправного коллеги участвовать во

ил Шевелев и начало морского судоходства России с Китаем // «Вопросы истории», 2007, № 9. С. 116–125.

¹ РГАЛИ, ф. 381, оп. 1, ед. хр. 176, л. 28–29.

² «Вологодские губернские ведомости», № 215 (7 октября 1899 г.), с. 3.

всех заседаниях Общества, где принимались важнейшие решения относительно его практической деятельности, в том числе по изданию научных трудов и организации собственных курсов с преподаванием восточных языков.

Как человек, связанный с русско-китайской торговлей, А.А. Хомзе глубоко интересовался жизнью китайского народа и даже написал стихотворение о благодушном китайском мандарине (напоминающем гоголевского Манилова) по имени Чун Цинь, которое царская цензура запретила печатать «как заключающее в себе намек на злоупотребления административной власти в России»¹.

О внезапной кончине Хомзе в Меране 3 января 1912 г. россияне узнали из сообщений популярной петербургской газеты «Новое время» от 6/19 и 14/27 января 1912 г., причем во втором номере газета уведомила о панихиде в Казанском соборе 15 января в час дня. В отчете Общества востоковедения за 1911–1912 г., появившемся в 1913 г., по этому поводу было лаконично сказано: «3 января скончался действительный член А.А. Хомзе, много потрудившийся на пользу Обществу в должности казначея, каковую он исполнял с основания Общества по 1906 г.»².

Michael Kordosis
(*University of Ioannina, Greece*)
Fu-lin (From=Rome) of Hindokush and A-luo-han

Apart from Fu-lin, the Eastern Roman State, which in late antiquity was called Ta-ch'in, one must consider as certain that there also existed a Fu-lin (Fromo-Rome) in Central Asia. The latter's name has to be related not only to the Hephthalites or to the people of Bactria, but also to the Yona-Yonaka-Yavana, i.e. the Greeks living in that area from the times of Alexander the Great. The existence of a country or kingdom with the name Fu-lin becomes apparent not only from the title of the ruler of the city of Kapisa, Fromo Kesaro (Fu-lin Ki-so, 738–746), but, mainly, from the existence of a Chinese inscription which describes the dispatch to that country of an emissary, a Persian noble named A-luo-han, by the Chinese Emperor. That emissary's objective was to convince the insubordinate tribes of that area to cooperate with China, an objective that was reached successfully. These insubordinate tribes have been identified with the fore bearers of modern Kafir and resided to the

¹ ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, ед. хр. 1068.

² Имп. Общество востоковедения, состоящее под августейшим покровительством Ея имп. Величества Государыни Александры Феодоровны. Обзор деятельности Общества и Практической Восточной Академии за 1911–1912 г. СПб., 1913, с. 4.

southern slopes of Hindokush mountain range, belonging to the administrative region of the city of Kapisa.

In this announcement, an effort is being made to define, approximately, the time at which A-luo-han reached these regions of Fu-lin together with the reasons that made the Chinese Emperor send a delegation there. This general context, then, is compared to the context of 719, when two embassies from Fu-lin of the West (Byzantium) reached China and to that of the time when Kapisa was under the rule of Fromo Kesaro (738–746), two periods during which the Sino-Byzantine relations reached a heyday.

Federico Masini, Luisa M. Paternicò
(University of Rome «Sapienza», Italy)

***The Choice of Sources for the Compilation of Martino Martini's Sinicae
Historiae Decas Prima***

Compiling his *Sinicae Historiae Decas Prima*, Martino Martini had as objective the narration of the Chinese history from its mythological origins up to the birth of Christ. The author, trying to present an exact chronology of the facts and of the emperors' succession, probably started from the certain historical events in order to be able to date the mythological ones.

This work was the first of its kind, thus, the typology and the number of the sources used by Martini has already been the object of research of eminent sinologists. However, we have decided to carry out a more systematic and comparative study of each one of the narrated episodes, in order to retrace its correspondent in the Chinese historical texts which were available around the middle of the 17th century.

Identifying the historical sources which are at the base of the *Decas* has been a hard task, which has come across different obstacles and required a careful comparative work. One of the difficulties has been that of recognizing the names of the places, of the objects and of the historical figures in the narrated events. As a matter of fact, all these names had been Latinized and declined by Martini with a Romanization that is often inconsistent.

Another obstacle has been the fact that many of the narrated episodes are present in more than one historical text with slight differences: only through a scrupulous control of the correspondence of each single episode and of their succession we have been able to recognize which texts had been more likely taken into consideration by Martini to compile the first history of ancient China ever written in a Western language.

This study has led us to ascertain that Martini had used several sources, all written in Chinese, which he had translated with unbelievable accuracy and put together in an harmonious sequence of events with the competence of a skilful historian.

Boris Novikov
(FAAS, Saint-Petersburg State Universit)
On the history of the entrepreneurship in China: traditional loan offices
(Chinese pawnshops)

Chinese loan offices (*dian dang*, *dian pu*, *dian ya*, *dang pu*, *yadang* and others) presented old-style credit organisations, issuing loans at interest secured on a property. Organizations of that kind existed from 15 century in Europe. In China pawnshops appeared one thousand years earlier in 4–6 centuries AD. Buddhist monasteries were the birthplace of Chinese loan shops: under pretence of monks' material security at monasteries were created loan shops (*siku*) which have brought big income. From monasteries loan offices spread all over the country and were at the peak of growth during Ming (1368–1644) and Qing (1644–1911) dynasties.

Depending on the ownership Chinese pawnshops were of four categories: monastery (*siku*), imperial (*huang dang*), government (*guan dang*) and private or public (*min dang*) pawnshops. Loan offices divided into three types depending mostly on amounts of loan capital. Various groups of society from peasants to aristocracy fall back upon the service of pawnshops, but majority of borrowers were from lower classes of villages and cities.

Pawns were of two types: real estate and chattels. Only the biggest pawnshops dealt with real estate pawns (fields, gardens, houses, etc.), majority of offices granted loans secured on chattels. The most important type of the pawn was cloths which varied by seasons. Traditional practice of the credit-loan business included appraisal of a pawn, defining of amount and due dates of credit, interests and terms of payment. There were specific terms of loan procedures for the purposes of force-majeure.

Over the period of one and a half thousand years traditional loan offices were the most important base for the usury activity in old China. Like in other countries Chinese pawnshops played dual social-economic role: on the one hand usury bondage was a socially destructive factor, and on the other hand the credit-loan activity promoted the commodity-money relations in conditions of subsistence and semi-subsistence farming dominating in old China.

СЕКЦИЯ 8.
СЕКЦИЯ ЯПОНОВЕДЕНИЯ: «ЧТЕНИЯ К 120-ЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА Н.И.КОНРАДА».
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF JAPAN
«IN MEMORIAM OF 120TH ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN
N.I.KONRAD»

А.Д. Бертова
(Восточный институт, СПб)

Религиозные практики японского христианского движения «Церковь Духа Иисуса»

«Церковь Духа Иисуса» (*Иэсу-но Митама Ке:кай* – *イエス之御霊教会*) относится к т.н. японским христианским движениям местного происхождения. Она была основана в 1941 г. Мураи Дзюн (村井純, 1897–1970). В 1950 г. была построен главный храм движения в Токио, а в 1952 г. была основана Библейская школа для обучения пасторов. В 1953 г. движение Мураи было официально зарегистрировано в качестве юридического лица. Активное распространение движения продолжалось в 1970-е гг.

Значительное влияние на Мураи оказало движение пятидесятничества: последователи «Церкви Духа Иисуса» отрицали необходимость религиозного образования, признавая главным лишь религиозный опыт, выражающийся в практике «говорения на иных языках» (глоссолалии), чуде исцеления молитвой и периодическом получении откровений от Бога. Кроме того, в учении «Церкви Духа Иисуса» особенно сильны эсхатологические мотивы и ожидание Второго Пришествия Христа, а также практикуется поклонение «дно субботнему». Для членов движения важным является также практика «крещения Святым Духом».

«Церковь Духа Иисуса» проводит четкое разделение между клиром и мирянами. Для подготовки священников в штаб-квартире движения в Токио существует специальная Библейская школа со специальной двухлетней программой изучения Священного Писания. Основой курса считается Библия и сочинения основателя движения Мураи Дзюн.

«Церковь Духа Иисуса» проводит обряды заочного крещения мертвых, умиротворения злых духов, а также различные виды очищения, заимствованные из синто-буддийских практик.

Движение отличается нетерпимостью к традиционным японским верованиям и борьбой с «идолопоклонством», сопровождаемой публичным сжиганием синтоистских алтарей и других предметов нехристианских культов.

Обряды «Церкви Духа Иисуса» имеют много общего с шаманизмом и направлены на достижение мирских благ, в частности, успехов в бизнесе. В этом плане «Церковь Духа Иисуса» представляет собой синкретическое движение, весьма близкое по своим ценностям и методам проповеди к «новым» религиям.

Т.М. Гуревич
(МГИМО, Москва)

К истокам увлечения японской культурой в Европе

В Европе давно наблюдается значительный интерес к японской культуре. Попробуем, обратившись к истории, проанализировать причины оценки искусства этой дальневосточной страны, «лунной цивилизации», как сказал Шпенглер, называя так цивилизацию, представляющую отражение других культур. Как известно, в XVI–XVII вв. интерес к странам Востока¹ передового отряда колонизаторов определялся лишь возможностями миссионерской деятельности и грабежа. Япония же благодаря режиму самоизоляции возобновила контакты с Европой тогда, когда там уже была подготовлена хорошая почва для восприятия восточного искусства.

Были знакомы с ориентализмом и европейские философы, давая ему порой противоположные оценки. Так, например, Вольтер полагал, что Китай – страна мудрости и справедливости, и проявлял серьезный интерес к сочинениям Конфуция². Подобное восприятие не могло не отразиться и в стремлении европейцев видеть глубокий философский смысл в японской поэзии, военных искусствах, аранжировке цветов.

Таким образом, в Европе, уже освоившей ориентализм в мифологии стиля шинуазри, интерес к Востоку был готов к тому, чтобы превратиться из увлечения экзотикой в научное изучение восточного искусства. «Открытие» Японии в середине XIX в. дало возможность познакомиться с подлинным восточным искусством, на котором никоим образом не запечатлелся отпечаток рук колонизаторов.

Со своей стороны, японцы, чуткие к чужому мнению и переживавшие в это время очень непростой период становления новой национальной самоидентичности и поиска самобытных элементов японской культуры, быстро отреагировали на восхищение европейцев произведе-

¹ Следует отметить, что понятие «Восток» в середине XIX в. обычно не локализовалось, и под ним подразумевался не только дальневосточный регион, но также Индия и арабские страны.

² Впрочем, надо отметить, что Гегель о сентенциях этого же мыслителя заявлял, что «для его славы было бы лучше, если бы они не были переведены».

ниями японского искусства. Неслучайно в 80-х гг. XIX в. получила распространение идея «сохранения национальной сущности» (*кокусуй ходзон*), давшая впоследствии импульс не только для националистического движения в области японского искусства, но и для теории *нихондзинрон*.

Воспитанные в традиции восприятия и дальнейшего совершенствования идей, полученных извне, японцы в дальнейшем сумели воспитать в сознании людей и мысль об исключительности и высочайшей художественной значимости японской культуры и искусства.

А.М. Дулина
(ИСАА МГУ, Москва)

Особенности формирования и развития всеяпонского культа Хатиман по материалам «Хатиман гудо:кин»

Хатиман относится к числу немногих божеств японского пантеона наряду с культами богини солнца Аматаэрасу, божества урожая Инари и божества знаний Тэндзин, культ которых распространен по всей Японии. Оказав поддержку при возведении храма Тодайзи в VIII в., Хатиман из Уса был «приглашен» в столицу и объявлен божеством-охранителем государства. С этих пор растет популярность самого божества, а также основанного в IX в. недалеко от столицы святилища Ивасимидзу. Пророчества божества оказывают весомое влияние на ведение государственных дел. Хатиман почитается вторым после богини Аматаэрасу хранителем императорского рода.

Одним из основных источников, изучение которого позволит выявить особенности формирования и развития культа Хатиман, является написанный в жанре *энги*¹ «Хатиман гудо:кин» («Наставление глупым детям о Хатиман»). Памятник создан в середине – конце периода Камакура (1185–1333) неизвестным монахом святилища Ивасимидзу.

«Наставление» состоит из двух книг. В центре повествования первой – монгольское нашествие на Японию (1274–1281) и роль Хатиман в отражении этого нашествия. Здесь подчеркивается охранительная роль божества как защитника государства от внешних врагов. Вторая книга описывает чудесные деяния бодхисаттвы Хатиман, временно перевоплотившегося в божество для объяснения Закона Будды и спасения живых существ. Несмотря на буддийскую окраску повествования, пред-

¹ *Энги* («история», «происхождение») – жанр преданий о происхождении буддийских храмов и синтоистских святилищ, их основателей, их чудесах. Слово «энги» заимствовано из китайского языка и является переводом буддийского термина, означающего «причинно-зависимое происхождения» (санскр. *пратитья-самутпада*).

ставленный в памятнике культ Хатиман сохраняет синкретический характер, сочетая в себе функции как бодхисаттвы, так и синтоистского божества, при этом божество Хатиман есть временное воплощение трех будд – Амидабхи, Шакьямуни и Махавайрочаны.

Таким образом, на основе данного источника можно проследить основные этапы развития культа от возникновения до его «перенесения» в столицу и распространения по всей стране.

Литература:

1. Хатиман гудо:кин (Наставление глупым детям о Хатиман) // Дзися энги (Предания о происхождении буддийских храмов и синтоистских святыниц) // Нихон сисо: тайкэй (Основные произведения японской мысли). Т.20. Токио: Иванами сэгэн, 1975. С.208–273.

2. Хатиман синко: дзитэн (Энциклопедия культа Хатиман) // Симбуцу синко дзитэн (Энциклопедический сборник синто-буддийских культов). Т.5. Токио: Эбису ко:се:, 2002. 467с.

Л.В.Зенина
(ВФ СПбГУ)

Слово об учителях (личные воспоминания о Н.И. Конраде, Н.В. Кюнере и Я.Б. Радуль-Затуловском)

Автор сообщения вернулась в 1944/45 учебном году на восстановленный Восточный факультет ЛГУ. В 1947–1950 учебных г.х прошла курс аспирантуры по специальности «История Японии» у академика Николая Иосифовича Конрада (1891–1970), затем у профессора Давида Исааковича Гольдберга (1908–1982). Научная значимость деятельности Н.И. Конрада признана и хорошо известна в России. Автор доклада-сообщения остановится на тех личных впечатлениях, которые остались в памяти по сей день и были получены от общения с именитым академиком, 120-летие со дня рождения которого мы отмечаем в эти дни.

В годы учебы докладчик слушала лекции по ряду университетских курсов у профессора Николая Васильевича Кюнера (1877–1955) – непревзойденного знатока источников, классической и современной литературы стран Восточной Азии, особенно Китая, Кореи и Японии. Н.В. Кюнер широко привлекал документы и материалы архивов Ленинграда, Москвы, Дальнего Востока и Средней Азии. Даже одно описание архивных материалов Н.В. Кюнера поражает тем, сколько можно сделать за одну человеческую жизнь. Его лекции всегда поражали глубиной и обширнейшим знанием предмета лектором. Запомнилась его удивительная манера заканчивать лекцию четкими и аргументированными выводами. Знания, полученные мною в области корееведения у проф. Н.В. Кюнера, легли в дальнейшем в основу собственных лекций и напи-

сания разделов по истории Кореи в коллективных учебниках по истории зарубежных стран Азии и Африки.

Нельзя не сказать и о том человеке, лекции которого по философии Японии автору сообщения довелось слушать трижды: студенткой 4-го курса, аспиранткой и в качестве молодого преподавателя. Это был Яков Борисович Радуль-Затуловский (1903–1987). У Якова Борисовича была особая манера чтения лекций и проведения занятий: он частенько приглашал студентов к доске и просил написать фрагменты летописных текстов, а затем – совместно их проанализировать. Радуль-Затуловский был глубоко знаком с историей материалистических идей в Японии в XVIII–XIX вв., с конфуцианством, с работами китайских просветителей (Дай Чжень) и философов (Фань Чжень), современных японских мыслителей. Одна из его работ («Конфуцианство и его распространение в Японии», М.-Л., 1947) готовится к переизданию в настоящее время в одном из издательств Москвы. Восприняв эстафету Учителя, докладчик в течение ряда лет преподает возобновленный курс «Краткая история философии Японии».

В сообщении пойдет речь и о тех учителях, которые преподавали автору сообщения японский язык. Это – Александр Алексеевич Холодович (1906–1977), Ольга Петровна Петрова (1900–1993) и Евгения Максимовна Копакчи (1902–1952).

Ю.В. Иванова

(Восточный институт ДФУ)

Основные направления в творчестве Ариеси Савако

Известная японская писательница Ариеси Савако (1931–1984) в процессе своего творчества занималась исследованием разных аспектов жизни японцев, уделяла внимание национальной культуре, ценностям и насущным проблемам японского социума. В современном востоковедении анализ творческого наследия Ариеси Савако не проводился. Однако многие культурологические, исторические и литературоведческие работы русских ученых помогают в изучении японских реалий, описанных Ариеси Савако в ее произведениях.

В творчестве японской писательницы следует выделить два направления, в которых она работала. Одно из них включает создание произведений, вскрывающих острые социальные проблемы, попытки поиска предпосылок их возникновения и исследования путей их решения. Первые обращения Ариеси Савако к социальной проблематике зафиксированы короткими рассказами и пробными романами в переходном периоде (1959–1969) ее творчества. Примерами этих работ являются такие произведения как «Вода и драгоценности» («Мидзу то хосэки»,

1959 г.), «Ночной собеседник» («Нама еи», 1959 г.), «Нет Цветных» («Хисеку», 1963 г.), в которых предметом авторского внимания оказались гендерные проблемы, расовые предрассудки и национальные трагедии японцев.

В исторических произведениях, формирующих второе направление творчества Ариеси Савако, основной темой становится трансформация семейных ценностей и гендерных ролей на определенных отрезках исторического времени. Работами, репрезентирующими это, являются семейные романы «речного цикла»: «Кинокава» («Кинокава», 1959 г.) «Река Арита» («Аритагава», 1963 г.), «Река Хидака» («Хидакагава», 1966 г.) и некоторые другие. В рамках исторического направления писательница также занималась созданием произведений о выдающихся японских деятелях, подробности личной жизни которых были утеряны. Работа по реконструкции недостающих фактов их биографии была проделана Ариеси Савако в романах: «Жена Ханаока Сэйсю» («Ханаока Сэйсю но цума», 1967 г.) и «Окуни из Идзумо» («Идзумо но Окуни», 1970 г.).

Таким образом, выделение основных направлений в творчестве Ариеси Савако способствовало систематизации ее произведений, выявлению ключевых проблематик и наблюдению за их трансформацией в ходе творческого развития автора.

Н.Х. Исса
(ВФ СПбГУ)

История появления бондзи на японских мечах

На японских мечах очень часто встречается гравировка клинка – хоримоно. Большую часть этих гравировок составляют так называемые бондзи. Этот вид гравировки используется мастерами мечей практически на всем протяжении истории японского меча вплоть до наших дней.

Бондзи (др. назв. ситтан) – это японское название письменной формы сиддхаматрики, использовавшейся для записи санскрита. В Японию она была передана из Индии через Китай в эпоху распространения буддизма. Впервые она была введена в употребление в 806 г. монахом Кукаем, изучавшим в Китае тантрический буддизм, впоследствии ставший основателем школы Сингон. Вначале данным шрифтом записывались тексты сутр и мантр. В период с конца эпохи Хэйан и начальный период эпохи Камакура среди военного сословия особую популярность обретают эзотерические школы буддизма Сингон и Тэндай. Самураи и дайме, вовлеченные в такой буддизм стали заказывать надписи бондзи на мечах. Примером таких мечей могут служить работы двух прославленных мастеров провинции Бунго – Садахидэ и его ученика Юкихира.

На мечах бондзи начинают встречаться уже с конца эпохи Хэйан в виде хоримоно (вырезанного на поверхности клинка изображения). Помимо бондзи, на мечах можно было увидеть изображения буддистских божеств или вещей, являющихся символами этих божеств. Хоримоно в этот период выполняли не только функцию украшения, но, в первую очередь, являлись оберегами для владельца, заказавшего данный меч, или для мастера, выковавшего его, что было актуально непосредственно в этот период и в последующие эпохи, когда меч применялся как оружие на поле боя. Порой это была молитва за упокой души поверженного этим мечом противника. Кроме того, бондзи записывались имена божеств, которые отвечали за долголетие, за удачный исход битвы и т. п. В мирную эпоху хоримоно, в частности бондзи, в большей степени воспринимались как украшение меча. О важности изображения бондзи можно судить даже потому, что их вырезал на своих клинках самый знаменитый мастер мечей Масамунэ.

В эпоху Эдо бондзи стали изображать даже на деталях косираэ, таких как цуба и фути-касира. Если посмотреть на мечи эпох кото, синто и синсинто, то можно отметить, что чаще всего бондзи встечаются на работах мастеров таких провинций, как Бидзэн и Сагами. У каждого из них были свои особенности в технике гравировки того или иного имени или изображения божества и его выборе. Очень часто именно благодаря бондзи можно атрибутировать меч по времени создания и по мастеру, вырезавшему хоримоно (хоримоно необязательно делал мастер, выковавший меч).

А.В. Климов
(ВФ СПбГУ)

Описание острова Сахалин исследователем Мацуда Дэндзю:ро:

«Рассказы о северных эдзо» (дословный перевод «Хокуидан 北夷談») представляет собой описание островов Сахалина, Кунашира, Итурупа, Хоккайдо. Автором является Мацуда Дэндзю:ро: 松田伝十郎 (1769–1843). Письменный источник состоит из пяти тетрадей. Он опубликован в 4-м томе собраний документов под названием «Нихон семин сэйкацу сире: сю:сэй 日本庶民生活史料集成 (Собрание исторических материалов о жизни простого народа Японии)». Описанию острова Сахалин посвящены третья и четвертая тетради.

В третьей тетради Мацуда рассказывает о третьей экспедиции. В 1808 г. по приказанию военного правительства он отправился на Карафуту (японское название острова Сахалин). 8 мая 1808 г. он вместе с Мамия Риндзо: отправились из Соя (о. Хоккайдо) в Сирануси (южная

часть Сахалина). Мацуда раньше, чем Мамия Риндзо: первым из японских исследователей убедился, что Сахалин – это остров. Мацуда установил, что еще раньше в местечке Мосирия жило пятеро русских. Он составил карты и отчет, которые им были предоставлены вышестоящим чином военного правительства. 13 июля 1808 г. Мацуда вернулся на Хоккайдо.

В четвертой тетради Мацуда описывает о своем пребывании в местечке Кусюнкотан в бухте Анива в южной части Сахалина. В 1809 был издан указ бакуфу о том, чтобы отныне называть остров Карафуто «землями северных эдзо» (кита эдзоти 北蝦夷地). Во время этой командировки он занимался разрешением проблемы долга, возникшего в результате меновой торговли между айнами и людьми сантан (ульта). Он описывает, что в 1809 г. впервые в качестве эксперимента в Кусюнкотан остались перезимовать семеро самураев из дома Цугару, Мацуда Дэндзю:ро: и еще пять чиновников военного правительства. Мацуда убедился насколько незаменимы бывают собаки в зимнее время. Он достаточно подробно описывает горький опыт зимовки в Кусюнкотан. По мнению японского исследователя, зима на Сахалине гораздо суровее, чем на острове Итуруп.

В ожидании нападения русских японцы объявили айну правила поведения в случае появления иноземного, иными словами русского, судна. В частности, предписывалось незамедлительно докладывать японцам, как только увидят в море приближающееся иноземное судно. Если паче чаяния иноземцы высадутся на сушу, то ни в коем случае не проявлять к ним чувства симпатии и не откликаться на их обходительное поведение. Всякое проявление айну симпатии к русским будет считаться тяжким преступлением. 17 сентября 1811 г. Мацуда на судне вернулся из Кусюнкотан в Сирануси и далее в Мацумаэ.

Дневник Мацуда Дэндзю:ро: содержит ценную информацию, которая позволяет восстановить с большей точностью освоение японцами северных островов, заселенных айну и другими малыми народами.

В.Ю. Климов
(ИВР РАН, СПб)

История изучения религиозного движения «икко:-икки» в Японии

Сама возможность исследования сложного народного движения под религиозной оболочкой буддийской школы «Истинной Веры Чистой Земли» возникла благодаря тому, что после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи-исин были заимствованы европейские методы изучения исторической науки, был создан как исторический факультет, так и сам Токийский университет, а также Историографический инсти-

тут, ставший научно-исследовательским подразделением вышеозначенного университета.

Так, Хаара Кацуро: 原勝郎 (1871–1924) ввел понятие «средневековье», «средние века» (тю:сэй 中世) в японскую историческую науку, Миура Хироюки 三浦周行 (1871–1931) одним из первых, обрабатывая и изучая рукописи в Историографическом институте, обратил внимание на существование объединений местных жителей в форме «икки 一揆» и народного движения в провинции Ямасиро (1486–1493) (*Ямасиро кунни-икки 山城国一揆*). Во многом его интерес к этой проблематике был обусловлен Синьхайской революцией в Китае.

Первым исследователем религиозного движения «икко:-икки» был Наганума Кэнкай 長沼賢海 (1883–1980), написавший в 1913 г. работу «Высокомудрый Рэнне и движение икки», которая вошла в 1928 г. в монографию «Изучение истории религий Японии» (蓮如上人と一揆運動/日本宗教史の研究). В 1920 г. Макино Синносукэ 牧野信之助 (1884–1939), находившийся под влиянием Миура Хироюки, исследуя историю двух поместий Кавагути 河口 и Цубоэ 坪江 в провинции Кара (莊園制度崩壊の一例としての河口・坪江の研究), установил связь между разложением поместной системы и зарождением и бурным развитием движения *икки*, он раскрыл различные формы борьбы всех слоев сельского населения.

До и после Второй мировой войны японские историки большое внимание уделяли социальным проблемам, а особенно классовой борьбе под влиянием марксистских идей, провозглашая, что и у простого народа есть история. Особенно в этом преуспел Накамура Китидзи 中村吉治 (1905–1986) в 30-х гг. прошлого столетия. В то же время в 1930 г. Иваса Такуми 岩佐巧 опубликовал работу «Изучение икко:-икки» 「一向一揆の研究」, где рассматривал, как разворачивалось религиозное движение в столичном округе Кинай, в провинции Микава, роль храма Хонгандзи в организации этого движения в период междоусобных войн *сэнгоку-дзидай*.

Наиболее крупный вклад в изучение «икко:-икки» внесли Касахара Кадзуо 笠原一男 (1916–2006), Иноуэ Тосио 井上鋭夫 (1923–1974), Синге: Норикадзу 新行紀一 (1937 –). В настоящее время ведущим исследователем является Канда Тисато 神田千里 (1949 – ...). Постепенно произошел переход от идеологизированных схем вульгарного марксизма к взвешенным оценкам. Сейчас японские историки отдают приоритет исследованиям, базирующимся на первоисточниках. Тем не менее в Япо-

нии до сих пор сильно влияние научного марксизма, что проявляется в интересе исследователей к социальной проблематике.

Н.Ф. Клобукова (Голубинская)
(Московская государственная консерватория; РГГУ; ИСАА МГУ)
Аудиодокумент как средство познания и объект изучения:
первые европейские и американские записи
японской музыки начала XX в.

Традиционная японская музыка всегда вызывала у представителей западного мира смешанные чувства, которые в общих чертах можно охарактеризовать как ужас пополам с восторгом. Попытки как-то уложить эту музыку в привычные европейскому слуху акустические рамки и описать ее с точки зрения западного музыковедения положили начало музыкальной японистике – области этномузыкологии, предметом изучения которой является японская звуковая традиция. Прогресс науки и техники на рубеже XIX–XX вв. и появление звукозаписывающей аппаратуры – фонографа, который фиксировал звук на восковые цилиндры, и граммофона, использовавшего шеллачные пластинки, способствовал созданию большого числа аудиодокументов и фонограммархивов. Объектом немалого интереса первых звукозаписывающих компаний была национальная музыка разных стран, в том числе и Японии. Так, в 1903 г. звукорежиссер английской компании Gramophone Company Фредерик Гайсберг (1873–1951), будучи в Японии, сделал около 54 записей музыки самых разных жанров – от придворного оркестра гагаку до вокальных пьес нагаута театра кабуки. Двумя годами ранее, в 1901 г., Отто Абрахам и Эрих фон Хорнбостель записали несколько пьес в исполнении гастролировавшей в Берлине театральной труппы Отодзиро Каваками. Результатом этих записей был беспрецедентный для своего времени труд «*Studien über das Tonsystem und die Musik der Japaner*» («Изучение музыкальных систем и музыки Японии»), в котором был проведен анализ акустической и тональной организации японской музыки. Аудиодокумент в данном случае был источником информации и средством познания инокультурной музыкальной традиции, *современной* исследователю. В настоящее время данные ранние аудиодокументы представляют собой уникальную ценность уже не столько в качестве образцов различных жанров, сколько как свидетельства бытования музыкальной традиции, отстоящей от исследователя более чем на столетие.

Ф.В. Кубасов
(ИВР РАН, СПб)

**Приступая к исследованию «Рассуждения о сливе и сосне»
(Байсе-рон 梅松論)**

Общие сведения об источнике.

Само название «байсерон», которое мы здесь переводим как «рассуждение о сливе и сосне» (слово «рон» 論, впрочем, может означать и «спор»), связано с метафорой присутствующей в самом тексте: «слава сегуна расцветает подобно сливе, а долголетие его потомков подобно сосне». Есть также такие слова: «когда слива и сосна состарятся, то лишь подует ветер в соснах, как цветы сливы распустятся и заблагоухают». Это выглядит как беседа между двумя деревьями. Основываясь на последнем из образов, быть может, можно было бы интерпретировать название памятника как «Беседа сливы и сосны».

Текст состоит из двух свитков. Составлен, как полагают, в 1349 г. (5-й год Дзева 貞和). Автор текста неизвестен. По предположениям ученых, это либо кто-то из окружения Асикага Такаудзи 足利尊氏 (1305–1358), либо человек, близкий к дому Хосокава 細川, либо монах из окружения Мусо Кокуси 夢窓国師 (1275–1351). Текст выстроен в форме исторических повествований *Кагами-моно 鏡物* («Зерцал»), наиболее известным из которых является Окагами («Великое зеркало»). По существу, текст написан в форме «беседы до рассвета» (*цую-моногатари 通夜物語*) людей, собравшихся для ночного бдения в храме Китандзингудзи. Памятник описывает политическую обстановку времен конца периода Камакура, смуту годов Секю (1221 г.), падение камакурского сегуната, реставрация Кэмму (1334–36), борьбу за власть между родами Нитта 新田 и Асикага 足利, основание сегуната Муромати братьями Асикага Такаудзи и Тадаеси. Во втором свитке подробно описаны сражения Кусуноки Масасигэ 楠木正成 (1294–1336), выдающегося полководца той эпохи, падение замка Канэ-га саки, сосредоточение всей полноты власти в руках Асикага Такаудзи и оценка этого деятеля с позиций буддийского иерарха Мусо Кокуси. Хронологически, описываемые в памятнике события завершаются годами Какэй 嘉慶 (1387–1389), с которых, в свою очередь, начинается повествование Гэньсью 源威集, другого исторического повествования, возникшего, как полагают, под влиянием Байсерон.

О списках.

Списки памятника можно разделить на две группы: *кохон-кэй 古本系* («линия старых книг») и *руфубон-кэй 流布本系* («линия попу-

лярных книг»). Первые лаконичнее и, по всей видимости, ближе к изначальному тексту, тогда как вторые изобилуют вставными эпизодами. Версии *кохон* были опубликованы в журнале Кокуго кокубун 国語国文 («Родной язык и литература»), тогда как наиболее известный ныне текст, вошедший в собрание Гунсе руйдзю (群書類従), относится к *руфубон*. Существуют также списки Тэнрибон (天理本) и Кансэйбон (寛正本). Различия между списками, по признанию исследователей, весьма многочисленны.

Н. Ф. Лещенко
(ИВ РАН, Москва)

Эпоха Токугава в современной японской историографии

Эпоха Токугава относится к одному из самых изучаемых периодов японской истории, интерес к которой объясняется многими причинами. Это был самый длительный период мира в японской истории, когда страна ни с кем не воевала, всецело переключившись на дела внутренние.

Эпохи, как и люди, оставляют после себя разное наследство и зачастую пристрастно оцениваются потомками. В японской историографии долгое время бытовала точка зрения, что эпоха Токугава была мрачным и застойным периодом японской истории, когда из-за неразвитости экономики не наблюдался прирост населения. Комплексное изучение этой эпохи с широким привлечением новых данных, в том числе и демографических, опровергли эту точку зрения. Динамизм эпохи демонстрировало японское купечество, предприимчивость которого позволила ему достичь значительной экономической мощи даже в условиях закрытости страны для внешнего мира.

Иную трактовку получил и вопрос о закрытости страны для иностранцев в XVII в. Изгнав испанцев и португальцев, Япония не закрыла себя для Азии, да и для Европы она не была полностью закрыта. Для Японии это была своего рода система национальной безопасности, а изгнание иностранцев было одной из мер, которая способствовала наступлению мира в стране.

Огромное количество исследований касается личности Токугава Иэясу (1542–1616). Долгое время спорным оставался вопрос о легитимности власти Иэясу, родословная которого была окутана легендами и вымыслами, в ней было много неясностей и поэтому считалось, что сведения о принадлежности Токугава к дому Минамото (первый сегунат) являлись результатом более поздних исправлений в документах. Тщательное изучение разного рода источников позволило доказать, что Иэ-

ясу имел отношение к линии Гэндзи-Минамото и занял пост сегуна на законных основаниях. Личность Токугава Иэясу высоко оценивается в японской историографии. Иэясу во всех сферах своей деятельности шел к намеченной цели последовательно и неуклонно, не отвлекаясь на дела, которые можно было осуществить после достижения задуманного, что и позволило ему добиться успеха при восхождении к вершинам власти. Продуманный им порядок наследования титула сегуна позволил дому Токугава править страной 264 года.

М.Н. Малашевская
(ВФ СПбГУ)

Концепция истории русско-японских отношений 1956–2002 гг. в книге Того Кадзухико «Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей».

Японский дипломат и исследователь Того Кадзухико в 2007 г. издал книгу по истории советско-японских и русско-японских отношений 1956–2002 гг.¹ Он представляет дипломатический диалог между двумя странами как пять упущенных Японией возможностей вернуть спорные острова Южных Курил. Таким образом, Того дает неординарную концепцию истории развития отношений между двумя странами, так как возлагает ответственность за не-разрешение проблемы на японскую сторону, дипломатия которой видится автору инертной, косной и зависимой от интересов США.

Две «упущенные возможности» Того относит к развитию отношений Японии и СССР (переговоры 1973 г., ситуация в начале правления М.С.Горбачева 1985–86 гг.), оставшиеся три он связывает с диалогом с новой Россией после 1991 г. (Московские переговоры 1993 г., «встреча без галстуков» 1997 г., Иркутский саммит 2002 г.). Японский дипломат говорит о том, что для Японии в эти поворотные моменты складывается наиболее благоприятная ситуация, открывается «окно возможностей» (機會の窓), которым японские политики и дипломаты не умеют воспользоваться. Одной из фатальных ошибок японской дипломатии Того видит провал переговоров 2002 г., когда было возможно разрешение проблемы по схеме «2+2» (二島先行論)², однако смена руководства японского МИДа и, как следствие, возвращение к концепции «все острова сразу» (四島一括返還) откинули Японию назад и, как показывают

¹ 東郷和彦. 北方領土交渉秘録. 失われた五度の機会. – 東京: 新潮社, 2007, p.430.

² Развернуто: 「齒舞・色丹の引き渡し」「国後・択捉についての討議」.

события последующих лет, «окно возможностей закрылось», момент был упущен.

Рассматривая историю русско-японских отношений через призму концепции «упущенных возможностей», Того переставляет акценты, указывая на то, что вина за не-разрешение спора лежит не всецело на СССР и его преемнике Российской Федерации, как оккупанте этих земель (как принято в традиционной японской трактовке истории диалога двух стран), а на японской дипломатии, неспособной воспользоваться ситуацией, разрешить вопрос в свою пользу, и даже намеренно тормозящей процесс, возвращаясь к националистическим лозунгам и неадекватно оценивая политическую ситуацию в мире.

К.Г. Маранджян
(ИВР РАН, СПб)

«Совершенномудрый из Оми» – жизнь как текст

К числу конфуцианских мыслителей начала эпохи Токугава относится и Накаэ Тодзю (1608–1648), получивший уважительное прозвище «Совершенномудрого из Оми».

Его имя осталось в истории не столько благодаря написанным им трудам, сколько потому, что сама его биография и стиль поведения обеспечили ему признание современников, видевших в его поступках пример наглядного воплощения декларируемых им идей.

До нас дошла биография ученого – «Тодзю сэнсэй нэмпу» («Хронологические записи об учителе Тодзю»), составленная одним из его учеников. Как свидетельствует этот источник, Накаэ Тодзю уделял огромное значение соблюдению ритуальных правил и регламентации жизни, как он понимал их, читая конфуцианские тексты сначала Чжу Си, а потом и работы таких минских философов, как Ван Цзи, Ван Янмин и др. Известно, что в первой половине жизни он каждое утро отбивал поклон и читал вслух текст «Книги о сыновней почтительности», полагая сыновнюю почтительность главной конфуцианской добродетелью. Позднее каждое первое число месяца он после «ритуального очищения» тела, стал поклоняться «Великому божеству Владыке Неба, создавшему мириады вещей».

Биография Тодзю, в соответствии с жанром текста, сопоставляет многие судьбоносные моменты жизни ученого с эпизодами из канонических конфуцианских книг, таких как «Ли цзи», «Лунь юй» и другие, сопоставляя его поступки с деяниями самого Конфуция и других совершенных мудрецов древности. В этом смысле биография предстает перед нами как набор развернутых цитат, отсылающих нас к классиче-

ским текстам. Жизнь ученого оказывается сконструированной по определенному каноническому лекалу.

Любопытно, что аналогичную операцию совершают и современные исследователи, занимающиеся изучением жизни и творчества Накаэ Тодзю, пытаясь сопоставить его поступки с поведением персонажей из классических китайских книг. Эту традицию продолжает и мемориальный музей Тодзю, существующий сегодня на месте его частной школы.

Пример с «конструированием» биографии Тодзю, ставшего примером «добродетельного поведения», свидетельствует о том, что конфуцианство в Японии было востребовано не столько как особая интеллектуальная система или идеологический инструмент, сколько как этическая система, предлагающая новую модель нормативного поведения человека в социуме.

С.И. Марахонова
(ИВР РАН, СПб)

Личный фонд япониста С.Г. Елисеева
в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ. Ф. 16)

Личный фонд С.Г. Елисеева в АВ ИВР РАН состоит из 339 единиц хранения и, по-видимому, является одним из самых больших собраний документов знаменитого ученого. Он разнообразен по содержанию и включает как записи личного характера, так и газетные вырезки, освещающие важнейшие для С.Г. Елисеева современные ему события. Материалы уникальны с точки зрения восстановления биографии выдающегося япониста, получившего заслуженное мировое признание, но почти забытого в СССР.

Большая часть материалов относится к 1914–1920 гг., когда Елисеев находился в Петрограде. Есть также и документы периода учебы Елисеева в Токийском императорском университете (1908–1914), наиболее важные и интересные среди них – его первая статья, опубликованная в японской прессе, «Декадентство в современной поэзии в России» (журнал «Teikoku bungaku», январь 1909 г.) и выпускная студенческая работа о творчестве средневекового японского поэта Басе (154 страницы японского текста, в самодельном картонном переплете) за 1913 г. К петроградскому периоду принадлежит ряд записей и набросков статей о Басе и о японской поэзии в целом, а также об истории и экономике Японии.

Большую ценность представляют дневник Елисеева за январь и март 1919 г. и дневниковые записи конца мая – начала июня 1919 г., сделанные им во время тюремного заключения. О научной деятельности ученого и преподавателя в 1915–1920 гг. можно судить по сохранив-

шимся названиям статей и докладов, которые он подготовил и прочитал в разных учреждениях (например, статья «Описание эфесов японских мечей собрания Н. Щегловой», доклады «Идеалистический пейзаж в Японии и Сэссю», «Особенности дальневосточной скульптуры», о русско-японских отношениях и др.). Адреса и пометки в записных книжках, а также письма к Елисееву помогают выявить его круг общения.

Ряд официальных документов, касающихся командировки Елисеева за границу в 1920 г., в которой затем ему было отказано во властных инстанциях, позволяет понять, что бегство ученого с семьей из большевистской России было вынужденным ввиду невозможности покинуть страну легально. Пойти на эту крайнюю меру ученому пришлось ввиду нависшей над ним смертельной угрозы.

А.И. Мотрохов

(ХНУ им. В.Н. Каразина, Харьков)

***О толковании некоторых «Песен Восточных провинций»
поэтической антологии «Манъесю»***

первой национальной поэтической антологии «*Манъе:сю:*» собраны песни из различных уголков восточных провинций, известные как «*Песни Восточных провинций*». Вероятно, эти песни были собраны и помещены в антологию управителями провинций, которых направляли туда на службу. Возможно, удобным случаем для их сбора послужило составление приблизительно в это время естественно-географических описаний провинций «*Фу:доки*».

В «*Песнях Восточных провинций*» ярко описаны не только трудовая жизнь и чувства народных масс, но также воспеты любовь между молодыми мужчинами и женщинами, мужьями и женами, крестьянскими девушками и сыновьями представителей могущественных кланов. Именно песни любви составляют большинство «*Песен Восточных провинций*». В докладе рассмотрены и дана критическая оценка смыслового содержания следующим песням, собранным в т. 14 этой антологии: № 3348, 3351–3352, 3356, 3358–3359, 3361, 3369, 3373, 3375, 3378, 3380, 3382, 3386, 3399, 3404, 3410, 3414, 3420–3421, 3438, 3454, 3458–3460, 3465, 3467, 3491, 3519, 3557. Для смыслового содержания данных песен характерно постоянство образов, обусловленное национальными традициями, и скрытая эмоциональность при описании любовных чувств.

*Е.М. Османов
(ВФ, СПбГУ)*

*Философия «нохэй» и первые попытки ее практической реализации
в XVII – середине XIX столетия*

Предшественниками созданных в начале 70-х гг. XIX в. вооруженных сил можно считать формирования нохэй 農兵, дискуссии о формировании которых в среде токугавских интеллектуалов начались во второй половине XVII столетия.

Для некоторых мыслителей периода Токугава (Кумадзава Бандзан 熊沢蕃山 (1619–1691), Огю Сорай 荻生徂徠 (1666–1728), Рай Санъе 賴山陽 (1780–1832), Фудзита Токо 藤田東湖 (1806–1855)), видевших основу всех бед Японии в узурпации императорской власти военным сословием в XII в., вопрос о нохэй был тесно связан с вопросом об «идеальном государстве» в его японском понимании. Среди ученых широкое распространение получила основанная на конфуцианской философии и этике теория «возврата к прошлому», согласно которой идеалом считалось досегунская эпоха, когда не существовало характерного для токугавского общества разграничения крестьян и военных, а понятия воин и земледелец составляли одно целое.

Многие из ученых, разрабатывавших теорию нохэй, идеализируя существовавшую ранее военную систему, исходили из вполне утилитарных причин. Видя, что экономическое положение самурайского сословия ухудшается, а сами воины вынуждены искать себе применение в сферах ремесла и торговли, они стремились создать условия поддержания экономического благополучия военного сословия. Главная цель заключалась в создании такой системы военной службы, которая была бы практически самодостаточной и поглощала незначительную часть государственных расходов. По их мнению, идеальный «земледелец-воин», как это было установлено кодексами «Тайхоре» и «Ероре», должен был отбыть определенный срок (1–3 года) воинскую повинность, а затем заниматься сельским хозяйством, являясь в то же время резервистом, который в случае необходимости вновь брался за оружие.

Однако, вследствие нежелания бакуфу предоставлять крестьянам оружие, до середины XIX столетия практическая реализация концепций нохэй носила крайне ограниченный характер. Ее проводниками в основном выступали прогрессивные правительственные чиновники на местах и главы княжеств, осознавшие необходимость обеспечения безопасности прибрежных территорий.

Несмотря на ограничение доступа крестьян к оружию, разработанная учеными периода Токугава философия нохэй, правда в несколько

измененном виде, нашла свое практическое воплощение в 50–60-е гг. XIX столетия. Эта концепция была реализована в виде создаваемых во многих княжествах различных формирований, известных под общим названием мимпэй 民兵, набор в которые зачастую проходил практически без всяких сословных ограничений, и которые стали основой вооруженных сил новой Японии.

В.В. Рыбин
(ВФ СПбГУ)

**Академик Н.И. Конрад – выдающийся востоковед-дальневосточник
(сообщение к 120-летию со дня рождения)**

Как известно, Николай Иосифович Конрад родился в Риге 1 (13) марта 1891 г. В 1912 г. стал одновременно выпускником Восточного факультета Петербургского университета по японско-китайскому разряду и японского отделения Практической восточной академии.

Н.И. Конрад после непродолжительной стажировки в Японии и года работы в Киевском коммерческом институте направляется Петербургским университетом в Японию в 1914 г. на трехгодичную стажировку. Возвращается он в Петроград в июле 1917 г., а затем уезжает в Орел, где служит (в 1919–1923 гг.) ректором (первым и единственным) недолго существовавшего Орловского университета¹. В.М. Алпатов резонно отметил, что после возвращения в Петроград Н.И. Конрад «оказался там почти единственным японистом-профессионалом и начал создавать свою научно-педагогическую школу»².

Далее Н.И. Конрад преподавал в ЛГУ и ЛИЖВЯ (1922–1938), Институте красной профессуры (1934–1936) и Московском институте востоковедения (1941–1950)³. Заведовал кафедрами в ЛГУ и ЛИЖВЯ, направлял работу коллектива японоведов в Ленинградском отделении ИВ АН. В 1926 г. получил должность профессора, в 1934 г. стал доктором филологических наук и первым японистом, избранным членом-корреспондентом АН СССР. Н.И. Конрад был не только педагогом,

¹ См. подробно: *Алпатов В.М.* Предисловие // Н.И. Конрад. Неопубликованные работы. Письма. М.: РОССПЭН, 1996. 544 с., илл. С. 3.

² Там же.

³ *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI в.: библиографический словарь: в 2 кн. / С.Д. Милибанд; Ин-т востоковедения РАН; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. М.: Вост. лит., 2008. Кн. 1: А-М. 4, VIII, 968 с. С. 678.

Учителем, наставником для многих, ставших впоследствии известными японистами, но и «крупным организатором отечественной науки»¹.

В 1958 г. Н.И. Конрад был избран действительным членом АН СССР, в 1969 г. награжден высшим для иностранцев Орденом Восходящего солнца II-й степени. Скончался Н.И. Конрад 30 сентября 1970 г. Академик оставил свой след в науке не только как японист, но и как Китаевед и кореевед.

При жизни Конрад вел обширную переписку. Среди его корреспондентов – Д.М. Позднеев, В.М. Алексеев, Н.А. Невский, В.Э. Мейерхольд, С.Ф. Ольденбург, В.Л. Комаров, И.Ю. Крачковский, Н.В. Пигулевская, С.И. Вавилов, В.М. Жирмунский, Н.А. Сыромятников, О.Л. Фишман, В.М. Константинов, В.М. Молотов, А.А. Ахматова, Б.Б. Вахтин, И.А. Орбели, С.Л. Тихвинский, В.В. Виноградов, И.М. Ошанин, В.С. Санович и др. В сообщении предполагается представить и прокомментировать ранее неизвестные в России письма Н.И. Конрада, адресованные Н.А. Невскому и хранящиеся ныне в библиотеке Университета Тэнри.

Е.К. Симонова-Гудзенко
(ИСАА МГУ, Москва)

История Японии в трудах французских исследователей XX–XXI вв.

Открытие Японии во второй половине XIX в. означало не только возможности для установления политических и экономических контактов с далекой восточной страной, но и глубокое знакомство с ее культурой и историей. Первое восприятие загадочной страны было внешним, визуальным. Европейцы, прибывавшие в страну восходящего солнца, обращали внимание на изобразительное искусство, театр. Лишь со временем они познакомились с литературными и письменными источниками.

История изучения Японии во Франции насчитывает около 150 лет, примерно столько же, сколько в Великобритании, Германии и России. Заложенные первыми французскими японоведами направления исследования (изобразительное искусство, театр, литература, религия, история) продолжают свое развитие по сегодняшний день.

Видимо, одним из первых переводов исторического источника можно назвать перевод «Госэйбай сикимоку», сделанный в конце 80-х гг. XIX в. Жоржем Аппер², а также его исследование законодательства Тайхоре. Работа Клода Метра «Исторические сочинения от древности

¹ *Тамазашвили А.О.* Николай Конрад: обращение к будущему? // Российские востоковеды: Страницы памяти. М.: Муравей, 1998. С. 63.

² *George Appert (1850–1934).*

до Асикага», опубликованная в 1903–1904 гг.¹, заслуживает особого упоминания.

Важнейшим событием в развитии французского японоведения было открытие в 1924 г. Франко-японского дома в Токио², где стажировались, готовили диссертации и проводили исследования французские востоковеды. Основание в 1927 г. специализированного журнала³, в котором публиковались сделанные ими работы, закрепило научную значимость данного начинания. Первым «пансионером» был Шарль Хагэнауэр⁴, один из основателей школы французского японоведения. Блестящие специалисты Франсин Эрай, Жаклин Пежо, Хартмут Ротермунд, Бернард Франк⁵ были его учениками. Исследования Жана-Ноэля Робера, Жерома Дюкора, Шарлоты вон Вершуер, Николя Фьева, Натали Куямэ⁶ продолжают традицию и сегодня. Французские японоведы переводят, комментируют исторические источники. Так, перевод «Мидо кампакуки» – дневника Фудзивара Митинага⁷, является единственным на европейском языке. Особо хотелось бы подчеркнуть внимание французских исследователей к справочным и энциклопедическим изданиям, достаточно назвать многотомную энциклопедию истории Японии, опубликованную в 60–70 гг. прошлого века⁸, словарь классических исторических источников⁹.

А.Ю. Сеницын
(МАЭ РАН (Кунсткамера))
О ранних японских мечах дзекото: (IV – IX вв.)

В японской этнокультурной традиции образ меча всегда занимал и продолжает занимать особое место; *нихонто*: в сознании японцев вос-

¹ Claude Maitre (1876–1925). La litterature historique du Japon, des origines aux Ashikaga.

² Maison franco-japonais de Tokyo.

³ Bulletin de la Maison franco-japonais.

⁴ Charles Haguenuer (1896–1976).

⁵ Francine Herail, Jacqueline Pigeot, Hartmut O. Rothermund, Bernard Frank (1927–1996).

⁶ Jean-Noel Robert, Jerome Ducor, Charlotte von Verschuer, Nicolas Fieve, Natalie Kouame etc.

⁷ Francine Herail. Notes journalieres de Fujiwara no Michinaga ministre a la cour de Heian (995–1018). 3 vol.

⁸ Dictionnaire historique du Japon. Publication de Maison Franco-Japonaise. Tokyo, Librairie Kinokuniya, 1963–1995. Fasc. 1–20.

⁹ Dictionnaire des sources du Japon classique Bibliothèque de l'Institut des hautes études japonaises Collège de France Institut des hautes études japonaises De Boccard, Paris, 2006.

принимается как один из наиболее значимых символов Японии, ее многовековой культуры и государственности. И хотя в массовом сознании «японский меч» ассоциируется прежде всего с самурайской традицией, история меча намного протяженнее истории военного сословия.

В настоящее время роль эксперта «высшей инстанции» взяло на себя NBТНК (*Нихон бидзюцу то:кэн ходзон ке:кай*) – «Общество по сохранению художественного японского меча», общественная организация, находящаяся под полуофициальным патронажем японского правительства и министерства двора, созданная в 1947 г. при прямой поддержке американской оккупационной администрации. NBТНК объединяет самых известных экспертов в области японского меча, многих мастеров (кузнецов, изготовителей оправы, шлифовальщиков), крупнейших коллекционеров, среди которых немало известных политиков и влиятельных бизнесменов, и артдилеров.

NBТНК разработала определенные критерии для «традиционного японского меча» и принципы классификации (на наш взгляд, уязвимые для критики), согласно которым все *нихонто:* обладают определенным набором уникальных свойств, не представленных у мечей «заморских».

При этом выделяется особая группа мечей – *дзе:кото:* («сверхстальные мечи») «досамурайской» эпохи. Мечи этой группы формально не относятся к категории *нихонто:*, ибо представляют собой «переходную форму», этап, когда традиция японского меча еще только начала формироваться. Причем среди *дзе:кото:* представлено немало древних мечей китайского и корейского производства. Изучение подобных мечей позволяет сделать вывод, что некоторые «уникальные» технологииковки японского меча (включая характерную слоистую структуру металла с выраженными декоративными эффектами; приемы закаливания лезвия; некоторые из важнейших форм клинка) уже были представлены в VII–VIII вв. и, по всей видимости, были заимствованы в Корею или выкованы в Японии корейскими мастерами.

Некоторые из *дзе:кото:*, в том числе корейского и китайского происхождения, были признаны *кокухо:* – «национальными сокровищами» Японии.

М.В.Торопыгина
(ИБ РАН, Москва)

Трактат Камо-но Темэй (1154–1216) «Мумесе»
как источник легенд о поэтах

«Мумесе» – поэтологический трактат известного литератора рубежа XII–XIII вв. Камо-но Темэй. Камо-но Темэй – видная фигура в японской культуре, поэт, писатель. Он происходит из семьи синтоистских

священников, традиционно служивших в святилище Камо в Киото. Недолгое время служил при дворе. Став монахом-отшельником, не оставил занятия искусствами. Считался одним из ведущих поэтов своего времени. Камо-но Темэй – автор путевых заметок «Исэ ки» («Записи из Исэ»), 1186 г., известны во фрагментах), в 1214–15 гг. составил сборник *сэцува* «Хоссинсю» («Собрание духовных озарений»). Особенно знаменит своим эссе «Ходзеки» («Записки из кельи», 1212 г.), пронизанным идеей эфемерности и непостоянства всего на земле (это сочинение было переведено на русский язык Н.И.Конрадом в 1922 г.).

Трактат «Мумесе» написан, вероятно, в 1209–1210 гг. Сочинение относится к жанру *карон* (теория поэзии). «Мумесе» состоит из 78 отрывков разной величины, каждый отрывок сосредоточен на какой-то отдельной проблеме, связанной со стихосложением.

Часть вопросов, поднимаемых в трактате, носит теоретический характер: стили поэзии, понятие современных и старых стихов, поэтические приемы, удачное и неудачное употребление лексики, цитирование. Камо-но Темэй дает ряд практических советов: как готовиться к поэтическому турниру, чтобы избежать досадных промахов в своем стихотворении, какими примерами нужно пользоваться, когда пишешь предисловие, дневник, пояснение к стихотворению.

Внимание Камо-но Темэй не сосредоточено только на поэзии, но и на поэтах. Его, несомненно, волновали вопросы поэтических достижений и промахов поэтов как настоящего, так и прошлого. Легенды и литературные анекдоты, приводимые Камо-но Темэй в большом количестве, придают особую живость его произведению. Среди героев приводимых легенд Аривара Нарихира, Оно-но Комати, Идзуми Сикибу и другие знаменитые поэты.

А.В. Филиппов
(ВФ СПбГУ)

***Идеалы политики в середине эпохи Эдо:
личность и судьба Мацудайра Саданобу***

Мацудайра Саданобу (1758–1829) – 7-й сын Таясу Мунэтакэ, известного поэта и ученого. Внук VIII сегуна Есимунэ – он мог и сам стать сегуном. Но интриги привели к усыновлению его домом Мацудайра в 1774 г., сделав главой княжества Сиракава на севере страны (при лишении ряда привилегий). Нося в детстве имя Масамару, по уходе от дел прозывался Ракуо, войдя в историю как мудрый глава княжества – Сиракава Ракуо 白河 樂翁 («Радостный старец» из Сиракава). Ужасы «голода годов Тэмэй» благодаря мудрой политике обошли княжество стороной. Таланты руководителя и изобретательность принесли

славу блестящего администратора и высокую репутацию. После падения власти Танума в 1787 г. – в возрасте около 30 лет, удостоен с 1788 г. высочайшего статуса советника сегуна (хоса). Стал лидером реформ годов Кансэй. Имел право свободно излагать мнение перед самим сегуном. В 1793 г. ушел в отставку со всех постов и вновь обратился к заботам о княжестве.

Его жесткую политику экономии и бережливости запечатали расхожие ироничные высказывания и присловья тех лет. «Видано ли: ради строжайшей экономии – и неожиданно-негаданно в отставку...»

「それみたか、余り儉約なすゆえに、おもいがけなき、不時の退役」.

«В Сиракава в чистоте и рыба не выживет – к прежней мути, «болоту» Танума сердце влечет»

「白河の、清きに魚もすみかねて、元のにごりの、田沼こいしき」

(мол, народ предпочитает скорее спокойную стоячую воду «заболоченного пруда» (Танума) нежели струи «чистого потока» (Сиракава). С 1810 г. занимался укреплением обороны залива Эдо. В 1812 г., передав владения приемному сыну – провел осень жизни в утонченной и изысканной обстановке, поселившись в Эдо в собственной «временной резиденции» Екуон-эн, что в Цукидзи. Ушел из жизни в возрасте 72 лет.

Известен как поэт и ученый школы коку-гаку. В целом оставил около 200 сочинений, поражающих глубиной таланта и плодovitостью автора. Это труды по политике, искусству, живописи, стихи, автобиографии Угэ-но хитокото и Сюге-року. Занимался изучением природы управления, высказывая и идеи равенства: «крестьянин на поле, палимый лучами солнца, – человек, как и дайме, что ведет легкую и сытую жизнь». Княжество, мол – собственность народа, а задача князя – понимать нужды народа. Истовый конфуцианец, красноречивый и образованный, обремененный бременем долга, он стремился с честью его исполнить. Но существуют и негативные оценки его личности. Стиль политики и специфика режима нередко создают впечатление человеку несколько ущербном – начисто «лишенном чувства юмора и воображения». Дж. Сэнсом отмечал, что современники порой называли его «талантливым, но ограниченным, узколобым, не отличавшимся широтой взглядов», тем, кто, будучи «исполнен благих помыслов, в итоге лишь причинил вред».

В. В. Шепкин
(ИВР РАН, СПб)

О восприятии концепции «Китай – варвары» в Японии

Еще до вступления в активные дипломатические отношения с Китаем и вхождения в область китайского культурного влияния Япония стала относиться в китайских исторических хрониках к «восточным варварам». Позже, усвоив для себя китайскую геополитическую модель, основанную на противопоставлении центра и варварского окружения, японцы никогда до конца не признавали себя данниками китайского императора. Более того, они сильно преуспели в построении другой, японоцентричной модели мироустройства.

Однако попав на японскую почву, концепция «Китай – варвары» приобрела некоторые специфические черты. На это оказали влияние географические особенности архипелага, длительные периоды отсутствия внешнеполитических отношений, общая интровертность культуры. В итоге полноценными варварами остались только одни – «восточные», айны. Их наличие в геополитической модели Японии сыграло не последнюю роль в формировании военного сословия, а следовательно, и на всю политическую культуру страны.

Кроме того, в отличие от Китая в Японии практически не предпринималось попыток теоретически обосновать правомерность японоцентричной модели мироустройства. С большой долей вероятности можно утверждать, что впервые это было сделано в трактате Хаяси Сихэй «Сангоку цуран» («Общий обзор трех стран»). Именно в нем под одной обложкой были собраны описания государств, окружающих Японию – Кореи, Рюкю и Эдзо, а автор подчеркивал их вассальное по отношению к Японии положение. Примечательно, что вопреки лишь «трем странам» в названии сочинения, автор помещает также четвертую главу – описание островов Огасавара, тем самым «замыкая» с востока японоцентричную модель.

С началом массированных контактов с европейцами традиционная геополитическая модель, помимо новых экономических задач, натолкнулась на имперское восприятие пространства, характерное для стран Запада, согласно которому менее развитые территории становятся объектом активного освоения. Приняв подобную модель, японцы не открыли для себя ничего кардинально нового – они лишь сменили пассивное восприятие окружающих территорий как подчиненных на их активную колонизацию и культурную ассимиляцию.

СЕКЦИЯ 9.
СЕКЦИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ
«ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ М.И. НИКИТИНОЙ»
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF KOREA
«IN MEMORIAM OF M.I. NIKITINA»

В.С. Акуленко
(ДФУ, Владивосток)

Отражение националистической идеологии в работах южнокорейских историков по проблемам этногенеза корейцев

Всю историю своего существования корейская националистическая историческая школа была в оппозиции к официальной японской, но в силу того, что обе они вели исследования, опираясь на единый теоретический базис колониального расизма, историки обеих школ сходились во мнении по основным вопросам развития корейского народа.

В основе современного южнокорейского понимания природы корейского народа находится выведенное в годы аннексии корейским ученым-теоретиком Ли Гвансу понятие «сонмин» (добрый народ)¹. Таким образом, нынешние воззрения южнокорейских ученых о корейцах как о «хорошем народе» базируются на раскритикованных ими же теоретических выкладках Ли Гвансу о «сонмин», с тем лишь исключением, что в современных расовых теориях «добрая» природа корейского народа резко контрастирует со «злой» природой японцев.

Современная историческая наука заимствовала у теоретиков эпохи колониализма не только миф об исключительности национального характера корейского народа, но и развила представление об исключительности его антропотипа. Согласно исследованиям южнокорейского антрополога На Сечжина, по строению тела корейцы ближе к современным европейцам и американцам, нежели к азиатам². Этот вывод возвращает южнокорейскую историческую науку еще дальше, в XIX в, эпоху расцвета европейских колониальных империй, когда в ходу было представление о превосходстве «белой» расы над «цветными».

Другим ярким примером «заимствования» является разработанная на рубеже XIX – XX вв. официальной японской пропагандой концепция «истории Маньчжурии», где Маньчжурия была представлена как прародина монголов, тунгусов (в том числе и корейцев) и даже китайцев

¹ Pai H.I. *Constructing «Korean Origins»: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-Formation Theories*. Cambridge, 2000. P. 258.

² Pai H.I. Указ. соч. P. 260.

(ханьцев). Идея «общей прародины» жива до сих пор не только в исторических кругах обеих Корей, но и достаточно глубоко укоренилась в умах простых корейцев¹.

Таким образом, современные воззрения южнокорейских историков по основным вопросам этногенеза корейцев (характере, антропотипе, прародине и др.) опираются главным образом на теоретические выкладки японских и корейских ученых периода аннексии, которые, в свою очередь, основаны на теоретическом базисе колониального расизма.

Д.Л. Бродянский
(ДВФУ, Владивосток)

Марианна Ивановна Никитина и дальневосточная археология

К великому сожалению, я не успел познакомиться с М.И. Никитиной. Великолепное знание корейской культуры, литературы, фольклора, археологии, свободная ориентация в мировой археологии: Китай, Алтай, этрусски, Мохенджо-Даро – все это позволило Марианне Ивановне открыть неизвестные ранее древнекорейские мифы о Горе-Черепaxe, Женщине-Солнце, ее родителях и супруге, о Матери-Свинье и ее сыне-Олене, о Матери-Тигре и ее сыне-Олене.

В работах М.И. Никитиной я нашел ключи к дешифровке семантики целого ряда произведений ископаемого искусства из памятников неолита и палеометалла в Приморье. Есть открытия М.И. Никитиной образы и в наскальном искусстве Приамурья. Творчество М.И. Никитиной – прекрасный образец междисциплинарного синтеза, его продуктивности и неограниченных возможностей.

С.Ю. Вradий
(ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

Первое корейское описание России конца XIX столетия

Вторая половина XIX столетия стала важным периодом в истории российско-китайских и российско-корейских отношений. Подписанные в 1858 г. Айгунский и Тяньцзиньский договоры, Пекинский договор 1860 г. очертили восточные рубежи русско-китайской границы. Тогда же был обозначен и небольшой по протяженности участок российско-корейской границы.

¹ 김득항. 잊혀진 고토 만주의 국사 (Ким Дыкхванъ. Потерянная прародина, история Маньчжурии). 서울. 2003. P. 5; 김운회. 대주신을 찾아서 (Ким Унхве. В поисках тэчусин). 서울. 2006.

В 11-й месяц 21 года правления короля Коджона 高宗 (1864–1907), носившего по традиционной системе летоисчисления наименование года Капсин (1884 г.), в Корее произошел переворот, после подавления которого усилились позиции Китая, но при этом сохранились неизменными агрессивные устремления Японии, стремившейся проникнуть в страну. Король Коджон, напуганный перспективой перерастания японо-китайских противоречий в вооруженный конфликт на территории Корейского полуострова, стремился найти противовес посягательствам Японии и избавиться от назойливого вмешательства во внутренние дела государства со стороны Китая. Определенные надежды на будущее своей страны Коджон связывал в этот период с Россией. Являясь, по представлению корейского двора, более мощной державой, нежели Китай и Япония, Россия могла также выступить в качестве баланса в противостоянии Кореи колониальным притязаниям стран Запада.

Названные побудительные мотивы подвигли короля Коджона вскоре после переворота года Капсин тайно направить в российское Приморье государственных чиновников высокого ранга. Исследователи полагают, что в ходе посещения миссией дальневосточных земель России были собраны сведения, использованные при составлении двух уникальных документов, – «Карты России» Агук Еджидо 俄國輿地圖 и «Записей о землях, расположенных на левом берегу реки [Туманган]» 江左輿地記. Это была первая попытка Кореи описать соседнее государство Россию.

В тексте карты имеются описания жизни и быта корейских поселенцев, бежавших в начале 60-х гг. XIX столетия от нищеты, голода и притеснений со стороны чиновничества в поисках лучшей доли в пределы России. Также приводятся сведения о численности, обычаях, культурно-бытовых особенностях переселившихся корейцев, их взаимоотношениях с местными жителями.

Помимо собственно географических на карте представлены сведения о растениях, животных и других естественно-научных достопримечательностях Приморья, о событиях из истории взаимоотношений России, Кореи и Китая. Карта могла быть использована современниками для уточнения параметров пограничной линии, изучения состояния российско-китайских приграничных отношений, анализа пограничного вопроса. На ней отображены военные объекты, приведены количественные характеристики охранных войск, оборонительные сооружения пограничных территорий. По свидетельству сотрудников библиотеки Чансогак Академии корееведения, хранителей раритетного документа, она является одной из немногих, если не единственной, цветной картой,

отображающей военные реалии иностранных государств – сопредельных Китая и России.

Промышленные предприятия, система транспортного сообщения, связь, развитое портовое хозяйство в городах российского Приморья представлены на страницах карты. В тексте имеются сведения о политической, экономической жизни северной страны, недавно появившейся на дальневосточных рубежах и формирующей стратегию взаимоотношений с соседними государствами. Сам документ, считают корейские исследователи, – это «доклад о продвижении Великой России на Восток», представленный вниманию правителя Кореи.

Н.Л. Ким

(Уссурийский ГПИ)

Понятие «Жизнь» в корейской культуре

«Давным-давно Король приказал придворным ученым собрать все книги о жизни. За десять лет ученые собрали около 100 повозок, заполненных подходящими книгами. Тогда король приказал урезать их до одной повозки. Спустя еще десять лет он приказал собрать все в одну единственную книгу. Прошло еще десять лет. Когда король состарился и был на грани смерти, он приказал сказать все о жизни в одной фразе. И тогда ученый ответил, что в двух словах «Жизнь – это жизнь и смерть».

Эта корейская легенда отражает тот факт, что тайна жизни волновала человечество с древних времен. Об этом феномене были написаны сотни тысяч книг на разных языках и сказаны миллионы слов. В нашей работе мы постарались рассмотреть и выделить особенности понятия «Жизнь» в корейской культуре.

Л.И. Киреева

(Магнитогорский ГУ, Магнитогорск)

Корея – Сибирь: некоторые культурные параллели

Проблемой «общности древних корней корейской и континентальной культуры» в последние годы занималась М.И. Никитина. Знакомством с ее работами и длительным личным общением с ней я обязана собственным интересом к этой теме. В сообщении приведены некоторые конкретные факты, касающиеся «сибирско-корейского» сходства в мифологии, некоторых шаманских предметов и ритуалов и многих бытовых реалий, сохранившихся до наших дней (с акцентом на алтайском ареале). Приведенные факты основываются на многочисленных публикациях сибиреведов, начиная с В.В. Радлова (1884 г.) и собственных

познаниях о реалиях корейской культуры. Один пример: у корейцев есть веер чхаменсон для прикрывания лица в виде куска холста, прикрепленного к двум палкам. Одна из разновидностей его – сасон (из тонкого шелка), использовалась в *свадебных* церемониях. В.В. Радлов (1884 г.) зафиксировал: 2 спутника жениха держат березки с натянутым пологом перед лицом невесты! Морфологически это одно и то же.

Ю.В. Москаленко
(Высший колледж корееведения, ДВГУ, Владивосток)
Романтическая лирика поэта Чхон Санбена

Идеи западноевропейского романтизма с его неприятием реальной действительности и стремлением противопоставить ей романтический идеал были близки духовному состоянию корейского народа, что способствовало ускоренному процессу усвоения корейскими писателями нового искусства. Романтизм многое заимствовал из творчества западноевропейских и японских романтиков, но тем не менее имел и собственные характеристики. Тогда как на Западе период господства романтизма длился много десятков лет, а в корейской литературе говорится лишь о романтических тенденциях в творчестве отдельных писателей, к числу которых представляется возможным отнести и начинающего поэта Чхон Санбена, который начал творческую деятельность в 1951 г. с публикации первых стихотворений, имеющих характерный отпечаток романтической направленности.

И.А. Мусинова
(Уральский ГУ, Екатеринбург)
Современная корейская историография внешней политики России в Корее в конце XIX – начале XX вв. (основные тенденции)

До начала 1980-х гг. специальные исследования по истории русско-корейских отношений практически отсутствовали. Некоторая информация содержалась в исторических работах общего содержания. В 1984 г. исполнилось сто лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Кореей, это спровоцировало некоторый всплеск интереса корейских исследователей к России¹. Многие работы, опубликованные в тот период, носили отпечаток господствовавшей тогда националистической историографии, достигшей расцвета в годы правления Пак Чонхи (1961–1979) и служившей цели восстановления националь-

¹ Хан-Но кванге пекненса (100-летняя история корейско-российских отношений). Общество по изучению корейской истории. Сеул, 1984, и др.

ной идентичности, интересам государства¹. Для них было характерно негативное отношение к российской политике на Дальнем Востоке в начале XX в., подчеркивался ее экспансионистский характер. Многие авторы придерживались теории о «русской угрозе» Кореи². В середине 1980-х гг. появились шовинистические работы непрофессиональных историков и публицистов, развивавших ультранационалистические и антикоммунистические идеи³.

Ситуация несколько изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с прекращением «холодной войны» и «перестройкой», когда были установлены торговые и дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея в 1990 г. Стал возможен некоторый научный и культурный диалог между исследователями⁴. К началу 1990-х гг. появилось несколько направлений в истории, заимствовавших элементы из национализма, ранкианства и марксистской историографии.

Другая характерная черта 1990-х гг., существующая и в настоящее время, – стремление сделать историю популярной. История для массового читателя начала набирать вес еще в конце 1980-х гг.: стали сниматься сериалы на исторические темы, к середине 1990-х гг. книжный рынок Южной Кореи был наполнен популярными историческими работами. В начале 1990-х гг. история была отменена как обязательный предмет для студентов колледжей и университетов. Поэтому историкам пришлось осваивать интернет-пространство, создавать большое количество медиаматериалов. Появилось множество научно-популярных книг, посвященных новой и новейшей истории Кореи, деятельности национально-освободительного антияпонского движения в Приморье, русско-корейским взаимоотношениям, корейской диаспоре в России и т.д.⁵

К концу 1990-х гг. политическая и бизнес-элита осознала выгоду экономического сотрудничества с Россией. В последнее время публикуется все больше переводов воспоминаний российских диплома-

¹ Ким Вангбэ. Асия-ыйчагын энг-хангугхак-ый сонгджанг-гва бухынг (1970–1999). Малый дракон Азии – рост и реорганизация корееведения (1970–1999). Сахева екса 57, 2000. С. 215–246.

² Чве Мунхен. Хангук-ыль тульосан чегукджуый ельган-ый какчук. (Соперничество империалистических держав в Корее). 2001.

³ Kwon Yonung. Korean Historiography in the 20th Century: A Configuration of Paradigms// KOREA JOURNAL. 2000 (весна).

⁴ 20сэги ексахак, 21 сэги ексахак. (История в XX в., история в XXI в.). 2000. С.189.

⁵ Квон Хиен. Хангук-гва Росиа: кванге-ва пенхва. (Корея и Россия: отношения в изменениях). Сеул, 2000. Кан Мангиль. 20сэге ури екса (Корейская история в XX в.). Сеул, 2009, и др.

тов и путешественников о Корее¹, книги о развитии взаимоотношений между Кореей и Россией. Становятся известными работы российских историков. Корейские исследователи стараются рассматривать вопросы внешней политики России в Корее в конце XIX – начале XX вв. с разных точек зрения, привлекают ранее не использовавшиеся в корейской литературе российские источники. Тем не менее в целом, можно сказать, что все еще сохраняется относительная закрытость и изолированность корейской научно-исследовательской среды. Сохраняется и разделение сфер в истории. Историки часто занимаются изучением определенного исторического явления либо определенного периода или эпохи². Часто их трактовки очень однообразны. Сфера, которую исследует историк, становится как бы его «вотчиной».

Л.А. Писарева
(Университет «Коре», Сеул)
Архетипы воды, огня, очага в поэзии Пэк Сок

Архетипы воды, огня и очага присутствуют в поэзии Пэк Сок в качестве культовых понятий в религиозной системе древних верований, объединенных религией шаманизма.

В корейском шаманизме, как и в шаманизме других народов, различные явления и объекты природы наделены духами, которые выполняют определенные функции и могут влиять на жизнь человека, помогая или мешая ему. В шаманизме вода и огонь – особенно важные и почитаемые стихии природы. В корейском шаманизме важное значение придается воде. В первую очередь с ней связана древняя символика очищения, корни которой уходят глубоко в народные суеверия. Во время шаманских ритуалов вода и огонь (свеча) ставятся на видное место. Так как место призывания богов и духов должно быть «очищено». Это место в данный момент становится космическим центром, где должны встретиться боги и люди.

Корейцы не только верят, что вода имеет силу очищения, но и считают саму воду священной и чистой. Это связано с верой в Духа воды. Духом или богом воды издревле считается дракон, живущий, по преданиям и мифологии, в море и водоемах. Дракон становится особенно

¹ Поджио М.А. Очерки Кореи. Серия «Росиа вегеванпарабун кынде хангук» (Корея в новое время глазами российских дипломатов). Сеул, 2009 и др.

² Ким Донгтэк. Сегева сотонгханын хангукхак-ыль хянгхае (На пути к корееведению, основанному на международном взаимодействии). Екса бипенг 61 (зима). С. 375–401.

почитаемым существом для людей, чья деятельность связана с морем, с рыбной ловлей.

Когда мы читаем стихи поэта Пэк Сок, мы сразу можем заметить подобное отношение к воде, мировоззрение, основанное на обожествлении водной стихии. Среди стихов поэта, связанных с шаманизмом, эти мотивы ярко выражены в стихах «Горное селение», «Деревянная посуда», «Старый...», «Июльский праздник Пэкчун», «Я и червь».

Вода выступает и как объединяющая сила. Для поэтического мира Пэк Сок понятие «единства, общности, общинности» является одним из основных. Шаманизм, вобравший в себя народные верования, является религией общины, служит для поддержания интересов общины. Поэт воспевае общность семьи, рода, деревни, нации через шаманские ритуалы, народные обычаи. Поэт видит в народных праздниках и совместных ритуалах выражение общего национального чувства, особенных эмоций, которые являются связующим началом для людей.

*О.В. Полякова, Е.А. Похолкова
(МГЛУ, Москва)*

Логико-семиотическая структура корейской загадки

Загадка – это сверхфразовая паремия, представленная в диалогической форме, допускающая как образную, так и прямую мотивировку смысла. Изучение загадки относится как к области лингвистики, так и фольклористике, что позволяет говорить о загадке как языковом и фольклорном клише. Основная цель работы – выявить специфику корейской загадки как явления языкового, особенности ее семиотической структуры и коммуникативный аспект. В работе использовались работы Г.Л. Пермякова, А.Н. Журина и Б.Ю. Городецкого, которые занимались паремиями с точки зрения лингвистической семантики и коммуникативных основ теории языка. В ходе работы был обработан корпус корейских загадок и проанализирована их логико-семиотическая структура, отличительными чертами которой можно считать наличие полисемических корреляций (использование метафоры и метонимии) и использование омонимии. Функция загадки как языкового клише – моделировать некую ситуацию действительности. Иными словами, загадка – знак ситуации. Это позволяет говорить о включенности данной паремии в систему синтагматико-парадигматических отношений языка.

***Т.М. Симбирцева (РГГУ, Москва), С. Леошко (НИИ ТАГ, СПб)
А.И. Середин-Сабатин (1860–1921) –
«архитектор Его Величества короля Кореи»***

Настоящая статья посвящена Афанасию Ивановичу Середину-Сабатину, первому русскому на корейской службе и первому работавшему в Корее иностранному архитектору. Прожив в этой стране 20 лет (1883–1904), он выполнил два десятка значимых проектов, из которых по меньшей мере 14 были реализованы и стали символом Кореи Нового времени и местом важных исторических событий. В Корее его имя и творчество широко известно, но на родине в России он оказался полностью забыт. Автору удалось разыскать потомков Середина, и найденные у них материалы позволили пролить некоторый свет на его биографию, в которой до сих пор остается много загадочного.

***Наталья Степанова
(Санкт-Петербург)
Японские СМИ о преемнике Ким Чен Ира***

Продвижение Ким Чен Ына по партийной лестнице началось в конце сентября 2010 г., когда в Пхеньяне состоялся первый с 1966 г. съезд Трудовой партии Кореи (ТПК). Тогда сын Ким Чен Ира получил звание четырехзвездного генерала, стал заместителем председателя Центральной военной комиссии и вошел в состав Центрального Комитета ТПК.

Несмотря на то что этот съезд не ставил цели выдвижения преемника, а как раз подтвердил руководящую роль Ким Чен Ира, японские СМИ сделали вывод именно о начале передачи власти.

Анализ японских СМИ позволяет выделить следующее:

– Из-за проблем со здоровьем у Ким Чен Ира, Ким Чен Ын специально получил звание генерала, чтобы в дальнейшем избежать своего отстранения от власти военно-политического руководства. То есть, преемник рассматривается как оплот существующего в КНДР режима.

– С приходом наследника КНДР по-прежнему продолжит военно-ориентированную политику, отчего население будет и дальше испытывать всевозможные лишения.

– Передача власти от Ким Ир Сена Ким Чен Иру существенно отличается от передачи власти Ким Чен Ыну. Ким Чен Иру потребовалось 20 лет, чтобы укрепить свои позиции как национального лидера. Однако у его младшего сына столько времени не будет из-за проблем со здоровьем у «Великого руководителя».

В любом случае Северная Корея по-прежнему воспринимается японцами как страна, представляющая для их родины наибольшую угрозу. В большинстве японских СМИ превалирует мнение о том, что в критической ситуации существующий пхеньянский режим, вне зависимости от лидера, не остановится перед тем, чтобы нанести удар по Японии или американским войскам в Японии, что, в сущности, одно и то же. Эта угроза воспринимается не как гипотетическая, а как нечто вполне реальное.

*О.А. Трофименко
(Уссурийский ГПИ)*

Концепт «красный цвет» в современном корейском языке

В корейской культуре значение цвета «красный» менялось в зависимости от эпохи развития государства.

Система цветообозначений представлена в виде лексико-семантического поля цвета. Элементы рассматриваемого поля очень неоднородны, существует более 80 лексем со значением «красный цвет».

При функционировании в художественном тексте цветообозначения употребляются как в прямой номинации, так и выполняют стилистические задачи в качестве художественно-выразительного средства.

Anastasia A. Guryeva

(Faculty of Asian and African Studies, SPbSU)

«Life of a Book» during Japanese Colonial Period (1910–1945)¹

In the circumstances of the Japanese colonial politics oppressive to the Korean culture the role of a book is worth examining. This relates to the activity of the Enlightenment Movement that called for learning and preserving Korean culture in a view of the threat faced by the country Independence. The presentation is going to deal with the main aspects of «life of books» during the period and their impact on future:

● Collecting

Obtaining and collecting books by prominent intellectuals of the period resulted in large collections formation: individual collections (e.g. of Jo Yun-je, Lee Byeong-gi), those of an organized preservation society (Joseon Gwangmunhwe).

¹ Данная работа стала возможной благодаря поддержке Академии Корееведения Республики Корея в 2010 г. (AKS-2010-CAA-2101).

- Studying

On the the basis of the above activity the first Korean literature researchers generation was formed. The books served the material for the first introductory articles as well as monographs published after the Liberation.

- Disseminating newly found books

Korean books of previous centuries were discovered in Japan and published in Korea (e.g. Samguk Yusa). Some scholars traveled to libraries in Japan and copied Korean books there using a special multiplying method.

- Reproducing old editions

Some publishing houses (e.g. Hannam Seorim) were buying used blocks and reproducing the texts in the same form of a block-print.

- Republishing in new edition types.

Enlightenment movement activists undertook publishing projects aiming at Korean literary tradition dissemination (e.g. Sinmungwan started by Choe Namseon). They republished old books in colourful new-type editions and sold cheaply for a wide readers audience to be able to afford one (e.g. «proze for six *cheon*» series). They chose books that they would consider valuable for the Korean culture to preserve and also important for uprising the nation's spirit contentswise.

The idea of «fixing» literary tradition of the previous period through collecting, commenting and disseminating its texts in a time of the historical shift may be traced throughout Korean history.

The above aspects were partly «mirrored» by Japanese: the same decades witnessed the first Japanese commentaries to Korean literature, the publication of the Anthology of Korean literature translated into Japanese, forming a Library by the Japanese government. The act when Korean employees took over this Library and received all the keys from Japanese ex-librarians has a symbolic meaning as opening a new era to books in Korea since it is considered the birthday of the National Korean Library.

СЕКЦИЯ 10.
МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, БУДДОЛОГИЯ, ТИБЕТОЛОГИЯ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA, TIBET AND
BUDDHOLOGY

К.В. Алексеев
(ВФ СПбГУ)

С. Шагжа (1886–1938)

и его перевод жизнеописания Гампопы (1079–1153)

В Государственной библиотеке МНР хранятся две монгольские рукописи, связанные с именем одного из иерархов школы Кагью Гампопы Дакпо Лхаджэ (1079–1153).

Первая из рукописей, объемом 103 листа, озаглавлена «Повесть о владыке Учения, достославном, великом Гампопе под названием «Драгоценный чинтамани, всем известное знамя, наивысшее украшение драгоценного спасения». Рукопись выполнена прекрасным почерком, богато украшена миниатюрами иерархов школы Кагью и тантрийских божеств и со всей очевидностью носит парадный характер. Текст рукописи представляет собой перевод сокращенной версии тибетского жизнеописания Гампопы, составленного Сонам Лхундубом (1458–1522) к 1520 г. Колофон рукописи позволяет установить, что жизнеописание было переведено в 1924 г. известным монгольским религиозным деятелем, филологом и составителем словарей С. Шагжей (1886–1938).

Вторая рукопись носит такое же название, что и первая, с добавлением уточнения «первая тетрадь» и представляет собой первую часть чернового перевода жизнеописания Гампопы. Рукопись выполнена кистью, местами скорописью, в китайской тетради из тонкой рисовой бумаги (сдвоенные листы) объемом в 106 стр. (пагинации нет). Текст читается трудно, много исправлений и вставок тибетского текста.

Сравнение текстов черновика и белого списка перевода жизнеописания Гампопы дает богатый материал для анализа методов работы традиционного монгольского переводчика.

М.В. Аюшеева
(ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

Малоизвестная бурятская летопись «Краткая история бурят-монгольского народа»

Бурятские летописи один из важных, но мало привлекаемых источников по истории и этнографии бурятского народа. Кроме опубликованных летописей Вандана Юмсунова, Тугулдура Тобоева, Дамби-

Жалцана Ломбоцыренова, Будажаба Будаева, Цэдэбжаб Сахарова, Сайнцака Юмова, Доржи Дарбаева и других остается огромный пласт бурятских летописей, исторических хроник, заметок еще не введенных в научный оборот, хранящихся в архивах разных городов России.

В монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН под шифром MI-197 хранится «Краткая история бурят-монгольского народа, населяющего территорию с двух сторон Байкала, со времен откочевки от монголов и до принятия Российского подданства» (Bayiyal dalai-yin qoyar eteged-ün buriyad mongyol yasutan-u angqan urida mongyolčud-ača tasuraju ogus-un qaγan-du albatu bolun oγuγsan-ača inaysiki qoriyangγui teūke orusibai). Под этим же названием хранятся дело MI 221 (ff. 1r–1v), где приведено содержание «Краткой истории бурят-монгольского народа» § 1–6 и список Степных Дум.

Большинство бурятских летописей на старомонгольской письменности составлены на рубеже XIX–XX вв. Рассматриваемая нами летопись не содержит конкретной даты составления. Она представляет собой краткую историю бурятского народа, начиная с 1600 гг. по 1930 г. Сочинение написано на тетрадных листах в линию, аккуратным крупным почерком на 43 страницах. Автором данной летописи предположительно считается Даши Бубеев.

Представляет интерес отношение автора к христианизации населения, октябрьской революции и царскому гнету. Летопись помимо сведений по истории расселения, родоплеменному составу бурят, административному устройству содержит описание традиций и обычаев, верований бурят, шаманских обрядов, приводит статистические данные населения околобайкальского региона.

Ввод и изучение малоизвестных бурятских хроник на старомонгольской письменности раскрывает летописную традицию, дает новый материал для дальнейших историко-культурных исследований, особенно в свете установления даты присоединения бурят к Российской империи и раскрытия их ранней истории.

А.А. Базаров
(ЦВРК ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

Коллекция тибетской литературы «сумбум» ИМБТ СО РАН

В ходе работ 2008–2009 гг. по систематизации и электронной каталогизации текстов коллекции «сумбум» ИМБТ СО РАН согласно исторической и школьной последовательности прошли обработку собрания сочинений следующие авторы: I Далай-лама Гедун Дуб – II Далай-лама Гедун Гьятцо – V Далай-лама Нгаван Лобсан Гьятцо – VII Далай-лама

Лобсан Кьялсан Гьятцо – I Панчен-лама Лобсан Чойки Кьялсан – II Панчен-лама Лобсан Йеши – III Панчен-лама Палден Йеши – IV Панчен-лама Палден Данби Ньима – V Панчен-лама Данби Ванчуг Палсенпо – VI Панчен-лама Лобсан Тубден Чойки Ньима – I Чанчжа Нгаван Чойдан – II Чанчжа Ролби Дорже – I Гунчен Чжамьян Шадпа-Дорже – II Гунчен Гончок Жигмед Ванбо – Сумба Хамбо Йеши Балчжор. Одними из важнейших результатов данной систематизации и каталогизации стали: обнаружение части сумбума V Панчен-ламы (ранее считалось, что произведения данного автора в коллекции отсутствуют) и исправление ошибки в комплектации коллекции. Один из сумбумов (7 томов), автором которого ранее считался XIII Далай-лама, в реальности принадлежал его современнику – одному из лавранских перерожденцев, Хамбо Нгаван Тубден Гьятцо.

А.Д. Гомбожапов
(ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

К современным проблемам кочевников-животноводов Монголии

О положительных тенденциях в развитии nomadic животноводства в пореформенный период свидетельствует количественная оценка роста поголовья скота, с чем непосредственно связан уровень доходов и благосостояние аратов. Приватизация скота способствовала заинтересованности животноводов в результатах своего труда, ориентированности на рационализацию и эффективность ведения хозяйства. Огромные естественные пастбища обусловили использование преимущественно экстенсивных методов. В связи с этим актуализировался многовековой опыт хозяйственной деятельности nomads, происходит возрождение традиционной культуры в целом.

Современные животноводы Монголии довольно успешно осваивают и используют в быту домашнюю технику, средства связи и транспорта, приспособляя их к кочевому образу жизни. Находят применение именно те вещи, которые мало потребляют электричество, экономичны и компактны. Вместе с тем связь кочевников-животноводов с населенными пунктами все более интенсифицируется и расширяется.

Однако дальнейший путь экстенсификации животноводческой отрасли Монголии наталкивается на ряд экономических и экологических проблем. На сегодняшний день характерными становятся противоречивые явления в развитии сельского хозяйства. Увеличение поголовья скота наталкивается на ограниченность продуктивности пастбищ, чрезмерное использование которых ведет к их деградации. Изменение сложившейся структуры стада в силу конъюнктурного спроса на продукцию отдельных видов скота влияет на сформировавшийся экологиче-

ский баланс. Также наблюдается тяготение кочевых хозяйств к местам сбыта своей продукции: вдоль основных трасс, к городам, населенным пунктам аймаков. Концентрация большого количества скота ведет к стравливанию пастбищ, внося заметные изменения в травяной покров.

Таким образом интуитивно выработанное номадами оптимальное соотношение традиционных видов скота остается пока единственно возможной формой в условиях экстенсивного кочевого и полукочевого животноводства Монголии.

П.Л. Гроховский
(ВФ СПбГУ)

«Гвоздичный замок» – источник по исторической лексикологии тибетского языка¹

«Гвоздичный замок – изящное объяснение, показывающее особенности новых и старых слов в тибетском языке» (тиб. bod kyī skad las gsar rnying gi brda'i khyad par ston pa legs par bshad pa li shi'i gur khang zhes bya ba) – важный источник по исторической лексикологии тибетского языка, составленный Кьогтон-лоцзавой Ринчен Таши (тиб. skyogs ston lo tsā ba rin chen bkra shis) в 1476 г. и известный русской тибетологии благодаря статье Б.Я.Владимирцова «О тибетско-монгольском словаре Li-çiḥi gur-khañ»².

Тибетский текст памятника опубликован на сайтах <http://www.tibet.dk/pkct/tibdtxts.php>, http://www.dharmadownload.net/page/s/english/Texts/texts_0037.htm, <http://www.terjek.hu>, в последнем случае – вместе с старомонгольским переводом в латинской транслитерации, выполненной венгерским тибетологом Йожефом Терьеком (József Terjék).

Памятник открывается перечислением трех языковых реформ (тиб. skad gsar bcad gsum), проведенных тибетскими царями Тидэсонгцэном и Ралпачэном в первой половине IX в. и Лха-ламой Ешео в первой половине XI в. Дана характеристика орфографических изменений в ходе второй реформы (устранение вторичной приписной *da drag*; подписной *ya btags* в словах с корневой *m* и гласными *i* и *e*; приписной *'a* в словах без предписной), приведены около 40 лексических замен при первых двух реформах (например *sdum pa* ‘дом’ вместо *khyim*). Наибольший объем занимает перечисление около 750 лексических замен при третьей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тибетская грамматическая традиция» (11-34-00227a1).

² Доклады АН СССР. Ленинград, 1926. Март–апрель, с. 27–30.

реформе, осуществленной при участии таких выдающихся тибетских переводчиков, как Ринчен Зангпо (тиб. rin chen bzang po, 958–1055) и Ронгзом Дхармапалабхадра (тиб. rong zom chos skyong bzang po, 1012–1088). Многие тибетские слова сопровождаются санскритскими эквивалентами.

Сведения о лексических заменах, производившихся редакторами тибетских переводов санскритских буддийских текстов, имеют большое значение как для тибетской исторической лексикологии, так и для изучения истории перевода буддийского канона в Тибете.

В.Г. Дацышен
(Сибирский федеральный университет)
«Карта части Халхамонголии» из фонда Г.И. Спаского
Государственного архива Красноярского края

Для отечественного востоковедения актуальной остается проблема введения в научный оборот документов и материалов из фондов региональных архивов Сибири. В частности, несомненный интерес для исследователей представляют документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края. Особую ценность представляет востоковедная коллекция документов и материалов фонда Г.И. Спаского.

Большой интерес для исследователей истории Монголии и русско-китайских отношений представляет картографический документ под названием «Карта части Халхамонголии составляющей владения Тушету-Хана, Сасакту-хана и заин-нойона». В представленном в деле описании она представлена как «Карта сочиненная по достоверным известиям ламы ... Гармаиова природного монгола, перешедшего в Российские границы в 1766 г.». Этот картографический документ содержится в деле № 78 «Собрание известий о начале и происхождении разных племен иноверцев в Иркутской губернии обитающих»¹.

По периметру карты с четырех сторон обозначены градусы координатной сетки. При этом координаты меридианов совпадают с современными, а координаты широты сдвинуты примерно на 15 градусов. В легенде карты кроме названия представлен масштаб – «в дюйме 100 верст». На карте обозначены реки, горы, степи и три озера, а также пять монгольских городов, монастырь и «стан Засакту Ханов».

На карте много различного рода исправлений карандашом. В части это касается сокращения слов и замены прописной буквы на заглавную. Имеются исправления глухих согласных на звонкие и наоборот. Напри-

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.805. Оп.1. Д.78. Л.74.

мер, в название «Горы татжиень-шилле» внесены исправления – «Горы Таджиень-шилле». Есть и более сложные исправления, например, «Монастырь Ибенгъ» на «Монастырь Зибергъ». Название некоторых географических объектов почти совпадают с современными написаниями, другие заметно отличаются, ряд широко распространенных названий отсутствует.

На «Карте части Халхамонголии» обозначена государственная граница, направление которой в основном совпадает с общепринятым обозначением по Кяхтинскому договору 1727 г. Но обозначение нечеткое, как по привязке к местности, так и в градусном выражении. Более всего вопросов возникает по западному участку границы на данной карте, где линия границы идет по не названному горному хребту, пересекая верховья «реки четкетъ», т. е. Шишгид-Гол, и далее по междуречью этой реки и Теси. То есть русско-монгольская граница совпадает с современной западно-тувинским участком государственной границы, что противоречит другим историческим картам. Правда, на рассматриваемой «Карте части Халхамонголии» «Горы Таджиень-шилле», т. е. Тоджа, смещена на юг и показана целиком южнее государственной границы России.

Таким образом, представленный документ из фондов ГАКК дает важный и интересный материал для лингвистических и исторических исследований. Изучение данного документа становится особенно актуальным в связи с активизацией историко-картографических исследований.

Бурнээ Доржсурэн

(Монгольский Государственный Университет, Улан-Батор)

О монгольском историческом сочинении «Драгоценные четки»

Изучением исторического сочинения «Драгоценные четки» (монг. Erdeni-yin erike), принадлежащего перу монгольского автора Ишбалдана (XIX в.), занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Так, немецкий ученый В. Хайссиг впервые осуществил издание рукописи данного сочинения и написал к нему обширное предисловие, в котором сделал вывод о том, что автор «Драгоценных четок» использовал при написании своего текста произведения как монгольских, так и тибетских историков, а именно сочинение монгольского ученого Ишбалжира и тибетского ученого Тугана Лосан Чокйи Нима.

Сличение текстов этих сочинений с содержанием «Драгоценных четок» показало, что последнее действительно изобилует цитатами из вышеупомянутых источников. Однако это не умаляет ценности исследуемого произведения, поскольку в нем немало места уделено истории

не только буддийской религии, но и истории династий монгольских ханов и князей. О творческом подходе автора «Драгоценных четок» свидетельствует редакция слов и выражений источников, а именно их перефразировка.

Монгольские и зарубежные исследователи были убеждены в том, что данное сочинение существует только на монгольском языке, и причисляли его к монгольским средневековым историческим источникам. Недавние исследования китайских ученых убеждают нас в том, что оно было изначально составлено автором на тибетском языке, а затем переведено на монгольский.

То, что сочинение «Драгоценные четки» действительно является переводом с тибетского, может быть доказано только на основе сличения его текста с оригиналом. В нашем докладе мы ограничимся исследованием языка «Драгоценных четок» и отметим в нем те места, которые указывают на переводческий характер данного сочинения.

Е.В. Иванова

(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Буддийское собрание Музея антропологии и этнографии РАН

За 300 лет существования первого российского музея – МАЭ (Кунсткамеры) в нем сложилось крупное собрание предметов буддийского культа. Оно стало результатом активной собирательской деятельности блестящей плеяды отечественных ученых – востоковедов, этнографов, географов во время их экспедиций в России и зарубежных странах. Выдающуюся роль в обогащении этого собрания сыграл С.Ф. Ольденбург. Памятники буддийской культуры, процветавшей в Восточном Туркестане более тысячелетия (с IV по XVI вв.), добытые под его руководством в результате двух Туркестанских экспедиций в 1909–1914 гг., а также предметы из открытого П.К. Козловым мертвого города Хара-Хото, поступали в МАЭ. В музее хранятся другие буддийские коллекции, связанные с именем Ольденбурга, и среди них – статуэтка Будды Майтреи, подаренная ученому Далай-ламой XIII.

Традиция глубокого изучения буддизма – письменных памятников и памятников буддийского искусства, зародившаяся в России в XVIII в., была прервана в 30-е гг. минувшего века. Буддийские коллекции хранились в советских музеях, но ученым не рекомендовалось акцентировать на них внимание. В последние десятилетия минувшего века в нашей стране изменилось отношение к религии, возродилось исследование памятников буддийской культуры. Ярким проявлением восстановления позиций отечественной буддологии явилась, в частности, проведенная в 2009 г. Эрмитажем и Институтом восточных рукописей РАН выставка

«Пещеры Тысячи Будд». Формально не участвовавший в этом событии, МАЭ причастен к нему «исторически», т. к. был первым хранителем значительной части выставленных экспонатов (в 1930–34 гг. переданных в Эрмитаж). Задача докладчика – привлечь внимание к сокровищам буддийской культуры, хранящимся в МАЭ РАН в наши дни.

*Л.В. Курас, Э.А. Николаев
(ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)*

Монголия во Второй мировой войне: современная российско-монгольская историография¹

История Второй мировой войны – одна из наиболее изучаемых и перспективных проблем современной историографии, что обусловлено не только возможностью работы в архивохранилищах с ранее закрытыми для изучения документами, но и тем, что историография этих событий стала полем идеологических битв. Это в полной мере касается участия Монголии во Второй мировой войне и особенно событий на Халхин-Голе, начало которых стало предтечей Мировой войны, а завершение – совпало с ее началом. Неслучайно в российской историографии эта «необъявленная война» характеризуется как «предыстория Второй мировой войны»². Наиболее ярким свидетельством идеологических коллизий стал международный научный симпозиум «Халхин-Гольское сражение (Номонханский инцидент) в мировой истории: познавая прошлое и обсуждая будущее» (2–5 июля 2009 г., Улан-Батор, Монголия), состоявшийся по инициативе японской ассоциации глобальных исследований Секигути и Института истории Академии наук Монголии, в которой приняли участие ученые 9 стран (Россия, Монголия, Япония, США, Великобритания, Франция, Китай, Южная Корея, Тайвань)³.

Что касается наиболее значимых работ российских и монгольских ученых последних лет, получивших широкий резонанс у научной общественности, то к ним следует отнести совместные труды, выполненные в рамках совместного проекта Министерства образования, науки и культуры Монголии и Российского фонда гуманитарных исследований

¹ Сообщение подготовлено при поддержке Министерства образования, науки и культуры Монголии и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 07-01-92003 а/Г.

² Бушуева Т.С. Халхин-Гол: взгляд через 70 лет. Малоизвестные страницы предыстории Второй мировой войны // Отечественная история. 2009. № 1. С. 34–51.

³ 70 Years Since the Nomonhan Incident (Battle of Khalkhin Gol). Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko and Husel Borjigin. Fukuyosha (Япония). 2009. 600 с.

(РГНФ) учеными Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Института истории Академии наук Монголии: «Халхин-Гол. 1939», и материалы международной конференции «От Халхин-Гола до линкора Миссури». Этим изданиям предшествовала долгая и кропотливая работа, выразившаяся в опубликовании сборника статей «Вторая мировая война и Монголия» (Улан-Батор, 2005) и уникального двухтомного документального издания «Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946» (Москва – Улан-Удэ, 2008).

В течение следующего года в рамках гранта планируется подготовка и публикация сборника документов и фотоальбома по проблеме «Монголия во Второй мировой войне».

Таким образом, историографическая составляющая проблемы может выявить ее новые аспекты и создаст плацдарм для новых исследований.

Д.П. Очирова
(Маньчжурский техникум, КНР)
Названия мучной пищи
в современном монгольском и бурятском языках

У монголоязычных народов с давних пор имело место примитивное земледелие. В частности, в исследуемых языках выявлена общемонгольская терминология по орудиям землепашества, приспособлениям для хранения и возделывания зерна, разновидностям мельниц.

Сравнительный срез наименований видов зерновых культур, традиционных названий мучных блюд в двух языках также обнаруживает их общемонгольские корни.

Языковые факты показывают, что на формирование кулинарных традиций монголоязычных народов огромное влияние оказали две оседлые культуры: китайская и русская. В монгольском языке наблюдаются заимствования из китайского: *мантуу*, *гийдаа*, *бантан*, *гоймон*, а в бурятском языке, соответственно, из русского: *халааша*. Вместе с тем, некоторые мучные изделия, например, заимствованные у русских, отдельные группы бурят именовали, используя свои языковые средства: *халааша*, *хитаруулга*, *хатаамал*. Подобные названия обычно относятся к диалектной лексике, поскольку не получили широкого распространения среди остальных групп бурят. Лексические расхождения наблюдаются в наименовании некоторых традиционных мучных блюд у бурят. Например, в названии блюда саламат.

Нередко встречаются случаи локального распространения традиционных мучных блюд. В частности, в Присаянье, а также у южных бурят распространено мучное блюдо *замбаа*. Данная общемонгольская

лексема встречается в халха-монгольском в значении «поджаренная ячменная мука», однако у других групп бурят данная мучная каша под искомым названием не встречается.

Сравнительно-сопоставительное изучение данного лексического пласта показывает, что массовое занятие кочевым животноводством, охотой, вероятно, не благоприятствовало развитию хлеборобства у монголоязычных народов, поэтому значение этого хозяйственно-культурного типа было неодинаковым в разные исторические периоды.

М.П. Петрова

(ВФ СПбГУ)

Модернистская проза Д.Батбаяра

Большинство современных критиков и литературоведов сегодня признают факт перехода монгольской литературы в конце XX – начале XXI вв. на качественно новую ступень развития. Связано это, с одной стороны, с коренными изменениями в экономической и общественно-политической жизни Монголии, произошедшими в конце XX в. и, с другой стороны, с поступательным ходом развития самого художественного творчества.

«Родилась поэтика «смутного времени». В качестве новой эстетической платформы современного литературного процесса Монголии провозглашен модернизм, как когда-то был декларирован соцреализм», – пишет профессор Л.Г.Скородумова.¹

Освобожденная от необходимости выполнения социального заказа – пропагандировать революционные и коммунистические идеи – литература становится на путь поиска новых путей и принципов. Творческие искания монгольских поэтов, прозаиков и драматургов последнего десятилетия напоминают модернистские направления в западноевропейской и русской литературе конца XIX – начала XX вв. Неслучайно сегодня в Монголии очень популярны такие авторы, как А.Ахматова, Н.Гумилев, В.Брюсов, А.Блок и другие поэты серебряного века русской литературы. В произведениях Д.Батбаяра (род. 1841) , Л.Дашняма (род.1943) , Д.Урианхая (род.1940) , Б.Лхагвасурэна (род.1945), У.Шигуургэ (род.1968), Г.Аюурзаны (род.1970), Л.Ульзийтугс (род.1972), Ц.-А.Буянзай ((род.1972) и других соблюдены следующие принципы: неомифологизм, иллюзорность, текст в тексте, уничтожение фабулы, стиль потока сознания, моделирование собственной реальности, отход от действительности.

¹ Скородумова Л.Г. О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе. *Mongolica-IV*. СПб.,1998. С. 76.

Творчество поэта, прозаика и драматурга Дармаагийн Батбаяра (род.1941) – серьезный вклад в развитие новейшей монгольской литературы. Им созданы десятки пьес, поставленных на сценах монгольских театров, первая психологическая повесть и детективно-психологический роман, сотни рассказов, прозаических миниатюр и стихотворений. По его сценариям снято более двадцати художественных фильмов. За повесть «Бегущая антилопа» («*Цахилж яваа гөрөөс*», 1984)¹ Д.Батбаяр был удостоен государственной премии. Это произведение знаменовало собой этап перехода монгольской литературы от описательности к психологизму в 80-е гг. XX в.

Жанр «Сотворить мemento» («*Memento-г бүтээхүй*», 2001)² определен автором как микро-роман. Его название сразу относит читателя к известному латинскому изречению «Memento mori» – «Помни о смерти». Смерть как главная героиня всего произведения есть элемент деконструкции, свойственный произведениям модернистского направления. Автор последовательно подводит читателя к разгадке тайны смерти Угедей хана – сына и престолонаследника Чингис хана и трех основных персонажей своего романа.

Повесть-подношение (извещение, доклад) – жанровое определение повести «Ийнгаа – степь моя» («*Ийнгаа – миний хээр тал*», 2009)³. Ее и некоторые сюжетные и бессюжетные рассказы сборников «Бог любви» («*Амрагийн тэнгэр*», 2000)⁴ и «Желаю тебе счастья» («*Чамд аз жаргал хүсэе*», 2009)⁵ можно отнести к тому или иному модернистскому направлению в новейшей монгольской литературе.

А.В. Попов
(ВФ СПбГУ)

***Цинские официальные документы из монгольской коллекции
Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН***

Исследователи коллекции монгольских рукописей и киелографов, хранящейся ныне в Санкт-Петербургском Институте восточных рукописей, отмечали, что с конца XIX в. формирование этой коллекции происходило не путем случайного накопления письменных материалов на монгольском языке, но явилось результатом поиска наиболее редких и ценных в научном отношении рукописей, важных для понимания исто-

¹ Батбаяр Д. Цахилж яваа гөрөөс. УБ., 1984.

² Батбаяр Д. Memento-г бүтээхүй. УБ., 2001.

³ Батбаяр Д. Ийнгаа – миний хээр тал. УБ., 2009.

⁴ Батбаяр Д. Амрагийн тэнгэр. УБ., 2000.

⁵ Батбаяр Д. чамд аз жаргал хүсэе. УБ., 2009.

рического прошлого монгольских народов¹. Сказанное в полной мере относится и к той части упомянутой коллекции, в которой представлены документы (административные распоряжения, следственные и судебные дела, служебная переписка) различных государственных учреждений, существовавших в Монголии в XVIII – начале XX вв. в период ее пребывания в составе империи Цин. Число таких документов в фондах ИВР не столь уж велико, составлены они в XIX – начале XX вв. чиновниками, служившими преимущественно во Внешней Монголии. Вместе с тем, собранные в этой коллекции документы отличаются значительным видовым разнообразием и дают представление о делопроизводстве практически всех уровней бюрократического аппарата, управлявшего Монголией в цинский период.

Подробные сведения о составе монгольских коллекций Института восточных рукописей содержатся в исследованиях Л.С. Пучковского и А.Г. Сазыкина². В то же время, даже самые подробные каталоги объективно не могут дать представления о богатстве и разнообразии фактического материала о самых разных сторонах жизни монгольского общества XIX – начала XX вв., которым, как никакая иная категория источников, насыщены официальные документы. Впрочем, с этой точки зрения интересующая нас часть монгольской коллекции ИВР до сих пор не получила должной оценки у историков-монголоведов. Почти все входящие в ее состав документы могут быть с полным основанием названы малоизученными. Вместе с тем, в необходимости подробного исследования таких документов убеждает, в частности, тот факт, что даже содержание некоторых из них в существующих каталогах определено не всегда точно. Так, под шифром F-209 в монгольской коллекции значится датированный третьим осенним месяцем 58-го года правления императора Цяньлуна (1794 г.) сборник различных служебных депеш, отправленных канцелярией цинского цзянцзюня (наместника) в Улясутае. В каталогах адресат всех служебных отношений, собранных в данном журнале, не назван. Однако получатель казенной корреспонденции может быть точно определен по оттиску печати на листе 23б интересующей нас рукописи. Л.С. Пучковский пишет, что легенда этой печати неразборчива³, в то время как в ее оттиске на указанном листе хотя и нечетко, но все же угадывается текст: «Qalqa-yin sečen qan ayimaγ-un

¹ Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М., 1988. С.17.

² Пучковский Л.С. Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения. М.–Л., 1957. Сазыкин А.Г. Ук. соч.

³ Л.С. Пучковский. Указ.соч., с. 175.

jisiiyan-u kereg-i sitkegči jasaγ tusalayči-nar-un tamaγ-a) – «печать хошунного правителя и его помощника по административным делам, несущих очередную службу по ведомству, управляющему делами казенных служб в Сэцэнханском аймаке».

К документам канцелярий цинских наместников в Монголии принадлежит и еще один реестр официальных писем, хранящийся в коллекции ИВР под шифром F-405. Л.С. Пучковский, ссылаясь на то, что заглавие данного сборника безвозвратно утрачено (повреждены первые листы), не называет ведомства, которому принадлежит авторство в его составлении и оставляет без комментариев его предназначение¹. Между тем содержание сборника свидетельствует, что перед нами журнал входящих документов, направленных в 10–12 месяцах 6-го года правления императора Даогуана (1826 г.) различными внешнемонгольскими аймаками и военно-административными учреждениями в адрес хошунного правителя из Сайннойонханского аймака тайджи Дамиранжава, который нес очередную службу при канцелярии цинского наместника в Кобдо. Тем самым, источник дает уникальную возможность детально наблюдать режим повседневной деятельности канцелярии цинского наместника в Кобдо – одного из ключевых цинских ведомств, управлявших Внешней Монголией.

**П.О. Рыкин
(ИЛИ РАН)**

Об одном тюркизме в «Тайной истории монголов»: ср.-монг. *aran*

В докладе обсуждается среднемонгольское слово *aran* – одно из целого ряда *hapaх legomena* в «Тайной истории монголов» (далее – ТИМ). Данное слово встречается в стихотворном фрагменте речи пастуха Дэгэя, обращенной к Чингисхану (§ 124):

alaqči 'ut qonind-i adu 'ulaǰu
aran dü 'ürgesü

qoηqoqči 'ut qonind-i adu 'ulaǰu
qoton dü 'ürgesü

‘Я буду пасти пестрых овец
и заполню [ими] *aran*.

Я буду пасти светло-желтых овец
и заполню [ими] загон для скота’.

Слово, которое восстанавливается здесь в форме *aran*, является проблематичным в двояком аспекте:

¹ Там же, с. 180.

1.) *Со стороны фонетики.* В тексте ТИМ оно транскрибируется как 阿藍 àlán, при этом иероглиф 藍 lán (др.-манд. /lam/) в китайских средневековых транскрипциях монгольских текстов использовался для передачи монгольских слогов *lan, lam, ral*, а также *ran* и *ram* (в ТИМ и *Xuān shōi* с диакритическим значком 舌, который в ряде случаев мог по ошибке опускаться). Отсюда различные варианты фонетической реконструкции данного слова: *alan* (Э. Хэниш, С.А. Козин), *alam* (П. Пелльо, Л. Лигети, У. Онон, Ш. Гаадамба, И. де Рахевильц и др.), *aral* (Алтанва-чир, Буххишиг), *aram* (С. Одзава, Д. Цэрэнсодном и др.).

2.) *Со стороны семантики.* В тексте ТИМ оно имеет китайскую глоссу 車底 chēdǐ ‘днище повозки’, которая плохо подходит по контексту. Ввиду семантического параллелизма обеих частей двустишия мы были бы вправе ожидать здесь форму, близкую по значению к ср.-монг. *qoton* ‘загон для скота’.

Учитывая сказанное, есть все основания отождествлять транскрипцию 阿藍 àlán с др.-тюрк. *aran* ‘скотный двор, конюшня’, ‘кол с петлей для привязи животных’ и включать это слово в число среднемонгольских тюркизмов. Таким образом, в двустишии фигурируют две лексемы с одинаковым значением: собственно монгольская форма *qoton* и тюркское по происхождению слово *aran*.

Китайская глосса к данному слову определенно является ошибочной. Она могла появиться в результате смешения авторами китайской транскрипции ТИМ двух среднемонгольских основ: *aran* и **aral*, записывавшихся с помощью одних и тех же иероглифов. Основа **aral* ‘днище повозки’ в среднемонгольском не засвидетельствована, но представлена рядом рефлексов в современных монгольских языках и диалектах; ср. мгр. *ara*: ~ *ara:r* ‘открытая местность в русле канала или реки, днище (повозки)’ (*t'ie:rge ara*: ‘днище корпуса телеги’), халх. *aral* ‘корпус телеги’; ‘шасси, рама (автомоби́ны)’, бур. зап. *aral* ‘телега, арба’. Значение ср.-монг. **aral*, по-видимому, ближе всего передает монгольская форма.

А.А. Сизова
(ИВР РАН, СПб)

**«Литература Пути» в тибетской и монгольской традиции:
проблематика жанрового определения**

В тибетской и монгольской буддийской литературе существуют сочинения, объединяемые исследователями в группу «литературы Пути»¹. К ней относятся сочинения, главной целью которых является содействие духовной эволюции практикующего. Многообразие подобных текстов, имеющих различный объем, структуру и содержание, соответствовало разным уровням развития читателей, среди которых были как простые миряне, так и высокообразованные монахи и ученые. В сборнике статей Дж. Кабезона и Р. Джексона «Тибетская литература» раздел о «литературе Пути» включает в себя четыре статьи, написанные различными авторами и посвященные следующим четырем группам сочинений:

1. Сочинения, разъясняющие «ступени Учения»; тэнримы (тиб. *bstan rim*).

Тэнримы описывают путь последователя Махаяны, т. е. бодхисаттвы, от вступления на этот путь до достижения главной цели – Пробуждения. К этой группе примыкают сочинения, разъясняющие «ступени пути»; ламримы (тиб. *lam rim*). Характерной особенностью ламримов является изложение материала, ориентированное на три типа личности, т. е. три этапа, которые надлежит пройти адепту на пути духовного совершенствования. На первом этапе человек стремится к лучшему переждению, на втором – к собственному освобождению от уз сансарического бытия, и, наконец, подходит к вершине буддийского пути Махаяны – деятельности бодхисаттвы на благо всех живых существ.

2. Сочинения, предназначенные для «очищения сознания»; лоджон (тиб. *blo sbyong*).

Появление лоджонов тибетская традиция возводит к периоду возрождения буддийской традиции в Тибете (XI в.), когда последователи школы Кадам (тиб. *bKa' dams*), стремясь восстановить пришедшую в упадок религиозную практику монахов и мирян, предприняли попытку представить базу буддийской доктрины в доходчивой форме. Одним из средств для этого явилось создание кратких руководств, касающихся основ буддийской практики и получивших наименование «лоджон».

3. Наставления (санскр. *upadeśa*, тиб. *gdams ngag*).

¹ Cabezón J.I., Jackson R.R. Tibetan literature: Studies in Genre. New York, 1996. P. 229–289.

Тексты «наставлений» фиксируют слова наставника, разъясняющего ученику особенности медитативной и йогической практики.

4. Различные трактаты, разъясняющие те или иные аспекты «Пути».

Подобное деление сочинений на группы является достаточно условным, поскольку, вне зависимости от заглавия или содержания, предполагающих принадлежность текста к той или иной группе, он может быть отнесен самой буддийской традицией к другой группе. В статье Д. Джексона, посвященной тэнримам, высказывается точка зрения, что данный материал еще не достаточно исследован, чтобы можно было определять ламрим и тэнрим как два отдельных либо каким-либо образом взаимосвязанных жанра¹.

В данном докладе проблематика жанрового определения «литературы Пути» будет рассмотрена с опорой на образцы тибетских и монгольских сочинений.

Л.Г. Скородумова
(Москва, РГГУ)

Дидактическая традиция в современной монгольской литературе

Популярные во всем мире крылатые выражения и мудрые мысли западноевропейских мыслителей давно переведены на монгольский язык и включены в монгольскую словесность, но монгольский национальный афоризм только сейчас обретает свою классическую форму, становясь самодостаточным литературным явлением.

Почва для монгольского афоризма в XXI в. была подготовлена дидактической традицией, игравшей стержневую, цементирующую роль на протяжении всей истории монгольской литературы. Укорененность дидактики в художественном мышлении монголов объясняется и хорошо развитой устной афористической поэзией (жанр сургал, гномические формы – пословицы, загадки, триады) и чрезвычайно популярными среди монголов переводами древнеиндийских поучительных произведений (нитишастры и др.), тибетского сборника Субашид и т.д.

С усилением лирического начала в монгольской литературе в конце 70–80-х гг. XX в. все больше места в творчестве таких писателей, как С.Эрдэнэ, Ж.Лхагва, Д.Батбаяр, Д.Урианхай, Л.Дашням и др. завоевывает дидактическая лирика в виде миниатюры, притчи, философских зарисовок. Эти жанры остаются излюбленными и сегодня, о чем свидетельствует ряд опубликованных сборников афоризмов.

¹ Cabezón J.I., Jackson R.R. Tibetan literature: Studies in Genre. New York, 1996. P. 241.

Обсуждение морально-философских и социальных проблем, правила житейской мудрости – вот традиционные темы монгольских афоризмов. С помощью образного сравнения, яркой метафоры, соединяются казалось бы, несоединимые понятия, например, писательство сравнивается с сенокосом у Д. Урианхая, у Д. Батбаяра «жемчужина прозрения находится на дне темноты невежества». Богатая образность афоризмов Д. Батбаяра роднит его изречения с художественной словесностью: «Чувство – волна, терпение – берег». Афоризмы Л. Дашняма привлекают социальной заостренностью: «Побывавшие в руках власти получают “ранения” – кто шишку, кто синяк, а кто и опухоль».

Как и в XIX в., монгольские писатели ратуют за нравственное совершенствование человека и общества.

Т.Д. Скрынникова
(ИВР РАН, СПб)

Обок в социальной структуре Монгольского улуса

Определение значения и функции феномена, обозначаемого термином ОБОК, остается предметом дискуссии в среде современных антропологов. Употребляем ли мы термин *«род/клан»* при передаче монгольского *обог* с некоторой/определенной степенью условности, поскольку не имеем альтернативного варианта, или этот монгольский термин вполне соответствует содержанию понятий «род» или «клан», обозначающих унилинейную группу людей, объединенных кровным родством? Всегда ли этноним отражает реальное родство по крови или, как настаивает на своем утверждении Д. Снит, обок в качестве административной единицы, образованной правительственными органами, представлял собой гетерогенное сообщество?

Я бы хотела обратить внимание на то, что следует рассматривать термин *обог* как маркер, используемый для обозначения двух различных субъектов. С одной стороны, и, возможно, в первую очередь, этим термином обозначались патрилинейные родственные группы. Соотнесение себя с некой общностью, обозначаемой как ОБОК, не только осознается, но и является обоснованием жизнедеятельности группы как в профанной, так и сакральной сферах бытия. Субъектом ритуала всегда выступал определенный коллектив, объединенный кровнородственными связями. Генеалогии фиксировали место каждого члена рода в системе.

С другой стороны, этим термином стали обозначаться и социально-экономические субъекты, состоявшие из гетерогенных, хотя зачастую и родственных, но не принадлежавших к одному роду, групп, связанных хозяйственной деятельностью, т. е. территориально-административный

род. Все члены «рода» (*обока*) данного типа, сохраняя и собственное родовое наименование, одновременно носили имя рода-ядра.

Можно сказать, что обок (род) как коллектив кровных родственников был важнейшей, и, может быть, даже основной, морфологической единицей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии, где на протяжении нескольких веков политики, социально-политическая структура которых была неустойчивой, сменяли друг друга. Определенная устойчивость социально-экономических сообществ обеспечивалась системой этносоциальных связей: как вертикальных, т. е. диахронных связей, когда род, сохраняя память о своем происхождении, апеллирует к предкам, идентифицируя себя с ними, так и горизонтальных, поскольку социальная общность (обог – таксон, коррелирующий с другими в виду необходимости выстраивать систему взаимоотношений) базируется на синхронных связях.

М.О. Смирнова
(ВФ СПбГУ)

Особенности тибетской лингвистической традиции¹

Тибетская традиционная лингвистика (санскр. śabdavidyā, тиб. sgra'i rig pa), включаемая тибетцами в число пяти великих наук, сформировалась под влиянием индийского языкознания благодаря переводам индийских буддийских текстов, объединенных в канонические сборники Кангьюр и Тэнгьюр, последний из которых содержит более 40 переведенных с санскрита лингвистических сочинений.

В отличие от индийской лингвистической традиции, первоначально существовавшей в устной форме, развитие тибетского языкознания началось после появления письменности в VII в.

Впоследствии тибетские авторы создавали комментарии к переведенным грамматическим сочинениям, а также собственные труды, посвященные фонологии, грамматике и семантике санскрита, правилам перевода на тибетский язык.

Авторство первых трактатов, предметом описания которых был тибетский язык – «Сумчупы» (тиб. Sum cu pa) и «Тагкичжугпы» (тиб. Rtags kyī 'jug pa), приписывается Тхонми Самбхоте, советнику царя Сонгцэн Гампо (VII в.). Важная особенность описания элементов графики, не отделяемой от фонологии (тиб. yī ge 'фонема', 'графема'), комбинаторных правил слогообразования, значений служебных лексем

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тибетская грамматическая традиция» (11-34-00227a1).

и морфем в двух основополагающих трактатах тибетской грамматической традиции – активное использование приемов индийских лингвистов (например анувритти), калькирование и фонетическое заимствование санскритских грамматических терминов.

Для традиционного тибетского языкознания, как и для других традиционных буддийских наук, характерно наличие большого количества подробных прозаических комментариев к основополагающим кратким трактатам в стихотворной форме, причем количество комментариев продолжает умножаться и сегодня, а современные тибетские грамматисты строго следуют традициям грамматического описания, заложенного трактатами «Сумчупа» и «Тагкичжугпа» и комментариями к ним, в некоторых случаях позволяя себе дополнять и уточнять классические формулировки.

Екатерина Собковьяк
(Бернский Университет, Швейцария)
Сравнительный анализ вступительных стихов
Пратимокша- и Бхикишунипратимокша-сутры
по текстам двух редакций монгольского Ганджура

Пратимокша-сутра – свод правил поведения для буддийских монахов – и Бхикишунипратимокша-сутра – предписания для монахинь – были переведены с тибетского языка на монгольский и включены в состав монгольского Ганджура. Тексты обеих сутр открываются вступительными стихами.

Сопоставление вступительных стихов в разных редакциях тибетского Ганджура¹ не выявило существенных различий между текстами ни в синхроническом, ни в диахроническом срезе. На данный момент остается невыясненным вопрос о том, какая именно редакция тибетского Ганджура легла в основу переводов сборника на монгольский язык. Однако можно предположить, что и в ней вступительные стихи двух сутр не имели серьезных разночтений.

Синхроническое, диахроническое и перекрестное сравнение четырех монгольских версий вступительных стихов² показало, что редакция Пратимокша-сутры 1718–20 гг. полностью опирается на редакцию 1628–29 гг. Немногочисленные разночтения касаются, прежде всего, лексики. Грамматические формы и структуры сохранены почти без из-

¹ Дерге, Нартан, Чоне, Урга, Лхаса.

² Для анализа были использованы тексты обеих сутр из рукописной редакции монгольского Ганджура Лигдан-хана (1628–29) и ксилографической редакции Канси (1718–20).

менений. Исследованные фрагменты текстов Бхикшунипратимокшасутры, в свою очередь, значительно отличаются друг от друга. Отдельные предложения, перевод которых в обеих редакциях текста полностью совпадает, не позволяют говорить о разных переводах сутры. Однако многочисленные фрагменты, в которых смысл перевода существенно меняется из-за изменения грамматической структуры или замены лексем, свидетельствуют о серьезной редакторской работе. Нет также оснований полагать, что монгольские переводчики и редакторы обратили внимание на то, что вступительные стихи обеих сутр совпадают, и попытались сохранить их тождественность в рамках одной редакции.

Перспективой дальнейшего исследования такого рода является возможность пролить свет на историю формирования и развития монгольского Ганджура.

*М.А. Солощева
(ВФ СПбГУ)*

*Значение событий 1720 года
в истории китайско-тибетских отношений*

Период истории Тибета, начавшийся в 1720 г., в европейской историографии часто называют «китайским протекторатом». 16 октября 1720 г., по указу императора Канси, состоялась торжественный въезд Далай-ламы VII Кэлсанга Гьяцо в Лхасу и его восшествие на золотой трон во дворце Потала. Так начался новый период в истории Тибета – начиная с этого момента внутренние дела Тибета решались при непосредственном участии уполномоченных представителей империи Цин.

В памятниках традиционной исторической литературы, посвященной истории Тибета, авторами которых являются монголы и тибетцы из района современных провинций Ганьсу и Цинхай (например, в известном произведении «Пагсам-чжонсан», который был написан Сумба-хамбо Ешей-Балджором в 1748 г.) 1720 г. считается годом включения Тибета в состав империи Цин. Современные тибетские историки, живущие за пределами КНР, придерживаются точки зрения, согласно которой Тибет был и оставался независимым как до, так и после событий 1720 г.

С точки зрения китайской традиционной системы взглядов Тибет был подчинен Китаю еще до XVII–XVIII вв. и современная китайская историческая наука, вслед за традицией, продолжает исходить из того, что Тибет всегда был и является неотъемлемой частью Китая.

Обратившись к «Высочайше утвержденным генеалогическим таблицам и биографиям князей Внешней Монголии и Туркестана» (1795 г.), мы обнаружили, что раздел «Тибет» начинается с 1720 г.: «В 59-м году правления императора Канси большая (маньчжурская) армия

умиротворила Тибет. Им стали управлять амбани...». В «Биографии седьмого Далай-ламы Лосанг Кэлсанг Гьяц», в основу которой легли материалы из архивов Поталы, также приведен императорский указ 1720 г., согласно которому Далай-лама был возведен на трон.

Опираясь на то обстоятельство, что в официальном китайском источнике XVIII в. раздел, посвященный Тибету, начинается именно с этой даты, а также на мнение нескольких влиятельных лам-историков XVIII в., мы можем сделать вывод о том, что именно вступление цинской армии в Лхасу в 1720 г. явилось тем рубежным событием, после которого Тибет стал объектом имперского административного управления.

А.А. Туранская
(ВФ СПбГУ)

Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы

«Пространное жизнеописание спасителя Миларэпы под названием “Сто тысяч песнопений”» – это пекинский ксилограф из коллекции О.М. Ковалевского, хранящийся в рукописном фонде библиотеки ВФ СПбГУ под шифром Mong. E 55. Монгольский текст является переводом сочинения тибетского ученого Цаннен Херуки (тиб. gTsang smuon he ru ka /1452–1507/), составленного им в 1488 г.

Согласно колофону, представленному в конце текста, инициатором перевода выступил халхасский хан Цокту Хунтайджи (монг. *ᠰᠣᠲᠤ ᠬᠤᠨ ᠲᠤᠢᠵᠢ* /1581–1636/). Перевод был осуществлен известным переводчиком буддийских текстов на монгольский язык Ширегету Гуши-цорджи (монг. *Siregetü güüsi čorjü-a* / XVI–XVII вв./). Согласно колофону, существовали более ранние переводы этого сочинения на монгольский язык, но они не получили широкого распространения в Монголии.

Далее в тексте приведен издательский колофон. Он был написан джанджа-хутухтой Ролби Дордже (тиб. *lcang skya Rol pa'i rdo rje* /1717–1786/) по инициативе харачинского эфу Лобсан Дондуба (тиб. *blo bzang don grub* /XVIII в./). В колофоне отсутствует какая-либо информация о редакторе пекинского издания, но в тексте на странице 135а сказано, что перевод пяти глав, которые отсутствовали в переводе Гуши-цорджи, и редакцию нового издания осуществил ученик джанджа-хутухты Ролби Дордже Нгаван Тэнпэл (тиб. *Ngag dbang bstan 'phel* /1690–1780/). Дата издания – 21 год правления четвертого императора династии Цин Цяньлуна, год огня-мыши – соответствует 1756 г.

*В.Л. Успенский
(ВФ СПбГУ)*

Последний маньчжурский наместник в Урге

В декабре 1911 г. в Урге (совр. Улан-Батор) была провозглашена независимость Монголии. В этом году отмечается столетний юбилей этого исключительно важного события в истории монголов. Провозглашение монгольской независимости стало возможным в силу стечения целого ряда исторических обстоятельств, важнейшими из которых следует считать падение маньчжурской династии Цин и ту военно-политическую поддержку, которая была оказана Россией монгольским борцам за независимость.

В Урге с XVIII в. постоянно находились маньчжурские наместники (обычно их называют маньчжурским словом «амбань»), в обязанности которых входило управление войсками и осуществление пограничных контактов с Россией. Обычно ими были монголы из числа так называемого «знаменного населения».

Последний маньчжурский амбань в Урге – Саньдо (1875–?) принадлежал к монгольскому белому знамени, которое несло сторожевую службу в Ханчжоу. Он проявил себя способным в военном деле и был направлен в Ургу наместником в 1909 г. В эти годы находившаяся в состоянии агонии династия Цин стала проводить политику колонизации китайцами монгольских кочевий, что вызвало протесты и даже восстания монгольского населения. В Урге Саньдо должен был стать проводником этой крайне непопулярной среди монголов «новой политики» и, естественно, натолкнулся на жестокое сопротивление. Особенно острый конфликт у него произошел с влиятельными ламами Урги. Кроме того, летом 1911 г. ряд монгольских князей тайно отправили делегацию в Петербург с просьбой оказать помощь в борьбе за независимость. Саньдо не смог пресечь подобную деятельность, поскольку располагал ограниченными силами, а Китай был охвачен революционными событиями. Любопытно отметить, что издававшаяся в Харбине на монгольском языке за счет русского правительства газета «Монголун сонин бичиг» из номера в номер изображала Саньдо жестоким и глупым самодуром.

В итоге своей недолгой деятельности в Урге в декабре 1911 г. Саньдо счел за лучшее обратиться в российское консульство за защитой, которая была ему предоставлена. Через Кяхту он был репатрирован в Китай. Во времена Китайской республики Саньдо продолжал свою военную карьеру в северо-восточном Китае.

Вскоре после победы народной революции, в 1922 г. в «народном доме» Урги была поставлена пьеса «Саньдо амбань», в которой в худо-

жественно-героической форме изображались события, приведшие к его изгнанию.

Мунхцэцэг Энхбат
(ВФ СПбГУ)

***Интересный памятник маньчжурского письма из собрания
Государственной публичной библиотеки МАН***

В собрании Государственной публичной библиотеки хранится один интересный памятник на маньчжурском языке, до сих пор не введенный в научный оборот. Это большое (приблизительно два на один метр) полотно из красного шелка, наклеенное на хлопчатобумажную основу. На нем золотой нитью вручную вышит маньчжурский текст. Для записи текста выбрана одна из разновидностей особого орнаментального письма, по форме напоминающего монгольское квадратное. Тексты, записанные таким письмом выглядят очень нарядно, но их прочтение требует определенных навыков. Эти виды письма использовались для записи законов, указов, изречений. В данном случае текст, состоящий из пяти предложений, представляет собой наставления, которые адресованы представителям знати и указывают на три необходимых для них качества – ум, спокойствие и силу.

Т.И. Юсупова
(СПбФ ИИЕТ РАН)

Новые материалы по истории буддийских монастырей в Монголии

В историю изучения буддийских монастырей в Монголии важный вклад внесли российские ученые. Классическим трудом являются книга А.М. Позднеева «Очерки буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» (СПб., 1887) и «Атлас древностей Монголии» В.В. Радлова (СПб., 1892), в которых не только описаны, но и запечатлены архитектурные особенности монгольских монастырей.

Но, как известно, история буддийских монастырей в XX в. в Монголии весьма драматична: их большая часть (примерно 4/5 от общего числа) была разрушена. В связи с этим особую ценность для историков представляют фотоматериалы, на которых зафиксированы храмы. Таким уникальным источником по истории буддизма является отчет 1929 г. М.И. Клягиной-Кондратьевой «Материалы к изучению буддийских монастырей в Монголии. Опыт характеристики культовых и жилых построек в монастырях Кентея и Хангая», в котором, кроме краткого описания, содержится 75 фотографий строений. Фотографии были выпол-

нены во время трех научных экспедиций Ученого комитета Монголии летом и осенью 1926, 1927 и 1928 гг.

В Улан-Батор, в Ученый комитет Монголии, М.И. Клягина-Кондратьева была командирована Монгольской комиссией СНК СССР в 1926 г. Здесь уже работал ее муж, С.А. Кондратьев, бывший участник Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова. В Учкоме М.И. Клягина-Кондратьева проделала большую работу по каталогизации книг Комитета, увлеклась историей и культурой Монголии, участвовала в экспедиционных поездках мужа. Свой интерес к изучению монастырей она объясняет тем, что всякий изучающий жизнь Монголии не может пройти мимо ее монастырей, поскольку они до последнего времени не утратили своего значения центров духовной и материальной культуры.

Как пишет сама автор, очерк «Материалы» – не научное исследование, а лишь отчет о работе по изучению монгольских монастырей, которую она вела по заданию Учкома, инициированного Ц.Ж. Жамцарано. Это направление исследований российских ученых в Монголии поддерживал также непреходящий секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург. Данный отчет М.И. Клягина-Кондратьева послала в Академию наук, поскольку к этому времени Монгольская комиссия перешла в ее ведение, откуда он был направлен академику Ф.И. Щербатскому.

Экспедиционные поездки М.И. Клягина-Кондратьева подробно описала в своих дневниках¹, в которых в отличие от данной работы, носящей строгий отчетный характер, подробно приведены картинки быта посещенных монастырей, особенности их построек, портреты встречающихся в пути лам, разговоры с ними.

«Материалы» М.И. Клягиной-Кондратьевой, на наш взгляд, являются важным дополнением к изданному в 2009 г. в Монголии фундаментальному труду «История монгольских монастырей» (Улаанбаатар, 2009) и еще одним вкладом российских исследователей в изучение истории и культуры Монголии.

¹ Клягина-Кондратьева М.И. 1-я Кентейская (Ононская экспедиция) / публ. и прим. К.Н. Яцковской // Российское монголоведение. Бюллетень. IV. М., 1996. С. 125–142; Клягина-Кондратьева М.И. Дневниковые записи / публ. и прим. К.Н. Яцковской // *Mongolica* V. СПб., 2001. С. 125–156. Клягина-Кондратьева М.И. Гобийская экспедиция 1929 / публ. и прим. К.Н. Яцковской // Российское монголоведение. Бюллетень. V. М., 1996. С. 412–435.

Н.В. Ямпольская
(Бернский университет, Швейцария)
О двух монгольских переводах сутры
Аштасахасрика Праджняпарамита

История перевода на монгольский язык сутры Аштасахасрика Праджняпарамита¹ (далее – А.П.), одного из ключевых текстов в составе буддийского канона, до сих пор не изучена. Известно о существовании четырех переводов сутры, о двух из которых можно судить лишь по опубликованной информации из колофонов². Ниже пойдет речь о двух более распространенных переводах А.П.

Две известные нам монгольские редакции буддийского канона Ганджур включают два разных перевода А.П. Рукописная редакция Ганджура (1628–1629) содержит перевод сутры, приписываемый Самдану Сенгге³. В печатный Пекинский Ганджур (1718–1720) включен другой перевод А.П., однако в его колофоне отсутствуют сведения о переводе сутры на монгольский язык. Установить имя переводчика – гелон Шираб Джамса – позволяет колофон пекинского ксилографа, хранящегося в рукописном фонде ИВР РАН⁴ и представляющего собой, как показало сличение фрагментов текстов, более раннюю редакцию перевода, включенного в печатный Ганджур.

Эти переводы основаны на разных тибетских переводах сутры. Перевод Шираб Джамса восходит к каноническому тибетскому переводу авторства Шакьясены, Джнянаседхи и Дхарматашилы⁵. Колофон перевода Самдана Сенгге отсылает нас к именам переводчиков на тибетский язык Дхарматалы, Вайрочана-ракшиты и Санг-сурия-прабхи⁶, однако нам пока не удалось обнаружить никаких сведений об этом тибетском переводе. Тем не менее упоминание его позволяет предположить, что в период работы над рукописной редакцией Ганджура (1628–1629) в Монголии еще бытовал редкий, впоследствии малораспространенный

¹ Санскр. *Aṣṭasāhasrikā prajñāpāramitā*, тиб. ‘phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa, монг. qutuγ-tu bilig-ün činadu kürügsen naiman mingγ-a-tu.

² Heissig W., *Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolischer Sprache*, Wiesbaden, 1954б с. 21, сноска 8; Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской Академии наук. Том II, с. 59–60, № 2641–2642.

³ Касьяненко З.К. Каталог Петербургского рукописного «Ганджура». Москва, 1993. С. 155–156.

⁴ Сазыкин А.Г. Ук.соч. Том II. С. 58, № 2637.

⁵ Ligeti L. *Catalogue du Kanjur Mongol Imprimé*. Budapest, 1942, С. 183–184, № 766.

⁶ Касьяненко З.К. Ук.соч. С. 155–156.

тибетский перевод А.П., на который и опирались редакторы. К моменту создания печатной Пекинской редакции (1718–1720), когда процесс канонизации собрания буддийских текстов был унифицирован, редакционная комиссия отказалась от старого перевода в пользу уже не раз издававшегося к тому моменту¹ перевода Шираб Джамса, который соответствовал тексту канонического тибетского перевода.

Н.С.Яхонтова
(ИВР РАН, СПб; ВФ СПбГУ)

Эпитеты будд в тибетских лексиконах

Надо различать два понятия «имена собственные будд» и «эпитеты будд (или Будды)». Также следует отметить, что под «эпитетами» в данном случае подразумеваются специфические «имена-синонимы» (английский термин *sub-names*), которые пришли в тибетскую письменную традицию из санскрита. Употребление таких «побочных имен» для самых разных персонажей, предметов и явлений было широко распространено в индийском эпосе, и для них существовали специальные словари – лексиконы (например, «Амаракоша»).

Словарь «Амаракоша» был переведен на тибетский (известно три перевода), кроме того, создавались и собственно тибетские лексиконы (тиб. *mngon brgyod*), из которых самым известным является словарь «Украшение ушей мудрецов». Эпитеты из него включены в современные словари (Ч. Даса и трехтомный «Тибетско-китайский словарь»).

В словаре «Амаракоша» содержится 18 эпитетов будд и шесть эпитетов Будды Шакьямуни. В тибетском «Украшении ушей мудрецов» – 36 и 16, соответственно. В недавно изданном (1991 г.) в Китае словаре такого типа, составленном на материале различных оригинальных словарей, приведено около 160 эпитетов будд и около 30 – Шакьямуни.

Количество зафиксированных тибетских эпитетов приблизительно в два раза больше, чем санскритских (по словарю М. Моньер-Вильямса). Причины этого, в частности, в том, что одно санскритское слово могло быть переведено на тибетский двумя (а иногда и тремя) разными тибетскими, исходя из его разных значений, грамматические связи внутри санскритских сложных слов могли передаваться по-разному, и, наконец, делались просто ошибочные переводы.

¹ Например, Сазыкин А.Г. Ук.соч. Том II. С. 58–59, № 2637–2640.

Karénina Kollmar-Paulenz
faculty of humanities, University of Berne, Switzerland
dGe lugs pa supremacy in 16th/17th century Mongolia reconsidered

Since the late 16th century Buddhism in the Mongolian regions has been dominated by the Tibetan dGe lugs pa-tradition. Although some Mongol Qans, most notably Ligdan Qayan in the early 17th century, supported monks of the Sa skya-tradition, in the end the dGe lugs pa triumphed. The ensuing monolithic Buddhist landscape of Mongolia is often compared to the situation in Tibet where, although at times at variance with each other, different traditions always co-existed.

Yet we have textual evidence that the picture is not as homogenous as it looks. To give but three references: the *Erdeni tunumal neretü sudur* of 1607 maintains: «Later, in the *Qubilyan*-month of the white-hare-year¹ the yellow-and red-capped sangha assembled at the Buqa-river, presided over by the reverend Sdaylung corji [...]»² The *Erdeni-yin tobci* of Saṅg Secen (1662) tells us of the young rNying ma pa Maidari Qutuṅtu dGe `dun dpal bzang rgya mtsho (1592–1635), who was sent to Kōkeqota in 1604 by the dGe lugs pa authorities³. And even Isibaldan, in his chronicle about Buddhist temples and monasteries in Mongolia, written as late as 1835, mentions the peaceful coexistence of the Sa skya pa, dGe lugs pa, Karma pa, rNying ma pa and Jo nang pa in the Qalq-a regions⁴.

In the face of the textual evidence it is time to reconsider the narrative of the dGe lugs pa dominance in 16th and 17th century Mongolia, in favour of a more nuanced description. By drawing on Mongolian chronicles of the time, especially the *Erdeni tunumal*, but also on early translations of Tibetan Buddhist texts, I argue that not only has dGe lugs pa-Buddhism in the late 16th century maintained close ritual ties to the so called «red traditions», and therefore the distinctions between the traditions were somewhat blurred, but also that the Mongolian Buddhist landscape of the period equally included dGe lugs pa- and the other Tibetan traditions.

¹ 1591.

² Anonymous, *Erdeni tunumal neretü sudur*, verse 345, fol. 46v23–47r3 (copy of the manuscript in the possession of the author); for a facsimile-reproduction of the text and a modern Uiguro-Mongolian version see also Jorungy-a, *Erdeni tunumal neretü sudur orosiba*. Beijing, 1984.

³ *Erdeni-yin tobci*, Urga-Ms., fol. 85v10–22, see Erich Haenisch (ed.). *Eine Urga-Handschrift des mongolischen Geschichtswerks von Secen Sagang (alias Sanang Secen)*. Berlin, 1955.

⁴ *Erdeni-yin erike*, fol. 35v, 11–12; see Walther Heissig (ed.). *Erdeni-yin Erike. Mongolische Chronik der lamaistischen Klosterbauten der Mongolei von Isibaldan (1835)*. Kopenhagen, 1961.

Krisztina Teleki
(ELTE University, Budapest, Hungary)
Sources on the history of the Mongolian monastic capital city

The Mongols consider the nomadic camp founded in 1639 by Öndör gegeen Zanabazar, the 1st Bogd or Jewtsündamba khutagt (Tib. rje btsun dam-pa, 1635–1723) as the base of present-day Ulaanbaatar. Over the centuries the camp developed into the biggest monastic city (Ikh khüree) of the country, the most significant religious site of the Yellow Sect, a centre of Manchu administration, and Chinese and Russian commerce. It settled down in 1855 on its present place. After the collapse of the Manchu empire, during the reign of the Bogd khan (1911–1921), it was famous for its high-level monastic education, ten monastic schools, numerous temples, 15,000 lamas, thirty lama districts, spectacular religious festivals, and wealthy treasuries. However, from 1921 the suppression of religion started, and the monastic city was unable to survive the monastery destruction in 1937–1938.

The goal of the lecture is to describe the various sources of the three-hundred year history of the city, its religious organizations, and active religious life at the beginning of the twentieth century, when the city was divided into the following districts: monastic districts; the areas inhabited by lay people; the trade districts; the Bogd's palaces, the Russian quarter and the Chinese merchant town. All the areas had their own religious assemblies.

The lecture will review various types of relevant sources such as Tibetan and Mongolian chronicles, travelers' notes, Mongolian researchers' recent publications, lists, maps, drawings, paintings, old photos, and accounts of old lamas. The contents of 159 relevant catalogues of the National Central Archives relating to 57 temples of the city will be briefly mentioned. The city structure, temples of different religions, and the most important ceremonies will be detailed. The role, written sources and remainings of the city will be compared with the heritage of other monastic sites in Mongolia.

СЕКЦИЯ 11.
СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ
«ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д.А.ОЛЬДЕРОГГЕ»
SESSION OF AFRICAN STUDIES
«IN MEMORIAM OF D.A.OLDEROGGE»

Татьяна Аникина
(ВФ СПбГУ)

К проблеме корреляции значений именных классов и деривативных суффиксов (на материале языка суахили)

Проблема словообразования является одним из ключевых вопросов в морфологии языка суахили, так как значительную часть лексики рассматриваемого языка составляют заимствования и различные дериваты. В связи с этим возникает необходимость выделения и тщательного анализа основных способов и моделей словообразования. Если следовать классификации способов словообразования, предложенной Н.Г. Федоровой¹, то к ним относятся: лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфемный способы.

Особый интерес представляет морфемный способ словообразования и корреляция между префиксами и деривативными суффиксами. Данные корпуса языка суахили показывают, что между деривативными суффиксами и именными классами (префиксами) существительных есть четкая корреляция. Так, например, большинство дериватов из I/II класса включают в свою словообразовательную модель суффикс *-ji*, в то время как для слов III/IV, VII/VIII и IX/X классов максимальную продуктивность демонстрирует суффикс *-o*. Эти данные не противоречат основной семантике именных классов и деривативных суффиксов. Если семантика класса, к которому принадлежит дериват, включает в себя понятие личности (I/II), то в большинстве случаев этот дериват имеет суффикс *-ji*, который обозначает активное действие (*msomaji* «читатель, чтец»). Являясь относительно новым образованием, суффикс *-ji* является более продуктивным формантом, чем его семантический аналог (суффикс *-i*), и встречается практически во всех именных классах, но чаще всего в сочетании с I/II и XI классами. Суффикс *-o* используется при образовании отглагольных неодушевленных имен существительных (*mwendo* «ход, движение» от *-enda* «идти»). Как уже отмечалось ранее, он часто встречается в III/IV, VII/VIII и IX/X классах.

Как показывает анализ деривативных суффиксов, одним из важнейших признаков является степень выраженности активности и оду-

¹ Федорова Н.Г. Именное словообразование в языке суахили. МГУ, 1988.

шевленности, что и определяет выбор соответствующей словообразовательной модели. Все деривативные суффиксы суахили можно представить в виде цепочки, элементы которой расположены в соответствии с убыванием степени активности и одушевленности: *-i, -ji, -o, -u (-vu/-fu), -e*. А наличие связи между словообразовательными суффиксами и именными классами указывает на морфологическую детерминированность¹ согласовательной системы языка суахили. Это означает, что как морфологическая структура деривата влияет на выбор именного класса, так и каждый именной класс сочетается с определенным набором деривативных суффиксов.

К.В. Бабаев
(Институт языкознания РАН)
Происхождение категории кляузности
в нигеро-конголезских языках

Доклад имеет своей целью кратко проанализировать диахронические процессы, ведущие к образованию категории инклюзивности/эксклюзивности в структуре личных местоимений и личных показателей в языках макросемьи нигер-конго (НК). Несмотря на то, что понятие НК макросемьи является генетическим, анализ носит большей частью сопоставительный характер, хотя по его итогам будут сделаны в т. ч. сравнительно-исторические выводы.

Противопоставление инклюзивных и эксклюзивных форм (а иногда и их обеих – форме «минимального» 1 л. мн.ч.) распространено довольно широко. Данная категория широко засвидетельствована в языках убанги, в большинстве языков группы хейбан кордофанской семьи, во многих атлантических языках (группы бак, тенда, кангин и др.), в языках адамауа (группы леко, дуру, мбум), манде (группы южных, юго-западных языков, а также моколе, сосо-джалонке, самого и других), в большом количестве языков ква, ряде языков бенуэ-конго (группы кинджи, игбоидных и кросс-ривер). Большое распространение категория кляузности получила в бантоидных языках (группа бамилеке, отдельные мамбилоидные и бебоидные языки).

Между тем можно показать, что в большинстве перечисленных языков категория кляузности образована относительно недавно с помощью сложения нескольких прономинальных основ. Наиболее распространенной является техника формирования составных показателей инклюзивности при помощи сложений типа «вы + мы», «ты + мы», «я + вы». Эксклюзивные формы часто образуются сочетаниями типа «мы +

¹ Плузьян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: URSS, 2009.

он», «я + они» и др. Элементы таких составных лексем во многих языках не до конца грамматикализованы и могут быть идентифицированы с помощью сравнительного анализа.

В ряде языков процесс формирования категории кляузивности еще не завершен: речь идет о языках бенуэ-конго (группы кросс-ривер, бантоидные), где для выражения соответствующих значений употребляются сочетания местоимений. Отдельные схожие процессы наблюдаются и в языках манде.

В докладе приводится анализ частотности различных техник формирования значений кляузивности в НК языках, приводятся примеры отдельных нехарактерных явлений. Помимо выводов чисто типологического характера, основным выводом для сравнительного исследования языков НК макросемьи является отсутствие оснований для реконструкции категории кляузивности для праязыков семей, входящих в ее состав, и, таким образом, для самого НК праязыка. Распространение значений инклюзивности/эксклюзивности в языках южнее Сахары необходимо объяснять результатами ареальной конвергенции.

В.В. Бочаров
(ВФ СПбГУ)

Культурно-психологические истоки коррупции на Востоке

Коррупция – явление универсальное, характерное для всех государств мира и для всех времен. Сведения о коррупции и безуспешной борьбе с ней содержат самые ранние письменные источники (Древний Шумер XXIV в. до н. э.), индусское право («Артхашастра», IV в. до н. э.). Продажность судей осуждается в Библии и в Коране.

Коррупция возникает на стадии «вождества» – наиболее раннего политического объединения. Именно здесь нарождается социальный класс, призванный действовать в «общих» интересах, возглавляемый верховным вождем. Архаические чиновники представляли различные социальные образования (роды, линиджи, кланы). Исходя из обычного права, они были обязаны блюсти и их интересы. Сегодня такую форму коррупции принято называть непотизмом (или кумовством). Она широко представлена практически во всех странах Востока. Архаический социум вырабатывал и «антикоррупционные» обычаи, когда правителям, например, в процессе инаугурации предписывались действия, символически «отсекавшие» их от многочисленной родни¹.

Сегодня успехи в борьбе с коррупцией демонстрирует лишь Запад, на Востоке же она имеет огромные масштабы. Причина – удержание

¹ Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М.: Наука, 1992.

культурами Востока представлений о мистической связи Богатства и Власти, сформировавшихся еще на ранних стадиях социальности. Согласно им именно Богатство свидетельствует о силе Власти, ее возможности эффективно влиять не только на общественные, но и природные процессы. Поэтому в доиндустриальном обществе «блеск» власти не только не вызывал у подданных негативного к ней отношения, наоборот, они стремились быть как раз под такой, что гарантировало, с их точки зрения, порядок и гармонию.

Только буржуазные революции Запада разорвали эту мистическую связь в представлениях людей, определив, таким образом, «скромное» бытование власти. На Востоке же она сохраняется, а поэтому чиновничество повсеместно нарушает антикоррупционные законы, выстроенные, как правило, по европейской модели. Они не скрывают свое богатство, которое явно не соответствует их официальным доходам (как это делают западные коррупционеры), выставляя его напоказ¹. Известны случаи, когда верховные правители (президенты) даже стыдили своих подчиненных, что те живут скромно, дискредитируя тем самым власть.

М.С. Буллах
(РГГУ, Москва)

***Личный показатель *IV- в глагольных парадигмах
эфиосемитских языков***

Во многих языках эфиосемитской ветви семитских языков в парадигме префиксального спряжения фигурирует личный показатель *IV-, дистрибуция и грамматическое значение которого разнятся от языка к языку. Как показал Дж. Хюнергард (1983 г.), этот префикс восходит к общесемитскому «инъюнктивному» *IV-, который вводит выражения с различными оттенками побуждения в главном предложении. В эфиосемитских языках «инъюнктивная» проклитика *la-* засвидетельствована лишь в классическом эфиопском языке (геэзе).

Работа Хюнергарда² посвящена реконструкции нескольких формально и функционально близких элементов в прасемитском языке, и эфиосемитский материал представлен в ней в довольно сжатом виде. В то же время, подробное рассмотрение эволюции «инъюнктивного» *IV- в эфиосемитских языках, с одной стороны, немаловажно для внутренней классификации этой ветви семитских языков, а с другой стороны,

¹ Обычное право собственности и «криминальное государство» в России // Журнал социологии и социальной антропологии, № 4, 2004.

² J. Huenergard. «Asseverative **la* and hypothetical **lu/law* in Semitic» // *Journal of the American Oriental Society* 103 (1983), p. 569–593.

предоставляет в распоряжение исследователя ряд типологических параллелей к развитию глагольной парадигмы префиксального спряжения в арамейских языках¹ (ср. Rubin 2007).

В настоящем докладе рассматриваются эфиосемитские глагольные парадигмы, содержащие префикс *IV-, предлагается реконструкция путей интеграции данного форманта в системы глагольных показателей, анализируются различные факторы, обуславливающие эволюцию IV-. Представленные данные оцениваются с классификационной и типологической точек зрения.

Ю.Н. Винокуров

(Институт Африки РАН, Москва)

**«Политические уроки», «Манифест» и «Завещание» П. Мулеле,
Т. Бенгелы и Т. Муквиди как источники по современной истории
Демократической Республики Конго**

В первой половине 1960-х гг. провинция Квилу (среднезападный регион ДРК) стала ареной антинеоколониального восстания, продолжавшегося около двух лет. Его возглавляли Пьер Мулеле, Теодор Бенгела и Томас Муквиди – сподвижники руководителей первого национального правительства Конго Патриса Лумумбы и Антуана Гизенги. Теории и практике ведения народной вооруженной борьбы в стране с преимущественно крестьянским населением Мулеле и Бенгелы обучались в КНР.

Подготовленные ими, прежде всего Мулеле, лекции по политическому воспитанию командиров высшего и среднего звена представляют собой весьма ценные источники по изучению африканской политической мысли тех лет. «Уроки» касались широкого круга проблем: истории колонизации Африки; исторических судеб капитализма; социальной структуры конголезского общества; борьбе революционной и борьбе реформистской; революции как пути избавления африканцев от нищеты; сторонников и противников народной революции; роли в ней женщин и молодежи.

Сохранились тексты восьми таких «уроков», но возможно, их было больше. К ним тесно примыкают еще три повстанческих документа: т. н. Манифест Мулеле – Бенгелы, в котором объявлялось о начале вооруженной борьбы против неокolonизаторов и их конголезских сообщников, т. н. Завещание Мулеле – Муквиди, красноречиво озаглавленное «Исправить наши ошибки, возобновить революцию» и, наконец, посла-

¹ Ср.: A.D. Rubin. «On the Third Person Preformative I/n in Aramaic and an Ethiopic Parallel» // *Ancient Near Eastern Studies* 44 (2007), p. 1–28.

ние Мулеле к конголезским политическим эмигрантам, проживавшим в Браззавиле, столице правобережного Конго, и лумумбистам на востоке Конго – А. Гизенге и Л.-Д. Кабиле с предложением объединиться в борьбе против неоколониалистского режима Адулы – Мобуту.

Анализируемые в докладе документы по сию пору остаются вне поля зрения отечественных историков-африканистов. Но и по истечении полувека эти документы по-прежнему ярко передают дух своего времени, предоставляют возможность глубже осознать проблемы, возникшие перед Африкой на этапе крушения мировой колониальной системы, воздействие внешних факторов на становление новой Африки, бесперспективность попыток решать африканские проблемы по канонам иностранных идеологических концепций.

И.В. Вихриева
(СПбГАУ)

Фольклор в контексте сюжетов детской литературы (Зимбабве)

Письменная детская литература в Зимбабве появилась в начале XX в. Авторы, которые пишут для детей, используют в своем творчестве сюжеты сказок, мифов, легенд, эпико-исторических преданий.

Среди рассказов для детей, основанных на фольклоре, исключительное место занимает творчество таких писателей, как Маргарет Тредголд (Margaret H. Tredgold)¹, Стефэн Алюменда (Stephen Alumenda)², Роджер Хармон (Roger Harmon)³. Ими написано много историй для детей, в основном пересказы сказок о животных. Героями рассказов М. Тредголд стали заяц в цикле «Веселые приключения зайца Каулу», лев в цикле «Шумба», черепаха и другие животные, типичные для зимбабвийского фольклора. Имена главных героев этих сказок обрели в дальнейшем еще большую популярность благодаря появившимся радио и киноверсиям.

Все эти рассказы схожи; относительно небольшой объем, простой язык, много диалогов и действий, мало описаний, много приключений, счастливый конец победы добра над злом. Наконец, в большинстве случаев имеют своей целью воспитание. Авторы открывают детям гармонию между прошлым и будущим, заставляют поверить в бесконечность созидательных возможностей.

Обращаясь к эпико-историческим преданиям, следует отметить, что характерной особенностью таких преданий является их приближен-

¹ Margaret H. Tredgold. Tales of Africa. L., 2003.

² Stephen Alumenda. Yemurai and the talking Drum and other stories. Gweru., 2008.

³ Roger Harmon. Hare, Baboon and their friends. Gweru., 1987.

ность к конкретной исторической ситуации, героизация реальной исторической личности и восприятие ее как легендарной, наделенной сверхъестественными качествами. Литературные сказки возникли из преданий о Неханде и Чаминуке¹. В них мы находим занимательную фабулу, свободное воспроизведение и использование мотивов о Неханде и Чаминуке. Такие сказки формируют историческое сознание детей и знакомят с событиями далекого прошлого.

Загадки в детской литературе, занимая значительное место, представляют собой иносказательные поэтические описания. В них проявляются неожиданные аналогии, оригинальные образы, взятые из реальной жизни, требующие разгадки и истолкования.

Традиционный фольклор впитывает в себя черты новой реальности, становится отдельным направлением в литературе страны вообще, и в детской в частности.

Е.С. Власенкова
(ВФ СПбГУ)

Религиозная система йоруба как отражение традиционной и современной властно-управленческой модели

Обыденная жизнь всех членов общины нашла свое отражение в мире сакральном, в традиционных верованиях, что отчетливо видно на африканском материале. В ходе исследования традиционных верований йоруба, наго и лукуми автор отметил чрезвычайную схожесть потестарных организаций и иерархии божеств (*ориша*), иначе говоря, для йоруба не традиционный правитель был подобен божеству, а божество подобно традиционному правителю. В связи с этим можно сделать вывод о том, что иерархия ориша сложилась под влиянием представлений йоруба о традиционной властно-управленческой модели. Автор предполагает, что организация божеств в определенную структуру началась под влиянием разделения общества на страты и развития потестарных институтов. Именно потому, что в общественном миропорядке йоруба не существовало представления об абсолютной власти традиционного правителя, она ограничивалась институтом *ойо меси*², в традиционной системе верований йоруба не возникала идея монотеизма. Более того, в глазах рядового члена общины традиционный правитель был «бездеятелен», он жил в специальном месте, вход куда был разрешен лишь ограниченному кругу лиц-посредников между правителем и остальными общинниками, которые имели возможность видеть своего лидера лишь в ред-

¹ Margaret H. Tredgold. The first ones: Nehanda and Chaminuka. L., 2001.

² Совет при традиционном правителе. Состоял, как правило, из 7 человек.

ких случаях, что и вызвало представление о «далеком», отошедшем на покой божестве, или, как его принято назвать в западной литературе, *deus otiosus*, или «бог на досуге, бездеятельный бог».

На материале традиционных верований можно проследить эволюцию социальных отношений. С приходом европейцев, которые несли с собой не только новые общественные формации, но и собственные религиозные представления, система верований претерпела изменения. Синкретичность властных структур обусловила синкретичность религиозных представлений йоруба.

А.В. Воеводский
(РГГУ, Москва)

***Отражение истории народов Южной Африки
в романе С. Плааки «Мхуди»***

Роман Соломона Плааки «Мхуди» занимает особое место в истории южноафриканской литературы. Это первый исторический роман, написанный африканцем в Южной Африке на английском языке. Его автор – один из крупнейших африканских общественных деятелей Южной Африки начала XX в.

Роман вышел в свет в 1930 г. Исторической основой для произведения послужили события мфец'ане/дифаг'ане – периода многочисленных войн и миграций африканских народов Южной Африки в конце 1810–1820-е гг. – и «Великий трек» буров. Устраняясь от литературоведческого анализа, следует отметить историческую ценность романа, отразившего взгляды и представления одного из ведущих представителей африканской интеллигенции начала XX в. В основе повествования лежат устные предания баролонгов, собирателем которых был Плааки. Но он дал им новое содержание и форму.

В описании взаимоотношений между бурами и африканцами автор пытается показать корни современной политики белых по отношению к чернокожему населению. Жестокости и грубости большинства буров по отношению к своим слугам Плааки противопоставляет дружбу между Ра-Тагой, главным героем романа, и молодым буром де Филье. Автор тем самым указывает выход из тупика расовой дискриминации, дает свое видение, какими могут быть отношения между европейцами и африканцами.

Значительное место в романе занимает личность правителя ндебеле Мзиликази. Его образ достаточно противоречив. С одной стороны, Плааки подчеркивает жестокость ндебеле, он приписывает Мзиликази замыслы по созданию обширной империи в Южной Африке – от границ Калахари до побережья Индийского океана. Вместе с тем автор вкладывает

вает в уста Мзиликази пророческое предсказание, что союз баралонгов с бурами обернется в будущем против них самих: белые лишат их земли и скота, а мужчин и женщин превратят в своих «вьючных животных». Таким образом Плааки выражал свое видение современной ему Южной Африки.

В. Ф. Выдрин
(МАЭ РАН (Кунсткамера))
Эвиденциальность в бамана

Бамана – язык, весьма хорошо описанный (по африканским стандартам): опубликованы объемные учебники, грамматики и словари, написаны десятки диссертаций; счет лингвистических статей о бамана идет на сотни; ведется преподавание в десятке университетов Европы и Северной Америки. Тем не менее в этом языке продолжают обнаруживаться новые грамматические категории.

К числу таковых можно отнести грамматикализованное противопоставление из зоны эвиденциальности, выявленное мною в ходе работы с информантом осенью 2010 г. По-видимому, его более ранней идентификации препятствовало, во-первых, то, что выражается эвиденциальность или только тонами, или показателями, омонимичными другим грамматическим показателям; а также то, что, согласно распространенному мнению, грамматически выраженная эвиденциальность в Африке не встречается.

По предварительным данным в бамана имеется три глагольные конструкции, грамматические значения которых относятся к зоне эвиденциальности.

1. Первая конструкция имеет показатели S *bé* (DO) V-*la*, где V – глагол, *-la* – глагольный суффикс. Она выражает значение заглазного имперфектива («действие происходит вне пределов видимости говорящего») и отличается только тоновым контуром от конструкции со значением прогрессива («прогрессив-I»). Последняя строится по формуле: S *bé* (DO) VN *lá*, где *lá* – послелог, VN – отглагольное имя. Таким образом, заглазный имперфектив выражается собственно глагольной конструкцией, а прогрессив – конструкцией именной. Пример:

<i>ní</i>	<i>dóǵóǵkèˆ</i>	<i>bé</i>	<i>kàlán`</i>	<i>ná</i>
1SG	младший брат-ART	COP	учеба-ART	PP
‘Мой младший брат учится’ (мы видим его с книгой) – прогрессив.				
<i>ní</i>	<i>dóǵóǵkèˆ</i>	<i>bé</i>	<i>kàlan-nà</i>	<i>Fránsi</i>
1SG	младший брат-ART	COP	учиться-MRPH	Франция

‘Мой младший брат учится во Франции’ (соответственно, его здесь нет).

2. Маркером второй конструкции является показатель *békà*, омонимичный показателю прогрессива-II. Значение этой конструкции – инферентивный перфект: «говорящий не был свидетелем действия, но он делает вывод по косвенным признакам, что оно совершилось», например:

à nísòn ká dí, à békà jéǵe` mìne
3SG настроение QUAL хороший 3SG MRPH рыба-ART ловить

‘У него хорошее настроение, он (должно быть) поймал рыбу’.

3. Возможно, как заглазный перфектив следует трактовать также значение показателя *yé kà*: «действие совершено, при этом совершивший его не присутствует в момент речи; или – слушатель не был свидетелем этого действия; или: действие уже не актуально». Пример:

cě` mìn yé kà né sě̀n` básí...
мужчина-ART который MRPH 1SG нога-ART лечить

‘Мужчина, который лечил мою ногу...’ (в момент речи мужчина отсутствует).

Предлагаемая здесь формулировка значений рассматриваемых форм и конструкций носит предварительный характер, она подлежит уточнению и проверке с другими информантами.

Александра Выдрина
(Филологический ф-т СПбГУ)

Видо-временные показатели в языке какабе

Доклад будет посвящен анализу видо-временных показателей в языке какабе, одному из языков семьи манде. В какабе видо-временная информация выражается в особых предикативных показателях, которые всегда занимают позицию после субъекта и перед прямым дополнением или, в случае, если глагол непереходный, – непосредственно перед глаголом, а в некоторых случаях также с помощью причастия в предикативной функции. Среди прочего будет рассматриваться вопрос о соотношении показателя настоящего времени *bi ... -la* (данный показатель состоит из двух частей – предикативного маркера и глагольного суффикса *-la*, восходящего к локативному послелогу) и показателя результативного о причастия, выражаемого с помощью суффикса *-len*. При глаголах с процессным значением, например, *kára* ‘шить’ или *jéǵe* ‘сме-

яться' а также при глаголах изменения состояния, например, *fàga* 'умирать', *gbéé* 'становиться чистым' показатель *bi ... -la* выражает значение актуального настоящего – процесса, или изменения состояния, разворачивающегося в настоящий момент, а причастие на *-len* имеет результативное значение. Однако при определенных глаголах, таких как, например, *kànu* 'любить' *hódí* 'жить где-л.', *hàwujé* 'спешить' показатель *bi ... -la* имеет значение не настоящего, а будущего времени, а значение настоящего выражает причастие на *-len*. Кроме того, заслуживает внимания вопрос об отрицательных коррелятах данных показателей. В какабе имеется предикативный маркер *bele*, который в основном выражает значение отрицания в настоящем времени, но в определенных контекстах может иметь и результативное значение. С данным показателем в определенных случаях конкурирует предикативный маркер *taa*, который выражает значение отрицания в прошедшем времени, но иногда также может иметь результативное значение.

Т.М. Гавристова
(Ярославский ГУ)

Уче Океке и улизм: истоки модернизма в Африке

Рубеж XX-XXI вв. в искусстве ознаменовался расцветом африканского модернизма. Африканские художники вошли в мировую художественную элиту, став продолжателями традиций, заложенных французскими импрессионистами, фовистами, сюрреалистами, немецкими экспрессионистами, итальянскими футуристами, русскими авангардистами.

Освобождение Африки от колониальной зависимости дало мощный импульс развитию искусства. В процесс его деколонизации был вовлечен Уче Океке, художник, поэт, собиратель фольклора, педагог, создатель одного из направлений африканского модернизма – улизма, ставшего отражением духовной свободы, питавшей общество в ходе 50–70-х гг.

Улизм возник в Нигерии в 60-х гг. XX в. Он объединил художественные традиции разных народов. История возникновения и становления улизма по времени совпала с оформлением художественной школы Нсукки. У. Океке в 70–80-х гг. возглавлял отделение изобразительного и прикладного искусства в Университете Нигерии в Нсукке, где и начались эксперименты с графикой ули, имеющей для него и его народа (игбо) сакральный смысл.

Ули – система миниатюрных письменных рисунков (символов), распространенная в Восточной Нигерии. На их основе художник создал

собственный стиль. Его отличительными чертами стали манипуляции с линиями, которые, виртуозно переплетаясь, создавали изображение, сотканное из множества знаков, обладавших собственным и весьма неоднозначным смыслом.

В 1961 г. в галерее Мбайо в Ибадане У. Океке впервые представил рисунки, выполненные в стиле улизма. Поиск новых концепций и сюжетов привел У. Океке к переосмыслению теории и практики творческой деятельности. Он вовлек в него писателей, публицистов, художников. Вместе они искали идеи и идеалы, жанры и стили, обращаясь к традициям африканской и европейской культуры, к христианству и исламу, к доколониальной и колониальной истории и в итоге пришли к синтезу идей и форм, соединив в общем контексте настоящее, прошлое и будущее.

Университет Нигерии в Нсукке сыграл огромную роль в процессе инвентаризации достижений традиционной культуры. Здесь и возник улизм. Он вырос из конфронтации с колониализмом и диктаторскими режимами как визуальное выражение реального опыта, став одной из разновидностей его критического переосмысления в условиях, когда вербальные попытки сразу пресекались и по существу были запрещены.

Идея синтеза, объединившая их в 70-х гг. XX в., была направлена на преодоление соперничества между культурами, что в условиях Африки и Нигерии, которую нередко воспринимали как Африку «в миниатюре», в силу концентрации здесь большинства характерных для континента проблем (экономических, политических, этнических, региональных, социальных, конфессиональных), было крайне важно. У. Океке, его ученики (школа Нсуக்கы) пришли к мысли о необходимости синтеза на пути создания единой нигерийской культуры. Она должна была базироваться на аккумуляции культур йоруба, игбо, хауса и западных традиций, на использовании современной и традиционной техники и материалов. Это был не просто синтез нового и старого, не только синтез форм. Смысл «естественного синтеза» У. Океке видел в том, чтобы каждый этнос вложил в нигерийскую культуру и соответственно в искусство все лучшее. Так, по его мнению, развивалась европейская и мировая культура. Так можно было выжить в условиях конкуренции с западной цивилизацией и доказать, что у Африки в целом, и Нигерии в частности, есть своя история и культура.

А.С. Гриб
(Государственный Эрмитаж)
Типология африканских коранических досок из коллекции музея
Бранли (Париж)

Коллекция музея Бранли (Париж) насчитывает 114 коранических досок. Большая часть локализована Марокко, Алжиром, есть образцы из Мали, Нигерии, Судана. Представлены и неиллюминированные доски, в частности из Мавритании. Есть образцы без текста, которые атрибутируются как «магические» или «ритуальные доски». Датируются все доски концом XIX – началом XX вв.

Проведен анализ досок по следующим параметрам: почерк, орнаменты, форма, красители и т. п. Составлена типология: декорированные и содержащие только текст или отдельные буквы, тренировочные и художественно оформленные (служат сертификатом после окончания коранической школы). Первичными факторами для классификации являются форма и орнаментальные мотивы: космограммы, плетенки, архитектурные мотивы. Самые распространенные типы орнаментов: космогонический с солярной символикой, цветочный, архитектурный, ковровый. Среди архитектурного типа встречаются орнаменты в виде стилизованной *арки-ниши-михраба*. На марокканских досках часто встречаются пальметта, свастика, направленная против часовой стрелки.

Доски подразделяются на региональные группы: Западный Судан и Нигерия, Марокко, Мавритания, Эфиопия, Сомали, Мали.

1. Марокканские доски – белфонные, вертикальные, приближены к квадрату, богато декорированы, оформление соответствует оформлению рукописных Коранов, есть *унван*; марокканские доски встречаются: а) архитектурного типа; б) растительно-космогонического (яркие, локальные цвета, масляные краски); в) напоминающие крышки переплетов (под лаковую миниатюру); г) текстовые.

2. Доски без грунта представляют традиции Сомали, Гвинеи (Фута-Джалон), Джибути, а также характерны для *фулани*.

3. Доски неорнаментированные, учебные и прописи.

4. Доски, в орнаментации которых используются мотивы плетенок.

5. Узкие, вертикальные доски встречаются в следующих регионах: Мали, Мавритания, Алжир, Коморские острова, Мадагаскар, Гвинея.

6. Доски Мали – некаллиграфические, небольшого формата на длинной ножке посередине основания, монохромный рисунок в виде космогонических символов и растительных элементов соседствует с кораническим текстом.

7. Одна доска (Инв. №: 73.1963.0.268) локализована Хауса, однако ее формат и оформление не характерны для региона: она воспроизводит

определенный набор зооморфных и антропоморфных фигур; уникальны по исполнению силуэты, пропорции, способ изображения (выжженный рисунок), расположение фигур (процессия, ритуальное шествие).

В.В. Грибанова
(Институт Африки РАН, Москва)
Проблемы развития ЮАР в 80-е гг. XX в.:
от реформирования апартеида к победе АНК

В 80-е гг. XX в. Южно-Африканская Республика переживала переломный период в своей истории. Затянувшийся кризис системы апартеида привел к политике реформ. Вопросы о неизбежности этих реформ и их результативности до сих пор не утратили своей актуальности.

В отличие от своих предшественников Питер Виллем Бота, став премьер-министром ЮАР в 1978 г., осознавал неэффективность сложившейся системы и жизненную необходимость внесения в нее корректив. При этом он исключил саму возможность отказа от апартеида. Безусловно, одной из важнейших причин, подтолкнувших правительство на путь реформ, было движение протеста африканского населения. Но были и другие факторы: экономические, социальные, внешнеполитические.

Необходимые, с точки зрения правительства, меры для улучшения ситуации были предприняты в различных областях, но главным результатом новой политики стала конституционная реформа 1983 г. Несмотря на все ожидания, политика постепенных реформ себя не оправдала. Ответом на нее стали новые выступления небелого населения страны в 1985–1987 гг. Эти волнения оказались более масштабными, чем даже в конце 1970-х гг. Реформы, несмотря на улучшение жизни значительной части небелого населения, привели скорее к отрицательным результатам.

Новый руководитель государства, президент Фредерик Виллем де Клерк, пришел к власти в начале 1989 г. в чрезвычайно сложный момент истории ЮАР. Он явил собой совершенно новый тип руководителя и олицетворял ожидавшие Южную Африку революционные перемены. Личность президента можно было бы определить словосочетанием «человек компромисса». В течение короткого времени был снят запрет на деятельность оппозиционных организаций, освобождены их лидеры, постепенно отменены практически все сегрегационные законы. А после длительных, сложных, сопровождавшихся драматическими событиями переговоров президент привел страну к изменению конституции и первым в истории Южной Африки демократическим нерасовым выборам. По их итогам АНК получил 62,65 % голосов.

Результаты деятельности последнего президента «белой» Южной Африки неоднозначны. Тем не менее крах апартеида, системы, ставшей к концу XX в. анахронизмом в новом, глобализирующемся мире, был неизбежен. Анализ мероприятий по реформированию политической системы ЮАР, проводимых двумя последними президентами «белой» Южной Африки, П.В. Ботой и Ф.В. де Клерком в 1979–1993 гг., сравнение общего направления реформ и методов, с помощью которых они проводились, а также взаимодействие с оппонентами – все это может быть актуальным при оценке произошедших перемен и современных проблем Южной Африки.

Н.В. Громова
(ИСАА МГУ, Москва)
Особенности языка суахили в Конго

Суахили является одним из официальных языков ДРК. Материалом для анализа его специфики в этом регионе послужили материалы художественной литературы и прессы.

1. Фонетический уровень: а) замена ряда фонем «стандартного» суахили ($dh > z$, $th > s$, $gh > r$, $j > g$, $g > j$; $a > u$, $u > o$ или w , $y > i$ и др.); б) запрет звония гласных. Однако не все обнаруженные закономерности регулярны.

2. Лексический уровень: а) замена многих заимствований собственным словотворчеством (*siku ya tungu* «воскресенье», *makumi mawili* «двадцать», *mwezi wa tatu* «март»); б) словообразование за счет собственных ресурсов (*mwonyeshaji* «тренер», *kiponda* «бульдозер»); в) заимствования из французского языка (*bonane* «новый год», *univasiti* «университет»); г) создание собственного сленга (*kaddafi* «владелец бензоколонки», *kombakomba* «любитель крепких напитков»).

3. Грамматический уровень: а) в системе классов наблюдаются лишь некоторые исключения: полная форма префикса 1-го и 9-го классов (*musafiri* «турист», но *mte* «муж, мужчина», *inchi* «страна»); локативные классы реализуются иначе, чем в стандартном суахили: показатель *pa-* используется в качестве предлога (*pa Bukavu* «в Букаву», *pa njiapande* «на перекрестке»), *ku-* принимает участие в формировании предлогов *kunako*, *kwenyi*; *mu-* – в согласовании с локативной формой имени (*mwilini mwake* «в его теле»); б) согласование нестабильно (*eneo nzima la kaskazini mwa Afrika*); в) форма релятивного показателя неустойчива (*walierudi* = *waliorudi* «они-которые-вернулись»); г) использование «старого» перфекта (*mbele atembelee Amerika* «ранее он уже посетил Америку»; *idadi haijulikane* «количество неизвестно»).

Вывод: незначительные отступления от «стандартных» норм суахили не мешают взаимопониманию более чем 100-миллионного населения на огромной территории Тропической Африки, что оправдывает стремление Африканского Союза использовать суахили в качестве общеафриканского языка.

А.Б. Давидсон
(ГУВШЭ; Институт всеобщей истории РАН, Москва)
Репрессированная африканистика

Начальный период отечественной африканистики (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) изучен и понят еще явно недостаточно. Это объясняется тем, что большинство первых африканистов были репрессированы, и сам этот период был предан забвению. Из тех немногих, кто его пережил, никто не написал воспоминаний. Воссоздание этого периода может обогатить наши представления о формировании нашего общего цеха, о проблемах, которыми он занимался, и трудностях, которые он испытал.

Возникновение африканистики было напрямую или косвенно связано с деятельностью Коминтерна, а следовательно, с тогдашней советской идеологией, и шло в ее русле. И надо признать, что присущее марксизму стремление к анализу социальных процессов помогло африканистам в той сфере исследований, которая не находилось тогда в центре внимания западной африканистики: в изучении социальных структур африканских обществ, их трансформации, появлении антиколониальных движений. К тому же некоторые из первых африканистов в своих трудах выходили за рамки коминтерновских идей.

Хотя ни один из африканистов в 1920–1930-х гг. не побывал в Африке, живое общение с африканцами, приезжавшими в коминтерновские университеты для учебы и сотрудничества, давало подпитку конкретными знаниями. Оно приносило большую пользу и лингвистам.

Террор 1934–1938 гг. привел к тому, что были расстреляны или погибли в ГУЛАГе Г.Е.Гернгрос, Г.К.Данилов, Н.М.Насонов, И.Л.Снегирев, приехавшие из Южной Африки Л.Бах, И.К.Рихтер, М.К.Рихтер. Репрессированы Ф.С.Гайворонский, К.Н.Лукницкий, Н.М.Федоровский, Э.Шик. Изгнаны из африканистики А.З.Зусманович и И.И.Потехин. Центр изучения переместился в Ленинград, а основное внимание – к языкознанию.

Изучение первого периода истории отечественной африканистики не только даст представление о том, как зарождался наш цех и чем он занимался, но поможет яснее понять историю взаимоотношений науки с советской властью в те нелегкие для нашей страны годы.

А.В. Давыдов
(ВФ СПбГУ)

О стиле перевода Корана на язык манинка

Коран был переведен с арабского языка на манинка Сулейманом Канте (1922–1987), выдающимся гвинейским ученым-самоучкой, создателем письменности *нко* и одноименной литературной традиции. Начало работы над переводом относится, по-видимому, к концу 40 – началу 50-х гг. XX в., однако первые публикации появились только в 90-е гг., уже после смерти переводчика. Одна из причин, по которой перевод представляет значительный интерес, заключается в том, что он стал первым крупным письменным литературным памятником на языке манинка, созданным в рамках традиции *нко*. Именно в ходе работы над этим трудом Сулейман Канте скорее всего разработал свою концепцию пуризма и заложил основы литературного языка манинка.

Язык перевода Корана существенно отличается от разговорного манинка (точнее – от манинка-мори, диалекта г. Канкана, легшего в основу литературного языка). Отличия обусловлены, во-первых, словотворчеством Сулеймана Канте и, во-вторых, влиянием арабского подлинника. Переводчик последовательно соблюдает свои пуристские установки и наполняет текст перевода неологизмами, созданными на базе исконной мандингской лексики. Лишь в некоторых случаях он допускает заимствования из языков арабского и сонинке. Влияние арабского оригинала становится более ощутимым как только речь заходит о синтаксисе и отчасти о морфологии (точнее – словообразовании). В угоду оригиналу переводчик часто нарушает синтаксические нормы родного языка, но эти нарушения никогда не затрагивают основ языковой системы, например, порядка слов, правил объединения слов в синтагмы и т. д. Кальки возникают в более «тонких» сферах: глагольном управлении, фразеологии. Эти влияния создают в тексте перевода особый стиль, подобно тому, как особый стиль придали Синодальному переводу Библии кальки с древнегреческого и древнееврейского оригинала.

Д.В. Елагина
(ВФ СПбГУ)

***Отражение эфиопской легенды о змее и голубке
в символике печати Мэшэша Уорке***

В данном докладе рассматривается символика печати Мэшэша Уорке (письмо №5 из коллекции Эф.95 ИВР РАН). Мэшэша Уорке (1849–1917) являлся важной политической фигурой своего времени. Он начал свою карьеру при дворе Теодорса II в Мэкдэла. Он был одним из

тех, кто помог будущему императору Менелику II сбежать оттуда. 16 мая 1890 г. он был назначен губернатором областей Адуа, Аксума, вплоть до границы с Эритреей. В 1905 г. вместе с Хайле Марьям Серабион был направлен в составе делегации в Иерусалим. Также он являлся главой делегации в Германию и Австрию в 1907 г.

Оттиск печати круглый, фиолетовый, инверсионный. На печати изображен ангел и дерево, на одной ветви которого расположилась змея, на другой – голубь. Легенда печати: *dādjazmač māšāša wä* – дэд-жазмач Мэшэша У. Не возникает сомнения, что данный сюжет носит религиозный характер.

Образ как голубя, так и змеи не раз встречается в Священном Писании. Однако в Эфиопии существует легенда, которая объединяет в себе эти два образа. Она интересна также тем, что в ней происходит смешение традиций Ветхого и Нового Заветов. События разворачиваются во время Всемирного Потопа на Ноевом Ковчеге. Голубка, сама того не зная, снесла яйцо в пасть змеи. Змея начинает размышлять, как ей поступить: если она съест или выплюнет яйцо, то навлечет на себя гнев Божий, и Бог выбросит ее в воды потопа. Тогда змея решает не выпускать яйцо изо рта, так как предпочла голодать, но не гневить Господа. Птенцы появляются на свет, и змея пребывала с ними, пока они не научились летать. Легенда заканчивается цитатой из Нового Завета: «...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16).

Легенда достаточно распространена, помимо других источников, она встречается в житии Йемрыханна Крестоса – эфиопского царя, правившего во второй половине XI в.

*А.Л. Емельянов
(МГИМО, Москва)*

*«Дневник» премьер-министра Райнилайаривуни –
неопубликованный источник по истории
Малагасийского государства второй половины XIX в.*

В начале XIX в. Мадагаскар ничем не отличался от других районов Африки южнее Сахары. После реформ двадцатых годов появилось Малагасийское государство, которое распространило свое влияние на весь остров. К последней трети XIX в. оно стало одним из самых развитых африканских стран. Христианство стало государственной религией, была создана европейская система централизованного управления, судопроизводства, образования, от бесплатного и обязательного начального до высшего, здравоохранения, средств массовой информации и т.д. Во многом это заслуга премьер-министра и мужа последних трех королей – Райнилайаривуни. Один из самых важных документов времени его ру-

ководства государством, как это ни кажется странным, до сих пор не опубликован.

Речь идет о так называемом «дневнике Райнилайаривуни» за 1885–1894 гг., хранящемся в Национальном архиве Малагасийской Республики. Дневник состоит из пяти относительно хорошо сохранившихся томов (série «Famille» PP 13–17), дела с тринадцатого по семнадцатое, соответственно 984, 940, 856, 180 и 64 страницы. Записи производились на лицевой и обратной стороне. Дневник хорошо сохранился, хотя некоторые страницы отсутствуют, на некоторых нет нумерации, некоторые не читаемы из-за выцветших чернил или ветхости.

Премьер-министр (или, что более вероятно, специально назначенные для этого люди, так как документ написан разными почерками) вел свой дневник достаточно регулярно, указывая даты по европейскому стилю (григорианскому календарю), хотя сам текст, разумеется, на малагасийском языке. В дневнике содержится самая разнообразная информация – отчеты о заседании кабинета министров, встречи с губернаторами и другими чиновниками, европейскими дипломатами, официальные приемы, кабари и т. д. В нем отсутствует какая-либо внутренняя логика и, хотя факты и события заносились ежедневно, мог пройти достаточно длительный срок, прежде чем появлялась та или иная запись, и не всегда это было связано с окончательным результатом.

Дело PP 13 охватывает период с 1 января 1885 г. по 22 марта 1886 г. Наибольший интерес представляет дискуссия кабинета министров об условиях заключения малагасийско – французского договора 1885 г. (листы 761–777) и описание визита в Антананариву французских полномочных представителей на переговорах Э. Мио и С. Патримонио (листы 777–838). PP 14 с 23 марта 1886 по 5 ноября 1887 г. – встречи с Генеральным Резидентом Ле Мир де Вилером (листы 92–138, 265–372), визит Райнихаривуни во Францию (листы 539–550), споры о выдаче экзекватуры (листы 572–614, 732–798), В PP 15, с 3 ноября 1887 г. по 21 марта 1891 г., самое важное – «дело Д. Уилоуби» (листы 97–152). В PP 16 1891–1894 – заседания кабинета министров с 27 октября 1890 г. по 11 января 1894 г., и внутривластные проблемы – обсуждение условий добычи золота, назначение судей, увеличение налогов, проблемы бандитизма. В PP 17 с июня 1893 по 27 марта 1894 – основная часть материала также посвящена внутреннему положению государства, хотя уже ощущается приближение войны – призывным кампаниям, обучению солдат, афере с мексиканскими серебряными монетами, эпидемии гриппа. Без использования Дневника Райнилайаривуни не может обойтись ни одно серьезное исследование по малагасийской истории второй половины XIX в.

*А.Ю. Желтов
(ВФ СПбГУ)*

Понятие местоименно-предикативного показателя и бинарный принцип классификации грамматических явлений

Разграничение В.Ф. Выдриным собственно субъектных местоимений и МПП (местоименно-предикативный показатель), элементов, часто относимых к одной парадигме, но обладающих принципиальными морфосинтаксическими отличиями (первые являются именной группой, а вторые – предикативной вершиной), является весьма существенной теоретической инновацией. Она, в частности, позволяет лучше структурировать многочисленные прономинальные серии. Однако представляется, что структуризация различий между формами, обладающими персональными семантическими характеристиками, должна пойти дальше выделения двух типов, так как реальное число функциональных различий между прономинальными формами существенно больше. В данном случае можно воспользоваться методикой, применяемой А.Ю. Желтовым и В.Ф. Выдриным при разработке непротиворечивой классификации типов сказок¹: вместо выбора между признаками А или Б, существенно объективней оценить явление на наличие/отсутствие А и Б. Вместо двух разрядов явлений мы получим четыре: А+Б+, А+Б-, А-Б+, А-Б-, но выбор будет базироваться на непротиворечивом и одноплоскостном критерии.

Для предложенного В.Ф. Выдриным понятия МПП остается неясным, что же служит главным критерием его выделения: наличие персональной семантики, возможность быть единственным носителем предикативности или употребление одновременно с именной группой подлежащего. Все эти различия отчетливо проявляются при использовании предложенной признаковой прономинальной матрицы. Конечно, подобный подход предполагает необходимость введения более чем двух понятий, но данные понятия не будут противоречивыми. Остаются некоторые вопросы: должна ли эта схема применяться к языку, конструкции или отдельной форме. Вероятно, может быть уточнен и сам набор признаков. Однако в целом применение данного бинарного принципа представляется перспективным.

¹ В.Ф. Выдрин, А.Ю. Желтов. «Люди – не-люди»: опыт бинарной типологической классификации сказочных сюжетов // Африканская сказка – 3. К исследованию языка фольклора. М.: Восточная литература, 2005. С. 504–517; В.Ф. Выдрин, А.Ю. Желтов. Типологический комментарий // Сказки народов Африки. СПб, 2010. С. 476–508.

О.Ю. Завьялова
(ВФ СПбГУ)

Традиционные механизмы регуляции внутрисоциальных и межсоциальных конфликтов в социумах манден (Мали, Гвинея)

В обществе манден, как и в любом другом обществе, существуют определенные механизмы, позволяющие поддерживать баланс, смягчать конфликты как внутрисоциальные, так и межсоциальные.

В частности, таковыми механизмами являются *джаму*, деление на возрастные классы и *сананкуя* (шуточное родство). Данные институты не только сглаживают межэтнические и социальные противоречия, но и помогают спокойному прохождению индивидуумом всех этапов психологического развития, взросления, защищают его от стрессов и дезориентации.

Джаму – система «клановых имен», благодаря которой в обществе определена не только система взаимодействия меж родами, но и между социальными группами. *Сананкуя* – «шуточное родство» между «кастами», а также между «кастой» и определенной этнической группой.

Жесткая специализация в обществе по полу и возрасту дает каждому члену социума определенную уверенность в непоколебимости устоев и в собственном будущем, что играет важную роль в психологической устойчивости членов общества.

Кроме всего вышесказанного немалую роль в психологической и социальной стабильности общества играет такой институт, как устная традиция. Многие фольклорные жанры снимают социальную напряженность между группами (сказка, например, открывает возможность повышения социального статуса благодаря личностным качествам или умению взаимодействия с окружающим миром), а также помогает возрастной и социальной адаптации в обществе.

Возрастные этапы психического развития человека требуют некоторой поддержки культуры, общества для безболезненного их прохождения. Например, возрастные кризисы, присущие всем людям и ведущие к развитию психических расстройств, могут быть практически сняты некоторыми институтами культуры. Так, обряд инициации, как и сопутствующие этому традиции, переводит мальчика в статус мужчины, минуя так называемый «переходный возраст».

На примере устной традиции и анализа некоторых общественных институтов народов манден мы видим, как общество регулирует не только социальные отношения в социуме, но и психологический климат в нем, а также психическое здоровье каждого его члена.

*А.С. Зданевич
(ВФ СПбГУ)*

*Меморандум Я.А.Э. де Миста как образец реформирования политико-административной и социально-экономической систем
Капской колонии в начале XIX в.*

Правительство Батавской республики, провозглашенной на территории Нидерландов в 1795 г., получив контроль над Капской колонией в 1803 г., сохранило за ней статус колониального владения. Кап перешел под прямое управление правительства Батавской республики в Нидерландах и одновременно под контроль Азиатского Совета, созданного для обеспечения эффективного управления и обороны голландских колониальных владений.

Азиатский Совет санкционировал проведение на Капе планомерной, конструктивной политики, рассчитанной на укрепление и развитие колонии. Одному из членов Совета – адвокату Я.А. де Мисту, было поручено подготовить меморандум, в котором бы излагались принципы управления Капом после его передачи батавцам.

Меморандум де Миста включал в себя рекомендации по вопросам политического, административного, экономического и социального реформирования.

Рекомендации были основаны на официальных документах: отчетах, докладных записках, путевых дневниках тех, кто жил и работал в Южной Африке. Сам де Мист до своего официального назначения на Капе не бывал.

Цели и задачи, которые ему пришлось реализовывать:

- борьба с коррупцией и злоупотреблениями в среде административного аппарата;
- налаживание системы управления финансами посредством оптимизации работы Контрольно-счетной палаты;
- реализация принципа – «нет налогообложению без представительной власти»;
- разделение судебной и исполнительной ветвей власти;
- изменение административно-территориального деления колонии;
- учреждение в Капской колонии почтовой службы;
- реформы в религиозной и образовательной сферах.

До 1806 г., то есть до второй британской оккупации, лишь незначительная часть замыслов, связанных с реформированием различных сфер общественной жизни, была реализована.

Проблемы в экономической сфере по-прежнему замыкались на попытках стимулирования одной из важнейших отраслей экономики

Капа – сельского хозяйства. Немало сил было потрачено в попытках внедрить принципы свободной торговли на Капе.

Лишь сильное централизованное управление позволило бы изменить ситуацию к лучшему.

*А.И. Коваль, М.А. Косогорова
(ИЯз РАН, Москва)*

*К принципам морфоглоссирования текстов пулар:
проблемные вопросы*

При формировании нового лингвистически обработанного корпуса текстов того или иного языка необходимо с самого начала заложить оптимальные правила и принципы аннотации. И это особенно значимо применительно к языку пулар(-фульфульде) ввиду высокого уровня его диалектной дисперсии, а также ввиду характерного для языка синтетизма, сильно отягощенного морфонологически.

Еще на самой ранней стадии письменной фиксации устно порожденного текста проблема представления сентенциальных структур требует учета, помимо интонационных и паузальных показаний, еще и таких лингвоспецифичных правил, как реализация нулевой vs. ненулевой анафоры субъекта – одного из основных критериев границы предложения в пулар. Далее, уже на стадии морфоглоссирования как такового, используемые принципы и приемы нуждаются в серьезном теоретическом обосновании. К числу наиболее «трудных» проблем морфоглоссирования текстов пулар относятся:

- морфограница (*особ.* ассимилятивная гемината как препятствие морфочленению);
- синтетическое маркирование класса (число, деривация, *особ.* двусторонний, симультанно-аддитивный маркер);
- аспектуальные регистры глагола (морфосинтаксическая зависимость ярлыков);
- аналитизм форм (*особ.* статив, прогрессив);
- проблема нулевого аффикса.

Обоснование принимаемых решений непосредственно базировалось на текстовых материалах диалекта фута-джаллон, однако при этом принимались во внимание и факты общезыкового фона, что делает достигнутые соглашения существенными и для аналогичных задач по документированию других диалектов.

Мария Коношенко
(ФФ СПбГУ)

**Контекстные тональные изменения и синтаксическая структура
высказывания в языке кпелле**

В последние десятилетия в общей лингвистике все чаще исследуется связь между синтаксической структурой высказывания и его просодическим оформлением. В докладе предлагаются аналогичные наблюдения применительно к языку кпелле (манде > юго-западные манде), который является тональным, как и большинство языков манде.

В языке кпелле можно выделить три просодических уровня: уровень тонов лексем, уровень глубинных тонов словоформ и уровень поверхностной реализации тонов словоформ. Нас будет интересовать механизм перехода от второго уровня к третьему. Этот механизм я буду называть *контекстными тональными изменениями* (далее – КТИ).

В языке кпелле есть КТИ двух типов: синтаксически независимые и синтаксически обусловленные.

Синтаксически независимые КТИ являются либо прогрессивными и тонопонижающими (даундрифт, даунстеп), либо регрессивными и топовышающими, т.е. представляют собой ортогональные явления.

Синтаксически обусловленные тональные изменения по своей фонологической природе являются всегда прогрессивными и топовышающими, т.е. принципиально отличаются от синтаксически независимых КТИ.

Подробное описание правил КТИ в кпелле было произведено в работе [Коношенко, в печати]. В настоящем докладе будут представлены дальнейшие наблюдения автора, касающиеся зависимости синтаксически обусловленных КТИ в кпелле от структуры составляющей. Основной тезис состоит в том, что тоны могут распространяться только в направлении от синтаксического зависимого к вершине, но не наоборот. Это наблюдение позволяет существенно упростить описание КТИ, представленное в вышеуказанной работе.

М.А. Косогорова
(Ин-т Языкознания РАН)

К проблеме глоссирования имен существительных в языке фула

Язык фула, или пулар-фульфульде, относится к языкам со сложной морфонологией, из-за этого морфоглоссирование текстов на нем сильно затруднено. Особенно сложна ситуация с глоссированием имен существительных и имен прилагательных. Помимо проблем, которые встречаются в практике глоссирования других языков, например разрывных

морфем, сложных аналитических форм и фузий, язык фула обладает и гораздо более редкими особенностями, отразить которые в глоссировании представляется трудным, но необходимым.

В ходе доклада будут рассмотрены некоторые трудные случаи глоссирования имен существительных в текстах на диалекте футаджаллон, Гвинея. Для некоторых случаев будет предложено решение, как, например, для представления таких морфосемантических значений классных аффиксов как число, размерность (аугментатив-димиутив). Также будет предложено решение для обозначения личного подкласса класса O, в отличие от его неличного подкласса (см. пример (1)).

(1)

paykun		baalal		neene		yimbe
pay-	kun	baal-	al	neene	yim-	be
ребенок-	SgDimKUN	овца-	SgAugNGAL	мать-SgPersO	люди-	PlPersBE

Однако для некоторых случаев решение будет предложено лишь частично. Так, например, для выражения классного циркумфикса (аффиксальный показатель именного класса и соответствующая ступень чередования начального согласного корня) будет предложено решение, удовлетворяющее требованиям экономичности, но не удовлетворяющее требованиям информативности. Так, пример (2) недостаточно четко иллюстрирует связь между смычной ступенью чередования анлаута корня и классным аффиксом –O.

(2)

debbo		gooto	
^{Oc} debb-	o	^{Oc} goot-	o
женщина-	SgPersO	один-	SgPersO
‘одна женщина’			

Разумеется, список трудностей при глоссировании существительных в языке фула гораздо более обширен; в докладе мы также коснемся следующих тем:

- геминанты на стыке корня и аффикса;
- расширители основы;
- проблема нулевого показателя,

и некоторых других вопросов, для части из которых будут предложены готовые решения, а для остальных – только предложения в стадии разработки.

*М.С. Курбак
(ГАГУН при РАН)
Дж.М. Кутзее и цензура ЮАР
(по материалам южноафриканских архивов)*

С начала 1960-х и до конца 1980-х гг. в ЮАР функционировала система цензуры, которая была одной из самых масштабных в мире. Официально она называлась не цензурой, а «контролем за публикациями»¹. Контролю подвергалось все, что несло информацию, – книги, фильмы, публицистика, футболки, реклама, вывески магазинов. В 1963 г. был принят «Акт о публикациях и увеселительных мероприятиях» (Publication and Entertainments Act), который учредил специальную Комиссию цензоров, следивших за тем, чтобы в печать не проходили материалы, содержащие «нежелательную» информацию.

Пиком жестокости цензуры стал 1973 г., когда были запрещены 889 произведений из 1230. В списке запрещенных книг оказались произведения Андре Бринка, Брейтена Брейтенбаха, Надин Гордимер и др. Романы Дж.М. Кутзее в это же время печатались и продавались беспрепятственно. Сам нобелевский лауреат считал, что причиной тому была его непопулярность (славу ему принес только третий роман – «В ожидании варваров») и аполитичность.

Однако несколько лет назад в южноафриканских архивах были обнаружены доклады Комиссии цензоров, тщательно проверявшей каждый роман Кутзее. Эти материалы стали шоком даже для самого писателя. Многие из цензоров оказались знакомыми и коллегами Кутзее. Из этих докладов следует, что в романах Кутзее есть много моментов, которые могут быть рассмотрены как «нежелательные» (осуждения действий южноафриканской полиции, насилие, жестокость, сцены сексуального характера между людьми разных рас и проч.), однако, по мнению цензоров, запрещать книги все же не стоило, поскольку они никогда не будут пользоваться массовой популярностью. Цензура сочла их слишком тонкими, слишком «литературными», а потому – не представляющими опасность для государства и режима апартеида.

¹ Coetzee, J.M. Giving Offense. Essays on Censorship. The University of Chicago Press, Chicago and London, 1996. P. 34.

Александра Лумпет-Голицина
(Institut des Mondes Asiatiques et Pacifiques, CNRS/FMSH, Paris)
Новые соображения по поводу письменности бамун
(Западный Камерун)

Различные источники по африканистике, сохраняя свой специфический характер в процессе регулярных переоценок, являются прежде всего устными по своему характеру (включая и «вторичные» устные свидетельства), или же связанными с материальными артефактами. Письменные же источники, лишь дополняя устные и вещественные, занимают маргинальное положение в реконструировании африканской истории и представлены, как правило, греческими, арабскими и западными свидетельствами, дающими внешнее описание африканских цивилизаций.

Примыкая к различным работам последних лет по собственно африканским письменным источникам, представляется необходимым пересмотреть значение произведений, написанных на бамуне (Западный Камерун). Эта письменность, введенная королем Нжоя в конце XIX в., за несколько лет до прибытия в регион европейцев, прошла в своем развитии через семь последовательных этапов, начиная с идеографической версии до смешанной системы, одновременно фонетической и монослоговой. Она породила подлинную литературу, перевод и публикации образцов которой, осуществленные нашими усилиями, подчеркивают ее значимость. Проанализированные рукописи информируют нас как о прибытии первых европейцев, так и о появлении контр-моделей в отношении к королевской официальной историографии и о судьбе новой «придуманной» синкретической религии. Иными словами, они дают представление о внутренних трансформациях небольшого королевства, видевшего немецкую, английскую и французскую колонизации, как гражданского так и военного характера, и о перепитиях собственной модели модернизма.

А.Д. Луцков, Н.В.Макеева
(Институт языкознания РАН, Москва)
Вспомогательные глаголы в языке зулу

В языках группы нгуни семьи банту существует большое число вспомогательных глаголов, образующих вместе с той или иной формой смыслового глагола полипредикативные конструкции. Наиболее богат такими глаголам язык зулу, где их насчитывается свыше семидесяти. С синтаксической точки зрения выделяются два основных типа полипредикативных конструкций: сериальные конструкции и подчинительные

конструкции. В первом типе конструкций смысловый глагол совпадает по форме со вспомогательным глаголом, во втором типе вспомогательный глагол требует ситуативной, желательного-побудительной или неопределенной формы глагола. Первый тип конструкции может быть назван сериальным лишь с некоторыми оговорками: в прототипической сериальной конструкции все глаголы цепочки являются полнозначными и лишь в ее составе по крайней мере один из них претерпевает семантическую редукцию. В описываемом же типе конструкции один из глаголов является вспомогательным, т.е. не способен выступать в качестве сказуемого простого предложения, и ни один из глаголов в ее составе семантической редукции не претерпевает.

Класс вспомогательных глаголов неоднороден: в нем отчетливо выделяется подкласс лексем, которые восходят к полнозначным глаголам, способным употребляться в прототипических сериальных конструкциях: -hambe 'одновременно, заодно' < -hamba 'идти', -sheshe 'быстро, рано' < -shesha 'спешить'. Значения таких вспомогательных глаголов совпадают с теми значениями, которые имеют их полнозначные корреляты в составе сериальной цепочки.

Неоднородны вспомогательные глаголы и по своей семантике, среди значений, ими выражаемых, можно выделить: а) аспектуальные (-bele указывает на длительность действия, -damene указывает на регулярность события); б) модальные (-dlule 'вопреки, тем не менее', -ngase 'возможно, вероятно'); в) «союзные» значения, указывающие на временные или причинно-следственные отношения между событиями (-anela 'едва, как только', -ze 'до тех пор, пока; пока не') и др.

Э.С. Львова
(ИСАА МГУ)

Африканистика на XVI международном конгрессе антропологических и этнологических наук (27–31 июня 2009 г., Кунминь, Китай)

XVI международный конгресс антропологов и этнологов был весьма представительным. Он собрал более трех тысяч участников, а заявок было еще больше (не все сумели приехать, в частности, из-за перенесения его на год). Однако тезисы докладов были опубликованы, что дает возможность представить себе круг тем, волнующих современных исследователей.

Все доклады были сгруппированы по 10 большим блокам, внутри которых делились по секциям. Основной интерес большинства участников был сосредоточен на проблемах Китая и прилегающих регионов – Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Однако немалое место занимала и африканистская тематика, чего не было на предыдущих

конгрессах. Отдельной секции не было образовано, доклады были разбросаны по разным.

Около 20 из них были представлены африканистами за пределами Африки. Но большинство докладчиков (50) – из 14 африканских стран (Бенина, ДРК, Ганы, Кот д'Ивуар, Нигерии, Танзании, Эфиопии и др.). Это говорит о растущем интересе африканских ученых к проблемам антропологии в самом широком смысле. Не только во многих странах континента появились свои антропологи (хотя некоторые из них работают в научных центрах Европы и Нового Света), но создана и Панафриканская ассоциация антропологов.

Можно вычленить новые проблемы, которые их интересуют. Прежде всего, это роль науки в современной Африке, которая была дискредитирована «правительственными антропологами» метрополий. Требуется, по мнению докладчиков, новый подход к исследованиям, изучение современных процессов, подготовка молодых антропологов в странах Африки. Большое значение придают они наблюдению за этническими процессами при миграциях и в диаспорах (и на самом континенте, и за его пределами), снижению этнической напряженности в связи с этим. Немалое внимание было уделено проблемам языка, отмечено появление синкретизмом (ебоникс, импилингво и т.п.). Самое большое количество сообщений было посвящено изучению традиционной культуры в современном мире, необходимости и возможностям использования традиций в самых разных программах развития (экономических, социальных, охране окружающей среды и т.д.)

А.В. Ляхович
(ВФ СПбГУ)

Современная литература на языке хауса: успехи и перспективы

Современная литература на языке хауса зародилась в 30-е гг. XX в. За время своего существования хаусазычная литература прошла простой путь. Появились на свет такие понятия как «писатель», «читатель», «авторское творчество», «художественный вымысел» и др. Литература стала необходимым средством обсуждения социальных вопросов. Из-за широкого доступа к иностранной массовой культуре появились новые представления, затрагивающие практически все сферы жизни.

Радиовещание и публицистика в большой степени послужили развитию художественной литературы. На радио была распространена практика зачитывать отрывки из различных произведений, что позволяло ознакомить неграмотную часть населения севера Нигерии с произведениями литературных деятелей. И по сей день процесс книгопечатания в Нигерии остается дорогостоящим, это оказывает сильное негативное

влияние на развитие хаусаязычной литературы. Именно на страницах журналов и газет регулярно появляются многие произведения авторов, не имеющих возможности издать свои рукописи.

Современное поколение писателей по-разному оценивает ход развития литературы на языке хауса. Серьезная критика, высказываемая в адрес существующих литературных канонов, оказывает сильное давление на молодых авторов. Литература на языке хауса, так называемая «литература рынка Кано», согласно распространенному мнению, представляет собой не более чем разновидность популярной беллетристики низкого качества. Именно поэтому многие писатели сегодня стремятся к экспериментам в своем творчестве. Пример англоязычной литературы Нигерии, которая по сравнению с литературами на местных языках достигла значительных успехов, также побуждает писателей Северной Нигерии преодолевать границы, установленные «литературой рынка Кано».

Н.В. Макеева

(Институт языкознания РАН)

Стратегии релятивизации в языке кла-дан

В языке кла-дан, как и в других южных языках манде, существуют несколько стратегий релятивизации – релятивизация генитивного типа, или левосторонняя релятивизация, релятивизация адъективного типа, или правосторонняя релятивизация, и релятивизация с внутренней вершиной.

Левосторонняя релятивизация является стратегией с внешней вершиной и устроена по модели субстантивного определения в генитивной синтагме. Слева от вершины релятивизации помещается зависимая клауза, вершиной которой является бессуфиксное отглагольное имя. Если релятивизируемая ИГ (РГ) не следует за ним непосредственно, тогда его тон меняется на ультранизкий. Лексический тональный контур вершины релятивизации меняется или не меняется на ультранизкий тон/последовательность ультранизких тонов в зависимости от ее тонального класса.

Правосторонняя релятивизация также является стратегией с внешней вершиной, но следует модели адъективного определения. В то же время средства маркирования, используемые в данном типе релятивной клаузы, сходны с теми, что используются при стратегии релятивизации с внутренней вершиной. При правосторонней стратегии непосредственно за РГ следует союз *keè*, вводящий релятивную клаузу. При использовании стратегии с внутренней вершиной РГ находится внутри зависи-

мой клаузы, за ее вершиной следует релятивизатор-детерминатив *kéè*. В правосторонней релятивной клаузе используются сопряженные конструкции, где позиция вершины занята местоименным предикативным показателем (МПП) сопряженной серии, являющейся аналогом экзистенциальной серии МПП в синтаксически зависимых и коммуникативно нейтральных контекстах. В релятивной клаузе с внутренней вершиной в подавляющем большинстве случаев также используются сопряженные конструкции, в частности – нейтральновидовая, ретроспективная, имперфективная. Также в ней могут быть использованы перфектная и плюсквамперфектная конструкции, не имеющие коррелятов с синтаксически зависимым статусом.

А.В. Мильто

(Академия МУБиНТ, Ярославль)

Феминизация образа Сомали в творчестве Н. Фары

Образ Африки, в том числе Сомали, более всего формируется литературой. К началу XXI в. одной из самых распространенных и востребованных в произведениях писателей Тропической Африки оказалась «женская тема», что обусловлено изменившимся за последние годы социальным, экономическим, психологическим статусом женщины в Африке. На данном фоне романы Н. Фары оказались уникальными. Обсуждая его произведения, читатели и критики, в первую очередь, вспоминают о его особом отношении к женщинам: к матери и жене, соотечественницам и героиням произведений.

Тонкий знаток женской психологии, Н. Фара наделил Сомали такими феминными ценностями, как смирение, терпение, покорность. Подобно любому сомалийскому поэту, он «рассматривал женщину как символ родной страны, поскольку только когда женщины свободны, можно говорить о свободном Сомали»¹. Он видел, как медленно и болезненно женщины обретают независимость. Он изучал механизмы их освобождения – из-под власти отцов и мужей, из-под власти этносоциальных и религиозных традиций – и барьеры, возникающие на этом пути. Героини романов Н. Фары переживают те же страдания и невзгоды, которые выпали на долю Сомали. В их числе Шолунго, женщина-шаман («Тайны»²), сильная и трогательная, безумная и беззаботная, мятежница и жертва – клубок противоречий, как Сомали. Рисую ее образ, писатель

¹ Kitchener J. Author in Search of an Identity: An Interview // New African. 1981. December. P. 61.

² Farah N. Secrets. N.-Y.: Arcade, 1998. 298 p.

поделился с читателями мыслью о том, что неплохо бы перенестись в далекое прошлое, когда на Африканском Роге царил матриархат, а женщины занимали достойное положение в обществе.

Произведения Н. Фары пронизаны уважением и восхищением к женщинам. Сильные и смелые или молчаливые и терпеливые – его героини воплощают образ современного Сомали. Именно с ними автор связывает надежды на возрождение сомалийской нации, спасение от того хаоса, что царит на Африканском Роге.

Д.Ф. Мищенко
(ФФ СПбГУ)

Материалы к реконструкции тональной системы пра-ЮЗМ

В данном докладе будут представлены первые результаты работы по реконструкции тональной системы пра-юго-западных манде (ЮЗМ). В настоящее время единственной попыткой подобной реконструкции является работа Дэвида Двайра «The Comparative Tonology of Southwestern Mande Nominals» (1973 г.), однако в ней, как следует из названия, автор рассматривает лишь именную систему. В настоящем исследовании предпринимается попытка полного анализа лексических систем 6 языков, составляющих группу ЮЗМ. Целью исследования является реконструкция лексических тональных классов слов в пра-ЮЗМ, а также описание процессов развития тональных систем в современных языках этой группы.

Особое внимание в докладе будет уделено описанию последовательных этапов процесса инвертирования тонов, произошедшего в 2 языках ЮЗМ, лоома и зиало.

В этих языках лексические тоны слов изменились на противоположные по сравнению с тонами праязыка. Сравнение лексических тонов лоома с тонами слов зиало, где инверсия произошла позже, позволяет обнаружить следы этого процесса и таким образом выявить его стадии.

З.В. Мокрушина
(Вологодский ГПУ)

Писатель в истории Нигерии: свидетель, участник, исследователь

После провозглашения независимости (1 октября 1960 г.) Нигерия вступила в эпоху политических и социокультурных экспериментов. Происходящие в стране события вызвали подъем, творческий взлет и

«умственную революцию»¹ в интеллектуальной среде. В условиях нерасчлененности гуманитарного знания и дефицита историков многие писатели и публицисты обратились к проблемам актуализации и реабилитации истории и культуры Нигерии (и Африки в целом). Чинуа Ачебе писал, что история черного континента «не могла быть рассказана... кем-то еще, кроме самих африканцев»², только они были способны писать исходя «из африканского опыта... из обязательства к африканской судьбе... из потребностей истории Африки»³. Роман «И пришло разрушение...»⁴ (1958 г.) стал для писателя «актом искупления перед прошлым, ритуальным возвращением и почтительностью расточительного сына».⁵ Его примеру последовали многие авторы. Встав на путь установления аутентичности африканской истории, они смогли сформировать новый и весьма обширный пласт гуманитарного и общественного знания, ввести в научный оборот новые источники, в том числе этнографического и антропологического характера.

Литераторы осознавали себя носителями «особого предназначения, своего рода миссии»⁶; «интерпретаторами»⁷ и «врачевателями»⁸, учителями и наставниками⁹ для разных поколений африканцев. Они использовали в качестве средств воздействия на общественное сознание художественные произведения, обширную публицистику, интервью, радио- и телекомментарии, выступления в стенах известных университетов и на трибунах международных конференций. Освещение ими проблем африканской истории и современности вызывало дискуссии и имело широкий резонанс в среде африканских и европейских интеллектуалов, способствуя формированию нового (постколониального) образа жизни и стиля мышления, новых, в определенном смысле альтернативных, форм идентичности (групповой и индивидуальной, расовой и этнонациональной, социально-профессиональной).

¹ Achebe Ch. *Named for Victoria, Queen of England* // Achebe Ch. *Morning Yet on Creation Day*. L., 1975. P.70.

² Idid.

³ Idem. *Colonialist Criticism, 1962* // Achebe Ch. *Morning Yet on Creation Day*. P.6–7.

⁴ Idem. *Things Fall Apart*. L., 1958.

⁵ Idem. *Named for Victoria, Queen of England*. P.70.

⁶ Interview with Chinua Achebe // *Palaver. African and Afro-American Research Institute. The University of Texas at Austin*. Austin, 1972. P.7.

⁷ Шойинка В. *Интерпретаторы* / Пер. А.Сегреева, предисл. В. Иорданского. М., 1972.

⁸ Clark J.P. *Casualties. Poem 1966–1968*. L., 1970. P.54.

⁹ Achebe Ch. *The Novelist as Teacher* // Achebe Ch. *Morning Yet on Creation Day*. P. 42.

Большинство авторов составили интеллектуальную оппозицию власти. За полвека независимости Нигерия пережила несколько военных переворотов (1966, 1975, 1976, 1983, 1985, 1993), кровопролитную гражданскую войну (1967–1970), диктаторский режим Сани Абачи (1993–1998); четыре республики (1960–1966, 1979–1983, 1993, 1999 – н.в.); геноцид игбо, нефтяной кризис 1973 г., дуализм социально-экономического развития. В этих условиях при отсутствии гражданского общества литераторам пришлось взять на себя функции, которые не часто берут на себя современные люди пера: воспитывать личным примером гражданственность и патриотизм среди соотечественников.

Е.В. Морозенская
(Институт Африки РАН)

***Российско-эфиопское экономическое сотрудничество:
трудности и перспективы***

Российско-эфиопские отношения имеют давнюю историю (прежде всего, в культурной и военно-дипломатической сфере), а также самую продолжительную историю среди двусторонних связей России с африканскими странами – с 1898 г.

Торгово-экономическое сотрудничество СССР и Эфиопии развивалось достаточно активно (с 1959 г.). В Эфиопии при содействии СССР было реализовано более 20 крупных проектов в промышленности, энергетике, сельском хозяйстве. Особенно большая помощь была оказана Эфиопии в преодолении последствий многолетней засухи и голода в середине 1980-х гг.

После заметного сокращения экономических контактов вследствие распада СССР и внутривнутриполитических изменений в Эфиопии двусторонние торгово-экономические связи с 1995 г. начали вновь расширяться. В согласованных программах развития сотрудничества между РФ и Эфиопией зафиксированы основные направления и проекты в нефтегазовой и обрабатывающей промышленности, электроэнергетике, геологии, водном хозяйстве, ирригации и освоении земель, сельском хозяйстве, здравоохранении, подготовке национальных кадров. Взаимный товарооборот между РФ и Эфиопией возрос с 1995 г. по 2008 г. в 100 раз.

Перспективными направлениями сотрудничества являются выставочно-ярмарочная деятельность, обмен деловой информацией и содействие российским инвестициям в Эфиопии (в 2000 г. заключено Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений). Российские капиталовложения в разработку месторождений и переработку сырья с последующим его ввозом в Россию могут удовлетворять потребности отечественных производителей в недорогом и высококачественном сы-

рье. Возможны различные формы кооперирования между действующими в Эфиопии компаниями с различной формой собственности и российскими предприятиями. Особенно перспективным представляется развитие прямых контактов между непосредственными производителями и экспортерами.

Елена Перехвальская
(ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)
Номинализация в языке муан¹

Под номинализацией понимается широкий спектр грамматических способов, позволяющих глаголам функционировать в качестве существительных (Comrie & Tompson 1985; Lehmann 1988; Payne 1997; Koptievskaya-Tamm 1993, 2003, 2005).

Для муан не характерна конверсия, распространенная во многих языках манде, в том числе в бамана. Глагол в муан может выступать в синтаксических позициях, характерных для ИГ, лишь путем его сочетания с суффиксами или со словами целевой части речи, семантически пустыми или «полупустыми» (находящимися в процессе грамматикализации).

1. Суффиксальный способ глагольной номинализации.

1.1. Имя действия (герундий). Образуется присоединением к основе глагола суффикса *-lē*, не обладающего собственно лексической семантикой. Эта форма употребляется при назывании действия вне синтаксического контекста: *gàà-lē* ‘тащить, вырывать’, *nīnà-lē* ‘возвращать, возвращаться’.

Герундий образуется регулярно от любого глагола и называет действие или состояние. Он способен иметь тот же набор аргументов, что и соответствующий предикат в финитном предложении. Герундий может занимать в предложении все позиции, характерные для ИГ, а также позицию, характерную для приименного определения. Со связкой *ò* образует результативную конструкцию.

Герундий в муан способен быть вершиной свернутой предикации, построенной по типу композита (левосторонняя релятивизация); а также заменять финитный глагол в зависимых клаузах определенного типа.

¹ Язык муан (мона) относится к южной группе семьи манде. По данным на 1993 г. (Ethnologue-14), на языке муан говорили около 17 тысяч человек в центральной части республики Кот д’Ивуар.

Набор функций герундия в муан объединяет в себе функции, типологически характерные для такого рода форм (инфинитив, герундий, масдар).

1.2. Суффиксальный способ используется при номинализации глагола в ИГ, обозначающие партиципантов действия, если это лица – в ед. и мн. числе:

-*mī* ‘деятель (ед. ч.)’: *yēwō- mī* ‘работа-делать-деятель’ → ‘рабочий’;

-*mū* ‘показатель множественности’: *yēwō- mū* ‘работа-делать-мн. ч.’ → ‘рабочие’.

2. Номинализация глагола путем его сочетания с существительными используется при номинализации глаголов в ИГ, обозначающие партиципантов действия: Агенса, Пациенса, Инструмента, Результата, Об-
раза действия, Места действия.

2.1. Участник действия оформляется следующими существительными.

2.1.1. Участник действия – лицо женского пола:

-*lē* ‘женщина’: *yēwō- lē* ‘работа-делать-женщина’ → ‘работница’.

2.1.2. Участник действия – не-лицо (предмет, животное):

-*pē* ‘вещь’: *yēwō- pē* ‘работа-делать-вещь’ → ‘инструмент’; *lō- pē* ‘покупать-вещь’ → ‘товар, покупка’.

2.2. Место действия; активность, характерная для данного места:

-*yrē* ‘место’: *fēyrē* ‘мыться-место’ → ‘умывальник, душ’; *wīdēyrē* ‘животное-убивать-место’ → ‘охота’.

2.3. Цель действия:

-*zā* ‘причина’: *gō- zā* ‘продавать-причина’ → ‘для продажи’.

2.4. Способ совершения действия, обозначенного номинализованным глаголом:

gbēē ‘способ, манера’: *bā̀̀gbēē* ‘наряжаться-манера’ → ‘наряд, способ наряжаться’;

gbēyā ‘способ, манера’: *kpōklēgbēyā* ‘горшок-делать-способ’ → ‘способ готовить’.

3. Номинализованные формы глагола входят в состав перифрастических конструкций, обозначающих зависимые предикации:

ŋ *Zā̀̀* *yà* *séwé* *lā- pē* *yrē* *nɔ̀̀*.

1SG Жан видеть.PRF бумага над-говорить место в
‘Я видел, как (что) Жан читал письмо (букв. я видел Жана в месте чтения письма).’

...mú	kré	kréé		lé-ní	lé	mú	mā
3PL.FOC	все	живот		перед- терять	MOD	3PL.FOC	поверхность

yāā	wī	dē	gbēyā	é	zà	yì.
3SG.POSS	мясо	добывать	способ	ART	дело	в

‘и все они терялись в догадках, каким образом он добыл мясо (букв. из-за его способа добывать мясо)’.

Номинализованные формы глагола в муан имеют широкий спектр употребления, являясь одним из главных способов словообразования, а также одним их важнейших путей образования грамматических перифрастических конструкций.

К.И. Поздняков
(ИНАЛКО, Париж)

***Изолированные корни как системный источник для изучения
дальнего родства языков***

В своем сообщении мне хотелось бы обсудить нетривиальные данные, полученные нами¹ в ходе работы по сопоставлению стословных списков Сводеша в атлантических языках (Нигер-Конго). Как известно, выделение сходств и различий в таких списках является одной из наиболее принятых процедур построения предварительных генеалогических классификаций для плохо изученных (в сравнительно-историческом плане) языков. Основной результат, полученный нами, соответствует тому, что специалистам уже известно: так называемая «атлантическая» группа, включающая шесть десятков языков, распадается на 5–6 независимых нигеро-конголезских ветвей, расстояние между которыми не ближе, чем расстояние между каждой из них и, например, языками банту или гур. В этом убеждает исключительная гетерогенность базовой лексики атлантических языков. При этом принадлежность каждой «атлантической» ветви к семье Нигер-Конго не подвергается сомнению. Повторю, что в свете многочисленных данных, накопленных в последние десятилетия, этот результат был вполне предсказуем.

Но вот что необычно. Буквально в каждом из атлантических языков, в том числе, и в тех, которые входят в достаточно «молодые» под-

¹ *Konstantin Pozdniakov ; Guillaume Segerer. Genealogical classification of «Atlantic» languages. In print.*

группы (с совпадением по Сводешу более 50 %), наблюдается исключительно высокий процент «уникальной» базовой лексики, которая не находит параллелей ни в одном другом атлантическом языке – в том числе, и в языках данной подгруппы. Само по себе наличие изолированных слов тривиально для любого языка. Нетривиален – высокий процент таких слов (от 20 % до 30 % в каждом языке!). Казалось бы, если группа настолько гетерогенна, что само ее существование ставится под сомнение, то наличие исключительно больших пластов уникальной лексики вполне закономерно. Конечно, это так.

Но эта ситуация вызывает вопросы, на которые нет вразумительных ответов. В частности, мы имеем все основания задуматься – откуда взялась эта масса уникальных базовых слов?

Первое тривиальное объяснение – заимствования. Но мы их предвзятительно исключили. В списках нет ни французских слов, ни арабских. Возможно, там есть еще не опознанные нами древние заимствования из манде, но их не может быть много.

Второе объяснение – лексические дериваты и семантические сдвиги (один из типичных примеров для атлантических языков: «калебаса» > «сердце»). Для большинства наших случаев эти объяснения не годятся – речь идет о непроемных базовых лексических корнях.

Может быть, в этих уникальных корнях отражена древняя нигеро-конголезская лексика, которая сохраняется только в одном из атлантических языков, а в других – исчезает? Отдельные такие случаи вполне вероятны, но предположение о том, что в атлантических языках, в словниках Сводеша, отражается более тысячи нигеро-конголезских корней, вряд ли можно рассматривать всерьез.

Тогда что это? Субстрат? Но шесть десятков субстратов – не много ли это для западноафриканского атлантического побережья? С субстратами тоже не получается.

Что еще осталось у нас в запасе в качестве возможных объяснений? Не могу представить! Может, это до-нигеро-конголезские корни, которые дошли до нас через многие тысячелетия, и, в таком случае, выделяя такие изолированные корни, мы получаем ключ к самому древнему лингвистическому наследию человечества?

Уже тот факт, что за неимением лучшего, мы не можем отбросить эту провокационную космическую гипотезу, говорит о том, что изолированными корнями имеет смысл системно заниматься.

Стратегия компаративистики побуждает нас к поиску соответствий, сходств, сближений, параллелей. Если они не находятся, мы выносим уникальные корни за скобки, отправляя их «в отвал». Фасмер снабжает такие слова в русском языке пометой «темное слово».

В стратегии реконструкции (особенно в контексте дальнего родства) представляется продуктивным вывести «темные корни» на свет. Речь не идет о переориентации стратегии поиска сходств на стратегию поиска различий. Речь идет о том, что инвентаризация изолированных уникальных корней в каждом языке и их детальный анализ (ограничимся для начала Сводешем!) может придать новый мощный импульс зарождающейся нигеро-конголезской компаративистике, по крайней мере, в двух ее направлениях:

1) публикация изолированных корней каждого конкретного языка открывает доступ к ним для специалистов смежных областей, то есть появляется возможность провести их профессиональную разностороннюю экспертизу, а, значит, в отдельных случаях и прояснить эти корни (например, какой-то корень будет интерпретирован как заимствование из языков манде или гур; или же обнаружится неожиданная параллель между изолированным атлантическим и бантуским корнями);

2) инвентаризация изолированных корней и их системное сопоставление – эффективный путь к выявлению нетривиальных регулярных соответствий между атлантическими языками и к обнаружению «слабых мест» нашего предварительного сравнительно-исторического анализа.

По существу, речь идет о конкретном проекте, который вполне реально осуществить в ходе подготовки к Нигеро-Конголезскому международному конгрессу, который должен состояться в Париже в сентябре 2012 г.

В.А. Попов
(МЭ РАН; ВФ СПбГУ)

***Кем был Д.А.Ольдерогге: лингвистом, этнографом, историком?
(К вопросу о научной идентификации)***

Д.А. Ольдерогге (1903–1987) – один из основателей отечественной африканистики и ее неформальный лидер в течение полувека – был незаурядной личностью и редким эрудитом, а его научная деятельность оставила глубокий след в советском обществоведении. Научному мышлению Д.А. Ольдерогге был присущ междисциплинарный подход к объектам изучения, а широта кругозора и эрудиция сочетались у него с истинным профессионализмом в самых разных областях гуманитарного знания. Между тем в последнее десятилетие актуализировалась проблема научной идентификации Д.А. Ольдерогге, т. е. кем все-таки он был прежде всего: лингвистом, этнографом или историком?

Д.А. Ольдерогге был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Языкознание. Языки Африки» и именно это обстоя-

тельство часто используется как главный аргумент в пользу того, что он был лингвистом. Действительно, Д.А. Ольдерогге в разное время преподавал языки хауса, суахили и зулу, а также читал курс сравнительной грамматики африканских языков, издал хрестоматию «Язык хауса», под его руководством были созданы и первые суахили-русский и хауса-русский словари. Но из 150 его публикаций собственно лингвистических всего две, да еще 7 этносоциолингвистических, включая работы по методике использования лингвистических данных в качестве источника информации для реконструкции истории бесписьменных народов (Д.А. Ольдерогге полагал, что лексические подсистемы – системы терминов родства и счета, названия орудий труда, предметов быта, растений, домашних животных и т. д. – определяются не столько структурой языка, сколько уровнем социального развития и спецификой этнокультурных контактов).

Как мне представляется, решающим аргументом должна быть самоидентификация. И она есть в письмах Д.А. Ольдерогге коллегам-африканистам: «Хотел изучать социологию, в частности происхождение государства и законы истории...»; «...диссертация моя была попыткой в области сравнительной социологии установить законы в области изучения систем родства...»; «Обдумывая возможности поездки в Оксфорд... я решил послать... три свои работы – суть эпигамии, т.е. новое истолкование происхождения экзогамии, затем этюд «Эсхил в свете этнографии», и «Псевдоматриархат – термин ‘брат – сын матери’». Это разрушение одного из вариантов теории матриархата». Весьма показателен и подзаголовок его книги «Западный Судан в XV–XIX вв.»: «Очерки по истории и истории культуры».

Таким образом, Д.А. Ольдерогге позиционирует себя как специалиста по социальной истории и истории культуры, т. е. как социально-культурного антрополога (в европейской/американской классификации наук) или, учитывая отечественную традицию номинации наук, как этнографа.

В.Я. Порхо́мовский
(ИСАА, Москва)
О стратегиях перевода канонических текстов
в младописьменном языке¹

Настоящий доклад является продолжением серии работ, посвященных языковым проблемам хаусанской версии Ветхого Завета. Первый полный перевод Библии на язык хауса был опубликован в 30-е гг. прошлого века. Этот перевод многократно переиздавался. В 70-е гг. прошлого века появился новый перевод Библии на язык хауса, который также неоднократно переиздавался.

Как показали наши предыдущие исследования, первый перевод Библии на язык хауса отличается весьма высокой степенью адекватности в передаче сложных лексико-семантических групп оригинала, т. е. масоретской версии *Biblia Hebraica*. Второй перевод скорее ориентирован на читателей, для которых по разным причинам первый перевод является слишком сложным, в т. ч. для говорящих на хауса как на втором языке, лингва франка и т. д.

Основное внимание в настоящей работе уделяется вопросам формирования монотеистического дискурса в младописьменном языке. В истории переводов Библии возможно выделить различные переводческие стратегии в этом плане в зависимости от идеологических установок авторов перевода, а также от культурно-религиозного, социального и исторического контекста, в рамках которого велась работа над конкретными переводами Библии. В докладе эта проблема рассматривается на материале двух версий Ветхого Завета на языке хауса в сопоставлении с различными переводами Библии на английский и французский языки. Именно эти языки получили распространение в хаусаленде в колониальный период. Очевидно, что социокультурный контекст переводов Библии на хауса принципиально отличается от ситуаций с европейскими языками.

¹ Доклад подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» по проекту «Лингвистические аспекты исследования фольклорного и канонического текста в языках Африки».

Ю.В. Пригорицкая
(БАН, СПб)

Издания из фонда Карла Бэра Библиотеки РАН в изучении истории африканистики и подготовке каталога «Африка в фондах БАН»

Первыми исследователями народов Африки стали путешественники и миссионеры. Отчеты об их путешествиях содержали сведения по истории, этнографии и языку западноафриканских народов. Поиск этих печатных работ в БАН, прежде всего, связан с изучением фонда К.М. Бэра. К.М. Бэр, один из крупнейших российских ученых, основоположник современной эмбриологии, географ-путешественник и этнограф, также в течение 27 лет был директором II (Иностранного) отделения БАН. Разработанная им классификация (опубликована в 1841 г.) являлась основой для организации иностранного фонда и систематического каталога БАН до 1930 г. Основной ряд классификационных таблиц Бэра включает 21 класс (sectio). Труды путешественников в Африку составляют костяк раздела X его классификации (X. Historia Gentum Singularis cum Geographia, X N. Historia Africae). В этом фонде нами выявлено 345 наименований печатных произведений по Африке (около 150 авторов). Они посвящены описаниям путешествий в разные части африканского континента в XVIII – XIX вв., написаны преимущественно на немецком языке, далее по количеству публикаций идет английский язык, несколько меньше публикаций на французском языке. Есть и диссертация на латыни более раннего периода (1690 г.). Среди источников по Африке из фонда Бэра можно назвать, в частности, сочинения таких крупных ученых, как Петер Кольб (1675–1726), занимавшийся исследованиями в Капской области в Южной Африке, и преподаватель Берлинского университета Г. Барт, участвовавший по приглашению в 1849 г. английским правительством в экспедиции по исследованию центральных и южных районов Сахары и мусульманских городов Сахеля. Полное аннотированное библиографическое описание сочинений по Африке из фонда К.М. Бэра может послужить важным шагом для создания полноценного информационного ресурса по Африке.

Ф.И. Рожанский
(Институт языкознания РАН)

О возможности использования редупликации в качестве параметра генетической классификации¹

Общеизвестно, что существует немало языков, генетическая принадлежность которых неочевидна и нередко вызывает длительные дискуссии (одним из наиболее ярких примеров является группа языков сонгай-зарма, которую относили и к семье манде, и к нилосахарской макросемье, и даже к семье ква). Проблема классификации языка проистекает как из собственно лингвистических причин (различные языковые процессы, прежде всего конвергентные, могут существенно изменить языковые характеристики), так и из методологических – использованные для классификации группы признаков выбираются конкретным исследователем, что приводит к различным результатам проведенного анализа. В такой ситуации представляется разумным расширять количество признаков, применяемых для генетической классификации, поскольку это позволяет получить более полную картину общих и различающихся черт сопоставляемых языков. Однако здесь принципиальным оказывается не только количество выбранных параметров, но и их свойства: некоторые черты языка склонны к большей стабильности, тогда как другие легко передаются от языка к языку, демонстрируют не генетические, а ареальные характеристики и т.п.

В данном докладе в свете описанной проблематики проводится исследование такого языкового механизма как редупликация. Основной вопрос исследования формулируется следующим образом: «Насколько редупликация может использоваться как параметр для определения генетической близости языков?» В качестве исходного принимается положение, что если взять несколько наборов языков $A_1, A_2 \dots A_n, B_1, B_2 \dots B_n$ и т. д., так что языки A_x и A_y заведомо более близки с генетической точки зрения, чем языки A_x и B_y , то устройство исследуемого языкового механизма (в нашем случае редупликации) в языках A_x и A_y будет иметь больше общих черт, чем в языках A_x и B_y . В качестве материала привлекаются данные ряда языков различных языковых групп, в частности языки западноатлантической семьи (фула, волоф, серер, киси), диалекты догон (по сути являющиеся группой близкородственных языков) и др.

Результатом исследования становится вывод, что редупликация – это языковой механизм, который крайне слабо коррелирует с генетической принадлежностью языка, и его использование для анализа родственных связей языков не представляется продуктивным.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-00269а.

И.С. Рябова
(Институт языкознания РАН)
О числительных в языке дабида

Количественные числительные (далее КЧ) от 1 до 6 представлены в языке дабида (банту, Е.74а) корнями: *-mweri* '1', *-βi* '2', *-dādi* '3', *-na/nyu* '4', *-sana* '5', *-randadi* 'шесть'. Они являются мишенями согласования, всегда следуют за вершиной и превращаются в словоформу только приобретая классный согласователь исчисляемого существительного: *m-tee u-mweri* 'один лжец' > CL1-лжец CC1-один; *βa-tee βa-βi* 'два лжеца' < CL2-лжецы CC2-два;

Значения '7', '8', '9', '10' выражаются лексемами *mfungade* '7', *βunyanya* '8', *ikenda* '9', *ikumi* '10', не имеющими словоизменения: *βa-daβana mfungate* 'семь юношей' > CL2-юноши семь.

КЧ 20, 30... 100 буквально означают 'десятка два', 'десятка три' и т.д. *mi-rongo i-βi20* > CL4-десятки CC4-два

mi-rongo mfungate 70 > CL4-десятки семь

КЧ от 200 до 1000 выражаются количественными группами с сущ. 6 кл. *maghana* 'сотни' (ед.ч. *ighana*) в качестве вершины:

i-ghana ji-mweri100 > CL5-сотня CC5-одна

ma-ghana ikenda900 > CL6-сотни девять.

КЧ, обозначающие числа между целыми десятками, образуются прибавлением к названию десятков числительных от 1 до 9 с помощью союза/предлога *na* 'и, с'. КЧ от 1 до 6 оформляются по классу вершины: *βa-ndu ikumi na βa-dādi* 'тринадцать человек' > CL2-люди десять и CC2-три', *βa-ndu ma-ghana ma-na (na) mi-rongo i-sana na βa-dādi* '453 человека' > CL2-люди CL6-сотни CC6-четыре (и) CL4-десятки CC4-пять и CC2-три.

При счете в арифметическом тексте согласуемые КЧ первого десятка оформляются по кл. 9 и 10: *i-mweri* 'раз, 1', *i-βi* '2'.

Значение «порядковости» передается КЧ, когда те занимают позицию КЧ в модели *существительное + коннектор -a + КЧ*. КЧ от 2 до 6 в позиции КЧ субстантивируются, приобретая префикс кл. 12 *ka-*: *m-ndu wa ka-βi* 'второй человек', но *m-ndu wa βunyanya*, 'восьмой человек'. Исключение: числительное *-a imbiri* 'первый' (*imbiri* 'начало') *indo ja imbiri* 'первый раз'.

А.Д. Саватеев
(Институт Африки РАН)
Ал-Хадж Омар и его время

Ал-Хадж Омар ал-Фути – один из наиболее известных мусульманских лидеров Западной Африки XIX в., возглавивший джихад во имя распространения ислама и укрепления веры среди народов региона, создатель исламского государства тукулеров.

Он родился в 1794 г. в скромной семье мусульманского улема из рода *тородо*, известного своей ученостью и высоким происхождением. С детства проявил глубокий интерес к исламским наукам, уже к одиннадцати годам цитировал на память весь Коран, а в пятнадцать – шестнадцать лет превзошел своего отца в познаниях. Затем обучался у известных мусульманских улемов Фута-Торо, Фута-Джаллона, где познакомился с духовно-мистическим учением *тариката* Тиджанийя, возникшего в начале XIX в. в Магрибе, и стал в дальнейшем одним из главных распространителей его учения в Западной Африке. В 1825 г. отправился в хадж к святым местам ислама, где посвятил себя совершенствованию в мистических практиках и учении Тиджанийи и был назначен халифом (заместителем, представителем) этого ордена в Западной Африке. Этот, неформальный, акт давал ему признание в качестве духовного авторитета для всех приверженцев *тариката* в этой части Африки.

На обратном пути посетил халифат Сокото, где изучил теорию и практику *джихада* под руководством Османа дан Фодио. Оно произвело на него столь сильное впечатление, что, вернувшись на родину, в 1852 г. начинает джихад во имя сплочения мусульманской общины и борьбы с неверием. Уверовал в свое пророческое предназначение и, объединив широкий круг приверженцев, совершил несколько удачных походов, обращая в ислам этнические группы, населявшие Мали, Гвинею, восточную часть Сенегала и прилегающие регионы Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара.

Его имя связывают с распространением ислама в зоне Западного Судана не только в качестве религии и веры, но и основ духовной жизни, культуры, понимания мироустройства, осмысления принципов человеческого бытия – справедливости, гуманности, взаимопомощи. Это означало полномасштабное формирование исламской цивилизации, происходившее в дальнейшем в мирных условиях, не путем насилия. О проникновении и укоренении ислама в общество этой части Тропической Африки свидетельствует активное, организованное сопротивление сторонников Ал-Хадж Омара французскому захвату территории, на которой начало складываться государство лидера западноафриканской

ветви Тиджанийи. Формирование нового государства было обусловлено именно цивилизационными факторами, предшествовавшими становлению государства и обеспечивавшими возникновение общих смыслов и принципов бытия для бамбара, малинке и других народов в рамках исламской цивилизационной системы. В значительной степени эти духовно-культурные основания и стали той общей базой, на которой покоится их совместная политическая, социальная, интеллектуальная судьба в XX в. и в наши дни.

Н.В. Сепелева

(Институт Африки РАН, Москва)

Роль ООН в решении гуманитарных проблем Района Великих Озер

Многие страны Африканского континента перешли исторический рубеж XXI в. опустошенными и разоренными в результате гражданских войн и конфликтов. Наряду с такими проблемными странами как Судан, Кот д'Ивуар, Сомали и рядом других, по-прежнему тяжелой остается ситуация в Районе Великих Озер (РВО). Особенно это касается восточных провинций Демократической Республики Конго (ДРК), где не стихают вооруженные столкновения между боевиками конголезского и иностранного происхождения. Драматичность ситуации состоит в том, что помимо военнослужащих в конфликты вовлекается гражданское население, страдающее от насилия и произвола. Населенные пункты, где происходят военные действия, подвергаются грабежу и мародерству, дети и женщины подвергаются сексуальному надругательству, а дома сжигаются иногда вместе с их обитателями. В связи с этим возникает большое число беженцев, а вместе с ними гуманитарные катастрофы.

В Восточной провинции ДРК около 300 тыс. человек по-прежнему остаются в положении перемещенных лиц. Там же в Экваториальной провинции после событий в районе Донго (в конце 2009 г.) до 60 тыс. человек – среди внутренних перемещенных лиц, 114 тыс. пересекли границу в Республику Конго и еще 18 тыс. человек нашли убежище в Центральноафриканской Республике в период с ноября 2009 по февраль 2010 г.

В условиях нестабильной военно-политической обстановки в РВО большую роль играют международные организации и, в первую очередь, миротворческие силы ООН. Несмотря на ограниченный характер ресурсов, имеющихся в их распоряжении, они обеспечивают надежную защиту десятков тысяч гражданских лиц, оказывают гуманитарную помощь и способствуют предотвращению серьезных нарушений прав человека. При отсутствии такой поддержки со стороны «голубых касок»,

как в ДР Конго, так и в РВО в целом, по-прежнему царили бы хаос и произвол.

Г.М.Сидорова
(Институт Африки РАН, Москва)

Геополитическое наследие колониализма и конфликты в Африке
(на примере ДР Конго)

Колониальное наследие является и сегодня предметом споров как западных, так и российских ученых. Одни считают, что колонизаторы сыграли цивилизаторскую миссию в истории африканских народов, другие, наоборот, утверждают, что колониализм пагубно сказался на постколониальном развитии Африки и отбросил далеко назад самобытное развитие ее народов. В статье автор поставил цель – установить взаимосвязь между современными конфликтами на Африканском континенте и колониальным наследием.

На примере Бельгии и Демократической Республики Конго, где на рубеже XX и XXI вв. возник масштабный транснациональный вооруженный конфликт (1998–2003), анализируются исторические этапы взаимодействия двух стран в контексте метрополии и ее колонии. Учитывая тот факт, что бельгийское влияние распространилось на все сферы жизни конголезцев, включая географическое обозначение границ, политическое устройство, этнические взаимоотношения и многое другое, автор использовал термин «геополитическое наследие». Синтетическая дисциплина – геополитика, объединяющая элементы географии, истории, политики, демографии, этнологии и другие знания человечества, как нельзя лучше раскрывает многогранность колониализма, его последствия и влияние на ход современных событий.

Автор приходит к выводу, что политические, этнические и военные конфликты на Африканском континенте в XXI в., имеют прямое отношение к колониальному прошлому, односторонней политике европейских стран, суть которой сводилась к использованию природных и людских ресурсов африканских стран в собственных интересах. Манипулируя лозунгами патернализма, а позднее – взаимовыгодного партнерства, Бельгия, а также ряд других стран, включая Францию, Великобританию, США, во многом способствовали «скатыванию» ДР Конго до предельно кризисного состояния. Практически по всем показателям мирового развития эта богатая природными ресурсами страна занимает одно из последних мест. Голод, нищета, болезни, отсутствие транспортной инфраструктуры и социального обеспечения, тысячи беженцев в результате вооруженных конфликтов – такова сегодняшняя картина Конго со столицей Киншаса.

Т.А. Соколова
(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Маска *ɾàtî* (ньяму) у народов Лесной Гвинеи – бытование, функции, стилистические особенности

Маска *ɾàtî* (ньяму) – наиболее известная культовая маска в Лесной Гвинеи, которая воплощает собой ритуальный институт священного леса под названием Полон (Поро; гвинейский кпелле – *ɾɔ́lɔ́ŋ*). Основная функция этого института – проведение инициаций у мальчиков. С религиозно-символической точки зрения, *ньяму* – это воплощение мужского начала. Хотя согласно традиции, существует две маски *ньяму* – с мужским и женским прообразом, которые наделяются противоположными качествами («мужская» – суровая, жестокая; «женская» – добрая, любящая), отличаются также их функции. «Мужская» маска «пожирает» молодых людей накануне вступления их в священный лес, «женская» – возрождает к жизни. «Мужской» *ньяму* представлен, в свою очередь, двумя масками – *ньяму* красный и *ньяму* черный. Маска *ɾàtî* обладает рядом необходимых атрибутов для проведения процедур инициации. Каждый ее выход сопровождается группа помощников, создающих определенные звуковые эффекты – «голос» маски.

Костюм этих масок (основными компонентами которого являются деревянная маска-личина, колпак, длинная юбка из волокон пальмы рафии, накидка) и присущие ей атрибуты будут описаны на примере масок, находящихся на экспозиции Этнографического музея г. Нзерекоре (Гвинея-Конакри), также будет рассмотрена одна из подобных масок (деревянная личина) с коллекционным № 7400–27, которая представлена в собрании МАЭ РАН. Маска *ɾàtî* в полной мере относится к священным маскам, появление которых определяет наиболее важные моменты в жизни народов Лесной Гвинеи (кпелле, мано, коно).

К.В. Столяров
(ГАУГН, Москва)

Битва за Киншасу – поворотный момент Войны в Демократической Республике Конго 1998–2003 гг.

Сражение имело место в начале (августе – сентябре 1998 г.) «Первой Мировой Африканской Войны». Войска Руанды, Уганды и Бурунди совместно с «проруандийской» группировкой Конголезское объединение за демократию (КОД) начали войну против правительственных сил ДРК. Воспользовавшись тем, что основные силы армии ДРК сражались

на востоке страны, руандийцы захватили несколько транспортных самолетов и пролетев 1500 км, высадились на базе ВВС ДРК в г. Китона в 150 км от Киншасы. Открытие «второго фронта» было полной неожиданностью для правительства ДРК.

Захватив аэродром и получив подкрепления, войска руандийцев и мятежников быстро стали продвигаться к столице ДРК. Лишь военное вмешательство Анголы, Зимбабве и Намибии спасло правительство ДРК от полного краха. Через месяц тяжелых боев союзникам официальной Киншасы удалось окружить противников и уничтожить их.

Битва за Киншасу являлась одним из самых крупных сражений «Войны в Районе Великих Озер». Она положила начало позиционной войне, в которой принимали участие 17 африканских государств и примерно 25 вооруженных конголезских группировок. Война унесла жизни от 3,6¹ до 5,4² миллионов человек.

Ю.Г. Суетина
(ИСАА, Москва)
Пресса на языке хауса

Пресса на языке хауса существует уже давно. Первая газета на хауса «Jakadiya» начала издаваться еще в 1932 г., но просуществовала недолго. С 1936 г. и по настоящее время в Нигерии выходит на хауса газета «Gaskiya ta fi kwabo», которая является старейшей газетой, издаваемой на африканском языке. Помимо Gaskiya на хауса издается еще ряд газет и журналов, а также ведутся теле- и радиопередачи, в том числе и из-за рубежа.

СМИ освещают важнейшие события не только внутренней жизни страны, но и происходящее в мире. Поэтому язык СМИ быстрее, чем язык художественной или научной литературы должен адаптироваться к передаче на хауса новых явлений и предметов.

Важную роль в сегодняшнем языке СМИ на хауса играют неологизмы фразеологического характера. Эти фразеологические единицы (ФЕ) могут быть разделены на именные, занимающие в предложении позицию имени, т.е. позиции субъекта, объекта и именного предиката, глагольные, выполняющие в предложении ту функцию, которую обычно выполняет глагол, и адъективные. По своей структуре эти ФЕ отли-

¹ Declaration de politique general du gouvernement de la RDC aux participants au Dialogue Intercongolais. Bulletin Quotidien. Agence Congolaise presse. № 046 du 11 mars 2002.

² МККК в Демократической Республике Конго:
http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/congo_kinshasa?OpenDocument.

чаются большим разнообразием. Это могут быть и минимальные словосочетания, например *kisan kiyashi* (досл. убийство муравьев) *геноцид*, до целых предложений: *ba ni manda in ba ka gishiri* (досл. дай мне темную соль, чтобы я дал тебе белую) *бартер*.

В докладе будут рассмотрены структурные виды ФЕ в языке СМИ на хауса. Материалом для исследования послужили газетные статьи, а также тексты передач на хауса радиостанций БиБиСи и «Немецкая волна» за период с 2004 по 2010 гг.

И.Н. Топорова

(Институт языкознания РАН, Москва)

Роль и характер лексических соответствий при определении степени близости диалектов нгомбе¹

При анализе языковых проблем народов банту, населяющих внутренние территории, возникают значительные трудности. Это касается многочисленных аспектов, связанных, например, с вопросами миграции, ареальными проблемами, с контактами и, наконец, с такой важной проблемой, как разграничение понятий язык – диалект.

Наглядной иллюстрацией отражения всех этих проблем является язык *нгомбе/лингомбе*, распространенный на территории ДРК. Статус нгомбе (группа нгомбе, блок нгомбе, нгомбе в широком смысле) и его позиция в классификации языков банту до сих пор вызывают многочисленные вопросы. В результате проведенного сопоставительного анализа ряда диалектов нгомбе, хочется надеяться, появится возможность определить точнее степень их близости и наиболее существенные расхождения, что в дальнейшем может служить основой для определения статуса, т.е. идет ли речь о самостоятельном языке или диалекте. При анализе учитываются данные различных лингвистических уровней: фонетики, фонологии, морфонологии, грамматики. В данном случае нас интересуют лексические соответствия между различными диалектами нгомбе. В частности, речь идет, во-первых, о сравнении лексики нгомбе и мабинза и, во-вторых, бендза-Акети и генза. Анализ материала позволил выделить основные варианты соответствий, которые в общих чертах сводятся к следующим: полная идентичность лексем, нахождение лексемы в одном семантическом поле, отнесение лексемы к различным грамматическим категориям (например к имени и глаголу) и некоторые другие.

При этом надо отметить, что не столь многочисленные явные соответствия могут быть дополнены внушительным списком соответствий,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект «Диахронические процессы и генетические отношения» (№ 10-04-00269а).

реализующихся с учетом данных фонологического, просодического и морфологического уровней.

Полученные данные подтверждают высокую степень близости сравниваемых идиомов, что дает возможность считать их диалектами нгомбе, а не самостоятельными языками.

*М.Р. Урб
(ИСАА МГУ, Москва)*

Основные пути формирования заимствованной лексики в языке венда

Проблема функционального развития языков банту в Южно-Африканской Республике является чрезвычайно актуальной. В настоящее время в стране официально объявлено 11 государственных языков. Ситуация осложняется тем, что африканские языки не являются средством общения в масштабе всей страны и не способны обслуживать все сферы коммуникации. В настоящее время в ЮАР существует два коммуникативных средства с четко выраженными областями применения – английский и африкаанс.

Язык венда – один из государственных языков ЮАР, с ограниченным объемом функций и пользующийся определенным официальным статусом в северной части провинции Лимпопо (район Вхембе). Несмотря на то что во всех сферах социально-экономической и культурной жизни страны язык венда используется редко, на венда существует пресса и радиовещание. Уже одно это обстоятельство говорит о функциональных возможностях венда, обладающего определенным лексико-терминологическим запасом.

Формирование новой лексики языка венда происходит прежде всего за счет заимствований из языков с максимальными общественными функциями (английский и африкаанс). Количество заимствованной лексики из других африканских языков (зулу, сото и тсонга) невелико.

В результате длительных контактов с европейцами в венда в значительном объеме встречается заимствованная лексика, заполняющая терминологические лакуны. Началом контактирования венда с европейцами можно считать XVIII в., когда буры стали заселять территорию венда. Языковые контакты носили регулярный характер. С середины XIX в. венда начинает испытывать воздействие английского языка.

Из африкаанс заимствовано больше всего бытовой лексики, а из английского – лексики, связанной с производством, техникой, транспортом, медициной, образованием: bada «дорога» (< pad африкаанс); bogoho «мост» (< brug африкаанс); livhengeli «магазин» (< winkel африкаанс); burasi «ферма» (< plaas африкаанс); fasitere «окно» (< venster африкаанс); bisimusi «бизнес» (< business англ.); danamaithi «динамит» (<

dynamite англ.); thitshere «учитель» (< teacher англ.); themometha «термометр» (< thermometer англ.); awaga «час» (< hour англ.).

Все лексические единицы, которые попали в язык венда из языков английского и африкаанс, подверглись значительному фонетическому и морфологическому изменению.

Основными классами-поглотителями заимствований выступают 5 класс с префиксом единственного числа li- и 9 класс с префиксом единственного числа n-. Некоторые заимствованные лексемы попадают в 7 класс с префиксом единственного числа tshi- и 11 класс с префиксом единственного числа lu-.

При грамматическом оформлении заимствований нередки случаи, когда начальная часть заимствуемого слова воспринимается как префикс того или иного класса, то есть сама фонетическая форма исходного слова может определить его включение в тот или иной класс. Например, класс 1 с префиксом единственного числа mu-: африкаанс meneer «господин» > munigi; англ. mashine «машина» > mutshini.

Несмотря на достаточное количество заимствований из африкаанс и английского языка, язык венда остается языком внутриэтнического общения, имеющим статус регионального, а не официального языка. Можно предположить, что и в дальнейшем пополнение лексики языка венда будет происходить в большей степени за счет заимствований из английского языка и в меньшей степени они будут поступать из языка африкаанс. Сокращение заимствований из африкаанс во многом связано с изменением фактического статуса языка в ЮАР.

М.Л. Федотов
(ФФ СПбГУ)

Чередование начальных согласных в языках самого́

Языки самого́ (западная ветвь манде; > 118 тыс. говорящих): банка́, дуун, джо(вулу́), кпеен, сеен(ку́) (= сембла), дзуун, (кпан).

По крайней мере в некоторых из самого́ существуют морфонологические чередования начальных согласных – подобные тем, что имеются во всех юго-западных манде, а также в языках некоторых других подгрупп семьи.

1. Наиболее ярко явление представлено в джовулу́. Ниже приведен полный список чередований (для согласных, помеченных вопросом, примеров в источниках¹ не нашлось):

¹ При анализе чередований в джовулу́ использовались источники: *Robert Carlson. A sketch of Jo: a Mande language with a feminine pronoun // Mandekan, 1993. № 25. 109 p.; Mama Djilla, Bart Eenkhoorn, Jacqueline Eenkhoorn-Pilon.*

f → v	b → m ~ mb	p → mp
f ⁱ → v ⁱ	b ⁱ → mb ⁱ	p ⁱ → mp ⁱ
s → z	b ^v → mb ^v	p ^f → (?)
ʃ → ʒ	d → n ~ nd	t → nt
r → n	g → ŋ ~ ŋg	k → ŋk ~ ŋg / ŋ
l → nl ~ ll	g ^v → (?)	k ^f → ŋk ^f ~ ŋg ^v
j → ɲ	gb → ŋm ~ ŋgb	kp → ŋkp ~ ŋgb
w → ŋ	ʃ → ɲ	tʃ → ɲtʃ ~ ntʃ
	ɕ → ɲɕ ~ nɕ	

1.1. Чередование согласных в джовулу провоцируется в первую очередь наличием в левом контексте определенных именных основ (такие основы составляют около пятой части всей именной лексики). При этом, согласно Роберту Карлсону¹, чередование на границе словоформ происходит только тогда, когда они непосредственно *синтаксически связаны*.

1.2. В чередовании последующего согласного и ультранизком тоне первого слога слова может выражаться семантика неличного (non-human) местоимения третьего лица единственного числа²:

wá-á	ʒì.
3SG_M-FUT	3SG_N:брать

‘Он возьмёт это’ (*fì* ‘нести, брать’).

2. В дзуун³ чередование согласных обусловлено морфонологическим левым контекстом – его вызывает около трети всех зафиксированных основ (принадлежащих к самым разным частям речи). Происходит чередование только на границе основы и словоизменительного суффик-

Phonologie du jòwulu («samogho»): langue mandé du Mali et du Burkina Faso. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2004. 149 p.

¹ Robert Carlson. A sketch of Jò. P. 7.

² Возможно, сегментная составляющая местоимения все же сохраняется: в отличие от Robert Carlson. A sketch of Jò, в *Mama Djilla et al.* Phonologie du jòwulu при беглом разборе этого явления говорится только о «преназализации» любого первого согласного в слове, включая фрикативные – приводится предложение *ʒʒì* ‘возьми это’ (от глагола *fì* ‘нести, брать’; ожидаемая форма: *ʒì*).

В более подробном описании Карлсона, напротив, говорится о таких же чередованиях, как те, что происходят после именных основ; находим мы там и вышеупомянутую форму *ʒì* (см. пример в основном тексте). Об аналогичных чередованиях (а не преназализации) в том же контексте говорится и в раннем описании джовулу Андре Проста (*A. Prost. Quelques notes sur le Don (Samogho) // Bulletin de l'I.F.A.N. 1958. T. XX. Sér. B. № 3–4. P. 612–623*).

³ Источником сведений послужил труд: *Paul Solomiac. Phonologie et morphosyntaxe du dzùungoo de Samogohiri / Thèse de Doctorat. Université Lumière Lyon 2, 2007. 606 p.*

са или на границе двух корней в сложном слове. Сводится оно, по сути, к мене /r/ → /n/ и к «преназализации» (появлению коартикулированного носового) взрывных. Остальные согласные, включая фрикативные, в чередованиях не участвуют.

3. Явления, подобные описанным, фиксируются, как кажется, также в материалах по языкам сеенку¹, дуун² и кпеен³.

В отношении лексики, вызывающей чередования, между разными языками обнаруживаются многочисленные параллели.

В.Р. Филиппов

(Институт Африки РАН, Москва)

Терминологический континуум в трудах Д. Ольдерогге

Терминологический континуум трудов Д. Ольдерогге мало отличается от общепринятого в то время, но его *содержательное наполнение* свидетельствует о том, что он не был апологетом ни «сталинской теории нации», ни «советской теории этноса». Термины «род», «племя», «народность», «народ», «нация» употреблялись им *произвольно и вне контекста теории о смене общественно-экономических формаций*. «Племя» и «народ» часто используются как синонимы, причем уже применительно к людским множествам *четвертого тысячелетия до н. э.* Отличие первого от второго сводится к численности социума. В одних случаях термин «народ» описывает *социолингвистические* группы, в других – *культурные*, в третьих – *потестарные* и проч.

Д. Ольдерогге оппонирует И. Сталину, утверждая, что племена являются столь же сложной по своему характеру общественной категорией, что и другие «исторические» объединения.

Отличны от общепринятых и трактовки таких понятий, как «этнос», «этническая общность», «этноним». Есть основания думать, что ученый склонялся скорее к *биосоциальным* концепциям С. Широкогорова и Л. Гумилева, нежели к *социологизаторским* конструкциям Ю. Бромлея и его единомышленников. При этом он не солидаризировался ни с одним из известных определений понятия «этнос».

¹ *André Prost. Éléments de sembla : Phonologie – Grammaire – Lexique (Haute Volta : groupe mandé) // Afrique et Langage / Document № 5. Lyon, 1971. 160 p.*

² *Holger Tröbs. Duun // H. Tröbs, E. Rothmaler, Kerstin Winkelmann (eds.). La qualification dans les langues africaines. Qualification in African languages. Köln: Köppe, 2008. P. 71–86.*

³ *Jürgen Zwernemann. Documents kpeego // Cahiers Voltaïques / Gur Papers. 1996. V. I. P. 147–164.*

Сам Д. Ольдерогге не предложил корректного определения понятия «этнос», но для него «этничность» более всего была связана с «*кровью*» и «*почвой*». Поэтому в качестве «этнических» в его трудах выступают, прежде всего, родоплеменные сообщества. Он возражал против наименования языковых карт этническими, считал ошибочным представление об этнонимах как об устойчивом признаке «этноса», не считал культуру самой очевидной характеристикой «этнической общности».

Критическое отношение к господствовавшим идеологизированным доктринам – сильная сторона трудов Д. Ольдерогге. Но отказ от общепринятой догмы не стал, к сожалению, поводом для конструирования его собственного теоретико-методологического кредо.

М.Л. Хачатурьян

(Институт языкознания РАН, Москва; INALCO – LLACAN, Paris)

***Выражение множественного числа в южных языках манде
в типологической перспективе***

В данном докладе будет рассмотрена проблема выражения множественного числа в нескольких языках южной группы манде, а именно в мано, дан и бен. Оно имеет ряд особенностей, которые есть смысл рассматривать в типологическом контексте. В качестве такого контекста мы будем использовать фундаментальную работу Г. Корбетта [Corbett, 2000].

1. Множественное число в этих языках выражается факультативно, и именная группа без показателей множественного числа в определенных случаях может быть интерпретирована как сингулярная или как плюральная. Для таких языков Корбетт применяет понятие «общее число» (general number). Таким образом, следует говорить не о противопоставлении единственного и множественного числа, а о противопоставлении единственного/общего и множественного числа.

2. Множественное число в именных группах может выражаться, помимо числительных, с помощью следующих средств:

а) показатель множественного числа, оформляющий именную группу;

б) нерегулярная форма (фиксируется у нескольких существительных);

в) редупликация прилагательного;

г) редупликация глагола.

В большинстве случаев множественное число маркируется специальным показателем, который, как правило, замыкает ИГ. Такие показатели Корбетт называет number words.

Нерегулярную форму чаще всего имеют существительные, обозначающие лиц. Этот факт, а также то, что местоимения и местоименно-предикативные показатели также имеют категорию числа, согласуется с Иерархией одушевленности, согласно которой чем выше элемент в иерархии, тем больше у него шансов иметь различные формы, противопоставленные по числу.

говорящий > адресат > 3-е лицо > термины родства > лица > животные > предметы

Однако при этом термины родства, как правило, нерегулярных форм не имеют. Единственное исключение из этой тенденции, а именно слово "вещь" в ману, может быть объяснено его частотностью.

Наиболее примечательным является выражение числа ИГ с помощью редупликации прилагательного. Причем речь идет не о согласовании прилагательного с существительным по числу, а о независимом выражении множественного числа, это подтверждается тем, что редупликация способна служить единственным носителем информации о числе внутри ИГ. Это явление достаточно редко и засвидетельствовано лишь в некоторых языках Западной Африки.

Еще одной любопытной особенностью является то, что в ману способы образования мн.ч. а), б) и в) могут использоваться одновременно (в дан, например, только а) и в), [Vydrine 2004]), и допустимы всевозможные их комбинации. Таким образом, в одной ИГ может существовать до трех гетерогенных показателей числа, что также представляет интерес с точки зрения типологии.

Глагольная редупликация в бен функционирует как смысловое согласование по числу (в том смысле, что множественное число в самой ИГ может не обозначаться) по эргативной модели: глагол согласуется с субъектом непереходного и объектом переходного глагола. В целом такое поведение глаголов укладывается в типологию глагольной редупликации.

Кроме того, необходимо отметить, что в ману фиксируются колебания в числовом согласовании субъектной ИГ с местоименно-предикативным показателем. Как правило, эти колебания возникают в том случае, если субъектом является неодушевленное существительное, что также согласуется с Иерархией одушевленности.

А.Б. Шлуинский
(Институт языкознания РАН, Москва)
Битранзитивные глаголы в языках ква:
опыт предварительной внутригенетической типологии

Предметом настоящего сообщения являются битранзитивные глаголы в языках ква – глаголы, имеющие по три ядерных актанта, два из которых являются дополнениями.

Битранзитивные глаголы, будучи и в целом сравнительно небольшой частью глагольной лексики, в языках ква занимают особенно маргинальное положение в связи с тем, что сложные ситуации, задействующие более трех и более участников, чаще описываются при помощи сериальных конструкций, преимущественно – с частичной грамматикализацией глаголов со значением ‘дать’, реже – других битранзитивных глаголов. Так, в языке эве представлены три самостоятельных битранзитивных глагольных лексемы *na* ‘давать’, *fi* ‘показывать’ и *bia* ‘спрашивать/просить’, в акан – около десяти. Интересно, что для части глаголов в рассматриваемых языках обнаруживаются колебания носителей в оценке приемлемости битранзитивной конструкции – ярче всего этот факт был показан в литературе для глагола *su* ‘платить’ в языке фон.

Одновременно с этим обнаруживается и высокий уровень вариативности статуса двух объектных именных групп при имеющихся битранзитивных глаголах с точки зрения различных параметров синтаксического приоритета, как то:

а) линейный порядок объектных именных групп; б) способность объектной именной группы к выражению личным местоимением 3 лица; в) способность объектной именной группы к образованию относительного предложения; г) использование резюмтивного местоимения при выносе именной группы в вопрос; д) участие объектной именной группы в объектной инверсии при глагольных формах, требующих нестандартного порядка слов; е) ограничения на определенность/неопределенность объектной именной группы; ж) способность объектной именной группы к употреблению в фокусной конструкции; з) ограничения на анафорические отношения между объектными именными группами.

Так, если в акан реципиентная объектная именная группа последовательно имеет приоритет над пациентивной/ тематической, то в эве разные параметры дают различные результаты.

В докладе будут представлены результаты предварительного сопоставления лексического состава битранзитивных глаголов и синтаксической организации их объектов, основанного на сопоставлении имеющихся в литературе данных.

Herman Bell
(University of Exeter, UK)
An Assessment of Revitalization Strategies
for Nubian Languages and Culture

Professor Dmitri A. Olderogge was greatly concerned with supporting the languages, art and literature of Africa¹. His contributions on African languages and art included an early study of the Nubian languages of Egypt and the Sudan².

In 1960 Professor Olderogge played a creative role in the XXVth International Congress of Orientalists in Moscow. He was helping to lay the foundations for the First International Congress of Africanists in Ghana two years later.

My project deals with strategies for the revitalization of Nubian languages and culture. Nubian languages are recognised as endangered. How effective are the procedures for keeping them alive?

This presentation will be limited to three strategies, (1) recognising minority languages as equal to majority languages, (2) applying the distinctive Nubian alphabet of mediaeval times to modern situations and (3) promoting traditional songs and poetry and adapting them to present-day circumstances.

(1) *Equality of Minority Languages*. In the late 1970s I conducted a comparative study of the Sudan and the Soviet Union at the University of Khartoum³ with a focus on their numerous languages and their language policies⁴. Arabic was and still is the official language of the Sudan. By contrast, Lenin had declared that the Soviet Union would have 130 ‘national languages’. It may be no coincidence that the Naivasha peace agreement of 2005⁵ referred to all ‘indigenous languages’ of the Sudan as ‘national languages’.

¹ Ольдерогге Д.А. Современное состояние и проблемы изучения языков Африки. *Вопросы языкознания*, 1961. № 4. Москва. [D.A. Olderogge. The Contemporary Situation and the Problems of Studying African Languages. *The Questions of Linguistics*, 1961, № 4. Moscow.]

² Ольдерогге Д.А. О некоторых египто-нубийско словах. Сборник Египтологического Кружка при Леиинградском Государственном Университете, Number 1, 1929. P. 13–14. [On Some Egypto-Nubian Words. Publications de la Société Égyptologique à l’Université de l’État de Leningrad].

³ Bell, Herman. 1995. Incompatible Perspectives on Languages of the Sudan. *Newsletter* [now *Language & History*] of the Henry Sweet Society for the History of Linguistic Ideas, vol. 25, p. 2–4.

⁴ Isayev, M. I. 1977. *National Languages in the USSR: Problems and Solutions*. Moscow: Progress Publications.

⁵ CPA 2005.- The Comprehensive Peace Agreement, clause 2.8.6.

A widespread term for such languages is ‘minority languages’. In the Sudanese context ‘minority languages’ (*al-lughāt al-aqalliyyāt*) can be construed as pejorative. It is not ideal in situations calling for greater respect.

(2) *A Distinctive Script from Mediaeval Times*. A World Heritage Alphabet:

The Role of Old Nubian in the Revitalization of the Modern Nubian Languages.

Like Cyrillic, the Old Nubian script is derived from Greek. It also admitted several characters from the ancient Meroitic script of northeastern Africa. Old Nubian is attested from the 8th century AD within a century of the earliest written English, and arguably even before written French and written German. Old Nubian was eclipsed in the 15th century and rediscovered in the 19th. It is now claimed to be well suited for representing several of the modern Nubian languages.

The nearly extinct Birgid Nubian language of Darfur was transcribed by the author in 1974.¹ This language can readily be written in Old Nubian characters.

amá múrgí-gé ñáalaaté — ‘I know Birgid [language]’ —
ΔΜΔ ΜΟΥΡΓΙ-ΓΕ ΦΑΛΛΑΤΕ

anjál — ‘elephant’ — ΔΦΔΛ

segelá iwirtá — ‘the sacred tree is a tabaldi [baobab] tree’ — ΣΕΓΕΛΔ ΙΪΡΤΔ

Three characters from Meroitic are useful here: 𐍑 /ŋ/, 𐍑 /ñ/ and 𐍑 /w/.

Can the Old Nubian alphabet contribute to the revitalization process for modern Nubian? This was the intention of the late Mukhtār Khalīl Kabbāra when he published his extensive dictionary of the modern Nobiin language in Old Nubian script². His work has been continued by Muḥammad Jalāl Hāshim and Ḥusain M. Kabbāra³. The potential application of Old Nubian script to road signs has recently been illustrated⁴.

Text: <http://www.aec-sudan.org/docs/cpa/cpa-en.pdf> (Accessed 25 March 2011).

¹ Bell, Herman. 2006. Recording a Nearly Extinct Language. In Abu-Manga, Al-Amin, Leoma Gilley, Anne Storch (eds): *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Cologne: Rüdiger Köppe, 75–83.

² Kabbāra, Mukhtār M. Khalīl. 1996. *Wörterbuch der nubischen Sprache (Fadidja/Mahas-Dialekt)*. Warsaw: Raven [Nubica].

³ Hāshim, M. J. 2008. *Nubian Orthography*. Cairo: The Nubian Studies and Documentation Centre, Also: Hāshim, M. J. & H. M. Kabbāra. 2008. *Iqra’ bi’-l-lugha al-nūbiyya*. Cairo: The Nubian Studies and Documentation Centre.

⁴ Bell, Herman. 2009. *Paradise Lost: Nubia before the 1964 Hijra*. Khartoum: DAL Group. ISBN 978-99942-902-1-5, p. 278–279. Also: Bell, Herman and Hafīm Šabbār. 2011. Nubian Geographical Names on Both Sides of an International Border. In Peter Jordan, Hubert Bergmann, Caroline Burgess, Catherine Cheetham (eds). 2011. *Trends*

(3) *The Role of Songs and Poetry*. Nubian songs and poetry have a major role to play in revitalization. They are widely appreciated in the main urban centres of Egypt and the Sudan, and also in the Nubian diaspora in the Middle East, Europe and America.

This strategy calls for an imaginative approach using the media with flexibility¹. Particular attention will be devoted to language games.

The venue of St. Petersburg encourages a fresh consideration of the experience of scholars such as Professor Olderogge as well as scholars of the present who have been involved with initiatives to sustain languages and cultures².

Olga Ivanova
(University of California, Los Angeles)
Coordinated Use of Reported Speech and Directives
for Conveying of Social Normativity in Swahili Discourse

The present paper explores the correlation between unframed quotations and directives in Swahili discourse. The analysis shows that by directives operating on unframed quotations the speaker (AUT in the following example) is able to explain his interpretation of *adabu*, a Swahili/Islamic code of conduct. The speaker uses reported speech (RS in the following example) to provide context and moral groundings for his directives.

I will argue that unframed quotations, namely the reported speech introduced without lamination verbs (*said, thought* etc.) or conjunctions (*that*), mark the situation described within them as a generalized event within this particular culture. Such instances of reported speech differ from the «prototypical quotations» described by Clark & Gerrig as a report of a past speech

in Exonym Use. Proceedings of the 10th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting Tainach, 28–30 April 2010. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, p. 295–311. See <http://www.verlagdrkovac.de/978-3-8300-5656-0.htm>.

¹ Šabbār, Halīm 2011. The Toponymy of Ishkeed and the Revitalisation of an Endangered Nubian Language. In Peter Jordan, Hubert Bergmann, Caroline Burgess, Catherine Cheetham (eds). 2011. *Trends in Exonym Use. Proceedings of the 10th UNGEGN Working Group on Exonyms Meeting Tainach, 28–30 April 2010.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač, p. 313–317. See <http://www.verlagdrkovac.de/978-3-8300-5656-0.htm>.

² Radnaeva, Ljubov. Language Policy, Endangered Languages Research and Teaching Experience in the Russian Federation 2008. In de Graaf, Tjeerd, N. Ostler, & R. Salverda. 2008. *Endangered Languages and Language Learning. Proceedings of the Conference FEL XII.* Bath & Ljouwert/Leeuwarden: Foundation for Endangered Languages, Fryske Akademy & Mercaor European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, p. 131–134.

event in terms of delivery, language, and linguistics acts (1990: 775). They refer to no real event in the past and can be described as imagined dialogues belonging to the domain of «creative» use of reflexive language (Lucy 1993: 29). The «turn-taking» occurring within the imagined dialogues conveys the author's assumption of cultural values connected with interactional patterns in particular settings, such as the sitting area outside traditional Swahili homes or the living room, both contrasted with *ndani* 'the interior'. The directives operate as commentaries on reported speech and represent (the speaker's idea of) social normativity. The use of 2nd person pronouns in the description of the setting, within reported speech and in directives imposes the speaker's opinion on the hearers.

With no explicit verbal boundaries framing reported speech, intonational patterns and embodiment play a crucial role for the understanding of turn-taking between commentary and reported speech. In this way the creative use of reflexive language by the speaker molds social and cultural conventions.

References:

Clark, Herbert H. and Richard J. Gerrig 1990. Quotations as Demonstrations. *Language*. 66 (4): 764–805.

Lucy, John A., 1993. Reflexive language and the human disciplines. *In: Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. J.A. Lucy ed. Pp. 9–32. Cambridge: Cambridge University Press.

**АРХАИКА КАК ИСТОЧНИК
СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ И
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ СИНКРЕТИЗМ
(ПАМЯТИ В.Р.АРСЕНЬЕВА)**

М.Ф. Альбедиль

(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Мифологическое в современной культуре

В архаический период прочным мировоззренческим фундаментом служила мифология, внутренне целостная и единая. Это было обусловлено тем обстоятельством, что сущность мифотворчества связана с глубинными закономерностями деятельности нашего сознания, прежде всего, с его фундаментальной когнитивной способностью. Миф тогда означал прямо противоположное тому, что теперь подразумеваем мы, то есть не вымысел и не фантазию, а наоборот, подлинное, реальное событие. Архаика, таким образом, в ее отношении к мифологии представляла собой совсем другую ментальную стадию, нежели наша.

Изложенная в мифах священная история, первособытия и перводела служили людям образцовыми моделями в их ритуальной и повседневной жизни. Мифы приобщали людей к опыту священного знания и придавали человеческой жизни необходимую онтологическую прочность, благодаря чему человеческая жизнь приобретала иное, сакральное измерение и экзистенциальную окраску, сохраненные позже религиями.

В историческое время возобладала тенденция к демифологизации культуры, но несмотря на это, многие ее пласты не могут быть полностью объяснены и исчерпаны рациональными конструкциями, за пределами которых постоянно воспроизводится мифопоэтическая образность. Миф как особый способ мировосприятия был и остается действенным фактором, проявляющимся в разных сферах современной культуры. Неслучайно возвращение мифа называли одной из самых характерных черт культуры минувшего XX в., под этим же знаком начался и век нынешний. В литературе, кино и других сферах массовой культуры часто появляются мифологические и мифоподобные сюжеты. Язык как верный индикатор происходящего в жизни отражает эти явления. Само слово «миф» стало расхожим; вошли в оборот мифы национальные, политические, художественные, биографические и т.п. Таким образом, мифология – это не археология нашего сознания, как, может быть, нам хотелось бы считать с высоты XXI в., а скорее затаившаяся в нас актуальная действительность, которая воспроизводится в разных проявлениях культуры.

*Н.А. Добронравин
(ФМО СПбГУ)*

*Издание африканских и афро-американских рукописей аджами:
проблемы методологии*

Отечественную африканистику часто именуют молодой наукой (или комплексом наук). В действительности, проблемы российской африканистики связаны не с ее «молодостью», а с неоднократно прерывавшимся развитием многих направлений исследования Африки.

Так, например, после первых публикаций начала 1960-х гг. надолго прервалось издание рукописей аджами. Каталогизированные рукописи (например в собрании Н.С. Гумилева) не исследовались. Издание текстов аджами в России возобновилось в 1990-х гг. К этому времени в зарубежной африканистике стали нормой специализированные публикации, например выполненные историками и для историков. Каталогизация рукописей показала, как велик корпус письменных памятников исламской Африки и как плохо они изучены. Сегодня, когда традиционная мусульманская культура вытесняется «чистым» исламом, для изучения тысяч рукописей не хватает специалистов, в том числе религиоведов и лингвистов.

В отечественных изданиях текстов аджами преобладает «комплексный» подход, который не может одновременно удовлетворить, к примеру, лингвистов и историков. Если для лингвиста важны нормы записи в арабской графике тонов хауса, то для изучения истории Феззана знание этих норм иррелевантно.

В качестве иллюстрации можно привести багамскую рукопись начала XIX в. В ней представлены тексты на арабском языке, в том числе фонетизированные, на языке сонинке, а также магическая псевдографика. Фонетизированные арабские тексты требуют знания особенностей фонологии языков Западной Африки, понимание текстов на сонинке предполагает знакомство с языками манде, а псевдографика вообще не читается (с лингвистической точки зрения). Предварительное изучение рукописи требует обращения к данным разных отраслей научного знания. Однако «комплексное» издание памятника исламской словесности Багамских островов было бы громоздким, отчасти дилетантским и едва ли целесообразным.

В.В. Иванова
(МАЭ РАН (Кунсткамера))
«Спелое яблоко»

(идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм)

Миф о золотом веке актуализируется, как правило, в периоды идентификационного кризиса, когда неприятие существующего провоцирует идеализацию давно минувшего или обращение к воображаемому прошлому. Для Турецкой Республики, возникшей на обломках Османской империи, вопрос идентичности всегда стоял особенно остро. Выбранный Кемалем Ататюрком идеологической осью нового государства турецкий национализм снова конкурирует сегодня с пантюркизмом, возникшим незадолго до него.

Образное воплощение пантюркизм нашел в значимом для всех тюрков символе красного или золотого яблока (по аналогии с заходящим солнцем), которое еще со времен древних тюрков виделось сулящей скорую победу добычей, скрывающейся за горизонтом. Красным яблоком представлялись то золотое навершие шатра хазарского кагана, то позолоченная держава в руке статуи Юстиниана в Константинополе, то окрашиваемые закатом купола Святой Софии, мечети ал-Акса, Буды, Вены и, наконец, Рима.

Этот образ вдохновил идеолога пантюркизма З. Гекальпа написать программное стихотворение «Красное яблоко» (1913), в котором популярная на тот момент идея освоения и присвоения последних достижений западной цивилизации соседствовала с мыслью об их применении для объединения всех тюркских племен под руководством османских турок. Идея была поддержана О. Сейфедином, в своем рассказе «Где красное яблоко?» (1917) показавшим истинно народный характер идеала красного яблока, объединяющего солдат и простой народ с султаном под властью Аллаха.

Турецкий национализм на долгое время вытеснил красное яблоко, позволив, однако, идеям пантюркизма латентно присутствовать в турецком обществе. Однако разочарование в прозападном векторе развития страны и поиск новой объединяющей модели в конце XX – начале XXI вв., а также распад Советского Союза породили новый всплеск популярности красного яблока. И вновь красному яблоку, объединяющему тюрков, посвящают свои произведения поэты: М. Яш (1996), Б. Туран (2003), У. Назым (2003), П. Дириджан (2004), О. Нар (2005), Н. Ч. Хаджьюмерли (2006), М. Б. Динчаслан (2007), Н. Йилдыз (2008), Ф. Авджи (2008), Д. Одабаси (2008), А. Кылынчлы (2009), Т. Ата (2009), А. Вурал (2009), Ю. Туна (2010).

А.Ю. Москвитина
(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Синкретизм идентичности исследователя в трудах В.Р. Арсеньева

В работе этнографа умение выйти из контакта с полем не менее важно, чем войти в контакт. А порой и более сложно. Этнографическая монография – и есть такой выход из контакта. Право исследователя говорить и делать выводы о культуре народа дается как от имени науки, так и от лица самой культуры. Первое и второе часто оказываются в конфликте и заставляют делать выборы, реверансы, оговорки, умолчания в пользу или во вред той или иной стороне.

В этнографии мы часто видим смещение привычной схемы «субъект – объект – адресат». Можно ли однозначно сказать, кто является адресатом этнографической монографии? «Выход из контакта» происходит в соответствии с законами и этикетом среды. А оценивать труд будет интеллектуальная общественность и «широкие круги читателей» – по законам господствующей научной традиции. Именно им и их критике он предназначен. разве что в виде редкого исключения прочтут о самих себе написанную русскоязычную монографию носители обозначенной в заглавии культуры, которые, однако, вряд ли дадут свой ответ на нее. Ибо ответ текстом на текст, трактатом на трактат, книгой на книгу – прием концептуального общения европейской и, в определенном смысле, восточной цивилизации. Эта форма реакции, перейдя из количества в качество, положила начало книгописанию и оправдала его как способ полноценного, хотя и опосредованного общения. Она во многом оказывается исчерпанной в сегодняшней гуманитарной науке, больше склонной «архивировать» тексты, чем непосредственно реагировать на их содержание. Но даже когда породившие книгу идеи и образы воздействуют на умы и получают равный по масштабу и напряжению отклик от научной аудитории, остается открытым вопрос о том, есть ли возможность для ответа и, более того, потребность в нем, у самого «объекта» исследования. Представителям традиционных обществ чужд жанр научной дискуссии и в общем-то все равно, что там о них напишет исследователь. Однако то обстоятельство, что связь научного субъекта и объекта этнографии формально выходит практически односторонней, не должно «развязывать руки» исследователю, напротив, оно накладывает на автора дополнительную этическую ответственность. Этнографическая монография не может быть лишь фактом науки, не будучи при этом посвящением народу, и обращением к нему в ответ на раскрытие основ и тайн его культуры перед *чужим*, которому позволяют увидеть их и запечатлеть их образ. Восстановление через книгу целостности мира, «космоса» изучаемого народа есть упорядочение

полученного знания, которое в хаотичном и пассивном состоянии может обратиться во вред его обладателю. В идеале такое знание должно преподноситься в живом и целостном опыте письма, минующего лишние и насильственные классификации, категоризации и др. деформирующие живую ткань культуры аналитические методы работы, свойственные научному знанию инородной цивилизации. К такому идеалу научного творчества стремился в своей деятельности В.Р. Арсеньев. Полученное в опыте общения с народом и культурой знание предстает перед сознанием автора как сюжет, развивающийся с его участием, как опыт «скользящего по поверхности взаимодействия», связанного одновременно с «вчувствованием» в чужую среду (вплоть до спонтанного участия в ее жизни) и с непредвзятым сторонним созерцанием.

«Всем бамбара – один из них» – делает посвящение В.Р. Арсеньев в одной из своих монографий. Максима, высказанная им в этой краткой реплике, исполняется по возможности неформально, подчас выходя за рамки господствующей научной традиции, что-то намеренно оставляя недосказанным. В другом бы случае *выход* из «контакта с полем» не состоялся, но ведь тогда, возможно, несостоятельным был бы и сам *выход*...

В.Н. Семенова
(МАЭ РАН (Кунсткамера))
Туристическая картина в Эфиопии
как способ идентификации традиционной культуры

Становление туристического рынка Эфиопии тесно связано с периодом правления императора Менелика II, установившего к началу XX в. дипломатические отношения со многими европейскими государствами. По образному содержанию и стилю туристическую картину можно назвать этнографической картиной. Характерной чертой такого изображения является ее «эфиопизация». Картина, содержащая в образе знаки, символы, предметы традиционной культуры, часто становится своего рода этническим символом, призванным подчеркнуть культурную идентичность. Насыщение изображения реалиями из эфиопской культуры и быта приводит к его этнографичности, что и позволяет выделить этнографическую картину как явление и как термин.

Приобретение предметом статуса этнического или национального символа связано с вопросами этнической идентичности, культурной и социальной адаптации.

В качестве примера можно назвать кувшин *aflala* – традиционный атрибут хараритянок. Сейчас этот предмет приобрел статус символа народа харари и города Харар. Памятник кувшину *aflala* стоит

в центре города у входа в старый город, обнесенный стеной в середине XIV в. По-видимому, статус «этнического символа» этот предмет получил вследствие вторжения инокультуры (сначала амхарской, потом европейской).

Преломление европейской культуры в рамках традиционной африканской стало одним из главных моментов, волновавших В.Р. Арсеньева. Поэтому в коллекциях В.Р. Арсеньева можно видеть предметы современной культуры, выражающие идею определения африканцами своей собственной традиции.

Х.М. Турьинская

(Института этнологии и антропологии РАН, Москва)

*К атрибуции этнографических предметов из камерунского собрания
МАЭ РАН*

Атрибуция музейных предметов – неотъемлемая и важная часть научной работы с коллекциями, открывающая новые возможности для изучения культуры. В докладе рассматриваются вопросы атрибуции этнографических памятников из камерунского собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

В составе африканских коллекций музея собрание по этнографии и искусству народов Камеруна является одним из наиболее крупных и представительных, имеющих большую научную и художественную ценность. Необходимо продолжать работу по изучению истории коллекций и атрибуции музейных предметов из камерунского собрания МАЭ, которая велась отечественными африканистами-музееведами (см., например, иллюстрированное издание 1969 г. по материалам африканских коллекций МАЭ «Afrikanische Kunst» с текстами Д.А. Ольдерогге). Это связано с тем, что в некоторых коллекционных описях не всегда имеются указания на регион, группу народов или народ, к культуре которого относится изучаемый музейный предмет, и по документации известна лишь страна происхождения предмета.

Весьма перспективна работа по выявлению, определению и уточнению локальной и этнокультурной принадлежности музейных памятников из северо-западного Камеруна, где исследователи выделяют регион Грасланд в качестве историко-культурной области и ареала традиционной художественной культуры, искусство которого представляет известное стилевое единство. Автор доклада предпринимает попытку атрибуции серии престижных сидений из камерунского собрания МАЭ. Исследование этих предметов позволяет отнести их к образцам придворного искусства, характерным для северо-западного Камеруна.

Доклад посвящается памяти Владимира Романовича Арсеньева – замечательного африканиста-ученого, полевика, музееведа, собирателя, знатока музейных и частных собраний по этнографии и искусству Африки, увлеченного человека, делившегося с коллегами своими впечатлениями и знаниями об Африке, помогавшего постигать культуру африканцев.

Е.Н. Успенская
(МАЭ (Кунсткамера) РАН)

Кастовый строй индийского общества: вневременная архаика

Кастовый строй формировался и воспроизводится под влиянием брахманизма-индуизма, этические императивы которого объективно направлены на консервацию и воспроизводство архетипических форм социального взаимодействия и общественного сознания. Сегменты кастового общества ограничивают свои контакты с «посторонними», и общение между ними регламентировано изоляционистскими предписаниями и табу. Брачно-родственные связи традиционного типа формируют максимальную категорию общинно-клановой структуры *джати*. *Джати* типологически аналогична племени и обладает этнической и социальной ипостасями. Разнообразие статусно ранжированных *джати* представляет собой «кастовое общество» (традиционную организацию *джати*).

Характерная для организации *джати* модель воспроизводства развилась из архаического представления о том, что лишь замкнутый коллектив фактических и потенциальных родственников (объединение клановых общин *джати*) может рассчитывать на то, чтобы разделить «общую судьбу», т.е. единый образ жизни и способ добывания средств существования, и эти основы жизни с посторонними не делят, соблюдая эндогамию. В индийских условиях относительная закрытость и капсуляция социальных групп имеет определенные преимущества, а кастовые предписания и табу выглядят органичными для условий южноазиатского ареала. В организации *джати* осуществляется виртуозная ограничительно-распределительная регламентация в общественном разделении труда, в доступе к природным ресурсам и ценностям культуры, сопровождаемая адресными религиозными наставлениями отдельным *джати* и кланам, в которых детально фиксированы их права и обязанности. Первобытная модель распределения ресурсов и структурирования социальных связей в своей развитой до логического предела форме становится кастовой моделью. Устойчивость кастовой организации индийского социума предопределена и тем, что она предоставляет людям всеобщую заня-

тость и гарантированный сбыт продуктов труда, обеспечивая их средствами существования в соответствии с кастовым статусом.

С.А. Французов
(ИВР РАН, СПб)

Надпись императора Эфиопии Иоанна IV в Иерусалиме

В конце октября 1994 г., во время пребывания в Иерусалиме в качестве участника II международного конгресса по иудео-йеменским исследованиям, автору этих строк посчастливилось обнаружить в Старом городе ранее не изданную надпись на языке геэз (классическом эфиопском), высеченную на фронтоне сложенной из белого ракушечника часовни Богоматери, которая расположена неподалеку от 8-й стоянки *Via dolorosa*, на территории одного из семи эфиопских монастырей, находящихся в настоящее время в Святой Земле – резиденции эфиопского митрополита (Ethiopian Archbishop's residence), основанной в 1876 г.¹, а ныне известной как Эфиопская патриаршая резиденция и монастырь.

ТЕКСТ НАДПИСИ²:

1. ዛቲ :- ምንዮት :- ዘንገ-ሠ :- ነገሥት :- ዮሐንስ :- ዘኢትዮጵያ :- ዘተ
2. ሣዩጣ :- በንዋዩ :- ወወሀቦሙ :- ለመከላከት :- ዘኢትዮጵያ :- እስላሞ-
3. በኢየሩሳሌም :- ከሙ :- ይኩኖ :- መርሀ :- ለመንግሥተ :- ሰማያት :-
4. ፡ አሜን ፡ ፲፰፻፹፫ ዓ ም ።

ПЕРЕВОД НАДПИСИ:

1. Это – обитель царя царей Эфиопии Иоанна, которую он вы-
2. купил за свои деньги и отдал монахам эфиопским, которые пре-
бывали
3. в Иерусалиме, чтобы стало (это) ему проводником в Царствие
Небесное.
4. Аминь. 1883 г[од] м[илости] (= 29.08.1890–28.08.1891 гг. н. э.).

С точки зрения орфографии интерес представляет не отмеченное в словаре написание слова «обитель» (ምንዮት : вместо обычного ምንት :), но основное значение данного текста заключено в его содержании.

Как известно, к XIX в. копты завладели последней из принадлежавших эфиопам иерусалимских святынь – монастырем Дайр ас-

¹ См. о ней: *Pedersen K.S. Jerusalem // Encyclopaedia Aethiopica / Ed. by S. Uhlig. Vol. 3: He–N. Wiesbaden, 2007, p. 276; Ethiopian Institutions in Jerusalem. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1975, p. 19, 21, 22.*

² Цветная фотография этой надписи издана (без публикации текста, перевода и комментария) в: *Французов С.А. Иоанн IV, имп. Эфиопии // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 655, илл.*

Султан, расположенным на кровле храма Гроба Господня¹. Причина, позволившая им поступить столь бесцеремонно по отношению к своим единоверцам, была проста: из-за феодальной раздробленности, охватившей Эфиопию в последние десятилетия XVIII – первой половине XIX вв., эфиопские монахи в Святой Земле лишились единственного источника регулярных финансовых поступлений в лице сильной царской власти и не смогли выплачивать необходимые подати османскому правительству. Ситуация изменилась лишь в последней трети XIX в., благодаря императору Иоанну IV (1872–1889), сумевшему объединить страну². В период с 16 января 1869 г. (т.е. еще до своего формального вступления на эфиопский престол) и по 17 января 1887 г. он отправил эфиопским монахам, подвизавшимся в Иерусалиме, 26 писем на старом-амхарском, к которым прилагались, не считая сумм, выделенных на пропитание, 64 500 талеров Марии Терезии, являвшихся в ту пору основной разновидностью наличных денег не только в Эфиопии, но и в Красноморском бассейне в целом, а также 4 ящика золота³. Эти средства пошли на приобретение земельного участка около 8-й стоянки *Via dolorosa* и на возведение там резиденции главы Эфиопской церкви, включая ту часовню, на фронте которой сохранилась надпись, призванная увековечить память об Иоанне IV как о ктиторе всей этой обители.

Судя по дате, указанной в последней строке надписи, она была высечена после героической гибели императора, скончавшего 10 марта 1889 г. от раны, полученной им в битве с махдистами при Матамме (Мэтэме), так что упоминание Царствия Небесного в ее заключительной части – это не просто формальный оборот, приличествующий текстам такого рода.

Christine Allison
(University of Exeter, UK)
‘Archaic’ traditions in a Middle Eastern context:
the reception of folklore in contemporary Kurdish society

Folklore is both highly nuanced and highly politicized in the countries where Kurds live. Iran, the Soviet Union, Iraq and most dramatically Turkey,

¹ Pedersen K.S. Op. cit., p. 274–275.

² См.: Франузов С.А. Иоанн IV..., с. 653–656, где приведена и основная литература об этом монархе.

³ Тексты всех этих писем изданы с английским переводом в виде приложения к одной из хроник Иоанна IV в: A Chronicle of Emperor Yohannes IV (1872–1889) / Ed. by Bairu Tafla. Wiesbaden, 1977 (Äthiopistische Forschungen / Hrsg. von E. Hammerschmidt, Bd 1), p. 158–189.

assigned it the status of an emanation of the soul of the people and gave it a key role in the nation-building process. In the Soviet Union, Iraq and Iran, it became a subject of academic study; in Turkey, the State contested with academics for dominance and eventually won out. Paradoxically, folklore, with all its associations with the archaic, the local and the popular, was harnessed by State élites to build modern civil identities. During this process, some of folklore's traditional exuberance and vulgarity was lost; the nation-states scrambled to claim specific genres and customs as their own, simultaneously purging them to make them more 'worthy'.

The Kurds came later than their neighbours to nation-building – they began in earnest in the mid-twentieth century – but living in States which valued folklore and faced with a huge richness of traditions of their own, it was inevitable that they would make great use of this wealth. It was also inevitable that they should be influenced by State discourses and institutions dealing with folklore, and seek to create corresponding structures of their own. At the same time there is a profound ambivalence, a doubt about the value of folklore as true culture, and a wish for history with more cultural capital.

Many oral traditions recounting past events, a part of the Kurdish repertoire of speech genres for centuries, have now been collected, broadcast or published. The selection processes at work here, the change, in many cases from speech genre to literary genre, and the 'national' associations which the traditions now carry, mean that the reception of folklore and the meanings it holds for its audiences have changed profoundly. Nevertheless many of the 'folkloric' forms of discourse retain their affective power and are used to invoke strong emotions of painful nostalgia, through certain formulaic structures, traditional vocabulary, and in many cases, through melodisation. This emotional dimension persists long after details of the events alluded to have passed from common memory. The perceived archaism of the oral tradition is an important part of its affective power.

СЕКЦИЯ 12.
СЕКЦИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT EAST

А.А. Амбарцумян
(Изд-во ФФИ СПбГУ)

Древнеиранская легенда о Зариадре и Одатиде
как иллюстрация обряда инициации

Содержание древнеиранской легенды о романтической любви Зариадра и Одатиды известно благодаря пересказу греческого писателя Афиней Навкратийского («Пир софистов», §575, начало III в. н. э.), который, в свою очередь, почерпнул ее из «Истории Александра Македонского» Хареса Митиленского (IV в. до н. э.). Харес был хорошо знаком с персидскими обычаями, сам происходил из персидской Эллады – Эолиды, и сопровождал Александра в его персидских походах. Легенда гласит, что у царя Мидии и «нижней страны» (Персии) Гистаспа, сына богов Адониса и Афродиты, был младший брат Зариадр, правивший «верхней страной» от Каспийских ворот до Танаиса. Незнакомые ранее Зариадр и Одатида, дочь царя затанаисских марафов Омарта, одновременно влюбляются друг в друга во сне и стремятся найти друг друга. Поиски приводят Зариадра ко дворцу Омарта; переодевшись в одежду скифского воина он попадает на предбрачное торжество, во время которого Одатида сама должна выбрать себе жениха. Влюбленные узнают друг друга, Одатида тайно вручает Зариадру золотую чашу любви с вином и затем бежит вместе с ним из отцовского дома. В конце Харес добавляет, что «эта любовь пользуется известностью у живущих в Азии варваров и ставится очень высоко, сказание о ней изображают на картинах в храмах и дворцах, а также и в частных домах». В данном случае имеются в виду жреческие храмы (от формы ед. ч. греч. слова *hieron* «жреческий храм»). В свое время Адольф Рапп (1866 г.) признавал вполне очевидным то, что этот миф имел религиозное значение, поскольку он изображался на стенах религиозных храмов. Однако, по его мнению, «ключ к этой интригующей загадке утерян».

По нашему предположению, сон Зариадра, как и сон Одатиды, имеет явное ритуальное значение и мог служить наглядной иллюстрацией обряда инициации (т. е. обряда посвящения в члены общины, связанного с наступлением совершеннолетия и половой зрелости). По достижении совершеннолетия (12–15 лет) юноша и девушка получали право выбора спутника жизни и вступления в брак. Причем в матриархальном обществе дозораострийского Ирана существовал обычай, позволявший девушкам выбирать себе жениха по своей воле. Пережитки это-

го обычая сохранялись в Иране и в средневековье (ср. персидский праздник «Мардгиран», *Фарханг-и Джахангири*, XVI–XVII вв.).

Сны Зариадра и Одатиды не имеют прямого отношения к обряду инициации андроцентричного зороастризма, а скорее связаны с более древними иранскими верованиями дозороастрийского периода, близкими по своему характеру к шаманизму. Вместе с тем рассматриваемый «инициационный сон» отличается от разновидности трансцендентного сна, известного по зороастрийским источникам, когда отчасти практиковался прием психотропных веществ и энтеогенов, хотя сама техника погружения в сон не имеет существенного значения. Вышеупомянутое наблюдение может пролить свет на давнюю полемику о наличии шаманистических элементов в зороастризме и в религиозных верованиях древнего Ирана.

Е.В. Белов

(Елабужский ГПУ)

Источники и историография о персидском царе Дарии III

Военная экспансия греко-македонских войск в IV в. до н. э. оказала значительное влияние на историю различных народов Евразии и развитие целого ряда регионов, в том числе Передней Азии. Победоносные походы Александра Македонского и их последствия нашли отражение во многих исторических источниках и вызывают неизменный интерес к этому периоду мировой истории.

Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований по истории этого периода, невозможно не отметить наличие пробелов в его изучении.

В частности, неоднозначно теоретически осмыслены процессы, обусловившие крах многонациональных государств древности, какой и являлась Ахеменидская держава, последним правителем и защитником которой был персидский царь Дарий III. До настоящего времени его часто представляют как посредственного правителя и полководца, бездарного противника Александра Македонского. Этот портрет, однако, составлен в основном на основании пристрастных характеристик античных авторов и не в полной мере соответствует действительности.

В данном докладе на основании ряда исторических источников и исследований рассматривается характер правления Дария III в контексте идеологических представлений о божественности происхождения царской власти Ахеменидов. На наш взгляд, именно эта идеология и определяет оборонительную стратегию Дария III во время его противоборства с греко-македонской армией Александра Великого. Таким образом, действия персидского царя не являются следствием

зом, действия персидского царя не являются следствием паники и страха поражения, но представляются абсолютно логичными и разумными.

До своего вступления на престол Ахеменидской державы будущий персидский царь Дарий III носил имя Кодоман и занимал пост сатрапа Армении. В 338–336 гг. до н. э. в результате внутренних противоречий и интриг придворной знати Ахеменидский род прекратил свое существование по прямой линии. Поэтому на опустевший персидский трон был посажен Кодоман, являвшийся представителем боковой линии царского дома Ахеменидов. Впоследствии получивший тронное имя Дарий III, новый персидский царь также вступил в конфликт с придворной знатью, однако, расправившись с противниками, сумел избежать участи предыдущих правителей.

Несмотря на то что в наследство ему досталась держава, ослабленная внутренними проблемами и противоречиями, начало правления нового ахеменидского царя ознаменовалось решительными действиями, в результате которых были подавлены волнения в Египте, а сама египетская сатрапия была вновь присоединена к Персидской державе. Последующий период царствования Дария III также был направлен на укрепление государства и центральной власти.

Правление царя Дария III длилось шесть лет. После вторжения Александра Македонского под ударами греко-македонской армии персидская армия потерпела ряд военных неудач, приведших к поражению Персидской державы и исчезновению царского рода Ахеменидов.

В.В. Емельянов
(ВФ СПбГУ)

Нинурта как бог Вселенной в среднеассирийском гимне из Ашшура

Из клинописной библиотеки г. Ашшура до нас дошел фрагмент гимна шумерскому богу Нинурте, выполненный среднеассирийской клинописью (VAT 9739). По палеографическим особенностям он датируется концом II тыс. до н. э. Фрагмент был опубликован Э. Эбелингом в издании корпуса религиозных текстов из Ашшура (KAR 3, Nr. 102).

В начале гимна сообщается о том, что Собрание богов возвысило героя Нинурту над собою и добровольно передало ему свои обряды, должности и функции. Нинурту называют «обладатель царственности над владыками». В дальнейшей сохранившейся части текста боги названы частями тела Нинурты. Сравнение идет от головы к нижним частям тела. Конец текста не сохранился.

Начальные строки гимна Нинурте заставляют вспомнить известную параллель из среднеавилонского эпоса «Энума элиш», в котором

Собрание богов вручает свои обряды и должности Мардуку, победившему Тиамат. Впоследствии Мардук становится царем всех богов мира.

Культ Нинурты был распространен в Месопотамии с Раннединастического периода. В шумерской традиции Нинурта – первородный сын Энлиля – считался новогодним героем, победителем Асага и покровителем земледельцев. До Старовавилонского периода Нинурта считался также покровителем царя и охранителем его власти. Впоследствии эта роль была передана Мардуку. Но после подчинения Вавилона ассирийцам Нинурта снова стал покровительствовать царю. В генеалогии богов Среднеассирийского периода он считался сыном Ашшура. В свою очередь, Ашшур назывался Эллилем богов Ассирии.

Особое значение культ Нинурты приобретает во время правления Тукульти-Нинурты I (1244–1208), имя которого значит «Защити, Нинурта!». После завоевания Вавилона и увоза статуи Мардука в Ассирию этот правитель называл себя «царь всего», «царь Вселенной», «вечный образ Эллиля». Можно предположить, что гимн, прославляющий Нинурту как тело Вселенной, мог появиться только во время правления Тукульти-Нинурты I.

Р.Р. Ибрагимова

(ИАЭ СО РАН; НГУ, Новосибирск)

Погребальная пластика как источник по истории Древнего Китая

Погребальная пластика представляет собой неотъемлемую часть древнекитайского погребального инвентаря, особенно широко представленную в эпоху Хань. Она включает в себя изображения людей, животных, модели зданий, посуды, предметов мебели, т. е. всего, что окружало человека в его земной жизни. Погребальная пластика является для нас важнейшим источником не только о быте эпохи Хань, но и о творческой деятельности человека того времени.

Древнекитайская архитектура непрерывно развивалась, менялась в течение эпох Шан-Инь, Чжоу и ко времени династий Цинь и Хань оформилась в законченную самобытную систему. В эпоху Хань древнекитайская архитектура достигла одного из пиков своего расцвета. И хотя сами постройки, кроме нескольких каменных сооружений, до наших дней не сохранились, но благодаря погребальной пластике есть возможность восстановить, как выглядели архитектурные сооружения ханьского Китая. К таким моделям относятся амбары, усадебные дома, терема, башни-*лоу*, беседки, колодцы, свинарники и т.д. Они являются уменьшенными копиями реальных сооружений и передают все их конструктивные особенности. Благодаря таким моделям мы можем представить развитие культуры и техники того времени.

В погребальной пластике также очень точно изображались животные и люди. Изображения людей чаще динамические, показанные в процессе работы или развлечений – например, музыканты, играющие на музыкальных инструментах, или крестьяне, ведущие хозяйство. Таким образом, погребальная пластика является важнейшим источником не только в изучении ритуалов и обрядов, но и бытовой, хозяйственной, культурной жизни Древнего Китая.

И.Н.Коровчинский

(Московский государственный областной университет)

Происхождение архитектуры «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум

Происхождение архитектуры т. н. «храма с уступчатыми нишами» в греко-бактрийском городе Ай-Ханум давно вызывает интерес благодаря его сходству с памятниками ближневосточной архитектуры. Этот храм был основан на рубеже IV–III вв. до н. э. Здание представляло собой в плане квадрат и недолгое время состояло из двух, а уже с первой половины III в. до н. э. – из 4-х помещений: одного обширного, примыкающего к входу, и трех меньшего размера позади него.

В 1968 г. П. Бернар обратил внимание на то, что такой же планировкой¹ обладал ряд храмов Дура-Эвропос I в. до н. э. – II в. н. э. (храм Аполлона и Артемиды, храм Атаргатис и храм Адониса), однако их поздняя датировка заставляет искать более ранние прототипы, общие для них и бактрийского храма. П. Бернар первоначально утверждал, что такими прототипами были нововавилонские храмы, однако их планировка чрезвычайно сложна, а дворы являются внутренними, что делает их непохожими на храмы в Ай-Ханум и Дура-Эвропос, обладавшими простой и четкой планировкой, а также наружными дворами, опоясывавшими храмовые здания.

Позднее П. Бернар предложил считать сходство храмов Ай-Ханум и Дура-Эвропос случайным. Однако нам представляется, что их общими прототипами были сиро-палестинские храмы.

Храм в Лахише на юге Палестины (период эллинизма), два храма в иудейской Мицпе, дворцово-храмовое здание «хилани II» в раннем арамейском центре Сам'аль (все – начало I тыс. до н. э.) и храм в Бет-Шеане на севере Палестины (XIII в. до н. э.) также включали в себя только одно широкое помещение, примыкающее к входу, и три позади него².

¹ В одном из них (храме Адониса) имелся также дополнительный коридор.

² В Лахише имелся дополнительный коридор, как в храме Адониса.

Это говорит о том, что архитектура «храма с уступчатыми нишами» и храмов Дура-Эвропос может восходить к одной и той же, очень древней и непрерывной линии развития сиро-палестинской архитектуры.

А.А. Немировский
(ИВИ РАН)

***К вопросу о происхождении «надписи Лугальаннемунду»:
историко-географический аспект***

Старовавилонская шумероязычная композиция, дошедшая в табличках XVII в. до н. э. (CBS 474, 1217, 342) и составленная от лица Лугальаннемунду, раннединастического шумерского царя Адаба (ок. 2400 г.), приписывает ему гегемонию над всем окружающим Шумер миром и содержит несколько раз повторенный перечень окружающих Шумер регионов, подчиняющихся этой гегемонии. Эта композиция традиционно считается апокрифом, сочиненным старовавилонскими писцами и не имеющим отношения к подлинным текстам и событиям времен Лугальаннемунду.

Однако в названном перечне регионов присутствуют «горная страна Эанна» к югу от Шумера, «горная Страна кедра» к востоку от Шумера и страны «Марту» и «Сутиум» как отдельные, смежные друг с другом страны к юго-западу – западу от Шумера, что отражает реалии и номенклатуру, уже не существовавшие после раннединастической (в случаях с Эанной и Страной кедра) и староаккадской (в случае с отдельным существованием Марту и Сутиума) эпох. При этом в перечне не отражены реалии и хоронимы, которых в раннединастическую эпоху еще не было.

Перечень, таким образом, действительно заимствован из каких-то раннединастических текстов, а с учетом его места в содержании всей композиции это позволяет ставить вопрос о том, что и ее ядро восходит к раннединастике, то есть к реальному Лугальаннемунду. Независимо от этого, указанный перечень представляет собой первую из дошедших от месопотамцев, еще раннединастическую, вербальную «карту (большой части) мира».

М.А. Редина
(ИВР РАН, СПб)

***Ниппурский архив и его роль в изучении Касситского периода
истории Вавилонии (1595–1157 гг. до н. э.)***

Касситский период истории Месопотамии является наименее изученным из всех, несмотря на то что он был самым длительным (около

1595–1157 гг. до н. э.). Причина этого заключается в характере источников, дошедших от Касситского времени. Большая их часть (около 12000 табличек) была получена при раскопках в Ниппуре на протяжении почти 90 лет (с 90-х гг. XIX в. по 80-е гг. XX в.) экспедициями Пенсильванского и Чикагского Университетов, США, и представляет собой документы хозяйственной отчетности (которых большинство), отчеты о сделках купли-продажи и аренды, юридические тексты, а также письма. Помимо табличек из Ниппура, до нас дошли тексты из Ура, Урука и Дур-Куригальзу.

По всей вероятности, тексты из Ниппурского архива составляли храмовый архив документов хозяйственной отчетности. Опубликованные тексты из этого архива охватывают примерно 130 лет господства Касситской династии (1356–1223 гг. до н. э.) и относятся ко времени правления Бурна-Буриаша II, Куригальзу II, Нази-Марутташа, Кадашмана-Турку, Кадашман-Энлиля и Шагаракти-Шуриаша.

В данных текстах содержится разноплановая информация, освещающая, прежде всего, социально-экономическую историю Касситского периода. В документах из Ниппурского архива фигурируют администраторы всех уровней – от управителей Ниппура до рядовых рабочих, что позволяет провести просопографическое исследование текстов; фиксируются выдачи и получение рационов, перераспределение материальных благ между различными хозяйствами, снабжение ремесленников сырьем, а также сделки купли-продажи различных продуктов. Документы содержат информацию о системе мер и весов, серебряном и золотом стандартах, используемых во время правления Касситской династии.

Изучение текстов из Ниппурского архива даст возможность осветить различные стороны хозяйственной жизни города Ниппура, что в сравнении с данными других архивов этого периода позволит создать целостную картину социально-экономической истории Касситского времени.

М.В. Сологубова
(ВФ СПбГУ)

Особенности датировки глиптики из касситской Вавилонии и Элама (XV–XIII вв. до н. э.)

Глиптика – один из самых распространенных на древнем Ближнем Востоке видов изобразительного искусства. В Месопотамии и соседних регионах искусство глиптики зародилось еще в V тыс. до н. э., постепенно обретая все новые формы. Уже в IV тыс. до н. э., наряду с другими видами глиптики, в Месопотамии и Эламе стали появляться цилинд-

рические печати, которые постепенно распространились по всему Ближнему Востоку и Северной Африке. Ко II тыс. до н. э. цилиндрическая печать стала едва ли не самым характерным предметом культуры, как для Месопотамии, так и почти для всего Ближнего Востока. В начале XVI в. до н. э. Вавилония (Южная Месопотамия) оказалась под властью новой правящей династии касситского происхождения. В период царствования касситской династии появился новый вид цилиндрических печатей, который вскоре стал использоваться не только в самой Вавилонии, но также в соседних государствах – Ассирии и Эламе.

Глиптика является важным источником по истории, экономике и культуре Месопотамии XV–XIII вв. до н. э. Помимо самих печатей до нас дошли тысячи оттисков печатей, оставленных на клинописных документах. Нередко благодаря оттиску печати мы можем получить дополнительную информацию о самом документе. Цилиндрическая печать была личным знаком человека, и, как правило, содержала надпись, из которой можно получить информацию касательно социального статуса ее владельца. Также благодаря оттиску печати на документе можно датировать сам документ в случае отсутствия на нем датировочной формулы.

Датировка цилиндрических печатей имеет свои особенности. Можно выделить два типа датировки: абсолютную и относительную. Абсолютная датировка предполагает обращение к содержанию надписи печати, в которых могут упоминаться имена людей и события, позволяющие датировать предмет с большой степенью точности. К сожалению, для надписей на печатях касситского периода нередко характерно отсутствие личных имен, что зачастую исключает возможность датировать печать, полагаясь только на упоминание личного имени в других датированных источниках. Относительная датировка позволяет датировать печати по косвенным признакам, полагаясь на характер и стиль изображения, а также на особенности написания клинописных знаков надписи.

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЕГИПТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ПАМЯТИ Е.С. БОГОСЛОВСКОГО:
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

**В.А. Большаков
(РУДН, Москва)**

***Символика и эволюция головных уборов царственных женщин
(с Древнего по Новое царство)***

В Древнем Египте супруга и мать царя были наделены особыми атрибутами и инсигниями, заимствованными из мира богов и предназначенными выразить сущностное родство или тождество с их божественными прообразами. В частности, к отличительным атрибутам царственных женщин, символизирующим их статус, относились различные головные уборы.

Древнейший головной убор матери и супруги царя в виде самки грифа (*nrt*), присутствующий также в иконографии некоторых богинь (прежде всего, Нехбет, Уаджит, а позднее Мут), дает основание полагать, что царственные женщины считались их земным воплощением, олицетворяя божественное женское начало в идеологии царской власти. По всей видимости, выбор грифа, тесно связанного с понятием материнства как характерного атрибута богинь и цариц, был обусловлен представлениями египтян о них как об идеальных женщинах, выступавших в роли кормилиц и защитниц.

В период с XII до середины XVIII династии в иконографии царственных женщин встречается другой тип головного убора – так называемый «хаторический» парик. Парик данного типа, часто украшающий статуи-сфинксы царственных женщин, возможно, служил намеком на богиню-защитницу солнечного бога Тефнут/Сехмет, одной из форм которой считалась Хатхор.

С начала эпохи Нового царства характерным элементом головного убора царственных дам становятся два прямых пера сокола (*šwtj*). Вероятнее всего, перья-*šwtj*, имевшие явные солярные коннотации, были заимствованы из иконографии царя и богов, связанных с небесной сферой, – Монту, Амона и Хора. С середины XVIII династии перья-*šwtj* нередко дополнялись солнечным диском, рогами коровы (атрибут Хатхор) и уреями.

К числу головных уборов царственных женщин принадлежит особая корона в форме низкой платформы и модий. Характерный декор модия, который можно рассматривать как более развитую форму так называемой платформы, по-видимому, символизировал заросли Хемми-

са, в которых, согласно мифу, Исида прятала от слуг Сетха младенца Хора.

В целом анализ символики и эволюции головных уборов и их элементов позволяет сделать фундаментальный вывод о существовании религиозно-мифологической парадигмы, в соответствии с которой посредством иконографии между главными богинями египетского пантеона и царственными женщинами проводились явные смысловые параллели.

*А.Е. Демидчик
(Новосибирский ГУ)*

Царь Мерикара Хети и недавние открытия в Асьюте

Из всего древнеегипетского гераклеопольского царского дома (IX–X династии) лишь правление и поминальный культ Мерикара Хети снабжены многими документами. Но даже и его место в ряду гераклеопольских правителей остается предметом споров.

В начале 60-х гг. прошлого века В. Шенкель отметил в надписях сподвижника Мерикара асьютского номарха Хети II замену фонемы *w* на *y*. А поскольку, по утверждению Шенкеля, датированные примеры такой замены появляются только в начале царствования позже свергнутого X династии Ментухотепа I, Мерикара стал считаться его современником и последним гераклеопольским правителем¹. В начале 90-х гг., в противоположность этому, К. Янсен-Винкельн и Я. Малек указали, что отмеченное фонетическое явление не исключает более ранней датировки надписей Хети II, а наличие у Мерикара пирамиды и многочисленных поминальных жрецов мешает считать его последним царем низвергнутой династии. В 2003 г. автор этих строк предположил, что Мерикара был шестым гераклеопольским государем, начало царствования которого пришлось на середину – вторую половину правления в Фивах Уаханха Инийотефа².

Открытия середины первого десятилетия XXI в., сделанные в рамках «Асьютского проекта» университетов Майнца и Сохага, показывают, что правление рода верных Гераклеополитам правителей Асьюта вовсе не оборвалось на Хети II³. Ему благополучно наследовали верхов-

¹ *Schenkel W.* Frühmittelägyptische Studien. Bonn, 1962. S.51, § 16 b, S. 145, § 58 l.

² *Demidchik A. E.* The Reign of Merikare Khety // *Göttinger Miscellen.* 2003. Ht. 192. S. 25–36.

³ *El-Khadragy M.* Some Significant Features in the Decoration of the Chapel of Iti-ibi-iqer at Asyut // *Studien zur altägyptischen Kultur.* 2007. Bd. 36. S. 105–135.

ные жрецы Упу-уаута Итуиби(-икер), Месехти(-икер) (гробница № 13.1), и, вероятно, и не только они.

Совокупно с рядом других признаков данное обстоятельство заставляет считать, что правление Хети II предшествовало военно-политическим успехам Ментухотепа I. А значит, не был последним гераклеопольским государем и Мерикара Хети.

Н.В. Лаврентьева
(ГМИИ, Москва)

**Папирусы «Книги Ам-Дуат» в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина:
папирус Хатис-Меху и папирус Па-ди-Исет**

Оба папируса происходят из коллекции В.С. Голенищева, представляют собой «жреческую редакцию» «Книги Ам-Дуат» и датируются III Переходным периодом (XXI–XXII дин.).

Папирусы Хатис-меху (№ I,16. 118)¹ и Па-ди-Исет (№ I,16. 126)² состоят из двух частей: «заставки»³, содержащей имя покойного, и собственно композиции на тему «Книги Ам-Дуат». На заставке изображен покойный жрец перед Ра-Хорахти-Атумом⁴.

Второй фрагмент посвящен последнему этапу путешествия солнечной ладьи перед восходом, содержит извлечения из последних часов «Ам-Дуат». Композиции включают два и три регистра изображений соответственно, которые справа замыкаются раскинутыми руками солнечного божества и «приклоненной» к нему мумиеобразной фигурой Осириса.

Фигуры обитателей иного мира на папирусах максимально схематизированы и представляют собой так называемые *stickman figures*.

Заставка папируса маркировала собой портал, в котором обычно изображается солнечное божество и поклоняющийся ему покойный, через который покойный вступал в мир иной, а изображение воскресающего солнца – выход из Дуата⁵. Поэтому традиционное для «Книги

¹ См. «Путь к Бессмертию»... С. 71 (№ 147).

² См. «Путь к Бессмертию»... С. 73 (№ 148).

³ В папирусе Па-ди-исет треть заставки левый нижний угол с изображением нижней части трона утрачен.

⁴ У Хатис-Меху сверху и снизу от рисунка на заставке приписаны несколько строк иератикой, которая содержит формулу жертвоприношения.

⁵ Яснее в таком случае и другая особенность: почему голова Шу изображалась часто в непосредственной близости от головы Осириса, когда его фигура занимает по высоте только пространство нижнего регистра. Выход из Дуата находился в Абидосе, где была, по преданию, погребена голова Осириса. Ср. с по-

Мертвых» изображение Осириса на заставке могло заменяться изображением солнечного божества.

Выстраиваются определенные закономерности «нарушений» композиции «классической царской редакции». Изображение Солнечной ладьи на папирусах часто переносится в начало ВР, тогда как в «классической редакции» оно занимает центральное место в СР. Солнечная ладья из центрального мотива, вокруг которого строится все действие в «классической редакции», становится образом «осеняющим», превращается в субъекта по отношению к происходящему, смещаясь из СР в ВР. В НР просматривается наиболее разнообразный иконографический ряд мотивов, в который включаются персонажи, не входящие в постоянный набор персонажей «классической редакции», а происходящие из других «книг иного мира».

В НР центральное место получают мотивы «хтонического» характера, а также сцены, связанные с наказанием «врагов Бога». Перед нами предстает видоизмененная трехчастная структура, в которой по-иному, чем в «классической редакции», расставляются акценты, поскольку смещается точка зрения. Композиция рассчитана не на фараона, несущего в себе солнечную составляющую, сопричастную космическому миру солнечных трансформаций, а на жреца, посвященного в мистерию солнечного перерождения и обновления, но как всякий смертный он лишь зависит от этой божественной силы.

следней виньеткой «Книги Врат», где показано, как солнце выходит из Дуата, образованного телом Осириса, рядом с его головой.

СЕКЦИЯ 13.
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ – ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA – PAST AND PRESENT

И.Ш. Абилов
(Талышская Национальная Академия)
Талышский язык – прошлое и современность

Талыши (самоназвание – *толышон*) – один из северо-западных иранских народов – проживают в одноименной области на юго-западе Прикаспия, по обе стороны ирано-азербайджанской границы и являются аборигенным населением области¹. Численность талышей достигает 1,5–2,5 миллионов человек.

В древности талышский язык был распространен на значительной части Южного Азербайджана (Атропатены)². Язык Атропатены – *азари* – является по мнению многих авторитетных иранистов, предком современного талышского языка³. Стоит также упомянуть, что к Атропатене восходит и хороним «Азербайджан»⁴. Однако вследствие длительной и широкомасштабной ассимиляции, начавшейся в XI–XII вв. н. э., границы талышеязычных областей быстрыми темпами сокращались.

О широком распространении талышского языка в древности свидетельствуют сохранившиеся сегодня анклавные близкие талышскому диалекты харзанди, шахруди, халхали и др. в ныне тюркоязычном Южном Азербайджане, а также известный еще в XIX в. язык деревни Килит в Ордубадском районе Северного Азербайджана⁵.

¹ См.: Асатрян Г. Талыши // Этюды по иранской этнологии. Ереван: Кавказский центр иранистики, 1998. С. 7.

² См.: Касумова С. Азербайджан в III–VII вв. (Этнокультурная и экономическая история). Баку: Элм, 1993. С. 40.

³ Киракосян А. Талышский и азари – древний язык Атурпатакана // Очерки по истории и культуре талышского народа. Материалы Первой международной научной конференции по талышеведению. Выпуск I. Под общей ред. проф. Г. Асатряна. Ереван: «Митк», МУ «Ария», 2007. С. 70; Миллер Б.В. Талышский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 255; Henning W.B. The Ancient Language of Azerbaijan // Transactions of the Philological Society. London, 1954. P. 176; Yarshater E. The Iranian Language of Azerbaijan. Encyclopaedia Iranica. Op.cit., Vol. III/2, 1987. P.241; Алиев И. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989. С. 27–28.

⁴ Сысоев В.М. Начальный очерк истории Азербайджана (Северного). Баку, 1925. С. 10.

⁵ Первое упоминание об этом диалекте имеется у Шопена И. См.: Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. С. 539

Если еще до начала русско-иранских войн в состав Талыша входили тогда еще малонаселенные территории южной Мугани, которые составляют современные Билясуварский и Джалилабадский районы Азербайджана, то уже после вхождения Талышского ханства в состав Российской империи в 1828г. началось активное заселение этих территорий иноземными поселенцами¹, что привело к полной ассимиляции местного населения. В результате продолжившихся культурно-языковых девиаций за исключением трех крупных сел полностью тюркизирован Ярдымлынский район. Процессом ассимиляции ныне охвачены Масаллинский и Ленкоранский районы Азербайджана.

Ассимиляция и «распыление» талышского языка продолжились в советский период и во время независимости Азербайджана вследствие вызванных социально-экономическими причинами широкомасштабных переселений местного населения в крупные города страны – Баку и Сумгаит – и их окрестности, а также различные города ближнего зарубежья.

Б.С. Авезова

(Государственная классическая академия, Москва)

***Фразеологизмы таджикского, английского, русского и хинди языков
в аспекте лингвострановедения***

В данной работе исследуются фразеологизмы таджикского, английского, русского и хинди языков в аспекте лингвострановедения. Фразеологический фонд – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отображается видение мира, национальная культура, традиции и обычаи, верования, фантазии и предрассудки, исторические и повседневные бытовые реалии. Именно через это мы узнаем те черты, особенности характера, которые присущи именно этой стране, проживающей в определенную историческую эпоху, так как язык реагирует на все изменения в общественной жизни и отражает это в словарном запасе. Во фразеологических единицах важна образность, и чтобы понять, что здесь несет ментальную информацию, необходимо знать, что лежит в основе образа, заключенного во фразеологическую единицу, на базе каких первичных значений этот образ возник. Во внутренней форме фразеологизма отражены обычаи, традиции, события, т. е. «следы» культуры. Главной чертой, выделяющей фразеологизмы из других единиц языка, является то, что они в большей мере, чем другие, наделены национальным колоритом. Конечно, трудно определить, в какой степе-

¹ См.: Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Под ред. А. Берге. Тифлис, 1874. Т. 6. Ч. 1. С. 877–878. Д. 1344–1345.

ни сохраняется при переводе на другой язык образность, национальный колорит того или иного фразеологизма. Анализ и систематизация экстралингвистической информации, заключенной во фразеологизмах той или иной тематической группы, может значительно обогатить наши знания о конкретных областях жизнедеятельности народов, как географические особенности, история, имена собственные, предания, сельское хозяйство и земледелие, цветосимволика. Языковой материал позволяет сделать заключение, что при переводе фразеологизмов таджикского, английского и хинди на русский язык наименьшие трудности возникают с теми, которые в большей части имеют полные эквиваленты в этих языках. Фразеологизмы, основанные на образах животных и растений, а также на явлениях природы, чаще всего совпадают. Образные фразеологизмы несут в себе богатейший лингвострановедческий материал, в некоторых случаях не свойственный никаким другим единицам языка и речи.

**М.А. Азаркина, Яфия Юсиф Джамиль
(ВФ СПбГУ)**

Рукописи, посвященные падежным флексиям и глагольным наклонениям арабского языка

Существование огромного количества рукописной литературы на Ближнем и Среднем Востоке объясняется тем, что единственным средством поддержания письменной традиции в этом регионе долгое время оставалась переписка книг от руки. Помимо профессиональных переписчиков, этим ремеслом занимались учащиеся, процесс обучения которых включал обязательную переписку учебной литературы.

В отличие от большинства работ европейских авторов восточные сочинения не имеют определенного стандарта. Так, часто в работе не указано имя автора, название сочинения или дата его написания. Нередко ошибки вносили сами переписчики, искажавшие имя автора или приписывающие сочинение одного автора совершенно другому человеку. Лишь в некоторых сочинениях присутствует указание на дату написания сочинения, еще реже – на место написания работы.

Нами были подробно изучены четыре рукописи под названием *ḥarakāt al-ʿi-rāb*, посвященные падежным флексиям и глагольным наклонениям арабского языка: рукопись № 1321, листы 61–69; рукопись № 1316, листы 26–31; рукопись № 1308, листы 55–59; рукопись № 1384, листы 83–88. Все сочинения начинаются с формулы *basmala* (сокращение от *bismi llāhi r-raḥmāni r-raḥīm* «Во имя Бога Всемилостивого и Всемилосердного»). Далее следует основной текст.

В рукописи № 1321 формуле *basmala* предшествует примитивный орнамент. В конце сочинения присутствует фраза *tamma l-kitāb* (*Книга закончилась*), также в работе указан год 1257 по хиджре. Содержание основного текста посвящено падежам, неизменяемым формам, категории определенности слова, идафной конструкции, двухпадежным именам, двойственному и множественному числу, количественным и порядковым числительным и т. д.

Остальные три рукописи являются незаконченными сочинениями. Большинство примеров, встречающихся в этих работах, совпадают. В сочинении № 1316 присутствуют ошибки. Рукопись в каталоге датируется 1265 г. по хиджре, но в самой рукописи год не указан. Рукопись № 1308 также не датирована, однако в каталоге указан 1284 г. по хиджре. В сочинении присутствует ряд ошибок. Рукопись № 1384 также не является законченным сочинением.

О.А. Берникова
(ВФ СПбГУ)

Арабский язык как инструмент обеспечения информационных систем: машинный перевод

Анализ имеющихся сегодня систем автоматического перевода текста, функционирующих в открытом доступе в режиме online, продемонстрировал значительный рост количества ресурсов, осуществляющих перевод с арабского языка. Первичное тестирование позволило определить несколько систем, осуществляющих наиболее точный перевод. При этом в качестве основного ресурса был выбран GOOGLE <http://translate.google.com>. Выбор объекта исследования обусловлен несколькими факторами. В связи с имеющимися материалами относительно ошибок функционирования среды <http://translate.google.com> в начале 90-х гг. было интересно рассмотреть перевод тех же примеров в диахронии и проанализировать совершенствование лингвистической составляющей. С другой стороны, указанный ресурс по праву является крупнейшим инструментом автоматического перевода, к которому обращается подавляющее число интернет-пользователей. В качестве источников для выборочного сопоставления вариантов перевода были выбраны следующие ресурсы:

<http://www.apptek.com>, <http://www.translation.babylon.com>,
<http://www.systranet.com>.

Целью данной работы является определение наиболее типичных лингвистических ошибок функционирования ведущих систем автоматического перевода с арабского языка на русский и английский языки.

Выбор английского языка в данном контексте обусловлен фактом его частого использования в качестве языка-посредника («*hub-language*»).

Анализ типовых ошибок перевода позволяет сделать следующие выводы:

1. Вариативность написания отдельных графем арабского языка не учитывается системами перевода.

2. Корректность передачи морфологических значений в арабском языке во многом обусловлена спецификой его системы письменности: отсутствие огласовок на письме способствует утрачиванию ряда маркеров словоизменительных моделей.

3. В системах отсутствует комплексные морфологические парадигмы, что также ведет к потере как грамматического, так и лексического значения слов.

4. Тенденция к обеспечению перевода с арабского языка посредством использования языка-посредника (в данном случае – английского) является одной из основных причин некорректного перевода. Известно, что типологически арабский и русский относят к языкам синтетического строя речи, тогда как английский – аналитического. Этот фактор обуславливает и развитость системы морфологических моделей в русском и арабском языках. Таким образом, процесс создания алгоритмов соответствия конкретных морфологических моделей содействовал бы обеспечению более высокого качества перевода.

Т.Н. Бескровная
(ДВФУ)

***Синонимичные устойчивые грамматические конструкции (УГК)
в современном японском языке***

Для нас представляют большой интерес существующие в современном японском языке в немалом количестве синонимичные УГК с модальными значениями долженствования, намерения, стремления, разрешения, запрещения, совета, решимости, предположения, возможности-невозможности совершить действие, а также УГК, передающих информацию с чужих слов, которые выступают как смысловые синонимы, обладающие способностью взаимного обращения (трансформации) одной конструкции в другую.

К синонимичным УГК со значением долженствования и необходимости причисляем такие конструкции, как СИНАКЭРЭБА НАРАНАЙ, СИНАКЭРЭБА ИКЭНАЙ, СИНАКЭРЭБА ДАМЭ и их разновидности, СИНАЙ ВАКЭ НИ ВА ИКАНАЙ, СЭДЗУ НИ ВА ИРАРЭНАЙ, СЭДЗУ О ЭНАЙ, СИНАЙ ТО ИКЭНАЙ, СИНАЙ ТО ДАМЭ ДА, СЭДЗУ

НИ ВА СУМАНАЙ, СУРУ БЭКИ ДА, СУРУ ХАДЗУ ДА, СУРУ КОТО ДА, СУРУ КОТО ГА (МО) ХИЦУЕ: ДА, СУРУ ХИЦУЕ: ГА АРУ.

Конструкции СУРУ ЦУМОРИ ДЭС, СУРУ ЕТЭЙ ДЭС, СИЕ: ТО ОМОУ (ОМОТТЭ ИРУ), СИЕ: ТО КАНГАЭТЭ ИРУ, СИЕ: КА ТО ОМОТТЭ ИРУ, СУРУ (СИ) МАЙ ТО ОМОУ, СИЕ: ТО СУРУ образуют синонимичный ряд УГК со значением намерения совершать или не совершать действие.

Стремление осуществить действие выражается следующими синонимичными УГК: СУРУ (СИНАЙ) Е: НИ СУРУ, СУРУ Е: НИ СИТЭ ИРУ, СИЕ: ТО ДОРЕКУ СУРУ.

Синонимичными УГК, которые несут в себе значение разрешения и запрещения осуществлять действие, являются СИТЭ МО ИЙ (ЕЙ, ЕРОСИЙ) ДЭС, СИНАКУТЭ МО ИЙ ДЭС, СИТЭ МО КАМАВАНАЙ, СИНАКУТЭ МО КАМАВАНАЙ, СИНАКУТЭ МО ДАЙДЗЕ:БУ ДЭС, СИТЭ МО САСИЦУКАЭНАЙ, СИНАКУТЭ МО САСИЦУКАЭНАЙ, СИТЭ МО КЭККО: ДЭС, СИТЭ ВА ИКЭНАЙ, СИТЭ ВА НАРАНАЙ, СИТЭ ВА ДАМЭ ДЭС, СУРУ КОТО ВА НАРАНАЙ, СУРУ ТО ИКЭНАЙ.

К синонимичным УГК, иллюстрирующим значение совета (рекомендации), относятся конструкции следующего типа: СИТА (СИНАЙ) ХО: ГА ИЙ ДЭС, СУРУ ТО ИЙ ДЭС, СУРЭБА ИЙ ДЭС, СИТАРА ИЙ ДЭС, СИТАРА ДО: ДЭС КА, СУРУ НИ КАГИРУ, СУРУ ГА ИЙ.

Решимость выполнить действие, а также ее отсутствие выражают такие синонимичные УГК, как СУРУ КОТО НИ СУРУ (СИТА), СУРУ КОТО НИ КИМЭРУ (КИМЭТА), СУРУ КОТО НИ СИТЭ ИРУ, СУРУ КОТО НИ НАРУ (НАТТА), СУРУ КОТО НИ НАТТЭ ИРУ, СУРУ МАДЭ ДА (МАДЭ НО КОТО ДА), СИЕ: ТО КЭЦУИ СУРУ.

Конструкции СУРУ КОТО ГА ДЭКИРУ (ДЭКИНАЙ), СУРУ КОТО ВА КАНО: ДЭС, СУРУ КОТО ВА ФУКАНО: ДЭС, СУРУ КОТО (НО; НАНТЭ) ВА АРИУРУ, СУРУ КОТО (НО; НАНТЭ) ВА АРИЭНАЙ, СУРУ ДОКОРО ДЭ ВА НАЙ, СИЕ: ГА НАЙ, СУРУ ТО ИУ МОНО ДЭ ВА НАЙ представляют синонимичный ряд УГК со значением возможности-невозможности осуществления действия.

Синонимичными УГК, которые передают информацию с чужих слов и имеют значение «говорят, что; слышал, что», являются СУРУ СО: ДЭС, СУРУ ТО ИУ КОТО ДЭС, СУРУ ТО НО КОТО ДЭС, СУРУ ТО ИУ, СУРУ ТО КИЙТЭ ИРУ, СУРУ Н ДЭС ТТЭ, СУРУ ТО ИВАРЭТЭ ИРУ.

Таким образом, необходимо констатировать, что в современном японском языке богато представлены синонимичные УГК, которые

служат важным средством организации речи и позволяют передавать различные оттенки грамматических значений.

Д.Х. Гаджиева
(ДГУ, Махачкала)

***К вопросу о востребованности сочинения ал-Джами
«ал-Фава'ид ад-дийа'ийа» в Дагестане***

Одним из распространенных жанров литературы на арабском языке в эпоху позднего Средневековья – жанр комментариев и субкомментариев, восходивших к небольшим трактатам – своеобразным «резюме». Наиболее популярные из этих «резюме» обрастали десятками вспомогательных трудов, которые способствовали актуализации текстов исходных сочинений.

Так, базовые сочинения по грамматике арабского языка, попавшие в Дагестан в составе сложившегося к тому времени корпуса учебной литературы, потянули за собой цепь комментариев и субкомментариев. Как и в других областях мусульманского мира, здесь сложился локальный набор используемых и переписываемых сочинений. Однако не все имеющиеся комментарии оказались одинаково востребованными.

На базе имеющихся рукописных материалов, хранящихся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН и в Отделе старой книги НБ ДГУ мы выяснили, что среди 6 зафиксированных в каталогах классических комментариев (*шарх*) к «ал-Кафийа фи-н-нахв» Ибн ал-Хаджиба (ум. в 646/1248 г.) максимальное количество списков (всего 77) оказалось у комментария ал-Джами. Число списков комментариев других авторов – Ради'аддина ал-Астарабади, Рукнаддина ал-Астарабади, ал-Хабиси, аз-Завули и ал-Джили варьируется в пределах 1–2.

Среди четырех комментариев к «аш-Шафийа фи-т-тасриф» Ибн ал-Хаджиба максимальное количество списков (72) – у комментария Ахмада б. Мухаммада б. Аби Бакра. Количество списков комментариев других авторов – ал-Астарабади, ал-Джурджани и ал-Чарпарди: 1, 1 и 21, соответственно. Среди 3 комментариев к «Марах ал-арвах» Ахмада б. 'Али б. Мас'уда (ум. в 738/1338 г.) максимальное число списков (77) – у комментария Ахмада б. Динкузи ар-Руми.

Все упомянутые комментарии характеризуются некоторыми общими чертами композиции: текст комментируемого сочинения цитируется без купюр. Он полностью приводится и в 3 из 5 маловостребованных комментариев к «ал-Кафийа фи-н-нахв» Ибн ал-Хаджиба. Для всех них характерно «некритическое» отношение автора к комментируемому тексту, которое демонстрируется повторяющейся фразой («Когда он завершил..., он перешел к рассмотрению...»). Это отвечало потребно-

стям читателей, для которых значимость исходного сочинения была неизмеримо выше его комментария.

В процессе сравнительного анализа фрагментов 4 комментариев (Астарабати, ал-Хабиси, аз-Завули и ал-Джами) к «ал-Кафийа фи-нахв», характеризующихся полным цитированием комментируемого текста, мы обнаружили, что среди ряда параметров описания (этимология слова, семантическая функция служебной морфемы, многозначность и др.), использованных этими авторами для комментирования различных слов из текста «ал-Кафийи», ал-Джами использовал наибольшее количество таких параметров. Таким образом, больший по сравнению с другими комментариями информативный объем и явная дидактическая направленность, вероятно, и явились основными причинами высокой востребованности комментария ал-Джами в Дагестане и в других регионах мусульманского мира.

И.А. Газиева

(Институт лингвистики, РГГУ, Москва)

*О межъязыковых трансформациях при переводе
(на примере языка хинди)*

Предметом исследования являются межъязыковые трансформации, под которыми понимается «преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке (при синхронном описании языка вообще)»¹. Согласно Л.С. Бархударову, все виды преобразований или трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, можно приблизительно свести к 4 типам: перестановки, замены, добавления, опущения. Все эти 4 типа на практике в чистом виде встречаются редко, и обычно они сочетаются друг с другом, принимая характер сложных и комплексных трансформаций². Кроме того, трансформации приводят к переменам лексического, грамматического и семантического характера³.

Анализ материала на языке хинди позволил сделать следующие выводы: в процессе перевода с русского языка на хинди и наоборот типы трансформаций по Л.С. Бархударову в текстах на языке хинди представлены широко, однако, на наш взгляд, классификацию можно расширить следующими новыми видами межъязыковых трансформаций при переводе: конкретизация при переводе, антонимический и синонимический перевод, контекстуальность, калькирование, лексическая со-

¹ Л.С. Бархударов. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международные отношения», 1975. С. 6.

² Там же. С 190.

³ Р.К. Миньяра-Белоручев. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996.

четаемость, средства выделения в текстах, компенсация, компонентность анализа терминов. Конкретизация при переводе является широко распространенным в хинди явлением, что связано с образным мышлением индийцев. Конкретизация может быть представлена как контекстуально-смысловая и экспрессивно-стилистическая. В хинди адекватный перевод может опираться на широкий или узкий контекст, поскольку слова могут употребляться в необычном для себя значении, которое не отмечено в словарях. Аффиксация представлена слово-суффиксами и сложными словами, что предполагает членение слов на семантически и грамматически значимые отрезки. Широко распространено калькирование устойчивых английских словосочетаний. Частицы, местоимения, модальные слова являются средствами выделения и представлены в текстах публицистического характера.

*А.Н. Гордей
(Минск, Беларусь)*

*Обучение китайскому языку в новой научной парадигме
(на примере числовых знаков)*

Копия мира – отображение мира органами чувств. **Стереотип** – закодированный интеллектном повторяющийся элемент в копии мира. Например, в зрительном образе стола и стула повторяется одна и та же деталь, выступающая в качестве опоры несущей поверхности. Распознавание этой детали рождает стереотип ‘ножка’. **Части языка** – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным стереотипом в значении.

Тайгены – части языка, обозначающие индивидов (*реальных* ‘скатерть’ или *виртуальных* ‘самобранка’, *физических* ‘мозг’ или *информационных* ‘мысль’, *живых* ‘лиса’ или *неживых* ‘шуба’), в противоположность **егенам** – частям языка, обозначающим признаки индивидов (*постоянные*, т.е. свойства индивидов – ‘белый’, ‘развитый’, ‘быстрый’, ‘лисий’, ‘мой’, ‘второй’, и *переменные*, т.е. процессы или функции, в которых индивиды участвуют – ‘белить’, ‘развивать’, ‘быстро’, ‘очень’). **Числовые тайгены** – разновидность информационных тайгенов, называющих числа: ‘два’, ‘десять’, ‘сто’, ‘тысяча’.

Подмножество числовых тайгенов в китайском языке:

Одноместные тайгены и егены называют один индивид или один признак индивида ‘шкаф’, ‘коричневый’, ‘открыть’, а **многместные** – множество индивидов или множество признаков индивидов ‘мебель’, ‘пестрый’, ‘открывать’. В сложных случаях мощность частей языка определяется процедурно: одноместные тайгены и егены называют целое множество, многоместные – целое множество и его некоторую часть, например ‘дерево’ – одноместный тайген (часть дерева – не дерево, а крона, ствол или корень), ‘лес’ – многоместный (часть леса – тоже лес). Ср. с морфологической категорией числа: лексема ‘Афины’ имеет форму множественного числа, а лексема ‘мебель’ – единственного, но первая является одноместным тайгеном, вторая – многоместным; в лексеме ‘сады’ семантические и морфологические категории совпадают.

Интенсивные тайгены и егены обозначают целое множество и его некоторую часть, представленную собственным подмножеством с числом индивидов больше либо равно одному: ‘лес’, ‘мебель’, ‘порошок’, ‘стучать’, а **экстенсивные** – целое множество и его некоторую часть, представленную группой подмножеств с числом индивидов больше либо равно одному: ‘деревья’, ‘леса’, ‘порошки’, ‘стучать’, т. е. интенсивные знаки обозначают многое как целое, а экстенсивные – многое как многое. В сложных случаях используется процедура минимизации: если мощность множества, обозначаемого знаком, либо вообще не поддается уменьшению, т.е. невозможно выделить из множества отдельный индивид, например, ‘вода’, либо уменьшается до одного, когда название множества с числом индивидов больше одного совпадает с названием одного из его индивидов, например, ‘пальто’, то знак – интенсивен; если же пределом уменьшения мощности множества являются два индивида и более, то знак – экстенсивен, например ‘деревья’. Для ряда переменных егенов интенсивность равносильна **итеративности**.

Интенсивные знаки в китайском языке преобладают, поэтому для разграничения обозначения множества и элемента множества используются специальные счетные тайгены (张 ‘поверхность’, 条 ‘полоска’, 把 ‘рукоятка’ и др. – для интенсивных тайгенов; 次, 遍, 顿 и др. с одинаковым русским переводным эквивалентом ‘раз’ – для интенсивных

егенов). Обозначения больших числовых массивов допускают свертку счетных тайгенов вследствие переноса точки зрения наблюдателя с элементов множества на все множество, при этом, как показали исследования Н.И. Руденко, числовые знаки высокой мощности 亿 ‘сто миллионов’, 万 ‘десять тысяч’, а иногда даже 千 ‘тысяча’ и 百 ‘сотня’, по сути дела, замещают собой счетные, например: 一万人 ‘десять тысяч людей’ и 亿万人 ‘миллионы людей’ (букв. ‘триллион людей’). Иными словами, числовые тайгены высокой мощности за счет эффекта неопределенно большого количества вплотную приближаются к неограниченным числовым тайгенам, обнаруживая изоморфизм в синтаксисе. С одностепенными знаками счетные тайгены не употребляются, поскольку в одноэлементных множествах совпадают названия всего множества и элемента этого множества, т. е. одностепенный знак является счетным к самому себе.

Экстенсивные знаки не сочетаются ни со счетными, ни с числовыми, так как технологии счетных тайгенов недостаточно для разграничения группы множеств, отдельного множества и элемента этого множества. Правда, если экстенсификация осуществляется средствами микросинтаксиса (например, при помощи суффикса 们), сближающими экстенсивные знаки с интенсивными (в отличие от приемов макросинтаксической экстенсификации, например, дублирования), то в разговорной речи вопреки литературной норме возможны комбинации типа 三个学生们 ‘три студента’.

Итак, правила комбинаторики числовых тайгенов в современном китайском языке:

а) прямой порядок в сочетаниях с тайгенами –

ОпЧТ/ОгЧТ + СчТ + ИнТ или НгЧТ + (СчТ) + ИнТ, или ЧТ + ОдТ, где ЧТ – числовой тайген, ОпЧТ – определенный числовой тайген, ОгЧТ – ограниченный числовой тайген, НгЧТ – неограниченный числовой тайген, СчТ – счетный тайген, ИнТ – интенсивный тайген, ОдТ – одностепенный числовой тайген, например:

八本杂志 ‘восемь журналов’, 几本杂志 ‘несколько журналов’, 多少

(本) 杂志 ‘сколько журналов’, 九年 ‘девять лет’;

б) обратный порядок в сочетаниях с егенами –
ИнЕ + ЧТ + СчТ,

где ИнЕ – интенсивный еген, ЧТ – числовой тайген, СчТ – счетный тайген, например:

看三次 ‘прочсть три раза’, 贵几倍 ‘дороже в несколько раз’;

в) запрещается сочетать числовые тайгены с экстенсивными тайгенами или егенами по семантическим или стилистическим причинам.

Вывод: однозначные синтаксические правила употребления китайских числовых знаков позволяют значительно упростить процесс обучения китайскому языку как иностранному.

Н.В. Гурьян
(Уссурийский ГПИ)

О соотношении «знак – слово» в словнике «Эрья»

В словнике первого китайского толкового словаря «Эрья» (III в. до н. э.) нашла отражение специфика древнекитайского письма, состоявшая в том, что в системе одновременно функционировало несколько вариантов знаков для записи одного и того же слова.

Во-первых, один и тот же иероглиф мог иметь несколько вариантов написания, в числе которых были разнописи 异体字, старые и новые знаки 古今字, вульгарные/простонародные иероглифы 俗字 и др. Во-вторых, количество слов существенно превышало количество иероглифов, поэтому нередко разные лексемы имели одинаковую графическую форму¹. Один и тот же иероглиф мог использоваться для записи двух и более слов с близким звуковым составом (омофонов или сходных по звучанию инициали или финали). Подобные знаки, определяемые в литературе как фонетические заимствования 通假字, не относились к категории ошибочных иероглифов и осознавались как альтернативные. Они могли использоваться для записи любых слов, включая имена собственные². Все это обусловило неоднородность системы отношений между единицами словника вышеназванного словаря.

Однозначному соответствию иероглиф – слово препятствовало также существование хотя и немногочисленных многосложных единиц.

В «Эрья» наблюдаются четыре основных типа соотношений «иероглиф (знак) – слово»: для *многосложных единиц* – 1) «цепочка иероглифов = одно слово»; для *однословов* – 2) «один знак = слово»; 3) «один знак = несколько разных слов»; 4) «несколько разных знаков = одно и то же слово»³.

¹ Wilkinson E.P. Chinese History: A Manual. Cambridge: Harvard University Asia Center, 2000. P. 29.

² Wilkinson E.P. Указ. соч. P. 417–423.

³ Подробнее см.: Гурьян Н.В. Структура первого китайского словаря «Эрья» и китайская филологическая традиция: Дис... кфн. М., 2009. С. 51–60.

В начальных главах с абстрактной лексикой часть единиц (как внутри поясняемой части, так и между поясняемой и поясняющей частями глосс) вместо отношений «слово – слово» (смысловой близости) связаны отношением «знак – знак». При этом большинство случаев представлено отношением «основной знак – заимствованный знак», в частности¹:

(1) поясняемая единица – заимствованный знак, поясняющая – основной знак;

(2) заимствованный и основной знаки входят в состав поясняемой части.

Ситуация осложнена еще и тем, что один и тот же иероглиф мог заимствоваться вместо нескольких омонимичных знаков, обозначая при этом совершенно разные лексемы. И, судя по комментариям, некоторые случаи допускают неоднозначную интерпретацию.

И.Н. Дрига

(ИВ НАН Украины; Киевский НУ)

Тюркские переводы молитвы «Отче наш» в Причерноморье

В докладе рассматриваются все доступные варианты караманлийских переводов молитвы «Отче наш» в сравнении с имевшими хождение среди тюркоязычных народов Причерноморья и Балкан тюркоязычными переводами (караманлийские в сравнении с урумскими, караимскими, гагаузскими). Актуальность исследования определяется тем, что истоки тюркских переводов текста в Причерноморье не были исследованы ни касаясь каждого из перечисленных языков, ни в их взаимосвязи, тогда как подобная информация об их атрибуции и языковых редакциях проливает свет на происхождение служебной литературы у тюркоязычных православных в Крыму, на Галичине и в Приазовье, даст ключ к пониманию составных формирования конфессионального сознания тюркоязычных христианских и караимских общин².

Гагаузские и урумские переводы молитвы имели караманлийское происхождение, о чем свидетельствуют гагаузоведы [История и культура гагаузов 2006, 212³; Çakir 2007⁴, 55; Stamatoglu 2002, 290⁵] и исследо-

¹ 姜仁涛. 《尔雅》同义词研究. 北京: 中国文史出版社, 2006. P. 164.

² Ранее о вариантах молитвы шла речь в: Східний світ. Київ, 2009. № 3. С.135–147.

³ История и культура гагаузов. Комрат – Кишинэу, 2006. 746 с.

⁴ Çakir Mihail (Ay boba). Gagauzlar: istoriya, adetlär, dil hem din. Chieinru, 2007. 217 s.

⁵ Stamatoglu G. Gagauzların altın kitabı (Gagauzların tarihi hem etnogenezi). Komrat, 2002. 394 s.

ватели урумского языка [Гаркавец 1999, 17–25¹; Греческие молитвы... 2005², 18–19; Смолина 2008, 3–4³]. Однако сопоставления лексики, грамматики и стиля текстов молитвы с караманлийскими черноморскими и балканскими вариантами не проводилось.

Попытка исследования текста «Отче наш» на караманлийском материале [Παμλουκη 1961⁴] дает двенадцать известных в Греции и Малой Азии вариантов. Мы подаем собранные И. Памбукисом 12 вариантов текста, [Παμλουκη 1961, 8–10] с хронологическим указанием на даты издания [Παμλουκη 1961, 13–15], нашу транслитерацию и дословный перевод. Идентифицируются происхождение вариантов переводов, сделана попытка установления старейших версий, прослеживаются пути их попадания в Причерноморье. Из 12 караманлийских вариантов текста в сопоставлении с двумя известными нам урумскими и двумя гагаузскими текстами молитвы наибольшую аналогию демонстрирует старейший, венецианского 1756 г. издания вариант, выполненный Серафимом Писидийским, а также перевод лондонского издания 1873 г. Более поздние стилистические обработки текста, вероятно, сделаны по каноническим стамбульскому и афинскому изданиям Патриархии. При сравнении с двумя урумскими вариантами молитвы становится понятно, что урумы пользовались старейшим текстом венецианского происхождения (перевод Серафима Анталлийского) 1756 г. Гагаузы пользовались оригиналом на основе лондонского текста 1873 г., а позднее переводом на родной язык, совершенном, очевидно, под влиянием как предыдущей традиции лондонского издания, так и стамбульских и афинских книг, содержавших стилистически более упрощенные версии молитвы. Таким образом, каждая их обеих урумских и обеих гагаузских молитв имеет эквиваленты более «высокого» (караманлийские варианты 1,7,9) и «уп-

¹ Гаркавец О.М. Уруми Надазов'я: історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата: Український культурний центр, 1999. 624 с. (Azovian Urums: History, language, fairy-tales, songs, riddles, proverbs, written monuments. Alma-Ata: Ukrainian Culture Centre, 1999. 624 p. (The scientific article in Ukrainian, the texts in Urum).

² Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы. Вступительная статья, перевод, историко-филологические комментарии и подготовка текста Евгения Чернухина. Донецк, 2005. 168с.

³ Смолина М. Урумский язык. Приазовский вариант. Урум тили. Киев–Санкт-Петербург, 2008. 167 с.

⁴ Παμλουκη Ι.Τ. Πετερμιζ ολιγα λεξεις επι της συνθεσεως των θρησκευτικων Βιβλιων της τουρκοφωνου Ελληνικης φιλολογιας. Κεμενα και μελεται Νεοελληνικησ Φιλολογιασ Διευνητс: Καθηγητης Γεωργιος Θ. Ζωρας. εν Αθηναи, 1961.

рощенного» стиля. Что касается караимского перевода, это наиболее свободный от лексических заимствований кыпчакский ранний вариант, сравнимый лишь с текстом молитвы в памятнике «Кодекс Куманикус», в котором практически отсутствуют не-тюркские заимствования (наиболее приближен караманлийский вариант 4). Отметим, что как в наиболее старых тюркских переводах, так и в более поздних дедакциях лексические замены не были ошибками переводчика, но свидетельством мастерского использования Церковью этнического фактора, средством приобщения паствы в свое лоно.

English Summary: The main aim of the paper is to examine all available Karamanli, Urum, Karaim and Gagauz Turkic versions of the Lord's Prayer spread both in Black Sea and the Balkans region as a fragment of sacral text. Our task consists in identifying of the origin of the texts as far as the ways of its translations and references to the previous versions. When one compares 12 Karamanli texts with two known Urum and two Gagauz versions, its possible to find its direct analogies with the oldest, Venice Karamanli edition (1756) of Turkish translation of the prayer made by Serafim Pisidian, which was used by Urums, and London edition (1873) used by Gagauzes. The later, stylistically simplified translations both in Urum and Gagauz were probably made under the influence of Istanbul and Athenes' canonical Patriarchate's editions. As concerns to the oldest, Karaim version, it is purest Qypchak version of the prayer, which may be compared with Pater Noster from Codex Cumanicus.

М.Э. Дубровина
(ВФ СПбГУ)

О термине причастие в тюркских языках
(на примере якутского языка)

Как представляется автору, термин «причастие» пришел в тюркологию явно из индоевропеистики, и те глагольные формы, которые отдаленно напоминают русские причастия, т. е. в речи способны употребляться атрибутивно¹, тюркологи также называют причастиями, не обращая внимания на то, что функциональные возможности этих форм шире тех причастий, которые имеются в русском языке².

¹ Андерхилл Р. Причастия в турецком языке //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. М.: Прогресс, 1987. С. 325; Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Уч. пособие. Л., 1977. С. 35.

² Причастия это формы в которых «глагольность выражается как окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени

Нередко, используя привычный термин, тюрколог делает оговорки, перечисляя дополнительные функции описываемых им конкретных форм. Так, после анализа С.Н. Иванова становится понятным, что многие тюркские «причастия» индифферентны к «агентивному» значению (которое обязательно для русских причастий), отношения между действием и определяемым предметом могут быть различными, а зачастую становятся известными только на основании всего контекста¹.

Но более важным с функциональной точки зрения является то, что такие тюркские глагольные формы способны в высказывании выступать в функции, которую ряд исследователей именуют субстантивной². И, несмотря на то что практически во всех тюркских языках такие глагольные формы абсолютно в равном отношении способны употребляться как атрибутивно, так и субстантивно, вторую, т.е. субстантивную функцию, ученые либо замалчивают, признавая ее тем самым, недостаточно показательной³; либо говорят о ней явно как о второстепенной⁴.

Автор склоняется к тому, что в якутском языке как во многих других тюркских языках не все из тех форм, которые именуют «причастиями» (-ар, -быт)⁵, являются причастиями в европейском понимании термина. Они ведут себя иначе, чем русские причастия, и скорее близки английской форме -ing, имея две функции: выступать в высказывании в качестве и глагольных атрибутивов, и глагольных субстантивов.

Важность любого термина заключается в том, чтобы он, во-первых, правильно описывал сущность и функции языкового явления, а во-вторых, стремился к некой универсальности и понятности для исследователей различных мировых языков.

прилагательного». Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л., 1947. С. 272.

¹ Иванов С.Н. Указ. соч. С. 35.

² Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л., 1990. С. 122–126.

³ Иванов С. Н. Указ. соч.

⁴ Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на –ган и ее производные). Л., 1959. С. 91–109.

⁵ Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982. С. 227.

Л.С. Ермолаева

(Петербургское лингвистическое общество)

*Новая научная парадигма в картвелистике шестидесятых годов
прошлого столетия и ее дальнейшее развитие*

В конце 50-х гг. прошлого столетия в научной картвелистике сложилась кризисная ситуация из-за «авторитетной» иберийско-кавказской гипотезы, бесосновательно утверждавшей генетическое родство картвельских, абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков между собой. Поскольку эта гипотеза не подтверждалась звуковыми соответствиями между языками («лингвистической таблицей умножения» по меткому выражению В.М. Жирмунского), появилось даже утверждение, что звуковые законы в кавказском регионе не действуют. Это наносило существенный ущерб всей теории сравнительно-исторического языкознания. Для кавказоведения эта гипотеза имела своим следствием утверждение, что картвельские языки являются эргативными, как и прочие кавказские языки. Несостоятельность иберийско-кавказской гипотезы была доказана в исследовании Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры» (Тбилиси, 1965). Общеязыковедческое значение этого исследования (в том числе и для индоевропейцев) было отмечено В.М. Жирмунским. Вышедший в 1964 г. «Этимологический словарь картвельских языков» Г.А. Климова уже основывался на этой теории, что также было отмечено В.М. Жирмунским.

В исследовании Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани было также доказано наличие структурно-типологического изоморфизма между пракартвельским и праиндоевропейским как результата длительных ареальных контактов их носителей. Дальнейшее развитие эта теория получила в монографии Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», Тбилиси, 1984. Следствием этих фундаментальных исследований явился пересмотр многих картвелологических теорий, в том числе и теории эргативности картвельских языков.

В докладе более подробно рассматриваются вопросы типологической характеристики картвельских языков как представителей ранненоминативного строя с реликтами активного, что также подтверждает тезис о наличии структурно-типологического изоморфизма между пракартвельским и праиндоевропейским. В частности, становление и развитие повествовательного падежа в картвельских языках целиком повторяет путь развития индоевропейского номинатива, в силу чего картвельский материал может быть использован для верификации индоевропейских реконструкций.

Е.К. Иванова
(ВФ СПбГУ)

**К вопросу об истории формирования языковой нормы
в персидском языке**

Проблемы становления и изменения языковой нормы тесно связаны с формированием национального самосознания. В Иране эти проблемы впервые встали в полный рост в начале XX в., на первом этапе буржуазной революции в процессе борьбы за Конституцию (1905–1911 гг.). Это движение сопровождалось подлинным культурным переворотом. По мере знакомства иранского общества с достижениями западной цивилизации в персидский язык хлынул поток иностранных слов и терминов. Для регулирования языковых процессов и в том числе для выработки и введения в языковой оборот персидских эквивалентов иностранных заимствований в 1935 г. начала свою деятельность Академия языка.

В результате Исламской революции 1979 г. изменился культурный облик общества, и вновь стали актуальными проблемы, связанные с языковой нормой. Именно в послереволюционные десятилетия на персидский язык было переведено большое число исследований западных ученых по социолингвистике. Вместе с тем эта тематика стала активно разрабатываться и иранскими лингвистами.

Среди публикаций последнего времени обращает на себя внимание книга Насера Голи Сарли «Эталонный персидский» (Тегеран, изд-во «Хермес», 1387/2008). В одном из разделов автор прослеживает этапы становления и развития нормы в персидском языке. Как отмечает исследователь, начиная с династии Саманидов (X в.) роль эталона играл язык фарси-дари («придворный фарси»). В ходе культурной революции начала XX в. сформировался новый эталон – *лафз-е галам* (букв. «речь пера»). Его фонетический облик сложился в большой степени под влиянием тегеранского говора, но в целом он основан на стандартах письменной речи.

С течением времени возникла современная норма – язык образованной части населения Тегерана, принимаемый носителями персидского языка как эталон.

В.Б. Касевич
(ВФ СПбГУ)

Буддийские схоласты и современные теории речевых актов

Теорию речевых актов обычно рассматривают как сферу прагматики. Это не совсем точно: теория речевых актов *включает* в качестве

своего важнейшего компонента прагматические стороны речевой деятельности, но не *сводится* к ним.

Говоря о речевом акте, большинство авторов различают локуцию, иллокуцию и перлокуцию. При более подробном анализе учитывают также пропозиционирование, в рамках которого осуществляются референция и предикация. В итоге получаем структуру: локуция как само по себе произнесение высказывания; пропозиционирование как отбор лексических элементов в их отнесенности к соответствующим референтам плюс построение пропозиции с участием отобранных лексических элементов; иллокуция как определение функциональной направленности высказывания (угроза, информирование и т. п.); перлокуция как результат речевого акта с данной иллокуцией (испуг, расширение тезауруса адресата и т. п.).

В буддийской схоластике, реализованной прежде всего как составление огромного массива комментариев к текстам Писания, восходящим к Будде, можно видеть значимые параллели к подходам анализа в рамках теории (теорий) речевых актов. Прежде всего, это сужение функции самого языка/речи – «слов». Даже слова Будды – это всего лишь слова. Они выполняют свою функцию, которая характеризуется с помощью «метафоры плота»: плот переносит адепта на другой берег реки страдания – этим его роль исчерпывается. Лишь глубоко личностное знание, полученное в результате медитации (к которой *подводит* Писание), обеспечивает спасение.

Как следует из сказанного выше, понятия локуции и перлокуции носят ярко выраженный функциональный характер. Именно они придают теории речевых актов ее характерную прагматическую окраску. Буддийские представления о языке/речи, как и об истине, насквозь прагматичны. Так, если экзегеза может предложить нам более одного толкования конкретного пассажа текста и самого текста – предпочтение должно оказываться *сотериологически адекватному* варианту толкования, т. е. тому варианту, использование которого в большей степени способствует улучшению кармы и, следовательно, приближает нирвану.

Возвращаясь к роли и характеристикам текста в буддизме, следует отметить, что буддийские мыслители вообще относятся к скептическому направлению в трактовке языка (подобно Беркли, Ницше, Кожибскому и многим другим). Но они тем не менее считают разумным стремиться к максимальной «экспланаторной силе» текста. Неудивительно, что в качестве идеала принимается текст Будды. Текст Будды признается «полным» (в нем ничего важного не упущено) и «компактным» (в нем нет ничего лишнего). Последнее напоминает известные прагматические (коммуникативные) постулаты Грайса.

*Антон Киселев
(СПбГУГА)*

Книга Гиваргиса Агасси как источник по современной ассирийской лексикологии

Лексикология современного восточно-ассирийского языка, к сожалению, остается мало исследованной областью современной ассириологии. Несмотря на существование литературного языка, базирующегося на созданной на нем достаточно обширной литературе, многие носители языка – особенно это касается живущих в эмиграции – не вполне им владеют. Литературный язык пока еще достаточно молод и, вследствие этого, в значительной мере «неустойчив»: прежде всего, подвержен заимствованиям. Именно им и посвящена книга Гиваргиса Агасси «Заимствованные слова в современном ассирийском языке»¹.

Источниками заимствований являются в основном арабский, персидский курдский, турецкий и английский языки. Однако многие из этих заимствований не вошли прочно в язык. Рядом с заимствованиями приводится не только их перевод на английский язык, но и слова исконного ассирийского лексического фонда. Немалое число этих слов не входит в состав «активной лексики» языка, но может служить хорошей базой для создания ассирийских неологизмов. Эти возможные неологизмы затрагивают как «общекультурную» лексику, так и специальную терминологию.

Создание и использование неологизмов присуще ряду современных авторов (как литераторов, так и просто активных носителей языка), но при этом введение неологизмов носит характер спонтанности, а сами неологизмы могут оставаться неизвестными многим носителям языка. Именно поэтому так велика ценность книги Гиваргиса Агасси, несмотря на прошедшую с момента издания четверть века, как справочного пособия по заимствованиям в ассирийский язык, и по его исконному лексическому фонду, возможно, ожидающему свое второе рождение.

*С.Г. Крамарова
(ВФ СПбГУ)*

Об истории балийского языка

Балийский язык относится к бали-сасакской подгруппе языков. На нем говорят около 4 млн. человек на острове Бали, западной части острова Ломбок и на восточной оконечности острова Ява. Используется

¹ Гиваргис Агасси. Заимствованные слова в современном ассирийском языке (на ассирийском, в оригинале: *ܠܘܘܝܢܐ ܕܟܘܠܐ ܕܡܢ ܕܘܠܘܬܐ ܕܐܘܪܘܫܐܝܡܐ*). Сан-Хосе, США, 1985.

этот язык в основном при общении в кругу семьи. В настоящее время балийский язык является в основном разговорным языком. Как письменный он используется редко, на нем написано некоторое количество книг. Балийский язык изучается также в школе.

Наиболее старой по дате написания является надпись, датированная 882 г. Период 882–1050 гг. характеризуется использованием древнебалийского языка (письменность – древнебалийская – заимствованная из Индии, язык – балийский с разным количеством заимствований из санскрита и древнеяванского языка). Этот период Горис (Goris 1954) делит на два этапа. Семь надписей, относящихся к периоду 882–914 гг. он относит к типу *Yumu Pakatahu*, так как все они начинаются с этих слов, имеющих значение ‘Вам следует знать’. Остальные из 37 транслитерируемых им надписей на древнебалийском языке Горис относит к типу *Warmadewa Dynasty* по названию правящей династии (914–1050 гг.). Период развития древнебалийского языка наиболее исследован.

Первые контакты с Явой, а следовательно с яванским языком, относятся к VIII в. С этого времени яванское королевство Матарам консолидирует Бали.

В начале XI в. влияние древнеяванского языка на древнебалийский язык стало очень велико. Древнеяванский язык (кави) начинает заменять древнебалийский как язык надписей и к середине – концу XI в. полностью его заменяет.

Почти все зафиксированные в надписях слова из древнебалийского языка (незаимствованные) имеются в современном балийском языке низкого стиля, а лексика высокого стиля преимущественно заимствована из санскрита и древнеяванского языка. Нейтральный стиль является соединением высокого и низкого стилей. Специфических для нейтрального стиля слов очень мало.

Существует две версии происхождения стилей балийского языка. Согласно первой, система стилей балийского языка была полностью заимствована из яванского языка. Подтверждением этому является наличие в балийском языке тех же четырех стилей, что и в яванском языке (низкий стиль, нейтральный стиль, высокий стиль (очень уважительный), высокий стиль (подобострастный)). Согласно второй гипотезе, эта система сформировалась независимо от яванского языка и до контактов с Явой.

*Н.В. Кутафьева
(Новосибирский ГУ)*

Соотношение грамматической категории числа и системы классификаторов в языках Юго-Восточной Азии

В китайском, тайском, корейском, японском и других языках Юго-Восточной Азии существуют развитые системы классификаторов. В лингвистических работах для обозначения этого явления используются различные термины, при использовании которых утверждается или отрицается самостоятельный характер этих слов. Так, в академической грамматике корейского языка эти слова считаются «особым разрядом имен существительных или счетными неполнозначными именами существительными». В японских лингвистических работах они называются «вспомогательными числительными». В работах русских востоковедов используются термины суффикс-классификатор и другие.

Классификаторы указывают на конкретные предметы, на вид исчисляемых предметов, то есть, с одной стороны, они индивидуализируют предметы, являющиеся объектом счета, а с другой – обобщают их по определенным видовым характеристикам. Сочетание отвлеченных чисел с классификаторами, объединяющими предметы по их качественным характеристикам, приводит к тому, что числовые обозначения сливаются с обозначениями свойств предметов, т. е. количественные характеристики объединяются с качественными. Феномен классификаторов состоит в том, что категория количества накладывается на категорию качества. Значение неотвлеченности, привносимое классификатором, противостоит отвлеченной идее количества, выраженной посредством имени числительного, и состоит в способности «отвлекаться от прочих свойств предмета, кроме числа». Система классификаторов была заимствована из китайского языка корейским и японским языками. Тем не менее качественное разделение предметов в мире в этих языках различается.

Существует проблема, относить ли к классификаторам единицы измерения. Японские лингвисты относят к классификаторам и единицы измерения. Российские востоковеды считают, что от классификаторов следует отличать примыкающие к ним по функции существительные, обозначающие единицы измерения. Существуют классификаторы, используемые для индивидуального, парного и группового счета.

Развитие системы классификаторов связано с наличием или отсутствием в языке грамматической категории числа. В языках с развитой системой классификаторов отсутствует грамматическая категория числа. При наличии в языке грамматической категории числа блокируется развитие классификаторов.

А.А. Мокрушина
(ВФ СПбГУ)

Понятие *ḥarām* в арабской культуре и его сопоставление с концептами русской культуры

Одним из методов изучения аспектов культуры может выступать анализ ключевых слов, значимых в рамках данной культуры. Процесс выявления ключевых слов, который не может быть сведен к «объективной процедуре открытия», как правило, включает анализ частотности их употребления как в художественной литературе, так и в разговорной речи, а также сопоставление данных понятий с аналогичными, существующими в других языках.

Интересным для рассмотрения представляется понятие *ḥarām*, обладающее тщательно разработанным семантическим полем в арабской культуре, одному из значений которого в русском языке соответствуют сразу три концепта – *грех*, *позор* и *стыд*.

Понятие *ḥarām*, прежде всего, несет указание на нечто священное и поэтому запретное. Так, *al-baytu-l-ḥarām* означает священную Каабу, вход в которую простому человеку строго запрещен. Священный город Мекку называют *al-baladu-l-ḥarām*. Четыре месяца мусульманского календаря – *zū-l-qa'da*, *zū-l-ḥidjja*, *muḥarram* и *radjab* – носят название *al'a-ṣhuru-l-ḥurum*, так как согласно Корану в это время были запрещены военные действия. В этом значении понятие *ḥarām* противопоставляется другому не менее многозначному концепту *ḥalāl* (нечто дозволенное, законное). Однокоренные слова, например, *ḥarīm* (женская часть дома, куда вход посторонним был запрещен) или *ḥarāmī* (вор, т.е. тот, кто делает нечто незаконное) также несут значение недозволённости и противозаконности.

Другой оттенок смысла понятия *ḥarām* соотносим с концептами *позор*, *стыд* или *грех* в русской культуре (Ср. *ḥarām* 'alayk – *Позор тебе! Стыдно! Грех!*). При этом в русском языке форма *стыдно* может указывать как на эмоциональное состояние субъекта (*Мне стыдно*), так и давать характеристику его действиям (*Как тебе не стыдно!*). Понятие *ḥarām* в этом случае соотносится по значению со вторым примером употребления, тогда как для описания эмоционального состояния в арабском языке используется другие лексемы (*ḥadjjila*; *'istāḥā*; *kasifa*).

Е.В. Панина
(ИСАА МГУ, Москва)

**Объекты животного и растительного мира в санскрите:
метафоризация и принципы наименования**

В соответствии с существующими в лингвистике двумя концепциями семантики более широкая ее концепция подразумевает изучение не только значения слова как устойчиво закрепленного за знаком содержания, но и «смысла языковых выражений в конкретных условиях их употребления»¹.

Принципы номинации объектов животного и растительного мира можно рассматривать, опираясь на понятие фреймов и его слотов, где под фреймом понимается структура знаний, представляющих собой набор информации об определенном фрагменте человеческого опыта – объекте или ситуации. Общая схема представления объектов животного и растительного мира может быть такова:

1. Тип – живое существо; растение.
2. Основные свойства: внешний вид; форма; физические или физиологические качества; анатомические или структурные особенности.
3. Положение в пространстве.
4. Положение по отношению к другим подобным же объектам.
5. Составные части описываемого объекта.
6. Количество составляющих объект частей.
7. Величина.
8. Подвижность.
9. Способ передвижения в пространстве.
10. Скорость передвижения.

В соответствии с этой схемой нами были выделены основные признаки, задействованные при номинации животных в санскрите:

1. Непроизводные/немотивированные.
2. Мотивированные: 1. (слова, объединяемые) по признаку места и способа передвижения; 2. по признаку «обладающий чем-либо»; 3. по признаку происхождения откуда-либо; 4. по признаку скорости передвижения; 5. по признаку основного интереса или главного действия; 6. по отличительным (выдающимся) качествам во внешнем виде, облике; 7. по основным физическим или физиологическим характеристикам и способу передвижения; 8. по признаку места обитания; 9. по времени и способу обитания; 10. по отличительному признаку в характере, поведении; 11. метафорические наименования.

Классификация названий объектов растительного мира:

1. Непроизводные/немотивированные.
2. Мотивированные: 1. по признаку места происхождения; 2. по отличительным качествам; 3. метафорические наименования; 4. по внешнему виду, внешним отличительным признакам.

¹ И. Кобозева. Лингвистическая семантика. М., 2000, с. 31.

Метафорические наименования животных в санскрите действительно представляют собой отдельное формирование. Так, например, слово «mṛga-adhipa», «лев» («повелитель зверей»), будет рассматриваться на ином языковом уровне, нежели словосочетание «царь зверей»:

tenoktam – bhoh prabho tvam raçūnām samrāṭ ṣṛūyate (Она сказала: «О, господин, слышно, (что) ты царь зверей» [Панчатантра]).

В текстах находим слова, внутренняя форма которых отсылает нас к тому, что называется «вторичной метафоризацией». Часто, хотя правилом это не является, примеры их находим в поэтических текстах, стремящихся избежать лексического однообразия и отличающихся высокой образностью и метафоричностью.

madhukārah prādhānyena kamalebhyo madhu pibanti (Пчелы главным образом от лотосов пьют мед).

anasūye jNānāsi kim nimittam ṣakuntalā vanajyotsnīmamimātram prekṣata iti (Анасуя, ты знаешь, что за причина (того, что) Шакунтала так пристально смотрела на жасмин?)

О.И. Редькин
(ВФ СПбГУ)

Классическая школа востоковедения и цифровые технологии – новые возможности

В настоящее время становится очевидной необходимость гармоничного сочетания в учебном процессе традиционных методик классической школы, а также возможностей, предоставляемых новыми цифровыми технологиями, что должно способствовать подготовке специалистов нового поколения новыми компетенциями. При этом актуально не только использование технических средств непосредственно в аудитории, но и при подготовке пособий и иных материалов, используемых в учебном процессе. В этой связи необходимо решение таких задач, как поиск и выделение необходимого материала, его обработка с целью последующего использования в учебном процессе, использование полученных в ходе практических и лекционных занятий, хранение учебных материалов и создание баз данных, адаптация учебного контента для использования на мобильных и планшетных устройствах.

Поиск исходных материалов в цифровом формате, для учебного процесса возможен как с использованием существующих баз данных (библиотечных, локальных информационных баз), так и открытых источников – Интернета, видео- и аудиопрограмм и т. д.

При формализации графики на восточных языках, прежде всего тех, чья письменность не основана на латинице, возникает проблема корректного составления запросов, вводимых в адресную строку. Так,

для арабского языка возможен поиск по корневой морфеме или алфавитному принципу, с огласовками или без, ввод слов в строку поиска с определенным артиклем или без него, со слитными местоимениями или предлогами и без и т. д. Учитывая наличие широкой парадигмы морфологических моделей в арабском языке – существование значительного количества графических дериватов от корня, в некоторых случаях более десяти тысяч, такого рода задача многократно усложняется.

При подготовке материала к использованию в ходе учебного процесса необходимо выделение его релевантных составляющих, как с точки зрения наличия актуальной лексики, предназначенной для усвоения на определенном этапе обучения, тематической составляющей, а также задач, определяемых характером целевой аудитории. Возможно включение в контент курсов гиперссылок, справочных материалов, глоссариев и иных фрагментов, также формируемых в цифровом формате.

Имеющееся в настоящее время стандартное оборудование и программное обеспечение позволяют в значительной мере реализовать поставленные задачи. Актуальным представляется не просто формирование баз данных и справочных материалов для РС, но и их адаптация для мобильных и планшетных устройств iPad, учитывая перспективы распространения такого рода устройств в ближайшие годы, расширение возможностей графических редакторов путем создания дополнительных функций для выделения актуальных фрагментов текста.

В ближайшей перспективе необходим перевод в цифровой формат учебных материалов на бумажных носителях и их последующая редакция.

М.В. Станюкович
(МАЭ РАН (Кунсткамера))

Проблемы языковой интерференции в алим, ритуальном жанре фольклора ифугао (Филиппины)

Алим – малоизученный жанр мужского ритуального фольклора горцев северного Лусона. Старшее поколение ифугао еще сохраняет воспоминания о живом исполнении этой ныне исчезнувшей традиции. Р.Ф. Бартон определяет *алим* как «баллады романтическо-шуточного характера» (Barton 1955:3). Отдельные сведения об этом жанре можно найти в работах Р.Ф. Бартона (Barton 1946; Barton 1955), Фр. Ламбрехта (Lambrecht 1955; Lambrecht 1932–1941), М.А. Думиа (Dumia 1979). В отличие от *худхудов* – женского эпоса ифугао, ритуальная приуроченность которого не очевидна для постороннего наблюдателя, обрядовый характер *алимов* никогда не подвергался сомнению. Тексты *алимов* не опубликованы. Данный доклад представляет лингвистический анализ

текста, приведенного в рукописи докторской диссертации Р. дель Росарио.

Язык *алимов* совмещает слова и фразы на диалекте *тували* языка ифугао, относящегося к центрально-кордильерской группе языков, с участками текста на диалекте *каллахан/калануя* – языка южно-кордильерской языковой семьи. Основные различия между названными лингвистическими группами будут освещены на основании работ Л. Рида (Reid 1974) и Р. Хаймса (Himes 1998).

Некоторые языковые формы присутствуют в тексте алима как в южно-, так и в центрально-кордильерском варианте. Южно-кордильерская основа может сочетаться с центрально-кордильерским способом аффиксации; встречаются примеры оформления одного и того же корня как одним, так и другим способом. В докладе будет предложено описание и объяснение причин и механизмов существования подобной интерференции на основании данных литературы и полевых материалов автора.

Автор благодарит Л. Рида за консультации по вопросам исторической лингвистики Кордильеры, Р. дель Росарио и Л. и Д. Хохулинов за разрешение пользоваться их неопубликованными материалами: текстом алима (Rosario 2003) и базами данных по языкам тували ифугао и келей-и (Hohulin, Hohulin 2010).

О.А. Трофименко
(Уссурийский ГПИ)

Развитие системы наклонений в корейском языке

Система наклонений в каждом отдельном языке исторически изменчива. Изменения происходят и в плане выражения, и в плане содержания. Анализ развития системы помогает пронаблюдать характер изменений и лучше понять значение и особенности функционирования маркеров исследуемой категории в современном языке.

В корейском языке категория наклонения является позиционной категорией, ее маркеры могут использоваться в основном в позиции сказуемого и крайне редко в позиции определения. В качестве предиката могут использоваться не только глаголы действия, но также спрягаемые прилагательные и существительные (с помощью глагола-связки «ида»).

В современном корейском языке средства выражения категорий наклонения, времени и вида представлены различными структурными типами – определенными классами аффиксов и аналитическими конструкциями. Однако так было не всегда.

В средневековом корейском языке (XV–XVI вв.) аспектуальные, темпоральные и модальные (категория наклонения) значения выражались с помощью суффиксов: один показатель мог выражать несколько грамматических значений. Аспектуально-темпорально-модальные суффиксы могли сочетаться с определенными финитными, деепричастными и причастными окончаниями. В тот период в языке выделялись: суффикс изъявительного наклонения настоящего времени и продолженного вида; суффикс эвиденциального наклонения прошедшего времени и незавершенного вида; суффикс прогностического наклонения и будущего времени; суффикс адмиративного наклонения; суффикс подтвердительного наклонения; суффикс прошедшего времени завершенного вида и результативного наклонения.

Ситуация начала меняться в период нового времени (XVII–XIX в.в.). С упрощением системы грамматических показателей конкретизировалось и их категориальное значение. Аспектуальные и темпоральные показатели выделились в самостоятельные формы, а вот среди маркеров категории наклонения наблюдалась тенденция их закрепления в составе форм конечной сказуемости.

Л.М. Ульмезова
(ВФ СПбГУ)

Сослагательное наклонение в карачаево-балкарском языке

В карачаево-балкарском языке формы существуют сложные глагольные финитные формы сослагательного наклонения *-А/Ыр эди* (отрицательная форма *-Маз эди*), *-лЫкъ эди*, которые указывают на то, что действие должно было, могло или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось¹.

В карачаево-балкарском языке глагольные финитные формы сослагательного наклонения представляют собой омонимы неопределенного имперфекта и будущего в прошлом. Возникновение значения сослагательности в результате переосмысления будущего в прошедшем – явление широко распространенное за пределами тюркских языков². Поскольку материальные средства выражения различных грамматических категорий относительно ограничены, для передачи новых значений

¹ Насилов Д.М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма). Автореферат канд. дисс. М., 1963. С. 14–15; Гузев В.Г., Дениз-Йылмаз О. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики. СПб., 2004. С. 34–35.

² Гузев В.Г. Указ. соч. С. 97.

используются уже имеющиеся в языке формы, значение которых при этом переосмыслиется¹.

Сослагательно-волеизъявительное наклонение в карачаево-балкарском языке

Глагольное имя с морфемой *-гъы* в карачаево-балкарском языке почти не упоминается грамматистами².

В древнеуйгурском языке эта форма в качестве глагольного имени имеет значения будущего времени, возможности и долженствования³. Это обстоятельство позволяет думать, что карачаево-балкарская форма со сложной морфемой *-гъы* *эди* представляет собой одну из разновидностей сослагательного наклонения, сформировавшуюся на типичной для сослагательного наклонения семантической основе – сочетании значений будущего и прошедшего времени.

Л.Л. Федорова
(РГГУ, Москва)

Письменности Индии – от истоков к современности

В настоящее время в Индии используется несколько десятков письменных систем. Все они восходят к единому источнику – письму брахми. Возникшее во 2 пол. I тыс. до н. э., оно вытеснило соперничавшее с ним на севере письмо кхароштки и распространилось по территории Индии и за ее пределы, дав множество вариантов для различных языков⁴. Этому способствовала гибкость системы, построенная на знаках типа C^Г, которую в современной типологии письма называют абугидой или алфасиллабарием. Эта система была усовершенствованием семитских систем абджада⁵, знаки которого имели чтение C^{Гx}. изобре-

¹ Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968. С. 102; его же. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 204.

² См., однако: Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971. С. 53–69.

³ Телицин Н.Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке (на материале древнеуйгурских памятников из Синьцзяна). Канд. дисс. Л., 1990. С. 67–70. См. также: Gaban A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950. S. 117, § 225.

⁴ Salomon, R. G. (1996). South Asian writing systems. Brahmi and Kharoshthi. In Daniels, P. & W. Bright (eds.). *The world's writing systems*. Oxford University Press. P. 373–383.

⁵ Термины абджад и абугида принадлежат П. Даниелсу (Daniels, P.T. The study of writing systems. In Daniels, P. & W. Bright (eds.). *The World's Writing Systems*. New York: Oxford University Press, 1996, P. 3–17); В. Брайт и П. Спот вместо абугиды используют термин алфасиллабарий (Bright, W. (1996). The Devanagari script. In Daniels, P. & W. Bright (eds.). *The World's Writing Systems*. 384–391. New

тение абугиды было достижением индийских лингвистов, основанном на развитой фонологической традиции.

В своем историческом развитии и приспособлении к другим языкам индийское письмо дифференцировало основные оппозиции, заложенные в брахми:

- 1) между слогами типа СГ и Г – развитием форм начальных гласных;
- 2) между краткими и долгими гласными;
- 3) между огласованными и неогласованными слогами: С^г: С^о;
- 4) между одиночными согласными и кластерами С: СС.

Эти структурные оппозиции используют ряд графических приемов создания сложной акшары – орфографического слога, основные из которых – диакритики, лигатуры, знаки объединения. В результате акшара представляет собой графическую эмблему, а чтение текста основывается на двух принципах: линейном и эмблематическом.

Различные системы могут быть оценены по соотношению анализа и синтетизма в структуре сложного знака, что характеризует сложность письма.

Развитие языка приводит к изменению отношения между записью и чтением, выработке орфографических правил. В настоящее время в деванагари многие знаки используются в алфавитном чтении, так что возникает вопрос о его месте в типологии. Представляется, что поскольку акшара в деванагари сохраняет свою основную характеристику – потенциальную вокализацию, деванагари остается абугидой, являясь одной из наиболее совершенных письменных систем.

Р.А. Янсон
(ВФ СПбГУ)

О структуре слога в древнебирманском языке

В древнебирманском языке (ДБ) широко представлены начальнослоговые консонантные кластеры. Большинство из них сохранилось в графике в современном языке (СБ), хотя, естественно, далеко не все сохранили при этом свое древнее произношение.

Структурно начальнослоговые кластеры ДБ представляли собой начальный согласный, в качестве которого выступал любой согласный, представленный в фонологической системе языка, за ним могли следовать в разных комбинациях так называемые промежуточные сонанты,

York: Oxford University Press.; Bright, W. (2000). A matter of typology: alphasyllabaries and abugidas. *Study in the Linguistic Sciences* 30. 1: 63–71; Sproat, R. (2006). Brahmi-derived scripts, script layout, and segmental awareness. *Written Language and Literacy* 9.1: 45–66).

коих было 4: *l*, *r*, *y* и *w*. Возможны были следующие максимальные по составу варианты начальнослоговых кластеров: *C-ly*, *C-lw*, *C-rw*, *C-yw*.

Обращает на себя внимание использование сонанта *y* в третьей позиции в кластерах. Наличие данного сочетания делает невозможным анализ структуры древнего слога с позиций слоговой фонологии. Теория предлагает считать, что в составе трехкомпонентных кластеров первые два компонента образуют сложную инициаль, а третий входит в состав финали, выделяясь в ней в качестве медиали. При таком подходе древний слог, скажем, *mlyiuw* 'родственник' должен интерпретироваться как имеющий структуру *ml-yiuw*. Но слог *kywan* 'раб' членится так: *ky-wan*. Как видим, промежуточный *-y-* оказывается то частью финали – медиалью, то частью инициали.

В такой ситуации можно было бы попытаться отойти от исходных теоретических положений слоговой фонологии, признающей только односоставной характер медиалей, и допустить, что в ДБ медиаль может быть сложной, и тогда структура приведенных слогов будет иметь вид: *m-lyiuw* и *k-ywan*. Вслед за этим придется признать, что в ДБ были представлены только простые инициали.

Такое возможное решение нельзя признать удачным по нескольким причинам. Во-первых, оно типологически противоречиво, поскольку для древнего состояния слоговых языков как раз типичным является наличие разнообразных сложных инициалей, а во-вторых, промежуточный *-y-* на всем протяжении эволюции языка демонстрирует слитность именно с инициалью. Так, на его употребление наложены дистрибутивные ограничения именно слева. Кроме того, он оказал влияние на эволюцию именно инициалей, а не финалей – его сочетание с велярными инициальями дали простые палатальные инициали СБ: ДБ *ky* > СБ *ć*.

В создавшейся ситуации обратимся к анализу специфики употребления сочетания *-ly-* в древних текстах. Обнаруживается, что слов, стабильно записывающихся с этим сочетанием, крайне мало. Это *mlyiuw* 'родственник'; глотать', *klyap* 'мера веса', *khlyang* 'хотеть (несамост.)'. Изредка такое сочетание встречается и в других словах.

ДБ промежуточные сонанты представлены или были представлены также практически во всех родственных бирманскому языках. Их принято подразделять на две группы – плавные (*l* и *r*) и полугласные (*y* и *w*). Поскольку реальное фонетическое значение промежуточного *r* неизвестно (он не сохранился в СБ), разделение промежуточных на две группы вряд ли можно считать осуществленным на фонетических основаниях. Во всех языках плавные располагаются непосредственно за начальным согласным, полугласные – после плавных. Таков обычный порядок расположения компонентов кластеров.

Плавные в промежуточной позиции не могут сочетаться друг с другом. Казалось бы, такое правило должно быть действительным и для полугласных, и именно так они ведут себя в СБ. В древнем же языке полугласные сочетаются друг с другом, при этом в строго определенной последовательности: возможно только *-yw-*, но не наоборот.

Как видно из примеров, промежуточный *-y-* в ДБ демонстрирует двойственность в своем функционировании – с одной стороны, он позиционно объединяется с плавными (*kywan*), с другой – с полугласными (*klyap*). Таким образом, материал ДБ следует рассматривать как отражающий фонологический процесс, ведущий к оформлению закономерного (в порядке возрастания звучности) структурного оформления начальнослоговых кластеров.

СЕКЦИЯ 14.
ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС
LITERATURE OF ASIA AND AFRICA
IN THE DEVELOPMENT OF WORLD LITERATURE

И.Ш. Абилов

(Талышская Национальная Академия)

Литература непредставленных народов в мировом литературном процессе (на примере талышского народа)

Мировой литературный процесс, как понятие общечеловеческого литературного форума, посредством которого вырабатываются единые для участников художественные тенденции, безусловно, имеет западно-европейские корни, на которые в дальнейшем наслаивались иные цивилизационные пласты. Это так названное нами наслаивание происходило и продолжает происходить сегодня посредством вовлечения в европейскую литературу неординарных писателей из стран «литературного гетто». Так, Россия обозначилась в этом процессе благодаря Достоевскому, Толстому, Чехову и др., внесшим *новое, другое* в европейский литературный процесс, США обратили на себя внимание – кроме своей исторической связи с англо-саксонской традицией – творчеством Фолкнера, Сэлинджера, целого ряда талантливых битников и др. Ярким примером вовлечения иной литературной парадигмы является бум латиноамериканской литературы, известной сегодня именами Маркеса, Льюиса, Борхеса и др. Сегодня сложилась такая ситуация, когда есть отдельно мировой литературный процесс, решающий общезначимые задачи, есть разбросанные по всему миру периферийные национальные (государственные) литературы, изучающие вопросы внутреннего потребления, и есть находящиеся зачастую на обочине читательского внимания литературы непредставленных народов (в том числе и создающаяся в течение XX в. талышская литература). Несмотря на пестроту культур мира, возможно, выделить через пример литературы талышей некие общие функциональные задачи последних: фиксирование языка, репрезентация народа, роль выразителя и двигателя национального самосознания, создание ценностных ориентаций народа, нанесение контуров будущей литературы народа и пр. Характерным для талышской литературы является особое представление картины мира и этнопейзажа¹, билингвизм авторов, первичное развитие поэтических жанров, вырабатывание по-

¹ Термин введен Э. Смитом (ethnoscape). Подробнее о нем см.: Smith A.D. Myths and Memories of the Nation/ Smith Anthony D. Oxford: UP, 1999. P. 149–59.

средством художественных произведений чувства этно-солидарности, апеллирование к масштабной родственной региональной традиции – персидской литературе¹.

Т.А. Аникеева
(ИБ РАН)

Поэтическая составляющая текста турецкой городской повести

Фольклорный жанр турецкой городской повести (*хикайата*) неразрывно связан с традицией народной поэзии, которая является ее главным источником. Стихотворные фрагменты являются основным элементом, указывающим на устную традицию в турецкой городской повести, будучи при этом наиболее устойчивым элементом текста *хикайата*. При сопоставлении текстов городских повестей, посвященных одному сюжету, но различного времени издания (от конца XIX в. до середины XX в.), можно обнаружить постепенное исчезновение формульных словосочетаний в прозаическом тексте, тогда как наличие стихотворных фрагментов остается неизменным.

Особый интерес среди турецких городских повестей вызывают те, чей сюжет повествует о жизни и любви какого-либо *ашика*, так как они позволяют приблизительно определить временные рамки возникновения городской повести. Так, главный герой повести о Караджаоглане и Бенли-кыз обретает поэтический дар и затем, став *ашиком*, странствует в поисках своей возлюбленной. Часть стихов, которые слагает герой, принадлежит известнейшему народному поэту Караджаоглану (XVI в., по другим данным – XVII в.). Таким образом, возникновение данной повести как цельного текста, сочетающего элементы прозаические и поэтические (которыми в данном случае являются стихи Караджаоглана), может быть отнесено не ранее чем к XVII в.

Также привлекает внимание фигура *ашика* Сюммани (1860–1915). Большая часть биографических сведений об *ашике* Сюммани перешла в повесть о Сюммани и Гюльпери; в тексте повести в качестве поэтических вставок содержатся стихи самого поэта-*ашика* Сюммани. Повесть об *ашике* Сюммани и его возлюбленной Гюльпери была издана в Стамбуле в 1937 г. Таким образом, еще в первой половине XX в. турецкая городская повесть существовала не только как предмет исполнения или воспроизведения уже существующих сюжетов и их вариантов, это была еще и живая традиция, способная порождать новые сюжеты (вплоть до 1970-х гг.).

¹ Для примера см.: Xilgat. Gazalon. Вокц, 2005.

Л.И. Горская, Н.М. Баженова
(БАН, СПб)

*Гравюра в издании «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis
Petropolitanae» как отражение политического диалога
Востока и Запада*

В 1728 г. в Академической типографии был напечатан первый том отечественного научного издания «*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*». Издание представляет собой первый сборник научных трудов видных европейских ученых, приглашенных для работы в только что созданной Петербургской Академии наук. Оформление издания не только восхищает красотой и строгостью, но и представляет собой мощное и лаконичное изобразительное средство, с помощью которого коллектив ученых удачно очертил круг стоящих перед ним задач и вписал их в современный политический контекст.

Том открывают 2 прекрасные гравюры на меди – издательская марка на титульном листе и виньетка перед посвящением Петру II, – которые служат смысловой доминантой полиграфического оформления издания.

На первой гравюре изображены науки, изучаемые в Академии. Символы и орнамент позволяют отнести изображение к основателю Академии – Петру I, к его делам на благо науки. На второй гравюре изображены двуглавый орел и символы императорской власти. Вокруг – карты Балтийского и Каспийского морей, на которых отмечены Санкт-Петербург и важнейшие города-порты (в Балтийском море – Рига и Ревель, в Каспийском – Дербент). Россия представлена могучей морской державой, осваивающей главные торговые морские пути между Европой и Азией. Связь между Западом и Востоком, а также роль России подчеркнута и в девизе виньетки: *Re spicit occasuit victrix et specit in ortum* (Победительница оглядывается на Запад и смотрит на Восток). Изображение Каспия указывает не только на интерес России и Петра I к завоеванию и картографированию территории, но и на значительные успехи в исследовании этого региона, привлекавшего многие государства Европы. Академия как бы подчеркивает роль Петра I в научном описании Каспийского моря (за его карту он удостоен звания члена Королевской академии наук Франции). Интерес Европы (политический и научный) к этому региону заставлял ученых даже похищать картографические материалы и печатать их под чужим именем.

Тем самым, гравюра отражает роль России в изучении Востока и намерение западных ученых участвовать в нем на правах членов Петербургской Академии наук.

Н.М. Баженова
(БАН, СПб)

Восточная литература как предмет собирательства российских библиофилов в первой половине XVIII в.

Первая половина XVIII в. стала для России периодом бурного развития интереса к Дальнему Востоку. Определяющую роль сыграли политические (контакты с Востоком) и социокультурные факторы, однако следует учесть и возникновение такого явления как коллекционирование, которое не только активно распространялось, но и превращалось в настоящую страсть. Конечно, коллекционирование носило еще «стихийный» характер и шло, как и наука того времени, буквально во всех направлениях. Собирались картины, монеты, минералы, растения, различные диковинки, книги – в том числе и восточные. Выделение в коллекционировании восточного книжного сегмента шло постепенно и первоначально формировалось в рамках общего процесса коллекционирования. Примером тому может служить собирательская деятельность Я.В. Брюса, славившегося богатейшей библиотекой и разнообразными коллекциями: восточные предметы занимали в них особое место (известно, что у него был особый кабинет китайских редкостей), но особого восточного отдела среди книг, карт и рукописей в его библиотеке не было. Я.В. Брюс, по словам Ф.-Х. Вебера, очень сожалел о невозможности приобрести точные сведения о положении и особенностях Китайского государства.

Книжный интерес к Востоку явно обозначен в деятельности Петра I по собиранию библиотеки (в будущем – Библиотеки Академии наук). Особую роль в пополнении ее собраний восточной литературой сыграл бывший пленный швед, а затем секретарь российской посольства, российский торговый агент в Пекине и комиссионер Академии наук Лоренц Ланг. Через посредство иезуитской миссии в Пекине ему удалось достать для Библиотеки немало китайских книг и словарей, которые не только служили предметом библиофильской гордости, но и использовались для обучения китайскому языку и составлению собственных словарей. К 1730 г. Библиотекой были получены китайские книги «числом 82 тетради в 8 папках», а к 1775 г. в ней уже насчитывалось 202 папки и около 2800 книг. Пополнялась Библиотека и за счет покупки собраний восточной литературы у переводчиков (И. Россохин) и ученых (Г.З. Байер). Достать восточные книги считалось удивительной библиофильской удачей, поскольку в Европе их причисляли за редкостью к рукописным.

Л.А. Боридько
(ВФ СПбГУ)
«Третье измерение» в непальской поэзии

Поскольку литература на непальском языке является неотъемлемой частью индийской литературы, то динамика развития различных литературных школ во многом совпадает с динамикой развития в других литературах индийского субконтинента.

Авангардное течение в непальской литературе началось в 1963 г. в Даржилинге, когда вышел журнал «Третье измерение». Позднее это литературное направление получило такое же название. В журнале были опубликованы стихотворения поэтов Ишвара Баллава и Баираги Канхила, а также ряд рассказов и редакторская статья Индры Бахадура Рая. В этой редакторской статье содержался творческий манифест писателей. Они утверждали, что собираются порвать со старой литературной традицией и их творчество пойдет по новому, совершенно особому пути.

Писатели ставили своей целью добиться особой объективности при изображении внутреннего мира человека, его бессознательного. Ими было выбрано название «третье измерение», поскольку они считали, что человеку присуще еще одно «духовное измерение». Они стремились непредвзято показывать чувства, эмоции или ощущения непосредственно в момент их возникновения, чтобы на описание не влияла индивидуальная, авторская позиция. Для них было важно сосредоточиться на самом ощущении, быть максимально объективными в его изображении.

Новые цели, которые ставили перед собой писатели, требовали нового подхода к языку. Для того чтобы наиболее полно передать реальность, они стали разрабатывать свой собственный стиль, в рамках которого была создана своя система символов. Писатели черпали свое вдохновение в живописи и музыке, а для передачи образов обращались к санскритской лексике.

Т.И. Бреславец
(ДФУ.Владивосток).

Источник сюжетов в творчестве японской писательницы Уно Тие

Произведения Уно Тие (1897–1996) отмечены вниманием к достоверным событиям человеческой жизни, рассказанным реальными людьми. Так, жизнь с художником Того Сэйдзи (1897–1978) дала Тие возможность создать роман «Любовные откровения» («Иродзангэ», 1935 г.), который стал поворотным моментом в ее творчестве. Она прибегла к новому для нее приему повествования – пересказала подлинные происшествия из жизни известного человека. Того предложил Тие бел-

летризировать его любовные истории, в частности эпизод двойного самоубийства. Этот прием писательница назвала *кикигаки* – записью услышанного и в дальнейшем успешно использовала его в других произведениях, ставших знаменитыми.

В повести «Кукольный мастер Тэнгуя Кюкити» («Нингеси Тэнгуя Кюкити», 1942) присутствуют два рассказчика – автор и выдающийся кукольный мастер, который делится с писательницей размышлениями о жизненных невзгодах, раскрывает секреты своего мастерства.

Повесть «Воспоминания о русско-японской войне» («Нитиро но татакаи обозаки», 1943) создана на основе рассказов отца журналиста Китахара Такэо (1907–1973). В повести отец назван отчимом, Китахара Нобуаки, которому исполнилось семьдесят лет. В годы русско-японской войны (1904–1905) он служил в армии хирургом, участвовал в военных действиях в Корее и в Маньчжурии, в сражении под Ляояном.

Шедевром Тие стал роман «Охан» (1957). Мысль написать о судьбе женщины зародилась у писательницы на острове Сикоку, куда она ездила для встречи с кукольным мастером. Зайдя в лавку старьевщика, она разговорилась с хозяином, и вскоре он поведал ей историю своей жизни. Его рассказ полон сожалений о безвозвратно ушедшем времени, пронизан горечью утрат и раскаянием.

Творческий путь писательницы связан с преобразованием в литературный материал историй, услышанных от разных людей. В ее произведениях документалистика сочетается с художественным вымыслом и тонкой разработкой психологии характеров.

***И.С. Гуревич,
(ИВР РАН, СПб)***

Сравнение языка памятников с одинаковым сюжетом, принадлежащих разным жанрам и разным эпохам (пинхуа и роман)

Цель сообщения проследить процесс изменения грамматических структур в диахроническом аспекте на материале текстов жанра *пинхуа* периода Сун-Юань и классического романа периода Мин.

Рассмотрению подвергнуты следующие три пары текстов: 1) «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» и роман «Возвышение в ранг духов» (авторство приписывается Сюй Чжун-линю, ум в 1566 г. или Лу Сисину, ум. в 1601 г.), в основе которого и лежит названное *пинхуа*; 2) «Пинхуа по истории Трех царств» и романа Ло Гуань-чжуна «Троецарствие» и 3) «Пинхуа о веснах и осенях семи царств» и роман «Сказание об уделах Восточного Чжоу» (составлен при дин. Мин Юй Шао-юем, переписан Фэн Мэн-луном в конце Мин и еще раз пересмотрен Цай Юань-фаном при Цин).

Сопоставление первой пары свидетельствует: структура языка романа характеризуется высокой степенью насыщенности элементами раннего *байхуа*. Результаты сопоставления второй пары текстов: в тексте *пинхуа* элементы разговорного языка *байхуа* представлены весьма скудно, но проанализированные главы романа в этом отношении еще беднее. Сравнение третьей пары характеризуется весьма низким уровнем использования элементов *байхуа* в тексте *пинхуа*, в романе же такие встречаются еще реже.

Если сравнивать характер языковой структуры трех романов – «Возвышение в ранг духов», «Троецарствие» и «Сказание», то ближе всего нормам раннего *байхуа* соответствует языковая структура первого из трех, в котором соблюдаются традиции языка простонародных повествований; значительно меньше элементов разговорного языка в романе «Троецарствие», и редкими, случайными примерами представлены таковые в «Сказании». Два последних связаны с историческими источниками, и язык их испытывает влияние языка этих источников. В языке же соответствующих *пинхуа*, тематика которых также историческая, доля элементов *байхуа* выше, чем в «Троецарствии» и «Сказании» потому, что тексты были рассчитаны и обращены к разным аудиториям: романы предназначались образованному, искушенному в изящной словесности читателю, тогда как *пинхуа* были рассчитаны на людей, не отличавшихся высокой грамотностью.

А.А. Евтушенко
(Новосибирский ГУ)

«Повесть о принце Гэндзи»

**в женских образовательных текстах эпохи Эдо:
переход литературного произведения в разряд набора символов**

С момента появления произведения «Повесть о принце Гэндзи», созданного на рубеже X–XI вв. придворной дамой Мурасаки-сикибу, прошло более тысячелетия. Этот роман за историю его существования не только явился источником формирования интеллектуальных игр, созданных в периоды Камакура (1185–1333), Муромати (1392–1573) и Эдо (1603–1867), однако, и в настоящее время японцы живут, транслируя в различных сферах жизни образы, мотивы и стиль жизни, заданные на страницах «Повести о принце Гэндзи». Эпоха Эдо была отмечена невероятным развитием женского образования, выпускались издания с упражнениями и ознакомительными текстами для женщин. Именно тогда происходило оформление классических образцов японской литературы, осознание их с точки зрения содержания, эстетического значения.

Исследуемая в данной работе «Повесть о принце Гэндзи» на протяжении эпохи Эдо отличалась непостоянной популярностью.

Так, 1-я половина – сер. XVII в. характеризуется критикой морали содержания повести со стороны видных деятелей науки, философов, приверженцев конфуцианских идей. К сер. XVII в. «Повесть о принце Гэндзи» входит в список книг, необходимых для изучения (как мужчин, так и женщин). Однако в 1670 г. мы не наблюдаем это произведение среди официальных изданий в книжных магазинах, рекомендуемых для женского образования. Параллельно увеличивается количество иллюстрированных изданий «Повести», что говорит о переосмыслении этого произведения в качестве символа, что, на наш взгляд, в определенном смысле являлось следствием жесткой цензуры его содержания.

С 1692 г. в качестве иллюстраций в женских образовательных текстах выступают схемы ароматов *гэндзи-ко*: (схемы ароматов, созданные по мотивам «Повести о принце Гэндзи» в XVII–XVIII вв.), таким образом, с этого момента начинается подмена понятий о необходимости изучении не самой «Повести о принце Гэндзи», а лишь знакомства с его кратким содержанием и схемами ароматов *гэндзи-ко*., отражающими суть романа.

На наш взгляд, особенно интересен феномен частого повторения дизайна схем ароматов *гэндзи-ко*: в бытовой и духовной культуре японцев. Со временем схемы ароматов *гэндзи-ко*: начали использоваться не только в виде рисунков, украшающих страницы женских образовательных текстов, но и в качестве орнамента в архитектуре и искусстве, в качестве элементов дизайна одежды и бумаги, для оформления японских сладостей *вагаси* и пр. С другой стороны, сегодня многие японцы, визуально представляющие дизайн схем *гэндзи-ко*., довольно посредственно знакомы с содержанием самого романа, некогда послужившего источником формирования этого развлечения по угадыванию ароматов.

Таким образом, понятие *гэндзи-ко*: закрепило за собой значение знака-символа в японской культуре.

Для Японии, страны с иероглифическим письмом, характерно визуальное восприятие явлений культуры. Именно это и произошло с «Повестью о принце Гэндзи», осмысление и формирование впечатлений о которой привело к созданию символов, транслирующих знания об этом произведении в образной форме. Эти символы относительно недавно появились в культуре Японии, однако, судя по частоте и многообразию сфер их использования, в будущем схемы ароматов *гэндзи-ко*: могут принять статус сакуры или горы Фудзи, с которыми весь мир ассоциирует Японию и японскую культуру.

Мухлиса Зиявутдинова
(ТашГИВ, Ташкент)

О рукописи сочинения Абу Хафса ан-Насафи по теории аруда

Изучение, исследование и введение в научный обиход малоизученных памятников средневековья Средней Азии приобретает непреходящую значимость при оценке источников, отражающих общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь региона.

Среднеазиатский ученый XII в. из города Насафа (ныне Карши) Абу Хавс Умар б. Мухаммад б. Ахмад ан-Насафи (1068–1142) и рукопись его энциклопедии под названием «Место восхода звезд и слияние наук» под документальным номером 1462 находится в Рукописном фонде Института Востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН РУ. Она состоит из 357 листов, размер которых 28х34. Свод включает в себя 57 самостоятельных сочинений Абу Хафса ан-Насафи. Среди них сочинение, посвященное теории восточной метрической системы, – *аруду*, называемое «Краткое сочинение по *аруду* согласно предлагаемым принципам». Оно охватывает 302 а – 307б листы. Размер рамы текста 22х25. В каждой странице по 30 строк. Бумага восточная, пожелтевшая.

Как известно, система *аруд* впервые была разработана крупнейшим средневековым арабским филологом Халилем ибн Ахмадом ал-Азди ал-Фараянди, – одним из основателей басрийской филологической школы. Вслед за Халилем ан-Насафи характеризует метрику *аруд* как мастерство, с помощью которого можно отличить правильные размеры (*бухур*, *авзан*) арабских стихов от неверных и узнать, какие в нем встречаются варианты (*зихафат*) и отклонения (*илал*).

Изложенная ан-Насафи метрическая система аруда в основном не отличается от общих положений систем других средневековых филологов, но характеризуется большей сжатостью и краткостью, определяемой самим характером труда.

В этом сочинении классифицируется 16 метров аруда и их варианты. По Насафи, метр *тавил* имеет три варианта, *мадид* – шесть, *басит* – шесть, *вафир* – три, *камил* – пять, *хазафи* – две, *раджаз* – пять, *рамал* – три, *сари* – семь, *мунсарих* – два, *хафиф* – пять. Метры *мудари*’, *муктадаб*, *муджтасс* – по одному варианту, метр *мутакариб* – пять вариантов. Варианты каждого метра иллюстрируются примерами из стихотворений арабских поэтов. Только 16-й метр, который приводит ан-Насафи в 5 круге – *ракд*, не иллюстрируется стихами и упоминается только в самом круге. Здесь же на полях освещаются способы использования отклонений и вариантов метров *аруда*.

Ан-Насафи выделяет пять кругов.

I круг Мухталифа включает в себя три метра – *тавил, мадид, ба-сит*.

II круг *му‘талифа* – метры *вафир, камил*.

III круг *мухталиба* – метры *хазадж, раджаз, рамал*.

IV круг *муштабиха* – метры *сари‘, мунсарих, хафиф, мудари‘, муктадаб, муджтасс*.

V круг *муттафика* – метры *мутакариб* и *ракд*.

V круг у Халила называется *мунфарида*, куда был включен только один метр – *мутакариб*. В свое время учеником Халила Абу-л-Хасаном ал-Ахфашем был разработан 16-й метр – *мутадарик*, и V круг начали называть *муттафика*. Халил высказался против именованя 16-метра *мутадариком* и предложил свой вариант названия – «*ракд ал-хайл*» («галоп лошади»). Может быть, поэтому Абу Хафс ан-Насафи назвал пятый круг – *муттафика*, но из-за уважения к создателю теории *аруда* привел в V круге метры *мутакариб* и *ракд*.

Ш.Б. Ибраимова
(ТашГИВ, Ташкент)

Из истории переводов современной узбекской литературы в Турции
(исторические романы Адыля Якубова «Сокровищница Улугбека» и «Древний мир»)

Современная узбекская художественная проза, продолжающая славные традиции литературы прошлого столетия, в настоящее время приобретает всю большую значимость благодаря, прежде всего, обращению к исторической тематике, что позволяет как можно глубже отражать национальную специфику и духовные ценности узбекского народа. В этом отношении видное место занимает творчество недавно ушедшего из жизни узбекского прозаика Адыля Якубова, чьи монументальные произведения раскрывают драматические коллизии, сопутствовавшие деятельности выдающихся предков узбекского народа Улугбека, Бируни и Ибн Сины, которые внесли неоспоримый вклад в мировую цивилизацию в области развития научной мысли. Творчество Адыля Якубова является гордостью узбекской литературы. Его романы «Сокровищница Улугбека» и «Древний мир» – это образцы узбекской исторической романистики конца XX в., и перевод их на различные языки свидетельствует о широкой популярности данных произведений.

В настоящем исследовании сделана попытка определить степень точности перевода, выявить достижения и упущения переводчика в отображении своеобразия оригинала, стиля писателя и художественных образов, рассмотрены приемы и средства для максимально точного перевода оригинала, даны практические рекомендации по решению теоре-

тических и практических проблем художественного перевода с близкородственных языков.

Полина Исакова
(ВФ СПбГУ)
Элементы влияния западноевропейской литературы
на творчество Ямамото Юдзо

Выявление особенностей процесса воздействия европейской литературы на развитие национальной японской литературы нового времени является актуальной проблемой современной востоковедной науки. Это влияние прослеживается и в творчестве японского писателя и литературного критика Ямамото Юдзо (1887–1974). Поэтому важной задачей является определение, кто оказал наибольшее влияние на его становление как драматурга и прозаика.

Ямамото Юдзо учился в университете на отделении немецкой литературы. Он писал очерки о книгах Гауптмана, Зудермана, статьи о Гете, Шиллере, Клейсте и Шницлере, переводил пьесы Стриндберга. Его выпускная работа была посвящена структуре пьесы Гауптмана «Ткачи». Большое влияние на Ямамото Юдзо оказало творчество Стриндберга, Гауптмана, Ибсена. Переведенные им пьесы «Пляска смерти» и «Отец» Стриндберга дали материал для размышления на тему недоверия к супружеству и семейной жизни, измены, что впоследствии воплотилось в пьесе «Профессор Цумура» и романе «Волны».

Пьеса «Перед восходом солнца» Гауптмана, в которой подняты проблемы наследства, женского бесправия, во многом перекликается с драмой «Детоубийца» и романом «Жизнь женщины» Ямамото Юдзо. В пьесе «Сакадзаки Дэва-но Ками» отчетливо прослеживается влияние на Ямамото Юдзо драмы Ибсена «Враг народа». Оба произведения об одиночестве и угасающей вере в торжество справедливости.

Опыт перевода прозы Шницлера послужил основой для дальнейшего развития Ямамото Юдзо не только как драматурга, но и как прозаика. В процессе восприятия западноевропейской литературы Ямамото Юдзо прошел путь от создания оригинальных сочинений по мотивам произведений других авторов, заимствуя идеи и сюжетные элементы, до написания произведений, в которых влияние проявилось опосредованно. Таким образом, творческая позиция Ямамото Юдзо, основой которой стало изображение правды современной жизни, формировалась под воздействием западноевропейской литературы.

Д.И.Маяцкий
(ВФ СПбГУ)

**О сюжетно-композиционном построении произведения «Пипа цзи»
китайского драматурга Гао Цзэчэна (XIV в.)¹**

При рассмотрении композиции «Пипа цзи» бросается в глаза ее простота, вместе с тем – строгость и совершенство. Этим она на порядок превосходит ранние и современные ей *наньси*.

Композиция пьесы основывается на литературных, сценических и музыкальных критериях. Это проявилось в членении пьесы на 42 части («выходы-чу» 出), примерно соответствующие актам европейской драматургии. Название «выхода» состоит из 4-х слов.

Деление обусловлено игрой действующих лиц. Длина частей не фиксирована, колеблется от 350 до 5000 иероглифов. Объем произведения и размеры частей, очевидно, обусловлены сюжетными требованиями, позволили детализировать изложение сюжета, ввести в действие множество ходов, углубить характеристики персонажей. На эту особенность произведения вероятно повлияла общая тенденция, развившаяся в северной драматургии в XIV в.

В каждом «выходе» имеются песенные, разговорные и поэтические части.

Определим схему сюжетного уровня «Пипа цзи».

Произведение можно разделить на пять частей. Первая часть (прологовый выход) функционально из основного действия выпадает, в остальные четыре – действие укладывается по известной в танской поэзии формуле «зачин – подхват – поворот – завершение» 起承转合, к которой юаньские драматурги обычно прибегали при написании северных пьес.

1. Со второго по шестой выход – экспозиция. Происходит знакомство с главными действующими лицами пьесы, намечаются взаимоотношения между ними, завязывается интрига, связанная с темой чиновничьих экзаменов.

2. С седьмого выхода по двадцать седьмой включительно действие развивается по двум сюжетным линиям: параллельно показываются злоключения героя в столице и трагические события в его семье. В двадцать седьмом выходе в сцене похорон старика Цзя действие достигает кульминации и наступает поворот: Чжао Унян получает повеление от Духа местной горы идти на поиски мужа.

¹ Тезисы разрабатывались с использованием средств Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5299.2011.6.

3. С двадцать восьмого выхода по тридцать седьмой действие развивается в новом направлении. Происходит новый поворот.

4. В оставшихся пяти выходах сюжет получает завершение.

В целом, четырехчленная схема развития сюжета «Пипа цзи» полностью повторяет принципы сюжетного построения юаньских пьес цзацзюй. В них в первой части действие начинается, во второй – появляется конфликт, в третьей части конфликт достигает наивысшей точки и в последней части – разрешается. До Гао Цзэчэна в южных пьесах такое построение не встречалось, что, видимо, свидетельствует о возможном заимствовании ее у пьес северного театра.

О.Н. Меренкова
(МАЭ РАН (Кунсткамера))
Социализация бангладешцев в Великобритании
(на примере романа М. Али «Брик Лейн»)

Современный этап развития англоязычной литературы связан с желанием авторов индийского происхождения познакомить европейского читателя с как с традиционным миром индийского социума в целом (и бенгальского в частности), так и с проблемами, которые актуальны для мигрантов, оказавшихся в новом, непривычном для них обществе со своими культурными особенностями.

Одним из таких примеров может быть назван роман Моники Али «Брик Лейн». На примере романа М. Али «Брик Лейн» можно рассматривать не только проблематику внутрисемейных отношений, принятых в большинстве традиционных бангладешских семей. Особое внимание автор уделяет тому, как эти отношения меняются в инокультурной среде, и через судьбы своих персонажей раскрывает перед читателем различные варианты адаптации и интеграции в западном обществе, или же, наоборот, показывает неспособность героев принять новые культурные традиции.

В качестве основной из обширного спектра проблем, связанных с культурной адаптацией автор выделяет следующую тему: как меняется мир женщины в традиционном и нетрадиционном обществе, как взаимодействуют различные поколения, насколько взгляды старшего поколения остаются актуальными для молодежи в нетрадиционном для них обществе, а также многое другое.

Одним из главных мотивов данного произведения становится стремление к свободе. Оно меняет всю жизнь героев, их мировоззрение, семейные ценности, жизненный уклад.

Как правило, в традиционной исламской семье человек редко имеет свободу выбора. Это особенно характерно для женщины, которая не

может решать свою судьбу. С рождения и до брака все важные решения принимаются ее родителями, а после брака она должна принимать все решения мужа и его родственников. Молодые люди, как девушки, так и юноши, в традиционной семье обязаны следовать советам старших относительно учебы, выбора будущих брачных партнеров, а также места, где им работать вне дома, если им вообще это будет позволено (последнее относится к девушкам и женщинам).

Проблема адаптации детей бангладешских иммигрантов к европейской культуре является темой для отдельного исследования. Нежелание знать историю своих родителей и земляков в целом, неприятие культуры предков, стремление носить джинсы и есть европейскую пищу – это лишь немного из того, на чем вырастает конфликт между поколениями.

Переход от национальной культуры к новым традициям – болезненный процесс особенно для тех иммигрантов, кто приезжает в Англию впервые. Они сталкиваются со множеством проблем: социальными, культурными, бытовыми. Свобода выбора – одна из основных ценностей западной культуры, которая их привлекла и ради чего они идут на болезненный отказ от собственных традиций, делая это и для себя и, что главнее, для своих детей. Их дети также вынуждены искать свое место в новом для них обществе.

Вюсала Мусалы
(Бакинский Государственный Университет)
«Мешаир аш-Шуара» как источник по истории
классической азербайджанской литературы

Известный турецкий поэт и литератор Ашык Челеби (1520–1572) – автор многих лирических произведений и переводов. Но самым его популярным сочинением является тезкире под названием «Мешаир аш-шуара», которое было написано в 1568 г. (976 г. хиджры) и представлено турецкому султану Селиму II. В этой работе описаны биографии свыше 400 поэтов, которые жили и творили на территории Османской империи в течение XV–XVI вв. В различных библиотеках мира хранится более 30 списков «Мешаир аш-шуара». Превосходный научно-критический текст данного сочинения в 3-х томах был опубликован в 2010 г. профессором и ректором Невшехирского Университета Турции Ф. Кылыджом.

Специфическим свойством сочинения Ашыка Челеби является то, что оно является единственным тезкире во всем мусульманском мире, которое составлено по алфавитному порядку абджад. Автор подробно пишет о жизни и творчестве поэтов, при этом делает много очень инте-

ресных заметок. В отличие от других подобных сочинений того периода, именно в данной работе А. Челеби можно встретить любопытные детали о поэтах и их личной жизни.

«Мешаир аш-шуара» является ценным источником по классической литературе и культуре не только Турции, но также Азербайджана и ряда других стран и народов, представители которых жили и творили в пределах Османской империи. Как известно, в XV–XVI вв. в связи с общественно-политической ситуацией многие азербайджанские поэты, ученые и ремесленники, вольно и невольно, вынуждены были переселиться в Турцию. По словам А. Челеби османские султаны высоко ценили мастерство и таланты азербайджанских деятелей культуры и ремесленников.

Из «Мешаир аш-шуара» можно получить ценные сведения о том, что какую роль в развитии турецкой литературы играли азербайджанские поэты. А. Челеби включил в свой труд подробные биографии 17 азербайджанских поэтов (Ариф, Джелили, Гариби, Набати, Басири, Бидари, Ахди, Физули, Насими, Хафиз, Хабиби, Халили, Ниязи, Панахи, Сахаби, Сурури, Шах-Касым) и дал ряд образцов из стихотворений этих поэтов. Некоторые из них до сих пор не были выявлены и исследованы азербайджанскими литературоведами.

Мы полагаем, что данное сочинение А. Челеби можно считать одним из важнейших источников по изучению азербайджанской эмигрантской поэзии в средневековой Турции.

У.У. Мухибова
(ТашГИВ, Ташкент)

Кашмирская суфийская поэтесса Лаллешвари

Как известно, суфийское учение – одно из ведущих учений средневековой Индии. Оно охватывает центральные и северные части страны, вплоть до Кашмира и дало истории многих средневековых суфийских поэтов, таких как Нуриддин, Рупбхавани, Махджур, Мехмуд Гами, Макбул шах Кралбари, Вали Аллах Маттух, Бабдйад, Сваччакрал, Нйам Сахиб, Шах Каландар, а также поэтов суфиев XIX–XX вв., таких как Шамс Факир, Ахмед Батвари, Ваза Махмуд, Абдул Ахад, Вахаб Кхар, Самад Мир, Ахад Заргар и других. Среди женщин Лаллешвари считается первой суфийской поэтессой Кашмира XIV в., которая известна под именами: Лалладьяд, Лалла Арифа или Лалла Йогешвари.

Настоящая статья является первой попыткой сравнительного изучения творчества Лаллешвари и поэта санта Кабир, представителя ниргун бхакти. Удивителен тот факт, что и суфийская поэтесса из Кашмира в XIV в., и поэт бхакт из Бенареса в XV в. выражают в своих стихах

единую мысль о том, что Создателя, которого человек ищет везде, можно найти только в душе человека. К такому выводу также приходит и поэт суфий из Кашмира, современник Лаллешвари Нуриддин.

Сравнительное изучение творчества Лаллешвари и Кабира дало возможность определить содержательную схожесть идей суфизма и бхакти, двух средневековых реформаторских движений Индии, игравших огромную роль в средневековом литературном процессе.

Своеобразный жанровый характер поэтического наследия Лаллешвари и Кабира требует более глубокого изучения, так как жанр дохавали, чаупай конкретные жанры творчества Кабира, а стихи Лаллешвари названы индийскими литературоведами как пады, однако, это не совсем, на наш взгляд, правильный подход к жанровой характеристике стихов Лаллешвари.

А.В. Образцов, А.С. Сулейманова
(ВФ СПбГУ)

Турецкий модернизм: универсальное и частное

Постмодернистский плюрализм актуализовал вопрос о «*модерне/модернизме*». Ранее в европейской традиции «модернизм» интерпретировался в категориях «прогресса» и «позитивного новаторства». Новый подход предполагает критику концепта «исторического развития» как единства темпоральных изменений и истории как унифицированного европоцентричного процесса. Выдвигается тезис о множественности модернов, поскольку каждый из них имеет локальное социокультурное содержание, детерминированное, прежде всего, социальным временем, различно протекающим в разных культурах. При этом множественность модернов не исключает роль «глобального модерна».

«*Модернизация*» – понятие «единосущностное» с «*модерном/модернизмом*». Универсалистские теории исходили из линейности развития, при котором, по К. Марксу, более развитые страны показывают менее развитым картину их будущего. Будучи экстраполирован на иную социокультурную среду через ускоренную модернизацию/«*вестернизацию*», модернизм, по мнению Ю. Хабермаса, отделяется от истоков – контекста Европы Нового времени. Любое явление специфично в разных социокультурных контекстах, что обусловлено системой ценностей и норм, ментальностью населения, проявляющихся в коллективном сознательном и бессознательном, поэтому, помимо вестернизаторской составляющей, следует учитывать и волюнтаризм, и культуртрегерство элит, что проявилось и в методах проведения реформ, и в попытках совмещения европейских идей с традиционными взглядами. Это вело к возникновению комплекса неполноценности, т.е.

к ментальному заболеванию, при котором сознательное и бессознательное оказываются в разных темпомирах.

В искусстве *«модернизм»* – эпоха, объединяющая художественные направления, концепция которых отражает убыстрение истории и усиление ее давления на человека. Они строятся на деконструкции типологической структуры классического произведения, при которой его элементы становятся объектами эксперимента. Впервые две художественные эпохи – реализм и авангардизм/модернизм – развиваются не последовательно, а параллельно, с тенденцией к слиянию.

«Авангард/авангардизм» в эстетическом значении – любое направление, декларирующее выход за пределы эстетического удовольствия и принуждение к видению и изображению мира по-новому. Под авангардом чаще всего имеют в виду направления предмодернистского и модернистского толка, хотя и реализм «авангарден» по отношению к предшествующей традиции. Авангардизм тоталитарен, поскольку настаивает на необходимости универсалистских изменений, что сближает авангардизм и модернизацию.

Важнейшая характеристика направления – *типологичность*, понимаемая как сходство произведений в разных литературах, с учетом национальных вариаций. Направление проявляет себя через совокупность произведений, в которых реализованы определенные принципы творчества.

Для турецкой литературы роль предмодернизма с чертами локального «авангарда» сыграло Просветительское движение. Творчество представителей каждого из этапов этого движения соотносимо с европейскими литературными направлениями: романтизм (Намык Кемаль, Самипашазаде Сезай), сентиментализм (Реджаизаде Махмуд Экрем), натурализм (Набизаде Назым, Хюсейн Рахми Гюрпынар), символизм (Тевфик Фикрет, Яхья Кемаль Баяты, Ахмед Хашим). Важнейшими итогами просветительского этапа явились: переход от «эстетики тождества» к «эстетике противопоставления», соотносимой с эпохой модерна; европеизация жанровой системы (роман, новелла, романс, баллада и т. д.); попытки реформы стиха.

Модернизм в турецкой литературе складывался в рамках модернизаторских проектов: «имперско-османского» и «республиканско-кемалистского». Их реализация в сжатые сроки усугубила ментальную болезнь общества, что привело к соединению модернизма и реализма в одном произведении и/или у одного автора и к преобладанию экзистенциального и политизированного дискурсов, использующих модернистские художественные приемы и стратегии.

Проза – Пеями Сафа, Ахмед Хамди Танпынар, Абульхак Шинаси Хисар, Халикарнас Балыкчисы, Сабахаттин Али, Саит Фаик, Октай Акбал, Лейла Эрбиль, Эрдал Оз, Бильге Карасу, Адалет Агаоглу, Недим Гюрсель, Огуз Атай.

Поэзия – Назым Хикмет, Ахмет Мухип Дыранас, Джахит Сыткы Таранджи, Орхан Вели, Мелих Джевет Андай, Октай Рифат, Атилла Ильхан, Ильхан Берк, Джемаль Сурейя, Эдип Джансевер, Тургут Уйар.

Выводы:

– В силу ускоренного и синхронного освоения достижений европейской культуры, в Турции к нач. XX в. появляется во всех смыслах «новая литература», воспринимавшаяся как авангардная/модернистская по отношению к османской традиции.

– В творчестве одного автора могли совмещаться идеи и приемы различных и разновременных для Европы, но актуальных для Турции художественных эпох, направлений, течений и школ.

– Соединение в рамках модернизаторских проектов европейской культурной традиции с локальным и индивидуальным художественным опытом привело к возникновению произведений, типологически сходных с модернистскими.

А.И. Пылев
(ВФ СПбГУ)

О наиболее ранних свидетельствах поэтического творчества Ходжи Ахмада Йасави (к вопросу об авторстве «Диван-и хикмат»)

Жизнь, деятельность и поэтическое творчество одного из основоположников тюркского суфизма Ходжи Ахмада Йасави (ум. в 1166 г.) стоит в ряду важнейших, но в то же время малоизученных явлений тюркской культуры Центральной Азии XII в.

Стихи, автором которых традиционно считается Ахмад Йасави, многие столетия существовали лишь в устной передаче, а известные рукописи их сборника «Диван-и хикмат» относятся лишь к XVIII–XIX вв. Такая отдаленность письменной фиксации от времени создания произведений затрудняет их исследование и придает особую важность одному из наиболее дискуссионных вопросов изучения наследия Йасави – проблеме подлинности (истинного авторства) его дидактических стихотворений-«хикматов». Решение этого вопроса поможет определить истинное значение поэзии тюркского шейха и ее подлинное место в процессе развития литератур Центральной Азии периода до монгольского нашествия.

Одним из фактов, побуждающих сомневаться в принадлежности «хикматов» Ахмаду Йасави и даже в том, что этот шейх вообще писал

стихи, является отсутствие свидетельств о поэтическом творчестве мистика в источниках XIII–XV вв., содержащих его биографию. Все нравоучительные высказывания и экстатические изречения шейха, приводимые в них, имеют прозаическую форму.

В настоящее время самым древним известным сочинением, содержащим цитаты из поэтических произведений Ахмада Йасави, следует считать «Рисале-и ма‘ариф-и Шибани», датированное 1507 г. Оно посвящено «вопросам религиозного благочестия и молитвы» и содержит три четверостишия Ахмада Йасави нравоучительного содержания, созданные в традиционной тюркской форме.

В одном из четверостиший интересна ссылка на «слова шафиитов» – последователей исламского правового толка (мазхаба), основанного имамом аш-Шафи‘и (767–820). Между тем известно, что в конце XV – начале XVI вв. в Средней Азии безраздельно господствовал ханафитский правовой толк. Основные источники того времени, содержащие биографию Йасави, утверждали, что и он, и его наставник, известный иранский учитель суфизма Йусуф ал-Хамадани (1048–1140) были ревностными ханафитами. Однако даже они не могут скрыть то, что ал-Хамадани в юности обучался в Багдаде у шафиитских правоведов. Таким образом, есть основания предполагать, что и его ученик Ахмад Йасави получил образование в духе шафиитского мазхаба. В таком случае упоминание шафиитов в четверостишиях из «Рисале-и ма‘ариф-и Шибани» можно рассматривать как прямое указание на древность этих отрывков и на то, что они исходили от самого Ахмада Йасави или от его ближайших последователей. Представляется, что подобные отрывки – плод импровизации автора во время суфийских радений; они заучивались наизусть и существовали в устной передаче среди приверженцев школы Йасави вплоть до конца XV – начала XVI вв., когда и были впервые записаны.

Е.В. Романова
(СПб ГУК «ЦБС КР»)

Роман «Воинство радуги» индонезийского писателя Андреа Хираты

В романе «Воинство радуги» (Laskar Pelangi) Андреа Хирата обращается к воспоминаниям о своем детстве, которое прошло на острове Белитунг. Книга впервые была издана в 2005 г. и повествует об одной из начальных школ для детей из небогатых семей. Большинство героев произведения, включая учителей, имеют реальные прототипы. Во вступительном слове Андреа Хирата пишет, что «посвящает эту книгу сво-

им наставникам госпоже Муслимах Хафсари и господину Харфану Эффенди Нуру, а также своим друзьям детства из Воинства радуги»¹. Название романа – «Воинство радуги» – выбрано автором согласно тому прозвищу, которое учительница школы дала своим воспитанникам за их общую любовь и благоговейный трепет, который вызывало в них созерцание радуги.

В книге описаны десять учеников школы, каждый из которых представляет собой яркий образ, наделенный индивидуальным характером. Знакомство с героями происходит последовательно, практически на каждого автор выделяет отдельную главу, где обстоятельно описывает основные черты внешности и психологию конкретного ученика, а также его индивидуальные таланты. Раскрытие образов дается практически сразу в коротких набросках, которые зачастую даже не соединены между собой логическими связками, а не постепенно в ходе повествования. За счет этого начало книги представляет собой набор разрозненных картин. В пределах достаточно ограниченного объема текста читатель узнает сразу о событиях из настоящей и прошлой жизни персонажей, а также получает их характеристику глазами автора. Дальнейшие события, описываемые в книге, добавляют отдельные черты к готовым образам, которые поданы автором в самом начале.

Еще одной особенностью книги является некоторое тяготение автора к наукообразности. Можно сказать, что в своем романе Андреа Хирата на современный лад реализует один из основных принципов средневековой малайской литературы «обучать, не утомляя, и наставлять, развлекаая», поскольку «важным достоинством правильного литературного произведения считалась присущая ему польза... под пользой понимался учительный смысл произведений, светский или религиозный»². В романе Андреа Хираты можно найти сведения из самых разных областей науки, включая физику, химию, биологию, астрономию, политологию, социологию, историю, литературоведение, языкознание и так далее. Практически в каждой главе автор дает обширные описания вещей и явлений, больше подходящие для энциклопедических словарей, чем для художественного произведения. Однако эти описания достаточно органично вливаются в общее повествование, практически не перегружая текст.

¹ Andrea Hirata. Laskar Pelangi. Yogyakarta, 2008.

² Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых. Предисловие В.И. Брагинского. М., 1982. С. 8.

В целом, роман «Воинство радуги» представляет собой большой интерес для изучения в качестве образца современной индонезийской литературы.

Н.М. Саидова
(ТашГИВ, Ташкент)

Развитие романа в литературе Саудовской Аравии

Мнения исследователей по современному арабскому роману в арабских странах отличаются друг от друга из-за различного понимания тех или иных вопросов по тем или иным литературным работам. Если исследователи считают произведение Хайкаля «Зайнаб» (1914 г.) началом современного египетского художественного романа, то они не сходятся во мнении какие именно произведения можно отнести к периоду возникновения жанра романа в египетской литературе. Однако определить начало и установить какие произведения относятся к периоду появления романа в современной Саудовской арабской литературе не представляется таким сложным вопросом.

Первая попытка создания романа в современной Саудовской арабской литературе, как считают литературные критики, предпринималась в 1930 г., когда было опубликовано произведение Абдуль-куддуса ал-Ансари – «Близнецы» в Дамаске.

Большинство произведений (одиннадцать из 16), отнесенных ко второму этапу (1954–1970 гг.), были созданы после завершения этого периода, т.е. в конце семидесятых и восьмидесятые годы.

Периодизацию современного саудовского романа представляется возможным классифицировать следующим образом:

1 этап – (1930–1958) – попытки по пути создания саудовского романа – начальный период.

2 этап (1959–1979) – возникновение первого художественного романа, период «обновления».

3 этап (1980 – по наст.вр.) – модернизация саудовского романа.

Арабский роман, который обрел свои современные формы в начале XX в. и к настоящему времени стал основным жанром в арабской литературе, в Саудовской Аравии появляется позднее по сравнению с египетской и ливанской литературой.

Саудовская литература 60-х и 70-х гг. XX в. отличается следующими моментами:

– появление большого количества романов по сравнению с первым периодом;

- появление нового поколения литераторов, положивших начало жанру романа в Саудовской литературе, таких как Хамед Даманхури и Ибрахим ан-Насер;
- появление произведений саудовских писательниц;
- появление исторического романа М.З. Агиля и сентиментальных произведений Самиры бинт ал-Джазиры, Хинд Багаффар и Худи ар-Рашеда;
- использование разнообразных языковых пластов в художественных произведениях.

К.Г. Санина
(ДВФУ, Владивосток)

Характерные черты раннего творчества Идзуми Кека (1873–1939)

Японский писатель, драматург и эссеист Идзуми Кека является одной из самых загадочных фигур в истории современной японской литературы. Для литературоведов особой проблемой всегда являлось то, что творчество Кека сложно вписать в общепринятую схему направлений современной японской литературы. Наравне с такими «титанами» японской литературы, как Мори Огай (1862–1922) и Нацумэ Сосэки (1867–1916), Кека входит в число японских писателей, создавших настолько уникальный и многообразный мир в своих произведениях, что становится практически невозможно отнести их к определенному направлению современной японской литературы, эти писатели всегда выделяются из общего ряда.

Тем не менее связь Кека с таким литературным направлением, как романтизм, является очевидной, особенно на примере его ранних произведений. Романтические мотивы проявляются во многих рассказах и повестях Кека, но самым показательным примером их использования является рассказ «Операционная» («Гэкасицу», 1895 г.).

Хотя некоторые исследователи считают рассказ излишне мелодраматичным, именно в нем необычайно ярко раскрываются следующие романтические мотивы: мотив трагической любви (герой и героиня не могут быть вместе), мотив несбыточной мечты, мотив противопоставления красного и белого цвета. Появление этих мотивов в рассказе часто связывают с влиянием, которое оказало на Идзуми Кека творчество таких представителей западного романтизма, как В. Гюго и Э.А. По. Однако, даже учитывая это влияние, необходимо отметить, что в рассказе «Операционная» вышеупомянутые мотивы приобретают уникальное звучание, характерное для художественной концепции Идзуми Кека. Кека, как и многие писатели его поколения, не стал жертвой слепого подражательства западным образцам, а синтезировал в своем творчестве

ве черты классической литературной традиции Японии и литературы Запада, что и придало его произведениям столь оригинальный характер.

Л.В. Стеженская
(ИСАА МГУ, Москва)

Анализ заглавия трактата Лю Се «Вэнь синь дяо лун» (V–VI вв.)¹

Изучение произведений раннесредневековой китайской литературы представляет большой интерес и сложность, в том числе и потому, что связано с рассмотрением лингвистических особенностей текстов. К таким особенностям относится и принцип построения заглавия произведения.

Название трактата Лю Се имеет множество переводов на русский язык. Наиболее часто встречающимся является перевод «Резной дракон литературной мысли». «Вэнь синь дяо лун» по-русски обычно трактуется в одно предложение – первый бином является определением ко второму. Указанный вариант учитывает русскую (и европейскую) традицию и строй языка перевода. Однако не до конца отражает структуру и саму суть названия трактата, которую автор разъясняет в послесловии.

Анализ заглавия трактата невозможен без подробного рассмотрения биномов *вэньсинь* и *дяолун*, а также отдельно понятий *вэнь*, *синь* и *лун*, которые Лю Се часто использует в тексте своего трактата.

В тексте послесловия Лю Се дает комментарии по поводу названий первых пяти глав и названия всего произведения. Развернутость объяснения относительно *вэнь синь* явно контрастирует с краткостью объяснения относительно *дяо лун*. Возможно, что сочетание *вэнь синь* для современного читателя воспринималось несколько ново, поэтому и требовало более подробного объяснения, тогда как сочетание *дяо лун* было у всех на слуху и не требовало детального обоснования. Лю Се говорит, что под *вэнь синь* он понимает «использование сердца (ума)» «при создании литературы».

Могут быть и другие объяснения заглавия. Рассмотрев более детально использование термина *синь*, мы пришли к выводу, что Лю Се мог использовать его как название жанра своего произведения. Это подтверждает и то, что четырехсложное название трактата «Вэнь синь дяо лун» он часто сокращает до двусложного – «Вэнь синь», которое можно перевести как «Трактат о вэнь» или «Трактат о литературе».

¹ Работа (исследование) выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 11-34-00309а2).

М.Н. Суворов
(ВФ СПбГУ)

Специфика ускоренного развития литератур стран Аравии

Начиная с середины XIX в. арабская художественная литература постепенно отходила от канонов, сложившихся в эпоху классического мусульманского средневековья, и ускоренно развивалась по пути, проложенному к тому времени литературой стран Запада. Процесс этого литературного обновления начался в Египте, Ливане и Сирии, которые первыми подверглись влиянию европейской культуры, затем к нему подключились и остальные арабские страны.

Литературы стран Аравийского полуострова, вступившие на путь обновления лишь в 40–70-е гг. XX в., к концу первого десятилетия XXI в. оказались фактически на одном стадийном уровне с литературой Египта, Ливана и Сирии, которые, в свою очередь, вышли на уровень развития литературы Запада. Таким образом, развитие новых аравийских литератур представляется настоящим «скачком» в сопоставлении с ускоренным развитием арабских литератур, ставших пионерами обновления. Основное содержание этого скачка заключается в полистадийности, «недооформленности», совмещении и взаимопроникновении в аравийской литературе тех этапов (просветительства, сентиментализма, романтизма, реализма и модернизма), которые в литературе Египта, Ливана и Сирии имели бо́льшую временную протяженность и более отчетливо выраженную последовательность.

Указанный скачок был вызван необычным, во многом даже уникальным ходом социально-исторического развития аравийских стран в новейшее время. Появление в них первых образцов новой литературы непосредственно предшествовало либо следовало за резкими и судьбоносными для этих стран трансформациями (экономическими, социально-политическими). Таким образом, не литература в этих странах оказалась одним из двигателей общественного развития, как это было ранее в Египте, Ливане и Сирии, а сложившиеся новые экономические и социально-политические реалии породили развитие новой литературы, тем самым предопределив ее второстепенность, маргинальность в общественной и культурной жизни аравийских стран.

Не будучи двигателем общественного развития, аравийская литература ни на одном из своих этапов не достигла зрелости, присущей соответствующим этапам в литературах Египта, Ливана и Сирии, однако гораздо динамичнее копировала новые художественные тенденции, появлявшиеся в последних, не успевая «переварить» предыдущие. Динамичности процесса заимствования способствовали и резко усилившиеся после Второй мировой войны контакты арабского мира с Запа-

дом, и создание общеарабского информационного поля – благодаря развитию прессы, радио, телевидения и, наконец, сети Интернет.

Р.У. Ходжаева
(ТашГИВ, Ташкент)
«Касыдат ал-бурда» аль-Бусири
как литературный памятник XIII в.

Касыдой, пришедшей из глубины веков, можно назвать «Касыдат аль-бурда» («Касыду плаща»), поскольку и сегодня в мусульманских обществах во время религиозных праздников и торжеств читают эту касыду выдающегося поэта мамлюкского периода в Египте Шараф ад-Дина Мухамада ибн Саида аль-Бусири (1212–1296). Касыда, прославляющая в жанре мадх пророка Мухаммеда, овеяна легендами и давно привлекает внимание востоковедов. Она переведена на английский, французский, немецкий, персидский, урду, итальянский, греческий, турецкий, узбекский и другие языки мира, снабжена многочисленными комментариями.

Встает вопрос, чем же знаменита эта касыда, ведь касыд прославляющих пророка достаточно много, но не одна из них не пользовалась такой популярностью как «Касыдат аль-бурда». Причина несомненно, кроется в поэтическом мастерстве ее автора, воодушевленного образом пророка Мухаммеда, что сделало язык его касыды необычно искренним, красноречивым и вдохновенным. Легенда гласит, что когда аль-Бусири написал свою касыду, ему приснился пророк, который накинул на него свой плащ. На следующее утро наполовину парализованный поэт проснулся совершенно здоровым. С тех пор «Касыдат аль-бурда» стали называть и «исцеляющей» так как распространилась молва что она лечит праведных, чистых в помыслах людей от тяжелых болезней.

Не меньший интерес вызывает «Касыда плаща» и как литературный памятник своего времени. Как художественное произведение она представляет собой длинное полифоническое стихотворение, состоящее из 162 бейтов. Касыда полностью отвечает канонам арабского стихосложения. Композиционное построение отличается переходом от одного жанра к другому согласно жанровой иерархии. Так, касыда начинается с традиционного лирического зачина–насиба, в котором звучит мотив несчастной любви. После жалоб на превратности любви, поэт переходит к жанру хикма – мудрым изречениям. Далее поэт продолжает в жанре «надама» – «раскаяние» и, наконец, переходит к основной цели касыды – прославлению пророка – аль-мадх ан-набави. Так аль-Бусири как и другие средневековые поэты мыслил устойчивыми жанровыми категориями.

Благодаря «Касыде плаща» жанр мадх вновь обрел свое первоначальное значение бескорыстного почитания и прославления выдающейся личности или героя, восхваляемого за деяния и заслуги, а не с целью получения материальных благ, как это наблюдалось при дворцовой поэзии Аббасидов в Багдаде.

«Касыдат аль-бурда», на наш взгляд, достойна специального изучения со стороны востоковедов как яркий образец художественной литературы мамлюкского периода в Египте XIII в.

Л.Ю. Хронопуло
(ВФ СПбГУ)

***Короткий рассказ в творчестве современного японского писателя
Акагава Дзиро***

Акагава Дзиро (р. 1948 г.) известен в современной Японии своими повестями и рассказами в жанре детектива и приключений; русский читатель с его творчеством практически не знаком. Следует отметить, что Акагава также продолжил и расширил традиции сверхкороткого фантастического рассказа Хоси Синъити, самого известного в Японии мастера коротких историй в жанре *се:то се:то* (от англ. «short short»). Как указывал Хоси, короткая форма, фантастический сюжет, неожиданный поворот событий и непредсказуемая концовка являются неизменными условиями данного жанра¹. У Акагава сверхкороткий рассказ получает и другую тематику – это уже не только фантастика и мистика, но и короткие любовные истории, зарисовки из быта обычных людей: секретарш, служащих торговых фирм и т.п. В рассказах сборника сверхкороткой прозы Акагава «*Самподо:*»² («Прогулка», 1-е изд. 2002 г.) граница между реальностью и воображаемым миром героев оказывается размытой: фантазируя, герой Акагава попадает в плен своего воображения, которое способно как развеселить, научить чему-то, так и уничтожить «фантазера». Игры воображения – объединяющий мотив сборника «*Самподо:*». Так, если в рассказах Хоси герой обычно бывал обманут злым духом, волшебником, изобретателем, чудодейственным средством и т.д., герои Акагава попадают во власть собственного воображения, которое, подобно фантастическому существу или инопланетянам в рассказах Хоси, в конечном итоге помогает героям осознать себя и истинное положение вещей. Подобно чудесным созданиям и магическим

¹ Подробнее о жанре и о творчестве Хоси Синъити см.: Хронопуло Л.Ю. «Перевернутый мир» сборника рассказов Хоси Синъити «Бокко-тян» // Вестник СПбГУ. Сер. 13, 2009. Вып. 1. С. 102–106.

² Акагава Дзиро. *Самподо:* (Прогулка). Токио, 2006.

предметам в рассказах Хоси, воображение в коротких рассказах Акагава выполняет функцию учителя, воспитателя и карателя, когда оно либо уступает реальности, отпуская «фантазера» из своего плена и показывая ему истинное положение вещей (рассказы «*Вага ко-но сакубун*» («Сочинение моего ребенка»), «*Табэтай*» («Хочу съесть»), «*Дзю:хассай-но ханаемэ*» («Восемнадцатилетняя невеста» и т.д.)), либо разрастается и доводит до безумия (например, рассказ «*Синню: сяин*» («Новый работник»)), где главный герой, влекомый картинами, которые рисует ему воображение, выбрасывается из окна (наказание за жестокое обращение с младшими сотрудниками).

Прием «обмана читателя», характерный для произведений Хоси Синъити, присутствует и у Акагава Дзиро: читатель, как и герой, принимает игру воображения последнего за реальность.

Г.Э. Хужаева
(ТашГИВ, Ташкент)

Художественное толкование личности Усмана Газихана в творчестве Тарика Бугры

Одним из талантливых турецких писателей, добившихся признания читателей благодаря своим историческим романам и внесший большой вклад в обогащение турецкой исторической романистики, является Тарик Бугра (1918–1994). Особое место в творчестве писателя занимает роман «Усман Газихан», написанный на историческую тему. Основной задачей прозаика было не только воссоздание описываемой эпохи, но и создание психологического образа Усмана Гази.

Тарик Бугра внес в турецкую историческую романистику новую проблематику. Писатель подошел к традиционной исторической теме через призму отдельного человека, и благодаря этому смог открыть новые стороны личности Усмана Газихана. Он мастерски показал острую борьбу в жизни Усмана, его созидательную деятельность, способность полностью мобилизовать свои силы и применить их на пути самосовершенствования и достижения идеалов. Образу Усмана Газихана формируется во взаимосвязи с современным ему социальным развитием и твердой верой, что придает роману естественность и жизненность.

Художественное мастерство Тарика Бугры в создании исторического романа проявляется еще и в том, что к событиям далекого прошлого он подходит с точки зрения высоких идеалов своего времени. Но самое главное то, что образ Усмана Газихана полностью национален.

Д.Д. Шур
(ВФ СПбГУ)

**Махмуд Доулатабади и его современники:
сходство и различие мировоззрений**

С сороковых годов XX в. в иранской прозаической литературе начинается формироваться новая плеяда писателей, чье творчество представляет собой «новую волну» иранской художественной мысли. Основной чертой этого процесса является становление в Иране прозы европейского типа. Во-первых, развиваются новые для персидской прозы литературные формы, во-вторых, иранские авторы все больше обращаются к темам и проблемам, которые прежде оставались вне их внимания. Наиболее заметным явлением стало широкое распространение жанра рассказа. Структура других, уже разработанных жанров претерпевает существенное изменение, все более стремясь к европейским образцам. С точки зрения тематики, иранская литература впервые обращается к проблеме человека как личности, его взаимоотношению с обществом и его роли в нем.

Одним из ярчайших представителей этого течения является, безусловно, Махмуд Доулатабади (род. 1940 г.), автор целого ряда рассказов, пьес, повестей, большого количества романов, главным из которых является десятитомный «Келидар». В отличие от других писателей нового направления в иранской прозе, Махмуд Доулатабади обращается чаще к большим, монументальным формам, позволяющим ему наиболее полно и тщательно рассматривать судьбы своих героев на протяжении длительного периода их жизни.

Среди большого количества авторов создававших произведения в этот период, таких как Мохаммад Али Джамал-заде, Симин Данешвар, Голам Хосейн Саэди, Хушаньг Гольшири, Аскар Элахи и т.д. Махмуд Доулатабади благодаря масштабу его произведений, остроте их тематики и социальной значимости является, возможно, центральной фигурой в современной иранской литературе, заслуживающей особо пристального внимания к его творчеству. Сегодня Доулатабади является в Иране живым классиком, чьи произведения любимы и читаемы, а новые работы, еще до издания, по главам печатаются в литературных журналах.

Chaman Lal
(University of the West Indies, Trinidad & Tobago)
Literature of Asia and Africa in Development of World Literature

The concept of world literature became more known by Goethe's interpretation of it. In the last two decades of more, world has come much close and more and more people are now travelling to different parts of the world.

There is vast cultural diversity, but when people are exposed to different cultures, they come to know that despite dissimilarities, there is much which whole of the humanity shares. And when people cannot travel physically to each and every part of the world, they read literature, see films and come to know about the vastness of humanity in the world.

For long time literature has been Europe centric, but for the last three decades or so, literature from Asia, Africa and Latin America has left deep impact on human societies, thus in last two decades or more only Latin America, Asia or Africa has produced big names in literature and arts. Chinua Achebe, Nadin Gordimer, Ngugie wa Thiongo, Marquez and this year noble prize winner are all from Africa and Latin America. Many writers after Rabindarnath Tagore have contributed from India to the development of world literature, so have from China, Japan, Pakistan and Bangladesh. Russian literature had made such deep impact on whole world literature through translations of Tolstoy, Dostoevsky and many other writers. And reading literature in integrated manner is the requirement for the growth of world literature. Literature must have its national-geographical-cultural identities as well as universal humanist values to make it a part of world literature. In the fast developing technological devices, an integrated world literature is coming into existence.

Present paper would focus upon Indian literature's contribution to the development of world literature through the texts of 25 languages or more.

СЕКЦИЯ 15.
ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА И АФРИКАНИСТА
YOUNG SCHOLARS' SECTION

Айдан Аббасова
(ВФ, СПбГУ)
Азербайджанский ковер

Зарождение и развитие искусства ковра на территории Азербайджана были обусловлены рядом причин, одной из которых является географическое расположение этой страны – на стыке Востока и Запада. Здесь, по Большому Кавказскому хребту, проходит граница между Азией и Европой, исторически соприкасаются два мира: исламский и христианский. Ход истории оставил свой отпечаток в развитии ковроткачества Азербайджана: раннее средневековье (III–VII вв.) все Закавказье испытывало сильное влияние утонченной культуры Сасанидского Ирана; в XVI в. правители государства Сефевидов оценили экспорт ковров как важный для казны источник доходов, население стало уплачивать налоги высокохудожественными коврами; конец XVII – середина XVIII вв. – период ханств и расцвет тебризской миниатюрной живописи, оказавшая большое влияние на ковровое искусство; в годы советской власти широко развивалось не только ковроделие, но и художественная вышивка, набойка шелковых платков, в это время плодотворно работали художник-орнаменталист Лятиф Керимов, художники-керамисты И. Ахундов, К. Кяримзаде и др.

Рассматривая развитие азербайджанского ковроделия, можно выделить три важных периода: ранний (Кюльтепинские раскопки, где обнаружены ковродельческие орудия, относящиеся к IV–III тысячелетию до н. э.), период «становления» (ковроткачество взаимодействует с культурными традициями Передней и Средней Азии, Индии, Китая, Ирана) и «золотой период» (определяются основные типы азербайджанских ковров, названные по местам выработки: Куба-Ширванский, Гянджа-Казахский, Карабахский и Тебризский).

Сюжетные и орнаментные ковры азербайджанских мастеров с яркой иллюстрацией и превосходным орнаментом, различные виды ковров с особыми композициями и плетением (джеджи́мы, килимы, паласы, сумахи и другие) хранятся во многих музеях мира, однако, исследуя эту тему, удалось отметить, что на протяжении длительного периода многие азербайджанские ковры зачастую не выделялись как именно азербайджанские и нередко атрибутировались как «персидские» или «кавказские», но Лятиф Керимов, выступая на конференции в Лондоне,

научно аргументированными фактами доказал, что 90% ковров, известных в мире как «кавказские», – азербайджанские ковры.

А.И. Абидина
(ВФ, СПбГУ)

Обзор современной прозы Эфиопии: авторы, темы, тенденции

Изучению эфиопской литературы посвящено большое количество исследований («Storia della letteratura etiopica» E.Cerulli, «История литературы Эфиопии» С.Б. Чернецов и т.д.). Однако период после свержения режима Менгисту Хайле Марьяма в 1991 г., когда эфиопская интеллигенция получила свободу слова, которую не имела прежде, освещен слабо.

В литературе появляется новый герой, воинствующая женщина. Фырехыйвет в произведении «Земля крови» Теодроса Мулату или Арэгаши в «Шраме» Цэхыйи Мэляку самоотверженно борются за свободу и справедливость в своей стране и готовы пойти на любые жертвы, преодолеть любые трудности.

Писатель Хама Тума обращается к вопросу разрыва между поколениями – до прихода в страну демократии (поколение высоких принципов) и после (например «Другой сын»). Среди многочисленных произведений Хамы Тумы особого внимания также заслуживает трилогия «Абсурд в Африке». Автор критикует, или, скорее, даже насмехается над тиранией и двойными стандартами в Африке. Хама Тума пишет об Африке, Ираке, Афганистане, Германии, об Аристиде на Гаити, о новом движении «Черные в Африку», об абсурдном Сомалистане и короле Свази, о похитителях детей, самопровозглашенных спасителях Африки и об убогих попрошайках. Отдельные главы посвящены Эфиопии.

Активно развивается литература в среде эфиопской диаспоры. Нэга Мэзлекия («Записки из живота гиены»), Динау Мэнгисту («Красивые вещи, которые рождают небеса») и др., с одной стороны, показывают миру действительное прошлое страны, человеческие страдания, учиненные жестоким политическим режимом. С другой, авторы заставляют самих эфиопов взглянуть на свою страну со стороны.

В произведениях совсем недавнего времени прослеживается естественно-научный уклон. Новелла молодого писателя Йсмаки Вэрку «Дертогада» получила широкую популярность как в самой Эфиопии, так и среди многочисленной диаспоры. Одна из основных идей произведения – создать в Эфиопии мощную организацию из ученых и «мыслителей» (как ЦРУ, Моссад), которая охраняла бы безопасность народа Эфиопии независимо от сменяющихся политических режимов.

И наконец, еще одна тенденция – это появление произведений, посвященных этническим вопросам. Ярким представителем данного направления является книга Тэсфайи Гэбрэаба «Молчание реки Бурка». На примере судеб двух главных героев автор раскрывает важнейшую для Эфиопии проблему соперничества двух самых крупных народов амхара и оромо. В своих последних произведениях «Дневник журналиста» и «Дневник писателя» автор критикует действующую власть Мелеса Зенауи за ее коррумпированность и отсутствие в стране демократии (эти книги запрещены в стране).

Таким образом, несмотря на то что после свержения Менгисту словесность и получила свободу, эта свобода не соответствует демократическим представлениям. Тем не менее, проза Эфиопии совершила серьезный скачок в пользу развития исторических и публицистических произведений.

Д.В. Абилов
(Волгоградская Академия государственной службы)
Замечания по поэтике талышских «махне»

Талышские «махне» – 11-сложные четырехстрочные строфы – являются примером произведений народного поэтического творчества, составленного по образцам, усвоенным из персидской поэтической традиции. Собранные Б. Миллером в начале XX в. и объединенные им в «Талышских текстах», талышские «махне» были известны уже исследователям XIX в., таким как Рисс и Александр Ходзько¹.

«Махне» сочинены на талышском языке – на одном из северо-западных иранских языков, на котором говорят талыши – народ, проживающий на юге Республики Азербайджан и северо-западе Исламской Республики Иран. Сегодня талышские «махне», исполняемые преимущественно народными певцами (халаями), не имеют прежнего широкого распространения среди носителей талышского языка. Анализ талышских «махне» показывает, что происхождение и структура этих образцов народного поэтического творчества обнаруживают сходство с произведениями поэтического фольклора других народов Азии; кроме того, в них используются арабо-персидские правила стихосложения.

Б. Миллер в «Предварительном отчете о поездке в Талыш в 1925 г.» кратко охарактеризовал талышские «махне» как «принадлежащие к любовной поэзии», отличающейся реалистичными образами, которые «заимствуются из окружающих талыша природы и быта». В них говорится о «горечи разлуки, муках ревности, измене», в них «бросают вы-

¹ См.: Alexander Chodzko Specimens of popular poetry of Persia... London.

зов клеветникам и сплетникам»¹. Однако более подробного анализа собранных поэтических образцов Миллером проделано не было. Такой анализ, включающий в себя вопрос о происхождении талышских «махне», выявление закономерностей их структуры, установление основных мотивов лирики, стал основной целью данной работы.

П.В. Беляев
(ВФ СПбГУ)

Движение Саттар-хана в начале XX в.

В начале XX в. шел процесс закабаления Ирана иностранными державами, в основном Англией и царской Россией. Ирану навязывался ряд неравноправных договоров, которые негативно сказывались на положении населения. В результате народные недовольства переросли в антиправительственные выступления, а уже в декабре 1905 г. эти выступления выливаются в настоящую революцию, которая известна как иранская конституционная революция 1905–1911 гг.

Одним из центров иранской революции являлся город Тебриз – столица Иранского (Южного) Азербайджана. Предводителем азербайджанского движения конституционалистов стал выходец из крестьянской среды Саттар-хан, рассматриваемый в советской историографии чаще как предводитель буржуазного сопротивления шахскому абсолютизму. С 1906 г. Саттар-хан стал активным участником тебризского революционного движения, а как только была создана первая иранская социал-демократическая дружина, Саттар одним из первых вступил в ее ряды. Там он занимался военной подготовкой федаев, а в 1907 г. был назначен одним из командиров местной полиции.

В мае 1908 г. он со своим вооруженным отрядом отправился в Тегеран для поддержки муджахидов, защищавших первый меджлис. После событий 23 июня 1908 г. в Тегеране, когда меджлис был разогнан казачьей бригадой полковника Ляхова и правительственные войска начали наступление по всей стране, Саттар-хан был единственным, кто остался со своей дружиной в Тебризе защищать революционные идеи. Уже после своей первой победы на стыке кварталов Амирхиз и Хийабани Саттар приобрел известность, а с ней и звание «Сардар-е мелли» («Вождь нации»). За 4 месяца ему удалось отбить множество атак шахских войск, а позже перейти в наступление и распространить революционные идеи в Иранском Азербайджане и Северном Иране в целом.

Будучи харизматичной личностью, Саттар-хан бывал жесток не только с противниками, но и с соратниками и народом, чьи интересы он

¹ См.: Талыши: история и культура, М., 2008 г. С. 67–68.

защищал. Современники отмечали, что Саттар, «опьянел от славы»; есть свидетельства о большом количестве его жен и злоупотреблении выпивкой. Но несмотря ни на что, народ любил Саттар-хана. Однако его популярность мало привлекала новое правительство, напротив, народная любовь к мятежнику противоречила интересам правящих кругов.

Вопрос о федайских ополчениях стоял остро, особенно после того, как Саттар с его отрядами прибыл в столицу и расположился в саду Атабек. Правительство выпустило постановление о разоружении и расформировании отрядов, но сдали оружие лишь немногие. Новый премьер Мостоуфи выступил за насильственное разоружение. Сад Атабек был окружен правительственными войсками во главе с дашнаком Ефремом Давидянцем, а утром 10 августа завязался бой, окончившийся победой правительственных войск. Саттар был тяжело ранен и позже скончался в Тебризе 4 (17) ноября 1914 г. в возрасте 47 или 48 лет. Он был похоронен в Шах-Абдул-Азиме под Тегераном.

Саттар-хан был в первых рядах революционеров в Иране, сыграв важную роль в появлении таких важных для всего Ирана нововведений, как конституции, введение конституционной формы правления и учреждение парламента. Кроме того, именно при нем впервые встал вопрос о самоопределении его родного края – Иранского Азербайджана.

Юлия Белякова
(ВФ СПбГУ)

Правовое регулирование въездного туризма и туристического бизнеса в КНР

В настоящее время туристическая отрасль является одной из наиболее важных статей экономики современной КНР, составляя примерно 5% от всего ВВП страны¹.

Составление программ развития, законов и регламентов развития туристической отрасли и контроль за их выполнением является одной из основных задач Государственного Управления по делам туризма КНР, находящегося под руководством Государственного Совета и являющегося высшим правительственным органом по туризму в Китае².

«Закон Китайской Народной республики о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев», принятый 22 ноября 1985 г., определяет основные требования к туристам при посещении ими КНР, защи-

¹Wen Julie Jie, Tisdell Clement A. Tourism and China's development. Singapore.: World Scientific Publishing, 2001, P. 2.

²Ibid, P. 18.

щает их законные права¹. 11 декабря 2001 г. было принято «Положение об управлении туристическими агентствами», в соответствии с которым в 2001 г. были сформулированы «Подробные правила реализации «Положения об управлении туристическими агентствами». Согласно им, организация туристического бизнеса на территории КНР является признанной предпринимательской деятельностью, которая подлежит лицензированию со стороны компетентных государственных органов².

«Положение о создании иностранными предприятиями туристических представительских учреждений в Китае» разрешает некоммерческую деятельность туристических агентств, являющихся представителями иностранных компаний, на территории КНР, однако данная деятельность должна находиться под непосредственным контролем со стороны Государственного управления по туризму Китая³. Стандарты, определяющие схему развития туристической отрасли, описаны в «Общих положениях по планированию туризма»⁴.

Рассмотренные нормативные документы свидетельствуют о том, что на развитие туристического сектора Китая значительное влияние оказывают государственные органы. Принятие вышеуказанных документов позволило наладить развитие туризма как отрасли экономики, регламентировать деятельность туристических агентств на территории КНР, защитить права туристов, въезжающих на территорию страны, обозначить требования к ним, защитить права жителей КНР.

Е.В. Блинова
(Ярославский ГУ)

Африканцы в Великобритании (постановка проблемы)

В Западной Европе первые свидетельства о чернокожих относятся к периоду до нашей эры⁵. Далекое не все эти люди были выходцами из Африки. Черными традиционно называли африканцев, арабов, индий-

¹Закон Китайской Народной Республики о порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев:

<http://ru2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinalaw/contact/200505/20050500084999.html>.

² Detailed rules for implementation of regulations on the administration of tourism agencies: <http://en.cnta.gov.cn/html/2008-12/2008-12-28-14-1-32170.html>.

³ Regulations on the establishment of tourism residential representative institutions in China by foreign enterprises: <http://en.cnta.gov.cn/html/2010-1/2010-1-27-10-12-93762.html>.

⁴ General rules for tourism planning: <http://en.cnta.gov.cn/html/2008-12/2008-12-28-13-54-85866.html>.

⁵ Scobie E. The black in Western Europe / I. Van Sertima. African Presence in Early Europe. New Brunswick: Transaction Books, 1985. P. 191.

цев, что, безусловно, затрудняет процесс определения более или менее точного времени их появления на континенте. Согласно Тацит, на Британских островах черные люди появились еще в доримский период¹.

Пути проникновения африканцев в Западную Европу были различными. Первоначально это было связано с колонизаторской и торговой деятельностью финикийян в Испании в I тыс. до н. э., затем – в ходе карфагенских завоеваний под предводительством Гамилькара Барка (ок. 270–228 гг. до н. э. и его сына Ганнибала (247–183 гг. до н. э.). Последний, чтобы не допустить восстания, как в Испании, так и в Африке, направил в Африку воинов испанского происхождения, а в Испании разместил африканские гарнизоны².

Арабское завоевание Испании (711–1492) и последовавшая реконкиста стали причиной дальнейшего роста негритянского присутствия на Пиренейском полуострове. Однако подлинно широкое появление африканцев в Европе связано с развитием европейской работорговли – торговли африканцами в Западной Европе, начиная с середины XV в. (1440 г. Антам Гонзалис впервые привез в Португалию десять захваченных африканцев из Новой Гвинеи.) и до 1807 г. (акт об отмене рабства и работорговли, принятый Британией). С началом рабовладельческой эры в Западной Европе черный человек стал ассоциироваться почти исключительно с бесправным рабом, хотя не все черные этого периода являлись рабами³.

В 1562 г. английский мореплаватель, пират и первый работорговец Елизаветинской эпохи Джон Хокинс (1532–1595), доставил в Англию 300 африканцев⁴. В Британии рабы: женщины и мужчины – боялись депортации на плантации, поэтому составляли класс молчаливой и повинующейся прислуги⁵. В период правления Елизаветы I (1558–1603) положение африканцев в Англии было приемлемым. Они жили при королевском дворе, играли в театре, прислуживали в семьях знати⁶, несли службу в королевской армии в качестве барабанщиков и знаменосцев. Среди чернокожих имелись музыканты и актеры. Многие женщины

¹ Scobie E. The black in Western Europe / I. Van Sertima. African Presence in Early Europe. New Brunswick: Transaction Books, 1985. P. 200.

² Кораблев И.Ш. Ганнибал. Москва: Наука, 1976. С. 75.

³ Earle T.F., Lowe K.J.P. The black African presence in Renaissance Europe. Cambridge: University Press, 2005. P. 20–21.

⁴ Walvin J. Black ivory. Slavery in the British Empire. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. P. 23.

⁵ Gerzina G. Black England. Life before Emancipation. London, 1995. P.75.

⁶ Walvin J. Black ivory. Slavery in the British Empire. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. P. 10–14.

были куртизанками, наиболее известной из них была негритянка Люси (1630? – 1658)¹.

Тимофей Боков
(ВФ СПбГУ)

***К вопросу об уровне знаний о России в арабском мире:
опыт анализа арабоязычной Википедии²***

Исследование представлений изучаемого общества об обществе исследователя кажется нам важным как с эвристической (уточнение методов исследования благодаря более четкому осознанию восприятия себя объектом изучения), так и с практической точек зрения.

Интернет, подобно любой другой сфере культуры, является ценным источником знания об обществе. Арабоязычный сегмент интернета представляет большой интерес: согласно статистике, приведенной на сайте *internetworldstats.com*, в 2010 г. в мире насчитывалось 65,4 миллионов арабоязычных пользователей интернета³, при этом арабоязычный сегмент интернета был наиболее динамично развивающимся из всех⁴.

Целью данной работы было определение количественного и качественного уровня знаний о России, доступного в рамках арабоязычного сегмента крупнейшего энциклопедического интернет-портала – *wikipedia.org*.

Для проведения исследования нами был составлен список потенциальных энциклопедических статей (всего 305 пунктов), распределенных по 6 областям знания. В частности, в данный список вошли: важнейшие географические объекты РФ; объекты, занесенные в список всемирного наследия ЮНЕСКО; лауреаты Нобелевской премии в различных областях и т.п.

Помимо количественного анализа был проведен также поверхностный качественный анализ – оценка объема статей и частичное ознакомление с их материалами.

¹ Scobie E. The black in Western Europe / I. Van Sertima. African Presence in Early Europe. New Brunswick: Transaction Books, 1985. P. 201.

² Непосредственно исследование проводилось в период с 16.01 по 21.01 2011 г., все приведенные ниже данные верны для указанного периода.

³ <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>.

⁴ В 2000–2010 гг. количество арабоязычных пользователей Интернета увеличилось на 2501.2%.

Сводная таблица результатов:

Область знаний	Всего	Наличествует	Отсутствует	Процент имеющихся статей	Количество строк (в среднем)
География	102	86	16	84.3	5
История	68	41	27	60.2	28.8
Культура	51	29	22	56.8	15.6
Экономика	29	2	27	6.8	7.5
Наука	28	26	2	92.8	9.3
Политика	27	6	21	22.2	8.3
Всего	305	190	115	62.2	12.4

Выводы: знания о России, предоставляемые арабоязычным сегментом Википедии, вряд ли можно считать достаточными: отсутствуют статьи о 37.8 % составленного нами списка, к тому же целый ряд статей ограничивается самой краткой дефиницией описываемого объекта и наиболее существенной дополнительной информацией.

Несомненно, данное исследование не позволяет делать каких-либо общих выводов о состоянии знаний о России в арабском мире, однако, нам кажется, что оно вполне может быть использовано как один из источников при более глубоком изучении данного вопроса.

А.С.Борисова
(ИСАА МГУ, Москва)

Перевод Книги Псалтирь на японский язык: сложности преодоления культурных различий и сопротивления языка¹

В выступлении освещается природа основных трудностей при переводе псалмов на японский язык, а также отмечается важность переводов Библии для межкультурного диалога. Возникнув в виде свода гимнографической лирики древних евреев, Книга Псалтирь позднее вошла в религиозные традиции большинства авраамических религий, подвергаясь новым осмыслениям, часто далеким от первоначального замысла. В Японию псалмы попали вместе с проповедью христианства, и в большинстве случаев переводились не с языка оригинала, а с европейских языков.

¹ Понятие сопротивления языка в контексте библеистики вводится в одноименной статье: *Десницкий А.С.* Сопротивление языка или «мост библейского перевода» (электронная версия с <http://www.ibt.org.ru/russian/info/articles.htm#bridge>).

Среди основных затруднений при переводе следует в первую очередь назвать существенную разновекторность дискурсов архаического иудаизма¹, центральным понятием которого является концепт трансцендентного личностного Бога как вершины иерархически организованного универсума, и синтоизма, в котором все объекты единосущности, а ритуал почти полностью вытесняет личностную составляющую. Ситуацию дополнительно осложнило то обстоятельство, что псалмы были восприняты японцами в контексте христианства, где акценты окончательно смещены в сторону абстрактного.

Не менее сложным было преодоление сопротивления языкового материала при передаче средств художественной выразительности. Японская литературная система складывалась на основе кардинально отличного религиозно-культурного дискурса, и такие важные библейские тропы, как метафора и параллелизм, оказались малопонятны для японского читателя.

Вместе с тем перевод Псалтири на японский язык необходим, так как он не только знакомит японцев с библейской поэзией, оказавшей большое влияние на многие литературы Европы и Азии, но и, помимо всего прочего, обогащает новыми тропами и оборотами японскую поэтику.

И.В. Бухтияров
(ВФ СПбГУ)

Взгляд Бутроса Бутроса Гали на причины исторического визита президента Египта Анвара Садата в Израиль

Бутрос Гали, занимавший пост государственного министра по иностранным делам Египта с 1977 по 1990 гг., излагает в своих мемуарах и интервью официальную версию подготовки визита президента Анвара Садата в Израиль в ноябре 1977 г. Так, Б. Гали отмечает, что лично он заранее ничего не знал о намерениях президента совершить эту историческую поездку².

В своем интервью Б. Гали утверждает, что располагает доказательствами относительно того, что идея поездки в Иерусалим родилась у А.Садата за шесть месяцев до знаменитой речи, произнесенной президентом 9 ноября в зале Народного Собрания, когда президент Египта пообещал «отправиться на край света» для защиты интересов страны.

¹ Являясь, по сути, классическим, и более того, первым в истории метанарративом; см. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., Алетейя, 1998.

² Гали Б. Путь Египта в Иерусалим, М., 1999. С.30.

Глава египетского МИДа Исмаил Фахми, узнав о намерении Садата, долгое время пытался отговорить его от поездки¹.

Мухаммад Риад, занимавший некоторое время пост государственного министра, в разговоре с Б. Гали выразил свою уверенность в том, что для всего арабского мира смелые высказывания А.Садата будут восприниматься лишь как голословные утверждения. Лишь три-четыре человека в кабинете министров могли предположить, что президент отважится на подобный решительный шаг.

Б.Гали, считает, что главными факторами, побудившими президента А.Садата обратиться к тесному сотрудничеству с США в вопросах мирного урегулирования на Ближнем Востоке, являлись потеря президентом Египта уверенности в эффективности дипломатии Советского Союза и желание обрести благодаря США большее политическое влияние во всем регионе. Именно поэтому для А.Садата были важны контакты с американским послом Германом Эйлтсом, через которого египетское руководство осуществляло связь напрямую с госсекретарем США Сайрусом Вэнсом. Также существенную роль сыграло желание Садата решать прежде всего проблемы, связанные с урегулированием отношений между Египтом и Израилем, не затрагивая палестинский вопрос. Советский Союз, как полагал А.Садат, был ориентирован к этому моменту исключительно на решение палестинского вопроса, потому президент стал искать прямой контакт с американцами, в руках которых находились, по мнению Садата, «девятью девять процентов документов, относящихся к ближневосточному конфликту»².

В.В. Васильев
(ВФ СПбГУ)

Египетский роман в конце XX – начале XXI вв.

Основной тенденцией в египетской литературе XX в. является обновление. Египетская литература с середины XIX в. идет по пути западной литературы и сейчас продолжает заимствовать из нее приемы, эстетику.

В 90-е гг. возникло много новых ярких писательских имен. Это показывает, что роман все больше привлекает внимание критиков и читателей, и что он становится альтернативной трибуной, предоставляя возможность высказываться по любым современным проблемам.

¹ <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/57D3A6EF-2D15-4FD8-8596-6D6E1816381D.htm>.

² http://arabic.rt.com/prg_journey_in_memory/36607/video.

В 90-е гг. усиливается цензура и исламистское движение в стране. Судебные органы могут возбуждать дела против писателей, которым предъявляются обвинения в нарушении существующих нравственных или религиозных норм.

В 90-е гг увеличивается число и авторитет женщин-романистов. Круг затрагиваемых тем в романах у писательниц расширяется. Проблему равноправия женщин не только в социальной, но и в сексуальной сфере писательницы рассматривают с резко феминистской позиции.

В 90-е гг. повесткой дня на арабских литературных форумах и научных конференциях становится «особость» (хусусийя), «индивидуальность» (хувийя) арабского романа, литераторы и писатели пытаются выявить особые черты арабского романа в общемировом романном контексте.

В связи с ростом эмиграции египтян для заработка в страны Персидского залива, в Саудовскую Аравию, Ливию, Ирак возникает целый ряд романов, посвященных теме «чужбины» (гурба). В качестве «чужбины» выступают не страны Запада, а соседние арабские страны.

В начале XXI в. писатели чаще стали обращаться к реалистическому типу романа. Это обусловлено тем, что в писательской среде сложилось мнение, что нужно обратить внимание читателей на общественные проблемы Египта более простой манерой письма, но не в ущерб художественной составляющей произведения.

Ярослав Герасимов
(ВФ СПбГУ)

***Внутриполитический кризис в Саудовской Аравии 1979 г.:
роль в нем фактора присутствия иностранной рабочей силы (ИРС)***

Данный доклад посвящен основным направлениям внутриполитической борьбы в Саудовской Аравии в 1970-х гг. и ее крайнему проявлению, вылившемуся в ноябрьский кризис 1979 г.

Одно из главных условий устойчивости власти Саудидов заключалось в сохранении их единства, которого не всегда удавалось достичь. В качестве примера можно привести продолжавшуюся с 1958 по 1964 гг. борьбу за власть между сыновьями Абд аль-Азиза – Саудом и Фейсалом, «фронду свободных эмиров», убийство короля Фейсала его двоюродным племянником в марте 1975 г. и др.

В рассматриваемый период руководство КСА уделяло значительное внимание развитию вооруженных сил. Вместе с тем руководство КСА проводило грамотную военную политику, разделив ВС на регулярную армию, рекрутируемую из всех групп населения, и элитную

Национальную гвардию, формируемую исключительно из кочевников и подчиняющуюся непосредственно члену королевской семьи.

Как известно, одной из форм народного сопротивления является борьба рабочего класса за свои права. В Саудовской Аравии национальный пролетариат зародился одновременно с возникновением нефтедобывающей промышленности в середине XX в. и являлся в рассматриваемый период крайне малочисленным. Несмотря на это, с момента своего зарождения он начал бороться за свои права, о чем свидетельствуют забастовки на объектах АРАМКО в 1945, 1946, 1947, 1953 гг., волнения в Эль-Хасе, Дахране, Даммаме, Эль-Хусабе. Однако нефтяные компании широко применяли практику преференций в отношении квалифицированных рабочих, которые в ряде случаев зарабатывали больше госслужащих и в 4–6 раз больше чернорабочих. В результате произошла нейтрализация политически активных трудящихся, постепенно превратившихся в т.н. «рабочую аристократию».

С другой стороны, проблема кадров продолжала оставаться одной из самых острых в Королевстве. Нехватка квалифицированной рабочей силы и малочисленность национальных трудовых ресурсов вынудили правительство в широких масштабах прибегать к привлечению рабочих из-за рубежа. В 1980 г. иммигранты составляли 38% всего населения страны и 51% экономически активного населения.

Социально-политическая проблема присутствия ИРС состояла не столько в высокой доле некоренного населения КСА, сколько в неравноправном юридическом статусе этой группы и значительных общественных и имущественных различиях, что потенциально способствовало росту социальной напряженности.

В стране, с одной стороны, наблюдалась активизация деятельности мусульманских организаций, выступающих против правящей семьи с ортодоксальных позиций борьбы за чистоту ислама. С другой стороны, в это же время возник ряд организаций проиранского толка (преимущественно среди шиитов Восточной провинции), преследующих цель свержения монархического режима и создания в КСА исламской республики по иранскому образцу. Последних активно поддерживала часть контингента ИРС. В этой ситуации ислам выступил в роли фактора, объединяющего различные социальные группы в единое целое ради свержения королевского режима.

Реальность подобного союза на исламской основе доказали события конца ноября – начала декабря, которые журнал «Африк-Ази» назвал народным восстанием.

Некоторые обозреватели считают, что восстание в Мекке и Медине и волнения в Восточной провинции являются частью широкого заговора

против существующего режима; другие высказывают мнение, что волнения на востоке страны произошли стихийно, а восстание в Мекке сыграло лишь роль ускорителя. Но несомненно то, что события конца 1979 г. в значительной мере способствовали политизации саудовского общества. Впервые после основания Королевства был выражен открытый протест против существующего в стране режима.

*Д.Г. Даушвили
(ВФ СПбГУ)*

О предпосылках усиления Ирана в борьбе за северные нефтяные месторождения (1907–1941)

В начале XX в. наибольший интерес к Ирану проявляли правящие круги Англии и царской России. В 1907 г. эти два государства заключают негласный договор, по которому определяют свои «сферы влияния» в Иране. В российскую сферу влияния попадают пять северных провинций Ирана, а в зону интересов Англии входит юг страны.

Поначалу царская Россия, попыталась, используя в качестве агента грузинского предпринимателя А. М. Хоштария¹ захватить месторождения в северных провинциях Ирана, заключив в 1916 г. с Ираном соглашение. Однако после Октябрьской революции советское руководство, желая «порвать с захватнической политикой царизма», полностью пришло иранский суверенитет и ликвидировала все неравноправные соглашения, навязанные Ирану царским правительством. Московский договор 1921 г. закреплял дружественные отношения между Советской Россией и Ираном, основанные на принципах равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга. Возможно, это отчасти и послужило причиной появления в этом районе американских нефтяных компаний, также начавших с небольшим запозданием борьбу за иранскую нефть.

Вся дальнейшая политика Ирана в отношении северной нефти характеризовалась постоянным лавированием между интересами Советского Союза и США. Правительство Ирана не желало усиления экономического влияния той или иной страны в северном регионе и в то же время пыталось «сдать» концессию на как можно более выгодных усло-

¹ По словам доктора наук Саида Миртораби, А.М. Хоштария долгое время проживал в Иране и имел дружеские отношения со многими иранскими чиновниками. В Иране он считался крупным капиталистом, однако на самом деле был служащим Российского ссудного банка (مسائل نفت ايران), دکتر سعید میرترابی. Тегеран 1385/2007. С. 52).

виях одной из конкурирующих стран с извлечением из этого максимальной личной выгоды.

Этим и объясняется такое количество противоречащих друг другу договоров, заключенных в результате сложных комбинаций с применением подкупов и запланированных срывов переговоров. Однако именно конкурентная борьба соперничающих иностранных компаний не позволила северному Ирану в те годы превратиться в колонию какого-либо одного западного государства вследствие его единоличного усиления в регионе.

Опыт, приобретенный в борьбе за национальный интерес при предоставлении иностранных концессий на разработки месторождений в северных провинциях, позволил Ирану в дальнейшем стать самостоятельным игроком в зоне северных провинций и приступить к собственным разработкам нефтяных месторождений раньше, чем на юге страны.

Я.В. Евсюков
(ВФ СПбГУ)

Статистические данные как исторический источник (на примере изучения истории нефтяной промышленности Азербайджана)

Целью данной статьи мы видим описание использования определенных статистических данных в качестве исторического источника на примере исследования истории развития нефтяной промышленности Азербайджана.

Мы считаем, что при изучении различных исторических процессов, в особенности длительных, статистические данные являются некоей «результатирующей линией» всех исторических событий, происшедших в отдельно взятый отрезок времени. Рассматривая большие временные промежутки, есть возможность соотносить изменения статистических данных (будь то добыча нефти или изменения в социальной сфере) с историческими событиями, произошедшими в данном регионе.

Так, при изучении годовых уровней добычи нефти с 1781 по 2010 г. в Азербайджане, совершенно четко видны взлеты и падения Российской империи (куда входил Азербайджан), Азербайджанской Демократической Республики, СССР и независимой Республики Азербайджан: развитие экономики всей Империи, революция 1905 г., Первая мировая и следующая за ней Гражданская война, постепенное восстановление СССР и стремительный спад производства в период Второй мировой войны, последующий подъем и угасание мощной сверхдержавы, распад СССР, приход в экономику независимого Азербайджана иностранных инвесторов.

При рассмотрении менее продолжительных периодов времени можно качественно оценивать происходящие в рассматриваемой отрасли изменения. Например, в 1970-е гг. развитие нефтедобычи достигло своего апогея. Именно в это время в связи с острым мировым нефтяным кризисом СССР впервые был допущен на мировой рынок. С приходом в страну так называемых «нефтедолларов» в Азербайджан было привезено огромное количество новейшего оборудования для добычи нефти и геологоразведки, однако это не смогло остановить падение общей нефтедобычи, продолжившейся до 1998 г. Именно статистическая сводка данных позволяет точно охарактеризовать данный период, как упадок нефтедобывающей промышленности Азербайджана, несмотря на благоприятные условия и изменения.

Таким образом, статистические данные (население страны или его национальный состав, рост добычи определенного ресурса, etc.) способны не только отображать общее состояние страны-объекта изучения, но и, наряду с другими историческими источниками, ярко характеризовать определенные процессы, происходящие в ней.

В.И. Зимин
(ВФ СПбГУ)

Иранский панисламизм: прагматическая концепция или политическая утопия?

Исламская революция, произошедшая в Иране, в 1979 г. обусловила зарождение на международной геополитической арене нового мощного игрока, чьи принципы и правила игры, однако, оказались совершенно непонятны остальным державам. Тогда революционная исламская риторика ошибочно рассматривалась исключительно с позиций «холодной войны»: в каждом из противоборствующих центров пытались понять, в орбите чьего влияния оказался Иран после революции? Иран же заявил, что будет развиваться по третьему, иному сценарию, и начал активное внедрение исламских идеалов в социальную и политическую жизнь страны, провозгласив курс на «экспорт исламской революции» и объединение всех мусульман мира под флагом исламского государства.

Анализ иностранной и отечественной литературы, посвященной иранскому панисламизму, позволяет сделать вывод о серьезной нехватке современных комплексных исследований данного вопроса, способных объяснить суть явления, оценить его значимость и перспективы трансформации. В связи с этим возникают значительные искажения в восприятии внешнеполитических акций Ирана, обостряется полемика

вокруг иранской ядерной программы, растет напряженность в отношениях между Ираном и западными державами.

Данная работа преследует две цели:

1. выявить существенные характеристики иранского панисламизма;
2. оценить степень реального влияния данного концепта на внешнюю политику Исламской республики Иран. Для этого, во-первых, будут проанализированы теоретические основы панисламизма как идейного течения, история его возникновения и развития; выявлено соотношение панисламизма и исламского фундаментализма, что позволит внести терминологическую ясность в данную проблему, во-вторых, будут рассмотрены различные формы воплощения идей панисламизма.

А.А. Злобин
(ВФ, СПбГУ)

Становление арабской и индийской общин на островах Занзибар и Пемба в период германской колонизации Восточной Африки (1861–1914)

Изучение колониального прошлого Африки является одним из основных направлений изучения истории континента. Можно сказать, что корни большинства проблем и противоречий, существующих в независимых государствах Африки, следует искать в их прошлом. Индийцы и арабы составляют значительную часть населения стран Восточной Африки в целом и островов Занзибар и Пемба в частности. Поэтому особенности их социально-экономического положения и причины их особого политического статуса в колониальный период требуют специального исследования¹.

Также невозможно игнорировать традиционный характер института власти в политических процессах восточно-африканского общества. Если не учитывать родоплеменных и конфессиональных основ политических систем, то это может привести к крупномасштабным межэтническим и религиозным конфликтам.

Участие Германии в разделе сфер влияния в Восточной Африке было обусловлено целым рядом факторов, так как в первоначальные планы Германии не входили колониальные захваты. Причиной вовлечения Германии в Африканские дела стала ситуация, которая сложилась в Европе к концу XIX в. Открытие Суэцкого канала в начале 60-х гг. XIX в. значительно сократило расстояние между Европой и Восточной Африкой. Внутренние районы Африки представляли собой хорошие источники сырья и рынки сбыта для европейских товаров.

¹ Кацман В.Я. Современная Танзания. М., 1977. С. 8.

Результаты исследования Африки миссионерами и учеными Европы, среди которых было немало представителей Германии, стали главной предпосылкой для проведения колониальной политики в отношении «черного» континента европейскими державами, в особенности Великобританией, Францией и Германией.

Еще в начале XIX в. немецкие торговые компании, такие как «О’Свальд» и «Хансинг» имели свои представительства на острове Занзибар. Но они больше склонялись к ведению торговых дел под покровительством Великобритании и ее системы «свободной торговли». Многие германские судовладельцы в XIX в. перевозили грузы английских, голландских и даже китайских купцов. В плаваниях вдоль берегов ЮВА в 1850–1870 гг. принимал участие германский торговый флот. Это дало возможность мелким, а затем средним и крупным торговым фирмам Гамбурга и Бремена, имевшим свои филиалы и дочерние компании в Бомбее, Калькутте, Сингапуре, Гонконге, Лагосе, Занзибаре, принять участие в английской торговле со странами Востока¹.

Помимо вопросов истории германского колониализма, в работе также были рассмотрены предпосылки и ход миграции индийского и арабского населения на территории Восточной Африки, его участие в политической жизни региона. Арабская и индийская общины были неотъемлемой частью многих сфер жизни германской колонии в Восточной Африке в целом, и на островах Занзибар и Пемба в частности. Отношение к данным общинам как со стороны колониальной администрации и европейских поселенцев, так и со стороны африканцев не было однозначным. Арабы и индийцы представляли собой связующее звено между европейцами и африканцами. Арабские и индийские торговцы прочно удерживали в своих руках розничную и оптовую торговлю не только в ГВА, но и во всей Восточной Африке. Несмотря на трудности, которые возникали во взаимоотношениях между индийскими, арабскими и европейскими поселенцами, первые сохранили свои традиции и продолжали вести торговые операции в регионе.

Екатерина Коростелева, Сельчук Нас
(Университет девятого сентября, Измир)
Качественное исследование относительно проблем
в русско-турецких смешанных браках

В период возрастающего объединения в международную сеть мир все больше сближается. В ходе глобализации увеличивается также чис-

¹ Пегушев А.М., Туполев Б.М. Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. М., 1991, с. 78.

ло заключенных международных браков. Согласно данным статистики, среди смешанных браков, заключенных на территории Турецкой Республики, браки с гражданами Российской Федерации занимают третье место. Было установлено, что смешанные семьи находятся под воздействием факторов, которые отличны от факторов, влияющих на мононациональные браки. Среди них следует отметить такие факторы, как коммуникативные, культурные, религиозные и административные проблемы.

Целью данного исследования является на основе данных, полученных в ходе интервью, освещение проблем, с которыми сталкиваются русско-турецкие смешанные браки. Кроме того, в данной работе исследуются причины предпочтения русскими девушками турецких мужчин в качестве женихов, отношение русских жен к турецкой культуре и способы решения проблем, возникающих в смешанных семьях. В ходе данного исследования было проведено интервью с 16 русскими девушками, состоящими в браках с турецкими гражданами, которые проживают в городе Измир. Поиск респондентов происходил методом снежного кома. Интервью проводилось через личную встречу с участником, по телефону и через интернет по скайпу. В результате, согласно поставленной цели об освещении проблем в русско-турецких смешанных браках, данное исследование является разведывательным.

Следует отметить, что интервью проводилось в Турции на родном языке девушек, которые замужем за турками. К слабым сторонам исследования можно отнести то, что интервью проводилось только в рамках Измира и с русскими женами, кроме того, был использован метод снежного кома. По причине того, что только у двух русских девушек, принимавших участие в интервью, имеются дети, проблемы, связанные с воспитанием детей недостаточно освещены.

А.В. Кочнев

(Уральский ГУ, Екатеринбург)

Тимур: краткий обзор источников

Тимур, более известный как Тамерлан – легендарный среднеазиатский завоеватель. Его жизнь и деятельность хорошо освещены как письменными, так и материальными источниками. Письменные источники в основном носят повествовательный, официозный характер и представляют собой сочинения о деятельности Тимура, составленные при его жизни или вскоре после его смерти, и отличаются присущими подобной литературе чертами: пристрастностью и склонностью изла-

гать события в пользу лица, которому посвящено сочинение¹. Большое значение среди источников имеют также эпиграфические памятники.

В первую очередь необходимо упомянуть автобиографию Тимура, которая является неоценимым источником, имеющим, однако, ряд неверных фактов. В основу автобиографии Тимура положена тюркская рукопись, найденная в Бухаре и представляющая перевод с персидского, сделанный Набиджан-Хатыфом в 1251 г. хиджры (1835 г.)².

Отдельно стоит сказать и об Уложении Тимура. Источник имеет другие названия: «*Малфузат-и Темури*» («Изречения Тимура»), «*Вакиат-и Темури*» («Воспоминания Тимура»). Первоначально «Уложение» было составлено на староузбекском языке³.

Важным источником является «Дневник похода Тимура в Индию». Сама книга, написанная верховным судьей Насираддином Омаром, сопровождавшим Тимура в индийском походе, до нас не дошла. Однако она легла в основу «Дневника индийского похода», составленного Гияс ад-дином Али⁴. Еще одним источником является дошедшая до нашего времени «Зафар-Намэ»⁵ («Книга побед») Низам ад-дина Шами, в которой представлена биография Тимура.

Существует и другая «Зафар-Намэ». Это труд Шереф ад-дина Али Иезди, который был написан уже после смерти Тимура. В его основу он положил текст сочинения Низам ад-дина Шами, однако у Шереф ад-дина Али Иезди приведено больше фактического материала, чем у его предшественника.

Интересным и важным источником является «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг.» Руи де Клавихо (своеобразный памятник испанской прозы: путевые заметки, написанные в форме дневника испанским послом, отправленным во главе ответного посольства в столицу Тимура Самарканд)⁶. А также труд на арабском языке Ибн Арабшаха «Аджиб ал-макдур фи навайб ал-Тимур» («Чудеса предопределения в событиях (жизни) Тимура»)⁷. Оба произведения являются ценными источниками о детстве и юности Тимура.

¹ Якубовский А. Ю. Тимур//Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 42–74.

² Автобиография Тамерлана / Пер. с тюрк., Ташкент, 1894.

³ Уложение Тимура. Ташкент, 1904.

⁴ Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. М, 1958.

⁵ Низамиддин Шами, «Зафар-наме».

⁶ Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура: 1403–1406. Пер. со староисп. СПб., 1881.

⁷ Ибн Арабшах. История амира Темура. Ташкент. Институт истории народов Средней Азии имени Махпират. 2007.

В завершении необходимо сказать несколько слов о Тимуре в русских источниках. Для примера приведем «Повесть о Темир Аксаке»¹. Она посвящена нашествию Тимура на Русь в 1395 г. и чудесному спасению Москвы от разгрома с помощью иконы Владимирской Богоматери.

Все эти и подобные произведения, полный обзор которых не укладывается в объемы данной работы, легли в основу историографии, которая дает нам главный свод фактических сведений о жизни и деятельности Тимура и представляет собой полное обозрение его политической биографии.

А.С. Крамскова
(ВФ СПбГУ)

Аспекты рассмотрения письма в тибетской лингвистической традиции²

Тибетское письмо, созданное на основе индийских образцов, стало одним из важных объектов изучения традиционного языкознания – одной из пяти индо-тибетских буддийских великих наук, сохраняющей свою актуальность и для современной тибетологии.

В книге преподавателя Северо-Западного института национальностей (Ланьчжоу, КНР) Пари Сангье (тиб. dra' gis sangs rgyas) «Правила написания тибетской письменности – Зрелище, желанное для всех» (тиб. bod yig 'bri tshul mthong ba kun smon. Пекин, 1997) можно выделить следующие аспекты рассмотрения тибетской письменности: дидактический, исторический, технологический, каллиграфический.

Первая глава книги содержит обоснование культурной и эстетической ценности «правильного, соразмерного и красивого» письма, а также изложение надлежащих подходов к его изучению и преподаванию.

Переходя к историческому аспекту в главе 2, Пари Сангье перечисляет в хронологическом порядке создателей различных видов тибетского письма, а также прославленных каллиграфов.

Описание технологической стороны письма представляет собой характеристику традиционных и современных способов изготовления и применения материалов для письма и письменных принадлежностей: бумаги (гл. 3), чернил (гл. 4) и ручек (гл. 6), а также основных особенностей ксилографического способа печати (гл. 5).

¹ Повесть о Темир Аксаке // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в. М., 1981.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тибетская грамматическая традиция» (11-34-00227a1).

Каллиграфический аспект, наиболее подробно раскрытый автором, включает в себя рассмотрение методики письма (как держать ручку – гл. 7, как переписывать текст – гл. 8), различных стилей письма (главы 9–14), сокращений при письме (гл. 15), а также каллиграфии как искусства (гл. 17–18). Глава 16 посвящена т.н. «квадратному письму», созданному Пагба-ламой Лодой Гьялцэном (1235–1280) и введенному в употребление в 1269 г. в период правления династии Юань в качестве единой системы письма для китайского, монгольского, тибетского, уйгурского языков и санскрита. В книге приводятся образцы работ наиболее выдающихся тибетских каллиграфов.

Ксус Гейс

(Академия Им. И.И. Мечникова)

Иордания и российско-иорданские отношения

Дипломатические отношения между СССР и Иорданией были установлены 21 августа 1963 г. по инициативе иорданской стороны. 28 декабря 1991 г. правительство Иордании признало государственный суверенитет и независимость Российской Федерации и других государств СНГ. 7 февраля 1999 г. на Хашимитский престол вступил король Абдалла II. Король Абдалла II продолжил традицию развития добрых отношений с Россией.

Иорданцы гордятся дружественными отношениями, которые складываются между руководителями наших государств. И, без сомнения, именно дружба руководителей наших стран принесла свои положительные плоды: политический диалог характеризуется высокой динамикой и насыщенностью, что обусловлено близостью подходов России и Иордании по ближневосточной и иракской проблеме, настроем руководства двух стран на укрепление взаимодействия в региональных делах и дальнейшее упрочение двусторонних отношений.

Что касается общих международных проблем, то здесь подходы наших стран во многом идентичны. В вопросах борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, стратегической стабильности, разрушения (как на глобальном, так и региональном уровнях), нераспространения ОМУ, Афганистана, прав человека, гуманитарной и информационной безопасности Россия и Иордания выступают с близких позиций, что не раз было подтверждено в ходе дискуссий в ООН.

Начиная с 2007 г. было отмечено некоторое оживление торгово-экономического взаимодействия России и Иордании. Зафиксировано увеличение двустороннего внешнеторгового оборота: за 10 месяцев 2007 г. он составил 169 млн. долл., в то время как за весь 2006 г. – всего 64,8 млн. долл. Сдерживающим фактором является отсутствие такого

механизма, как межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Тем не менее в данной сфере сохраняется значительный потенциал, который может быть задействован при условии активизации контактов по линии частного сектора.

В рамках культурных связей Иорданию регулярно посещают российские художественные коллективы, музыкальные ансамбли и танцевальные труппы, в том числе из республик Северного Кавказа.

В сфере образования налаживаются контакты по линии ВУЗов двух стран, ведется прием иорданцев на учебу в России, однако из предоставляемых федеральных стипендий используется лишь 40–50%. В Санкт-Петербурге сегодня учится около 100 иорданских студентов, в основном в Военно-медицинской академии и других медицинских и технических ВУЗах города.

М.А. Кудинова
(ИАЭ СО РАН; НовосибирскийГУ)

***Данные письменных источников о ритуальном использовании собак
в Древнем Китае***

Шанские гадательные надписи свидетельствуют о существовании обряда *нин*, в ходе которого убивали и расчленили собаку, чтобы успокоить четыре ветра и почтить четыре стороны света. Сходный ритуал описан в «Эръя» (III–II вв. до н. э.). В комментариях Го Пу к этому памятнику (IV в.) говорится о сохранении обычая расчленять собаку, чтобы «остановить ветер».

Церемонии с использованием собак упоминаются в «Люйши чуньцю» (III в. до н. э.), «Чжоу ли» (II в. до н. э.), «Ли цзи» (I в. до н. э.).

В ходе ритуала *но* для защиты от эпидемий собаку убивали и расчленили, а останки закапывали перед главными воротами столицы. Позднее обряд вошел в конфуцианскую религию как ритуал космического плана и очистительной магии. Он совершался и во время похорон¹.

В ритуале *ба*, направленном на защиту от злых сил, требовалось личное участие императора, который переезжал собаку на своей колеснице. Анализ иероглифа поясняет, как проходила церемония. Иероглиф

¹ Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. С. 45–48.

ба состоит из ключа чэ «повозка, телега» и фонетика фа, обозначающего животное со связанными ногами¹.

В «Исторических записках» (I в. до н. э.) говорится, что Дэ-гун «установил жертвы [в периоды] фу, тогда разрывали на части собак, [развешивая куски их] на четырех воротах для защиты от ядовитых насекомых и всякой нечисти»². Этот обычай упоминается и в памятнике «Фэн су тун и» (II в.): «В наши дни люди по-прежнему исполняют этот ритуал, когда убивают белых собак и мажут их кровью ворота и двери своих домов или когда в первом месяце наступившего года с помощью крови белых собак стараются уберечь свои жилища от беды»³.

Древнекитайские ритуалы, связанные с жертвоприношением собак, основаны, по-видимому, на предствлении о собаке как тотемном животном и посреднике между мирами, они имеют древнее происхождение и восходят к охотничьим обрядам, корни которых, вероятно, уходят в каменный век.

Владимир Кудояров
(ВФ СПбГУ)

Импорт золота и серебра в Японию при Танума Окицугу (1719–1788)

Экономическую политику Танума Окицугу, занимавшего с 1767 по 1786 г. должности «камергера-секретаря» *собае:нин* и «старейшины» *ро:дзю:*, характеризовал меркантилизм *дзю:се:сюги*, проявившийся в поощрении внешней торговли Японии с Китаем и Голландией в целях укрепления внешнеторгового баланса Японии и получения драгоценных металлов для чеканки монет.

Первым шагом, предпринятым Танума в этой сфере, было заключение в 1763 г. торгового соглашения с Китаем на 24 года, согласно которому Китаю разрешалось ежегодно вывозить из Японии 300 000 *кин*⁴ меди, одного из ведущих товаров на экспорт с начала XVII в. Взамен Китай обязывался выплачивать Японии до 300 *каммэ*⁵ серебра, экспорт которого из Японии был запрещен к 1763 г. В 1765 г. Япония разрешила Китаю дополнительно поставлять 50 *каммэ* серебра.

¹ Morgan C. Dogs and Horses in Ancient China (A lecture given on 27th May, 1974) // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society, 1974. Vol. 14. P. 59–60. Режим доступа: <http://sunzi.lib.hku.hk/hkjo/view/44/4401276.pdf>.

² Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). М.: ГРВЛ, 1986. Т. V. С. 156.

³ Цит. по: Гроот Я.Я.М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае. СПб.: Евразия, 2001. С. 93.

⁴ *Кин* – мера веса, примерно 600 г.

⁵ *Каммэ* (*кан*) – мера веса, составлявшая 3,75 кг.

На 1772 г. приходится решение *Танума* импортировать каждый год 25 *каммэ* золота из Тибета. Стимулируя торговлю с Китаем и Тибетом, *Танума* поощрял экспорт «тюковых товаров» *таварамоно*, представлявших собой сушеные морепродукты (морское ушко *хосиаваб*, сушеный трепанг *иринамако*, плавники акул *фука-но хирэ*, бурая водоросль ламинария *комбу* и др.). *Таварамоно* также использовались для оплаты 240 *каммэ* золота и серебра из Аннама¹, импорт которых начался в 1780 г.

Всего в годы *Танума* из Китая, Аннама и Тибета в Японию поступило 167 *каммэ* золота и 8 217 *каммэ* серебра, что способствовало пополнению казны *бакуфу*, поскольку полученное золото и серебро шло на чеканку японских серебряных монет *гомоммэгин* и *нанре:нисюгин*, выпущенных соответственно в 1765 и 1772 гг. для развития товарно-денежных отношений.

**Сельма Латерем
(ВФ, СПбГУ)**

Эволюция традиционного искусства Тропической Африки

Искусство – одна из форм общественного сознания и практической деятельности людей. Традиционное африканское искусство – искусство народное. В нем отражаются нравы, традиции и эмоционально-психологические особенности африканцев.

Материал африканского изобразительного искусства при условии его предварительной систематики дает возможность поэтапной реконструкции художественного процесса от начала неолита (наскальное искусство Сахары) до современности. Диахронический анализ искусства позволяет выявить определенные закономерности эволюции, ведущие тенденции художественного развития. Характер художественного творчества на протяжении всей истории изобразительного искусства определяется совокупностью трех попеременно действующих факторов – стадийного, этнического и индивидуального.

Применительно к народам, населяющим страны Африки южнее Сахары, этап, характеризующийся мифологическим типом сознания, относится ко времени доклассового общества и, возможно, отчасти к периоду сложения раннеклассовых отношений. Характерными признаками этого этапа исторического развития был синкретизм всех форм общественного сознания. Важной особенностью мифологического сознания являются отношения между религией и искусством. Можно ска-

¹ Аннам – европейское название центральной части современного Вьетнама, использовавшееся в период французской колонизации Индокитая в 1874–1949 гг.

зять, что мифология была искусством, но в то же время она была и религией.

Фольклорная стадия развития искусства Тропической Африки приходит на смену мифологической в период становления раннеклассовых отношений. Культура этого периода развивается уже в условиях классового общества. Однако специфика многих народов Тропической Африки заключалась в том, что они очень долго сохраняли традиции первобытнообщинного строя. В этот период начинается процесс постепенного отделения художественных функций искусства от практических и утилитарных. Также начинается отделение его и от религии, что впоследствии привело к появлению профессионально-ремесленного творчества. Тем же трансформациям подвергается и миф, постепенно утрачивая свое сакральное содержание, частично «демифологизируясь», превращается в предания и сказки.

На фольклорной стадии развития еще не произошло окончательной дифференциации между различными видами искусства, отделения искусства пластического, скульптуры от ремесла, от той сферы, которая в дальнейшем будет названа декоративно-прикладным искусством. Тем не менее существовали тенденции к отделению собственно пластического искусства от создания бытовых и утилитарных предметов. Однако до появления в Африке современного профессионального искусства, это отделение окончательно не произошло.

Из этого следует, что создатели традиционной скульптуры не могли ставить перед собой самостоятельных художественных задач, независимых от других видов практической деятельности человека. Задачи, стоявшие перед скульптурой, были весьма сильно обусловлены господствующей идеологией, и так же сильно подчинены веками существующим традициям, что дает понять незначительную роль индивидуальности художника, которая сводилась к выражению или воплощению в материале заранее заданного содержания.

Таким образом, ранней стадии соответствует наиболее гомогенная художественная структура – мифологическая стадия развития с присутствием ей синкретизмом региональных, этнических, индивидуальных особенностей, с выделением стадияльной общности; Следующая, фольклорная стадия характеризуется постепенным отделением художественных функций искусства от практических и утилитарных, также началом отделения искусства от религии; Далее следует период, который характеризуется десакрализацией и началом дифференциации различных видов искусства, и дальнейшим уменьшением их жанрового и видового единства, свойственного первобытному синкретизму. Именно в этот период возникает профессионально-ремесленное творчество, как след-

ствии разложения и десакрализации традиционного (фольклорного) искусства.

Р.Н. Лобов

(Уральский ГПУ, Екатеринбург)

Традиционные корни корейско-японских противоречий

Несмотря на оживленное сотрудничество в экономической и военно-политической сферах, отношения между Сеулом и Токио являются достаточно прохладными. Настороженное отношение к Японии, порой сопровождающееся всплеском антияпонских настроений, подпитывается неоднозначным историческим наследием во взаимоотношениях двух стран, исторической памятью, особенностями менталитета, сформировавшегося под непосредственным влиянием конфуцианской доктрины и географических условий Кореи.

Одной из характерных черт социальной психологии корейцев является склонность к групповому мышлению, которая является отголоском традиционного уклада корейского общества, где в интересах физического выживания семьи, естественным образом установился примат коллективного над частным. В какой-то степени, укреплению коллективного начала способствовало распространение в Корее конфуцианской идеи, предписывающей регуляцию социальных отношений по принципу «самган орюн». Для конфуцианской системы ценностей также характерно повышенное внимание к истории, которое стоит рассматривать в связке с категорией «хе» (кит. «сяо»), суть которой состоит в почитании и следовании (конечно, не безоговорочном) опыта «преждерожденного» (который, впрочем, может быть кем угодно – от пращура до национального лидера).

Историческое наследие корейско-японских отношений неоднозначно. Япония, с одной стороны, воспринималась в разное время как объект для подражания (напр., реформы года «каб-о», процессы экономической модернизации в РК в 1960–1980-е гг.), с другой стороны – как крайне амбициозный сосед, рассматривающий Корею как плацдарм для укрепления позиций в Восточной Азии (напр., японская колонизация Кореи).

Денис Лопатин

(ФП СПбГУ)

Сотрудничество России и Китая в атомной энергетике

Анализируя сотрудничество в области ТЭК между Китаем и Россией необходимо отметить определенные подвижки в этом направле-

нии. Именно обе стороны проявили активную заинтересованность в развитии атомной энергетики и использования атомной энергии в мирных целях. Одним из первых договорных документов в этой области было Соглашение 1992 г. о сотрудничестве в сооружении на территории Китая атомной электростанции и предоставлении Россией КНР государственного кредита. Положительным аспектом реализации этого договора являлся его долговременный и крупномасштабный характер. Небезынтересно, что в соответствии с одним из контрактов, китайская сторона отвечает за строительство инфраструктуры, российская – за проектирование, производство и поставку оборудования.

Безусловно значковым событием в российско-китайском сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии стало введение в эксплуатацию в 2007 г. построенных ЗАО «Атомстройэкспорт» двух первых энергоблоков китайской АЭС «Тяньвань» мощностью 1060 МВт каждый. Тяньваньская АЭС (ТАЭС) построена по усовершенствованному российскому проекту. Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время это самая безопасная среди действующих в КНР атомных электростанций. В ноябре 2009 г. в ходе визита председателя правительства России В.В.Путина в Китай подписан протокол о сотрудничестве в сооружении второй очереди ТАЭС также с двумя энергоблоками. Кроме того, в соответствии с еще одним соглашением российская сторона примет участие в проектировании реактора на быстрых нейтронах БН-800, прототип которого реактор БН-600 вот уже 25 лет работает на Белоярской АЭС на Урале.

С точки зрения прогнозов сотрудничества России и Китая в области энергетики, то согласно расчетам экспертов в 2020 г. общие мощности по производству электроэнергии достигнут 860–950 млн. кВт¹. Удельный вес ГЭС в суммарной выработке электроэнергии повысится с 15,4 до 19–22%, что требует в среднем ежегодно вводить в строй на ГЭС по 6,4–9 млн. кВт генерирующих мощностей из общего количества ежегодно вводимых 29–33 млн кВт. При этом гидроэнергетические ресурсы восточной части страны будут практически исчерпаны, а на западе, где их использование значительно затруднено и связано с большими затратами, освоены лишь на 8% .

Строительство новых атомных электростанций, начатое в 1997 г., было на шесть лет заморожено, а затем возобновлено в 2003 г., когда правительство утвердило проект сооружения четырех станций мощностью по 1 млн. кВт каждая общей стоимостью 6 млрд долларов в Чжэц-

¹ Ма Чи, Гао Чанлинь, Люй Юнбо. Исследование политики Китая в энергетике // Хжунго цзинцзи шибао. 2008. 17 ноября.

зыне и Гуандуне. Установленные мощности на уже построенных и строящихся атомных электростанциях в 2003 г. составляли 8,7 млн. кВт. К 2020 г. они достигнут 40 млн. кВт, а их доля в выработке электроэнергии повысится с 1,2 до 7%. Это означает, что будет сооружено не менее 30 новых атомных электростанций мощностью 1 млн. кВт каждая. В ближайшие годы планируется построить атомные электростанции в приморских районах, прилегающих к Шанхаю, суммарной мощностью 13 млн. кВт. К 2010 г., когда они вступят в строй, может быть смягчена нехватка электроэнергии в дельте Янцзы и во всем Восточном Китае. Планы строительства атомных электростанций имеются также в Хунани, Сычуани и Гуандуне.

Е.В. Ляхович
(ВФ СПбГУ)

Общие темы в бирманских, китайских и русских пословицах

По мнению паремиолога Г.Л. Пермякова, как у народов, обладающих родственным языком, близких географически и связанных общностью культурно-исторического развития, так и у народов не имеющих и не имевших контактов друг с другом, есть одинаковые по смыслу изречения. Причина же того, что в пословичном фонде любого языка можно подобрать соответствие для пословицы или поговорки другого языка, заключается в следующем: поговорки разных народов изображают одни и те же ситуации, но различаются при этом по своей форме. В них используются образы и реалии, которые отражают этнические, географические, исторические и культурные особенности данного народа.

В паремиологических фондах бирманского, китайского и русского языков можно обнаружить синонимичные изречения.

Например, в основе русской пословицы «Терпенье и труд все перетрут», китайской «Было бы старание, и железный пест можно выточить и превратить в иглу» и бирманских «День за днем можно и Паган¹ построить», «Креветка, хоть и мала, переплывает море» лежит идея, что при усердии, терпении и старании можно достигнуть больших результатов.

Аналогами бирманской пословицы «В лесу, где одни кустарники, и клещевина – король» являются русские изречения «На безрыбье и рак рыба», «На безлюдье и Фома дворянин» и китайские – «Когда в лесу нет птиц, то и воробей князь», «Нет свиньи, сгодится и собака», «Когда в горах нет тигра, то и мартышка – царь зверей».

¹ Паган – древняя столица одноименного царства на территории современной Мьянмы.

Для обозначения некоторых явлений бирманцы, китайцы и русские используют сходные образы. Понятие угрозы в бирманских пословицах и поговорках обычно выражает образ тигра: «На судьбу не надейся, встречаясь с тигром», «Коровы врозь – тигру радость». В китайском языке также тигр ассоциируется со смертельной опасностью, жестокостью: «[Идти] по весеннему льду, [наступить] тигру на хвост» (смертельно опасная ситуация, положение хуже некуда). В русском языке аллегорией опасности выступает волк: «Не клади волку палец в зубы», «Трусливому зайке и пенек – волк», «Если жеребенок по зорям много играет – волки съедят».

Сходным в изречениях народов оказываются образы собаки и свиньи как аллегорий нечистоты и грязи: китайская пословица говорит, что «собака не перестанет есть нечистоты» и «Собачье мясо не подают на званом банкете», а бирманская пословица вторит «Родился собакой – грязи не бойся», «Свинья грязи не боится». И в русском языке есть подобные изречения: «Собаке – собачья смерть», «Свинья всегда грязи найдет».

А.О. Манькова
(Сахалинский ГУ)

Предметный мир Японии в поэзии В. Брюсова

К предметному миру Востока, и в частности Японии, обращались многие поэты разных стилевых и идейных направлений (В.Хлебников, О.Мандельштам, Н.Гумилев, И.Анненский, М.Кузьмин, Вяч.Иванов), но наиболее ярко японская тема отразилась в творчестве русских символистов (А.Белый, М.Волошин, К.Бальмонт, В.Брюсов). Русские поэты осваивали предметный мир Японии не только в общем стихотворном содержании, но и в формальной организации лирического текста, занимаясь стилизацией лаконичных жанров японской поэзии. В творчестве В.Брюсова известны стихотворения, обращенные к Японии, – «Цусима» (1905 г.), «Наш демон» (1908 г.), цикл «Япония» в книге «Сны человечества» (1913 г.).

Стихотворения цикла «Япония» повторяют ритмическую структуру классических японских форм. Четко выверенные по количеству стихов и слогов, они имеют необходимые «сезонные слова» («опавшие листья», «горные реки», «луна», «соловей», «вечерний сад»). Как известно, для жанра танка характерна необязательность перцептивного контакта поэта с природой. Однако у В.Брюсова в каждом стихотворении можно найти показатель наличия зрительного и слухового восприятия окружающего мира («устремил я взгляд», «милый взор слезой омрачился», «если твой я видел взор», «в синеве пруда белый аист отражен»,

«слышен всплеск воды», «кто назвал Любовь»). При этом в отличие от собственно японской поэзии, которая не знала рифмы, В. Брюсов использует оригинальные способы смешанной рифмовки в танка, где преимущественным становится способ abcbb (а также в отдельных случаях – aaaba и ababa). Хайку у В. Брюсова, как и полагается, рифмы не имеют. В традициях японских трехстиший В. Брюсов оставляет читателю возможность домыслить описываемую импрессионистическими штрихами поэтическую картину.

В. Брюсов, проникнувшись классической японской поэзией, акцентировал внимание на формальные признаки танка и хайку: ритмику, взаимосвязь стихотворения со временем года. Поэт активно вводил в свои стихи «сезонные слова» – «опавшие листья», «горные реки», «луна», «соловей», «вечерний сад». При этом он не проводил границ между танка и хайку.

Японская тема в стихотворениях поэта способствовала обогащению русского поэтического языка новыми словами. Так, японоязычная лексика В. Брюсова включает в себя имя собственное – «Икуто» – название реки. Оно же встречается в антологии японской поэзии «Манъёсю» (вторая половина VIII в.) и трактуется, согласно иероглифическому написанию, как «живое поле». Кроме того, поэт в одном из ранних стихотворений обращается к социальному статусу человека путем использования слова, не вошедшего в русскую речь: «мусмеи», в переводе с японского языка – «дочь», «девушка».

В. Брюсов употребляет слова японского происхождения, относящиеся к частным элементам японской культуры: «хай-кай», «танка» – обозначение классических жанров японской поэзии. Также встречаются слова, которые входят в состав обиходной лексики русского языка, но вследствие помещения их в особый контекст, приобретают иное смысловое наполнение. В одном из стихотворений В. Брюсов создает образ горы: поэт, увлекавшийся Японией и знавший особенности ее ландшафта, попытался воссоздать образ, свойственный восприятию японца. Слово «вишня», встречающееся в стихотворениях, также относится к разряду общеупотребительных слов. Традиционное для Японии слово «сакура» поэтом не употребляется, однако читатель узнает именно этот образ.

Таким образом, предметный мир поэтического пространства В. Брюсова расширился благодаря японоязычным заимствованиям – за счет обращения к именам собственным («Икуто»), социальному статусу («мусмеи»), слов, обозначающих частные элементы японской культуры («хай-кай», «танка») и общеупотребительных слов-реалий, отражающих особенности японского менталитета («горы», «вишня»).

П.В. Мартынов
(ИАЭ СО РАН; НГУ, Новосибирск)
Основные этапы истории изучения каменного века
Тибетского нагорья

Историю изучения каменного века Тибета можно разделить на несколько этапов.

Первый из них начинается примерно в середине XIX в., когда европейские исследователи начинают работать в крайне западных областях Тибетского нагорья, граничащих с Британской Индией. В то время объектом археологических исследований преимущественно являлись памятники относительно поздних эпох, например средневековья. Артефакты и наскальное искусство каменного века изучались спорадически, лишь в качестве исключения. В 1913 г. Р.И. Гастон-Эдгар обнаружил орудия каменного века в западных областях Китая, примыкающих к Цинхай-Тибетскому нагорью, в том числе и в верховьях Меконга.

Началом *второго* этапа можно считать 1951 г., когда Тибет вошел в состав КНР, а на его территории начались специальные археологические изыскания, осуществлявшиеся китайскими специалистами. В то же время этот поиск не был слишком активным, главным образом из-за внутривосточных проблем.

Третий этап, ознаменовавшийся переходом к *систематическому* изучению каменного века региона, можно условно начать с 1975 г., когда в Центральном Тибете начала работать комплексная научная экспедиция. Археологи использовали данные геофизики и аэрофотосъемки, результатом чего стало обнаружение ряда неолитических стоянок в районе Линьчжи. Появляются обобщающие работы по некоторым общим проблемам каменного века региона; следует особо выделить деятельность специалистов Сычуаньского университета под руководством Хо Вэя.

С 2000-х гг. начинается *четвертый*, наиболее плодотворный этап в изучении каменного века региона. Основной его отличительной чертой является тесное сотрудничество между китайскими и западными археологами. С 2001 г. на севере Тибетского нагорья в районе оз. Цинхай постоянно действует Тибетский палеолитический проект под руководством Д. Брантингхэма и Гао Сина, а в самом Тибетском автономном районе работают экспедиции Д. Олсена и М. Аллендорфера.

Б.Л. Митруев
(ВФ СПбГУ)

Лексикографические источники для изучения шангшунгского языка¹

В тибетских бонских сочинениях, предположительно переведенных с языка захваченного Тибетом в VI–VII вв. царства Шангшунг (zhang zhung), встречаются шангшунгские имена собственные, слова и выражения. «Глубочайшая сокровищница» (тиб. mdzod phugs, возможно, XI в.) считается текстом, содержащим наиболее пространственные фрагменты на новошангшунгском языке – тибето-бирманском языке, на котором в Западном Тибете могли говорить приблизительно до XI в.

В 1933 г. английский тибетолог Ф.Томас выдвинул гипотезу о том, что две рукописи из Дунхуана содержат текст на шангшунгском языке, записанный тибетским письмом. В настоящее время известно пять подобных рукописей, язык которых японские исследователи Ц.Такэути, Я.Нагано и С.Уэда атрибутируют как старошангшунгский (из-за существенных отличий от т.н. новошангшунгского) и которые до сих пор не расшифрованы.

На основе шангшунгских глосс в бонских источниках последователями бон и учеными были составлены несколько глоссариев: «Светильник, проясняющий значение и орфографию слов» (тиб. sgra yi don sdeb snang gsal sgron me) Чжу Ньима Дагпы (zhu nyi ma grags pa, возможно, первая треть XVI или начало XVIII в.); выполненная на его основе публикация Эрика Хаара «Шангшунгский язык. Грамматика и словарь неисследованного языка тибетских бонпо» (Копенгаген, 1968 г., более 1200 словарных статей); «Краткий шангшунгско-тибетский лексикон» («Культура Шангшунга», 2003 г., № 1, с. 49–57, 84, около 1500 статей); «Шангшунгско-тибетско-английский контекстный словарь» Дагкар Намгьял Ньимы (Бонн, 2003 г., 3875 статей на материале 468 источников); «Лексикон шангшунгских и бонских терминов» Пасар Цультим Тэнцина, Чангру Трицук Намдак Ньимы и Гаца Лодо Рабсэла (Осака, 2008 г., 3500 статей); «Шангшунгский словарь» Дэна Мартина (Revue d'Etudes Tibétaines, № 18, 2010 г., р. 5–253, около 3500 статей); «Словарь древнего шангшунгского и тибетского языков» Гаца Лодо Рабсэла (Ланьчжоу, 2009, более 3000 статей).

Для продолжения исследований необходимо сопоставление лексикографических данных с материалами других тибето-бирманских языков и старошангшунгскими источниками.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тибетская грамматическая традиция» (11-34-00227a1).

Н.Н. Михайлова
(ВФ СПбГУ)

Газета на тибетском языке «Юлчог сосой саргьюр мелонг» – источник по политической и культурной истории Тибета

«Юлчог сосой саргьюр мелонг» (тиб. *yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*, букв. «Зеркало новостей из разных стран») – одно из первых периодических изданий на тибетском языке (наряду с изданиями моравских миссионеров в Ладакхе (1904–1910, 1936–1947, 1952–1956) и Кьеланге (1927–1935) и газетой маньчжурского амбана Лянь Юя). Газета выходила на протяжении 38 лет (1925–1963) и сыграла важную роль в политической и культурной истории Тибета.

Первый номер газеты, основанной тибетским религиозным и общественным деятелем Дордже Гарчином (1890–1976) в Калимпонге на севере Индии, вышел в октябре 1925 г. тиражом в 50 экземпляров, многие из которых были отправлены издателем в Лхасу, в том числе XIII Далай Ламе Тубтен Гьяцо, вскоре ставшему постоянным читателем издания (как впоследствии и XIV Далай Лама Тенцзин Гьяцо).

Газета представляла собой богатый источник информации и пользовалась популярностью среди тибетцев, фактически лишенных иных способов узнать о том, что происходит за пределами Тибета. Газетные материалы затрагивали самые различные темы: от последних международных и тибетских внутривластных новостей (которые приобрели особенную остроту в 1950–60 гг.), персоналий политических деятелей и новейших научных открытий до обзора цен на тибетские товары и объявлений. «Юлчог сосой саргьюр мелонг» оказала существенное влияние на формирование нового литературного тибетского языка и модернизацию тибетского общества.

Газета, изначально задуманная как ежемесячная, не всегда выходила регулярно. Номер газеты состоял из 4–16 страниц, некоторые номера были сдвоенными. Многие материалы сопровождались фотографиями и иллюстрациями.

Исследование проведено на основе подборки из 97 отсканированных номеров «Юлчог сосой саргьюр мелонг» (что составляет около трети от общего числа), опубликованной в мае 2009 г. на сайте библиотеки Колумбийского университета:

(http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html).

Ф.А. Никитин
(ВФ СПбГУ)

Сведения «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха, касающиеся похода Мухаммада Шейбани на Хорезм. Тезисы доклада.

Бесспорно, что для изучения средневековой истории Центральной Азии ключевое значение имеют сочинения мусульманских историографов. Это в полной мере относится и к событиям, происходившим на территории Мавераннахра и Хорасана в начале XVI в., когда эти области были завоеваны узбекскими племенами под руководством Мухаммада Шейбани. Эти события нашли отражение во многих сочинениях, составленных как при дворе самого Шейбани-хана, так и последующих Шейбанидских правителей, представителей лагеря Тимуридов и Сефевидских шахов, а также в произведениях, созданных при Аштарханидском, Хивинском и других дворах в позднейшее время.

Из сочинений, написанных по поручению, одобрению или при прямом участии Шейбани-хана и имеющих целью прославить его и обосновать легитимность его правления, выделяется важностью своих сведений Шейбани-наме Мухаммада Салиха – поэма на чагатайском языке, сохранившаяся в единственном списке. Издававшаяся Г. Вамбери в 1885 г. и А.М. Самойловичем в 1908 г., эта книга по сей день сохраняет ценность для исследователя.

Разумеется, материалы Шейбани-наме уже привлекались востоковедами: А. Акрамовым, А.А. Семеновым, Т.И. Султановым, М. Турабовой и другими. Но полного, глубокого исследования источника не существует до сих пор. К числу малоизученных относятся главы XLV–XLVI и LXVII–LXXV, посвященные завоевательному походу Мухаммада Шейбани в область Хорезма зимой 1504 – летом 1505 г. Сведения, содержащиеся в этих главах, во многом уникальны. Они касаются маршрута похода, подробностей подготовки, содержат описание военного совета узбеков, рассказ о битве за Ургенч и другие важные данные. Ценны они еще и тем, что не повторяют сочинения других авторов, а составлены практически в одно время с описываемыми событиями человеком, принимавшим в них участие и опиравшимся, как он сам сообщает, на увиденное своими глазами, информацию от других сподвижников Шейбани-хана и слова самого Шейбани.

Я.А. Никитина
(НГУ, Новосибирск)

**Виды и происхождение ароматического сырья и благовоний
в Японии**

Использование в Японии ароматических веществ, связанное с проникновением на архипелаг буддизма в VI в., обусловило появление и развитие культуры благовоний широкого спектра применения.

Исходное сырье для благовоний делится на вещества животного и растительного происхождения, добываемые в основном в Китае, Индии и Юго-Восточной Азии. Заимствованная традиция использования ароматической древесины в Японии, подразумевавшая вначале опыты с древесиной аквиларии, получила дальнейшее развитие. Была создана классификация сортов этого дерева, получившая название *риккоку-гоми* (букв. «шесть стран, пять вкусов»). С эпохи Нара (710–794) начинают использоваться и другие растительные ароматические вещества, являющиеся общими в практиках применения благовоний в странах Дальнего Востока и на Западе. К ним относят анис, гвоздику, камфору, корицу, ладан, мирру, сандал и др. Для получения ароматических веществ использовали разные части растений. В Японии использовались и ароматы, характерные именно для японской культуры, мироощущения и географических условий: хризантема, ирис, слива, лотос, павлония. К благовонным веществам животного происхождения относят мускус и порошок из раковин моллюсков.

Использование в Японии ароматических веществ обусловило появление и развитие культуры готовых благовоний, среди которых основными являются ароматическая древесина *ко:боку*, благовонные палочки *сэнко:*, смешанные благовония *нэрико:*, ароматические печатки *инко:*, ароматическая пудра *макко:*, благовония-духи *дзуко:*.

Изготовление современных благовоний высокого качества в Японии ведется в соответствии с традициями, разработанными в эпоху Хэйан (794–1185) и Муромати (1336–1573). В эпоху Муромати произошло становление искусства благовоний *ко:до:*, популяризация которого происходила во многом через развлечения, в т. ч. благодаря комбинациям ароматических веществ *кумико:*. В дальнейшем происходило развитие и усложнение инструментария и видов сочетаний ароматических веществ.

Созданный в 1737 г. энциклопедический свод «Сад орхидей искусства *ко:до:*», объединяющий все теоретические знания и практические приемы, выработанные к этому времени, стал основополагающим и надежным источником по изучению искусства *ко:до:*, исследование которого видится актуальным и необходимым.

*Дарья Плохова
(Ярославский ГУ)*

*«Дети второго сорта» (к вопросу о положении чернокожих немцев
в послевоенной Германии)*

«Дети второго сорта» – плод оккупации – рождались в разных странах в разные периоды всемирной истории. Их матери – это жительницы оккупированных территорий, отцы – солдаты оккупационных войск. Впервые такие дети стали объектом пристального интереса после Первой мировой войны. При этом судьба «оккупационных детей» часто была деформирована стигматизацией, обусловленной социокультурным фактором их рождения. Отношение к таким детям отражает степень открытости общества по отношению к людям инородного происхождения. На отношение к «детям оккупации» влияет и чувство ненависти к захватчикам, и комплекс вины, и чувство неполноценности у их матерей¹, особенно, если это дети-полукровки (метисы).

«Афронемцы» – специфическая в этническом плане группа немецкого общества, одним из главных источников своего формирования имеет американскую оккупацию, после Второй мировой войны. Термин «афронемцы» возник как один из способов самоидентификации и самоутверждения в немецком обществе. Это самоназвание появилось в 1985 г. в ходе работы над книгой «Познать цвет» группы немецких черных женщин под руководством американской феминистки Одр Лорд.

Современные взрослые «афронемцы» – люди, родившиеся и воспитанные в лоне германской культуры, но имеющие явно выраженные антропологические признаки африканцев, – свой детский опыт получили во времена оккупации. Детей, родившихся от связи с солдатами оккупационных войск, было немало. Американские солдаты оставили в ФРГ по подсчетам на 1954 г. 94.000² «оккупационных детей», 3093 из них – афро-германские дети. Проблемы их выживания и адаптации решались на государственном уровне.

Современная Германия – ядро Европейского Союза – долгое время являла пример толерантности в межэтнических (межрасовых) отношениях, в ней достаточно развита система адаптации иммигрантов. В 2010 г. выход в свет книги Тилло Сарацина «Германии – самоликвидация» остро поставил вопрос о неоднородности нации и превосходстве одной

¹ Под давлением общественного мнения 9% матерей отдали своих афронемецких детей в приют. Связи с чернокожими и в особенности с американцами считались порочными.

² Oguntoye K., Opitz M., Schultz D. Farbe bekennen. Afro-deutsche Frauen auf den Spuren ihrer Geschichte, 2. Auflage, Berlin, Orlanda, 1991. S. 86.

расы (белых германцев) над другими этносами, что, возможно, задаст новое направление в развитии афронемецкого сообщества и его самосознания.

История афрогерманских детей показывает сопротивление германского общества межэтническому смешению и его неготовность к принятию таких детей, особенно если они антропологически отличаются от среднестатистического европейца. Как следствие, «афронемцы» в восприятии белого населения часто рассматриваются как иммигранты и сам факт существования «черных немцев» отсутствует в сознании белого большинства. В среде афронемецкого сообщества данная ситуация создала плодородную почву для поиска афронемецкой идентичности и самоутверждения в германском обществе.

Анастасия Степанова
(ВФ СПбГУ)

Возникновение независимого Рифского государства и борьба империалистических держав за контроль над Марокко

Рифское национально-освободительное движение (1921–1926) принадлежит к числу наиболее мощных и продолжительных выступлений против колонизаторов в Северной Африке. В течение пяти с лишним лет горные племена Рифа¹ отстаивали свою свободу и независимость. Их сопротивление нанесло чувствительный удар по колониальной системе империализма, поскольку переросло местные рамки и получило международный резонанс.

На протяжении всего Нового времени Марокко было полем борьбы между европейскими державами, такими как Франция, Испания, Англия, Германия, Италия. Марокканский вопрос представлял собой часть сложного многовекового спора о влиянии в Средиземноморье. В результате Альхесирасского мирного договора (1906 г.) по разрешению марокканского вопроса страна становится центром по крайней мере трех конфликтов:

1. Испано-французского, так как Испания не могла примириться с тем, что ее обделили при размежевании зон влияния в Марокко при заключении этого договора.

2. Франко-германского, так как Германия не считала исчерпанным вопрос о создании Германской зоны в Марокко.

¹ Эр-Риф – горный хребет на средиземноморском побережье Марокко, формально входил в зону влияния Испании.

3. Англо-французского, так как Англия считала, что «равновесие на Средиземном море» было нарушено в пользу Франции, что шло вразрез с традиционной политикой Англии в регионе.

Наиболее остро проявили себя испано-французские противоречия. Испания старалась держать в постоянном напряжении границу французской зоны влияния. Наиболее тесно интересы соприкасались на территории гор Рифа, номинально подчиненных Испании, хотя фактически рифские племена еще сохраняли свою независимость. Испанцы решили пойти по пути наименьшего сопротивления и одним ударом убить двух зайцев: лишить рифов независимости и нанести удар по колониальной мощи Франции. В сложившейся ситуации лишь народная война против колонизаторов могла спасти Риф. Объединенные силы рифских племен возглавил Мухаммад Абд аль-Крим аль-Хаттаби (1882–1963), ставший впоследствии главой Рифской Республики (1921–1926).

Исход двух сражений со значительными силами испанской армии при Аннуале (1921 г.) и Монт-Арруи (август 1922 г.), оказавшийся для Испании плачевным, определил дальнейшее политическое развитие рифского государства. Из неоформленного союза племен Риф превратился в единый политический организм – рифское государство, единственное независимое государство в Северной Африке. После победы при Монт-Арруи рифская проблема приобрела международный характер: на месте прежней испанской колонии возникло и юридически оформилось самостоятельное государство, независимое не только на бумаге, но и на деле.

Большой интерес представляет внешняя политика Рифского государства, которая неизбежно учитывала переплетение интересов всех вышеупомянутых империалистических держав. Это маленькое государство стало ареной сложнейшей политической борьбы. «У нас было много “друзей”, – иронически говорит Абд аль-Крим, глава государства рифов, – слишком много “друзей”, гораздо больше, чем этого нам требовалось».

Абд аль-Крим прекрасно понимал, что за спиной напавшей на него Испании стоит некая третья сила, более могущественная, а именно империалистическая Англия, которая на тот момент поддерживала Испанию против Франции, рассчитывая таким путем обессилить их обеих. Укрепление Франции на марокканском берегу угрожало не только качественно, но и количественно изменить соотношение английских и французских колониальных владений в Северной Африке не в пользу Англии. Отсюда и естественная поддержка Англией испанских империалистических планов. Америка также не могла остаться в стороне от рифской проблемы и приняла решение включиться в эту игру, хотя и с

большой осторожностью. Гораздо активнее действовала Италия, у которой в Северной Африке были свои собственные интересы.

История Марокко начала XX в. была наполнена драматическими событиями. Соппротивление захвату страны иностранными державами, мощное национально-освободительное движение рифских племен, развитие оппозиционного движения среди городских масс, становление национальной идеологии, всенародная борьба против режима протектората и, в конечном итоге, построение независимого Марокко – таковы основные этапы национальной истории страны в первой половине XX в.

Вадим Тихомиров
(ВФ СПбГУ)

Денежное обращение в религиозных представлениях

Религия нередко выступает в качестве регулятора отношений в социуме и, будучи таковым, регламентирует многие сферы его жизнедеятельности. Столь значительное явление, как денежное обращение, не могло не найти своего отражения и в религиозных представлениях. Рассмотрим основные религиозные представления, так или иначе касающиеся финансовой сферы.

Денежное обращение в иудаизме

В иудаизме практически ни одна сфера деятельности верующего не остается вне религиозных предписаний, естественно, экономическая сфера не является исключением. В Талмуде законам взимания налога на Храм посвящен целый трактат *Шекалим* раздела *Мо'эд* («Срок»)¹. При внимательном изучении Торы в ней можно обнаружить свидетельство непрерывного внимания к вопросу денежного обращения и связанных с ним операций. Большой интерес представляют метрологические данные, отраженные в еврейской Библии. Наиболее подробно в еврейской Библии освещены проблемы, связанные с денежными займами.

Денежное обращение в Новом Завете

В отличие от Ветхого Завета в Новом Завете практически не содержится предписаний, которые напрямую бы регулировали процесс денежного обращения в христианской общине. Несмотря на это, христианская церковь практически не использовала предписания Ветхого Завета, кроме одной фразы, широко распространенной как у иудеев, так и у христиан: «Любящий золото не будет прав» (Экклезиаст 31:5)². В

¹ Талмуд. Мишна и Тосефта, т.2 (кн. 3 и 4), критический перевод Н. Переферковича, СПб, 1903.

² Ле Гофф, Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии, СПб., 2010. С. 9

Новом Завете не отвергается возможность займовых операций, хотя и с некоторыми ограничениями. В целом для Нового Завета характерно негативное отношение к богатству, которое мешает человеку служить Богу.

Денежное обращение в исламе

Как известно, одной из предпосылок возникновения ислама было развитие социально-экономических отношений на территории Хиджаза¹, а поэтому в Коране неизбежно должны были отразиться определенные экономические положения. Мекка была важным торговым центром, участвовавшим как во внутриаравийской, так и во внешней торговле, что привело к накоплению в городе значительных богатств. Развитию имущественного неравенства способствовало и широкое распространение ростовщических операций: так, мекканские купцы при выдаче ссуды взимали от 50 до 100 %². Все это в той или иной степени отразилось в экономических представлениях, содержащихся в Коране.

Мухаммад в своих проповедях порицал нечестных торговцев, которые в Коране названы «обвешивающими» (*мутаффифйн*). Ростовщический процент (*рибā*) в Коране категорически осуждается и запрещается. Также осуждается «привязанность к богатству» (*такāсур*)³, которое заставляет человека забыть о Боге и посмертном воздаянии. Однако Мухаммад порицал лишь несправедливо нажитое богатство, а не богатство в принципе⁴. Коран предписывает также правильное распоряжение имеющимися деньгами.

В Коране упоминаются различные экономические аспекты жизни общины, в частности, говорится о необходимости платить *закят* («милостыня»). В Коране можно также найти правила дележа добычи (доля конного и пешего; доля Мухаммада, а затем халифа – *хумс*, «одна пятая часть»).

¹ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв., СПб, 2007. С. 9–10; Большаков О.Г. История халифата. Ислам в Аравии. Т.1. М., 2002. С. 40.

² Петрушевский И.П. Ук.соч., с. 12–13.

³ Так названа 102-я Сура Корана в переводе Г.С. Саблукова, Ю.И. Крачковский переводит название Суры как «Охота к умножению», на наш взгляд, более точным был бы перевод «стремление к преумножению».

⁴ Петрушевский И.П. Ук.соч., с. 23–24.

**Ю.А. Тришина
(ВФ СПбГУ)**

Общая направленность французской политики по отношению к учащимся Индокитая в учебных заведениях Франции

В докладе затронуты проблемы вьетнамцев, иммигрировавших во Францию до 1945 г. Становится понятно, что многие из них уезжали от нищеты, чтобы устроиться в благополучной Франции. Они стремились закрепиться во Франции в надежде найти достойную работу, получить полноценное образование и одновременно принять участие в политических движениях за автономию и независимость Вьетнама. Большинство учащихся приезжали на свои средства, так как стипендии предоставляли редко. Этот шаг говорил об истинном желании вьетнамских семей отдать значительные средства ради того, чтобы адаптироваться к «современным ценностям».

Французская администрация пошла на уступки богатой вьетнамской молодежи, желавшей обучаться во Франции. На сессии Высшего совета общественного просвещения в Париже в 1930 г. вьетнамцам, имевшим диплом «среднего местного образования», было официально предоставлено право поступать в высшие учебные заведения метрополии. Декрет от 12.X.1930 приравнял все классическое франко-вьетнамское образование с его дипломом бакалавра к среднему образованию и диплому бакалавра метрополии. Кроме того, был расширен список должностей для вьетнамцев, имевших подобный диплом, так как французские власти понимали, что ассимиляции Вьетнама могло не произойти, если бы они не позволили его молодой элите поступить на государственную службу.

После организации САМИ (Служба моральной поддержки и умственного развития индокитайцев во Франции) постановлением от 15 июня 1927 г., целью французской администрации становится моральная поддержка индокитайцев, проживавших во Франции, умение давать им советы, думать об их объединении в группы, чтобы указать им дорогу и избавить от влияния экстремистских партий. Служба могла давать многочисленные сведения о различных сроках обучения, советовать попечителя, улучшать материальные условия учащихся. Студенты, приписанные к этой структуре, становились «привязанными» и непрерывно чувствовали давление со стороны администрации во время регулярных встреч со своими поручителями. Встречи предназначались для отчета о состоянии их обучения. Таким образом, пребывание во Франции вьетнамской молодежи, оторванной от своей семьи и предоставленной самой себе на несколько лет подряд, подразумевало необходимость соз-

дания мер, касавшихся моральной поддержки, которую нужно было оказать или попытаться оказать этим молодым людям.

Все это дополнялось созданием Дома Индокитая в Университетском городке Парижа, в котором сто студентов могли снять себе комнату за умеренную плату при условии регулярного проживания в ней. Но эти меры были приняты немного позднее по отношению к событиям. В действительности, в том же 1927 г. индокитайские студенты приступили к созданию своей собственной организации, предназначенной не для решения их материальных проблем, а для того чтобы узнать мнения своих соотечественников об образовательной политике в целом.

Становится ясно, что главной целью САМИ является не столько помощь в получении образования и моральной поддержки учащихся, сколько контроль за ними во избежание их связей с экстремистскими партиями.

В сентябре 1927 г. состоялся первый конгресс индокитайских студентов во Франции. Его задачей было составить список жалоб и критики в отношении колониального правительства. По итогам конгресса, посвященного вопросам системы образования, были направлены заключения в форме пожеланий министру народного образования. Французская администрация считала, что на критику вьетнамскую молодежь могли вдохновить только лица, негативно расположенные к Франции, пытавшиеся «обратить учащихся против их покровителя». Таким образом, единственным ответом на такое положение вещей могло быть только усиление контроля и санкций в отношении учащихся, в большей степени подвластных ненужному влиянию.

Э.М. Халилова
(ВФ СПбГУ)

Насер ад-Дин-шах Каджар (1831–1896) – правитель, реформатор и историческая личность

Насер ад-Дин-шах не относится к числу типичных представителей шахов Каджарской династии, правившей в 1796–1925 гг. в Иране.

Взойдя на престол в возрасте 17 лет, он демонстрировал политическую активность в течение всего своего почти полувекового правления (1848–1896). Насер ад-Дин-шах и его знаменитый премьер-министр мирза Таги-хан Фарахани, широко известный как «Амир-е Кабир», оказали огромное влияние на все сферы жизни Ирана. Шах и Амир-е Кабир были соавторами радикальных политических, экономических и социальных реформ второй половины XIX в.

Время от времени Насер ад-Дин-шах ездил по стране, но свое прозвище «Шах-путешественник» он получил благодаря своим 3 поездкам

в Европу в 1873, 1878 и 1889 гг. Его путешествия в Европу проходили через Россию, которая произвела неизгладимое впечатление на иранского правителя. Его дневниковые записи на персидском языке (частично переведенные на русский и английский языки) свидетельствуют о шахе как об интересной, не лишенной чувства юмора, любознательной личности.

Реформы Насер ад-Дин-шаха и Амир-е Кабира, целью которых было укрепление независимости и упрочение суверенитета Ирана, встретили критику и сопротивление со стороны шахского двора, иранских чиновников, шиитского духовенства и т.д.

Близкий друг и помощник Насер ад-Дин-шаха Амир-е Кабир стал первой жертвой этого недовольства. Его заставили покинуть свой пост, а позднее он был убит по приказу шаха. Несмотря на это, Насер ад-Дин-шах для иранской и зарубежной историографии остается самым выдающимся и известным правителем Каджарской династии.

Э.Г. Цветков
(Ярославский ГУ)

Россия и Африка: аспекты регионального сотрудничества
(постановка проблемы)

На фоне оживления африканского направления внешней политики России и ее стремления «вернуться» в Африку в качестве полноценного политического актора и экономического игрока, исследование истории российско-африканских взаимоотношений вновь становится актуальным. После смены исследовательских парадигм российской науки многие аспекты «африканского вектора» политики России до сих пор остаются не раскрытыми. Одним из интереснейших направлений исследований остаются проблемы сотрудничества в рамках оказания помощи дружественным странам Черной Африки.

Под региональным сотрудничеством понимаются взаимоотношения, с одной стороны, СССР как сверхдержавы, с другой – отдельных субъектов СССР (РСФСР) со странами (регионами) Тропической и Экваториальной Африки в рамках генеральной линии внешней политики в отношении стран «социалистической ориентации» черного континента конца 1950-х – 1980-е гг. На практике тысячи советских специалистов в сфере образования, медицины, культуры, гражданской и военной инженерии и др. прибывали в дружественные африканские страны для реализации задач советской политики оказания помощи развивающимся странам.

Обращение к проблеме конкретного человека в чуждых ему африканских реалиях, к тому каким образом люди оказывались в Африке, их

профессиональная деятельность, условия быта, заботы и радости, отношения с местным населением и официальными властями, и даже курьезные и криминальные случаи существенно оживит историческую картину исследуемого времени.

А.С. Шарова
(Ярославский ГУ)

Проблемы городов Республики Мали во второй половине XX в.

Самыми известными городами Республики Мали являются столица Бамако, Дженне, Томбукту, Мопти и Гао.

Одной из характерных проблем городов Мали во второй половине XX в. было слабое развитие промышленности. Скотоводство, земледелие, рыболовство, различные кустарные промыслы, торговля – основные занятия городского населения Мали. Безработица – характерная черта городов Республики Мали. Туристический бизнес был слабо развит.

Средняя продолжительность жизни человека в городах Мали во второй половине XX в. составляла 50 лет, антисанитарные условия жизни в городах Мали приводили к многочисленным заболеваниям, не хватало врачей.

Засуха порождала в городах Республики Мали проблемы голода и водоснабжения. Засуха начала семидесятых годов XX в. в Мали привела к тому, что многие города опустели. Проблема наводнений характерна была для города Мопти. Мопти расположен в точке слияния рек Нигер и Бани, и в период половодья он превращался в три острова, соединенных между собой дамбами. Для решения этой проблемы правительство создавало систему отвода воды от жилых кварталов, промышленных и торговых зон.

Низкий уровень грамотности населения – важная проблема для городов Мали во второй половине XX в. Этот факт сказывался на возможности подготовки квалифицированных национальных кадров. Образование часто носило религиозный характер. Дженне – центр исламского образования. Высшая ступень коранического образования в Дженне представлена была маленьким частным университетом эль-Хаджа Абдулая Барри Ландуре. В 1984 г. там обучалось 67 студентов.

Недостаток финансов не позволял правительству Республики Мали эффективно решать многочисленные проблемы городов во второй половине XX в.

Ю.Д. Шебалдин
(РГГУ, Москва)

Сравнительное изучение теорий о причинах Исламской революции в Иране в 1978–1979

Несмотря на то, что об Исламской революции 1978–1979 гг. написано множество монографий, единого мнения о ее причинах до сих пор нет. Больше того, чем дольше эта тема изучается, тем больше возникает вопросов о причинах революции.

Почему такой мощный и стабильный режим, как Шахский, был свергнут за несколько месяцев? Была ли революция результатом политического процесса или стихийного народного восстания? Кто действительно возглавлял революцию? Почему на месте Шахского светского режима был создан клерикальный режим Аятолл?

Ответ на все эти вопросы историки пытаются найти, изучая вопрос о причинах иранской революции. В своем докладе я хотел бы сгруппировать, систематизировать и подвергнуть критическому анализу основные концепции о причинах Исламской революции в Иране.

1. *Теории заговора.* Революция – это результат заговора спецслужб США и Великобритании. Странники этой теории – Шах и его окружение в эмиграции.

2. *Модернизация.* Революция – это реакция традиционного иранского общества на Белую революцию и реформы Шаха. Так считают многие знаменитые западные историки – Джеймс Бил, Джеймс Дэвис, Марвин Зонис, Никки Кедди, такие отечественные историки, как, например, Л.Е.Скляр, В.Б. Кляшторина, А.М. Гребнева.

3. *Экономические причины.* Революция вызвана резким подорожанием нефти (и, как следствием, сменой экономических элит и ростом разрыва в доходах между бедняками и богачами) и урбанизацией. Этой позиции придерживаются такие авторитетные иранисты, как Фрэд Холлидей, Ричард Коттам, Эрвард Абрахамиян и иранские левые организации, действующие в изгнании, – Туде, Муджахеддины, а также многие отечественные историки – С.Л.Агаев, А.З.Арабаджян и другие.

4. *Религиозная теория.* Революция вызвана нападками на религию и консолидацией уммы под руководством Аятоллы Хомейни. Этой позиции придерживаются многие иранские ученые – Аятолла Амид Занжани, Манучехр Мохаммади.

5. *Борьба с диктатурой.* Революция – это ответ иранского общества на диктатуру Шаха, репрессии САВАК и произвол чиновников. Этой позиции придерживаются действующие в изгнании Фейдаины и Муджахеддины, некоторые отечественные иранисты – А.Б. Резников, М.И. Крутихин и другие.

А.С. Шмакова
(НГУ, Новосибирск)

К вопросу о формировании традиционной эстетики и синкретичности искусства стран Дальнего Востока

Эстетический идеал в странах Востока – это продукт цельного и гармоничного мирозерцания, плод синтеза предметной практики человека¹. Традиционная эстетика стран Дальнего Востока сформировалась под влиянием учения древних конфуцианцев, в котором уже были намечены основные контуры символического мирозерцания. В связи с этим акцент переносился на внутренний образ вещи, в чем и заключалось познание красоты и истины.

Одной из фундаментальных категорий традиционной эстетики Дальнего Востока является понятие мирового «узора» (*вэнь*) вещей, которое в широком смысле обозначало и письменность, и культурное начало в человеческой жизни. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что все составляющие дальневосточной культуры едины по своей природе.

Устойчивый репертуар эстетических понятий, утверждавших преемственность между различными видами искусства, сложился в Китае в эпоху раннего средневековья. Впоследствии идеал традиции Поднебесной распространился на соседние страны.

В работе в рамках идеологической концепции «человека культуры» рассматриваются особенности формирования дальневосточной эстетической традиции, взаимосвязь между такими видами искусства, как живопись, каллиграфия, поэзия и музыка, а также различными интеллектуальными развлечениями, принятыми в них и служащими в определенной степени для их популяризации. Созданные сообществом интеллектуалов игровые практики в этих областях являлись необходимым условием социализации культурного человека на Дальнем Востоке.

В работе особое внимание уделяется влиянию китайских классических учений на эстетическую традицию Дальнего Востока.

Д.П. Шульга
(НГУ, Новосибирск)

Источники для изучения формирования общности хунну

При изучении «этногенеза» хунну (сюнну) как китайские, так и российские исследователи опираются на письменные источники и ар-

¹ Малявин В.В. Традиционная эстетика в странах Дальнего Востока. М., 1987. 63 с.

хеологические материалы. Л.Н. Гумилев, например, делал свои построения на основе переводов из китайских летописей, практически не привлекая археологических материалов, (которых к тому моменту было минимальное количество)¹. С.С. Миняев считает, что письменные памятники как источник на современном этапе себя почти исчерпали; А.А. Ковалев придерживается иного мнения².

Материалы археологических комплексов Северного Китая (Маоцингоу, Таохунбала, Янлан³ и др.) имеют непосредственное отношение к исследованию проблемы ранней истории хунну. Китайские ученые (в частности, Тянь Гуаньцзинь и Го Сусинь) считают, что памятники поздней бронзы и раннего железного века Северного Китая принадлежали племенам гуйфан, сяньюнь и белым ди, которых они относят к предкам сюнну⁴. Нам представляется сомнительным то, что племена и роды, объединенные государством шаньюев в период хуннского великодержавия, ощущали себя одним народом. Даже так называемое «этническое ядро», несомненно, не было однородным. Как пишет П.Б. Коновалов, огромное влияние на хунну оказали культуры скифо-сибирского мира, которые исследователь предлагает именовать «диским миром»⁵. На наш взгляд, это подтверждается, в частности, манерой оформления раннехуннских предметов искусства⁶.

Малоэффективным для решения проблемы представляется соотношение погребальных культур и древнекитайских этнонимов применительно к контактной зоне – Северному Китаю. Поэтому мы сознательно избегаем термина «этногенез», предпочитая говорить о формировании культурной общности хунну на основе различных культурных и антропологических влияний.

¹ Гумилев Л.Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М.: ИВЛ, 1960.

² См.: Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002.

³ У Энь (Уэньюэсыгу). Бэйфан цаюань каогусюэ вэньхуа яньцзю: цинтун шидай чжи цаоци теци шидай [Исследование археологических культур северных степей: от эпохи бронзы до раннего железного века]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. С. 300–385.

⁴ См.: Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука. 1988. С. 100–102.

⁵ Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии: Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Улан Удэ, 1996. Ч. 1.

⁶ Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Наука, 1980. С. 6–8 (САИ Д4–7).

**К.Ю. Эйдемиллер
(ИФ СПбГУ)**

Политический Ислам на Северо-Восточном Кавказе в отечественной историографии. История вопроса

Несмотря на, казалось бы, масштабность и значимость данного вопроса в современной истории, историография его описания непропорциональна скромна по сравнению с той ролью, которую он играл и продолжает играть в жизни российского государства.

Исторические периоды, сменяя друг друга, давали разный социальный заказ корпорации историков, ученых и исследователей, исходя из реалий и потребностей того или иного исторического отрезка. Так, эпоха имперского академизма была прервана социалистической революцией, разные вехи в жизни советского государства привносили в историографическо-описательный процесс свои метаморфозы, которые порой доходили до полного, но временного, забвения развития научной мысли в этом направлении.

Основная смена школ и методов в подходе к вопросу пришлось именно на советскую эпоху. Каждый исторический этап, взлет и падение, вместе с историей великой страны, переживала и ее историография, трагическая судьба Кавказа на перекрестке интересов великих держав того периода, все это косвенно, или самым что ни на есть прямым образом, отложило свой отпечаток на заданную траекторию как современной, так и, возможно, будущей историографии.

Несмотря на то что о проблеме политического Ислама как движущей и объединяющей силой вольных обществ Северного Кавказа говорили еще в конце 20-х гг. XIX в., этот вопрос остается предметом пристального изучения историков и востоковедов.

**А.В. Юстус
(НГУ, Новосибирск)**

Анализ китайских источников по истории развития театра кукол в эпоху Южная Сун (1127–1279)

В Китае с древних времен и до наших дней театр кукол оказывает заметное влияние на жизнь общества. История китайского театра кукол насчитывает несколько веков, а его прообраз возник еще в эпоху Чжоу (770 до н. э. – 249 до н. э.). Китайские источники свидетельствуют, что вплоть до конца эпохи Восточная Хань (25–220) куклы еще не были в полной мере театральными, их роль сводилась к использованию в ритуально-погребальной сфере. В ходе развития театральной традиции неизбежно происходила эволюция образов и художественных средств,

изменялась и роль театра в социуме, театр переживал периоды расцвета и упадка.

По мнению большинства китайских исследователей, эпоха Южная Сун (1127–1279) является временем расцвета театра кукол, когда он соперничал по мастерству с драмой *цзацзюй*, южной оперой *наньинь* и другими видами искусства. В связи с этим первостепенное значение приобретает анализ китайских источников по указанному периоду. В ходе работы нами было проведено изучение письменных, археологических и музейных источников, связанных с театром кукол эпохи Южная Сун, что позволило определить характер особенностей основных аспектов развития этого театрального жанра.

Важно отметить отсутствие специальных исследований по данной теме вплоть до сер. XX в. Первой и на сегодняшний день самой полной работой по истории кукольного театра является опубликованный в 1952 г. многотомный труд Сунь Кайди¹. Ценным материалом по истории театра Южной Сун является также труд китайского исследователя Сюй Хунту², изданный в 2008 г.

В ходе дальнейшего исследования представляется перспективным обобщение данных по каждому виду театральных кукол, а также проведение сравнительного изучения особенностей, присущих китайскому и европейскому театру кукол в период расцвета.

М.С. Яковенко
(НГУ, Новосибирск)

Источники по истории австронезийских народов Тайваня

О древнейшей истории Тайваня наиболее точное представление может дать археология. Находки на стоянках каменного века (Юаньшань, Чжишаньши и др.) в определенной мере проясняют истоки культуры на острове³. Правда, самые ранние из них (от 30 до 13 тысяч лет н. э.) вряд ли соотносимы с современными австронезийцами. Данные лингвистики позволяют проследить дальнейшую миграцию аборигенов

¹ Сунь Кайди. Цан чжоу цзи [孙楷弟。滄州集; Сборник статей о китайской классической литературе, о китайском театре кукол и теней]. В 2-х томах. Т. 1, Пекин: Чжунго шуцзюй чубаньшэ, 1965. 316 с.

² Сюй Хунту. Нань Сун сицзюй ши [徐宏图。南宋戏曲史; История театра Южной Сун]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2008. 449 с.

³ Го Чжичао. Миньтай миныйцу шибянь [Анализ истории миныйнских и тайваньских народов]. Хэфэй, 2006. С. 12–24.

как в пределах острова, так и вовне¹, но они не подтверждают теорию о первичном переселении австронезийцев на Тайвань с материка. Направления этих миграций достаточно точно можно определить и с помощью генетики – прослеживается близость гаплотипов тайваньцев и других австронезийских народов Тихоокеанского региона². В период Троецарствия появляются первые подтвержденные и достаточно подробные записи в китайских хрониках о Тайване и его жителях («У шу» свода «Саньго чжи»), которые обновляются и пополняются вплоть до периода Мин³. Несомненно, большой интерес представляют записи о коренных жителях, сделанные европейскими путешественниками и миссионерами. Особо ценными с точки зрения их систематического характера и методологии являются историко-этнографические исследования японских ученых, проводимые ими в период оккупации острова Японией.

Наиболее точными и предоставляющими нам наибольшее количество сведений о прошлом австронезийцев Тайваня следует считать письменные и археологические источники, но, с другой стороны, ограничено как их фактическое количество, так и уровень извлекаемой из них информации. В последующие годы больше новых данных, скорее всего, будет поступать из сферы лингвистики и естественных наук. Правда, вместе с увеличением массива информации ожидается выявление их противоречий с данными традиционных источников, что уже происходило на протяжении последних 20–30 лет. Также не будет ослабевать интерес к новейшей истории коренных народов Тайваня и к современной этнографической ситуации, данные о которой обновляются с достаточной быстротой, как благодаря интересу мировой науки к австронезийским народам в целом, так и за счет возросшей общественной активности самих аборигенов.

¹ Сирк Ю.Х. Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение. М.: Вост. лит., 2008.

² Sanchez-Mazas A., Osipova L., Dugoujon J.-M., Sagart L., Poloni E. S. The GM Genetic polymorphism in Taiwan aborigines // Past human migrations in East Asia: matching archaeology, linguistics and genetics. London; New York: Tylor & Francis Group, 2008.

³ Ло Чуньхань. Тайвань пинпу цзуюнь вэньхуа бяньцзянь чжи яньцзю [Исследование культурных перемен у племенной группы пинпу Тайваня]. Пекин, 2008. С. 26–34.

Liudmyla Garnyk
(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)
**Transformation of Political Regimes in Middle Eastern Countries:
the Age of Postmodern vs. Modernity**

The process of globalization is accompanied by moving ahead formation of a new type of relations and self-perception. As a product of this polycentric process, we faced with resurgence of religion, transformation of international relations system, rewriting chapters of history of some national states and forming new flexible discourse in interpretation of present-day reality. Its flexibility is caused by its rational components, such as political goals, economic aims, geopolitical strategy, and irrational components such as difference in cultural values; rethinking the meaning of some historical events and personalities; attitude to foreign culture, another religion, alternative point of view; willing or refusing to collaborate with various representatives of world community for gaining common goals aimed on creating new equal abilities and conducting constructive democratic dialogue among them. Nowadays we can witness arousing of a new wave of political mythology and expanding worldwide political and philosophical rhetoric around rational (a product of modern age) and irrational (post-modern) components of sophisticated political process of transformation of the Middle Eastern political regimes.

The Jasmine revolution in Tunisia, riots in Egypt, arousing new wave of hostility in Sudan and Yemen – all these recent developments are they co-products of polycentric globalization process or achieved goals of new international politics proclaimed by Barak Obama in Cairo International Conference of 2009? We can not give simple answers to these difficult questions without analyzing them on its global, interstate, society and individual levels.

Ehsan Shavarebi Moghaddam
(Tehran, Iran)
Sasanian Reliefs in Fars

There are 28 reliefs from Sasanian era in Fars region in south of Iran, have been carved in 10 different historical sites such as Dārāb, Naqsh-i Rostam, Naqsh-i Rajab, Guyom, Barm-i Delak, Sarāb-i Bahrām, Tang-i Chogān, Tang-i Qandil, Sar-Mashhad, and Firuz-Ābād. These reliefs belong to seven of the first Sasanian emperors including Ardashir I, Shāhpur I, Bahrām I, Bahrām II, Narse, Hormozd II, and Shāhpur II. They depict several important events of that time such as emperors' coronations, battles, triumphs, kings' hunts and royal assemblies.

A book entitled «Sasanian Reliefs in Fars» written by the author, which is under publishing process, fully discusses the aforementioned reliefs and many of ambiguities concerning them. There are several supplementary chapters, after the main chapters of the book, about the other remnant petroglyphs from Sasanian epoch viz. Salmās relief, lithic ossuary of Bishāpur, lithic blocks of Roman Palace of Bishāpur, and engraved scar of Dārāb. Furthermore, the costumes of Sasanian kings have been surveyed according to reliefs and historical written sources from Islamic period, in an annex chapter. In the conclusions of the research, these reliefs have been categorized into several groups from historical, subjective, and artistic points of view. There are many illustrations in the end of the book, a few of which are old researchers' paintings, however, most of them are photographs taken by the author himself in two journeys to Fars region in March and September 2009. Numerous sources/references of several languages such as Persian, English, German, Russian, French, and Belgian have been cited within the book.

In this scientific effort, Sasanian relieves have been utilized as some historical unwritten, but reliable, sources for study and research on Sasanian history. In some cases, these relieves represent some significant events which have not been recorded by historians. Therefore, these ancient monuments are of extensive importance when have been regarded as historical sources.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АРАБСКИХ СТРАН SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF ARAB COUNTRIES..... 5

<i>А.И. Абалян. Пограничный диспут как источник ирако-кувейтских противоречий.....</i>	<i>5</i>
<i>И.Л. Алексеев. Возвращение истории: концепция Ибн Халдуна в трудах Азиза ал-Азме и Роберта Шимона.....</i>	<i>6</i>
<i>Несрин Алескерова. Описание рукописей представителей средневекового суфийского братства халватийа</i>	<i>7</i>
<i>А.А. Арутюнян. О китайско-египетских отношениях.....</i>	<i>9</i>
<i>В.В. Беляков. Русская эмиграция в Египте: источники и историография</i>	<i>10</i>
<i>Н.А. Беркович. Палестино-израильский конфликт: востребованность новой историографии.....</i>	<i>11</i>
<i>С.Н. Бизюков. Концепция аброгации (наسخ): содержание, формы и значение в исламском праве</i>	<i>12</i>
<i>Юлия Болдина. Андалусское наследие Туниса: Этнокультурная идентичность потомков морисков</i>	<i>14</i>
<i>Р.М. Валеев. Российское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – начала XX вв.).....</i>	<i>16</i>
<i>О.В. Васильева. Восточные манускрипты собрания генерала П. К. Сухтелена в Петербургском университете</i>	<i>17</i>
<i>И.В. Герасимов. Напитки для увеселения в Судане (по материалам книги суданского автора Ибн Дайфаллаха «Табакат»)</i>	<i>19</i>
<i>Н.Н. Дьяков. Шазилия в Александрии</i>	<i>20</i>
<i>Н.А. Жерлицына. Русские научные экспедиции по Тунису в конце XIX – начале XX вв.</i>	<i>22</i>
<i>Е.И. Зеленев. Арабская политическая культура: смута как форма политической борьбы.....</i>	<i>23</i>
<i>М.Ю. Илюшина. Тибак каирской цитадели в описании аль-Макризи.....</i>	<i>25</i>
<i>В.И. Кункова. Торговые отношения Аббасидов со странами Индийского океана.....</i>	<i>26</i>
<i>А.В. Моисеева. К вопросу об истории кино- и фотодокументов из Йемена.....</i>	<i>27</i>
<i>Всеволод Попов. Новые молодежные арабские бунты</i>	<i>28</i>

<i>Г.З. Пумпян. Повседневная жизнь Сирии и Палестины в изданиях ИИПО, 1881–1917 гг.</i>	31
<i>Д.А. Радивилов. Государство ибадитов в Омане (793/794–893) по сведениям Халида б. Кахтана</i>	32
<i>Т.М. Сипенкова. Несколько набросков к курсу «Россия и Восток»</i>	33
<i>С.С. Фаязова. Религия как фактор духовной деколонизации</i>	33
<i>О.Б. Фролова. Арабский ученый ‘Абд ар-Рахим ал-‘Атāви об И.Ю. Крачковском</i>	34
<i>О.Б. Фролова. Новые взгляды арабского ученого Лутфи Мансура на факты истории арабов</i>	35
<i>Е.Н. Фурсова. О проблемах историографии национальной истории Ливии</i>	35
<i>О.М. Ястребова. О датировке рукописей из коллекции шейха Мухаммада ‘Аййада ат-Тантави</i>	37
<i>Isabella Camera d’Afflitto. Translating Arabic Literature in Italy: Thirty Years of Editorial Battles</i>	40
<i>Roswitha Badry. Iraqi historiography in the 20th century: Remarks on the contribution of ‘Abbās al-‘Azzāwī (d. 1971)</i>	41
<i>Victor V. Kurlyandskiy. Earth’s surface as a historical source</i>	42
<i>Khalidia Madhoui. The reign of the Numidian King Massinissa (238-148 BC) through the literary sources and archeology: A critical view</i>	43
<i>Alexander Matveev. Electronic publication of Mss. collection of Sheikh al-Tantawi (1810-1861) in the Library of FAAS in St.Petersburg</i>	43
<i>Ahmed Renima. The pre-colonial Maghreb in the French historiography</i>	45
<i>Paola Viviani. Convergences and/or divergences between the European Grand Tour and the Arabic riḥlah</i>	46
СЕКЦИЯ 2. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АФГАНИСТАНА И ИРАНА / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF IRAN AND AFGHANISTAN	47
<i>Шахла Абдуллаева, Мохсун Нагисойлу. «Сафват ас-сафа» как источник о жизни и деятельности Шейха Сафи ад-дина Ардабили, основателя ордена Сефевийе</i>	47
<i>Н.В. Алферова. Проявление личностных и коллективных динамических стереотипов в иранской портретной живописи 2-й пол. XIX в.</i>	48
<i>И.В. Базиленко. Шиитская концепция верховной власти в труде Ж.Шардена (1643–1713) «Путешествия в Персию и другие страны</i>	

Востока»	49
<i>П.В. Башарин. Пиктографические изображения в традиции мусульманского мистицизма на материале «Китаб ат-тавасин» ал-Халладжа: проблема истолкования</i>	50
<i>В.С. Бойко. Пионеры американской афганистики: Ричард Фрай</i>	51
<i>Н.Е.Васильева. Из истории изучения древнеиранских памятников архитектуры и скульптуры</i>	52
<i>Н.Р.Гезалова. Современная англоязычная историография по истории Азербайджана и Ирана XVIII – начала XIX вв.</i>	53
<i>С.Е. Григорьев. Святые Ислама в Афганистане: афганские исторические сочинения о хирке (плаще) пророка Мухаммада</i>	54
<i>Георгий Даушвили. К реконструкции средневековой доисламской культуры долины Кабула</i>	56
<i>Феруза Джуманиязова. Заметки о времени возникновения династии Тегин-шахов Кабула</i>	58
<i>Н.В. Казурова. Новый иранский кинематограф как источник для изучения этнокультурной традиции и общественно-политической мысли</i>	59
<i>Рена Мамедова. «Шахнаме-и Надири» как источник по военной истории Надир-шаха Афшара</i>	60
<i>Ф.И. Мелвилл. Странствующая иконография странствующих сюжетов: классическая <i>femme fatale</i>, злокозненная мачеха или мистическая возлюбленная?</i>	61
<i>Намик Мусалы. О малоизвестной рукописи по истории шаха Исмаила I «Мюршид-наме»</i>	62
<i>А.К. Нефедкин. Битва при Гавгамелах (331 г. до н. э.) в историографии XIX-XX вв.</i>	63
<i>М.С. Пелевин. Новый иранский закон «О защите семьи»: преемственность и новизна в шиитском праве</i>	64
<i>Е.П. Писчурникова. Образы неписанного афганского кодекса чести «паштунвали» в классической и современной афганской поэзии на пашто</i>	65
<i>Ю.Н. Тихонов. Документы «Индийской референтуры» АВП РФ о первых шагах советской дипломатии в Афганистане в 1919–1921 гг.</i>	66
<i>Н.А. Филин. Отечественная историография исламской революции в Иране 1978–1979 гг.</i>	67
<i>Алибейли Шафак. Тюркско-персидско-русский стихотворный словарь</i>	

(1847 г.) «Таджриду-л-лугат» Али Бадкуби	68
Zohreh Baseri. The Qur'anic inscriptions on the Arab-Sassanian coins	68
Mohsen Qaeimtaqamy. On Discovery of an Achaemenian Inscription	70
СЕКЦИЯ 3. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE OTTOMAN EMPIRE AND THE REPUBLIC OF TURKEY	71
Ю.А. Аверьянов. Жизнеописания суфиев-бекташи (менакиб-наме) как источник по истории княжеств-бейликов Малой Азии.....	71
Л.А. Герд. Правовой статус русских монахов на Афоне в XIX – начале XX вв.	72
А.В. Жевелева. Роман Митхата Джемаля Кунтая «Три Стамбула»: новый источник в отечественной туркологии.....	73
К.А. Жуков, О.Л. Фетисенко. «Записки русского путешественника в Малой Азии»: архивные материалы М.П. Вронченко в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН	74
К.А. Жуков. Идентификация Терентьева: рассуждения о судьбах славянства и Турции в 1867 и 1876 гг.....	76
И.В. Зайцев. Османские документы по истории Аджарии во Владикавказе.....	79
Д.В. Калманович. Фетвы Абу Су'уда-эфенди как источник семейного права в Османской империи XVI в.....	80
Д.А. Коркмасова. Газета «Стамбульские новости» как источник по истории Турции начала XX в.....	81
О.М. Курникова. Первые географические описания Крымского полуострова после присоединения Крыма к России в 1783 г.: Судовой журнал капитана 2-го ранга И.М. Берсенева (материалы РГА ВМФ).....	82
Шаин Мустафаев. Османские архивные документы по истории центральноазиатских ханств XVIII–XIX вв.....	83
С.Ф. Орешкова, П.А. Толстой о государственном перевороте 1703 г. в Османской империи и некоторые рассуждения о значении этого события.....	84
А.О. Победоносцева. Русско-курдские отношения в документах Османского архива при Кабинете премьер-министра (Стамбул)	85
Р.Ю. Почекаев. Русские посольские книги как источник по праву внешних сношений Крымского ханства.....	85

Г.А. Серкина. Изникская керамика как образец дворцового изобразительного искусства Османской империи.....	86
Н.И. Черниченкина. Принципы европейской кадровой политики в Османской империи в конце XIX в. (на примере ежегодных отчетов АОПД)	87
Георгий Чочиев. Черкесская газета в Стамбуле: «Гуазэ» (1911–1914).....	88
В.И. Шеремет. Особые совещания по Восточному вопросу как источник по истории русско-турецких отношений в конце XVIII – начале XX вв.	89
П.В. Шлыков. Вакфы в Турции во второй половине XX – начале XXI вв.: в поисках компромисса между традицией и новацией	90
Refik Korkusuz. The Significance of New Constitution Changing in Turkey	91
СЕКЦИЯ 4. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗА / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CAUCASUS 93	
Эльнур Агаев. Общий взгляд на талышские первоисточники и историографию	93
Д.С. Бугаев. Материалы рукописного отдела Института восточных рукописей к истории грузинской идентичности	94
Нагиф Гамзаев. Интересы Российской империи в Азербайджане в XVIII в.	94
Д.М. Маламагомедов. О формировании арабографической письменной культуры народов Дагестана: авторы XVIII – начала XX вв. и их сочинения.....	95
Г.М. Мирзамагомедов, Н.И. Стоянова. Письменные памятники Дагестана XVIII в. как исторический источник для изучения социальной иерархии дагестанского общества	97
Д.М. Тимохин. Арабо-персидские и армяно-грузинские источники о деятельности хорезмишаха Джалал ад-Дина Манкбурны на Кавказе (1225–1231 гг.).....	99
Г.С. Харатишвили. Грузины-студенты СПбГУ (из рода Церетели)...	100
Ш.Ш. Шихалиев. Арабоязычная суфийская литература Дагестана. .	101
К.В. Юматов. Советская периодическая печать как источник по истории армяно-азербайджанского конфликта в период Перестройки	102
Tork Dalalyan. The Scythians and the Land of Iski(g)ulu	103
Helen Giunashvili. Sassanian Iran and Georgia: Aspects of Historical Relations	104

**СЕКЦИЯ 5. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF
CENTRAL ASIA 106**

- А.К. Алексеев. Тазкира-йи шуйх-и Бухара как источник по народному исламу в Средней Азии 106*
- О.А. Воднева. А.Л. Кун (1840–1888) как историограф и этнограф (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) 107*
- Светлана Горшенина (Réseau Asie – Imasie, CNRS-FMSH, Paris) Как Кульджа стала русской: политические и военные элиты России и теория «естественных границ»..... 108*
- С. В. Дмитриев. Долина Сухого трупа – очерк предварительных археологических и этнологических исследований..... 108*
- Т.С. Жумаганбетов. К вопросу о характере источников по истории Золотой Орды..... 109*
- А.А. Ковалев. Погребения останков солдат в Баян булаг (ханьский Шоусянчэн) как свидетельство жестокой расправы хуннов с пленными китайцами 111*
- С.И. Ковальская. Функционирование исторического знания среди казахов: эволюция форм и этапы развития..... 113*
- С.С. Окилов. Рукописи сочинения Абу-л-Муина Насафи «Бахр ал-калам», хранящиеся в фондах Ташкента 114*
- Е.Е. Озмитель. «Туркестанские епархиальные ведомости» – недооцененный источник по истории культуры русского Туркестана..... 115*
- Неъмат Полванов. Женщины в Хорезмском оазисе: количественный анализ на основе переписи населения 1897 и 1910 гг. 117*
- М.В. Семенова. Коллекция Отани: источники по истории Восточного Туркестана..... 118*
- Л.Р. Скреминская. Центральная Азия в польских исследованиях 118*
- Т.И. Султанов. Известия «Тарих-и Рашиди» о буднях арестантов в средневековой Кашигарии 120*
- У.А. Султонов. Коллекция вакуфных документов по истории Ташкента XIX – начала XX вв. 122*
- Г.И. Халлиева. А.Н. Самойлович и среднеазиатско-тюркская литература XIX в..... 123*
- Афтандил Эркинов. Поэтическая антология на службе политического*

<i>авторитаризма Мухаммад Рахим-хана II (1864–1910) («Маджма‘-йи шу‘ара-йи Фируз-шахи»)</i>	<i>125</i>
<i>Stefanos Kordosis. The Hephthalite kingdom in Central Asia: Society, state and relations with the Byzantine empire</i>	<i>125</i>
<i>Paolo Sartori. The Birth of a Custom: Nomads, Sharia Courts and Established Practices in the Tashkent Province (1868–1919)</i>	<i>126</i>
СЕКЦИЯ 6. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTH-EAST ASIA	127
<i>В.Р. Атнашев. Проблема преследования «красных кхеров» за международные преступления.....</i>	<i>127</i>
<i>К.М. Воздиган. Историография мадхубани: рождение легенды</i>	<i>128</i>
<i>Н.В. Григорьева. К вопросу изучения ранней этнической истории вьетнамцев.....</i>	<i>129</i>
<i>К.А. Демичев. Этапы формирования сикхской государственности в советской историографии</i>	<i>130</i>
<i>Тривисессорн Джираторн. Российско-таиландские отношения на пути развития двустороннего сотрудничества в XXI в.....</i>	<i>131</i>
<i>И.А. Дорохова. История Индии в научной работе кафедры всеобщей истории Петрозаводского госуниверситета в первое десятилетие XXI в.....</i>	<i>132</i>
<i>А.О. Захаров. Коллективное действие на древней Яве по данным эпиграфики.....</i>	<i>133</i>
<i>Е.М. Карлова. К вопросу о судьбах индийских ремесел.....</i>	<i>134</i>
<i>Е.Ю. Кнорозова. Вьетнамские исторические сочинения и китайская традиционная историография</i>	<i>135</i>
<i>Ю.Г. Кокова. Два автора – две Индии.....</i>	<i>136</i>
<i>В.Н. Колотов. Воспоминания российского офицера К.М. Станюковича о командировке в Кохинхину в 1863 г. как источник по французской стратегии колонизации Южного Вьетнама</i>	<i>137</i>
<i>И.Ю. Коти. Мео Мевата. История и историография.....</i>	<i>139</i>
<i>С.А. Маретина, Н.Г. Краснодарская. О значении трудов М.К. Кудрявцева в российской индологии.....</i>	<i>140</i>
<i>Б.Н. Мельниченко. Почему удались реформы в Таиланде в конце XIX – начале XX вв. и почему они «буксуют» в иных условиях</i>	<i>141</i>
<i>О.Н. Меренкова. История бангладешской общины в Великобритании....</i>	<i>142</i>

<i>С.Э. Овчинникова. Экономические предпосылки создания проекта «Великой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания»: интересы Японии в странах Юго-Восточной Азии</i>	143
<i>Е.С. Орно. Рама IV Монгкут: Четыре этапа на пути к трону</i>	144
<i>А.И. Пылева. К истории французско-сиамских отношений: Королевство Сиа́м (Таиланд) глазами французских миссионеров, ученых и путешественников первой половины XIX в.</i>	145
<i>Е.С. Соболева. Новые материалы для изучения индуистской культуры Гоа</i>	146
<i>А.А. Соколов. Русская колония в Кохинхине, 1920–1940-е гг.</i>	147
<i>А.В. Филочкина. Типология древнеиндийского эпоса: основные «женские» мотивы</i>	148
<i>Л.А. Черешнева. «Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power 1942–1947» как источник по истории раздела колониальной Индии</i>	149
<i>B.N. Melnichenko. Studies of History and Ethnography of Thailand in St.Petersburg (Leningrad) in the middle of the 20th – early 21st CC.</i> ..	150
<i>Patit Paban Mishra. A discourse on historiography of India and Southeast Asian Relations: Past and Present</i>	153
СЕКЦИЯ 7. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CHINA	154
<i>Е.С. Баженова. Источники данных о населении Китая: взгляд через столетия</i>	154
<i>Р.М. Валеев, Р.Г. Федорченко. Китаеведение в Казанском университете в первой половине XIX в.: истоки и развитие</i>	155
<i>Т.И. Виноградова. Тип книжного переплета и книжная иллюстрация в Китае</i>	157
<i>Е.Э. Войтишек. Интеллектуальные развлечения в культуре «винных приказов» этносов Восточной Азии</i>	158
<i>В.Ц. Головачев. Вклад востоковедов России в изучение этнической истории Тайваня</i>	159
<i>С.А. Горбунова. Государственная политика в сфере религий в современной историографии КНР</i>	160
<i>Б.Г. Доронин. Китай: историческое прошлое и его интерпретация (некоторые проблемы источниковедения)</i>	161
<i>Г.Б. Дудченко. Российские исследования в Академии общественных наук провинции Цзилинь (КНР)</i>	163

<i>О.В. Залесская. Исследования по истории китайских мигрантов в России в китайской исторической науке (конец XX – начало XXI вв.).....</i>	<i>164</i>
<i>А.Т. Качан. Современная история китайской традиционной медицины (чжун-и).....</i>	<i>166</i>
<i>И.Б. Кейдун. Четыре установления по ношению траура (по материалам конфуцианского трактата «Ли цзи»).....</i>	<i>169</i>
<i>С.А. Комиссаров. Сыма Цянь и археология.....</i>	<i>170</i>
<i>В.А. Корсун. Когнитивный прорыв или китаизация знания?.....</i>	<i>171</i>
<i>А.Лукин. Интервью как источник по истории «культурной революции» в КНР.....</i>	<i>173</i>
<i>В.М. Майоров. Петербургские ксилографы «Мин синь бао цзянь».</i>	<i>174</i>
<i>Ю.С. Мыльникова. Некоторые особенности главы «Жизнеописания знаменитых женщин» в династийных историях Китая.....</i>	<i>175</i>
<i>Саяна Намсараева. О стратегии Цзюньцзичу (Военного Совета цинского периода) по освоению Хулунбуира: история одного «неудачного» проекта.....</i>	<i>176</i>
<i>Павел Николаев. Личность и политика Джавахарлала Неру в оценках руководства КНР (1949–1962).....</i>	<i>177</i>
<i>Б.М. Новиков. Из истории предпринимательства в Китае: традиционные залоговые конторы (китайские ломбарды).....</i>	<i>178</i>
<i>А.В. Островский. К вопросу об основных источниках исследования проблемы рынка рабочей силы в КНР.....</i>	<i>179</i>
<i>Т.А. Пан. Правила проведения шаманских церемоний при императорском дворе династии Цин.....</i>	<i>181</i>
<i>Л.С. Переломов. Конфуцианство в историографии КНР (текст и время).....</i>	<i>182</i>
<i>Ю.Ю. Погудина. Формы и методы получения информации о населении в Китае до 1949 г.....</i>	<i>183</i>
<i>В.Я. Портяков. Внешняя торговля Китайской Народной Республики: основные особенности на современном этапе и вопросы источниковедения.....</i>	<i>184</i>
<i>В. М. Рыбаков. Взаимозависимость субъекта и объекта преступления по уголовным законам династии Тан.....</i>	<i>185</i>
<i>Н.А. Самойлов. КНР и ЕС: социокультурные аспекты взаимоотношений и взаимовосприятия в оценках европейских исследователей.....</i>	<i>187</i>
<i>С.А. Серова. Дифан чжи (Местные хроники) как источник новой культурной парадигмы Китая.....</i>	<i>188</i>

Э.А. Синецкая. Некоторые последствия «культурной революции».....	188
Н.В. Смирнова. Внешняя политика династии Сун в XII в. в университетском курсе «История стран Азии и Африки в Средние века».....	189
Е.О. Старовойтова. Современные китайские авторы о российско- китайских отношениях конца XIX – начала XX вв.....	190
В.Н. Усов. Пересмотр китайскими историками взглядов на этапы истории КНР.....	191
А.Н. Хохлов. Коммерсант А.А. Хомзе – организатор библиотеки в Кяхте и активный деятель Общества востоковедения в С.- Петербурге.....	192
Michael Kordosis. Fu-lin (From=Rome) of Hindokush and A-luo-han.....	194
Federico Masini, Luisa M. Paternicò (University of Rome «Sapienza», Italy) The Choice of Sources for the Compliation of Martino Martini's Sinicae Historiae Decas Prima.....	195
Boris Novikov. On the history of the entrepreneurship in China: traditional loan offices (Chinese pawnshops).....	196
СЕКЦИЯ 8. СЕКЦИЯ ЯПОНОВЕДЕНИЯ: «ЧТЕНИЯ К 120- ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Н.И.КОНРАДА» / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF JAPAN «IN MEMORIAM OF 120th ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN N.I.KONRAD».....	197
А.Д. Бертова. Религиозные практики японского христианского движения «Церковь Духа Иисуса».....	197
Т.М. Гуревич. К истокам увлечения японской культурой в Европе.....	198
А.М. Дулина. Особенности формирования и развития всеяпонского культы Хатиман по материалам «Хатиман гудо:кин».....	199
Л.В.Зенина. Слово об учителях (личные воспоминания о Н.И. Конраде, Н.В. Кюнере и Я.Б. Радуль-Затуловском).....	200
Ю.В. Иванова. Основные направления в творчестве Ариеси Савако.....	201
Н.Х. Исса. История появления бондзи на японских мечах.....	202
А.В. Климов. Описание острова Сахалин исследователем Мацуда Дэндзю:ро:.....	203
В.Ю. Климов. История изучения религиозного движения «икко:-икки» в Японии.....	204
Н.Ф. Клобукова (Голубинская). Аудиодокумент как средство познания и объект изучения: первые европейские и американские записи японской музыки начала XX в.....	206

Ф.В. Кубасов. Приступая к исследованию «Рассуждения о сливе и сосне» (Байсе-рон 梅松論).....	207
Н.Ф. Лещенко. Эпоха Токугава в современной японской историографии	208
М.Н. Малашевская. Концепция истории русско-японских отношений 1956–2002 гг. в книге Того Кадзухико «Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей».....	209
К.Г. Маранджян. «Совершенномудрый из Оми» – жизнь как текст	210
С.И. Марахонова. Личный фонд япониста С.Г. Елисеева в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ. Ф. 16)	211
А.И. Мотрохов. О толковании некоторых «Песен Восточных провинций» поэтической антологии «Манъёсю».....	212
Е.М. Османов. Философия «нохэй» и первые попытки ее практической реализации в XVII – середине XIX столетия	213
В.В. Рыбин. Академик Н.И. Конрад – выдающийся востоковед-дальневосточник (сообщение к 120-летию со дня рождения).....	214
Е.К. Симонова-Гудзенко. История Японии в трудах французских исследователей XX–XXI вв.	215
А.Ю. Сеницын. О ранних японских мечях дзекото: (IV – IX вв.).....	216
М.В.Торопыгина. Трактат Камо-но Темэй (1154–1216) «Мумесе» как источник легенд о поэтах	217
А.В. Филиппов. Идеалы политики в середине эпохи Эдо: личность и судьба Мацудайра Саданобу.....	218
В.В. Щепкин. О восприятии концепции «Китай – варвары» в Японии.....	220
СЕКЦИЯ 9. СЕКЦИЯ КОРЕЕВЕДЕНИЯ «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ М.И. НИКИТИНОЙ» / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF KOREA «IN MEMORIAM OF M.I. NIKITINA»	221
В.С. Акуленко. Отражение националистической идеологии в работах южнокорейских историков по проблемам этногенеза корейцев ..	221
Д.Л. Бродянский. Марианна Ивановна Никитина и дальневосточная археология	222
С.Ю. Вradiй. Первое корейское описание России конца XIX столетия	222
Н.Л. Ким. Понятие «Жизнь» в корейской культуре.....	224
Л.И. Киреева. Корея – Сибирь: некоторые культурные параллели.....	224
Ю.В. Москаленко. Романтическая лирика поэта Чхон Санбена.....	225

<i>И.А. Мусинова. Современная корейская историография внешней политики России в Корее в конце XIX – начале XX вв. (основные тенденции)</i>	225
<i>Л.А. Писарева. Архетипы воды, огня, очага в поэзии Пэк Сок</i>	227
<i>О.В. Полякова, Е.А. Похолкова. Логико-семиотическая структура корейской загадки</i>	228
<i>Т.М. Симбирцева, С. Леошко. А.И. Середин-Сабатин (1860–1921) – «архитектор Его Величества короля Кореи»</i>	229
<i>Наталья Степанова. Японские СМИ о преемнике Ким Чен Ира</i>	229
<i>О.А. Трофименко. Концепт «красный цвет» в современном корейском языке</i>	230
<i>Anastasia A. Guryeva. «Life of a Book» during Japanese Colonial Period (1910–1945)</i>	230
СЕКЦИЯ 10. МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, БУДДОЛОГИЯ, ТИБЕТОЛОГИЯ / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHOLOGY	232
<i>К.В. Алексеев. С. Шагжа (1886–1938) и его перевод жизнеописания Гампопы (1079–1153)</i>	232
<i>М.В. Аюшеева. Малоизвестная бурятская летопись «Краткая история бурят-монгольского народа»</i>	232
<i>А.А. Базаров. Коллекция тибетской литературы «сумбум» ИМБТ СО РАН</i>	233
<i>А.Д. Гомбожапов. К современным проблемам кочевников-животноводов Монголии</i>	234
<i>П.Л. Гроховский. «Гвоздичный замок» – источник по исторической лексикологии тибетского языка</i>	235
<i>В.Г. Дацыиен. «Карта части Халхамонголии» из фонда Г.И. Спасского Государственного архива Красноярского края</i>	236
<i>Бурнээ Доржсурэн. О монгольском историческом сочинении «Драгоценные четки»</i>	237
<i>Е.В. Иванова. Буддийское собрание Музея антропологии и этнографии РАН</i>	238
<i>Л.В. Курас, Э.А. Николаев. Монголия во Второй мировой войне: современная российско-монгольская историография</i>	239
<i>Д.П. Очирова. Названия мучной пищи в современном монгольском и бурятском языках</i>	240

<i>М.П. Петрова. Модернистская проза Д.Батбаяра</i>	241
<i>А.В. Попов. Цинские официальные документы из монгольской коллекции Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.</i>	242
<i>П.О. Рыкин. Об одном тюркизме в «Тайной истории монголов»: ср.-монг. arar</i>	244
<i>А.А. Сизова. «Литература Пути» в тибетской и монгольской традиции: проблематика жанрового определения</i>	246
<i>Л.Г. Скородумова. Дидактическая традиция в современной монгольской литературе</i>	247
<i>Т.Д. Скрынникова. Обок в социальной структуре Монгольского улуса</i> ...	248
<i>М.О. Смирнова. Особенности тибетской лингвистической традиции</i> ...	249
<i>Екатерина Собковьяк. Сравнительный анализ вступительных стихов Пратимокша- и Бхишунипратимокша-сутры по текстам двух редакций монгольского Ганджура</i>	250
<i>М.А. Солощева. Значение событий 1720 года в истории китайско-тибетских отношений</i>	251
<i>А.А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы</i>	252
<i>В.Л. Успенский. Последний маньчжурский наместник в Урге</i>	253
<i>Мунхцэцэг Энхбат. Интересный памятник маньчжурского письма из собрания Государственной публичной библиотеки МАН</i>	254
<i>Т.И. Юсупова. Новые материалы по истории буддийских монастырей в Монголии</i>	254
<i>Н.В. Ямпольская. О двух монгольских переводах сутры Аштасахасрика Праджняпарамита</i>	256
<i>Н.С.Яхонтова. Эпитеты будд в тибетских лексиконах</i>	257
<i>Karénina Kollmar-Paulenz faculty of humanities, University of Berne, Switzerland dGe lugs pa supremacy in 16th/17th century Mongolia reconsidered</i>	258
<i>Krisztina Teleki. Sources on the history of the Mongolian monastic capital city</i>	259
СЕКЦИЯ 11. СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д.А.ОЛЬДЕРОГГЕ» / SESSION OF AFRICAN STUDIES «IN MEMORIAM OF D.A.OLDEROGGE»	260
<i>Татьяна Аникина. К проблеме корреляции значений именных классов и деривативных суффиксов (на материале языка суахили)</i>	260

<i>К.В. Бабаев. Происхождение категории ключивности в нигеро-конголезских языках.....</i>	<i>261</i>
<i>В.В. Бочаров. Культурно-психологические истоки коррупции на Востоке.....</i>	<i>262</i>
<i>М.С. Буллах. Личный показатель *IV- в глагольных парадигмах эфиосемитских языков</i>	<i>263</i>
<i>Ю.Н. Винокуров. «Политические уроки», «Манифест» и «Завещание» П. Мулеле, Т. Бенгелы и Т. Муквиди как источники по современной истории Демократической Республики Конго</i>	<i>264</i>
<i>И.В. Вихриева. Фольклор в контексте сюжетов детской литературы (Зимбабве)</i>	<i>265</i>
<i>Е.С. Власенкова. Религиозная система йоруба как отражение традиционной и современной властно-управленческой модели</i>	<i>266</i>
<i>А.В. Воеводский. Отражение истории народов Южной Африки в романе С. Плааки «Мхуди».....</i>	<i>267</i>
<i>В.Ф. Выдрин. Эвиденциальность в бамана</i>	<i>268</i>
<i>Александра Выдрина (Филологический ф-т СПбГУ) Видо-временные показатели в языке какабе</i>	<i>269</i>
<i>Т.М. Гавристова. Уче Океке и улизм: истоки модернизма в Африке.....</i>	<i>270</i>
<i>А.С. Гриб. Типология африканских коранических досок из коллекции музея Бранли (Париж)</i>	<i>272</i>
<i>В.В. Грибанова. Проблемы развития ЮАР в 80-е гг. XX в.: от реформирования апартеида к победе АНК.....</i>	<i>273</i>
<i>Н.В. Громова. Особенности языка суахили в Конго.....</i>	<i>274</i>
<i>А.Б. Давидсон. Репрессированная африканистика.....</i>	<i>275</i>
<i>А.В. Давыдов. О стиле перевода Корана на язык манинка</i>	<i>276</i>
<i>Д.В. Елагина. Отражение эфиопской легенды о змее и голубке в символике печати Мэшиша Уорке</i>	<i>276</i>
<i>А.Л. Емельянов. «Дневник» премьер-министра Райнилайаривуни – неопубликованный источник по истории Малагасийского государства второй половины XIX в.</i>	<i>277</i>
<i>А.Ю. Желтов. Понятие местоименно-предикативного показателя и бинарный принцип классификации грамматических явлений</i>	<i>279</i>
<i>О.Ю. Завьялова. Традиционные механизмы регуляции внутрисоциальных и межсоциальных конфликтов в социумах манден (Мали, Гвинея).....</i>	<i>280</i>

<i>А.С. Зданевич. Меморандум Я.А.Э. де Миста как образец реформирования политико-административной и социально-экономической систем Капской колонии в начале XIX в.....</i>	281
<i>А.И. Коваль, М.А. Косогорова. К принципам морфоглоссирования текстов пулар: проблемные вопросы.....</i>	282
<i>Мария Коношенко. Контекстные тональные изменения и синтаксическая структура высказывания в языке кпелле.....</i>	283
<i>М.А. Косогорова. К проблеме глоссирования имен существительных в языке фула.....</i>	283
<i>М.С. Курбак, Дж.М. Кутзее и цензура ЮАР (по материалам южноафриканских архивов).....</i>	285
<i>Александра Лумпет-Голицина. Новые соображения по поводу письменности бамун (Западный Камерун).....</i>	286
<i>А.Д. Луцков, Н.В.Макеева. Вспомогательные глаголы в языке зулу.....</i>	286
<i>Э.С. Львова. Африканистика на XVI международном конгрессе антропологических и этнологических наук (27–31 июня 2009 г., Кунминь, Китай).....</i>	287
<i>А.В. Ляхович. Современная литература на языке хауса: успехи и перспективы.....</i>	288
<i>Н.В. Макеева. Стратегии релятивизации в языке кла-дан.....</i>	289
<i>А.В. Мильто. Феминизация образа Сомали в творчестве Н. Фары.....</i>	290
<i>Д.Ф. Мищенко. Материалы к реконструкции тональной системы пра-ЮЗМ.....</i>	291
<i>З.В. Мокрушина. Писатель в истории Нигерии: свидетель, участник, исследователь.....</i>	291
<i>Е.В. Морозенская. Российско-эфиопское экономическое сотрудничество: трудности и перспективы.....</i>	293
<i>Елена Перехвальская. Номинализация в языке муан.....</i>	294
<i>К.И. Поздняков. Изолированные корни как системный источник для изучения дальнего родства языков.....</i>	296
<i>В.А. Попов. Кем был Д.А.Ольдерогге: лингвистом, этнографом, историком? (К вопросу о научной идентификации).....</i>	298
<i>В.Я. Порхомовский. О стратегиях перевода канонических текстов в младописьменном языке.....</i>	300
<i>Ю.В. Пригорицкая. Издания из фонда Карла Бэра Библиотеки РАН в изучении истории африканистики и подготовке каталога «Африка в фондах БАН».....</i>	301

<i>Ф.И. Рожанский. О возможности использования редупликации в качестве параметра генетической классификации</i>	302
<i>И.С. Рябова. О числительных в языке дабида</i>	303
<i>А.Д. Саватеев. Ал-Хадж Омар и его время</i>	304
<i>Н.В. Сепелева. Роль ООН в решении гуманитарных проблем Района Великих Озер</i>	305
<i>Г.М.Сидорова. Геополитическое наследие колониализма и конфликты в Африке (на примере ДР Конго)</i>	306
<i>Т.А. Соколова. Маска <i>lâñtî</i> (ньяму) у народов Лесной Гвинеи – бытование, функции, стилистические особенности</i>	307
<i>К.В. Столяров. Битва за Киниасу – поворотный момент Войны в Демократической Республике Конго 1998–2003 гг.</i>	307
<i>Ю.Г. Суетина. Пресса на языке хауса</i>	308
<i>И.Н. Топорова. Роль и характер лексических соответствий при определении степени близости диалектов нгомбе</i>	309
<i>М.Р. Урб. Основные пути формирования заимствованной лексики в языке венда</i>	310
<i>М.Л. Федотов. Чередование начальных согласных в языках самог’о</i>	311
<i>В.Р. Филиппов. Терминологический континуум в трудах Д. Ольдерогге</i>	313
<i>М.Л. Хачатурьян. Выражение множественного числа в южных языках манде в типологической перспективе</i>	314
<i>А.Б. Шлуинский. Битранзитивные глаголы в языках ква: опыт предварительной внутригенетической типологии</i>	316
<i>Herman Bell. An Assessment of Revitalization Strategies for Nubian Languages and Culture</i>	317
<i>Olga Ivanova. Coordinated Use of Reported Speech and Directives for Conveying of Social Normativity in Swahili Discourse</i>	319
АРХАИКА КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ СИНКРЕТИЗМ (ПАМЯТИ В.Р.АРСЕНЬЕВА)	321
<i>М.Ф. Альбедиль. Мифологическое в современной культуре</i>	321
<i>Н.А. Добронравин. Издание африканских и афро-американских рукописей аджами: проблемы методологии</i>	322
<i>В.В. Иванова. «Спелое яблоко» (идеалы пантюркизма и</i>	

идентификационный синкретизм).....	323
<i>А.Ю. Москвитина. Синкретизм идентичности исследователя в трудах В.Р. Арсеньева</i>	324
<i>В.Н. Семенова. Туристическая картина в Эфиопии как способ идентификации традиционной культуры</i>	325
<i>Х.М. Турьинская. К атрибуции этнографических предметов из камерунского собрания МАЭ РАН</i>	326
<i>Е.Н. Успенская. Кастовый строй индийского общества: вневременная архаика</i>	327
<i>С.А. Французов. Надпись императора Эфиопии Иоанна IV в Иерусалиме</i>	328
<i>Christine Allison. 'Archaic' traditions in a Middle Eastern context: the reception of folklore in contemporary Kurdish society</i>	329
СЕКЦИЯ 12. СЕКЦИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА / SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT EAST	331
<i>А.А. Амбарцумян. Древнеиранская легенда о Зариадре и Одатиде как иллюстрация обряда инициации</i>	331
<i>Е.В. Белов. Источники и историография о персидском царе Дарии III</i>	332
<i>В.В. Емельянов. Нинурта как бог Вселенной в среднеассирийском гимне из Аишшура</i>	333
<i>Р.Р. Ибрагимов. Погребальная пластика как источник по истории Древнего Китая</i>	334
<i>И.Н.Коровчинский. Происхождение архитектуры «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум</i>	335
<i>А.А. Немировский. К вопросу о происхождении «надписи Лугальаннемунду»: историко-географический аспект</i>	336
<i>М.А. Редина. Ниппурский архив и его роль в изучении Касситского периода истории Вавилонии (1595–1157 гг. до н. э.)</i>	336
<i>М.В. Солозубова. Особенности датировки глиптики из касситской Вавилонии и Элама (XV–XIII вв. до н. э.)</i>	337
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЕГИПТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ. ПАМЯТИ Е.С. БОГОСЛОВСКОГО: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ. 339	
<i>В.А. Большаков. Символика и эволюция головных уборов царственных женщин (с Древнего по Новое царство)</i>	339
<i>А.Е. Демидчик. Царь Мерикара Хети и недавние открытия в Асьюте</i>	340

Н.В. Лаврентьева. Папирусы «Книги Ам-Дуат» в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина: папирус Хатис-Меху и папирус Па-ди-Исет..... 341

**СЕКЦИЯ 13. ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ – ПРОШЛОЕ И
СОВРЕМЕННОСТЬ / LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA – PAST
AND PRESENT 343**

И.Ш. Абилов. Талышский язык – прошлое и современность 343

Б.С. Авезова. Фразеологизмы таджикского, английского, русского и хинди языков в аспекте лингвострановедения 344

М.А. Азаркина, Яфия Юсиф Джамиль. Рукописи, посвященные падежным флексиям и глагольным наклонениям арабского языка 345

О.А. Берникова. Арабский язык как инструмент обеспечения информационных систем: машинный перевод 346

Т.Н. Бескровная. Синонимичные устойчивые грамматические конструкции (УГК) в современном японском языке 347

Д.Х. Гаджиева. К вопросу о востребованности сочинения ал-Джами «ал-Фава'id ад-дийа'ийа» в Дагестане 349

И.А. Газиева. О межъязыковых трансформациях при переводе (на примере языка хинди) 350

А.Н. Гордей. Обучение китайскому языку в новой научной парадигме (на примере числовых знаков) 351

Н.В. Гурьян. О соотношении «знак – слово» в словнике «Эръя» 354

И.Н. Дрига. Тюркские переводы молитвы «Отче наш» в Причерноморье 355

М.Э. Дубровина. О термине причастие в тюркских языках (на примере якутского языка) 357

Л.С. Ермолаева. Новая научная парадигма в картвелистике шестидесятых годов прошлого столетия и ее дальнейшее развитие 359

Е.К. Иванова. К вопросу об истории формирования языковой нормы в персидском языке 360

В.Б. Касевич. Буддийские схоласты и современные теории речевых актов 360

Антон Киселев. Книга Гиваргиса Агасси как источник по современной ассирийской лексикологии 362

С.Г. Крамарова. Об истории балийского языка 362

Н.В. Кутафьева. Соотношение грамматической категории числа и системы классификаторов в языках Юго-Восточной Азии 364

<i>А.А. Мокрушина. Понятие ḥaḡāt в арабской культуре и его сопоставление с концептами русской культуры</i>	365
<i>Е.В. Панина. Объекты животного и растительного мира в санскрите: метафоризация и принципы наименования</i>	366
<i>О.И. Редькин. Классическая школа востоковедения и цифровые технологии – новые возможности</i>	367
<i>М.В. Станюкович. Проблемы языковой интерференции в алиме, ритуальном жанре фольклора ифугао (Филиппины)</i>	368
<i>О.А. Трофименко. Развитие системы наклонений в корейском языке</i>	369
<i>Л.М. Ульмезова. Сослагательное наклонение в карачаево-балкарском языке</i>	370
<i>Л.Л. Федорова. Письменности Индии – от истоков к современности</i>	371
<i>Р.А. Янсон. О структуре слога в древнебирманском языке</i>	372
СЕКЦИЯ 14. ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС / LITERATURE OF ASIA AND AFRICA IN THE DEVELOPMENT OF WORLD LITERATURE	375
<i>И.Ш. Абилов. Литература непредставленных народов в мировом литературном процессе (на примере тальшиского народа)</i>	375
<i>Т.А. Аникеева. Поэтическая составляющая текста турецкой городской повести</i>	376
<i>Л.И. Горская, Н.М. Баженова. Гравюра в издании «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» как отражение политического диалога Востока и Запада</i>	377
<i>Н.М. Баженова. Восточная литература как предмет собирательства российских библиофилов в первой половине XVIII в.</i>	378
<i>Л.А. Боридько. «Третье измерение» в непальской поэзии</i>	379
<i>Т.И. Бреславец. Источник сюжетов в творчестве японской писательницы Уно Тие</i>	379
<i>И.С. Гуревич. Сравнение языка памятников с одинаковым сюжетом, принадлежащих разным жанрам и разным эпохам (пинхуа и роман)</i>	380
<i>А.А. Евтушенко. «Повесть о принце Гэндзи» в женских образовательных текстах эпохи Эдо: переход литературного произведения в разряд набора символов</i>	381
<i>Мухлиса Зиявутдинова. О рукописи сочинения Абу Хафса ан-Насафи по теории аруда</i>	383

<i>Ш.Б. Ибрахимова. Из истории переводов современной узбекской литературы в Турции (исторические романы Адыля Якубова «Сокровищница Улугбека» и «Древний мир»)</i>	384
<i>Полина Исакова. Элементы влияния западноевропейской литературы на творчество Ямамото Юдзо</i>	385
<i>Д.И.Маяцкий. О сюжетно-композиционном построении произведения «Пипа цзи» китайского драматурга Гао Цзэчэна (XIV в.)</i>	386
<i>О.Н. Меренкова. Социализация бангладешцев в Великобритании (на примере романа М. Али «Брик Лейн»)</i>	387
<i>Вюсала Мусалы. «Мешаир аш-Шуара» как источник по истории классической азербайджанской литературы</i>	388
<i>У.У. Мухибова. Кашмирская суфийская поэтесса Лаллешвари</i>	389
<i>А.В. Образцов, А.С. Сулейманова. Турецкий модернизм: универсальное и частное</i>	390
<i>А.И. Пылев. О наиболее ранних свидетельствах поэтического творчества Ходжи Ахмада Йасави (к вопросу об авторстве «Диван-и хикмат»)</i>	392
<i>Е.В. Романова. Роман «Воинство радуги» индонезийского писателя Андреа Хираты</i>	393
<i>Н.М. Саидова. Развитие романа в литературе Саудовской Аравии ...</i>	395
<i>К.Г. Санина. Характерные черты раннего творчества Идзуми Кека (1873–1939)</i>	396
<i>Л.В. Стеженская. Анализ заглавия трактата Лю Се «Вэнь синь дяо лун» (V–VI вв.)</i>	397
<i>М.Н. Суворов. Специфика ускоренного развития литератур стран Аравии</i>	398
<i>Р.У. Ходжаева. «Касыдат ал-бурда» аль-Бусири как литературный памятник XIII в.</i>	399
<i>Л.Ю. Хронопуло. Короткий рассказ в творчестве современного японского писателя Акагава Дзиро</i>	400
<i>Г.Э. Хужаева. Художественное толкование личности Усмана Газихана в творчестве Тарика Бугра</i>	401
<i>Д.Д. Шур. Махмуд Доулатабади и его современники: сходство и различие мировоззрений</i>	402
<i>Chaman Lal. Literature of Asia and Africa in Development of World Literature</i>	402

СЕКЦИЯ 15. ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА И	
АФРИКАНИСТА	404
YOUNG SCHOLARS' SECTION	404
<i>Айдан Аббасова. Азербайджанский ковер.....</i>	<i>404</i>
<i>А.И. Абидина. Обзор современной прозы Эфиопии: авторы, темы, тенденции.....</i>	<i>405</i>
<i>Д.В. Абилов. Замечания по поэтике талышских «махне».....</i>	<i>406</i>
<i>П.В. Беляев. Движение Саттар-хана в начале XX в.</i>	<i>407</i>
<i>Юлия Белякова. Правовое регулирование въездного туризма и туристического бизнеса в КНР.....</i>	<i>408</i>
<i>Е.В. Блинова. Африканцы в Великобритании (постановка проблемы).....</i>	<i>409</i>
<i>Тимофей Боков. К вопросу об уровне знаний о России в арабском мире: опыт анализа арабоязычной Википедии.....</i>	<i>411</i>
<i>А.С.Борисова. Перевод Книги Псалтирь на японский язык: сложности преодоления культурных различий и сопротивления языка</i>	<i>412</i>
<i>И.В. Бухтияров. Взгляд Бутроса Бутроса Гали на причины исторического визита президента Египта Анвара Садата в Израиль</i>	<i>413</i>
<i>В.В. Васильев. Египетский роман в конце XX – начале XXI вв.</i>	<i>414</i>
<i>Ярослав Герасимов. Внутриполитический кризис в Саудовской Аравии 1979 г.: роль в нем фактора присутствия иностранной рабочей силы (ИРС)</i>	<i>415</i>
<i>Д.Г. Даушвили. О предпосылках усиления Ирана в борьбе за северные нефтяные месторождения (1907–1941)</i>	<i>417</i>
<i>Я.В. Евсюков. Статистические данные как исторический источник (на примере изучения истории нефтяной промышленности Азербайджана).....</i>	<i>418</i>
<i>В.И. Зимин. Иранский панисламизм: прагматическая концепция или политическая утопия?</i>	<i>419</i>
<i>А.А. Злобин. Становление арабской и индийской общин на островах Занзибар и Пемба в период германской колонизации Восточной Африки (1861–1914).....</i>	<i>420</i>
<i>Екатерина Коростелева, Сельчук Нас (Университет девятого сентября, Измир) Качественное исследование относительно проблем в русско-турецких смешанных браках.....</i>	<i>421</i>
<i>А.В. Кочнев. Тимур: краткий обзор источников.....</i>	<i>422</i>

<i>А.С. Крамскова. Аспекты рассмотрения письма в тибетской лингвистической традиции</i>	424
<i>Ксус Гейс. Иордания и российско-иорданские отношения</i>	425
<i>М.А. Кудинова. Данные письменных источников о ритуальном использовании собак в Древнем Китае</i>	426
<i>Владимир Кудояров. Импорт золота и серебра в Японию при Танума Окицугу (1719–1788)</i>	427
<i>Сельма Латерем. Эволюция традиционного искусства Тропической Африки</i>	428
<i>Р.Н. Лобов. Традиционные корни корейско-японских противоречий</i> ...	430
<i>Денис Лопатин. Сотрудничество России и Китая в атомной энергетике</i>	430
<i>Е.В. Ляхович. Общие темы в бирманских, китайских и русских пословицах</i>	432
<i>А.О. Манькова. Предметный мир Японии в поэзии В. Брюсова</i>	433
<i>П.В. Мартынов (ИАЭ СО РАН; НГУ, Новосибирск) Основные этапы истории изучения каменного века Тибетского нагорья</i>	435
<i>Б.Л. Митруев. Лексикографические источники для изучения шаншунгского языка</i>	436
<i>Н.Н. Михайлова. Газета на тибетском языке «Юлчог сосой саргьюр мелонг» – источник по истории Тибета</i>	437
<i>Ф.А. Никитин. Сведения «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха, касающиеся похода Мухаммада Шейбани на Хорезм. Тезисы доклада</i>	438
<i>Я.А. Никитина. Виды и происхождение ароматического сырья и благовоний в Японии</i>	439
<i>Дарья Плохова. «Дети второго сорта» (к вопросу о положении чернокожих немцев в послевоенной Германии)</i>	440
<i>Анастасия Степанова. Возникновение независимого Рифского государства и борьба империалистических держав за контроль над Марокко</i>	441
<i>Вадим Тихомиров. Денежное обращение в религиозных представлениях</i>	443
<i>Ю.А. Тришина. Общая направленность французской политики по отношению к учащимся Индокитая в учебных заведениях Франции</i> .	445
<i>Э.М. Халилова. Насер ад-Дин-шах Каджар (1831–1896) – правитель, реформатор и историческая личность</i>	446

<i>Э.Г. Цветков. Россия и Африка: аспекты регионального сотрудничества (постановка проблемы).....</i>	447
<i>А.С. Шарова. Проблемы городов Республики Мали во второй половине XX в.</i>	448
<i>Ю.Д. Шебалдин. Сравнительное изучение теорий о причинах Исламской революции в Иране в 1978–1979</i>	449
<i>А.С. Шмакова. К вопросу о формировании традиционной эстетики и синкретичности искусства стран Дальнего Востока.....</i>	450
<i>Д.П. Шульга. Источники для изучения формирования общности хунну.....</i>	450
<i>К.Ю. Эйдемиллер. Политический Ислам на Северо-Восточном Кавказе в отечественной историографии. История вопроса</i>	452
<i>А.В. Юстус. Анализ китайских источников по истории развития театра кукол в эпоху Южная Сун (1127–1279)</i>	452
<i>М.С. Яковенко. Источники по истории австронезийских народов Тайваня.....</i>	453
<i>Liudmyla Garnyk. Transformation of Political Regimes in Middle Eastern Countries: the Age of Postmodern vs. Modernity.....</i>	455
<i>Ehsan Shavarebi Moghaddam. Sasanian Reliefs in Fars</i>	455

Научное издание

**XXVI INTERNATIONAL CONFERENCE
ON SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY
«MODERNIZATION AND TRADITIONS»**

ABSTRACTS

**XXVI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
«МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИИ»
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ**

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет *А.С. Мамвеев*
Корректор Н.К. Иванова
Обложка Е.В. Владимировой

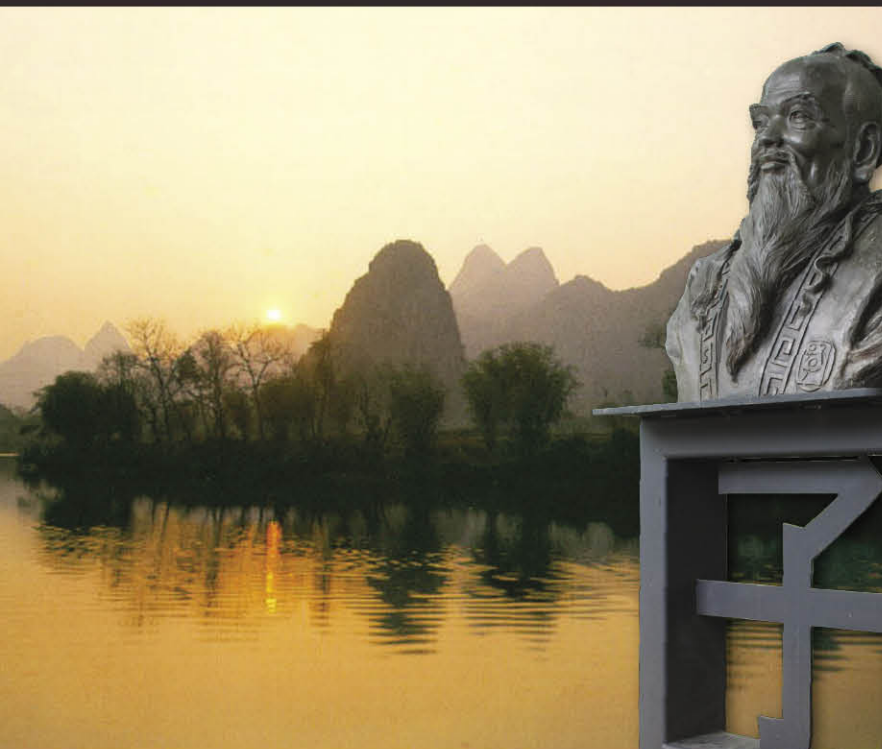
Подписано в печать с авторского оригинал-макета 13.04.2011.
Ф-т 60 x 84/16. Печать офсетная
Усл.печ.л. 28.
Заказ № 546

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75
E-mail: books@rhga.ru
<http://rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Литография»
191119, С.-Петербург, Днепропетровская ул., д. 8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
2011

**XXVI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

2011